СУВОРОВЪ

И

ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ.

СОЧИНЕНІЕ

ФРИДРИХА ФОНЪ-СМИТТА.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ НѢМЕЦКАГО

И ИЗДАНО

ПРИ СОВѢЩАТЕЛЬНОМЪ КОМИТЕТѢ ГЛАВНАГО ШТАБА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Генерал-Штаба Генералъ-Лейтенанта

князя голицына.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СУВОРОВЪ.

Съ одною картою и двумя планами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1866.

Напечатано по распоряженію Совѣщательнаго Комитета Главнаго Штаба.

2007042893

Въ типографіи Эдуарда Веймара.
На Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, д. № 10.

ПРЕДИСЛОВІЕ

РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА.

Совѣщательный Комитетъ Главнаго Штаба, со времени учрежденія своего имѣя въ виду распространеніе въ нашей арміи полезныхъ, оригинальныхъ и переводныхъ, военныхъ сочиненій, положилъ, между прочимъ, издать въ русскомъ переводѣ извѣстное сочиненіе *Фридриха Смитта*: «*Суворовъ и паденіе Польши*», съ предоставленіемъ мнѣ перевода онаго подъ моею редакціею.

Г. Военный Министръ утвердилъ это положеніе Совѣщательнаго Комитета, и нынѣ означенное сочиненіе *Смитта впервые* является въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ.

Нельзя не порадоваться этому и не быть признательнымъ Совѣщательному Комитету, въ средѣ котораго возникла эта счастливая мысль, и Г. Военному Министру, изъявившему свое согласіе на осуществленіе оной.

У достоенный чести быть редакторомъ *перваго*, по времени, русскаго перевода означеннаго выше сочиненія *Смитта*, считаю нужнымъ въ самомъ началѣ его предпослать ему нѣкоторыя свѣдѣнія 1) о самомъ *Смиттѣ*, — 2) о его сочиненіи, переведенномъ нынѣ, — и 3) о переводѣ онаго.

Къ русскому переводу (гвардіи капитана *Квитницкаго*) сочиненія *Смитта*: «Geschichte des Polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830—1831», изданному въ 1863—1864 годахъ въ С.П.Бургѣ, приложено довольно обстоятельное

и весьма любопытное жизнеописаніе *Смитта*, имъ самимъ составленное для переводчика. Отсылая къ нему желающихъ ближе ознакомиться съ жизнію и трудами *Смитта*, я считаю нужнымъ привесть здѣсь краткое извлеченіе изъ него, въ главныхъ чертахъ, для ознакомленія съ этою замѣчательною личностью.

Фридрихъ Смиттъ родился 9 (20) января 1787 года въ г. Нарвѣ. Отецъ его былъ первымъ нотаріусомъ (протонотаріусомъ) тамошняго магистрата и скончался когда сыну было 14 лѣтъ. Первое образованіе Фридрихъ Смиттъ получилъ въ Нарвскомъ городскомъ училищѣ, а въ послѣдствіи пользовался частными уроками вмѣстѣ съ братьями Зейдлицъ. Съ 1804 до конца 1806 г. онъ былъ въ Кильскомъ университетѣ, гдѣ долженъ былъ изучать богословіе, но личная склонность и внутреннее побужденіе влекли его къ политическимъ и военнымъ наукамъ. Дядя его по матери, артиллерійскій генералъ-маіоръ *Меркель*, участвовавшій въ походахъ Суворова въ Польшѣ и Турціи, внушилъ Фридриху Смитту съ малыхъ лѣтъ любовь къ этому великому русскому полководцу, и уже въ то время въ молодомъ Смиттѣ родилось желаніе нѣкогда составить его жизнеописаніе. По возвращеніи изъ Киля въ Нарву, Смиттъ очутился почти совершенно одинокимъ, безъ покровительства, и, по причинѣ слабаго слуха, на каждомъ шагу встрѣчалъ препятствія въ своихъ предпріятіяхъ. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Нарвѣ, въ должности домашняго учителя, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ усердно продолжалъ свои занятія, особенно изученіе древней русской исторіи. Но личная склонность постоянно влекла его къ историческимъ, политическимъ и военнымъ наукамъ.— Въ отношеніи къ послѣднимъ, Смиттъ ревностно занялся изученіемъ военныхъ писателей, пользовавшихся въ то время (1806–1812) наибольшею извѣстностью — *Лойда*, *Беренгорста*, *Бюлова* и *Жомини*. Но къ этому онъ присоединилъ и тщательное изученіе Суворова и его военныхъ дѣйствій, особенно въ высшемъ, духовномъ и нравственномъ, отношеніи.—Не довольствуясь однако этимъ, Смиттъ сталъ систематически изучать войны и походы знаменитыхъ

великихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ, равно и войны французской революціи. Изученіе теоріи возбудило въ Смиттѣ, какъ весьма естественно, сильное желаніе видѣть и изучить войну и на практикѣ: но молодому и робкому человѣку, безъ связей и покровительства, было мало надежды на осуществленіе этого желанія. — Наконецъ возгорѣлась война 1812 г., и Смиттъ, раздѣлявшій общее одушевленіе, поступилъ корнетомъ въ формировавшійся въ Петербургѣ конный полкъ волонтеровъ Оливіера (въ послѣдствіи Яхонтова), извѣстный подъ названіемъ «Мертвыя головы.» Въ концѣ октября онъ выступилъ съ полкомъ изъ Петербурга въ Ригу, много пострадалъ отъ жестокой стужи, а въ Ригѣ заболѣлъ свирѣпствовавшимъ въ ней, сильнымъ тифомъ, едва не умеръ и, хотя выздоровѣлъ, но окончательно потерялъ слухъ, сдѣлался неспособнымъ къ военной службѣ и получилъ отставку. Однако внутреннее побужденіе по прежнему влекло его на театръ войны и наконецъ онъ успѣлъ получить мѣсто помощника почтъ-инспектора въ Варшавѣ, пріобрѣтя для этого въ Виленскомъ университетѣ степень магистра и блистательнымъ образомъ сдавъ въ немъ экзаменъ на латинскомъ языкѣ. Находясь въ Варшавѣ, Смиттъ все еще желалъ и надѣялся получить какую нибудь должность въ одной изъ военно-походныхъ канцелярій нашей арміи въ Германіи и Франціи, но желанія и надежды его не исполнились. Наконецъ въ 1815-мъ году, по возвращеніи Наполеона въ Парижъ, Смитту удалось получить мѣсто правителя канцеляріи барона Петра Розена, директора военной полиціи въ русской арміи, направленной чрезъ Германію во Францію. Но армія наша, а съ нею и Смиттъ, прибыла во Францію уже по вторичномъ отреченіи Наполеона и покореніи Парижа. Розенъ былъ назначенъ комендантомъ главной квартиры, и трудныя работы по этой должности пали большею частію на Смитта. Но неудачи преслѣдовали его: бѣгство изъ-подъ ареста въ русской главной квартирѣ, переводчика главной квартиры Наполеона, извѣстнаго Лелорня д'Идевилля (Lelorgne d'Jdeville), навлекло на Розена неудовольствіе фельдмаршала Барклая и позже самаго

Государя — и Смиттъ, въ числѣ подчиненныхъ Розена, остался безъ награды. Но лестная извѣстность, которою онъ пользовался у Барклая, Дибича, Сакена, Канкрина, доставила ему мѣсто директора канцеляріи русскаго коменданта въ Парижѣ, полковника графа Ностица. Пробывъ 4 мѣсяца въ этой должности, Смиттъ, по упраздненіи оной, отправился въ Мобёжъ, гдѣ находилась корпусная квартира корпуса графа Воронцова, оставленнаго во Франціи. Здѣсь въ 1816 году онъ былъ назначенъ членомъ въ смѣшанную, изъ русскихъ и французскихъ чиновниковъ, коммиссію для разсмотрѣнія текущихъ военныхъ счетовъ, въ слѣдствіе войны во Франціи, занятія края и контрибуціи. По роду занятій въ этой коммиссіи, Смиттъ по своему желанію перешелъ въ интендантство, — при выступленіи же корпуса, въ ноябрѣ 1818 года, изъ Франціи, для возвращенія въ Россію, остался, по случаю опасной болѣзни, при депо, бывшемъ подъ начальствомъ полковника барона Левенштерна. По возвращеніи въ Россію, всѣ чины корпуса графа Воронцова были щедро награждены, но о Смиттѣ забыли—и онъ опять лишился награды.—По выздоровленіи, онъ былъ правителемъ канцеляріи барона Левенштерна, а лѣтомъ 1819 года возвратился съ русскими депо изъ Франціи моремъ въ Ригу. Отсюда онъ былъ посланъ въ Шкловъ и Могилевъ, гдѣ находилась главная квартира 1-й арміи, бывшей подъ начальствомъ графа Сакена, но, не имѣя склонности къ интендантской службѣ, вышелъ въ отставку. Долго искалъ онъ должности, соотвѣтственной его влеченію и занятіямъ, но только въ 1822 г. успѣлъ получить мѣсто цензора газетъ при Виленскомъ почтамтѣ. Тутъ дѣла было и внимательности требовалось очень много, но по крайней мѣрѣ Смиттъ снова очутился въ своемъ политическомъ, военномъ и литературномъ мірѣ. При его неутомимой дѣятельности, ему оставалось даже время для собственныхъ литературныхъ занятій, и тутъ-то онъ приступилъ къ осуществленію давнишняго, любимаго плана своего—составить жизнеописаніе Суворова. Главною цѣлію его при этомъ было 1) опровергнуть умышленное и неумышленное ложное мнѣніе о Суворовѣ, существовавшее

въ Западной Европѣ, особенно въ Германіи (находившейся подъ обаяніемъ *прусской тактики Фридриха II*) и 2) доказать, какимъ истинно-великимъ полководцемъ былъ Суворовъ. Такъ какъ въ Вильнѣ было мало матеріаловъ для жизнеописанія Суворова, то Смиттъ отправился въ Петербургъ. Здѣсь онъ получилъ отъ племянника Суворова, сенатора графа Димитрія Ивановича Хвостова, часть находившихся у него драгоцѣнныхъ матеріаловъ для жизнеописанія Суворова, воротился съ ними въ Вильну, усердно принялся за работу— и въ 1833 году издалъ въ Вильнѣ же, на собственный счетъ и на нѣмецкомъ языкѣ, 1-ю часть своего труда, подъ заглавіемъ: «Suworow's Leben und Heerzüge.»—Государь Наслѣдникъ Цесаревичь, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, милостиво соизволилъ на посвященіе Его имени этого труда. — Смиттъ представилъ его въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе Демидовской преміи, но не получилъ оной потому, что, какъ изъяснено было въ отзывѣ Академіи, *ничего не сказалъ о характерѣ и странностяхъ Суворова.*—Это было несправедливо, во 1-хъ потому, что характеристика и странности Суворова вообще объяснялись уже и въ 1-й части самымъ изложеніемъ всѣхъ его дѣйствій, мыслей, выраженій, писемъ и пр. до 1791-го года,—а странности особенно—въ 4-мъ отдѣлѣ 1-й части,— а во 2-хъ потому, что характеристика и странности Суворова могли быть *вполнѣ* развиты и объяснены только въ слѣдующихъ частяхъ сочиненія. — Эти недоразумѣніе и неудача отбили у Смитта охоту къ продолженію этой работы —и онъ занялся другою.

Между тѣмъ онъ уже въ 1826 году посланъ былъ въ Могилевъ, въ главную квартиру 1-й арміи. Здѣсь онъ имѣлъ счастіе сблизиться съ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи Толемъ (въ послѣдствіи графомъ), который прочелъ данный ему Смиттомъ отрывокъ изъ его сочиненія о Суворовѣ, именно 9-й отдѣлъ—штурмъ Измаила, остался чрезвычайно доволенъ имъ, написалъ Смитту весьма лестное письмо и съ тѣхъ поръ сдѣлался постояннымъ покровителемъ его. По его ходатайству Смиттъ, послѣ 14-ти

лѣтней, усердной и дѣятельной службы, *получилъ первую награду—орденъ Св. Станислава 3-й степени.*—Въ концѣ 1830-го года, когда въ Царствѣ Польскомъ произошло возстаніе, графъ Толь настоялъ, чтобы Смиттъ сопровождалъ его въ Вильну, главную квартиру дѣйствующей арміи, и хотѣлъ дать ему назначеніе при главномъ штабѣ, но генералъ-квартирмейстеръ Нейдгардтъ, неблаговолившій къ Смитту, воспрепятствовалъ этому и занималъ его лишь маловажными работами. Тогда графъ Толь взялъ его совершенно къ себѣ и поручилъ ему редакцію извѣстій о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ для иностранныхъ газетъ. Хотя мѣра эта была принята слишкомъ поздно и Поляки успѣли уже ложью и клеветой, по своему обыкновенію, расположить общественное мнѣніе въ Западной Европѣ въ свою пользу, однако Смитту удалось, своими статьями въ Прусской государственной и въ Аугсбургской газетахъ, изобличить ложь и клевету и доказать истину.—Кромѣ того Смиттъ пользовался въ это время особеннымъ благорасположеніемъ и величайшимъ довѣріемъ графовъ Дибича и Толя, и послѣднему неоднократно имѣлъ случай представлять свои мнѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и настаивать о большей энергіи въ ихъ исполненіи. Графъ Толь сочувствовалъ этому, но не могъ сдѣлать всего, чего желалъ. Сраженіе при Остроленкѣ, смерть графа Дибича, перемѣна плана дѣйствій, прибытіе графа Паскевича, переходъ черезъ Нижнюю Вислу, движеніе къ Варшавѣ и покореніе оной—быстро слѣдовали одно за другимъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцовъ, и Смиттъ, постоянно слѣдовавшій за графомъ Паскевичемъ или за графомъ Толемъ, лично находился во всѣхъ дѣлахъ и наконецъ при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій. Во 2-й день штурма онъ наблюдалъ за ходомъ канонады и штурма съ Вольской колокольни, а по овладѣніи укрѣпленіемъ № 22 отправился къ графу Толю и до ночи оставался при немъ въ этомъ центральномъ пунктѣ поля сраженія; на другой же день, 27-го августа, сопровождалъ графа Толя при вступленіи въ Варшаву.—Но вскорѣ графъ Толь отправился изъ арміи, а Смиттъ воротился въ Вильну.—Здѣсь старый товарищъ и пріятель его, Виленскій почтмейстеръ Трефуртъ опредѣлилъ

его къ себѣ; но Смиттъ не видѣлъ здѣсь настоящаго поприща для своей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что Виленскій университетъ былъ закрытъ и превосходная библіотека его была переведена въ новый университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ.— Наконецъ въ 1835 г. Смитту удалось, чрезъ посредство графа Толя, получить мѣсто въ почтовомъ управленіи въ Петербургѣ. Незадолго передъ тѣмъ, прослуживъ 20 лѣтъ титулярнымъ совѣтникомъ, онъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры!—Въ Петербургѣ онъ нашелъ дружеское покровительство со стороны главноуправлявшаго почтовымъ департаментомъ, князя Александра Николаевича Голицына, и почтъ-директора Ѳедора Ивановича Прянишникова. Черезъ 10 лѣтъ (1843) онъ за выслугу былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, располагая свободнымъ временемъ, остававшимся ему отъ почтовыхъ цензурныхъ занятій, продолжалъ начатое уже тотчасъ послѣ войны 1831 года, правдивое изложеніе оной по вѣрнымъ источникамъ съ обѣихъ сторонъ. — Благосклонное содѣйствіе ему князя А. Н. Голицына и съ 1844 года генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Е. И. В. Берга (нынѣ генералъ-фельдмаршала и графа) много способствовало ему въ томъ, но непріязненное вліяніе съ другой стороны еще болѣе затрудняло его и препятствовало ему.—Въ 1839 году онъ издалъ въ Берлинѣ 1-й и 2-й томы своего сочиненія о польскомъ возстаніи въ 1830–1831 годахъ, а въ 1848 году, наконецъ, и 3-й томъ.—Въ томъ же году онъ издалъ въ Дрезденѣ, по бумагамъ графа Ностица, сочиненіе: «Aus Karls von Nostitz Leben und Briefwechsel, Dresden, Arnold, 1848.» Слѣдующіе годы Смиттъ провелъ въ Петербургѣ, въ весьма стѣсненномъ положеніи, будучи принужденъ, при 1,000 р. жалованья, отложить свои литературныя занятія и искать другихъ (сочиненія статей, переводовъ и даже уроковъ), чтобы содержать въ Петербургѣ многочисленную семью. Уже въ 1842 году онъ потерялъ, какъ онъ самъ говоритъ, *своего уважаемаго покровителя и друга*—графа Толя, но былъ утѣшенъ дружескими: благосклонностью, расположеніемъ и покровительствомъ графа Берга, барона Вильгельма Карловича Ливена (бывшаго

генералъ-квартирмейстеромъ послѣ графа Берга) и графа Нессельроде.—Хвала и честь графамъ: Толю, Бергу и Нессельроде и барону Ливену, поддержавшимъ такого достойнаго и замѣчательнаго человѣка, какъ Смиттъ!—«Такимъ образомъ за всѣ непріятности въ жизни, Смиттъ (по его собственнымъ словамъ) былъ вознагражденъ вниманіемъ и доброжелательствомъ достойныхъ людей, которыхъ могъ бы назвать цѣлый рядъ.»—Зимою 1851 года онъ былъ приглашенъ читать лекціи военнаго искуства молодымъ офицерамъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, почти все изъ лучшихъ фамилій и многіе изъ которыхъ съ отличіемъ дѣйствовали потомъ въ Валахіи, Крыму, на Кавказѣ, въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ (напримѣръ Воейковъ и графы: Толь, Крейцъ и Ностицъ). Лекціи имѣли полный успѣхъ и даже генералы присутствовали на нихъ.

Смитту было уже 68 лѣтъ, когда, со вступленіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, «горизонтъ его (Смитта, по его собственнымъ словамъ) сталъ проясняться».—Началось съ того, что графъ Нессельроде, *уже во время крымской войны* дозволившій Смитту составлять статьи о политическихъ и военныхъ событіяхъ, исходатайствовалъ у Государя Императора соизволеніе на опредѣленіе Смитта въ министерство иностранныхъ дѣлъ, къ которому Смиттъ и былъ причисленъ съ приличнымъ содержаніемъ, назначеніемъ состоять при министрѣ и съ сохраненіемъ своего мѣста въ почтовомъ вѣдомствѣ. — Обезпеченный такимъ образомъ въ своемъ существованіи, онъ снова усердно принялся за свои литературные труды и въ томъ же году (1855) издалъ описаніе *Инкерманскаго сраженія* (Die Schlacht von Inkermann 24 oct. (5 nov.) 1854), составленное по желанію графа Нессельроде и переведенное въ послѣдствіи на французскій языкъ гвардіи капитаномъ Soye, при чемъ оно было ошибочно приписано генералу Данненбергу.—Въ 1858 году онъ издалъ наконецъ, въ Лейпцигѣ, 2-ю часть своего, долгое время покинутаго труда о Суворовѣ и паденіи Польши, вновь напечатавъ при этомъ и 1-ю часть (подъ заглавіемъ:

Suworow und Polens Untergang, nach archivalischen Quellen, Leipzig bei Winter, 1858).— Въ тоже время имъ были изданы «*Записки Лифляндца*» (Denkwürdigkeiten eines Livländers, aus den Jahren 1790—1815, 2 Bände, Leipzig, Winter, 1858) и «*Голоса военачальниковъ*» о польской войнѣ 1831 года (Feldherrnstimmen aus und über den Polnischen Krieg vom Jahre 1831, Leipzig und Heidelberg, Winter, 1855.) — собраніе статей главныхъ дѣятелей этой войны.

Въ 1859 году Смиттъ возвратился изъ-за границы въ Россію и былъ опредѣленъ въ качествѣ исторіографа при главномъ штабѣ Е. И. В. въ Петербургѣ—должность, въ которую еще за 30 лѣтъ передъ тѣмъ хотѣлъ опредѣлить его графъ Толь.—Конечно, Смитту было уже 72 года, но какъ онъ сохранилъ еще всю силу ума и тѣлесную бодрость, то и занялся составленіемъ двухъ новыхъ сочиненій, которыя и издалъ въ 1860 и 1861 годахъ за границей, а именно: въ 1860—*Исторію перваго раздѣла Польши*, на французскомъ языкѣ (Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne, Paris, Franck, 1860), въ которомъ опровергнутъ упрекъ, дѣлаемый Россіи, будто она дала первый толчокъ къ раздѣлу, и указанъ настоящій виновникъ его—Фридрихъ II,—и въ 1861 г.—*Матеріалы для объясненія военныхъ дѣйствій въ 1812 году*, на нѣмецкомъ языкѣ (Zur nähern Aufklärung über den Krieg von 1812, nach archivalischen Quellen, Leipzig und Heidelberg, Winter, 1861), въ которомъ авторъ разсмотрѣлъ критически планы и расположеніе обѣихъ сторонъ и привелъ нѣкоторыя весьма важныя и до сихъ поръ неизданныя мнѣнія Пфуля, Барклая и Императора Александра I.

Въ августѣ 1862 года Смиттъ отпраздновалъ, въ тихомъ, семейномъ кругу, 50-ти лѣтній юбилей своей службы, и затѣмъ, горя желаніемъ—удвоенною дѣятельностію, не смотря на свои преклонныя лѣта, доказать, сколько могъ, всю свою благодарность обожаемому имъ Государю и благодѣтелю, Императору Александру II, продолжалъ ревностно заниматься, частію окончаніемъ прежнихъ работъ, частію началомъ новыхъ; чтобъ исполнять свое назначеніе,

доколѣ въ немъ будетъ сколько нибудь силы. Но—и силы, и жизнь измѣнили ему: въ концѣ марта 1865 г. онъ скончался, отъ старости, слабости и легкаго нездоровья, 78 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ много отличныхъ трудовъ и прекрасныя имя и память, но, къ крайнему сожалѣнію, не успѣвъ довершить многаго начатаго, въ томъ числѣ 3-й части своего сочиненія: «Suworow und Polens Untergang», для которой у него уже были собраны многіе драгоцѣнные матеріалы (указанные въ концѣ его предисловія къ 1-й и 2-й частямъ этого сочиненія).

Такова была жизнь этого достойнаго и замѣчательнаго человѣка.—«Она прошла,—говоритъ онъ самъ,—въ трудахъ и заботахъ,—и среди многолѣтнихъ: невниманія, затрудненій, препятствій, даже преслѣдованій, и слѣдовательно многихъ лишеній и огорченій, научныя занятія доставляли ему много утѣшенія и счастливыхъ минутъ.—Лишенный слуха и слѣдовательно—возможности самому совершить отличные подвиги, онъ поставилъ себѣ цѣлію жизни достойно описывать такіе подвиги другихъ людей. Условія и заботы жизни, такъ много измѣняющія планы и предположенія людей, не позволили и ему вполнѣ достигнуть своей цѣли. А это, въ соединеніи съ несправедливостію людей къ нему, сначала глубоко огорчало его, но въ послѣдствіи внушило ему полную покорность Провидѣнію и основанную на ней спокойную твердость духа».—Но самымъ высшимъ даромъ Провидѣнія онъ считалъ то, что «оно дозволило ему дожить до славнаго царствованія Императора Александра II, которое явилось *свѣтлымъ лучемъ на закатѣ дней его* и, своими великими дѣлами и стремленіями, не только составляетъ счастіе для настоящаго поколѣнія, но и для будущности открываетъ такъ много высокихъ и прекрасныхъ надеждъ».

Изъ жизнеописанія Смитта видно *время* составленія и изданія его сочиненія «Suworow und Polens Untergang», а изъ предисловія его къ этому сочиненію — *цѣль* сего послѣдняго.

1-ю часть онъ составлялъ 11 лѣтъ (1822—1833 г.), а 2-ю—окончательно 3 года (1855—1858), но всего собственно кажется также не менѣе 8 или 10 лѣтъ. 1-я часть издана въ Вильнѣ въ 1833-мъ году, а 2-я и съ нею 1-я вторымъ изданіемъ—въ Лейпцигѣ въ 1858 году. Слѣдовательно Смиттъ употребилъ на этотъ трудъ очень много времени.

Цѣлію его было, какъ онъ самъ говоритъ и въ жизнеописаніи, и въ предисловіи: 1) изобразить *во всей исторической истинѣ* (или, какъ онъ выражается въ предисловіи, *извлечь изъ архивовъ чистое золото истины*, а не *мишуру* ея) паденіе *Польской республики* и, въ тоже время, жизнь и подвиги *Суворова*, которые, и та, и другой, находились въ тѣсномъ соотношеніи и взаимнодѣйствіи между собой,—2) опровергнуть *ложное мнѣніе о Суворовѣ*, существовавшее въ Западной Европѣ и особенно въ Германіи (и прибавимъ —отчасти и въ Россіи), — и 3) доказать, съ актами и документами въ рукахъ, какимъ *истинно-великимъ полководцемъ былъ Суворовъ*. Этой троякой цѣли Смиттъ достигнулъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ и съ полнымъ, блистательнымъ успѣхомъ.

Но такой успѣхъ достался ему, какъ изъ сказаннаго выше видно, не легко въ отношеніи труда и потребнаго на то времени.

Трудъ его заключался въ разъисканіи, собраніи, изслѣдованіи, критическомъ очищеніи и сводѣ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, не изъ однихъ только *архивныхъ источниковъ*, какъ онъ означилъ въ заглавіи своего сочиненія, но и изъ множества другихъ, самыхъ разнообразныхъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ, конечно, *архивные источники*: *государственные* и *частные*. Къ первымъ принадлежатъ заключающіеся въ нашихъ государственныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ (преимущественно министерствъ: иностранныхъ дѣлъ и военнаго), милостиво открытыхъ Смитту Императоромъ Николаемъ I, равно и въ иностранныхъ государственныхъ архивахъ, почерпнутыя изъ которыхъ свѣдѣнія изданы на иностранныхъ языкахъ за границей. Свѣдѣнія изъ нашихъ архивовъ большею

частію неизданы, весьма многія почерпнуты изъ секретныхъ дѣлъ и всѣ вообще драгоцѣнны.—Къ вторымъ, т. е. частнымъ, принадлежатъ источники, заключающіеся въ семейныхъ архивахъ и въ рукописныхъ, неизданныхъ запискахъ и письмахъ государей и государственныхъ и частныхъ лицъ.—Сюда должно отнести письма современныхъ государей, имѣвшихъ главное участіе въ судьбахъ Польши и въ дѣлахъ Турецкихъ и Шведскихъ, какъ-то императрицы Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II, Леопольда II и Станислава-Августа, короля Польскаго, и многихъ государственныхъ людей Россіи, Пруссіи, Австріи и Польши, важнѣйшихъ политическихъ дѣятелей того времени. Въ отношеніи же къ самому Суворову, первое и важнѣйшее мѣсто занимаетъ полное и драгоцѣнное собраніе его писемъ, оффиціальныхъ, частныхъ и семейныхъ, поступившее по смерти его къ племяннику его, графу Димитрію Ивановичу Хвостову, а по смерти сего послѣдняго—къ внуку князя Александра Васильевича Суворова и нынѣ старшему въ его родѣ, генералъ-адъютанту князю Александру Аркадіевичу Суворову. Свѣдѣнія и извлеченія, почерпнутыя изъ этого собранія, едва-ли не Смиттомъ *впервые* были изданы въ такой полнотѣ и главное съ такимъ ученымъ, критическимъ трудомъ.—Послѣ источниковъ государственныхъ и частныхъ *неизданныхъ*, слѣдуютъ: 1) источники *изданные* на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и изъ которыхъ, можно сказать рѣшительно, ни одинъ не остался безъ изслѣдованія, извлеченія или инаго употребленія въ пользу со стороны Смитта, — и наконецъ 2) *устныя преданія и разсказы* о главнѣйшихъ дѣятеляхъ того времени, особенно русскихъ, какъ-то императрицѣ Екатеринѣ II, Румянцовѣ, Потемкинѣ, Суворовѣ и др., о которыхъ и до сихъ поръ сохраняются и долго еще будутъ сохраняться эти преданія и разсказы.

Такой богатый матеріалъ Смиттъ разработалъ, по истинѣ, какъ мастеръ своего дѣла. Тутъ, и во внутреннемъ содержаніи, и во внѣшней формѣ его сочиненія, вполнѣ отразилась его свѣтлая, прекрасная личность, во всѣхъ ея видахъ и оттѣнкахъ, какъ о ней можно судить даже и изъ

краткаго его жизнеописанія. Все его сочиненіе носитъ на себѣ вѣрный отпечатокъ его искренней религіозности, истинной, христіанской философіи, горячей любви къ Россіи, ея государямъ, народу и войску, его честнаго и благороднаго характера, добросовѣстности, безпристрастія, правдивости, добродушія, ума, просвѣщеннаго обширными и глубокими познаніями, особенно въ наукахъ классическихъ, политическихъ, историческихъ и военныхъ, и наконецъ—его неутомимаго трудолюбія. Поэтому сочиненіе его имѣетъ высокія, неотъемлемыя достоинства и въ философскомъ, и въ нравственномъ, и въ описательномъ, и даже мѣстами въ поэтическомъ отношеніяхъ, но особенно—въ политическомъ и военномъ.—Не принадлежа собственно и исключительно къ разряду сочиненій политико-и военно-историческихъ, хотя носитъ на себѣ всѣ черты ихъ, оно приближается болѣе къ разряду историческихъ записокъ (mémoires). Смиттъ постепенно является въ немъ и глубокимъ философомъ и моралистомъ, и остроумнымъ, увлекательнымъ разказчикомъ (causeur), не лишеннымъ иногда веселаго и остраго юмора, или неподдѣльной грусти, и подъ-часъ возносящимся даже до поэзіи, но особенно—мудрымъ политикомъ и высокообразованнымъ, даже ученымъ, военнымъ писателемъ. Всегда и во всемъ видѣнъ его свѣтлый, ясный умъ, здравый, вѣрный разсудокъ, правильный взглядъ на предметы, чувство справедливости и особенно—любовь къ истинѣ. Правда для Смитта всего выше и дороже, и онъ прямо, не обинуясь, безъ лицепріятія, высказываетъ ее кому подобаетъ, какъ напримѣръ Потемкину и даже самому герою своему—Суворову, выставляя ихъ дѣйствительныя достоинства, но не скрывая и ихъ слабостей и недостатковъ. Но вообще Суворова—*своего героя*, какъ онъ постоянно называетъ его—онъ всегда, отъ начала до конца, и во всемъ, изображаетъ съ такимъ одушевленіемъ и съ такою непритворною, горячею, давнею съ молодыхъ лѣтъ любовію, которыя доказываютъ, что онъ вполнѣ постигъ его, не однимъ *умомъ*, но въ особенности *сердцемъ*, и сердцемъ

истинно русскимъ!—И въ этомъ я вижу особенное достоинство сочиненія Смитта.

Хотя послѣднее озаглавлено «*Суворовъ и паденіе Польши*», а части его: 1-я—«*Суворовъ*», а 2-я—«*Послѣднія смуты Польши*», но изъ 15-ти отдѣловъ обѣихъ частей, только 5: 2-й отдѣлъ 1-й части на половину, а 2-й, 3-й, 5-й и 6-й отдѣлы 2-й части—вполнѣ посвящены Польшѣ и польскимъ дѣламъ; остальные же 10—вполнѣ или преимущественно Суворову, высокая личность котораго преобладаетъ, такимъ образомъ, въ цѣломъ сочиненіи отъ начала до конца.—Непонятно, почему, при изданіи обѣихъ частей вмѣстѣ въ 1858-мъ году, Смиттъ не присоединилъ 1-го отдѣла 2-й части къ 1-й, въ концѣ ея, 10-мъ отдѣломъ. Весь этотъ отдѣлъ посвященъ исключительно Суворову въ Яссахъ, Петербургѣ и Финляндіи въ 1791 году, а о Польшѣ тутъ вовсе нѣтъ и рѣчи. Точно также и 4-й отдѣлъ 2-й части: «*Суворовъ еще въ Финляндіи* (1792),» посвященъ исключительно Суворову.

10 отдѣловъ, посвященныхъ Суворову и 5—Польшѣ, заключаютъ въ себѣ полное, систематическое и историческое изображеніе, первые—жизни, подвиговъ и характера Суворова, а послѣдніе—исторической жизни и упадка польской республики и характера польской націи. И тѣ, и другіе изображены мастерски, точно также, какъ въ 3-мъ отдѣлѣ 1-й части—Турція и Турки отъ начала ихъ исторіи до конца XVIII вѣка включительно. Особеннаго вниманія заслуживаютъ отдѣлы: 1-й части—1-й: *рожденіе, происхожденіе и первая служба Суворова,* служащій къ объясненію его послѣдующихъ: жизни, подвиговъ и характера, 2-й: *1-я польская конфедератская война 1768—1772*, кончившаяся 1-мъ раздѣломъ Польши;—въ этомъ отдѣлѣ превосходно изображены: исторія Польши вкратцѣ, 1-я конфедератская война и въ ней первыя военныя дѣйствія Суворова;—3-й, 7-й, 8-й и 9-й отдѣлы, заключающіе въ себѣ столь же замѣчательное изображеніе: исторіи Турціи вкратцѣ, 1-й и 2-й турецкихъ войнъ и дѣйствій въ нихъ русскихъ, австрійскихъ и турецкихъ войскъ и полководцевъ, особенно

Суворова, съ его побѣдами при Туртукаѣ, Гирсовѣ, Козлуджи, на Кинбурнской косѣ, при Фокшанахъ и Рымникѣ, и наконецъ съ его громаднымъ подвигомъ—штурмомъ и покореніемъ Измаила;—а также 6-й отдѣлъ: *путешествіе императрицы Екатерины II въ Крымъ*, едва-ли не Смиттомъ впервые изображенное съ такими: обстоятельностью и увлекательнымъ описательнымъ искуствомъ. Изъ 2-й же части заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ отдѣлы 1-й и 4-й, относящіеся исключительно къ Суворову въ Яссахъ, Петербургѣ и Финляндіи въ 1791 и 1792 годахъ, такъ и отдѣлы 2-й, 3-й, 5-й и 6-й, въ которыхъ изображены политическія событія и военныя дѣйствія въ Польшѣ съ 1772 года до конца 1792-го.—«Третья часть»—говоритъ Смиттъ въ предисловіи—«представитъ заключеніе: возвышеніе Коспюшки и паденіе Польши, при чемъ издатель надѣется сообщить въ этой послѣдней части много новаго, такъ какъ въ его распоряженіи были, кромѣ архивовъ, посмертныя бумаги Суворова и Ферзена, много писемъ Коспюшки и записки короля Станислава-Августа».—Но надежды эти не исполнились—и смерть Смитта, семь лѣтъ спустя, лишила русскую публику любопытнаго и, безъ сомнѣнія, искуснаго изображенія исторической драммы окончательнаго паденія Польши, завершеннаго штурмомъ Праги и 3-мъ, послѣднимъ раздѣломъ Польши.

Указавъ неотъемлемыя достоинства сочиненія Смитта и слѣдуя тому же правилу откровенной правдивости, отъ котораго онъ самъ не отступалъ никогда, не считаю нарушеніемъ должнаго уваженія къ памяти его—упомянуть и о нѣкоторыхъ слабыхъ сторонахъ его сочиненія. Полное совершенство не дано твореніямъ человѣческимъ: «въ лунѣ и солнцѣ пятна есть»—сказалъ поэтъ.—Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣнь, а гдѣ тѣнь, тамъ даже ярче свѣтъ.

Слабыя стороны сочиненія Смитта, по моему мнѣнію, заключаются: 1) Въ отношеніи къ внутреннему содержанію —въ томъ, что Смиттъ, по времени рожденія, воспитанія и образованія своего принадлежа къ поколѣнію конца XVIII

и начала XIX вѣковъ, естественнымъ образомъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя слабыя стороны и недостатки тогдашней литературы: склонность къ излишнимъ, порою, философствованію, морализаціи, нѣсколько приторной сентиментальности, риторическимъ фигурамъ и цвѣтамъ, и иногда впадаетъ въ многословіе, длинноты и не совсѣмъ нужныя объясненія. Все это въ вину ему поставлено быть не можетъ, но въ настоящее время уже не вполнѣ соотвѣтствуетъ современному вкусу. Впрочемъ нужно сказать, что во 2-й части, составленной позже, это гораздо менѣе замѣтно, нежели въ 1-й.—Въ анекдотическомъ отношеніи Смиттъ, кажется, слишкомъ довѣрялъ лишеннымъ всякой критики собирателямъ анекдотовъ о Суворовѣ и особенно Фуксу, который преимущественно отличается недостаткомъ критики и утвердилъ въ общемъ мнѣніи нѣсколько такихъ фактовъ, которые теперь явно опровергнуты или изображены совсѣмъ иначе.—1-й же и 2-й поиски Суворова противъ Туртукая описаны Смиттомъ просто невѣрно, и опять таки на основаніи Фукса и другихъ жизнеописателей Суворова. Тутъ, между прочимъ, Смиттъ не усомнился внести въ свое описаніе совершенно ложные факты, что Суворовъ написалъ *Румянцову* донесеніе *въ стихахъ*: « *Слава Богу, слава Вамъ, Туртукай взятъ и я тамъ!*»—что Румянцовъ представилъ это донесеніе императрицѣ, какъ *безпримѣрный лаконизмъ безпримѣрнаго Суворова*—и вслѣдъ затѣмъ *отдалъ Суворова подъ судъ* за самовольный поискъ противъ Туртукая!—Прекрасная статья генеральнаго штаба полковника *Саковича: Дѣйствія Суворова въ Турціи въ 1773 году*, составленная на основаніи подлинныхъ дѣлъ собственной военно-походной канцеляріи Румянцова и напечатанная въ №№ 4 и 5 *Военнаго журнала*, издававшагося Военно-Ученымъ Комитетомъ, 1853 года, ясно и убѣдительно доказала, что Суворовъ былъ въ письменныхъ сношеніяхъ не съ Румянцовымъ, а съ графомъ Салтыковымъ, въ дивизіи котораго состоялъ, о взятіи Туртукая написалъ ему: « *Ваше Сіятельство! мы побѣдили! Слава Богу, слава Вамъ!*»—и подъ судъ не былъ отданъ ни за 1-й, ни за 2-й поиски противъ

Туртукая, потому что исполнилъ ихъ по предписаніямъ Румянцова Салтыкову, и даже противъ воли (потому что ему дали мало пѣхоты). Непостижимое дѣло, что такой тщательный писатель, какъ Смиттъ, могъ повторить такія грубыя ошибки, особенно 5 лѣтъ послѣ изданія статьи полковника *Саковича*!—Наконецъ, что́ и непонятно, и прискорбно, такъ это — слѣдующее обстоятельство: около 20-ти лѣтъ употребилъ Смиттъ на извлеченіе изъ нашихъ государственныхъ и частныхъ архивовъ выписокъ изъ подлинныхъ дѣлъ, бумагъ и писемъ, часто секретныхъ —и все это издалъ въ *нѣмецкомъ* переводѣ для *Нѣмцовъ* и другихъ иностранцевъ, не позаботившись издать свое сочиненіе, съ этими драгоцѣнными выписками *въ подлинникахъ на русскомъ языкѣ*, еще при жизни своей и подъ своею редакціею, *въ русскомъ* переводѣ!—Исполнить это нынѣ представляло наибольшее затрудненіе въ переводѣ сочиненія Смитта.

2) Что касается до внѣшней формы сочиненія Смитта, то должно сказать, что оно, по тѣмъ же причинамъ, которыя изложены выше (въ самомъ началѣ указанія слабыхъ сторонъ въ отношеніи къ внутреннему содержанію) писано нѣсколько устарѣвшими теперь языкомъ и слогомъ,—во 2-й части впрочемъ менѣе, нежели въ 1-й. И языкъ, и слогъ не довольно просты, но нѣсколько пышны, цвѣтисты и вычурны, а языкъ особенно не довольно сжатъ, но представляетъ, болѣе или менѣе, длинноты, иногда даже такія, что трудно читать длинные нѣмецкіе періоды, со многими вставочными предложеніями.—Смиттъ въ этомъ не виноватъ, такъ писали въ его время, но теперь сами Нѣмцы пишутъ проще и сжатѣе.

Но эти *нѣкоторыя* слабыя стороны и недостатки сочиненія Смитта нималѣйше не въ состояніи уменьшить *всѣхъ* существенныхъ и неотъемлемыхъ достоинствъ его, и оно, въ своемъ родѣ, по всей справедливости должно быть признано лучшимъ сочиненіемъ о жизни, подвигахъ и характерѣ Суворова вообще и о паденіи Польши, изъ

всѣхъ появившихся до времени изданія его въ 1858 году (*).

—

Переводъ сочиненія Смитта исполненъ мною и, подъ моею редакціею, генеральнаго штаба Г.г. полковниками *Крузе* и *Ореусомъ* и капитаномъ *Авраловымъ*.

При переводѣ его, прежде и болѣе всего имѣлось въ виду соблюсти всевозможныя вѣрность и точность, въ отношеніи къ согласію съ подлинникомъ, съ соблюденіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, правильности и чистоты русскаго языка.—Такого рода переводъ сочиненія, подобнаго Смиттову: «Суворовъ и паденіе Польши», представлялъ болѣе затрудненій, нежели вольный переводъ, но предпочтенъ послѣднему по весьма уважительнымъ причинамъ. Сочиненія, подобныя этому, основанныя на историческихъ документахъ и данныхъ, должны быть переводимы съ *дипломатическою* точностью и вѣрностью, иначе легко могутъ погрѣшить противъ истины. И въ отношеніи къ автору, по возможности, на сколько позволяютъ свойства языка, на который переводится сочиненіе, въ переводѣ его должны быть соблюдены тонъ, манера и даже образъ и способъ выраженій сочинителя;—иначе была бы мертвая буква безъ оживляющаго ее духа, и легко утратились бы особенности сочиненія въ подлинникѣ.—Тѣмъ не менѣе, складъ ума и рѣчи у различныхъ народностей, особливо нѣмецкой и русской, такъ различны, и объясненныя выше особенности въ сочиненіи Смитта такъ рѣзки, что нѣкоторыя

(*) Другое, новѣйшее и превосходное сочиненіе: *Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I, въ 1799 году*, начатое генералъ-лейтенантомъ *Михайловскимъ-Данилевскимъ*, продолженное и конченное полковникомъ *Милютинымъ* (нынѣ Военный Министръ) и изданное въ 1852—1853 годахъ, принадлежитъ совсѣмъ къ другому роду: это—*полная исторія войны*, основанная на оффиціальныхъ документахъ и изображающая Суворова, какъ главнокомандующаго союзной россійско-австрійской арміи въ Италіи и Швейцаріи.—Между тѣмъ сочиненіе Смитта, какъ сказано выше, принадлежитъ болѣе къ разряду *историческихъ записокъ*.—Но оба они, каждое въ своемъ родѣ, рѣшительно лучшія новѣйшія сочиненія о Суворовѣ.

мѣста перевода невольно напоминаютъ, можетъ быть, что они—нѣмецкія мысли и рѣчи, выраженныя русскимъ языкомъ. Но совершенно избѣжать этого, не нарушая условій точности и вѣрности, было невозможно.

Всѣ письма Суворова и къ нему приведены въ подлинникахъ на русскомъ языкѣ или, съ переводами, на иностранныхъ языкахъ, въ 1-й части—такъ какъ они изданы въ сборникахъ *С. Н. Глинки* и другихъ, а во 2-й части переписка Суворова и извлеченія изъ нея заимствованы въ точности изъ сборника писемъ его, принадлежащаго князю Александру Аркадіевичу Суворову, обязательнѣйше доставившему мнѣ возможность сдѣлать изъ этого сборника нужныя извлеченія.

Примѣчанія Смитта помѣщены, какъ въ нѣмецкомъ текстѣ, въ выноскахъ внизу страницъ, съ особою нумераціею (1, 2, 3 и т. д.) въ каждомъ отдѣлѣ.—Нѣкоторыя изъ нихъ, объясняющія русскія слова или предметы и необходимыя для иностранцевъ, но ненужныя для русскихъ, исключены или снабжены моими примѣчаніями (какъ наприм. на 1-й страницѣ 1-го отдѣла 1-й части), съ означеніемъ въ скобкахъ (Редак.).—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я счелъ нужнымъ сдѣлать свои примѣчанія въ выноскахъ, которыя, для отличія отъ Смиттовыхъ, означены звѣздочками (*). Впрочемъ такихъ примѣчаній моихъ я старался дѣлать только немного, казавшихся мнѣ по чему-либо особенно нужными: большее же ихъ число было бы неумѣстнымъ.

Къ сочиненію Смитта въ нѣмецкомъ изданіи приложены 2 плана сраженія при Рымникѣ и штурма Измаила—къ 1-й части, и 2 плана дѣлъ при Зѣлинцахъ и Дубенкѣ или Уханкѣ на Волыни—ко 2-й.—Они приложены, съ русскими надписями, къ тѣмъ же частямъ и въ переводѣ.—Но сверхъ того, для лучшаго поясненія разграниченій и военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, Турціи и отчасти Пруссіи, къ 1-й части приложена небольшая карта Польши и пограничныхъ съ нею государствъ, съ 1761-го года по 1796-й, съ означеніемъ границъ трехъ раздѣловъ Польши и, особыми нумерами I, II, III, земель,

отошедшихъ по каждому раздѣлу къ Россіи, Пруссіи и Австріи.—Границы, по условнымъ знакамъ, легко могутъ быть иллюминованы.

Весь порядокъ помѣщенія, въ подлинникѣ, посвященія и предисловія автора, оглавленій и отдѣловъ обѣихъ частей въ точности соблюденъ и въ переводѣ.

Въ концѣ каждой части помѣщенъ списокъ опечатокъ, но здѣсь, въ самомъ началѣ, считаю необходимымъ указать на два мѣста, которыя не принадлежатъ къ опечаткамъ, но, замѣченныя уже по отпечатаніи, требуютъ исправленія, именно: на 1-й страницѣ 1-го отдѣла 1-й части, въ 7-й и 8-й строкахъ снизу, вмѣсто *генералъ-лейтенанта*, должно быть *генералъ-поручика*, а на 270-й страницѣ 8-го отдѣла 1-й части, въ 3-й строкѣ сверху, вмѣсто *по легкому скату вверхъ*, должно быть *по легкому подъему вверхъ*.

Князь Н. Голицынъ.

СУВОРОВЪ

И

ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ.

СОЧИНЕНІЕ

ФРИДРИХА ФОНЪ-СМИТТА.

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ НѢМЕЦКАГО

И ИЗДАНО

ПРИ СОВѢЩАТЕЛЬНОМЪ КОМИТЕТѢ ГЛАВНАГО ШТАБА,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенанта

КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СУВОРОВЪ.

Съ одною картою и двумя планами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1866.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ II.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Когда, за двадцать пять лѣтъ предъ симъ, появилась въ свѣтъ первая часть сего историческаго сочиненія, **ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО**, будучи тогда Великимъ Княземъ, милостивѣйше соизволили принять посвященіе **ВАМЪ** сего труда. Съ тѣхъ поръ время ушло впередъ: одни престолы пали, другіе вновь возникли, новое поколѣніе вытѣснило старое; — виды, наклонности, стремленія міра измѣнились. Но, въ неизмѣнныхъ, почтительнѣйшихъ чувствахъ любви и благодарности, устарѣвшій между тѣмъ сочинитель приноситъ дань вѣрности своему Высокому Благодѣтелю на престолѣ и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ осмѣливается повергнуть къ стопамъ Его плодъ послѣдующихъ трудовъ своихъ.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

всепокорнѣйшій

Фридрихъ фонъ-Смиттъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Однимъ изъ самыхъ необычайныхъ и обильныхъ послѣдствіями событій прошедшаго столѣтія было замираніе и паденіе нѣкогда могущественной республики Польской.

Необычайными и имѣвшими великое участіе въ событіяхъ времени личностью и полководцемъ былъ Суворовъ, Рымникскій и Италійскій.

Жизнь одного, паденіе другой, облечены еще густымъ мракомъ, который ненависть, духъ партій, предвзятыя мнѣнія и коварныя стремленія распространили вокругъ нихъ.

Оба стоятъ въ тѣсной, взаимной связи между собою: оба шли сначала рядомъ, каждый въ своемъ родѣ, одинъ— возвышаясь, другая — упадая; оба взаимно дѣйствовали другъ на друга, такъ какъ смуты, безумства и ошибки одной послужили школой, въ которой другой образовалъ себя къ званію полководца, и, наоборотъ, послѣдній, могущественными вмѣшательствомъ и дѣйствіями своими, положилъ конецъ смутамъ и запутанностямъ, когда онѣ грозили вредно распространиться на сосѣдственныя государства.

Ограниченность взгляда или духъ партій не хотѣли видѣть, отъ какой опасности избавлена была этимъ средняя Европа. Въ это самое время яростно стремились волны французской революціонной бури въ Германію, которая едва могла ограждать себя отъ нихъ. Что̀ было бы, еслибъ

волны Сарматской народной бури, разлившись въ свою очередь, наводнили съ другой стороны Германію, и она, въ одно и тоже время съ востока, какъ и съ запада, подверглась революціонному и завоевательному напору? А послѣ возстанія въ южной Пруссіи, снятія осады Варшавы королемъ прусскимъ, броженія и воспламененія умовъ, въ слѣдствіе того, въ областяхъ польскаго племени, и при вяломъ образѣ веденія войны устарѣлыми генералами, безъ высокихъ способностей и характера,—такого рода опасности вовсе не были мнимыми и легко могли осуществиться. Прежде, нежели опытъ доказалъ это на дѣлѣ, въ Германіи не ожидали или не вѣрили даже той опасности, которая грозила ей со стороны Франціи. Побѣдами при Мацеіовицѣ и Прагѣ Германія была предохранена отъ этихъ опасностей и могла уже всѣ свои силы обратить противъ одного, главнаго врага своего, не опасаясь, чтобы другой напалъ на нее въ тоже время съ тыла.

Это старались устранить изъ виду Пруссаковъ и Нѣмцевъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудить сочувствіе ихъ къ умиравшей націи — и имѣли въ этомъ большой успѣхъ, когда сюда примѣшались другіе виды и опасенія. Минувшая опасность казалась малою, а содѣланная несправедливость—великою. И однако геній Фридриха Великаго уже задолго передъ тѣмъ вѣрно угадалъ отношеніе Пруссіи къ Польшѣ, усмотрѣлъ, что къ этому отношенію можно было вѣрно примѣнить тѣ роковыя слова, которыя нѣкогда опредѣлили судьбу Италіи:

Vita Conradini mors Caroli,
Mors Conradini vita Caroli,

и что великая Пруссія была возможна лишь при малой Польшѣ и наоборотъ. Съ этого времени онъ началъ ревностнѣйшимъ образомъ тайно подкапываться подъ эту державу, и тѣ, заглушающія жизнь, стѣсненія, посредствомъ которыхъ, со времени вступленія Понятовскаго на престолъ и даже ранѣе, польская республика была лишена жизненной силы, проистекли прямо отъ Фридриха, а не отъ Екатерины! —

Доказательства тому легко могли бы быть и со временемъ будутъ приведены.

Но оставимъ это и обратимся снова къ нашему предмету. Исторія Польши со времени Станислава крайне неудовлетворительна, она безпрекословно разработана только одною партіею, между тѣмъ какъ другая молчала.—И гдѣ только ни приходится справляться съ историческими сочиненіями, тамъ единственными, основными источниками, изъ которыхъ почерпаютъ свѣдѣнія и на которыя во всемъ ссылаются, всегда суть Рюльеръ, Ферранъ, сочиненіе о паденіи майской конституціи, Заіончекъ и Огинскій. Воззрѣнія этой партіи, такимъ образомъ, перешли въ исторію и наконецъ даже стали выдаваться за самую исторію.—Но это есть большое заблужденіе. Означенныя выше сочиненія были писаны по внушенію самой слѣпой ненависти духа партій, которая не боялась часто извращать и всегда искажать факты. Одно только добросердечное простодушіе могло удовлетворяться этимъ.

Но исторія требуетъ своего права, она хочетъ выслушать также и другую сторону, дабы съ полнымъ знаніемъ дѣла постановить свой приговоръ. На это однако было мало надежды. Время ушло впередъ, дѣйствовавшее поколѣніе вымерло, не оставивъ по себѣ ни вывода, ни поученія, и акты его бытія и дѣйствія лежали глубоко погребенными въ архивахъ. Правда, въ новѣйшее время возвысились нѣкоторые голоса, хотѣвшіе-было обнаружить скрытыя сокровища истины; но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что, введенные въ заблужденіе лживыми сочиненіями, они почерпнули лишь мишуру, а не чистое золото истины. Акты архивовъ еще не нарушили своего молчанія, а слышались лишь голоса отдѣльныхъ вождей партій или дипломатическія сплетни гостиныхъ, и много было толковъ о нихъ. Въ наше время гласности нужно, особенно нужно раскрыть тѣсный затворъ, и истину, въ томъ видѣ, въ которомъ она обрѣтается въ архивныхъ документахъ, вывести на свѣтъ.

Императоръ Николай, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и

словахъ правдивый и откровенный, разсуждалъ и объ этомъ безъ предубѣжденія. Людямъ, внушавшимъ довѣріе, онъ открывалъ свободный доступъ въ архивы. Такъ имѣли возможность разсмотрѣть ихъ: Данилевскій, исполнившій это, конечно, односторонно, и Милютинъ,—такъ и автору настоящаго сочиненія, по представленію канцлера графа Нессельроде, дозволено было свободное извлеченіе свѣдѣній изъ Московскаго главнаго государственнаго архива, подобно тому, какъ уже прежде—изъ военныхъ архивовъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Полгода оставался онъ съ этою цѣлію въ Москвѣ, живя почти среди однихъ архивныхъ бумагъ. Въ какомъ, совершенно иномъ видѣ раскрылась тутъ предъ нимъ истинная исторія времени и какъ часто то, что́ въ историческихъ сочиненіяхъ выдается за несомнѣнное, оказывалось лишь *fable convenue* (условленною ложью)!

Первые плоды своихъ изслѣдованій представляетъ онъ здѣсь во второй части, обнимающей исторію Польши;—знатокъ дѣла тотчасъ узна́етъ въ ней *новыя* свѣдѣнія. Первая часть, жизнь Суворова, была задолго передъ этимъ написана и даже издана, но, какъ собственное изданіе автора, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, была мало извѣстна внѣ Россіи. Нынѣ она является въ исправленномъ тутъ и тамъ видѣ; вторая часть совершенно новая; третья представитъ заключеніе: возвышеніе Косцюшки и паденіе Польши. Авторъ надѣется сообщить въ ней много новаго, такъ какъ, кромѣ архивовъ, въ распоряженіи его были бумаги, оставшіяся послѣ Суворова и Ферзена, многія письма Косцюшки и записки короля Станислава-Августа.

1-го Марта 1858 г.

Фридрихъ фонъ-Смиттъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СУВОРОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СУВОРОВЪ.

Предисловіе . . . . . XXIX—XXXII

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

РОЖДЕНІЕ.—ПРОИСХОЖДЕНІЕ.—ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ СЛУЖБА.

Происхожденіе.—Молодость.—Вступленіе въ службу.—Семилѣтняя война.—Обзоръ походовъ Русскихъ противъ Пруссаковъ.—Походы 1757—1758—1759—1760—1761 гг.—Участіе въ нихъ Суворова.—О вліяніи этой войны на его образованіе.—Первый зародышъ его системы. 1

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

ПОЛЬСКАЯ КОНФЕДЕРАТСКАЯ ВОЙНА 1768—1772 г.

Взглядъ на состояніе Польши.—Развитіе причинъ, произведшихъ упадокъ этого государства.—Станиславъ Понятовскій, король.—Дѣло диссидентовъ.—Происхожденіе Барской конфедераціи.—Открытіе войны противъ Русскихъ.—Суворовъ посланъ въ русскій корпусъ въ Польшѣ.—Быстрый походъ его.—Военныя упражненія.—Генералъ Веймарнъ, главный начальникъ русскихъ войскъ.—Движенія Суворова противъ Котлубовскаго и обоихъ Пулавскихъ.—Люблинъ—средоточіе его дѣйствій.—Описаніе театра войны.—Образъ веденія войны конфедератами.—Предводители ихъ.—Образъ дѣйствій Суворова.—Основныя начала его тактики.—Порта объявляетъ войну Россіи.—Походъ 1769 г. противъ Турокъ.—Блистательный походъ 1770 г.—Впечатлѣніе этихъ побѣдъ на Европу.—Шуазёль принимаетъ участіе въ дѣлѣ конфедератовъ.—Дюмурье посланъ имъ въ Польшу.—Графиня Мнишекъ.—Проекты и работы Дюмурье.—Планъ дѣйствій его.—Причины неудачи его.—Первоначальные успѣхи конфедератовъ.—Прибытіе Суворова.—Пораженіе Саввы.—Бой при Ландскронѣ.—Пулавскій разбитъ.—Суворовъ оправданъ передъ Дюмурье.—Дѣятельность его.—

Движеніе Коссаковскаго въ Литву.—Огинскій объявляетъ себя противъ Русскихъ.—Суворовъ выступаетъ противъ него,—разбиваетъ его при Сталовичахъ,—успокоиваетъ затѣмъ Литву.—Письмо Бибикову.—Графъ Віоменіль смѣняетъ Дюмурье.—Взятіе Краковскаго замка внезапнымъ нападеніемъ.—Суворовъ спѣшитъ туда, осаждаетъ замокъ; штурмъ.—Коссаковскій разбитъ.—Сдача замка.—Первый раздѣлъ Польши.—Нѣсколько писемъ Суворова къ Бибикову.—Суворовъ посланъ въ Финляндію.—Его твердое стремленіе къ одной цѣли.—Путешествіе въ Финляндію 1

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

ВОЙНА ПРОТИВЪ ТУРОКЪ 1773—1774 г.

Обозрѣніе политическихъ отношеній государствъ.—Русская армія.—Турки.—Тщетные переговоры о мирѣ.—Румянцовъ долженъ перейти черезъ Дунай.—Трудности этого предпріятія.—Распредѣленіе русскихъ военныхъ силъ.—Поискъ Суворова противъ Туртукая. — Онъ преданъ за то военному суду.—Неудачное движеніе Румянцова противъ Силистріи.—Смерть Вейсмана.—Отступленіе за Дунай.—Вторичный поискъ Суворова противъ Туртукая.—Онъ переводится въ Гирсово,—разбиваетъ здѣсь Турокъ.—Вторичный переходъ Русскихъ чрезъ Дунай и отступленіе. — Конецъ похода 1773 года.—Смерть Мустафы III.—Ему наслѣдуетъ Абдулъ-Хамидъ.—Характеръ его.—Планъ дѣйствій Румянцова на 1774 годъ.—Бой при Козлуджи.—Суворовъ уѣзжаетъ изъ арміи.—Конецъ войны.—Кайнарджійскій миръ.—Успѣхи военнаго искуства.—Характеристика Турокъ.—Невѣжество ихъ предводителей.—Самонадѣянность нижнихъ чиновъ.—Сила ихъ атакъ.—Слабость обороны.—Упорная оборона въ крѣпостяхъ.—Конечные результаты войны для Суворова 71

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПУГАЧЕВСКІЙ БУНТЪ.—СУВОРОВЪ ПРОТИВЪ ПУГАЧЕВА 1784—1785.

Пугачевскій бунтъ.—Суворовъ посланъ противъ Пугачева.—Причины возстанія.—Яицкіе казаки.—Причины ихъ неудовольствія,—открытое сопротивленіе.—Пугачевъ является между ними.—Исторія его жизни до того.—Успѣхи бунтовщиковъ.—Жестокости ихъ.—Обманы Пугачева.—Бибиковъ назначенъ противъ него.—Смерть Бибикова.—Подполковникъ Михельсонъ.—Пораженіе мятежниковъ. — Суворовъ принимаетъ на себя преслѣдованіе ихъ. — Уральская степь.—Движеніе Суворова по ней.—Выдача и казнь Пугачева.—Суворовъ совершенно усмиряетъ мятежъ. 115

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

СУВОРОВЪ ВЪ КРЫМУ И НА КУБАНИ 1785—1786.

Суворовъ вступаетъ въ бракъ.—Предметы русской политики.—Крымскія дѣла.—Суворовъ на Кубани и въ Крыму.—Какъ князь Потемкинъ ближе узналъ его.—Источникъ и цѣль его странностей.—Выгоды, которыя онѣ доставляли

ему.—Планъ дать другое направленіе торговлѣ съ Индіей.—Потемкинъ начинаетъ свою дѣятельность въ Крыму.—Заложеніе Херсона.—Возстаніе въ Крыму.—Присоединеніе Крыма къ Россіи.—Суворовъ приводитъ Ногайцевъ къ присягѣ въ вѣрности и утощаетъ ихъ.—Ногайцы бѣгутъ за Кубань.—Суворовъ идетъ противъ нихъ,—переходитъ черезъ Кубань,—и нападаетъ на Ногайцевъ.—Историческая замѣчательность этого края.—Измѣненіе обстоятельствъ.—Дальнѣйшая участь Шагинъ-Гирея.—Мирное время.—Суворовъ—инвалидъ.—Сужденіе о немъ 129

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ВЪ КРЫМЪ.—НАЧАЛО ВТОРОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.—1787.

Потемкинъ.—Планы его противъ Турокъ.—Тогдашнія взаимныя отношенія европейскихъ государствъ.—Система равновѣсія.—Союзъ Россіи съ Австріею.—Усилія Франціи сохранить миръ.—Какія причины побудили императрицу предпринять путешествіе въ Крымъ.—Приготовленія къ тому Потемкина.—Путешествіе императрицы до Кіева.—Пребываніе въ этомъ городѣ.—Замѣчательные иностранцы.—Выѣздъ оттуда.—Каневъ.—Свиданіе съ королемъ польскимъ.—Кременчугъ.—Прибытіе сюда императора Іосифа.—Херсонъ.—Крымъ.—Обратный путь.—Подозрительность и негодованіе Порты.—Она объявляетъ войну.—Какъ выразилась императрица.—Вооруженія Россіи.—Приготовленія Порты.—Суворовъ въ Кинбурнѣ.—Храбрый Ломбардъ.—Бой при Кинбурнѣ 1-го октября.—Суворовъ раненъ 151

СЕДЬМОЙ ОТДѢЛЪ.

ПОХОДЪ 1788 г.

Императоръ Іосифъ объявляетъ себя противъ Турокъ.—Характеристика обоихъ главныхъ предводителей союзниковъ.—Фельдмаршалъ Ласси и его кордонная система.—Князь Потемкинъ.—Англія и Пруссія противодѣйствуютъ императорскимъ дворамъ.—Графъ Герцбергъ.—Военныя силы Австріи.—Надежды императора Іосифа.—Военныя силы Россіи.—Цѣль военныхъ дѣйствій для Русскихъ, —для Австрійцевъ.—Мѣры Турокъ.—Суворовъ хочетъ штурмовать Очаковъ.—Смерть Сакена.—Екатеринославская армія идетъ къ Очакову —,Цѣла на Лиманѣ.—Пораженіе Турокъ.—Гассанъ-паша.—Потемкинъ блокируетъ Очаковъ.—Описаніе этой крѣпости.—Нерѣшительность Потемкина.—Суворовъ пытается увлечь его къ штурму и навлекаетъ на себя его неудовольствіе. —Жизнь Суворова въ опасности.—Письма Суворова къ Потемкину.—Вылазка Турокъ $^{18}/_{22}$ августа.—Принцъ Ангальтъ-Бернбургскій.—Ссора принца Нассаускаго съ Потемкинымъ.—Страданія солдатъ подъ Очаковымъ.—Потемкинъ вынужденъ рѣшиться на штурмъ.—Взятіе Очакова.—Радость императрицы.—Походъ Румянцова въ Молдавіи.—Неудачный походъ Австрійцевъ.—Вторженіе Турокъ въ Банатъ.—Болѣзнь императора Іосифа.—Шведскій король объявляетъ войну Россіи.—Письма Суворова къ его дочери 189

ОСЬМОЙ ОТДѢЛЪ.

ПОХОДЪ 1789 Г.—СРАЖЕНІЯ ПРИ ФОКШАНАХЪ И РЫМНИКѢ.

Обзоръ.—Потемкинъ въ Петербургѣ.—Румянцовъ удаленъ изъ арміи.—Характеръ его.—Суворовъ получаетъ начальство надъ одною дивизіею украинской арміи.—Описаніе театра войны.—Измѣненный планъ дѣйствій Порты.—Перемѣна правительства въ Константинополѣ.—Планъ дѣйствій Русскихъ.—Гаддикъ смѣняетъ Ласси у Австрійцевъ.—Мнѣніе Суворова объ этой войнѣ.—Онъ идетъ на помощь принцу Кобургскому,—отклоняетъ объясненіе съ нимъ.—Сраженіе при Фокшанахъ.—Суворовъ и принцъ Кобургскій на полѣ сраженія.—Суворовъ извиняется въ отказѣ объясненія.—Уронъ Турокъ.—Награды предводителямъ войскъ.—Единодушіе союзниковъ.—Мѣры Потемкина.—Угрожающія движенія Турокъ.—Суворовъ снова идетъ на помощь принцу Кобургскому.—Свиданіе его съ принцемъ.—Онъ обозрѣваетъ позицію непріятеля.—Движеніе союзниковъ впередъ.—Сраженіе при Рымникѣ.—Слѣдствія побѣды.—Награды.—Дѣйствія Потемкина.—Сдача Бендеръ.—Походъ Австрійцевъ.—Мнѣнія и сужденія о Суворовѣ.—Тактическія усовершенствованія его.—Походный порядокъ.—Письма 237

ДЕВЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПОХОДЪ 1790 ГОДА.—ШТУРМЪ ИЗМАИЛА.

Обзоръ политическихъ обстоятельствъ.—Графъ Герцбергъ и его планъ обмѣновъ.—Смерть императора Іосифа.—Сужденія о немъ.—Леопольдъ II, его преемникъ.—Военныя приготовленія въ Россіи.—Переговоры Потемкина съ великимъ визиремъ.—Бездѣятельный походъ.—Суворовъ соединяется съ принцемъ Кобургскимъ.—Наступленіе великаго визиря. — Рейхенбахская конвенція пріостанавливаетъ военныя дѣйствія.—Суворовъ и принцъ Кобургскій разлучаются.—Генералъ «Vorwärts».—Суворовъ возвращается въ Молдавію.—Переговоры въ Шистовѣ.—Прощальное письмо принца Кобургскаго.—Миръ съ Швеціею развязываетъ руки Русскимъ.—Потемкину велѣно дѣятельнѣе дѣйствовать противъ Турокъ.—Совѣтъ Суворова.—Описаніе театра военныхъ дѣйствій.—Покореніе Киліи.—Рибасъ истребляетъ турецкія флотиліи.—Измаилъ.—Гребная флотилія блокируетъ Измаилъ со стороны рѣки.—Осаду положено снять.—Она возлагается на Суворова.—Прибытіе его.—Трудности предпріятія.—Приготовленія къ штурму.—Требованіе сдачи и отвѣтъ.—Военный совѣтъ.—Штурмъ рѣшенъ.—Письмо Потемкина.—Диспозиція къ штурму.—Охотники.—Послѣднія приготовленія.—Начало штурма.—Вторая колонна.—Первая колонна.—Третья колонна.—Шестая колонна.—Казаки четвертой и пятой колоннъ.—Геройскій подвигъ священника.—Рѣчныя колонны.—Бой внутри города.—Смерть Сераскира.—Бой продолжается.—Смерть Капланъ-Гирея.—Послѣдніе Турки сдаются.—Геройское мужество Русскихъ.—Видъ покоренпаго города.—Лаконическое донесеніе Суворова.—Число убитыхъ.—Благодарственное молебствіе.—Трофеи и добыча.—Заключеніе. 303
Приложеніе. 355
Прибавленіе 359

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

РОЖДЕНІЕ, ПРОИСХОЖДЕНІЕ, ПЕРВАЯ СЛУЖБА.

Происхожденіе.—Молодость.—Вступленіе въ службу. Семилѣтняя война.—Обзоръ походовъ Русскихъ противъ Пруссаковъ.—Походъ 1757 г.,—1758 г.,—1759 г.—1760 г.,—1761 г.—Участіе въ нихъ Суворова.—О вліяніи этой войны на его образованіе.—Первый зародышъ его системы.

Родъ Суворовыхъ происходитъ изъ отечества многихъ героевъ—Швеціи. Въ 1622 году, въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича, *Наумъ* и *Суворъ* вышли оттуда въ Россію, были, по просьбѣ ихъ, приняты въ подданство и названы почетными гражданами. Потомки ихъ росли, множились и скоро раздѣлились на разныя отрасли; происшедшіе отъ Сувора назвались *Суворовыми* (1).

Хорошая служба ихъ въ Крымскихъ и другихъ походахъ, при царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ, доставила имъ почетъ, уваженіе и значеніе, и, въ награду за оказанныя ими заслуги, имъ были пожалованы отъ правительства разныя помѣстья.

Отецъ нашего героя, Василій Ивановичь Суворовъ, удостоился чести имѣть крестнымъ отцомъ императора Петра I и въ царствованіе этого же великаго государя началъ свое военное поприще, прежде рядовымъ, а позже былъ гвардіи фельдфебелемъ, прапорщикомъ и капитаномъ; послѣ того служилъ въ другихъ мѣстахъ и при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ достигъ до чина генералъ-лейтенанта. Въ семилѣтней войнѣ онъ завѣдывалъ провіантскимъ вѣдом-

(1) Мы принуждены замѣтить при этомъ случаѣ, что названіе Суворовъ должно выговаривать не Сȕваровъ, какъ это употребительно въ Германіи, но Сувòровъ, съ удареніемъ на среднемъ слогѣ во. (Авторъ). Это примѣчаніе автора, въ подлинникѣ, для нѣмцовъ, можетъ служить доказательствомъ, какъ даже имя Суворова въ Западной Европѣ произносилось неправильно. Французы также произносили и до сихъ поръ, кажется, произносятъ его имя Souvaròff. (Редак.).

ствомъ и затѣмъ управлялъ, въ званіи намѣстника, королевствомъ прусскимъ, причемъ снискалъ себѣ извѣстность кротостью и справедливостью своими (2). При императрицѣ Екатеринѣ II онъ былъ пожалованъ генералъ-анъ-шефомъ, сенаторомъ и употребленъ во многихъ важныхъ дѣлахъ. Онъ былъ человѣкъ честный, безкорыстный и, не смотря на то, что управлялъ самыми доходными мѣстами, не оставилъ своимъ дѣтямъ ничего, кромѣ родоваго наслѣдственнаго состоянія.

Сынъ его Александръ Васильевичъ Суворовъ, нашъ герой, родился въ 1729 году отъ Р. Х., въ Финляндіи (3). О его молодости имѣется мало свѣдѣній. Отецъ желалъ воспитать его для государственной гражданской службы, какъ вѣрнѣйшаго, по его мнѣнію, пути къ власти и вліянію; но уже рано обнаружился въ мальчикѣ иной духъ, и, не смотря на свое воспитаніе для мирныхъ наукъ и искусствъ, онъ пылалъ любовію только къ однимъ военнымъ. Герои древности воодушевляли его: Александръ, Цезарь, Аннибалъ уже рано стали любимцами души его, а исторіи ихъ—предметомъ непрестаннаго изученія его, и самымъ пламеннымъ желаніемъ его было—нѣкогда имѣть возможность подражать имъ. Изъ новѣйшихъ особенно любилъ онъ храбраго Шведскаго короля Карла XII, съ которымъ имѣлъ много сроднаго въ характерѣ: туже смѣлость, туже неустрашимость, твердую какъ желѣзо волю и прирожденное господство надъ чужими умами. Но онъ уважалъ также и мудраго, благоразумнаго Монтекукули, и много и часто изучалъ его *Достопримѣчательности* (записки), хотя писанныя сухо и методически, однако исполненныя практически-полезныхъ замѣчаній и наставленій о войнѣ, особливо того рода, какъ ее вели въ то время. Жизнеописанія, хотя и очень краткія, Корнелія Непота, историческія и географическія сочиненія добродушнаго Ролленя и заслуженаго педагога Гюбнера, научали его исторіи древнихъ и новѣйшихъ временъ; наконецъ изъ твореній Лейбница и Вольфа почерпнулъ онъ первыя понятія о философіи. Любознательность мальчика воспринимала все

---

(2) Сличи объ этомъ Beiträge zur Kunde Preussens, Königsberg 1817 и затѣмъ Греча: Сынъ Отечества 1822 года №№ 31 и 32. Русскіе управляли королевствомъ прусскимъ и вообще дѣйствовали въ немъ съ величайшею кротостью, и въ этомъ отношеніи особенныя заслуги оказали оба губернатора, Корфъ и Суворовъ-отецъ.

(3) Обыкновенно годомъ рожденія его считается 1730 й, но мы основываемъ наше показаніе на надгробной надписи Суворова въ Александроневской лаврѣ, въ Петербургѣ, гдѣ днемъ его рожденія означено 13-е ноября 1729 года.

съ живымъ участіемъ, и такимъ образомъ уже рано составилъ онъ себѣ запасъ знаній, который позже часто былъ пригоденъ ему.

Россія находилась тогда въ одномъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ переходныхъ положеній, когда старое оканчивается, а новое начинается. Съ рѣшительною силою воли стремился Петръ Великій возвысить свой народъ, вырвать его изъ стараго варварства и ввести въ ряды Европейскихъ государствъ. Все было измѣнено, даже иные безвредные обычаи, и изъ этого-то возникла борьба между тѣмъ, что́ было, и тѣмъ, что́ должно было быть. Люди, смотря по ихъ возрасту, руководятся или большою склонностью къ перемѣнамъ, или упорною бездѣятельностью, крѣпко держащеюся того, что́ уже существуетъ; юноша, полный силы дѣятельности, хочетъ преобразовать все, *что̀ есть*, а престарѣлый человѣкъ, въ груди котораго буря уже утихла, желаетъ сохранить все, *какъ есть*. Этимъ обществу непримѣтно сообщается непрестающая борьба, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и родъ равновѣсія противоположныхъ стремленій. А какъ между тѣмъ старость всегда постепенно уступаетъ мѣсто юности, то такимъ же образомъ мало по малу уступаютъ и старые нравы, обычаи, взгляды и привычки, и міръ преобразуется, какъ физически, такъ и нравственно, всегда заново. Превосходные умы могутъ болѣе или менѣе ускорять ходъ этого преобразованія. Такимъ именно явился для Русской земли Петръ I, и стремительно-быстро слѣдовали одна за другою перемѣны, такъ что въ краткомъ промежуткѣ времени между рожденіемъ и смертію этого великаго человѣка вмѣстились, казалось, цѣлыя столѣтія обычнаго хода человѣчества. Когда онъ принялъ единовластіе, Россія считалась еще между варварскими государствами и сила ея была мало уважаема, а когда онъ умеръ, боязливые взоры всѣхъ устремлялись уже на преобладающую силу сѣвернаго колосса, который угрожалъ, казалось, всѣмъ сосѣдямъ.

Но долго еще послѣ смерти Петра старое боролось съ новымъ внутри Россіи, и лишь мало по малу первое стало уступать послѣднему. Легче достигнуть силы, нежели утонченности нравовъ, и медленное, однообразное движеніе просвѣщенія впередъ не позволяетъ замѣнить его, безъ сотрясенія, однимъ быстрымъ скачкомъ. Еще не изчезли совершенно старыя привычки, мнѣнія и обычаи, и часто, рядомъ съ утонченною европейскою образованностью, видны были старыя азіятскія простота или грубость. Въ этотъ-то именно періодъ времени пришлись и рожденіе, и молодость Суворова. Люди суть, болѣе или менѣе, плодъ и вмѣстѣ отпечатокъ своего времени,

и отличнѣйшіе изъ нихъ именно и носятъ на себѣ особенно рѣзко печать его. Такъ и Суворовъ сохранилъ ее до поздней старости въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ въ молодости.

Среди означенныхъ выше занятій протекли для мальчика счастливые годы молодости, а между тѣмъ отецъ его, многочисленными занятіями своими отвлеченный отъ ближайшаго надзора за нимъ, и не подозрѣвалъ, какимъ восторженнымъ духомъ былъ исполненъ сынъ его. Особенный случай объяснилъ ему это. Мальчикъ тогда только былъ вполнѣ счастливъ, когда могъ безъ помѣхи проводить все время за своими книгами и чертежами; рѣдко показывался онъ передъ людьми или въ обществѣ, и получилъ отъ этого нѣкоторую застѣнчивость, неловкость въ обращеніи: поэтому ему даже дали насмѣшливое прозваніе (*).

Между деревенскими сосѣдями отца его былъ старый артиллерійскій генералъ Ганнибалъ, отличившійся при Петрѣ Великомъ (4). Въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, отецъ жаловался ему на застѣнчивость своего сына, по какому случаю ему даже и насмѣшливое прозваніе дали. «И правду сказать, прибавилъ онъ, Александръ мой вѣчно сидитъ себѣ въ свой горницѣ на верху и его ничѣмъ оттуда не выманишь. Это часто сердитъ меня; онъ такъ неловокъ, что ѣдва умѣетъ кланяться.» — «Гдѣ твой сынъ?» спросилъ Ганнибалъ. «Да тамъ, гдѣ и всегда», отвѣчалъ отецъ. Ганнибалъ взобрался по крутой лѣсенкѣ на верхъ къ молодому нелюдиму. «Послушай, братецъ, сказалъ онъ ему, почему ты никому не показываешься? Отца твоего это сердитъ,—что̀ ты за чудо? или хочешь умнѣе другихъ быть? Покажи, чѣмъ ты тутъ занимаешься?» Робко показалъ ему молодой Суворовъ свои книги, карты, чертежи. Ганнибалъ разсмотрѣлъ ихъ съ удивленіемъ, обнялъ его и сказалъ: «Еслибъ даже самъ великій императоръ нашъ Петръ видѣлъ твои работы, и тотъ по своему обычаю поцѣловалъ бы тебя въ лобъ. Продолжай,

---

(*) Такъ какъ Смиттъ заимствовалъ этотъ разсказъ изъ неизданной русской рукописи (см. ниже примѣч. 5) и употребилъ нѣмецкое слово «Scheuvogel», которое не можетъ быть переведено буквально, а только въ переносномъ смыслѣ, то я и не рѣшился перевесть его такимъ русскимъ словомъ, которое вовсе не соотвѣтствовало бы, можетъ быть, прозванію, данному молодому Суворову. (Редак.).

(4) Это былъ негръ, въ молодости подаренный въ Амстердамѣ Петру I. Послѣдній назвалъ его въ шутку Ганнибаломъ и опредѣлилъ въ военную службу, въ которой молодой Ганнибалъ, бывшій не безъ дарованій, дослужился до генеральскаго чина. Потомки его еще до сихъ поръ существуютъ въ Россіи. (Авторъ). Однимъ изъ нихъ по матери былъ А. С. Пушкинъ. (Редак.).

сынъ мой, и не заботься о томъ, что говорятъ модные люди.» Затѣмъ воротясь къ отцу, онъ сказалъ ему: «дай Богъ всѣмъ отцамъ, такихъ угрюмыхъ дѣтей; оставь твоего Александра въ его уединеніи, онъ далеко перегонитъ многихъ, которыхъ теперь хвалятъ.» (5). Такъ геній всегда обнаруживаетъ себя прозорливому взгляду; такъ Силла угадалъ его въ Цезарѣ, а Бонапарту одинъ изъ его учителей предсказалъ блистательное поприще.

Послѣ этого старикъ Суворовъ не противился болѣе склонности мальчика и записалъ его, на 13-мъ году отъ роду (1742 г.), лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ рядовымъ. Правда, это случилось немного поздно и несогласно съ обычаемъ прочаго дворянства, которое рано, часто еще при рожденіи, записывало дѣтей своихъ въ службу, для того, чтобъ имъ, по поступленіи въ юношествѣ на дѣйствительную службу, могли быть причтены лѣта дѣтства, принимавшіяся также въ общій расчетъ. Но для молодаго Суворова это имѣло ту выгоду, что онъ изучилъ службу съ нижнихъ чиновъ и такимъ образомъ постепенно прошелъ по порядку чрезъ всѣ чины, начиная съ самаго низшаго, до тѣхъ поръ, пока въ поздней старости не достигъ до послѣдняго и высшаго, достающагося въ удѣлъ лишь немногимъ, особенно благопріятствуемымъ судьбою. Но кто сначала научился повиноваться, тотъ легче и лучше умѣетъ потомъ повелѣвать.

Послѣ двѣнадцатилѣтней службы, въ продолженіе которой онъ дослужился до фельдфебеля, въ 1754 году былъ онъ переведенъ, по преимуществу гвардіи, поручикомъ въ одинъ изъ полевыхъ полковъ. Съ этого времени производство его пошло скорѣе: три года спустя мы уже видимъ его подполковникомъ и, по открытіи войны съ Пруссіей, комендантомъ Мемельской крѣпости. Но спокойствіе комендантской должности было мало согласно съ его пылкимъ нравомъ; время дѣйствій настало—и ему-ли было провести его въ безславномъ бездѣйствіи? Онъ не давалъ покоя просьбами, пока наконецъ не былъ отозванъ отъ своей должности и переведенъ въ дѣйствующую армію. Наконецъ-то долженъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ ознакомиться съ войною, теорія которой до тѣхъ поръ занимала его такъ разнообразно.

Великая, необыкновенная война происходила въ это время: небольшое, усиліями мудрыхъ государей недавно возвысившееся госу-

---

(5) Изъ рукописнаго разсказа, найденнаго въ бумагахъ графа Хвостова.

дарство долженствовало всею силой быть подавлено. Грозный союзъ составился втайнѣ противъ него, обширная сѣть была постепенно окинута вокругъ и приняты всѣ мѣры, чтобы въ данное мгновеніе обрушиться на него съ соединенными силами всей Европы. Но это небольшое государство имѣло тогда въ главѣ своей великаго короля. Могучею рукою расторгъ онъ сѣть прежде, нежели она вполнѣ опутала его, и предпринялъ войну, которая, обильная перемѣнными случайностями, хотя часто приводила его на самый край гибели, но затѣмъ снова возносила на высшую степень побѣдной славы. Гдѣ нѣтъ опасности, тамъ нѣтъ и славы, и чѣмъ значительнѣе опасность, тѣмъ возвышеннѣе честь мужественнаго преодоленія оной. Уже четвертый годъ велъ Фридрихъ Прусскій тяжкую борьбу съ своими могущественными противниками; порою побѣдитель, порою побѣжденный, онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ, рядомъ съ личнымъ нравственнымъ превосходствомъ своимъ, преимущественно безсвязнымъ планамъ своихъ противниковъ и недостатку согласія между предводителями армій ихъ. Свободный и несвязанный въ исполненіи своихъ предначертаній, онъ имѣлъ счастіе вести войну противъ полководцевъ, которые, сверхъ природной неспособности, были еще обуздываемы страхомъ отвѣтственности. Такимъ образомъ онъ всегда оставался полнымъ властелиномъ дѣйствій и, вмѣсто того, чтобы принимать удары отъ своихъ могущественныхъ враговъ, самъ наносилъ имъ оные.

Среди этихъ-то обстоятельствъ Суворовъ впервые вступилъ на театръ войны, какъ любознательный молодой человѣкъ, дабы при помощи опыта, который онъ долженъ былъ пріобрѣсть здѣсь, нѣкогда самому сдѣлаться властелиномъ войны. Съ умомъ, изощреннымъ наукой, слѣдилъ онъ за всѣмъ, что вокругъ него происходило, внимательно сравнивалъ все, что дѣлалось, съ тѣмъ, что могло бы быть сдѣлано, и такимъ образомъ въ умѣ его постепенно созрѣла та, ему лично принадлежавшая система, которой онъ позже былъ обязанъ своей славой.

Въ это время Русскіе совершали уже 3-й походъ свой противъ Пруссаковъ. Въ 1-мъ (1757) они только явились, одержали побѣду при Гроссъ-Егерндорфѣ, какъ бы для того лишь, чтобъ показать своимъ противникамъ, какихъ опасныхъ непріятелей послѣдніе найдутъ въ нихъ, и вслѣдъ за тѣмъ—немедленно ушли обратно. Это неожиданное отступленіе, послѣ одержанной побѣды, возбудило удивленіе и тогда уже заставляло предугадывать существованіе нѣкоторой тайной причины, приводившей силу этихъ армій въ без-

дѣйствіе; позднѣйшія событія должны были лишь слишкомъ очевидно обнаружить это.

Главнокомандующій графъ Апраксинъ палъ на этотъ разъ жертвою точнаго исполненія тайныхъ предписаній и былъ замѣщенъ генераломъ Ферморомъ, тонкимъ и ловкимъ свѣтскимъ человѣкомъ болѣе, нежели искуснымъ полководцемъ. Онъ занялъ въ слѣдующемъ (1758) году покинутое королевство Прусское и медленными переходами двинулся въ Бранденбургскую Мархію (Бранденбургію). Уже онъ подступилъ къ Кюстрину и бомбардировалъ его, когда король, съ отборными боевыми силами и полный негодованія, поспѣшилъ туда, дабы, за произведенные казаками безпорядки, излить месть свою на русскую армію. Въ Европѣ еще мало знали и еще менѣе уважали Русскихъ. Правда, побѣда при Егерндорфѣ внушила большой страхъ къ нимъ въ противопоставленныя имъ войска, но ее менѣе приписывали храбрости Русскихъ, нежели неискусству фельдмаршала Левальда. Теперь король лично хотѣлъ показать, какъ побѣждать эти *орды* (такъ называли ихъ). Искусными маневрами оттѣснилъ онъ недовольно искуснаго Фермора, при Цорндорфѣ, въ уголъ, гдѣ всякій выходъ былъ ему отрѣзанъ, и атаковалъ его здѣсь съ большимъ ожесточеніемъ. «Нѣтъ Русскимъ пощады, говорили Пруссаки, хотя бы всѣмъ имъ пришлось погибнуть.»—«Хорошо,—отвѣчали Русскіе, — такъ и мы не дадимъ пощады».—Эта рѣшимость обѣихъ сторонъ дозволяетъ угадывать, каково было ожесточеніе боя. Каждая сторона потеряла болѣе трети людей, а что́ выиграла? Когда истощеніе силъ, послѣ многочаснаго боя, прекратило его, каждая армія сохранила свою часть поля сраженія, и только на второй день медленно отступили онѣ, робко наблюдая одна за другою, Пруссаки—въ Саксонію, а Русскіе, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Помераніи — обратно на свои зимнія квартиры (6). Обѣ стороны помѣрялись силами, но ничто еще не было рѣшено. Выгоды съ одной стороны — бо́льшаго числа, а съ другой—бо́льшихъ искусства и способности къ маневрированію, при равной храбрости, взаимно взвѣсили себя, и обѣ арміи разошлись съ чувствами взаимнаго уваженія, которое мужество и стойкость всегда внушаютъ даже самому ожесточенному врагу.

Третій походъ долженъ былъ наконецъ рѣшить приговоръ Евро-

(6) Пруссаки приписываютъ себѣ здѣсь большую побѣду, но достаточно безпристрастно сличить даже, если угодно, пристрастнаго Темпельгофа, чтобъ убѣдиться, какъ мало здѣсь была одержана большая побѣда. Еслибы Пруссаки побѣдили, то, при невыгодномъ расположеніи Русскихъ, изъ нихъ не спасся бы ни одинъ человѣкъ

пы о русскихъ войскахъ. Ферморъ былъ смѣненъ графомъ Салтыковымъ, который сначала дѣйствовалъ не безъ искусства и, еслибы не политическія обстоятельства при Петербургскомъ дворѣ, гдѣ наслѣдникъ престола открыто принялъ сторону Пруссіи, сдѣлалъ бы, можетъ быть, еще болѣе. Не смотря на усилія графа Дона удержать его, безостановочно шелъ онъ изъ Польши противъ Мархій,—побѣдилъ при Цюллихау генерала Веделя, прибывшаго съ приказаніемъ смѣнить графа Дона и разбить Русскихъ,—25 іюля занялъ Кроссенъ и отсюда двинулся къ Франкфурту на Одерѣ, гдѣ къ нему присоединился генералъ Лаудонъ съ 15,000 чел. австрійскихъ войскъ, большею частію—конницы. Но король, собравшій разныя части войскъ, уже спѣшилъ сюда, дабы совершить теперь при Франкфуртѣ то, чего не могъ сдѣлать при Цорндорфѣ, и искуснымъ обходомъ опрокинуть русскую армію въ Одеръ. И такимъ образомъ начался жестокій бой при Куннерсдорфѣ (12 августа 1759 года), въ которомъ, не смотря на самыя необычайныя усилія, Пруссаки, наконецъ совершенно истощившіе свои силы, понесли полное пораженіе. Мужество и искуство сокрушились здѣсь о равныя мужество и храбрость, но еще бо́льшую стойкость, благопріятствуемую выгодными свойствами мѣстности. Судьба Пруссіи была теперь въ рукахъ Салтыкова: быстрое употребленіе побѣды въ свою пользу, неутомимое преслѣдованіе остатковъ разбитой арміи, взятіе Берлина, занятіе Мархій и, въ связи съ Австрійцами подъ предводительствомъ Дауна, уничтоженіе немногихъ прусскихъ войскъ, еще остававшихся въ Саксоніи и Лузаціи, легко могли положить конецъ войнѣ и бытію Прусскаго государства. Но Провидѣніе судило иначе. Извѣстное пристрастіе наслѣдника русскаго престола къ королю-герою возложило на Салтыкова обязанность препятствовать, чтобы король не былъ совершенно подавленъ—и, не смотря на усиленныя просьбы Австрійцевъ, Салтыковъ рѣшительно не хотѣлъ ничего болѣе предпринимать противъ короля. Онъ справедливо возражалъ, что довольно сдѣлалъ съ своей стороны и что очередь дѣйствій за Австрійцами. Робкій, боязливо-методическій Даунъ, которому недоставало духа предпріимчивости, никогда не былъ въ состояніи рѣшиться на энергическія дѣйствія. Король выигралъ время, чтобъ оправиться, и нѣсколько недѣль спустя уже снова находился въ грозномъ положеніи; Салтыковъ же, совершенно разсорившійся между тѣмъ съ фельдмаршаломъ Дауномъ, возвратился на свои зимнія квартиры въ Пруссіи.

Въ этомъ-то именно походѣ Суворовъ въ первый разъ высту-

пилъ на театръ войны. Онъ прибылъ въ армію незадолго до взятія Кроссена, какъ разъ во́-время для того, чтобы принять участіе въ могучемъ и рѣшительномъ боѣ при Куннерсдорфѣ.

Въ слѣдующемъ (1760) году долженствовало быть совершено то, что́ было упущено въ предъидущемъ. Австрійская и русская арміи должны были соединиться въ Силезіи и затѣмъ соединенными силами напасть на небольшую армію короля, дабы подавить ее превосходствомъ своихъ силъ. Но и здѣсь несогласіе обоихъ главнокомандующихъ (Дауна и Салтыкова) повредило всему и воспрепятствовало всякому согласному движенію. Послѣ различныхъ передвиженій въ ту и другую стороны, Русскіе снова удалились, взявъ предварительно, посредствомъ летучаго корпуса генерала Готлебена, контрибуцію съ Берлина. Суворовъ участвовалъ въ этомъ предпріятіи, хотя и не имѣлъ случая особенно отличиться въ немъ.

Жалобы на главнокомандующихъ, столь мало исполнившихъ изъ всего того, чего отъ нихъ ожидали, громко раздались въ союзныхъ дворахъ и побудили серьозно подумать о средствахъ пособить этому. Со стороны Русскихъ раздражительный, упрямый Салтыковъ былъ замѣненъ фельдмаршаломъ Бутурлинымъ (то былъ уже четвертый главнокомандующій въ этой войнѣ); Даунъ же, напротивъ, удержался, не смотря на ежегодно снова обнаруживавшуюся неспособность его, но благодаря стараніямъ его всесильной при дворѣ супруги. Не знали, кого назначить на его мѣсто; только два генерала оказали выходившія изъ ряду заслуги—Ласси и Лаудонъ, но, какъ иностранцы (оба родились въ Россіи, Ласси—въ Петербургѣ, Лаудонъ—въ Лифляндіи), они могли разсчитывать лишь на малую поддержку и на большую зависть. По этому-то твердый, непреклонный Ласси, какъ начальникъ главнаго штаба Дауна слишкомъ хорошо́ знавшій трудности, соединенныя съ званіемъ главнокомандующаго австрійской арміи, рѣшительно отказался отъ предложеннаго ему главнаго начальствованія ею. Лаудонъ, храбрый партизанъ, пользовался благорасположеніемъ всемогущаго министра Маріи-Терезіи, графа Кауница; послѣднему и удалось наконецъ доставить ему главное начальствованіе надъ независимою отъ Дауна арміею, которая, въ соединеніи съ Русскими, должна была вырвать изъ рукъ короля Силезію, первую причину всѣхъ этихъ войнъ. Но и на этотъ разъ не исполнились надежды, вновь возбужденныя довѣріемъ къ искуству Лаудона и храбрости Русскихъ: успѣхамъ союзниковъ препятствовало слишкомъ много причинъ, дѣйствовавшихъ втайнѣ. Половина похода прошла въ усиліяхъ соединить раздѣленныя прус-

скою арміею боевыя силы союзниковъ, а когда послѣднія затѣмъ наконецъ соединились, то тотчасъ же снова разлучились, не предпринявъ даже ни малѣйшаго дѣйствія противъ короля, укрывшагося въ Бунцельвицскомъ укрѣпленномъ лагерѣ. Русскіе удалились въ Померанію, гдѣ старались утвердиться, а Лаудонъ, хотя при немъ и осталось 20,000 русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Чернышева, не отважился однако предпринять что-либо противъ короля, внушавшаго столько страху,—если только не исключить удачно исполненнаго, почти въ концѣ похода, при одномъ, слишкомъ дальномъ, фланговомъ движеніи короля, взятія крѣпости Швейдницъ посредствомъ внезапнаго нападенія. Но и это едва не подвергло Лаудона строгому приговору военнаго суда, потому что было совершено безъ предварительно-испрошеннаго позволенія гофкригсрата или придворнаго военнаго совѣта.

Фридрихъ отрядилъ генерала Платена съ 10,000 человѣкъ войскъ, для того, чтобы затруднять походъ Русскихъ, истребить магазины ихъ въ Польшѣ и сколько можно болѣе препятствовать всѣмъ ихъ движеніямъ. Платенъ искусно исполнилъ свое порученіе. Однако Русскіе выставили противъ него летучій корпусъ подъ начальствомъ генерала Берга, составленный изъ одной конницы, который не выпускалъ его изъ виду и старался вездѣ удерживать его. Между тѣмъ главныя силы медленно слѣдовали позади, но часть ихъ, подъ начальствомъ князя Василія Долгорукаго, быстрымъ движеніемъ опередила Платена. Дабы, при будущемъ продолженіи войны, не потерять половины похода на дальнее движеніе изъ Пруссіи впередъ, рѣшено было овладѣть въ Помераніи какимъ-нибудь крѣпкимъ пунктомъ, гдѣ бы можно было провести зиму, а съ наступленіемъ лѣта легко начать изъ него наступательныя дѣйствія. Особенно удобнымъ для этого признанъ былъ Кольбергъ, гдѣ можно было также сохранять открытое сообщеніе съ моремъ. Вслѣдствіе того генералъ Румянцовъ долженъ былъ осадить Кольбергъ. Король понималъ важность этой крѣпости и приказалъ герцогу Евгенію Виртембергскому и генералу Платену во что бы ни стало воспрепятствовать предпріятію Русскихъ. Изъ этого возникли дѣятельныя вокругъ Кольберга военныя дѣйствія, съ цѣлію, съ одной стороны—овладѣть осажденнымъ Кольбергомъ, а съ другой—удержать его. Почти ежедневно происходили стычки; Кольбергъ, обороняемый храбрымъ полковникомъ Гейденомъ, былъ приведенъ въ крайнее положеніе; напрасно старались Пруссаки ввести въ него подвозы съ продовольствіемъ: бдительность и дѣятельность Русскихъ сдѣлала всѣ эти попыт-

ки тщетными. До самой глубокой зимы продлилась борьба изъ-за Кольберга и многія сотни солдатъ, особенно легче одѣтыхъ и менѣе привычныхъ къ холоду Пруссаковъ, замерзли въ суровую зиму, пока наконецъ крѣпость, истощивъ всѣ оборонительныя средства свои, не сдалась $^{5}/_{16}$ декабря 1761 года Русскимъ на капитуляцію.

Этимъ было положено основаніе будущей дѣятельной войнѣ со стороны самаго опаснаго противника Фридриха, и паденіе послѣдняго казалось неизбѣжнымъ, когда внезапно императрица Елисавета, лично раздраженная противъ него, скончалась, уступивъ мѣсто преемнику своему, который, будучи восторженнымъ поклонникомъ короля, давно уже втайнѣ затруднялъ всѣ предпріятія полководцевъ противъ него. Онъ немедленно открыто объявилъ себя въ пользу его, передалъ ему всѣ сдѣланныя у него завоеванія и позже даже заключилъ союзъ съ тѣмъ, противъ котораго до сихъ поръ ведена была столь упорная война. Таковъ былъ конецъ войны Россіи противъ короля Фридриха Прусскаго.

Въ этомъ послѣднемъ, дѣятельнѣйшемъ походѣ Русскихъ, молодой Суворовъ имѣлъ много случаевъ отличиться и оказать опыты того, чѣмъ онъ нѣкогда будетъ. Уже въ Силезіи, въ разныхъ кавалерійскихъ дѣлахъ, онъ всегда былъ однимъ изъ первыхъ; но еще болѣе обратилъ онъ на себя вниманіе начальниковъ необыкновенными дѣятельностью и храбростью, оказанными имъ въ предпріятіяхъ летучаго корпуса генерала Берга. Находясь всегда при авангардѣ, онъ усердно искалъ случаевъ наносить вредъ непріятелю. Быстрымъ ночнымъ переходомъ въ шесть миль (около 42 верстъ), съ казаками, онъ предупредилъ генерала Платена при Ландсбергѣ на рѣкѣ Вартѣ и, уничтоженіемъ тамъ моста, принудилъ его переправиться черезъ рѣку на собранныхъ баркахъ и лодкахъ. Онъ имѣлъ самое дѣятельное участіе во внезапномъ пораженіи авангарда Платена, подъ начальствомъ подполковника Курбіера; онъ оказалъ величайшую дѣятельность въ воспрепятствованіи введенію въ Кольбергъ большаго транспорта. Мы опускаемъ здѣсь дальнѣйшее изображеніе этихъ небольшихъ военныхъ дѣлъ; въ жизни обыкновеннаго человѣка они могли бы быть упомянуты съ похвалою, но въ его жизни, столь богатой подвигами, они изчезаютъ въ мракѣ ничтожности. Тому, кто желаетъ ближе изучить ихъ, мы предлагаемъ прочесть Антингово жизнеописаніе его, гдѣ всѣ они тщательно описаны. Они-то, однако, снискали ему въ арміи имя способнаго офицера, а отъ начальниковъ его—почетную похвалу. «Суворовъ, — такъ отзывался о немъ старый генералъ Бергъ, — смѣлъ

и быстръ въ рекогносцировкѣ, храбръ въ бою и никогда не теряетъ присутствія духа.»

Такова была первая война, въ которой участвовалъ Суворовъ, и здѣсь представляется вопросъ, какое впечатлѣніе произвело на него то, что́ онъ видѣлъ, и какое вліяніе имѣло это на его понятія? Умъ его, столь быстрый и вѣрный, конечно не могъ удовлетвориться тѣмъ образомъ и тѣмъ способомъ, какимъ ведена была война противъ короля Прусскаго. «Я пошелъ бы прямо на Берлинъ,»—сказалъ онъ послѣ сраженія при Куннерсдорфѣ—и этимъ произнесъ приговоръ своему главнокомандующему. Что̀ могъ онъ думать, когда видѣлъ взаимную, мелочную зависть предводителей армій, скорѣе готовыхъ уступить побѣду непріятелю, нежели своимъ соперникамъ,—ихъ бездѣйствіе при огромныхъ средствахъ, ихъ медленность, нерѣшительность, боязливый, даже смѣшной страхъ передъ королемъ; наконецъ, когда онъ долженъ былъ убѣдиться, что вся ихъ система и все ихъ искуство могли лишь служить образцомъ того, какъ войну *не слѣдовало вести*. И кажется, что почти въ такомъ смыслѣ онъ и понялъ это, потому что никто и никогда въ послѣдствіи не превосходилъ его въ отсутствіи чувства зависти (она чужда великимъ душамъ), въ безкорыстной готовности помогать другимъ и наконецъ въ быстрой рѣшимости и дѣятельности.

Велики, громадны были средства союзниковъ, но имъ недоставало общей связи; всѣ эти массы, сами по себѣ храбрыя и испытанныя въ войнѣ, ничего не могли сдѣлать, потому что не были направляемы *одною рукою, къ одной цѣли*. Оттого всѣ ихъ безсвязныя, безцѣльныя нападенія сокрушались объ искусное предводительствованіе значительно уступавшихъ имъ числомъ, прусскихъ боевыхъ силъ, всегда руководимыхъ, напротивъ, *однимъ* полководцемъ, *одною* главною мыслію, *одною* цѣлію. Какъ левъ стоялъ Прусскій король внутри не слишкомъ обширнаго круга, выставляя небольшіе отряды противъ отдѣльныхъ непріятельскихъ армій, а самъ, съ отборными боевыми силами въ срединѣ, всегда готовый устремляться всюду, гдѣ была наибольшая опасность, и сильнымъ ударомъ отклонять ее отъ себя на продолжительное время. То былъ безспорно лучшій способъ дѣйствій въ его положеніи; однако, еслибы противъ него были другіе, болѣе дѣятельные и предпріимчивые полководцы, еслибы въ усиліяхъ ихъ было болѣе связи, еслибы ихъ одушевляла рѣшительная воля пробиться во что бы ни стало, тогда волшебный кругъ, къ которому они приближались лишь со страхомъ, былъ бы скоро прорванъ, и король,—какъ позже другой великій полководецъ на томъ

же мѣстѣ,—стѣсненный кругомъ на небольшомъ пространствѣ, былъ бы принужденъ къ рѣшительной битвѣ, которая, при значительно превосходныхъ силахъ союзниковъ, могла бы имѣть несомнѣнный исходъ. Но въ видахъ Провидѣнія рѣшено было иначе: герой-король и его храбрый народъ не должны были пасть, но скорѣе, въ вѣчный урокъ другимъ народамъ, послужить примѣромъ того, что́ могутъ сдѣлать мужество, терпѣніе и твердая воля. Примѣръ этотъ не остался безъ пользы, и наше время видѣло, какіе славные плоды принесъ онъ.

Опаснѣе, правда, для самобытности короля, но поучительнѣе для науки, безспорно, было бы, еслибъ противъ него дѣйствовали иные, искусные полководцы. Тамъ, гдѣ сила борется противъ силы, а нравственное превосходство противъ нравственнаго же превосходства, зрѣлище такой борьбы заманчивѣе и поучительнѣе, нежели тамъ, гдѣ малодушіе и слабость обуздываются нравственною силой. Поучительнѣйшими для военнаго искусства и исторіи описаніями всегда будутъ тѣ, въ которыхъ мы читаемъ, какъ возвышенный умъ Аннибала сокрушается о мудрость Сципіона, какъ громкій именемъ Помпей одолѣвается ловкою тонкостію Цезаря, какъ Кондэ борется противъ Тюренна, а Наполеонъ противъ Веллингтона—и судьбы.

Никогда храбрыя арміи не были предводительствуемы хуже армій союзниковъ въ этой войнѣ, и если, однако, послѣднія и одерживали иногда побѣды, то это случалось лишь по причинѣ собственной ихъ храбрости, какъ бы на перекоръ совершенно превратнымъ мѣрамъ ихъ предводителей. Сужденіе это не покажется слишкомъ строгимъ, если вспомнить объ удивительномъ многоугольникѣ Фермора при Цорндорфѣ, съ острыми и тупыми углами, и съ рѣками и болотами въ тылу, или о неподвижности Дауна и герцога Лотарингскаго при Лейтенѣ, между тѣмъ какъ король маневрировалъ съ цѣлію зайти имъ во флангъ,—или же, въ сратегическомъ отношеніи, если припомнить, что они, вмѣсто того, чтобъ имѣть въ виду опредѣленную цѣль, всегда занимались лишь неважными, побочными предметами и воображали, что совершили великое дѣло, если гдѣ-нибудь брали врасплохъ ничтожную крѣпостцу, или предпринимали небольшую диверсію куда-нибудь, или возбуждали опасенія изъ-за нѣсколькихъ, угрожаемыхъ ими, мѣшковъ муки! Словомъ—они видѣли войну всегда только во второстепенномъ, никогда — въ главномъ дѣлѣ; какъ же могли они поэтому, безъ особенной игры случая, привести ее къ счастливому концу!

Первымъ вопросомъ въ войнѣ всегда долженъ быть: какая ко-

нечная цѣль?—а вторымъ: какими средствами достигнуть ее?—Тутъ, въ семилѣтней войнѣ, конечною цѣлію было подавить короля, а единственнымъ средствомъ къ тому—уничтожить его армію. Это могло быть совершено только посредствомъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій, и, при несоразмѣрномъ превосходствѣ силъ союзниковъ, король, не смотря на самое храброе сопротивленіе, долженъ былъ бы наконецъ погибнуть. Если кто уступаетъ своему противнику въ нравственной силѣ, но превосходитъ его въ матеріальной, то долженъ стараться рѣшить дѣло этою послѣднею. Вслѣдствіе этого правила, союзники должны были быстро атаковать короля со всѣхъ сторонъ; еслибъ онъ сначала и одержалъ побѣды, то сами онѣ довели бы его наконецъ до погибели. Однако Даунъ и мудрые руководители союзныхъ армій думали наступательную войну привести къ концу—посредствомъ тщательно соблюдаемой обороны! Казалось, будто они вовсе не желали и не искали скорѣйшаго рѣшенія этой войны; очень естественно, что они имѣли свои причины на то.

Только два человѣка въ этой войнѣ, впервые выступившіе на поприще исторіи, обнаружили въ маломъ размѣрѣ то, чѣмъ они нѣкогда должны были быть въ большемъ—*Румянцовъ* и *Суворовъ*. Первый (умалчивая о меньшихъ военныхъ подвигахъ его) рѣшилъ побѣду при Гроссъ-Егерндорфѣ, появленіемъ своимъ спасъ армію при Цорндорфѣ и, наконецъ, управлялъ осадою Кольберга. Второй, хотя еще и въ подчиненномъ званіи, получалъ подъ свое начальство отряды свыше своего чина и наносилъ Пруссакамъ часто и много вреда. Блистательнѣйшимъ ихъ многихъ небольшихъ военныхъ дѣлъ его было совершенное имъ противъ начальника авангарда генерала Платена (2 баталіона и 10 эскадроновъ), подполковника Курбіера. Пока прусскіе гусары были удерживаемы русскими гусарами же, поддерживаемыми казаками, самъ Суворовъ, въ головѣ 6-ти эскадроновъ конныхъ гренадеровъ, врубился въ каре изъ обоихъ баталіоновъ и принудилъ его, послѣ нѣкотораго сопротивленія, положить оружіе, а затѣмъ и гусары были частію разсѣяны, частію взяты въ плѣнъ.

Доказательствомъ усердія его къ пріобрѣтенію познаній служитъ, между прочимъ, то, что когда, по заключеніи мира, онъ, вмѣстѣ съ генераломъ Бергомъ, посѣтилъ въ Штетинѣ принца Беверискаго, то съ радостію воспользовался доставленнымъ ему симъ послѣднимъ, случаемъ списать планъ дѣйствій противъ Даніи, съ которою тогда предстоялъ разрывъ.

Когда воспослѣдовавшая 25 декабря 1761 (5 января 1762) года кончина императрицы Елисаветы спасла короля Прусскаго отъ неизбѣжнаго, казалось, паденія, и затѣмъ восторженный поклонникъ его, Петръ III, принялъ его сторону, но императрица Екатерина II, вскорѣ послѣ того, объявила себя неутральною,—русскія войска, въ седьмомъ году войны, послѣ неисчислимаго вреда, нанесеннаго ими непріятелю, были наконецъ отозваны, и Суворовъ, уже произведенный въ полковники, посланъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о предпринятомъ обратномъ походѣ. Представленный императрицѣ какъ отличный офицеръ, онъ былъ милостиво принятъ ею и собственноручнымъ приказомъ ея назначенъ командиромъ Астраханскаго пѣхотнаго полка.

Затѣмъ съ 1762-го по 1768-й годъ настало мирное время, которое однако прошло не безъ пользы для Суворова, а напротивъ послужило ему приготовленіемъ къ будущему. Сличая пріобрѣтенную имъ на войнѣ опытность съ уроками великихъ полководцевъ всѣхъ временъ, онъ исподоволь составилъ себѣ свою собственную систему: упражненіе и изощреніе *военнаго взгляда*, *быстрота* въ исполненіи, *сила и натискъ* въ бою были главными основаніями ея. И такъ какъ полководецъ можетъ знаменамъ своимъ упрочить побѣду не однимъ самимъ собою, но только помощію искуснаго, вполнѣ послушнаго его рукѣ, орудія, то предметомъ постоянныхъ усилій Суворова было образованіе ввѣренныхъ ему войскъ. Для того, чтобы сдѣлать ихъ сколь можно болѣе подвижными и способными къ маневрированію, онъ безпрестанно упражнялъ ихъ въ построеніяхъ, движеніяхъ и другихъ военныхъ дѣйствіяхъ, особенно же въ атакѣ въ штыки, потому что только употребленіе бѣлаго оружія внушаетъ войскамъ мужество и довѣріе къ себѣ, неустрашающееся никакой опасности,—только имъ однимъ образуются герои.

Но что онъ и въ другихъ отношеніяхъ всячески старался упражнять и образовать свои войска, убѣдительное доказательство тому находимъ въ недавно появившемся сочиненіи объ одномъ важномъ русскомъ государственномъ человѣкѣ (7). Въ немъ, послѣ разсказа, какъ губернаторъ Сиверсъ въ 1766 году, при объѣздѣ ввѣренныхъ ему губерній, прибылъ въ Ладогу, сказано (I, стр. 217): «Достойныя подражанія, учрежденія полковника Суворова въ Суз-

(7) Ein Russischer Staatsmann. Des Grafen Iacob Johann Siewers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands, von Karl Ludwig Blum. Leipzig und Heidelberg. Winter 1857.

дальскомъ полку, въ отношеніи постройки полковой церкви и обѣихъ школъ, которыя онъ учредилъ для дворянскихъ и для солдатскихъ дѣтей и раздѣлилъ на разные классы, видѣлъ я съ весьма большимъ удовольствіемъ, равно какъ и комедію, разъиграть которую онъ заставилъ своихъ дворянскихъ кадетовъ, дабы тѣмъ молодежь эту научить лучшему обращенію. Онъ также построилъ конюшню для полковыхъ лошадей и развелъ садъ на безплодной песчаной почвѣ.»

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

ПОЛЬСКАЯ КОНФЕДЕРАТСКАЯ ВОЙНА.

1768—1772.

Взглядъ на состояніе Польши.—Развитіе причинъ, произведшихъ упадокъ этого государства.—Станиславъ Понятовскій, король.—Дѣло диссидентовъ.—Происхожденіе Барской конфедераціи.—Открытіе войны противъ Русскихъ.—Суворовъ посланъ въ русскій корпусъ въ Польшѣ.—Быстрый походъ его.—Военныя упражненія.—Генералъ Веймарнъ, главный начальникъ русскихъ войскъ.—Движеніе Суворова противъ Котлубовскаго и обоихъ Пулавскихъ.—Люблинъ—средоточіе его дѣйствій.—Описаніе театра войны.—Образъ веденія войны конфедератами.—Предводители ихъ.—Образъ дѣйствій Суворова.—Основныя начала его тактики.—Порта объявляетъ войну Россіи.—Походъ 1769 г. противъ Турокъ.—Блистательный походъ 1770 г.—Впечатлѣніе этихъ побѣдъ на Европу.—Шуазель принимаетъ участіе въ конфедератахъ.—Дюмурье посланъ имъ въ Польшу.—Графиня Мнишекъ.—Проекты и работы Дюмурье.—Планъ дѣйствій его.—Причины неудачи его.—Первоначальные успѣхи конфедератовъ.—Прибытіе Суворова.—Пораженіе Саввы.—Бой при Ландскронѣ.—Пулавскій разбитъ.—Суворовъ оправданъ передъ Дюмурье.—Дѣятельность его.—Движеніе Коссаковскаго въ Литву.—Огинскій объявляетъ себя противъ Русскихъ.—Суворовъ выступаетъ противъ него,—разбиваетъ его при Сталовичахъ,—успокоиваетъ затѣмъ Литву.—Письмо Бибикову.—Графъ Віоменилль смѣняетъ Дюмурье.—Взятіе Краковскаго замка хитростію.—Суворовъ спѣшитъ туда;—осаждаетъ замокъ;—штурмъ.—Коссаковскій разбитъ.—Сдача замка.—Первый раздѣлъ Польши.—Нѣсколько писемъ Суворова къ Бибикову.—Суворовъ посланъ въ Финляндію.—Его твердое стремленіе къ одной цѣли.—Путешествіе въ Финляндію.

Первою школою Суворова была семилѣтняя война,—второю, для него еще болѣе поучительною, потому что онъ могъ дѣйствовать въ ней самостоятельнѣе, была Польская конфедератская война, которая своими особенными свойствами была преимущественно способна развить его военныя дарованія.

Польша, эта несчастная страна, съ своимъ государственнымъ учрежденіемъ, совершенно извращеннымъ въ теченіе времени,—гдѣ одинъ отдѣльный голосъ значилъ болѣе, нежели голоса всѣхъ (въ силу liberum veto),—гдѣ каждый дворянинъ считалъ себя призваннымъ

въ короли, а между тѣмъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто уже былъ королемъ,—гдѣ во всемъ смыслѣ господствовало право сильнаго, и безнаказаннымъ былъ тотъ, кто имѣлъ деньги и власть,—гдѣ сосѣдніе государи имѣли на жалованьѣ своихъ приверженцевъ и свои партіи, которыя, борясь между собою, держали страну въ постоянной тревогѣ,—словомъ—это государство, съ своею конституціею, подобною анархіи, раздираемое смутами, партіями и междоусобною войною, въ это самое время находилось на высшей степени неустройства. Слабый, безсильный король, которымъ всѣ были недовольны; мятежные, могущественнѣйшіе вельможи, которые никого, даже и законъ, не хотѣли признавать выше себя; безпокойное и своевольное дворянство, которое всюду думало видѣть ограниченіе своихъ вольностей и правъ; фанатическое духовенство, которое на всякую снисходительность и терпимость къ иновѣрнымъ религіознымъ партіямъ смотрѣло какъ на вредную слабость и нарушеніе его правъ; презрѣнное городское, угнетенное крестьянское сословія—таковы были тогда составные элементы Польскаго государства, которые, дикимъ взаимнымъ противоборствомъ своимъ, содѣлали наконецъ почти необходимымъ вмѣшательство иностранныхъ державъ.

Такъ какъ Польша съ этого времени становится однимъ изъ главныхъ мѣстъ подвиговъ Суворова, то, для лучшаго уразумѣнія послѣдующихъ событій, ниже приводится краткій обзоръ причинъ и поводовъ, по которымъ это, нѣкогда столь могущественное государство пало до такой степени безсилія, что почти безъ сопротивленія должно было допустить своихъ сосѣдей предписывать ему законы. Эти причины и поводы отчасти скрывались глубже, въ давнопрошедшемъ времени; теперь—только пожинались плоды того, что посѣяно было прежде. Одни государства падаютъ, другія возвышаются, рѣдко безвинно, и потомки часто расплачиваются за то, въ чемъ провинились предки.

Польша была въ древнія времена неограниченною монархіей; раздѣлы и междоусобныя войны удѣльныхъ князей постепенно усилили власть дворянства. При Казимірѣ Великомъ она впервые получила значеніе, потому что, при заключеніи однажды мира съ Нѣмецкимъ орденомъ, послѣдній потребовалъ его утвержденія государственными чинами, которые съ этого времени мало по малу и подняли голову, особонно когда Казиміръ, минуя ближайшихъ наслѣдниковъ, хотѣлъ предоставить польскій престолъ, по смерти своей, сыну своей сестры, Людовику Венгерскому. Это могло быть исполнено только съ согласія дворянства, купленнаго цѣною дарованныхъ ему льготъ. Людовикъ,

при вступленіи своемъ на престолъ, долженъ былъ подтвердить и умножить ихъ.

Эти первыя льготы, еще очень незначительныя, состояли, какъ и вездѣ, въ освобожденіи отъ податей. Король, во время своихъ путешествій по странѣ (случавшихся очень часто въ это время, когда государи еще сами производили судъ и расправу), долженъ былъ не требовать отъ дворянства ни помѣщенія, ни содержанія, ни поставки нужныхъ ему припасовъ и пр.,—вообще, довольствуясь доходами коронныхъ имѣній, отказаться отъ всѣхъ налоговъ, введенныхъ въ послѣднія 50 лѣтъ, въ противность старому порядку; въ случаѣ надобности въ помоши, требовать оной отъ городовъ: наконецъ—не принуждать дворянства къ военной службѣ внѣ государства на собственный счетъ.

Это было первымъ основаніемъ могущества дворянства; на немъ продолжало оно созидать далѣе, и далѣе, пока наконецъ не присвоило себѣ всей власти въ государствѣ, а королю оставило лишь одинъ пустой призракъ оной.

Когда и Людовикъ умеръ (1382) безъ мужскаго потомства, дворянство снова воспользовалось этимъ случаемъ для утвержденія и увеличенія льготъ своихъ, и вслѣдствіе того Польша уже въ это время была, если не по названію, то на самомъ дѣлѣ, избирательнымъ государствомъ; если избирались даже *ближайшіе наслѣдники*, то все-таки они *избирались* и должны были избраніе свое покупать цѣною дѣлаемыхъ уступокъ.

Пресѣченія мужскаго поколѣнія питали, а частыя упраздненія престола утверждали новоприобрѣтенное могущество дворянства и давали послѣднему средство постоянно увеличивать первое. Отселѣ внутренняя исторія Польши есть не иное что, какъ постоянный захватъ дворянства изъ области королевской власти: безпрестанное дарованіе, подтвержденіе, умноженіе правъ и вольностей, доколѣ совсѣмъ готовою явилась республика съ призракомъ короля въ главѣ. Народъ и горожане остались въ угнетеніи.

На государственномъ сеймѣ въ Піотрковѣ (1466) впервые образовалось полное народное или скорѣе дворянское представительство, потому что только одно дворянство считалось націей. Высшее духовенство (архіепископы и епископы), высшее дворянство (воеводы и каштеляны) и королевскіе министры (верховный и второй маршалъ, верховный и второй канцлеръ и казначей) образовали родъ верхней палаты—сенатъ, который, когда собирался сеймъ, составлялъ *первое государственное сословіе*; депутаты низшаго дворянства,

въ которомъ могли добровольно присоединяться также другіе члены его, образовали родъ нижней палаты—*второе сословіе*; о *третьемъ* не было и рѣчи, такъ такъ города были слишкомъ малочисленны и невелики, а крестьянинъ не имѣлъ никакихъ правъ. Только дворянинъ былъ гражданиномъ государства, а всѣ дворяне были равны между собой.

Такъ развилась Польская конституція при Ягеллонахъ и при нихъ же достигла высшаго своего процвѣтанія; послѣ того—только упадокъ ея. Верховное владычество дворянства не знало и не умѣло постановить себѣ предѣловъ. Въ постоянной борьбѣ съ королевскою властію, дворянство мало по малу похитило у ней всѣ ея преимущества, присвоило всю власть себѣ, сдѣлалось по этой причинѣ совершенною дворянскою демократіею и, какъ свойственно всѣмъ демократіямъ, погибло отъ безначалія.

Еслибы дворянство удовольствовалось тѣми прекрасными и великими правами, которыя оно пріобрѣло въ теченіе одного столѣтія, то старая Польша существовала бы еще, сильная и могущественная; но человѣческой природѣ не дано ограничивать свои желанія: каждое удовлетвореніе одного тотчасъ рождаетъ другое. Дворянство находилось на слишкомъ хорошемъ пути, чтобъ остановиться, и вмѣсто того, чтобы самому себѣ полагать преграды, оно окончательно ниспровергло всѣ, еще противостоявшія ему, для того чтобы, вмѣсто свободы, достигнуть своеволія.

Король имѣлъ еще большія права: своими столовыми имѣніями и другими доходами обезпеченный въ содержаніи себя и своего двора, и независимый отъ соизволенія государственныхъ чиновъ, онъ имѣлъ право раздавать всѣ свободныя мѣста и имѣнія (староства). Это доставляло ему большое вліяніе на сенатъ и дворянство, на удовлетворенныхъ уже въ своихъ желаніяхъ, равно какъ и на чаявшихъ еще удовлетворенія ихъ, болѣе впрочемъ на послѣднихъ, потому что благодарность обязываетъ менѣе, нежели надежда.

Но это большое вліяніе короля, зависѣвшее отъ него замѣщеніе сената, раздача коронныхъ имѣній, послужили поводомъ къ несчастію Польши, потому что дворянство, въ полномъ сознаніи присвоенныхъ имъ себѣ непомѣрныхъ правъ, было безпрестанно побуждаемо опасеніемъ снова потерять ихъ. Оно думало видѣть угрозу своимъ вольностямъ въ этой полнотѣ власти монарха, дозволявшей королю всегда имѣть большинство голосовъ за себя. Дабы противопоставить преграду этому перевѣсу короля, было выставлено странное мнѣніе, что не *большинство*, а *меньшинство* должно было рѣшать на сей-

махъ. Какъ будто труднѣе было склонить *немногихъ*, нежели *многихъ*! Позже мнѣніе это было распространено даже до того, что и *одного* голоса считалось достаточнымъ для признанія недѣйствительнымъ согласія *всѣхъ* голосовъ—преимущество, котораго ни одна страна, ни одинъ народъ въ мірѣ никогда еще не видали и посредствомъ котораго голосъ *одного* гражданина ставился выше голоса цѣлаго народа. Всегда имѣя передъ глазами только королевское вліяніе и желая ему противодѣйствовать, добрались подобнымъ образомъ до такихъ мнѣній, которыя были насмѣшкой надъ здравымъ разсудкомъ и должны были положить конецъ всякому порядку. Думали обезпечить государственное зданіе отъ опасности, которой боялись и можетъ быть воображаемой, и оставили его открытымъ и безъ опоръ съ противоположной стороны, а съ нея-то и началось паденіе.

При Ягеллоновомъ мужескомъ поколѣніи еще мало обозначились гибельныя слѣдствія всемогущества дворянства. Многіе мудрые государи этого дома, своими удачными предпріятіями, возвысили блескъ престола. Имена, великіе подвиги и личныя заслуги ихъ снискали имъ такое уваженіе, за которымъ легко укрывалась ограниченная власть, которою они пользовались. Но когда со смертію Сигизмунда-Августа пресѣклость это поколѣніе, когда съ тѣхъ поръ стали избираться иностранные государи, всегда новыми льготами долженствовавшіе увеличивать и безъ того уже чрезмѣрную власть дворянства, тогда невозвратно стали упадать, какъ внутренняя сила, такъ и внѣшнее значеніе государства, сначала — медленно и непримѣтно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, доколѣ не сдѣлались предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ сосѣдей вокругъ.

Еще храбрый король Стефанъ Баторій твердою рукою держалъ бразды правленія; великія дѣянія и великіе полководцы озаряли его царствованіе яркимъ блескомъ. Но это было лишь послѣдней вспышкой потухающаго огня—и со времени преемника Баторія, Сигизмунда III Вазы, явно началось паденіе, не взирая на Замойскихъ, Ходкевичей, Жолкевскихъ, всѣхъ тѣхъ великихъ людей, которые еще оставались отъ прежнихъ временъ (1). Униженія послѣдовали за униженіями; со-

---

(1) «Здѣсь,—говоритъ авторъ,—да позволено намъ будетъ сдѣлать небольшое замѣчаніе касательно произношенія польскихъ именъ, такъ какъ за границей очень грѣшатъ противъ него,»—и затѣмъ объясняетъ, какъ должны произноситься польскія: *ie*, *z*, *ź*, *rz*, *cz*, *sz*, *szcz*, и наконецъ говоритъ, что удареніе производится всегда на предпослѣднемъ слогѣ. Это замѣчаніе автора—для нѣмцевъ и другихъ неславянъ, вовсе не пригодно для насъ, Русскихъ, а потому я и не помѣстилъ его здѣсь въ переводѣ. Для насъ, Русскихъ, особенно не знающихъ польскаго языка и

сѣдственныя страны развивались и шли впередъ; — одна Польша оставалась неподвижною или, лучше сказать, шла назадъ, потому что въ жизни народовъ нѣтъ неподвижности: кто нейдетъ впередъ, тотъ идетъ назадъ. Слабая королевская власть находилась въ рукахъ еще болѣе слабаго короля; вельможи въ государствѣ дѣйствовали неограниченно; всякія общественныя узы были ослаблены или совершенно расторгнуты, и первые признаки того безсилія и тѣхъ смутъ, которыя должны были длиться болѣе 150-ти лѣтъ, уже начали обнаруживаться. Послѣ слабаго Сигизмунда, при его еще болѣе слабыхъ сыновьяхъ и преемникахъ, Владиславѣ IV и Іоаннѣ-Казимірѣ, упадокъ государства сдѣлалъ ужасающіе успѣхи. Вскорѣ настала полная анархія, когда съ 1652 года, по предложенію Упицкаго депутата Сичинскаго, обреченнаго за то проклятію всѣхъ благомыслящихъ людей, liberum veto (свободное несогласіе), не въ видѣ изъятія, какъ уже и прежде отъ времени до времени оказывалось, но какъ законъ, какъ *зѣница ока* свободы (такъ называли его люди ослѣпленные), стало обнаруживать свое зловредное вліяніе. Съ этого времени началось постепенное разложеніе государства; не стало болѣе правительства, никакая общественная, полезная мѣра не могла болѣе быть проводима. Всякая законодательная власть была какъ бы уничтожена, ибо она исходила отъ государственнаго сейма, а ни одинъ сеймъ не оставался безъ раздора; въ теченіе ста лѣтъ 47 сеймовъ разошлись безплодно. Самымъ гибельнымъ при этомъ было то, что, при такихъ раздорахъ сеймовъ, и всѣ прежнія опредѣленія ихъ, постановленныя полнымъ единогласіемъ, становились также недѣйствительными. Съ этого времени все стало приходить въ упадокъ, ибо гдѣ то государство, которое можетъ существовать безъ законодательства? Одна область за другою была отторгаема, либо отлагалась самовольно; что̀ было пріобрѣтено великими королями, утрачивалось при царствовавшихъ теперь призракахъ королей: Лифляндія, Смоленскъ, Малороссія были невозвратно отторгнуты отъ Польши, и она сама, среди своихъ раздоровъ, уже тогда легко могла быть покорена (храбрый Швед-

---

польскаго произношенія, оно, если и нужно, то можетъ быть выражено совсѣмъ иначе и гораздо проще и легче. Всѣ приведенныя Смиттомъ буквы и слоги выражаются буквами нашей Славянской кириллицы, которую олатинившіеся Поляки отвергли, замѣнивъ латинской азбукой, а именно: *c—ц*, *ie—ѣ*, *z—з*, *z—ж—*, *rz—рж*, *cz—ч*, *sz—ш*, *szcz—щ*. Стоило отрекаться отъ этихъ славянскихъ буквъ, чтобъ замѣнить ихъ латинскими слогами! (Редак.).

скій король Карлъ-Густавъ доказалъ это), если бы тому не помѣшала взаимная зависть сосѣдей. Даже лучшіе короли, какъ храбрый Іоаннъ Собіескій, не могли уже болѣе совершить ничего великаго при этой всеобщей неурядицѣ.

Съ саксонскими королями началась еще худшая эпоха—постепеннаго замиранія отъ слабости и безсилія. Прежде по крайней мѣрѣ нравы были проще и чище, теперь и между ними вкралась испорченность. Пышный дворъ Августа II распространилъ вокругъ себя легкомысліе и глумленіе надъ прежними строгими формами, религіозное невѣріе и ослабленіе нравовъ и обычаевъ. Женщины, которыя дотолѣ вели домашнюю жизнь, покорныя своимъ обязанностямъ, теперь начали принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ и примѣшивать свои страсти къ страстямъ партій. Подкупы, пронырства, женская милость рѣшали важнѣйшія государственныя дѣла, а для того, чтобы совершенно запутать послѣднія, въ нихъ вмѣшивались происки иностранныхъ посланниковъ. Такимъ образомъ дворъ въ Варшавѣ былъ поприщемъ самыхъ запутанныхъ интригъ и партій, среди которыхъ король былъ въ непрестанной дѣятельности противъ вельможъ, вельможи противъ мелкаго дворянства, а послѣднее и противъ короля, и противъ вельможъ. Въ тысячи направленіяхъ пересѣкались интересы и партіи, возникъ мелочной духъ, угасло всякое расположеніе къ великимъ дѣламъ, самолюбіе заступило мѣсто любви къ отечеству.

Таково было состояніе Польши, когда король Августъ III умеръ (5 октября 1763) и новый выборъ короля возбудилъ всѣ партіи и страсти.

Съ помощію русскаго покровительства, Станиславъ Понятовскій, изъ одной новѣйшей фамиліи, достигъ престола, которому, въ спокойномъ государствѣ и при другихъ отношеніяхъ, онъ могъ бы служить украшеніемъ. Природа и тщательное воспитаніе надѣлили его многими прекрасными, привлекательными качествами; одного только недоставало ему—силы воли, умѣющей повелѣвать обстоятельствами и людьми, и оттого всѣ его хорошія качества должны были послужить не къ счастію, а ко вреду его подданныхъ. Постоянно колеблясь между различными партіями, никогда не пребывая твердымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, онъ постепенно терялъ довѣріе всѣхъ. Въ первые годы его царствованія, двѣ взаимно враждебныя партіи находились въ главѣ всеобщаго движенія—*Чарторыйская* или русская и *Браницкая* или саксонская, не одолѣвъ однако вполнѣ одна другую. Но тлѣвшій въ тиши раздоръ и глухое неудовольствіе вель-

можъ и дворянства должны были наконецъ доведены быть до взрыва дѣломъ о диссидентахъ, такъ какъ ярый фанатизмъ, не принимая въ уваженіе ни права, ни умѣренности, ни обстоятельствъ, ни отношеній времени, съ слѣпымъ неистовствомъ преслѣдовалъ свои односторонніе виды и тѣмъ устремлялъ государство къ его паденію.

Вскорѣ послѣ начала церковной реформаціи, ученія реформаторовъ, не смотря на изданныя противъ нихъ Сигизмундомъ I постановленія, нашли свободный доступъ въ Польшу, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Сигизмундъ-Августъ, не непріязненный ихъ партіи, скорѣе содѣйствовалъ распространенію, нежели воспрещенію ихъ. Они сдѣлали такіе быстрые успѣхи, что въ междуцарствіе по смерти этого мудраго короля, половина сенаторовъ (2) и большинство дворянства объявили себя въ пользу ихъ, чѣмъ католическая партія была поставлена въ совершенное равновѣсіе съ реформатами. Для предупрежденія религіозныхъ войнъ, чины конвокаціоннаго сейма, именовавшіе себя общимъ названіемъ «разномыслящихъ въ вѣрѣ» (dissidentes de religione), объявили: «Никто не долженъ быть ни наказываемъ, ни преслѣдуемъ за вѣру; однако епископіи и другія церковныя мѣста съ доходами должны оставаться за католическою партіею.» Генрихъ Валуа и его ближайшіе преемники, въ своихъ избирательныхъ договорахъ (pactis conventis), были обязаны и эту статью утверждать своею присягой.

Вмѣстѣ съ ученіями реформатовъ и лютеранъ вторглись также и другія, болѣе смѣлыя, религіозныя партіи, какъ напримѣръ социніане (въ Польшѣ названные аріянами). Партіи не-католическія (греческая, (*) лютеранская, реформатская, соціанская), вмѣстѣ взятыя, считали въ своихъ рядахъ болѣе послѣдователей, нежели католическая, но порознь каждая уступала ей въ числѣ. Послѣдняя умѣла искусно воспользоваться тѣмъ для раздѣленія своихъ противниковъ, произведнія вражды между ними и затѣмъ отнятія у нихъ снова одного права за другимъ. Начали съ притѣсненія слабѣйшихъ, а кончили—притѣсненіемъ сильнѣйшихъ и наконецъ—всѣхъ. Такимъ образомъ не-католики становились все слабѣе и безсильнѣе, между тѣмъ какъ католики, благопріятствуемые своими единовѣрными королями, при каждомъ новомъ царствованіи выигрывали въ

---

(2) Реформацію приняли знатнѣйшія фамиліи, какъ-то: Горки, Зборовскіе, Фирлеи, Браницкіе, Любомірскіе, Опалинскіе, и т. д., а въ Литвѣ—Радзивиллы, Ходкевичи, Сапѣги, Пацы, Воловичи, Тышкевичи и т. д.

(*) То есть православная. (Редак.).

значеніи. Побѣда была для нихъ тѣмъ легче, что они дѣйствовали съ большимъ благоразуміемъ, всегда знали чего хотѣли и неуклонно слѣдовали къ своей цѣли, между тѣмъ какъ прочія христіанскія секты ненавидѣли, называли еретическими, преслѣдовали одна другую и слѣпо предавались всѣмъ ненавистнымъ страстямъ. Къ этому присоединились и другія причины: изъ-за Лифляндіи и расположенія тамошнихъ протестантскихъ чиновъ въ пользу Швеціи, возгорѣлись тѣ войны съ этимъ государствомъ, которыя продолжались цѣлыхъ три царствованія и навлекли безчисленныя бѣдствія на Польшу. Отсюда произошло отвращеніе къ не-католическимъ ученіямъ, которымъ приписывали этотъ раздоръ. Короли, ревностно приверженные Римской церкви, какъ Сигизмундъ III и его преемники, рѣдко давали мѣста староства, раздача которыхъ зависѣла отъ нихъ, приверженцамъ ненавистнаго для нихъ исповѣданія. Къ тому же протестанты, при установленіи закона 1573 г. о вѣротерпимости, безъ прозорливости о будущемъ времени, согласились на то, чтобы католическое духовенство сохранило свои званія, силу и вліяніе, не выговоривъ чего-либо для собственнаго духовенства или назначенія членовъ его въ сенатъ. Слѣдствіемъ этого было то, что всѣ молодые люди, честолюбивые, но безъ состоянія, предназначавшіеся къ духовному званію, предпочитали Римско-католическую церковь, и наконецъ, что іезуиты, эти неутомимые враги протестантовъ, захватили въ свои руки все воспитаніе молодаго дворянства и, своимъ вліяніемъ, съ обильнымъ послѣдствіями успѣхомъ, вселили въ нѣжные умы юношества совершенно противоположныя ученія.

И такъ могущественнѣйшія побужденія—корыстолюбіе, честолюбіе, воспитаніе и первыя впечатлѣнія юности дѣйствовали въ пользу католицизма; что за диво послѣ того, что ради послѣдняго люди, не колеблясь, отрекались отъ исповѣданія, которое при дворѣ было въ немилости и послѣдователямъ своимъ обѣщало не почетъ и чины, но устраненіе отъ нихъ и гоненіе.

Законъ о вѣротерпимости былъ возобновляемъ при каждомъ новомъ избирательномъ договорѣ, но съ тѣмъ измѣненіемъ, что названіе *диссидентовъ* уже было присвоиваемо не всѣмъ религіознымъ партіямъ безъ различія, а только уклонявшимся отъ Римской церкви, и присяга короля обѣщала уже сохранять религіозный міръ не *между*, но *съ* диссидентами—важное различіе, заключавшее въ себѣ весь рядъ позднѣйшихъ притѣсненій. Съ тѣхъ поръ диссиденты изъ равноправныхъ стали только терпимыми сектами.

Но дѣло не остановилось на этомъ: обиды и ограниченія все увеличивались. Богослуженіе диссидентовъ должно было производиться только тамъ, гдѣ они уже имѣли церкви, но новыхъ строить они не смѣли, а Варшавскій договоръ 1717 г. предписалъ даже разрушить вновь построенныя. Католическая партія сдѣлалась значительно сильнѣйшею; но рѣдко сильнѣйшій можетъ назначать себѣ границы: какъ въ свѣтскихъ дѣлахъ дворянство дѣйствовало противъ короля, такъ и въ духовныхъ—католики противъ диссидентовъ, никогда не останавливаясь, пока еще оставалось что̀ оттор-гнуть. Наконецъ на конвокаціонномъ сеймѣ 1733 г., по изгнаніи изъ него, подъ страшнѣйшими угрозами, не-католическихъ представителей, дабы устранить ихъ сопротивленіе, опредѣлено было: что диссиденты должны быть лишены права получать не только званія воеводъ и земскихъ пословъ, но и вообще всѣ коронныя должности, чины, мѣста въ посольствахъ и староства. А дабы они не вздумали прибѣгнуть къ поручителямъ Оливскаго мира (Россіи, Пруссіи, Даніи и Англіи), въ тоже время постановлено было, что если они обратятся къ иностраннымъ державамъ съ просьбой о возстановленіи правъ своихъ, то должны быть признаваемы и наказываемы какъ измѣнники.

Таково было положеніе дѣлъ въ отношеніи диссидентовъ, когда Станиславъ-Августъ вступилъ на престолъ; и онъ также принужденъ былъ подтвердить присягой постановленія противъ нихъ. Въ надеждѣ на лучшія времена, они потребовали теперь помощи и удовлетворенія ихъ жалобъ, и нашли сильныхъ покровителей своимъ просьбамъ со стороны Россіи и Пруссіи.

Въ Варшавѣ былъ созванъ сеймъ и на немъ предъявлены ихъ жалобы и желанія. Партія болѣе умѣренная, во вниманіи къ обстоятельствамъ времени, склонялась въ пользу удовлетворенія тѣхъ и другихъ; но не таково было мнѣніе ревностнаго краковскаго епископа Солтыка, ученаго, но односторонняго кіевскаго епископа Залусскаго, краковскаго воеводы Вѣнцеслава Ржевускаго и сына его Северина, депутата подольскаго, умалчивая о многихъ другихъ духовныхъ и свѣтскихъ сенаторахъ. Ихъ сопротивленіе, запальчивыя рѣчи, непреклонное упорство затруднили ходъ совѣщаній, пока наконецъ русскій посланникъ князь Репнинъ, молодой человѣкъ горячаго, вспыльчиваго нрава, не привыкшій къ сопротивленію, не потерялъ терпѣнія и не приказалъ взять ихъ подъ стражу. Солтыкъ, Залускій и оба Ржевускіе были схвачены ночью и отправлены въ Россію. Это произвело всеобщее смятеніе, страхъ, уступчи-

вость; противники диссидентовъ умолкли или удалились, и затѣмъ законъ, возстановлявшій прежнія права диссидентовъ, прошелъ безпрепятственно.

Но разсѣявшіеся по странѣ депутаты, послы и сенаторы распростанили повсюду въ областяхъ негодованіе противъ нарушенія свободы сейма чужеземною властію. Неудовольствіе росло втайнѣ, но вскорѣ послѣдовалъ явный взрывъ. Первый поводъ къ нему подалъ презрѣнный, по дурной нравственности своей, гражданинъ, служившій повѣреннымъ въ дѣлахъ у разныхъ вельможъ и тѣмъ снискавшій себѣ состояніе и связи, именемъ *Пулавскій*. Раздраженный личною обидою, нанесенною ему Репнинымъ, онъ составилъ планъ вооруженнаго возстанія противъ русскихъ войскъ, находившихся въ Польшѣ, и образованія съ этою цѣлію всеобщей *конфедераціи*. Конфедерація—это обыкновенное во времена крайней опасности средство помощи—присвоила себѣ верховную власть въ государствѣ, была какъ бы диктатурой дворянства надъ королемъ и народомъ, сенатомъ и сеймомъ, и имѣла то преимущество передъ послѣднимъ, что дѣйствовала съ большею внутреннею силой, такъ какъ опредѣленія ея рѣшались не голосомъ одного, но голосами большинства.

Съ тремя сыновьями и однимъ племянникомъ отправился Пулавскій изъ Варшавы въ Львовъ, втайнѣ пріобрѣлъ приверженцевъ и пособіе, затѣмъ поспѣшилъ въ *Баръ*, въ Подоліи, недалеко отъ турецкой границы, и въ этомъ-то небольшомъ мѣстечкѣ первые конфедераты, числомъ восемь, 29-го февраля 1768 года собрались и подписали акты конфедераціи. Вскорѣ къ нимъ присоединились многіе другіе и въ непродолжительномъ времени ихъ было уже 8,000. Графъ Красинскій, не одаренный никакими особенно замѣчательными качествами, и Пулавскій были избраны маршалами конфедератовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ изданы универсалы для созванія дворянства, набора народнаго ополченія и всеобщаго вооруженія противъ Русскихъ и диссидентовъ.

Съ быстротою молніи облетѣла вѣсть объ этомъ всю страну и преувеличила, какъ обыкновенно водится, предпріятіе; только и рѣчи было о большихъ средствахъ конфедератовъ, о движеніяхъ Татаръ, о покровительствѣ Порты, наконецъ о помощи со стороны Франціи. Вся Польша прислушивалась къ этому; первоначальное движеніе распространялось все далѣе и далѣе, и затѣмъ поднялось дворянство. Вездѣ образовались конфедераціи: кромѣ Бара, въ Галичѣ, въ Люблинѣ, позже даже въ Краковѣ. Въ главѣ ихъ стали

лица знатнѣйшихъ фамилій: Потоцкіе, Любомірскіе и другіе; пламя возстанія распространялось все далѣе, изъ одного селенія въ другое, изъ повѣта въ повѣтъ, изъ области въ область, и наконецъ грозило охватить всю страну. Поданъ былъ знакъ къ войнѣ, которая должна была кончиться лишь паденіемъ Польши.

Русскія войска, сначала въ небольшомъ только числѣ и разсѣянныя на большихъ пространствахъ, были слишкомъ слабы для того, чтобы потушить этотъ пожаръ въ самомъ началѣ. Кромѣ того, ихъ предварительно удерживали отъ непріязненныхъ дѣйствій, въ ожиданіи новыхъ приказаній изъ Петербурга. Какъ только они были получены, русскія войска атаковали конфедератовъ вездѣ, гдѣ ни находили ихъ, и такимъ образомъ война началась. Несказанныя бѣдствія обрушились теперь на Польшу: повсемѣстно—война и бой внутри—раздоръ и партіи, и къ этому еще грабежи Запорожцевъ и Татаръ; вездѣ—разореніе и опустошеніе; наконецъ—чума; вскорѣ цѣлыя полосы страны (особенно въ южныхъ предѣлахъ) обратились почти въ пустыни, и гдѣ еще недавно были селенія и цвѣтущіе города, тамъ теперь дымились мрачныя развалины и царствовала могильная тишина.

Русское оружіе почти вездѣ имѣло верхъ: войска отнимали у конфедератовъ одинъ пунктъ за другимъ и, тѣсня ихъ отъ одной преграды къ другой, наконецъ вытѣснили даже изъ первоначальныхъ пунктовъ возстанія: Краковъ былъ сданъ, Баръ—взятъ съ бою, Люблинъ—штурмомъ. Конфедераты вездѣ были разбиты, нигдѣ не смѣли показываться въ открытомъ полѣ и убѣжищемъ ихъ остались лишь лѣса и дикія, непроходимыя мѣста. Только единомышленники, помощники, друзья и доброжелатели, которыхъ они вездѣ находили, поддерживали ихъ дѣло, а подъ конецъ—и надежда на помощь Турціи. Взоры ихъ были обращены на Константинополь; туда спаслись знатнѣйшіе изъ нихъ, тамъ были употреблены крайнія усилія для возбужденія турецкой силы, еще сохранявшейся несломленною, страшною для Европы, къ войнѣ противъ Россіи. И когда это удалось и война была объявлена, тогда-то они громко возликовали, тогда-то увѣрились въ побѣдѣ, и только страхъ, внушаемый такимъ союзникомъ, нѣсколько умѣрялъ ихъ радость.

Среди этихъ-то обстоятельствъ послѣдовалъ приказъ усилить русскія войска въ Польшѣ. Вслѣдствіе того небольшой корпусъ изъ 4-хъ пѣхотныхъ и 2-хъ кавалерійскихъ полковъ былъ собранъ при Смоленскѣ подъ начальствомъ генерала Нуммерса, а полковникъ Суворовъ получилъ приказаніе какъ можно скорѣе выступить туда съ

своимъ полкомъ (Суздальскимъ пѣхотнымъ), съ постоянныхъ квартиръ его въ Ладогѣ, въ сѣверной Россіи.

Время года было уже очень позднее (ноябрь мѣсяцъ), дни короткіе, дороги покрыты глубокою грязью, нужно было переправляться черезъ многія рѣки и полузамершія болота: ничто не удержало его. Подавая личный примѣръ перенесенія трудовъ и своими поговорками, своею бодростью поддерживая духъ въ солдатахъ, онъ провелъ ихъ отъ Ладоги до Смоленска—разстояніе болѣе 120-ти нѣмецкихъ миль (около 850-ти верстъ)—въ короткое время 30 дней, для того, чтобъ заранѣе пріучить ихъ къ предстоявшимъ имъ трудамъ. Лишь немногіе не выдержали этого испытанія.

Въ продолженіе зимы и пока подходили другія войска, онъ безпрестанно упражнялъ своихъ солдатъ, дабы не дать имъ отвыкнуть отъ дѣятельности, и преимущественно въ тѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя, какъ онъ заранѣе предвидѣлъ, всего болѣе потребуются противъ конфедератовъ. То они должны были дѣлать усиленные переходы, то вдругъ на покоѣ заставлялъ онъ бить тревогу, какъ будто на нихъ сдѣлано было нападеніе; затѣмъ снова двигалъ ихъ въ походъ и заставлялъ быстро идти цѣлую ночь. И ночью, какъ и днемъ, должны были они стрѣлять въ цѣль; въ особенности же училъ онъ ихъ во всякомъ случаѣ дѣйствовать штыкомъ, «потому что—говорилъ онъ—кто отваженъ и смѣло идетъ прямо на непріятеля, тотъ одержалъ уже половину побѣды. Пуля дура, а штыкъ молодецъ», прибавлялъ онъ къ этому на своемъ, ему особенно свойственномъ языкѣ.

Въ началѣ весны 1769 года генералъ Нуммерсъ двинулся съ своимъ корпусомъ сначала къ Оршѣ, а потомъ къ Минску. Суворовъ съ 4-мя баталіонами и 2-мя эскадронами шелъ въ авангардѣ. Въ Минскѣ получилъ онъ приказаніе какъ можно скорѣе слѣдовать въ Варшаву. Для облегченія движенія, онъ раздѣлилъ свои войска на двѣ части: пѣхота, въ полномъ вооруженіи и въ готовности на всякій случай, ѣхала на крестьянскихъ подводахъ, изъ кавалеріи же—поперемѣнно одна половина также на подводахъ, между тѣмъ какъ другая вела свободныхъ лошадей въ поводу. Такимъ образомъ обѣ части прошли разстояніе отъ Минска до Праги (противъ Варшавы), болѣе 80-ти нѣмецкихъ миль (около 560 верстъ), въ 12 дней, безпрепятственно, хотя край былъ въ большомъ волненіи. Такъ пріучалъ онъ свои войска съ самаго начала къ быстротѣ.

Въ это время главное начальствованіе надъ русскими войсками

въ Польшѣ было ввѣрено генералъ-поручику Веймарну, родомъ Лифляндцу. Умный, ловкій, не безъ военной опытности, еще болѣе искусный въ политическихъ переговорахъ, онъ изъ Варшавы управлялъ военными дѣйствіями и этимъ ввелъ въ нихъ единство. Въ Варшаву стекались со всѣхъ сторонъ донесенія, изъ Варшавы же отправлялись туда всѣ приказанія. Русскія войска были разбросаны по всей Польшѣ, но расположены такъ, что легко могли взаимно поддерживать себя. Подвижныя колонны ходили по всѣмъ направленіямъ въ областяхъ и обезоруживали повстанцевъ: отдѣльные посты въ городахъ и селеніяхъ поддерживали сообщенія во всѣ стороны, и, гдѣ нужнымъ оказывалось, немедленно были сосредоточиваемы значительныя силы. Въ это первое время война была ведена весьма дѣятельно и съ большимъ ожесточеніемъ; почти ежедневно происходили болѣе или менѣе кровопролитныя дѣла, въ которыхъ побѣда большею частію склонялась на ту сторону, гдѣ былъ порядокъ и дисциплина. Хотя конфедераты и превосходили Русскихъ числомъ, но имъ недоставало связи и согласія въ ихъ предпріятіяхъ, и все ихъ мужество, вся ихъ запальчивость въ отдѣльныхъ усиліяхъ сокрушались о твердую стойкость Русскихъ.

Едва прибылъ Суворовъ въ предмѣстье Варшавы, Прагу, какъ генералъ Веймарнъ потребовалъ его въ туже ночь къ себѣ. Онъ выразилъ большое безпокойство по поводу движенія многочисленной, по слухамъ, партіи конфедератовъ, подъ предводительствомъ маршала Котлубовскаго, къ Варшавѣ, гдѣ послѣдній имѣлъ, казалось, многихъ сообщниковъ; поэтому генералъ Веймарнъ поручилъ бригадиру Суворову собрать ближайшія свѣдѣнія объ этой партіи. Суворовъ немедленно выступилъ съ одною ротою гренадеръ, однимъ эскадрономъ кавалеріи, 50-тью казаками и 1 орудіемъ, перешелъ въ одной милѣ (7 верстъ) выше Варшавы черезъ Вислу въ бродъ, встрѣтилъ Котлубовскаго, атаковалъ его, разсѣялъ его партію и узналъ отъ плѣнныхъ, что вся, преувеличенная по слухамъ, шайка этого маршала состояла лишь изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Это было первое его дѣло съ конфедератами, и счастливымъ исходомъ его онъ разсѣялъ всѣ безпокойства въ Варшавѣ.

Вскорѣ послѣ того было получено извѣстіе, что оба Пулавскіе, сыновья учредителя Барской конфедераціи, но весьма отличные отъ него и характеромъ, и нравственностью, ходили съ большими силами по Литвѣ, дабы эту область, дотолѣ колебавшуюся, принудить къ участію въ ихъ дѣлѣ. Суворовъ былъ тотчасъ посланъ съ 2-мя баталіонами, 1 эскадрономъ драгунъ, 50-тью казаками и 2-мя полевы-

ми орудіями, въ подкрѣпленіе русскимъ войскамъ, находившимся въ Литвѣ. Усиленными переходами поспѣшилъ онъ въ Брестъ, гдѣ узналъ, что полковники Ренне и Древичь, каждый съ 1,500 челов. войскъ, шли туда на одной высотѣ съ конфедератами. О послѣднихъ онъ имѣлъ такое невысокое мнѣніе, что половину своихъ войскъ оставилъ въ Брестѣ, дабы во всякомъ случаѣ обезпечить себѣ этотъ важный пунктъ, и выступилъ противъ конфедератовъ только съ отрядомъ силою около 500 чел. пѣхоты и 100 чел. кавалеріи при 2 орудіяхъ. На пути онъ присоединилъ къ себѣ еще 60 карабинеровъ подъ начальствомъ ротмистра графа Кастелли, котораго Ренне выслалъ на рекогносцировку, и наконецъ, послѣ перехода въ 3 мили (21 версту), настигъ конфедератовъ, въ числѣ около 2,000 челов. конницы, подъ предводительствомъ многихъ маршаловъ (обоихъ Пулавскихъ, Оржевскаго, Мальчевскаго и др.), собравшихся въ лѣсу недалеко отъ деревни Орѣхова. «Я узналъ,—разсказываетъ онъ самъ,—что они были расположены безъ всякихъ предосторожностей, въ дурной позиціи, стѣснясь на полянѣ въ лѣсу, недалдко отъ деревни». Немедленно двинулся онъ противъ нихъ. Его отдѣляло еще отъ нихъ только одно болото, мостъ на которомъ обстрѣливался 2-мя полевыми орудіями конфедератовъ. Русскія войска, не обращая вниманіе на ихъ огонь, бросаются черезъ мостъ, строятся тыломъ къ лѣсу и дѣятельно поддерживаемымъ огнемъ или штыками встрѣчаютъ неоднократно возобновляемыя атаки противниковъ. Это продолжалось нѣсколько времени, послѣ чего Суворовъ приказалъ зажечь гранатами лежавшую позади непріятеля деревню Орѣхова, черезъ которую проходилъ путь отступленія послѣдняго, и вслѣдъ затѣмъ произвелъ общую атаку въ штыки. Конфедераты сопротивлялись недолго и бѣжали черезъ горѣвшую деревню, преслѣдуемые русскою конницею, которая при этомъ многихъ изрубила или взяла въ плѣнъ. Чтобъ устрашить непріятелей и заставить ихъ полагать, что къ нему прибыло подкрѣпленіе, Суворовъ приказалъ еще нѣкоторое время продолжать въ лѣсу ружейный и пушечный огонь.

Такъ кончился бой, въ которомъ конфедераты потеряли человѣкъ 100, но всего чувствительнѣе для нихъ была смерть молодаго Франца Пулавскаго. Уже онъ спасся, но при вѣсти, что младшій братъ его Казиміръ находится въ опасности, воротился назадъ, чтобы спасти его. Съ поднятою саблею бросился онъ на графа Кастелли, но былъ убитъ имъ изъ пистолета и, незамѣнимый для своей партіи, возбудилъ сожалѣніе даже самихъ Русскихъ.

Послѣ этого Суворовъ двинулся въ Люблинъ, назначенный ему

средоточіемъ его дѣйствій. Здѣсь присоединилась къ нему изъ Варшавы остальная часть его бригады, и кромѣ того 2 полка тяжелой кавалеріи. Хотя онъ былъ еще бригадиръ, но ему ввѣрили уже 4 полка. Только въ началѣ слѣдующаго года (1 января 1770 г.) былъ онъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Люблинъ, городъ обширной наружности, но съ обрушившимися внѣшними стѣнами, былъ нѣсколько способенъ держаться только посредствомъ своего укрѣпленнаго замка, выдержавшаго различныя осады во время великой сѣверной войны. Однако, по причинѣ выгоднаго своего положенія въ срединѣ Польши, онъ былъ весьма важнымъ военнымъ пунктомъ, такъ какъ въ немъ соединялись пути со всѣхъ сторонъ края. Суворовъ тотчасъ угадалъ эти выгоды и обратилъ Люблинъ въ складочный пунктъ свой. Сюда были собраны орудія, снаряды и всѣ магазины его, — окрестные замки и укрѣпленныя мѣстечки были заняты отдѣльными частями войскъ, а съ Сандомиромъ и Краковомъ содержалась связь посредствомъ цѣпи постовъ; отдѣльные отряды ходили по всѣмъ направленіямъ и очищали окрестнотти. Въ продолженіе трехъ-лѣтняго пребыванія своего въ Польшѣ, Суворовъ постоянно сохранялъ это центральное расположеніе, потому что оно доставляло ему многихъ родовъ выгоды, хотя по временамъ, преслѣдуя непріятеля, онъ и долго бывалъ въ отсутствіи изъ Люблина.

Театръ войны, на которомъ онъ теперь долженъ былъ дѣйствовать, равно и противникъ, съ которымъ долженъ былъ сражаться, были особеннаго рода. Польша образовала часть той обширной равнины, которая на сѣверѣ Европы простирается отъ Нѣмецкаго моря до Чернаго и далѣе къ востоку въ глубь Азіи, а на югѣ ограничена холмами, постепенно возрастающими въ Карпатскія горы. Будучи немного возвышеннѣе означенныхъ двухъ морей, равнина эта первоначально была, безъ сомнѣнія, покрыта водою; доказательствомъ тому служатъ остатки кораблей, находимые въ срединѣ страны. Убываетъ же и теперь еще вода въ моряхъ: Балтійскомъ—постепенно, а Каспійскомъ и Аральскомъ—значительно: послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій можетъ быть плугъ пройдетъ тамъ, гдѣ теперь плаваютъ корабли. Черное, Каспійское и Аральское моря составляли прежде одно море; прорывъ воды чрезъ Геллеспонтъ или иной большой земной переворотъ дали водамъ истокъ и измѣненные берега. И теперь еще многочисленныя рѣки этой полосы земли, при незначительномъ паденіи воды, текутъ лишь медленно въ моря; берега ихъ мало возвышены; почва большею частію сырая или песчаная,

и на нѣсколькихъ футахъ глубины вездѣ встрѣчается вода. Не только рѣки, но даже и ручьи, широки и глубоки, и большею частію окружены болотами и лѣсами, изъ которыхъ послѣдніе вообще покрываютъ поверхность страны. Лишь тамъ и сямъ тянутся нѣкоторыя возвышенности между многочисленными озерами и болотами.

Селенія состоятъ изъ немногихъ хижинъ, крытыхъ соломой; города болѣе похожіе на деревни, построены большею частію изъ дерева (3); монастыри, равно какъ и дворянскіе замки въ южной части страны, были большею частію укрѣплены, по случаю столь частыхъ прежде набѣговъ Татаръ, и потому легко могли быть обращаемы въ способные къ оборонѣ пункты. Но въ самомъ дурномъ состояніи находились дороги: путешествовавшій по нимъ долженъ былъ или съ трудомъ тащиться по глубокому песку, или же трястись по мосткамъ изъ жердей, проложеннымъ черезъ частыя болота и по которымъ нерѣдко вовсе не было проѣзда. Что должно было бы сдѣлать такое государство, какимъ была тогда Польша, хотя бы для одного улучшенія путей и большихъ дорогъ, и для развитія внутренняго движенія вообще!

Оборона такой страны въ большой войнѣ не трудна: лѣса, болота и рѣки съ болотистыми берегами замѣняютъ крѣпости и иныя оборонительныя средства другихъ странъ; дѣйствія на дурныхъ дорогахъ легко могутъ быть затруднены, а мосты на частыхъ рѣкахъ разрушены, и самыя рѣки представляютъ на каждомъ шагу превосходныя оборонительныя позиціи.

Но и для малой войны, какая здѣсь въ это время ведена была, естественныя свойства страны представляли многообразныя выгоды. Онѣ не ускользнули отъ проницательнаго взгляда Суворова, и онъ старался сдѣлать ихъ безполезными для своихъ противниковъ, помощію особеннаго образа своихъ дѣйствій. Вмѣсто медленныхъ, осторожныхъ, методическихъ дѣйствій, здѣсь необходимы были скорая рѣшимость, дѣятельность и быстрота—качества, въ которыхъ у нашего героя никогда не было недостатка. Поэтому онъ вскорѣ сдѣлался опаснѣйшимъ врагомъ конфедератовъ.

Послѣдніе являлись вездѣ, а при поискѣ на нихъ, не были нигдѣ; многочисленные конные отряды ихъ проходили черезъ страну по всѣмъ направленіямъ и пропадали, какъ только противъ нихъ направлялась превосходная въ силахъ масса войскъ. Обширные и

---

(3) Мы изображаемъ здѣсь Польшу, какою она была тогда; съ тѣхъ поръ многое измѣнилось къ лучшему.

глубокіе лѣса скрывали ихъ движенія; многочисленныя рѣки и болота ежеминутно производили задержки и замедленія въ преслѣдованіи, которое сверхъ того было необычайно затрудняемо дурными дорогами и скудными продовольственными средствами малонаселеннаго края. Вездѣ имѣли они своихъ приверженцевъ, друзей, доброжелателей, которые извѣщали ихъ о каждомъ движеніи ихъ противниковъ. Если непріятель былъ слишкомъ силенъ, они разсѣевались, съ тѣмъ, чтобы снова собраться нѣсколько сотъ верстъ далѣе, на другомъ концѣ Польши. Какъ бы часто ни были они побѣждаемы или разсѣеваемы, каждый разъ собирали они новыя силы. То была гидра, отрубленныя головы которой постепенно вновь вырастали. Они сражались такъ, какъ позже Вандейцы, какъ герильясы въ Испаніи, съ тою лишь разницей, что были лучше вооружены и большею частію на коняхъ, что̀ немало способствовало быстротѣ ихъ движеній. Вообще Полякъ, какъ и его конь, вполнѣ созданъ для такого рода войны: съ незапамятныхъ временъ привыкнувъ возставать, покидать дома̀ и дворы свои, образовать конфедераціи, онъ знаетъ всѣ выгоды, которыя представляетъ ему малая война, равно какъ и мѣстныя свойства страны его.

Такъ была ведена война въ этомъ и въ слѣдующихъ годахъ. То были всегда лишь набѣги отдѣльныхъ партій, небольшія стычки, ничего нерѣшавшія, усилія конфедератовъ увеличить число своихъ приверженцевъ, а Русскихъ напротивъ—уменьшить его. Послѣдніе, имѣя въ своей власти важнѣйшіе пункты и всѣ главныя переправы черезъ рѣки, проходили въ подвижныхъ колоннахъ черезъ страну по всѣмъ направленіямъ, очищали ее отъ партизановъ и держали безпокойныхъ въ повиновеніи, нерѣшительныхъ въ страхѣ. Такимъ образомъ сохраняли они край въ своей власти, искючая небольшой полосы земли на Венгерской границѣ, гдѣ конфедераты, скрываясь въ ущельяхъ или на недоступныхъ высотахъ горъ, находили безопасное для себя убѣжище.

Между предводителями конфедераціи особенно отличались: графъ *Заремба*, старый офицеръ, пріобрѣвшій военную опытность въ прусской службѣ; онъ начальствовалъ значительною партіею въ Великой Польшѣ, но, по причинѣ своего двусмысленнаго характера, не пользовался полнымъ довѣріемъ;—казакъ *Савва*, храбрый, дѣятельный и жаждавшій отличіями пріобрѣсть оспориваемое у него дворянство; искусный, предпріимчивый *Коссаковскій*; *Мгончинскій*, *Валевскій*, молодые люди испытанной храбрости, для которыхъ война была забавой; но болѣе всѣхъ *Казиміръ Пулавскій*. Оставшись одинъ

изъ многочисленной семьи своей (отецъ его умеръ въ заключеніи, въ которомъ его содержалъ сотоварищъ его, Потоцкій, а братья были убиты или взяты въ плѣнъ), онъ сдѣлался главною опорою конфедераціи. Война развила отличныя способности его, и вскорѣ никто не пользовался такимъ уваженіемъ, какъ онъ. Первый по тѣлесной силѣ, равно какъ и по искусному владѣнію всякаго рода оружіемъ, онъ былъ душою необузданной молодежи, которая имѣла его своимъ образцомъ и слѣпо всюду за нимъ слѣдовала. Кротокъ и простъ былъ онъ въ обыкновенномъ обращеніи, но глаза его горѣли, взоръ его былъ грозенъ, онъ весь измѣнялся, когда дѣло доходило до боя, и горе тому, кто въ немъ попадался ему. Сколь смѣло онъ бросался въ среду опасностей, столь же изобрѣтательнымъ былъ онъ въ изысканіи средствъ избѣжанія ихъ, если онѣ были слишкомъ велики для него. Онъ со стороны конфедератовъ и Суворовъ со стороны Русскихъ были героями этой войны; часто находились они одинъ противъ другаго и учились взаимно уважать другъ друга. Однако Пулавскаго одолѣло превосходство его безстрашнаго противника, который, при одинаковыхъ способностяхъ, обладалъ бо̀льшимъ военнымъ образованіемъ и начальствовалъ лучшими войсками.

Въ такихъ обстоятельствахъ, при такихъ противникахъ, Суворовъ имѣлъ теперь случай вполнѣ развить всю свою дѣятельность. Какъ соколъ глядѣлъ онъ изъ своего центральнаго пункта на окрестъ лежавшій край: едва появлялась какая нибудь партія, какъ онъ съ быстротою молніи былъ уже тамъ и сокрушалъ ее, летѣлъ съ такою же быстротою на противоположный пунктъ, гдѣ показывались другія партіи: нападалъ, разбивалъ, разсѣевалъ, истреблялъ. Никогда не считалъ онъ числа непріятеля; онъ довѣрялъ себѣ и своимъ; съ своею небольшою дружиною героевъ онъ не боялся нападать на противника, вдвое, втрое, впятеро сильнѣйшаго; его смѣлость уже доставляла ему половину побѣды, а рѣшимость и ничѣмъ непоколебимая стойкость его войскъ довершали ее. Съ другой стороны, кротко и человѣколюбиво поступалъ онъ съ побѣжденными и обыкновенно отсылалъ ихъ на родину безъ дальнѣйшаго вреда, лишь на честное слово и съ обѣщаніемъ сложить оружіе. Такъ быстротою и дѣятельностью, то строгостью, то кротостью, онъ постоянно содержалъ въ спокойствіи ввѣренную его надзору часть страны. Въ этомъ отношеніи онъ выгодно отличался отъ нѣкоторыхъ другихъ начальниковъ русскихъ войскъ, которые чрезмѣрною строгостью хотѣли подавить безпокойства, но лишь еще сильнѣе возбуждали ихъ.

Болѣе всѣхъ оставилъ по себѣ позорную память полковникъ Древичь, который былъ ужасомъ Польши по причинѣ жестокости и суровости своихъ, но вовсе не искусства.

Уже здѣсь проявилъ Суворовъ свою тактику, которую выразилъ тремя словами: *глазомѣръ*, *быстрота*, *натискъ*, соотвѣтствовавшими знаменитымъ словамъ Цезаря: *veni*, *vidi*, *vici* (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ), и которую позже развилъ въ большемъ размѣрѣ. Его *глазомѣръ* (vidi) указывалъ ему важные пункты, стратегическіе, равно какъ и тактическіе, какъ для его движеній, такъ и для его нападеній;—его *быстрота* (veni) приводила принятыя имъ мѣры въ исполненіе еще прежде, нежели непріятель могъ предполагать ихъ,—а *ударъ* или *натискъ* въ бою (vici), твердая воля преодолѣть все, что ни встрѣтилось бы на пути, сокрушали всякое сопротивленіе. Такъ одерживалъ онъ успѣхъ за успѣхомъ и этимъ внушалъ своимъ войскамъ такое довѣріе, одушевленіе и самосознаніе, что они никогда не спрашивали какъ *силенъ* непріятель, но *гдѣ* онъ находится, и, предводимыя имъ, были увѣрены въ побѣдѣ, коль скоро только могли настигнуть противника. Суворовъ зналъ ихъ, а они—его; онъ жилъ посреди ихъ и такъ, какъ они, ничѣмъ не лучше, не удобнѣе. Въ каждой опасности, въ каждомъ трудѣ былъ онъ первымъ и подавалъ примѣръ,—а гдѣ солдатъ видитъ, что начальникъ его не остается назади, тамъ онъ готовъ совершить невозможное. Впрочемъ войска его недолго занимались пальбой, но рѣшительно бросались въ штыки на непріятеля, и послѣдній почти никогда не выжидалъ натиска, котораго страшился; затѣмъ конница довершала пораженіе бѣгущихъ.

Пламя, возгорѣвшееся въ Польшѣ, должно было распространиться еще далѣе. Герцогъ Шуазёль, бывшій тогда въ главѣ французскаго министерства и съ завистію взиравшій на развивавшееся все болѣе и болѣе могущество Россіи, старался всюду возбудить противниковъ и непріятелей противъ нея и съ этою цѣлію не щадилъ ни денегъ, ни интригъ. Единовременно открылъ онъ переговоры въ Стокгольмѣ и въ Константинополѣ. Тамъ они не удались, вслѣдствіе противоположнаго вліянія Англіи;—тутъ, напротивъ, имѣли полный успѣхъ. Порта, тревожившаяся по поводу успѣховъ Россіи, возбужденная просьбами бѣжавшихъ конфедератовъ и окончательно склоненная частыми подстрекательствами Франціи, повелительно потребовала, чтобы русскія войска очистили Польшу, и, не выждавъ ближайшаго объясненія по этому предмету, вскорѣ послѣ того воспользовалась предлогомъ случайнаго сожженія мѣстечка Балты, въ турецкихъ предѣлахъ, отрядомъ русскихъ войскъ, преслѣдовавшимъ

конфедератовъ—для объявленія Россіи войны. Но исходъ этого былъ совсѣмъ не тотъ, котораго ожидали.

Поляки ликовали; всѣ взоры ихъ были устремлены на Константинополь, всѣ надежды ихъ возложены на помощь Турціи. Вслѣдствіе этого, въ предпріятіяхъ ихъ произошло на нѣкоторое время бездѣйствіе, потому что главная борьба должна была происходить теперь между Турками и Русскими, и исходъ ея долженъ былъ рѣшить участь Польши. Императрица была вынуждена послать противъ Турокъ войска, назначенныя для дѣйствій противъ конфедератовъ, и этимъ столь значительно ослабить военныя силы въ Польшѣ, что хотя ихъ и осталось въ ней довольно для обузданія конфедератовъ, но недостаточно для совершеннаго подавленія ихъ. Мудро разсудила императрица, что главнымъ дѣломъ теперь было побѣдить Турокъ: одолѣвъ ихъ, Поляковъ вскорѣ можно было снова привесть въ повиновеніе.

Первый походъ противъ Турокъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ и былъ веденъ робко, какъ будто хотѣли сначала испытать своего противника. Еще не были пріисканы настоящіе предводители армій; войска были храбры, но неопытны и не знали своего врага, отъ котораго отвыкли въ тридцать лѣтъ мира.

Князь Голицынъ, дотолѣ полководецъ, не составившій еще себѣ имени, весною 1769 года собралъ въ Подоліи 60,000 войскъ, дабы препятствовать главнымъ силамъ Турокъ перейти Днѣстръ. Румянцовъ съ 40,000 долженъ былъ оберегать русскую границу на нижнемъ Днѣпрѣ. Порта же напротивъ приказала собрать несмѣтныя полчища изъ Европы, Азіи, даже изъ Африки, чтобы числительностію ихъ вознаградить то, чего имъ уже недоставало изъ прежней боевой способности. Магометово знамя было развернуто и мусульмане призваны къ войнѣ за ихъ религію, которой никто не угрожалъ. Тяжело, медленно двигались неповоротливыя массы къ Дунаю, означая путь свой опустошеніемъ. Болѣе 300,000 перешло черезъ эту рѣку, но и половина ихъ не видала непріятеля: обремененная добычей, награбленной въ собственной странѣ, бо́льшая часть ихъ воротилась домой или разбѣжалась. Миролюбивый, въ войнѣ совершенно неопытный, великій визирь Мехметъ-Эминь не предпринималъ ничего рѣшительнаго, но и князь Голицынъ столь же мало. Два раза переходилъ онъ черезъ Днѣстръ и осаждалъ Хотинъ, и два раза безуспѣшно возвращался назадъ. Ободренные этимъ Турки положили напасть на него на другой сторонѣ рѣки; но еще прежде, нежели вся армія ихъ переправилась черезъ рѣку, вода въ

ней поднялась, сорвала мостъ, и 9,000 чел., уже перешедшихъ, совершенно отрѣзанные отъ своихъ, пали легкою жертвою подъ ударами Русскихъ. Страхъ овладѣлъ турецкою арміей: все бѣжало и разсѣялось, даже гарнизонъ Хотина бросилъ ввѣренную ему крѣпость и поспѣшилъ на родину. Такъ кончился походъ Русскихъ, легкимъ взятіемъ дважды тщетно атакованной ими крѣпости.

Голицынъ показалъ себя нерѣшительнымъ; Румянцовъ поступаетъ на его мѣсто—и съ новымъ 1770 годомъ начинается одинъ изъ блистательнѣйшихъ для русскаго оружія походовъ. Вскорѣ Молдавія и Валахія были завоеваны; русское знамя развѣвалось въ Букарестѣ, какъ и въ Яссахъ. Тутъ снова двинулись сильныя полчища подъ предводительствомъ визиря; 80,000 Татаръ окружаютъ небольшую русскую армію, ослабленную болѣзнями, гарнизонами и отрядами. Не смотря на это, Румянцовъ идетъ впередъ: татарскій ханъ разбитъ на Ларгѣ и бѣжитъ къ Дунаю, откуда визирь двигается съ 150,000 ч. У Румянцова только 20,000. Внезапно видитъ онъ себя при Кагулѣ окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Отступленіе невозможно и онъ приказываетъ атаковать. Пятью кареями наступаетъ онъ противъ турецкой арміи и, послѣ многихъ часовъ битвы, обращаетъ ее въ безпорядочное, нестройное бѣгство, беретъ ея орудія, укрѣпленія и лагерь, полный золота и пышности. Въ сильнѣйшемъ замѣшательствѣ возвращаются Оттоманы домой, сомнѣваясь въ покровительствѣ пророка, и одна крѣпость за другою достается во власть побѣдоносныхъ русскихъ войскъ.

Въ тоже время гордость оттоманская была сокрушена и на морѣ. Изъ гаваней Кронштадта и Ревеля выходятъ флоты, черезъ Зундъ, черезъ Гибралтарскій проливъ, являются въ Средиземномъ морѣ, отыскиваютъ турецкія эскадры, сражаются съ ними, наконецъ блокируютъ ихъ въ Чесменскомъ заливѣ: здѣсь брандеры зажигаютъ ихъ корабли—и въ одинъ день истреблена вся турецкая сила.

Такъ торжествовали арміи императрицы Екатерины на сухомъ пути и морѣ. Необычайно было впечатлѣніе, произведенное на Европу этими, одна за другою слѣдовавшими побѣдами! Все изумлялось внезапно обнаружившейся, дотолѣ неожиданной, силѣ мощной сѣверной державы, и кабинеты начали, по своему обыкновенію, съ завистію придумывать средства, какъ положить ей предѣлъ. Австрія стала вооружаться, собрала войска и втайнѣ договаривалась о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ съ Портою; Франція расточала свои деньги и интриговала при всѣхъ дворахъ, чтобы возбудить новыхъ враговъ противъ Русскихъ; даже король Прусскій,

союзникъ Екатерины, ревностный блюститель равновѣсія въ Европѣ, качалъ въ раздумьѣ головой и чувствовалъ себя неспокойнымъ по поводу успѣховъ своей союзницы. Нѣсколько разъ предлагалъ онъ свое посредничество, но тщетно, и очутился теперь въ тягостномъ положеніи, съ одной стороны—неохотно взирать на значительные успѣхи Русскихъ, а съ другой, какъ союзникъ, еще быть вынужденну содѣйствовать имъ субсидіями (480,000 рейхсталеровъ ежегодно).

И на Польшу также эти великія событія имѣли, казалось, свое вліяніе: за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ дѣлъ, годъ этотъ прошелъ въ ней по наружности въ покоѣ, причиненномъ сначала ожиданіемъ, а позже изумленіемъ. Всѣ надежды, возложенныя на Турцію казались разрушенными. Поэтому Суворовъ находилъ мало случаевъ къ дѣйствіямъ и они ограничились въ этомъ походѣ нѣсколькими удачными стычками съ полковникомъ Міончинскимъ. Но случай едва не произвелъ того, чего не успѣли сдѣлать непріятели, едва не положилъ конецъ жизни, предназначенной къ столькимъ великимъ подвигамъ. При переправѣ черезъ Вислу Суворовъ упалъ въ воду; хотя одинъ гренадеръ и спасъ его, но понесенный имъ при этомъ вредъ долго продержалъ его внѣ всякой дѣятельности.

1770 годъ видѣлъ униженіе полумѣсяца и торжество Русскихъ; слѣдующій 1771, кромѣ завоеванія Крыма княземъ Василіемъ Михайловичемъ Долгорукимъ, не явилъ ничего важнаго противъ Турокъ, но тѣмъ большую дѣятельность обнаружилъ въ Польшѣ.

Еще незадолго до своего паденія, герцогъ Шуазёль положилъ оказать конфедератамъ болѣе дѣятельную, нежели дотолѣ, помощь, дабы не допустить ихъ дѣла до совершеннаго упадка. Уже въ 1769 году послалъ онъ въ Польшу заслуженнаго офицера, кавалера де-Толёса (chevalier de Taulès), съ значительною суммою денегъ, для того, чтобы руководить ихъ военными дѣйствіями и помочь имъ нужными деньгами. Но офицеръ этотъ скоро убѣдился, что съ толпою несогласныхъ между собой дворянъ, которые не могли всѣ начальствовать, но были слишкомъ горды, чтобы повиноваться, мало-что можно было предпринять. Поэтому онъ привезъ деньги назадъ и еще изъ Польши писалъ иносказательно министру: «Такъ какъ я въ этой странѣ не нашелъ ни одного коня, который заслуживалъ бы быть принятымъ въ королевскія конюшни, клячъ же покупать не хотѣлъ, то и возвращаюсь съ своими деньгами».

Но Шуазёль, видѣвшій въ конфедераціи средство разжечь на сѣверѣ сильное пламя и уравновѣсить перевѣсъ Россіи надъ Портой, не отказался, вслѣдствіе отзыва Толёса, сдѣлать вторичную по-

спускаются къ равнинѣ, былъ исправленъ и избранъ военнымъ опорнымъ и сборнымъ пунктомъ; отбитый приступъ Суворова, который хотѣлъ овладѣть имъ сразу, увеличилъ довѣріе Поляковъ къ крѣпостямъ. Русскія войска не имѣли средствъ осаждать ихъ, и въ тоже время видѣли появленіе у Поляковъ пѣхоты и артиллеріи и начало менѣе, нежели прежде, бродячей или наѣзднической войны.

Особенно важнымъ признавалъ Дюмурье образованіе хорошей *пьхоты.* Съ этою цѣлью онъ размѣстилъ французскихъ и нѣмецкихъ офицеровъ по границамъ, для привлеченія къ себѣ австрійскихъ и прусскихъ дезертировъ (эта мѣра доставила ему до 2,000 чел.). Далѣе, въ Краковскомъ и Сандомірскомъ воеводствахъ долженствовало быть набрано 25,000 крестьянъ; но Поляки неохотно соглашались на это, дабы не давать своимъ крестьянамъ въ руки оружія. Наконецъ, принцъ Карлъ Саксонскій, котораго Бирономъ, съ помощію Русскихъ, вытѣснилъ изъ герцогства Курляндіи, обѣщалъ, 4,000 чел. хорошей саксонской пѣхоты, какъ бы въ видѣ контингента этой области, во владѣніе которой онъ снова долженъ былъ введенъ быть. Ружья были закуплены въ Силезіи и Венгріи, и значительный транспортъ оныхъ ожидался изъ Баваріи. Такимъ образомъ Дюмурье надѣялся вскорѣ имѣть достаточное число хорошей пѣхоты. Корон-ный драгунскій полкъ (польскій) перешелъ въ Краковѣ къ конфедератамъ; сверхъ того Дюмурье расчитывалъ на 1,000 чел. саксонской кавалеріи, что, съ конными отрядами Міончинскаго, Валевскаго, Оржевскаго и др., должно было доставить ему до 8,000 чел. хорошей кавалеріи, подъ начальствомъ искусныхъ предводителей.

Такъ возникла новая жизнь, новая дѣятельность между Поляками, и всюду замѣтны были слѣды вліянія живаго, превосходнаго ума: *Одинъ человѣкъ* далъ счастливый оборотъ ихъ дѣлу.

Когда такія значущія военныя силы были совсѣмъ образованы, Дюмурье замыслилъ употребить ихъ соотвѣтственнымъ цѣли образомъ и начерталъ для того хорошо составленный планъ дѣйствій.

Русскіе занимали всю поверхность Польши своими войсками въ числѣ около 12,000 чел. (изъ коихъ треть казаковъ), распредѣленныхъ на небольшіе отряды, гонявшіеся за Поляками, «какъ коршуны за голубями (5)». Сильнѣйшій изъ нихъ, около 4,000 чел., былъ у Суворова. Генералъ Эссенъ, съ 2-мя пѣхотными и 4-мя кавалерійскими полками, занималъ Кіевъ, Украйну и Подолію, и образовалъ резервъ арміи Румянцова въ Молдавіи. Поэтому Дюмурье

(5) Слова Дюмурье.

расчитывалъ, что генералъ Веймарнъ не долженъ былъ упускать изъ виду двухъ предметовъ: удержанія за собой Варшавы съ особою короля, и магазиновъ, учрежденныхъ въ большомъ числѣ въ Подоліи. Оба предмета разомъ онъ не могъ прикрывать своими малочисленными войсками и потому долженъ былъ пожертвовать либо тѣмъ, либо другимъ, а это доставляло конфедератамъ полную свободу дѣйствій.

Вслѣдствіе того, для исполненія его плана, Заремба и Савва, съ отрядомъ войскъ силою около 10,000 чел., должны были изъ Познани угрожать Варшавѣ и удерживать въ ней Русскихъ; Пулавскій, усиленный до числа 8,000 чел.—идти къ границамъ Подоліи и угрожать русскимъ магазинамъ въ ней; наконецъ Огинскій, великій гетманъ Литовскій, въ которомъ Поляки были увѣрены, долженъ былъ уже открыто объявить себя противъ Русскихъ, направиться съ своими 8,000 чел. регулярныхъ войскъ на Смоленскъ, вступить въ предѣлы Россіи и угрожать Москвѣ. Между тѣмъ самъ Дюмурье, съ арміею Малой Польши, доведенною до числа 20,000 чел. пѣхоты и 8,000 чел. кавалеріи, намѣревался, взявъ Краковъ, идти на Сандоміръ, дабы оттуда дѣйствовать по обстоятельствамъ. Еслибы Веймарнъ собралъ свои войска въ Варшавѣ, для удержанія этого города и охраненія особы короля, то Дюмурье двинулся бы въ Подолію, для истребленія тамошнихъ магазиновъ; если же бы Веймарнъ, напротивъ, рѣшился спасти послѣдніе и вмѣстѣ съ тѣмъ особу короля, то Дюмурье двинулся бы на Варшаву и учредилъ бы въ ней средоточіе конфедераціи. Все приняло бы тогда другой оборотъ. Вліяніе верховнаго совѣта было бы утверждено въ цѣлой Польшѣ, Огинскій перенесъ бы войну въ Россію, гдѣ было мало войскъ, театръ войны измѣнился бы совершенно, и Румянцовъ, въ тылу котораго возникла бы эта гроза, былъ бы принужденъ очистить Молдавію и увлекъ бы за собою всю массу вновь оживших Турокъ. Такъ возгорѣлась бы всеобщая война, какъ того желалъ Шуазёль, и Дюмурье въ точности исполнилъ бы данное ему порученіе.

Какъ ни хорошо составленъ былъ этотъ планъ, какъ ни казался несомнѣннымъ успѣхъ его, однако онъ получилъ совсѣмъ не тотъ оборотъ, который ожидали отъ него—обыкновенное слѣдствіе человѣческихъ расчетовъ, даже вѣрнѣйшихъ, надежнѣйшихъ, которымъ впослѣдствіи непредвидѣнный, часто незначущій случай даетъ совершенно противоположное направленіе.

Первый ударъ былъ нанесенъ ему паденіемъ Шуазёля (24 декабря 1770 г.) и совершеннымъ измѣненіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по-

литики французскаго двора. Преемникъ Шуазёля, герцогъ Эгильонъ (Aiguillon), во всемъ ему противоположный, поддерживалъ то, что онъ преслѣдовалъ, и преслѣдовалъ то, что онъ поддерживалъ. Вскорѣ и въ Польшѣ почувствовали вліяніе измѣнившейся политики, хотя сначала дѣла конфедератовъ и не были оставлены безъ внимамія и въ Польшу посылались, какъ прежде, денежныя пособія (6,000 червонцевъ ежемѣсячно) и офицеры.

Вторымъ препятствіемъ были личные честолюбивые виды предводителей: чего хотѣлъ одинъ, того не хотѣлъ другой; меньшій отказывалъ въ повиновеніи большему, для того чтобы, какъ прежде бывало, вести войну самостоятельно,—а большій не хотѣлъ зависѣть отъ другихъ, еще менѣе отъ иностранца, не имѣвшаго ни значительнаго чина, ни вѣса. Пулавскій, любя независимость, былъ противъ системы правильной войны, потому что въ ней игралъ бы лишь второстепенную роль и попалъ бы подъ власть Сапѣгъ и Потоцкихъ, которыхъ ненавидѣлъ. Точно также и другіе, Заремба, Міончинскій, Валевскій; однако ихъ привлекли наконецъ обѣщаніемъ оставить за ними начальствованіе и даже усилить ихъ отряды. Въ Огинскомъ во всякомъ случаѣ были увѣрены.

Но въ особенности планъ Дюмурье былъ разрушенъ дѣятельностью Русскихъ и всего болѣе Суворова. 31 марта (11 апрѣля) 1771г. произошло общее собраніе предводителей въ Бялѣ, на Силезской границѣ, гдѣ обсужденъ былъ планъ дѣйствій: всѣ обѣщали строгое повиновеніе. Полные довѣрія, надежды, мужества, Поляки приступили къ исполненію и открыли новый походъ среди самыхъ благопріятныхъ предзнаменованій.

Русскія войска въ краковскомъ округѣ, силою около 4,000 человѣкъ, были растянуты отъ Силезской границы до Дунайца на пространствѣ 70-ти верстъ, занимали всѣ главные пункты, какъ-то Бобрекъ, Освѣнцимъ, Заторъ, Кальварію, Скавину и содержали казачьи и драгунскіе посты для связи между отдѣльными отрядами. Хорошій выборъ пунктовъ расположенія ихъ держалъ Поляковъ въ горахъ, какъ въ блокадѣ.

Поэтому прежде всего нужно было всѣ эти посты оттѣснить за Вислу. Съ этою цѣлію Заремба долженъ былъ изъ Познани двинуться на Раву, дабы этимъ угрожать Варшавѣ, и затѣмъ вдругъ обратиться къ Радому, а между тѣмъ Пулавскій изъ Ченстохова и Валевскій изъ Бялы должны были напасть на переправу черезъ Вислу при Бобрекѣ (гда Висла выходитъ изъ горъ) и овладѣть ею. Незадолго передъ тѣмъ передавшійся Полякамъ, опытный кавалерій-

скій полковникъ Шюцъ долженъ былъ изъ Кентъ овладѣть Освѣнцимомъ и наконецъ Міончинскій изъ Ландскроны—силою завладѣть проходомъ у Калваріи, опрокинуть русскіе посты передъ Краковомъ и совершенно очистить равнину.

Для исполненія этихъ мѣръ требовалось много быстроты, точности движеній и тайны,—ни въ чемъ изъ этого недостатка не было; русскія войска нужно было обмануть и утомить—и это удалось. У всѣхъ выходовъ изъ горъ на равнину, на разстояніи 16-ти верстъ, были собраны крестьяне и по ночамъ должны были разводить большіе огни; въ тоже время производилась ложная тревога и отдѣльные отряды огрожали спуститься на равнину. Въ первыя ночи русскія войска были очень бдительны: кавалерія садилась на коней, пѣхота стояла подъ ружьемъ, они даже вступали въ тѣснины и заставляли конфедератовъ отступать, но подъ конецъ были утомлены этими тревогами, возобновляемыми каждую ночь, и ослабили свою бдительность.

Этого именно желали и ожидали Поляки. Дюмурье, извѣщенный евреями, что 18 (29) апрѣля въ Краковѣ имѣлъ быть большой балъ, и предполагая, что на немъ будутъ всѣ высшихъ чиновъ русскіе офицеры, назначилъ эту самую ночь для общей атаки. Счастливый успѣхъ увѣнчалъ ее: атакованныя на всѣхъ пунктахъ превосходными силами, русскія войска были принуждены отступить за Вислу, и на другой день вся равнина была во власти конфедератовъ.

Дюмурье озаботился тотчасъ же стать твердою ногою на занятой мѣстности, приказавъ привести въ оборонительное состояніе многіе, выгодно расположенные пункты, потому что Русскіе, не имѣя при себѣ осадной артиллеріи, менѣе всего имѣли способовъ производить осадную войну. Замокъ Бобрекъ на Вислѣ былъ приведенъ въ оборонительное состояніе и занятъ гарнизономъ въ 200 чел. съ 4-мя орудіями; точно также и монастырь Тынецъ, въ 4-хъ верстахъ отъ Кракова, куда поставлено 400 чел. гарнизона съ 6-ю орудіями; укрѣпленною Ландскроною Поляки владѣли уже прежде. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней пѣхота конфедератовъ была прочно размѣщена во многихъ пунктахъ, способныхъ къ оборонѣ и достаточно, для задержанія Русскихъ, снабженныхъ орудіями. Затѣмъ Пулавскій долженъ былъ принять на себя оборону Дунайца, Міончинскій—Ландскроны, и наконецъ Валевскій—Бобрека и Освѣнцима. Самъ Дюмурье отправился въ верховный совѣтъ въ Бялѣ, чтобъ ускорить наборъ рекрутъ. Но тутъ началось несчастіе.

Поляки возгордились предшествовавшими успѣхами и произвели множество безпорядковъ. Города были разграблены, крестьяне подверглись побоямъ, а евреи — всяческимъ насиліямъ; на Русскихъ смотрѣли лишь съ гордостью и презрѣніемъ. Предводители возобновили прежніе раздоры между собою, дворяне не хотѣли ходить въ караулъ, офицеры жили въ ближайшихъ замкахъ, пировали, танцовали или вели игру. Словомъ—несчастіе повергло Поляковъ въ малодушіе, а счастіе возродило прежнее ихъ высокомѣріе.

Такъ прошли май и начало іюня въ бездѣйствіи и спорахъ конфедератовъ между собою или съ Дюмурье, отъ котораго они рѣшительно требовали выдачи денегъ, имѣвшихся у него и предназначавшихся имъ только на сообразное съ цѣлію употребленіе. А между тѣмъ уже приближался Суворовъ.

Послѣдній въ это время не оставался въ бездѣйствіи, но былъ занятъ съ другой стороны. Уже въ мартѣ Савва показался въ окрестностяхъ Люблина и тѣмъ навлекъ на себя этого опаснаго противника, который и разбилъ его въ послѣдовательныхъ дѣлахъ при Уржендовѣ и Красникѣ. Хотя Савва и спасся отъ него, но лишь для того, чтобы вскорѣ затѣмъ, на противоположномъ краю Польши, кончить свое поприще. Преслѣдуемый по пятамъ Русскими, 15 (26) апрѣля при Шренскѣ (на Прусской границѣ, недалеко отъ Млавы) онъ былъ ими настигнутъ, атакованъ, разбитъ и самъ, тяжело раненый, попалъ въ плѣнъ. Хотя Русскіе обошлись съ нимъ весьма человѣколюбиво и генералъ Веймарнъ даже прислалъ къ нему собственнаго врача, однако онъ вскорѣ послѣ того умеръ отъ своихъ ранъ, которыя отъ тревоги и огорченія обратились въ смертельныя (6).

Между тѣмъ Суворовъ съ противоположной стороны, около Владиміра (на Волыни), разбилъ полковника Новицкаго и очистилъ край вокругъ отъ непріятельскихъ партій. Воротясь послѣ того въ Люб-

---

(6) Рюльеръ, которому ничего не значитъ сказать одну лишнюю неправду, послѣ разсказа, что Савва былъ раненъ, злобно прибавляетъ: «Впрочемъ онъ затѣмъ былъ, кажется, убитъ русскими солдатами, которымъ, какъ подозрѣваютъ, это приказалъ Суворовъ.». (Т. IV, стр. 214). Кто подозрѣвалъ это?—Никто въ цѣлой Польшѣ никогда не дерзалъ выражать такого подозрѣнія, которое тѣмъ нелѣпѣе, что Суворовъ въ это самое время былъ крайне занятъ во многихъ сотняхъ верстъ оттуда, на другомъ краю Польши. Ферранъ, которому позже переданы были всѣ бумаги Рюльера, добросовѣстно сознается, что онъ не нашелъ въ нихъ ни малѣйшаго повода къ такому предположенію, (Histoire des trois démembrements de la Pologne. T. I, стр. 298).

линъ, онъ получилъ отъ генерала Веймарна извѣстіе объ успѣхахъ конфедератовъ у Кракова и приказаніе немедленно выступить туда, чтобы возстановить тамъ дѣла Русскихъ. Онъ исполнилъ это и уже долженъ былъ имѣть дѣло не съ одними разнородными, нестройными толпами конфедератовъ, но съ правильно- устроенными войсками, предводимыми такимъ отличнымъ офицеромъ, какъ Дюмурье.

Съ отрядомъ около 1,600 чел. (2 батал., 5 эскадр. и 80 казаковъ) и 8-ю полевыми орудіями выступилъ онъ изъ Люблина, сначала къ р. Сану, гдѣ прогналъ многія партіи конфедератовъ, а затѣмъ къ Дунайцу, который долженъ былъ оборонять Пулавскій, — подъ непріятельскимъ огнемъ, съ боя овладѣлъ переправой и уже безостановочно слѣдовалъ къ Кракову. Здѣсь онъ нашелъ полковника Древича съ отрядомъ около 2,000 чел. пѣхоты и казаковъ. Въ соединеніи съ нимъ, слѣдовалъ онъ, не останавливаясь, далѣе къ Тынецу; попытка сразу овладѣть этимъ пунктомъ не удалась, потому что онъ былъ слишкомъ сильно укрѣпленъ и хорошо обороняемъ. Поэтому Суворовъ, чтобы не терять времени, двинулся къ Ландскронѣ, гдѣ собирались главныя силы конфедератовъ. Дюмурье, по первому извѣстію о выступленіи Суворова изъ Сандоміра, настоятельно просилъ Пулавскаго объ оборонѣ Дунайца и назначилъ Скавину сборнымъ мѣстомъ остальныхъ войскъ. Но 8-го (19) іюня онъ узналъ, что Суворовъ уже находился по сю сторону Дунайца и шелъ усиленными переходами къ Кракову, между тѣмъ какъ Пулавскій отступилъ въ горы, для того будто бы, какъ онъ увѣдомлялъ, чтобы напасть на Русскихъ съ тылу. Дюмурье заклиналъ его присоединиться къ нему, а когда это не повело ни къ чему, приказалъ ему тоже самое съ угрозой. Оскорбленный Пулавскій сухо отвѣчалъ: «Ему нечего получать приказанія отъ иностранца и онъ будетъ вести войну самостоятельно; въ настоящее время онъ идетъ къ Замосцью, куда и Дюмурье, если ему угодно, можетъ послѣдовать за нимъ (7).»

---

(7) Исторія конфедератовъ слишкомъ часто напоминаетъ исторію новѣйшихъ Грековъ, въ которой господствовали тотъ же духъ несогласія между вождями, таже ненависть къ правильной, систематической войнѣ, таже склонность къ необузданности, наконецъ таже любовь къ веденію войны каждымъ самостоятельно. Несчастіе соединило ихъ и сдѣлало ихъ послушными; счастіе разъединило едва соединившихся и возвратило имъ прежніе недостатки. Въ такихъ обстоятельствахъ всегда нуженъ одинъ превосходный умъ, умѣющій своимъ вліяніемъ удерживать или обуздывать отдѣльныя личности и направлять всѣхъ соединенными силами къ одной цѣли. Такого не было ни у Поляковъ, ни у новѣйшихъ Грековъ.

Лишенный всякой надежды на его содѣйствіе, Дюмурье собралъ 11 (22) іюня при Ландскронѣ остальные отряды конфедератовъ подъ предводительствомъ Шюца, Міончинскаго, Оржевскаго, Валевскаго, всего около 3,000 чел., почти все конницы. Замокъ Ландскрона расположенъ на краю высоты, длиною около 1,500 и шириною около 500 шаговъ. Высота эта, спереди и слѣва довольно крутая и поросшая хвойнымъ лѣсомъ, сзади постепенно спускается въ лѣсистую мѣстность, простирающуюся до селенія Суха. Здѣсь занялъ Дюмурье позицію. Лѣвый флангъ его примыкалъ къ замку, обороняемому 600 чел. и 30 орудіями, а правый къ еловому лѣсу, занятому 2 орудіями и 100 егерями подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ; 100 другихъ егерей были поставлены въ лежавшій передъ фронтомъ лѣсъ.

Эта позиція господствовала надъ другою, параллельною, но низшею высотою, которую Суворовъ, недолго заставившій ждать себя, занялъ своими войсками. Едва обозрѣлъ онъ расположеніе непріятеля, какъ тотчасъ же приказалъ одному казачьему полку опрокинуть егерей изъ лѣса впереди позиціи Дюмурье, а одному эскадрону карабинеровъ поддерживать казаковъ. Казаки разогнали егерей и начали взбираться на занятыя непріятелемъ высоты. Дюмурье, видя нестройное, безпорядочное приближеніе ихъ, радостно предсказываетъ своимъ войскамъ побѣду и приказываетъ, какъ только казаки взберутся на верхъ, немедленно броситься на нихъ прежде, нежели они успѣютъ устроиться. Поляки обѣщаютъ совершить чудеса.

Казаки, поддерживаемые карабинерами, являются на высотѣ и быстро строятся. Дюмурье и молодой Сапѣга хотятъ броситься на встрѣчу имъ съ Литовцами Оржевскаго, но послѣдніе, при атакѣ на нихъ казаковъ, обращаются въ бѣгство и даже убиваютъ Сапѣгу, который хочетъ удержать ихъ; Оржевскій и нѣсколько храбрецовъ, послѣдовавшихъ за нимъ, падаютъ подъ пиками казаковъ. Дюмурье спѣшитъ къ гусарамъ Шюца, но они, вмѣсто того, чтобы врубиться, дѣлаютъ залпъ изъ карабиновъ—и обращаются въ бѣгство. Только одинъ Міончинскій, въ главѣ толпы храбрецовъ, смѣло бросается на Русскихъ, но раненъ, сброшенъ съ коня и взятъ въ плѣнъ. Валевскій съ лѣвымъ крыломъ отступаетъ въ порядкѣ за Ландскрону; всѣ остальные разсѣеваются. Русскіе всадники преслѣдуютъ бѣгущихъ версты двѣ и убиваютъ, ранятъ или берутъ въ плѣнъ человѣкъ 100, сами потерявъ лишь немногихъ изъ своихъ. Въ полчаса времени все было покончено.

Пораженіе и бѣгство конфедератовъ произошли такъ скоро, что

остальныя русскія войска, которыя должны были поддерживать кавалерію, не могли принять никакого участія въ боѣ. Сверхъ Сапѣги и Оржевскаго, Поляки потеряли еще 500 чел. убитыми и 200 чел. взятыми въ плѣнъ, въ числѣ послѣднихъ были Міончинскій (8) и Ляссоцкій, маршалъ Циркскій. Оба польскія орудія были взяты.

Дюмурье, раздраженный малодушными дѣйствіями конфедератовъ, отступилъ въ главѣ небольшаго числа Французовъ въ лѣсъ и, не будучи преслѣдуемъ, въ полдень достигнулъ мѣстечка Суха, куда бѣжали и гусары Шюца. Французскіе егеря изъ еловаго лѣса спаслись въ Ландскрону.

Но еще оставался Пулавскій, отъ Дунайца, гдѣ онъ ускользнулъ отъ Суворова, двинувшійся съ 2,000 чел. къ Замосцью. Эта крѣпость открыла ему ворота. Отсюда онъ угрожалъ и Люблину, и Львову. Но Суворовъ уже спѣшилъ остановить его успѣхи. Пулавскій выходитъ изъ Замосцья на встрѣчу ему, но на полпути Суворовъ нападаетъ на него врасплохъ и, послѣ краткаго сопротивленія, обращаетъ его въ бѣгство. Пулавскій теряетъ свои орудія и большую часть своихъ людей, а остальную спасаетъ только искуснымъ отступленіемъ, снискивающимъ ему похвалу самаго Суворова, сначала черезъ горы къ Венгерской границѣ, а потомъ черезъ Кенты и Бобрекъ къ Ченстохову. Съ тѣхъ поръ Суворовъ отзывался о немъ не иначе, какъ съ уваженіемъ, въ знакъ котораго послалъ ему на память небольшую фарфоровую табакерку.

Дюмурье, пристыженный неудачею всѣхъ своихъ плановъ, увѣрялъ позже, что распоряженія Суворова должны были навлечь на него неминуемое пораженіе. Можетъ быть—на обыкновеннаго полководца съ обыкновенными войсками; но Суворовъ, который вполнѣ зналъ своихъ противниковъ, основывалъ свои расчеты на нравственномъ превосходствѣ своихъ войскъ. Поэтому, если онъ, нимало не колеблясь, атаковалъ конфедератовъ, въ ихъ превосходной позиціи, казаками, то (даже не принимая въ расчетъ впечатлѣнія, которое должна была произвесть неожиданность такой атаки) причиною сего было то, что онъ заранѣе предвидѣлъ бѣгство Поляковъ и для преслѣдованія ихъ хотѣлъ имѣть подъ рукою свою легкую конницу. И даже еслибы они не обратились въ бѣгство, то были бы задержаны казаками до тѣхъ поръ, пока подоспѣвшая пѣхота не рѣши-

---

(8) Этотъ Міончинскій, вѣрный другъ Дюмурье, позже поступилъ генераломъ во французскую службу и, послѣ бѣгства Дюмурье отъ якобинцевъ, погибъ подъ гильотиной.

ла бы побѣды. Если же бы онъ, напротивъ, прежде повелъ пѣхоту, то, при болѣе медленномъ движеніи ея, потерялъ бы болѣе людей отъ огня непріятеля и послѣдній, имѣвшій почти одну конницу, легко ускользнулъ бы отъ него. Только посредственный полководецъ буквально придерживается во всемъ правилъ, геніяльный же умѣетъ измѣнять правила сообразно обстоятельствамъ и знанію характера своего противника. Впрочемъ самъ Суворовъ смѣялся надъ учеными разсужденіями, посредствомъ которыхъ, послѣ его побѣдъ, хотѣли доказывать, что ему слѣдовало быть разбитымъ. «Да, да,— говаривалъ онъ тогда, смѣясь,—таковы мы, безъ тактики и практики, а все-таки побѣждаемъ нашихъ непріятелей.»

Такимъ образомъ снова разомъ были разрушены надежды конфедератовъ: лучшіе вожди ихъ взяты въ плѣнъ или убиты, войска ихъ разбиты, разсѣяны, уничтожены, а между предводителями ихъ были раздоръ и несогласіе. Одинъ упрекалъ другаго—какъ въ несчастныхъ случаяхъ обыкновенно водится—въ малодушіи или измѣнѣ, но въ концѣ концовъ ни одинъ изъ нихъ не былъ, можетъ быть, свободенъ отъ упрека.

Дюмурье, обманутый въ своихъ расчетахъ, огорченный и недовольный, совсѣмъ отказался уже теперь отъ дѣла Поляковъ и, съ злобой въ сердцѣ, возвратился во Францію.

Всѣми этими успѣхами Русскіе были обязаны преимущественно невѣроятной дѣятельности Суворова. Неутомимо поспѣшалъ онъ ко всѣмъ пунктамъ, гдѣ показывались непріятели, и вездѣ разбивалъ или разсѣевалъ ихъ; не давая ни себѣ, ни войскамъ своимъ отдыха, въ 17 сутокъ прошелъ онъ около 100 миль (около 700 верстъ) и притомъ въ непрерывномъ бою, такъ что почти 48-ми часовъ не проходило безъ боя (9); этою быстротою онъ усугублялъ свои силы и поселялъ страхъ и ужасъ въ умахъ непріятелей. Если его хвалили за такія быстрыя движенія, то онъ возражалъ: «это еще ничего, Римляне далеко превзошли насъ въ быстротѣ (10): прочтите только Цезаря.»

Вслѣдствіе изложенныхъ выше событій, дѣло конфедератовъ пало совершенно и они желали снова возстановить его какимъ-нибудь счастливымъ событіемъ. Съ этою цѣлію они обратили свои

---

(9) Даже самъ Рюльеръ, ненависть котораго къ Русскимъ никогда не находитъ въ нихъ ничего хорошаго, противъ воли вынужденъ отдать ему въ этомъ случаѣ справедливость.

(10) Трудно.

взоры на Огинскаго и старались склонить его и Литовцевъ къ скорѣйшему дѣйствію противъ Русскихъ. Съ цѣлію побудить его къ тому, молодой Коссаковскій, оказавшій уже много опытовъ ума и разнообразной ловкости, былъ посланъ изъ Ченстохова съ 400 отборныхъ людей, съ тѣмъ, чтобы пробиться въ Литву и произвесть въ ней эту счастливую перемѣну. Коссаковскій, въ исполненіи этого порученія, поступилъ съ большимъ искусствомъ. Вмѣсто того, чтобъ избрать прямой путь, который подвергъ бы его многимъ опасностямъ, онъ двинулся сначала къ Прусской границѣ, потомъ повернулъ на право черезъ сѣверныя области, гдѣ было менѣе войскъ, и затѣмъ усиленными переходами слѣдовалъ въ Литву, куда прибылъ въ началѣ августа. Чтобъ затруднить преслѣдованіе его, онъ разрушалъ за собою всѣ мосты; если же Русскіе, не смотря на то, приближались къ нему, онъ углублялся въ лѣса и снова являлся на такихъ пунктахъ, гдѣ его всего менѣе ожидали. Быстротой своихъ движеній онъ уничтожалъ всѣ расчеты и въ теченіе нѣсколькихъ дней являлся въ столькихъ различныхъ мѣстахъ, что Русскіе не знали, гдѣ его искать.

Вездѣ на своемъ пути онъ распространялъ акты, которыми вожди Барской конфедераціи объявили упраздненіе престола, и раздавалъ убѣдительныя воззванія, которыми возбуждалъ дворянство къ вооруженному возстанію. Люди его были одѣты въ черныя одежды, какъ бы въ трауръ по несчастной судьбѣ отечества; себя самаго называлъ онъ лишь «вольнымъ гражданиномъ» республики, хотя другимъ раздавалъ маршальскія званія. Вездѣ и всѣхъ убѣждалъ онъ явить согласіе и тѣсное единеніе, и спасти отечество. И онъ произвелъ такое сильное дѣйствіе на умы, что Русскіе стали опасаться внезапнаго вооруженнаго возстанія цѣлаго края противъ нихъ.

Но въ особенности ни одного средства не было упущено для того, чтобы побудить великаго гетмана Огинскаго къ окончательному рѣшенію. Графъ Огинскій пользовался въ своей странѣ большими уваженіемъ и вліяніемъ; въ качествѣ великаго гетмана онъ содержалъ нѣсколько тысячъ чел. собственныхъ войскъ и имѣлъ главное начальствованіе надъ всѣми войсками въ Литвѣ. Дотолѣ по наружности соблюдая строгій неутралитетъ между партіями, внутренно былъ онъ вполнѣ преданъ дѣлу конфедератовъ и только ждалъ удобнаго времени, чтобъ объявить себя въ пользу ихъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ опасности, сопряженныя съ такимъ поступкомъ, для того, чтобы рѣшиться на него легкомысленно; и король предупреждалъ его: «вы губите себя и меня», писалъ онъ ему для

того, чтобъ удержать его, и Огинскій, безъ того имѣвшій мягкій, боязливый характеръ, рѣшился, казалось, послѣдовать королю. Хотя подъ рукою онъ, подобно престарѣлому коронному гетману Браницкому въ Бѣлостокѣ, всячески поддерживалъ конфедератовъ, но остерегался сдѣлать важный шагъ, который могъ обнаружить его. Однако, въ то время, когда дѣло конфедераціи мѣрами Дюмурье получило такой счастливый оборотъ и присоединеніе къ нему Огинскаго казалось Полякамъ столь желательнымъ, послѣдняго начали со всѣхъ сторонъ убѣждать—не колебаться болѣе. Старикъ Браницкій вызывалъ его на это, конфедераты заклинали его; французскій агентъ, кавалеръ де-Мюринэ, нарочно для этого пріѣхалъ изъ Данцига въ Бѣлостокъ; даже австрійскій посланникъ, какъ говорили, возбуждалъ его къ тому подъ рукой. Наконецъ запросъ русскаго посланника: «за или противъ кого онъ (Огинскій) содержитъ свои войска?» рѣшилъ все. Получивъ извѣстіе о нѣкоторыхъ движеніяхъ русскихъ войскъ противъ него, онъ рѣшился предупредить ихъ. Внезапно выступилъ онъ изъ своего лагеря при Телеши (недалеко отъ Пинска), въ Пинскѣ подписалъ актъ о своемъ присоединеніи къ конфедераціи, двинулся къ Рѣжицѣ, гдѣ 26 августа (6 сент.) напалъ врасплохъ на русскій баталіонъ полковника Албучева и большую часть его взялъ въ плѣнъ, оттѣснилъ или разбилъ нѣкоторыя другія части войскъ и манифестомъ открыто объявилъ себя въ пользу дѣла Барской конфедераціи. Новая радость между ея приверженцами, новыя надежды, новые планы: Поляки мечтали уже, что имъ вскорѣ можно будетъ вступить въ русскія области, занятыя лишь небольшимъ числомъ войскъ. Небольшая армія Огинскаго ежедневно увеличивалась; противопоставленные ему Русскіе: генералъ Кашкинъ и полковники Тюрингъ и Древичь не отваживались ни на что рѣшительное и только наблюдали за нимъ издалека. Слѣдовало опасаться, чтобъ онъ не усилился и не вытѣснилъ наконецъ совершенно русскія войска изъ Литвы, еслибъ ему не была вскорѣ противопоставлена преграда. Уже онъ написалъ Коссаковскому, чтобы послѣдній присоединился къ нему съ своими войсками, уже выступилъ изъ Несвижа, откуда оттѣснилъ полковника Тюринга—какъ вдругъ его постигло несчастіе, внезапно, неожиданно, какъ ударъ грома съ яснаго неба.

Суворовъ только что возвратился въ Люблинъ изъ своихъ экспедицій противъ Саввы, Дюмурье и Пулавскаго, какъ услыхалъ о безпокойствахъ въ Литвѣ, о движеніи Коссаковскаго, о броженіи умовъ, наконецъ объ объявленіи Огинскаго и открытомъ возстаніи

его противъ Русскихъ. Однимъ взглядомъ усмотрѣлъ онъ всѣ послѣдствія, которыя такой поступокъ могъ имѣть для дѣла его государыни, еслибы злу въ самомъ началѣ не былъ положенъ предѣлъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ извѣстій о дѣйствіяхъ начальниковъ русскихъ войскъ противъ Огинскато—и узнаетъ о пораженіи Албучева, отступленіи Тюринга, бездѣйствіи остальныхъ. Онъ не въ состояніи долѣе удержать свое нетерпѣніе. Хотя генералъ Веймарнъ именно запретилъ ему, впредь до дальнѣйшаго приказанія, предпринимать что-либо противъ Огинскаго, но Суворовъ рѣшился, на свой страхъ, не исполнить этого приказанія. «Спасемъ сначала нашихъ, сказалъ онъ, а потомъ пусть казнь падетъ на мою голову». Лаконическимъ донесеніемъ, какія имѣлъ обыкновеніе дѣлать въ сложныхъ дѣлахъ, увѣдомилъ онъ генерала Веймарна: «Пушка выстрѣлила, и Суворовъ выступилъ въ походъ», и съ 4-мя ротами и 1-мъ эскадрономъ, которые имѣлъ при себѣ, быстро двинулся изъ Люблина чрезъ Коцкъ въ Бялу, гдѣ присоединилъ къ себѣ еще 2 роты и 2 эскадрона съ нѣсколькими казаками, и затѣмъ усиленными переходами продолжалъ идти къ Бресту. Онъ шелъ такъ быстро, что изъ 1,000 чел., бывшихъ у него, болѣе 150 усталыхъ остались назади. На 4-я сутки ввечеру, пройдя болѣе 200 верстъ (30 миль), онъ былъ уже въ Слонимѣ. Здѣсь узналъ онъ, что Огинскій, съ небольшимъ войскомъ своимъ, силою около 3—4,000 чел., стоялъ въ выгодной позиціи при Сталовичахъ, въ 5-ти верстахъ отъ Слонима. Давъ своимъ войскамъ часа два отдыха, онъ выступилъ отсюда и на другой день ($^{11}/_{22}$ сентября 1771 года), за два часа до полуночи, приблизился къ Сталовичамъ. Ночь была темная, небо покрыто тучами; тихо, безъ барабаннаго боя, двинулся туда небольшой русскій отрядъ; огонь на монастырской башнѣ близъ Сталовичъ служилъ ему маякомъ; 4 улана, захваченные врасплохъ, доставили свѣдѣнія о расположеніи непріятеля и должны были служить проводниками. Такъ подступили они къ самимъ Сталовичамъ. Такъ какъ мѣстность здѣсь была болѣе открытая, то Суворовъ построилъ на ней въ совершенной тишинѣ горсть своихъ храбецовъ. Въ 1-й линіи поставилъ онъ 4 роты, 2 орудія въ серединѣ, съ 1 ротою позади,—во 2-й линіи 3 эскадрона,—въ резервѣ оставилъ 1 роту съ 2-мя взводами кавалеріи и казаками. Въ этомъ порядкѣ двинулся онъ впередъ къ мѣстечку, направляясь на непріятельскіе огни, но внезапно былъ остановленъ болотистою низменностью, черезъ которую вела только узкая гребля шаговъ въ 200. Пѣхота вздвоила и смѣло, бѣглымъ шагомъ бросилась черезъ греблю, а за нею и ка-

валерія. Офицеръ при орудіяхъ, желая перевезти ихъ скорѣе, направилъ ихъ черезъ низменность, но они завязли въ ней. Уже Русскіе были передъ самымъ мѣстечкомъ, какъ вдругъ одинъ часовой, изъ числа многихъ другихъ, заколотыхъ штыками, поднялъ тревогу: затѣмъ послѣдовалъ шумъ, крикъ: «къ оружію! непріятель!» и торопливый огонь. Съ громкимъ ура! бросились Русскіе въ мѣстечко: ужасъ поразилъ Литовцевъ. Въ безпорядкѣ устремились они во всѣ стороны: одни стрѣляли изъ оконъ, другіе пытались сопротивляться на улицахъ, вездѣ сражались; но Русскіе очищали путь штыками, кавалерія колола, рубила или топтала все, что сопротивлялось: въ величайшемъ замѣшательствѣ старались Поляки выбраться въ открытое поле, гдѣ находилась большая часть ихъ войскъ. Самъ Огинскій едва успѣлъ вскочить на коня и быстро ускакать, послѣ того, какъ всѣ его попытки собрать своихъ остались безъ успѣха. Только 300 лейбъ-янычаровъ его упорно оборонялись въ нѣсколькихъ домахъ на площади; почти всѣ были переколоты штыками Русскихъ. Взятые при Рѣжицѣ русскіе плѣнные, содержавшіеся въ большомъ домѣ, выпрыгнули изъ оконъ, такъ какъ двери были замкнуты, и присоединились къ своимъ собратіямъ-избавителямъ.

Темнота увеличивала ужасы этой ночи; къ утру Сталовичи были во власти Русскихъ. Но этимъ бой еще не кончился: Поляки, позиція которыхъ находилась собственно за мѣстечкомъ, пытались держаться на ней. Суворовъ снова и быстро устроилъ войска свои и бѣглымъ шагомъ двинулся противъ Поляковъ; кавалерія его, выскакавъ впередъ, уже завязала бой. Такъ какъ непріятельская линія была гораздо длиннѣе его собственной, то онъ двинулся влѣво и стремительно ударилъ на правое крыло непріятеля. Литовцы оборонялись храбро и ихъ гренадеры мужественно встрѣтили штыками атаку русскихъ въ штыки, однако наконецъ были принуждены отступить. Уже Русскіе одержали побѣду, какъ вдругъ генералъ Бѣлякъ, стоявшій въ получасѣ пути отъ мѣста боя, пришелъ на рысяхъ съ 2-мя комплектными уланскими полками, силою около 1,000 чел., и окружилъ 3 русскіе эскадрона. Тутъ снова произошелъ жестокій бой; нѣсколько разъ принуждена была русская кавалерія прорубаться сквозь превосходнаго числомъ непріятеля (особенно отличились мужествомъ казаки), пока наконецъ, послѣ величайшихъ усилій, удалось отразить Поляковъ.

Нѣсколько сотъ непріятельскихъ тѣлъ покрывали мѣсто боя; число плѣнныхъ превышало число побѣдителей: обозы, маршальскій жезлъ Огинскаго, военная казна (болѣе 50 т. червонцевъ), знаме-

на, всѣ орудія (12 пушекъ), все досталось въ руки Русскихъ, и кромѣ того еще много драгунскихъ лошадей, на которыхъ упавшіе съ нихъ всадники не могли болѣе сѣсть. Но за то и каждый изъ суворовскихъ храбрецовъ честно и усердно содѣйствовалъ одержанію этого отличнаго успѣха: изъ 900 чел. бывшихъ у Суворова войскъ, около 100 было убито, а бо̀льшая часть остальныхъ (офицеры почти всѣ) ранена.

Затѣмъ Суворовъ далъ своимъ войскамъ *одинъ* часъ отдыха—и двинулся обратно въ Слонимъ. По причинѣ множества взятыхъ повозокъ, орудій, раненыхъ и плѣнныхъ, походная колонна его растянулась почти на полмили ($3^1/_2$ версты). Еслибы побѣжденные не были поражены такимъ сильнымъ страхомъ или имѣли въ главѣ своей смѣлаго предводителя, то имъ представлялся здѣсь удобный случай снова обратить счастіе на свою сторону. Но Огинскій, въ своемъ смущеніи, не помышлялъ ни о чемъ болѣе, какъ о спасеніи, и тогда только счелъ себя въ безопасности, когда въ бѣгствѣ своемъ достигъ Кенигсберга.

Суворовъ любилъ производить внезапныя нападенія и бо̀льшая часть его предпріятій въ конфедератской войнѣ принадлежала къ этому роду дѣйствій. «Искусно произведенныя внезапныя нападенія, говаривалъ онъ, удаются всегда; ночью беззаботный солдатъ, пробужденный вдругъ отъ сна, рѣдко оказываетъ сильное сопротивленіе; чѣмъ неожиданнѣе опасность, тѣмъ большею кажется она ему, и первою мыслію внезапно атакованнаго ночью непріятеля есть, не сопротивленіе, но спасеніе себя бѣгствомъ».

Таковъ былъ конецъ этого предпріятія, въ которомъ русскій полководецъ явилъ опыты необычайной дѣятельности. Въ теченіе 14-ти дней Огинскій видѣлъ себя достигшимъ высшей степени счастія, привѣтствуемый какъ побѣдитель и освободитель своего роднаго края—и затѣмъ снова въ глубочайшемъ несчастіи, бѣглецомъ и изгнанникомъ въ чужой странѣ. Въ послѣднихъ числахъ августа гордо возсталъ онъ съ оружіемъ въ рукахъ, а $^{12}/_{23}$ сентября скитался уже въ Пруссіи, ища убѣжища. Слава же Суворова съ этого времени, когда и въ чужихъ краяхъ имя его стало обращать на себя вниманіе, росла все болѣе и болѣе, пока въ послѣднемъ и блистательнѣйшемъ походѣ его не достигла высшей степени своей.

Не останавливаясь въ Слонимѣ, онъ оставилъ въ немъ взятыя орудія и плѣнныхъ подъ небольшимъ прикрытіемъ, а съ остальными войсками двинулся къ Пинску, средоточію предпріятій Огинскаго, для того, чтобы вполнѣ разсѣять остатки его войска и успокоить

край. На пути онъ имѣлъ случай явить опытъ своего безкорыстія: одинъ непріятельскій офицеръ былъ захваченъ имъ съ богатою полковою казною; Суворовъ не только не захотѣлъ воспользоваться его несчастіемъ, но даже приказалъ выдать огорченному офицеру письменный видъ для безпрепятственнаго достиженія мѣста его назначенія. Въ Пинскѣ находилась свита Огинскаго. Приведя здѣсь всѣхъ въ покорность и склонивъ Литовцевъ къ соблюденію спокойствія и тишины и къ сложенію оружія, Суворовъ черезъ Брестъ и Бялу воротился въ свой центральный пунктъ Люблинъ. Бо́льшая часть приверженцевъ Огинскаго разошлась,—Коссаковскій, присоединившій къ себѣ остальныхъ, окольными путями бѣжалъ къ Силезской границѣ: Литва снова была спокойна, и опасность, такъ грозно возставшая противъ Русскихъ, была счастливо отклонена.

Но иная опасность собиралась надъ главою самаго Суворова. Генералъ Веймарнъ, въ высшей степени раздраженный движеніемъ, самовольно предпринятымъ симъ послѣднимъ, а можетъ быть и завидуя увеличивавшейся славѣ его, пожаловался въ Петербургѣ на его противный военной дисциплинѣ поступокъ и требовалъ предания Суворова военному суду. Но императрица, уже предвидѣвшая въ Суворовѣ будущую, сильнѣйшую опору своего престола, оставила это дѣло безъ послѣдствій и даже пожаловала Суворову, за столь удачно совершенное имъ предпріятіе, орденъ св. Александра Невскаго. Веймарнъ же, кромѣ того бывшій въ разладѣ съ повелительнымъ Сальдерномъ, былъ отозванъ и замѣненъ кроткимъ Бибиковымъ, который всячески старался умѣрить бѣдствія войны.

Пока производилось слѣдствіе по дѣлу Суворова и онъ принужденъ былъ томиться въ невольномъ бездѣйствіи, онъ написалъ Бибикову изъ Крейцбурга слѣдующее письмо, которое мы приводимъ какъ первое изъ его писемъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ. Необыкновенныхъ людей лучше всего можно узнавать изъ ихъ собственныхъ словъ, объясняющихъ истинный смыслъ ихъ дѣйствій, потому что дѣйствія людей хороши или дурны, смотря по ихъ побудительнымъ причинамъ.

I (*).

Le 25 Novembre 1771, Kreizbourg.

«Un animal, dis-je, de nôtre espèce, accoutumé aux soucis malgré les inconvéniens inévitables, se croit être une bête quand il en manqueroit, et

(*) Это 1-е письмо, равно 5-е и 6-е, помѣщенныя ниже, писаны Суворовымъ на французскомъ языкѣ, а потому и приводятся здѣсь въ подлинникахъ и затѣмъ въ пе-

les trop longs délassements casuels l'assoupissent. Que ces fatigues passées me sont douces! Je ne visois qu'au bien patriotique enclavé dans mon devoir du service de mon Auguste Impératrice, sans faire tort particulier à la nation où je me trouvais, et les revers mêmes occasionnés par quiconque, ne faisaient que m'encourager. La réputation est le partage de tout homme de bien; mais je fondais cette réputation dans la gloire de ma patrie, dont les succés n'étaient que pour sa prospérité. Jamais, un amour propre, le plus souvent occasionné par un instinct passager, n'etait maitre de mes actions, et je m'oubliais s'il y allait du patriotisme. Une éducation farouche dans le commerce du monde, mais des mœurs innocentes de ma nature et une générosité de coutume m'applanissait les travaux; mes sentiments étoient libres et je ne succombais pas. Dieu! me trouverais-je bientôt dans des cas pareils! A présent je languis dans une vie oisive, propre à ces âmes basses, qui ne vivent que pour elles, qui cherchent le souverain bien dans cette lassitude, et de voluptés en voluptés courent dans les amertumes. Une misanthropie couvre déja mon front, et je crois prévoir dans la suite une plus grande détresse; une âme laborieuse doit être toujours nourrie dans son métier, et les fréquents exercisses lui sont aussi sains comme les exercisses ordinaires du corps.»

Переводъ.

25 ноября 1771, Крейцбургъ.

«Животное, говорю я, нашего рода, привыкшее къ заботамъ, не смотря на неизбѣжныя неудобства, за недостаткомъ ихъ почитаетъ себя безмысленною тварью, и слишкомъ продолжительные случайные отдыхи усыпляютъ его. Какъ сладостны для меня эти прошедшіе труды! Я стремился только ко благу отечества, ограничиваясь обязанностями службы моей Августѣйшей Государыни, не причиняя особеннаго вреда народу, среди котораго находился, и даже неудачи, причиненныя другими, только ободряли меня. Доброе имя есть удѣлъ каждаго честнаго человѣка, но я основывалъ мое доброе имя на славѣ моего отечества, успѣхи котораго служили только къ его благоденствію. Никогда самолюбіе, чаще всего производимое мгновен-

---

реводахъ на русскій языкъ, такъ, какъ они напечатаны въ книгѣ: Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная, или собраніе писемъ и сочиненій его, изданныхъ съ примѣчаніями Сергѣемъ Глинкою, Москва, 1819. Русскій переводъ нѣсколько обновленъ. (Редак.).

нымъ порывомъ, не управляло моими дѣйствіями, и я забывалъ о себѣ, гдѣ дѣло шло объ общей пользѣ. Суровое воспитаніе въ свѣтскомъ обхожденіи, но нравы невинные отъ природы и обычное великодушіе облегчали мои труды; чувства мои были свободны и я не изнемогалъ. Боже! буду ли я вскорѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ! Теперь я томлюсь въ праздной жизни, свойственной тѣмъ низкимъ душамъ, которыя живутъ только для себя, ищутъ верховнаго блага въ этомъ истомленіи и, переходя отъ наслажденій къ наслажденіямъ, достигаютъ горькой скуки. Уныніе покрываетъ уже чело мое и въ будущемъ предвижу, кажется, еще бо́льшую скорбь; трудолюбивая душа должна быть постоянно занимаема своимъ дѣломъ, и частыя упражненія столько же живительны для нее, сколько обыкновенныя движенія для тѣла.»

Недолго, однако, долженъ былъ Суворовъ оставаться въ этомъ тягостномъ для него бездѣйствіи. Приговоръ императрицы освободилъ его отъ суда, и уже готовились событія, которыя снова должны были вызвать всю его дѣятельность.

Дюмурье, который хотѣлъ всемъ руководить, надъ всемъ господствовать и повелѣвать конфедератами, вмѣсто того, чтобы давать имъ совѣты, удалился, разсорившись со всѣми, и былъ замѣненъ графомъ Віоменилемъ, который, по своему кроткому, примирительному характеру, былъ особенно способенъ возстановить утраченное согласіе. Хотя онъ, съ самаго начала ближе ознакомясь съ положеніемъ дѣлъ конфедератовъ, не возлагалъ большой надежды на нихъ, однако рѣшился сдѣлать все, что́ только можно было, чтобы подолѣе замедлить паденіе послѣднихъ.

Онъ старался снова собрать ихъ разсѣянныя партіи; прибывшіе съ нимъ офицеры должны были осмотрѣть важнѣйшіе пункты, еще бывшіе въ рукахъ конфедератовъ, и привести ихъ въ лучшее оборонительное состояніе, тѣмъ болѣе, когда онъ узналъ, что на большомъ военномъ совѣтѣ у русскаго посланника въ Варшавѣ рѣшено было присоединить изъ Россіи подкрѣпленія и покорить всѣ укрѣпленныя мѣста, находившіяся во власти конфедератовъ. Король Прусскій обѣщалъ доставить для этого осадную артиллерію. Руская армія, усиленная до числа 12,000 чел., имѣла быть раздѣлена на 3 корпуса, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ дѣйствовать въ полѣ, а другіе два попеременно производить осадныя работы. Для сбереженія войскъ, положено было, избѣгая штурмовъ, принуждать крѣпости къ сдачѣ го-

лодомъ, начавъ съ Тынеца и Ландскроны, а кончивъ Ченстоховомъ, какъ сильнѣйшимъ. Королевско-польскія (коронныя) войска, подъ начальствомъ Браницкаго, должны были подкрѣплять русскія войска.

Віоменилъ надѣялся воспрепятствовать покоренію этихъ крѣпостей до слѣдующей весны и тогда самому дѣйствовать наступательно. «Русскіе, писалъ онъ въ первыхъ числахъ 1772 года, встрѣтятъ при атакѣ этихъ небольшихъ крѣпостей большее сопротивленіе, нежели ожидаютъ. Они дали намъ время послать въ нихъ хорошихъ офицеровъ, снабдить ихъ припасами и исправить ихъ укрѣпленія. Въ отчаянномъ положеніи, въ которомъ находится конфедерація, потребенъ блистательный подвигъ, для того, чтобы снова поддержать ее и вдохнуть въ нее мужество. Я дѣятельно занимаюсь изысканіемъ средствъ къ тому.» Двѣнадцать дней послѣ этого письма означенный выше подвигъ былъ совершенъ, и краковскій замокъ взятъ горстью Французовъ посредствомъ хитрости—предпріятіе, которое, по многимъ затрудненіямъ, представлявшимся въ исполненіи его, приноситъ величайшую честь мужеству французскихъ офицеровъ, совершившихъ его.

Для этого составлены были разные планы: то хотѣли взойти въ замокъ съ необерегаемой стороны стѣнъ его, то чрезъ подземный ходъ, который велъ на верхъ; третій способъ оставался на крайній случай—подземный каналъ или труба,служившая для стока нечистотъ изъ замка въ Вислу, но по которой можно было взобраться на верхъ не иначе, какъ ползкомъ на рукахъ и ногахъ. Наконецъ рѣшено было испытать удачи по всѣмъ тремъ путямъ.

Для исполненія этого назначена была ночь на 23 января (3 февраля). Передъ этимъ шелъ сильный снѣгъ, поля вокругъ были глубоко покрыты имъ; поэтому, чтобы менѣе быть замѣченными, войска, назначенныя для этого предпріятія, должны были сверхъ одежды надѣть бѣлыя рубашки. Менѣе замѣтныя вслѣдствіе того, они двинулись въ назначенный день изъ лежавшаго по близости Тынеца. Въ самомъ Краковѣ, гдѣ они имѣли многихъ сообщниковъ, были приняты всѣ возможныя мѣры для счастливаго успѣха дѣла. Начальствовалъ тамъ полковникъ Штакельбергъ, съ частію Суздальскаго полка, хотя и храбрый офицеръ, но слабый и добродушный человѣкъ, который, просьбами и ласкательствами одной знатной польской дамы, допустилъ склонить себя къ снятію часовыхъ съ такихъ постовъ, гдѣ они были нужны, «потому,—говорила она,—что своими ночными окликами они мѣшаютъ ей спать.» Да и кромѣ того мѣры

охраненія исполнялись очень небрежно, потому что Русскіе ничего не опасались со стороны конфедератовъ, не смотря на ихъ близость. Въ самомъ замкѣ, въ которомъ хранились 4 орудія и полковыя повозки, кромѣ человѣкъ 100 невооруженныхъ мастеровыхъ, находился только караулъ изъ 30-ти нижнихъ чиновъ при 1 офицерѣ; прочія войска были расположены въ городѣ. Такая безпечность должна была дорого обойтись Русскимъ. Уже приближался небольшой отрядъ Французовъ: капитаны *Віомениль*, племянникъ генерала, и *Сальянъ* (Saillans), каждый въ головѣ 60-ти отборныхъ солдатъ, должны были попытаться взойти въ замокъ по одному изъ означенныхъ выше путей (Сальянъ чрезъ подземный ходъ, а Віомениль чрезъ подземный каналъ), затѣмъ отворить ворота и впустить бригадира Шуази (Choisy), который съ 500 чел. конницы стоялъ внѣ города въ полѣ.

Мужественно проникъ Сальянъ въ подземный ходъ, но этотъ послѣдній подъ конецъ былъ такъ узокъ, что въ немъ едва оставалось проходу для одного человѣка. Поэтому Сальянъ счелъ слишкомъ неосторожнымъ идти далѣе съ такимъ небольшимъ числомъ людей и предпочелъ лучше обойти замокъ и поискать, не представится-ли ему случая и возможности взойти въ него гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Напротивъ Віоменіль, прибывъ ко входу въ подземный каналъ, сначала смутился, но затѣмъ, не давая воли размышленію, которое могло поколебать его рѣшимость, предался счастію и, съ шпагою въ рукѣ, смѣло влѣзъ въ каналъ. «За мною, товарищи, чрезъ нѣсколько минутъ мы на верху», крикнулъ онъ своимъ, и всѣ не колеблясь послѣдовали за нимъ. Уже послѣдніе влѣзали въ каналъ, когда прибылъ Сальянъ съ своимъ отрядомъ; узнанный по бѣлымъ рубашкамъ, онъ былъ приглашенъ участвовать въ предпріятіи и безъ дальняго размышленія рѣшился на это.

Между тѣмъ Шуази тщетно бродилъ вокругъ города, ища входа въ него: вездѣ видѣлъ онъ передъ собою только высокія стѣны, но никакого условленнаго знака не замѣтно было на нихъ; лѣстницъ у него не было, а уже начинало смеркаться. Обманутый въ своей надеждѣ, рѣшился онъ наконецъ воротиться, но долго и напрасно ждалъ Віомениля и Сальяна. Въ замкѣ все было тихо, нигдѣ не было слышно ни малѣйшаго шума; долѣе онъ не смѣлъ медлить, чтобъ не подвергнуть весь отрядъ свой опасности быть отрѣзаннымъ отъ Тынеца; поэтому онъ пустился въ обратный путь, скорбя, что подвергнулъ вѣрной гибели двухъ лучшихъ офицеровъ своихъ и отрядъ отборныхъ войскъ. Уже онъ проѣхалъ 2 версты, какъ вдругъ слышитъ сильный ружейный огонь въ Краковѣ: между

страхомъ и надеждой, посылаетъ онъ одного польскаго офицера для развѣданія, и послѣдній, воротясь, извѣщаетъ, что «замокъ во власти вашихъ людей, которыхъ считали погибшими». Радостно вскрикнувъ, возвращается онъ тотчасъ назадъ къ нимъ на помощь.

Віоменилъ первый вышелъ изъ подземнаго канала, закололъ полусоннаго, окликнувшаго его, часоваго, затѣмъ еще другаго; между тѣмъ подошли его люди. Свѣтившійся огонь указалъ имъ путь къ гауптвахтѣ, которою они и овладѣли врасплохъ; только 11 солдатъ, выпрыгнувъ изъ оконъ, спаслись и произвели тревогу. Вскорѣ на вторгнувшихся Французовъ произведено было съ разныхъ сторонъ нападеніе: Штакельбергъ пытался снова овладѣть замкомъ. Французамъ удалось однако удержаться нѣкоторое время противъ отдѣльныхъ, безсвязныхъ нападеній извнѣ. Но какъ они не видѣли прибытія никакого подкрѣпленія, то и рѣшились уже съ оружіемъ въ рукахъ проложить себѣ дорогу изъ замка. Еще не были имъ преграждены всѣ выходы, еще могли они имѣть надежду пробиться: уже должны были они отворить ворота для вылазки, какъ вдругъ боевой шумъ снаружи возбудилъ въ нихъ надежду на помощь. Они не ошиблись: то былъ Шуази, проложившій себѣ дорогу черезъ предмѣстье къ замку.

Теперь можно было надѣяться удержать за собою замокъ, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же день прибылъ другой отрядъ, подъ предводительствомъ Галибера (Galibert), понесшій на пути значительный уронъ.

Суворовъ былъ уже совсѣмъ готовъ идти въ Литву, когда получилъ извѣстіе о томъ, что произошло въ Краковѣ; онъ немедленно выступилъ туда и прибылъ на другой день—24 января (4 февраля) ввечеру. Въ это самое время Французы дѣлали сильную вылазку изъ замка, чтобы завладѣть также и городомъ, но упорнымъ сопротивленіемъ Русскихъ вскорѣ были принуждены къ отступленію.

Трудною задачею было теперь—снова взять столь выгодно расположенный замокъ, вовсе не имѣя осадной артиллеріи. Окруженный крѣпкою стѣною въ 7 футовъ толщины и въ 30 футовъ вышины, замокъ этотъ былъ расположенъ на высотѣ, господствовавшей надъ городомъ и у подошвы которой съ другой стороны протекала Висла. Красивый каѳедральный соборъ, полуразрушившійся королевскій замокъ и около 30-ти домовъ составляли его внутренность. Число защитниковъ его, вслѣдствіе прибытія разныхъ партій, возросло до 400 чел. пѣхоты и 500 чел. конницы (Французовъ, Саксонцевъ, Поляковъ, но все старо-служивыхъ, опытныхъ солдатъ);

они нашли полный магазинъ и, за исключеніемъ мяса, ни въ чемъ не имѣли недостатка.

Суворовъ и Браницкій, начальствовавшій королевскими (коронными) войсками и прибывшій съ 5-ю польскими уланскими полками для очищенія окрестностей, обозрѣли мѣстность вокругъ замка. Браницкій принялъ на себя оборону всѣхъ пунктовъ по другую сторону Вислы, противъ бродившихъ тамъ конфедератскихъ партій, а Суворовъ собственно осаду замка; мостъ на Вислѣ содержалъ сообщеніе между ними.

Французы сначала дѣлали частыя вылазки, но вскорѣ убѣдились, что онѣ оканчивались только ко вреду имъ: они теряли людей, но не выигрывали ничего.

Главнымъ затрудненіемъ для осаждающихъ было—обстрѣливать изъ города высоко расположенный замокъ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ встащили, по приказанію Суворова, орудія на крыши и въ верхніе ярусы нѣкоторыхъ высоко расположенныхъ домовъ; въ тоже время рыли два минные хода, и 18 (29) февраля, въ 2 часа утра, сдѣлана была попытка произвесть общій штурмъ. Между тѣмъ, какъ сильный картечный и ружейный огонь изъ упомянутыхъ выше домовъ тревожилъ осажденныхъ на стѣнахъ, 2 колонны двинулись впередъ для всхода на нихъ по лѣстницамъ. Одна изъ нихъ дошла до воротъ, приставила петарду, но безъ успѣха, и не имѣя въ главѣ своей рѣшительнаго предводителя, ограничилась только тѣмъ, что поддерживала ружейную перестрѣлку съ непріятелемъ черезъ рѣшетку въ воротахъ, при чемъ всѣ невыгоды были на ея сторонѣ. Другая колонна дѣйствовала рѣшительнѣе: она дошла до стѣны, приставила лѣстницы и штурмовала съ такими смѣлостью и стойкостью, которыя возбудили удивленіе самихъ непріятелей, но также безъ дальнѣйшаго успѣха.

Такъ какъ обѣ колонны потеряли около 150 человѣкъ убитыми и ранеными, не достигнувъ ничего, храброе же сопротивленіе Французовъ не подавало болѣе надежды на успѣхъ, то и необходимо было прекратить штурмъ и отступить.

Съ этого времени Русскіе ограничились уже тѣснымъ блокированіемъ замка, въ которомъ, какъ узнали отъ одного посланнаго оттуда и перехваченнаго вѣстника, осажденные начали уже терпѣть недостатокъ въ разныхъ припасахъ, особенно въ мясѣ, такъ что были принуждены ѣсть лошадиное мясо.

Въ это время отважный Коссаковскій пытался, съ нѣсколькими стами своихъ людей, остаткомъ своей черной дружины, ввести въ

замокъ новыя подкрѣпленія. Онъ оттѣснилъ уже 2 эскадрона уланъ, которые хотѣли преградить ему дорогу, но Суворовъ устремился противъ него въ главѣ двухъ эскадроновъ и нѣсколькихъ казаковъ, и, послѣ упорнаго боя, прогналъ его, однако лично подвергся при этомъ большой опасности. Молодой, отважный всадникъ (Лифляндецъ, по имени Рейхъ), выстрѣливъ въ него изъ пистолетовъ, смѣло бросился на него съ саблею въ рукѣ. Съ трудомъ защищался противъ него Суворовъ, пока одинъ подскакавшій кирасиръ не положилъ Рейха на мѣстѣ выстрѣломъ въ голову на вылетъ. Коссаковскій, потерпѣвъ здѣсь большой уронъ, изчезъ съ своей черной дружиной; 20 лѣтъ позже встрѣтимъ мы его снова, но уже съ измѣненными мнѣніями и намѣреніями, преслѣдуя то, за что теперь сражался, доколѣ позорная смерть отъ рукъ собственныхъ его соотечественниковъ не положила жалкаго конца его многотревожной жизни.

Недостатокъ въ замкѣ усилился и вскорѣ распространился уже на все нужное. Суворовъ потребовалъ отъ гарнизона сдачи. 8 (19) апрѣля бригадиръ Галиберъ явился для переговоровъ. Чтобы задобрить своего противника, онъ началъ съ ласкательствъ; Суворовъ, равнодушный къ нимъ, очень холодно заставилъ его, чтобъ не терять напрасно времени, сѣсть за письменный столъ и продиктовалъ ему условія сдачи, столь выгодныя, что самъ Галиберъ не могъ бы ожидать лучшихъ. На другой день онъ долженъ былъ принесть отвѣтъ. Онъ явился, но предъявилъ новыя затрудненія. Суворовъ разсердился, назначилъ уже болѣе строгія условія и объявилъ, что если въ 24 часа они не будутъ приняты, то онъ назначитъ еще болѣе строгія. Но они были приняты въ тотъ же вечеръ. Главное содержаніе ихъ заключалось въ томъ, что гарнизонъ долженъ былъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ, но не *военнопленнымъ*, какъ того желали Французы, потому что, какъ объявилъ Суворовъ, Россія не въ войнѣ съ Франціей. Сдача замка была назначена на 15 (26) апрѣля, Свѣтлое Христово Воскресенье.

Когда гарнизонъ, числомъ еще около 800 человѣкъ, въ 3 отдѣленіяхъ, положилъ оружіе, Шуази и прочіе французскіе офицеры подали Суворову свои шпаги. «Никогда не приму я,—сказалъ Суворовъ,—шпагъ отъ храбрыхъ людей, состоящихъ въ службѣ дружественной съ моею государыней державы» и обнялъ каждаго по очереди. Веселый пиръ соединилъ затѣмъ недавнихъ еще враговъ; ввечеру Французы, подъ сильнымъ прикрытіемъ, были отправлены въ Люблинъ, а оттуда далѣе въ Россію. Суворовъ же остался въ Краковѣ до совершеннаго окончанія войны.

Отсюда онъ предпринялъ осаду Тынеца, который конфедераты сильно укрѣпили и прикрыли многими редутами, однако вскорѣ былъ смѣненъ Австрійцами, занявшими край вокругъ Тынеца. Ибо судьба Польши уже была рѣшена. Австрія, Пруссія и Россія согласились, ссылаясь на старинныя притязанія, отдѣлить извѣстныя части отъ Польши и присоединить ихъ къ своимъ землямъ.

Замки Ландскроны, Тынеца и Ченстохова были взяты силой, партіи конфедератовъ—разсѣяны, предводители ихъ бѣжали или покорились; со всѣхъ сторонъ вступили въ страну австрійскія, прусскія или русскія войска; кто не полагалъ оружія, былъ объявляемъ разбойникомъ и зажигателемъ и строжайше преслѣдуемъ. Конфедерація рушилась.

5-го августа 1772 года былъ подписанъ договоръ, по которому три державы предназначали въ свое владѣніе различныя части Польши; 26-го сентября договоръ этотъ былъ представленъ королю въ Варшавѣ, а въ слѣдующемъ году, послѣ долгаго сопротивленія, наконецъ утвержденъ сеймомъ.

Такъ положено было начало исключенію Польши изъ рядовъ Европейскихъ державъ; но начало труднѣе всего: съ тѣхъ поръ уже легко было предвидѣть полный раздѣлъ.

Злоупотребленія, вкравшіяся въ конституцію, подъ конецъ возросли до такой степени, что Польша въ этомъ видѣ не могла уже болѣе существовать: она долженствовала или быть совершенно преобразована какимъ-либо внутреннимъ переворотомъ, или же сдѣлаться добычей своихъ сосѣдей, коль скоро только они могли согласиться между собой.

Государства, какъ люди, умираютъ отъ старости или болѣзни, ранѣе или позже. Долго внутренній недугъ подтачивалъ жизнь польскаго государства, и со времени великаго короля Стефана Баторія быстрыми шагами стремилось оно къ своему разрушенію, въ такой же мѣрѣ, какъ Россія возносилась въ мужественной силѣ, особенно со времени возвышенія дома Романовыхъ, въ чудной послѣдовательности давшаго ей столькихъ хорошихъ и великихъ государей. Въ полномъ, подъ конецъ, неустройствѣ, Польша должна была совершенно пасть, для того, чтобы позже возстать изъ своего праха, по крайней мѣрѣ частію, въ новомъ и лучшемъ видѣ (*).

(*) Авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ здѣсь цвѣтущее состояніе царства Польскаго подъ Русскою властію. (Редак.).

Таковъ вѣчный ходъ судьбы: возвышеніе, паденіе,—возвышаться съ новыми силами, для того, чтобы снова упадать,—ничто не пребываетъ вѣчно великимъ. Всемірное владычество Александра и Римъ пали; изъ развалинъ ихъ возникли новыя державы, процвѣтали — изчезли; придетъ и *то* время, когда названія нѣкоторыхъ государствъ, нынѣ сильныхъ и могущественныхъ, нужно будетъ искать лишь въ лѣтописяхъ исторіи.

Здѣсь можно привесть еще нѣкоторыя письма Суворова, писанныя имъ въ это время генералу Бибикову, въ Варшаву, о текущихъ событіяхъ. Они изображаютъ его тогдашніе виды, мнѣнія, словомъ—всю его душу, лучше всякихъ описаній (11).

2.

(ПОДЛИННОЕ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ).

Безъ означенія числа и мѣсяца (вѣроятно въ февралѣ 1772).

Теперь вашему высокопревосходительству донести долженъ о причинѣ невѣроятнаго произшествія въ замкѣ. Полковникъ Штакельбергъ!.... по прибытіи моемъ сюда я истинно отъ него никакого вѣрнаго объясненія добиться не могъ: и 1-е, онъ изъ числа избалованныхъ Иваномъ Ивановичемъ Веймаромъ, переписками съ нимъ на иностранныхъ языкахъ, и для того онъ съ принятія его полку никогда шпаги не вынималъ; 2-е, здѣсь какъ въ знакомомъ ему мѣстѣ ксензы и бабы голову ему весьма повредили. Онъ вмѣсто благодѣтельнаго человѣка былъ человѣкъ добрый и на томъ онъ спалъ. Не имѣлъ я ухищренія ловить даваемые мнѣ иногда о семъ его снѣ увѣдомленія. Опасаясь, чтобъ ксензовъ и бабъ никогда не тревожить, разрядилъ онъ и ружья, да и по просьбамъ ихъ сводилъ часовыхъ, а того часоваго дѣйствительно свелъ, который былъ у сважины, гдѣ Французы вошли. Коренныхъ плѣнныхъ бунтовщиковъ, не взирая на мое приказаніе, изъ Кракова къ Люблину не отправилъ. Я думалъ дѣйствительно, что для увольненія ихъ отъ вашего

---

(11) Эти письма, равно какъ и вышеприведенное (1-е), появились въ первый разъ въ «Жизни Бибикова» (на русскомъ языкѣ) и потомъ въ «Жизни Суворова, имъ самимъ описанной и пр. и изданной С. Н. Глинкой», Москва, 1819, in 8° (Авторъ). См. выше примѣчаніе Редак. къ 1-му письму. (Редак.).

высокопревосходительства на то повелѣніе имѣлъ, въ числѣ которыхъ одинъ изъ выпущенныхъ изъ замка застрѣлилъ нашего офицера. Къ нимъ всѣ ходили, кто хотѣли, а отъ утрени, когда каноники ходятъ въ замокъ съ двухъ часовъ по полуночи, и ворота замковыя отворяемы были. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Сіе я говорю о ближнемъ полковника Штакельберга, изключая изъ того весьма достойныхъ офицеровъ, которые ему о томъ въ свое время представляли; но онъ, бывъ обремененъ ксензами и бабами, ихъ не слушалъ. Однако, милостивый государь! все сіе въ точности утверждать не можно до будущаго разбирательства, не имѣя нынѣ на то достаточнаго времени.

Французы пользовавшись симъ добрымъ человѣкомъ и трактирщикомъ, предпріяли то дерзновеннѣйшее дѣло; поелику то видно изъ трактирщикова допроса. Прочее по французской реляціи рѣдко что не правда, кромѣ гдѣ излишнее хвастовство. Поправленіе же горшаго должно приписать подполковнику Елагину.

3.

Послѣ неудачнаго штурма замка онъ писалъ (на русскомъ языкѣ):

«Быть такъ! неудачное наше штурмованіе доказало правда весьма храбрость; но купно въ тѣхъ работахъ и неискуство наше, превозвышающее невозможность. Безъ Вобана и Когорна учиться было намъ лучше прежде тому на Петербургской сторонѣ. Согласіе поздо. А ежели иттить на однѣ осады, то дѣйствительно конца не будетъ. Пока одну крѣпостцу беремъ, укрѣпляться могутъ въ другой: а у нихъ противъ истраченнаго будетъ безъ сомнѣнія прибавка. Трехъ крѣпостцей въ годъ не отобрать. Въ горахъ сіе тяжелѣе, а къ сторонѣ Ченстохова легче. Выжимать ихъ оттуда можно и уповать на удачу, хотя съ перваго взгляда покажется дерзновенно.

4.

Во время переговоровъ съ союзными коммиссарами онъ ипсалъ Бибикову (на рускомъ языкѣ):

«Да дайте мнѣ, милостивый государь! такъ философское мѣсто (какъ кончится съ Ченстоховымъ и росписаніе дѣлать изволите), чтобъ никому не было завидно. Здѣсь около четырехъ лѣтъ, часто

думается бѣжать... Грѣхъ отъ васъ... я нагрубилъ, и мнѣ злодѣйствуютъ... меня ссорятъ... Я человѣкъ доброй, отпору дать не умѣю: здѣсь боюсь и сосѣдей Езуитовъ; всѣ тѣ же д'Алтоны (12). Простите мнѣ... пора бы мнѣ на покой въ Люблинъ. Честной человѣкъ со Стрѣтеньева дни не разувался: что у тебя, батюшка, сталъ за политикъ? Пожалуй пришли другаго; чортъ-ли съ ними сговоритъ?»

Послѣ того, въ сентябрѣ 1772, Суворовъ былъ переведенъ въ корпусъ генерала Элмпта, который долженъ былъ идти въ Швецію. Тамъ въ это время произошла извѣстная революція, вслѣдствіе которой Густавъ III, съ помощію Франціи, низвергнулъ аристократическую партію и присвоилъ себѣ бо́льшую власть въ государственныхъ дѣлахъ. Дальнѣйшіе его виды были неизвѣстны, равно какъ и то, не воспользуется-ли онъ, слѣдуя внушеніямъ Франціи, тогдашними обстоятельствами и не будетъ-ли тревожить Россіи изъ Финляндіи. На всякій случай туда были собраны войска.

Въ это время Суворовъ писалъ Бибикову:

5. (*)

(ПОДЛИННОЕ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ).

Lettre à l'Angloise, Wilna le 21 Octobre 1772.

Me voilà dans mon assiette au possible. Je suis mon destin qui m'approche de ma patrie et me tire d'un pays où je n'ai voulu faire que du bien, au moins l'ai-je taché toujours. Mon cœur ne s'y embarassait pas et mon devoir n'y mettait jamais d'obstacles. Sincère dans mes actions, je ne me gardais que du mal moral et le mal phisique dépérissait par lui-même. Ma vertu sans remords est fort contente de la satisfaction qu'on témoigne de

---

(12) Австрійскій коммиссаръ.

(*) Въ объясненіи 5-го письма Суворова къ Бибикову, С. Н. Глинка говоритъ (въ «Жизни Суворова, имъ самимъ описанной и пр.» см. выше): «Дорожа мнѣніемъ Бибикова, сожалѣя, что съ нимъ разстается, Суворовъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ излилъ всѣ душевныя свои чувства. Онъ назвалъ сіе письмо англійскимъ потому, что изъяснялся со всею свободою откровеннаго сердца.» У Смитта середина письма о недоброжелателяхъ Суворова выпущена, вѣроятно потому, что его книга писана для Нѣмцовъ въ Германіи. Здѣсь письмо въ подлинникѣ и въ переводѣ приведено вполнѣ. (Редак.).

ma conduite; ici on ne me connait que du coté de quelque réputation, puisque je ne m'y étais arrêté que peu, ou du moins je ne me sens pas avoir assez servi cette contrée. La reconnaissance naive, engendre dans moi un amour pour ce pays où on ne me veut que du bien; je le quitte à regret.

Mais si j'envisage les D... les R... les Alt... ministres iniques de mon innocence, je commence à respirer; je finis ici ma carrière en honnête homme, je me débarrasse d'eux; mes plaintes fragiles augmentaient mon chagrin, là principalement où je voulais outrer dans mon devoir. Je ne les haïssais pas, je ne les pouvais jamais mépriser; et quels changements à espérer de leurs embuches, connoissant leurs qualités?

Il est vrai, je n'entrais pas trop dans le commerce des femmes, mais quand je m'y amusais, le respect n'y manquait jamais. Le tems me manquait de les pratiquer et je les craignais; ce sont elles qui gouvernent le pays ici comme partout ailleurs; je ne me sentais pas assez fort pour me défendre contre leurs charmes.

Переводъ.

На Англійскій образецъ, Вильна 21 октября 1772.

Вотъ я теперь совершенно спокоенъ. Слѣдую судьбѣ моей, которая приближаетъ меня къ моему отечеству и выводитъ изъ страны, гдѣ я желалъ дѣлать только добро, по крайней мѣрѣ всегда о томъ старался. Сердце мое не затруднялось въ томъ и долгъ мой никогда не полагалъ тому преградъ. Искренній въ моихъ дѣйствіяхъ, я остерегался только одного нравственнаго зла, а тѣлесное уничтожалось само собою. Безукоризненная добродѣтель моя весьма довольна одобреніемъ, изъявляемымъ моему поведенію; здѣсь знаютъ меня только съ нѣкоторой стороны добраго моего имени, потому что я былъ тутъ недолго, или покрайней мѣрѣ чувствую, что не довольно служилъ этому краю. Простодушная благодарность рождаетъ *во мнѣ любовь къ этому краю*, *гдѣ мнѣ желаютъ одного* добра; покидаю его съ сожалѣніемъ.

Но когда смотрю на Д... Р... и Алт... (*), неправедныхъ оскорбителей моей невинности, начинаю свободнѣе дышать; оканчиваю здѣсь мое поприще какъ честный человѣкъ, избавляюсь отъ нихъ; безплодныя мои жалобы увеличивали мою скорбь тогда осо-

(*) Завистники и недоброжелатели Суворова. Алт... кажется означаетъ д'Альтона. (Редак.).

бенно, когда я хотѣлъ усиливать исполненіе моего долга. Я не ненавидѣлъ ихъ, я никогда не могъ презирать ихъ; и какой перемѣны ожидать отъ ихъ козней, зная ихъ качества?

Правда, я не очень входилъ въ сношенія съ женщинами, но когда забавлялся въ ихъ обществѣ, соблюдалъ всегда уваженіе. Мнѣ недоставало времени заниматься ими и я боялся ихъ; онѣ-то управляютъ страною здѣсь, какъ и вездѣ; я не чувствовалъ въ себѣ довольно твердости, чтобы защищаться отъ ихъ прелестей.

Суворовъ служитъ примѣромъ того, что̀ можетъ совершить человѣкъ, который въ жизни движимъ лишь *одною* мыслію, *одною* страстію. Все, что другихъ людей привлекаетъ или, лучше сказать, отвлекаетъ отъ ихъ цѣли, было чуждо ему, какъ-то наслажденія богатства и удобства, женская любовь, удовольствія общества или тихія семейныя радости, и онъ жилъ и дышалъ единственно только благороднымъ честолюбіемъ и любовію къ отечеству. Они были постояннымъ предметомъ всѣхъ его мыслей, рѣчей, надеждъ и желаній. Оба чувства слились въ немъ въ одно, и онъ искалъ удовлетворенія одного въ удовлетвореніи другаго. Онъ достигъ всего, чего частный человѣкъ въ монархіи только можетъ достигнуть, но и совершилъ также все, что частный человѣкъ только можетъ совершить, потому, что былъ, смотря по обстоятельствамъ, то крѣпкимъ щитомъ, то пламеннымъ мечомъ противъ враговъ своей страны.

Кажется, что онъ уже въ молодости своей задумалъ и выразилъ мысль: «*хочу быть фельдмаршаломъ*», и никогда болѣе не выпускалъ этой цѣли изъ виду. Съ силою и терпѣніемъ, которыя даются лишь немногимъ, стремился онъ къ ней—и удивительно-ли, что достигъ оной? чего не въ состояніи сдѣлать рѣшительная воля человѣческая!

6.

(подлинное на французскомъ языкѣ).

Usspot le 27 Octobre.

Et quelles nouvelles y-a-t-il en ce qui me concerne? Votre Excellence éloignée de moi ne me mande rien. Je m'ennuye ici dans les solitudes sans faire rien dutout. Dois-je donc vous quitter tout de bon, ou... ai-je encore des espérances? Faudra-t-il se battre dans les glaces? j'y vais en soldat;

reste-t-il du tems, je rebrousse chemin et je serai de retour plutôt que je ne marchais en avant à l'aventure. Tottleben... va là où je vais, et s'il y faudra de moi, je suis là dans 15 jours.

Переводъ.

Успотъ, 27 октября (1772 года).

А какія новости есть касательно меня? Ваше Превосходительство въ отдаленіи отъ меня ничего не сообщаете мнѣ. Я скучаю здѣсь въ уединеніи, ничего не дѣлая. Подлинно-ли долженъ я покинуть васъ, или... есть еще надежда для меня? Должно-ли будетъ сражаться среди льдовъ? иду туда, какъ солдатъ; будетъ-ли досугъ? вернусь назадъ и возвращусь еще скорѣе, нежели шелъ впередъ на удачу. Тотлебенъ (13)... идетъ туда, куда иду я, и если будетъ нужда во мнѣ, явлюсь туда черезъ 15 дней.

Корпусъ выступилъ осенью изъ Польши обыкновенными переходами въ Петербургъ, куда прибылъ зимой и тотчасъ двинулся далѣе. Суворовъ лично остался въ столицѣ. Въ февралѣ 1773 года онъ получилъ порученіе осмотрѣть въ военномъ отношеніи Финляндскую границу и особенно изслѣдовать расположеніе жителей относительно перемѣны правленія, произшедшей въ Столькгольмѣ. Онъ поѣхалъ черезъ Выборгъ, Кексгольмъ и Нейшлотъ на Шведскую границу, жилъ тутъ нѣкоторое время скрытно, дѣлалъ наблюденія, замѣтилъ, по видимому, общее, начиная отъ дворянства и духовенства до горожанъ и крестьянъ, неудовольствіе, и возвратился съ донесеніемъ о томъ въ Петербургъ.

Недолго впрочемъ оставался онъ здѣсь: когда отношенія къ Швеціи измѣнились, онъ былъ, по просьбѣ своей, переведенъ въ армію графа Румянцова въ Молдавіи, куда и отправился съ радостью, въ надеждѣ на новую дѣятельность: потому что бездѣйствіе было ему въ тягость и только въ дѣятельной жизни находилъ онъ свое счастіе.

---

(13) Генералъ Тотлебенъ долженъ былъ начальствовать одною дивизіей корпуса, назначеннаго въ Финляндію, но остался въ Польшѣ, гдѣ скоро умеръ отъ горячки.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ. (1)

ВОЙНА ПРОТИВЪ ТУРОКЪ.

1773—1774.

Обозрѣніе политическихъ отношеній государствъ.—Русская армія.—Турки.—Тщетные переговоры о мирѣ.—Румянцовъ долженъ перейти черезъ Дунай.—Трудности этого предпріятія.—Распредѣленіе русскихъ военныхъ силъ.—Поискъ Суворова противъ Туртукая.—Онъ преданъ за то военному суду.—Неудачное движеніе Румянцова противъ Силистріи.—Смерть Вейсмана.—Отступленіе за Дунай.—Вторичный поискъ Суворова противъ Туртукая.—Онъ переводится въ Гирсово.—Разбиваетъ здѣсь Турокъ.—Вторичный переходъ Русскихъ чрезъ Дунай и отступленіе.—Окончаніе похода 1773 года.—Смерть Мустафы III.—Ему наслѣдуетъ Абдулъ-Хамидъ.—Характеръ его.—Планъ дѣйствій Румянцова на 1774 годъ.—Бой при Козлуджи.—Суворовъ уѣзжаетъ изъ арміи.—Конецъ войны.—Кайнарджійскій миръ.—Успѣхи военнаго искусства.—Характеристика Турокъ.—Невѣжество ихъ предводителей.—Самонадѣянность нижнихъ чиновъ.—Сила ихъ атакъ.—Слабость обороны.—Упорная оборона въ крѣпостяхъ.—Конечные результаты войны для Суворова.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли нашего героя въ борьбѣ съ безпорядочными партіями польскихъ конфедератовъ, видѣли, что онъ постоянно имѣлъ верхъ надъ ними въ свойственномъ имъ образѣ веденія войны, превосходилъ ихъ въ неутомимости, въ скорости движеній и въ быстрой рѣшимости, вездѣ предупреждалъ и вездѣ побѣждалъ ихъ. Мы видѣли тщетныя усилія ихъ, часто воскресавшія и всегда снова рушившіяся надежды ихъ, ихъ многократныя пораженія, конечное паденіе ихъ дѣла и, вслѣдъ за тѣмъ, ихъ отечества. Вездѣ Суворовъ являлся дѣятельнѣйшимъ противникомъ ихъ, когда

---

(1) Мы находимъ нужнымъ обратить здѣсь вниманіе читателя на то, что весь этотъ отдѣлъ былъ уже написанъ въ двадцатыхъ годахъ, и потому нѣкоторыя мѣста его потребовали измѣненій. (Авторъ). А теперь потребовали бы оныхъ еще, какъ ниже въ своихъ мѣстахъ указано будетъ (Редак.).

они сопротивлялись, и великодушнымъ покровителемъ ихъ, когда изъявляли покорность. Теперь мы увидимъ его на другомъ театрѣ дѣйствій, противъ другихъ враговъ, въ другихъ обстоятельствахъ, но его самаго—всегда неизмѣнно тѣмъ же.

Война въ Польшѣ была окончена, и императрица Екатерина счастливо и мудро вышла изъ затруднительнаго положенія, потому что не только государства, непріязненно расположенныя къ ней, какъ-то Франція и Австрія, но даже и дружественныя съ нею, Англія и Пруссія, съ безпокойствомъ взирали на успѣхи ея оружія и начали серьёзно помышлять о средствахъ къ удержанію ихъ. Французскій кабинетъ употребилъ всѣ усилія и средства для возбужденія противъ Россіи враговъ. Императоръ Іосифъ и Фридрихъ II имѣли свиданія между собой въ Нейссе и Нейштадтѣ, гдѣ разсуждали о турецкихъ дѣлахъ. Со многихъ сторонъ собиралась гроза противъ Россіи. Австрія вооружалась и собирала войска на границахъ. Швеція готова была, казалось, къ разрыву, и молодой, воинолюбивый король желалъ внѣшнею войною отклонить внутреннія неудовольствія своей страны. Его нѣсколько сдерживали еще строгіе совѣты грознаго дяди его, короля Прусскаго, который писалъ ему, «чтобъ онъ съ своими Шведами не помышлялъ играть роль Густава-Адольфа, съ тѣхъ поръ, какъ многія государства въ Европѣ содержали уже 200,000-ныя арміи». Не смотря на то, миръ висѣлъ на волоскѣ и всеобщій пожаръ грозилъ вспыхнуть. Уже Австрія заключила союзъ съ Портою, которой обѣщала возвратить все потерянное ею, а за это выговорила себѣ значительныя выгоды; арміи ея уже пришли въ движеніе; отношенія ея къ русскому двору становились день ото дня болѣе напряженными и всѣ ежеминутно ждали открытія войны. И вдругъ, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, гроза разразилась тамъ, гдѣ ее всего менѣе ожидали, и Польша поплатилась на свой счетъ за сохраненіе Турціи въ Европѣ.

Императрица Екатерина, въ теченіе всего этого времени, явила столько же твердости, сколько и искуства. Неустрашимо перенося всѣ угрозы и въ тоже время продолжая обуздывать Поляковъ и поражать Турокъ, она умѣла, искусными переговорами, подъ конецъ уничтожить всѣ затрудненія и достигнуть своихъ цѣлей. Согласіемъ на раздѣлъ Польши она привлекла на свою сторону Австрію и Пруссію, съ помощію которыхъ эта несчастная страна была принуждена къ молчанію. Швеція была устрашена сборомъ противъ нея войскъ и угрозами Фридриха; непріязни Франціи Екатерина противупоставила дружбу Англіи и, освободившись такимъ образомъ отъ существо-

вавшихъ препятствій, могла теперь обратить все свое вниманіе на войну съ Турками.

Походы трехъ предшествовавшихъ годовъ принесли русскимъ арміямъ много чести. Образованныя Петромъ Великимъ и благодаря ему побѣдивъ Шведовъ, у Миниха научились онѣ побѣждать и Турокъ. Пріобрѣтенную ими славу онѣ оправдали въ семилѣтнюю войну противъ первой въ то время арміи въ мірѣ: хотя и дурно предводительствуемыя, онѣ съ успѣхомъ противустояли нравственному превосходству Фридриха и его опытнымъ войскамъ. Противъ польскихъ конфедератовъ имъ было мало случаевъ къ пріобрѣтенію славы: хотя трудовъ и опасностей было довольно, но блистательныхъ успѣховъ не было. Наконецъ противъ Турокъ онѣ могли явить всю свою силу. Храбро и стойко сражались онѣ въ первомъ похо́дѣ (1769), но еще не былъ найденъ настоящій предводитель для нихъ: Голицынъ заслуживалъ полнаго уваженія какъ человѣкъ, былъ неустрашимый и храбрый воинъ, но мало обладалъ качествами полководца; ему недоставало того творческаго духа, который, постоянно новыми средствами, приводитъ противника въ изумленіе и смятеніе; строго держался онъ системы, введенной Минихомъ, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдовалъ его идеямъ. Императрица сознала, что нуженъ былъ другой полководецъ, дабы вселить страхъ въ Турокъ, потому что если они не боятся, то угрожаютъ, если, пораженные, падаютъ духомъ, то опасны при нерѣшительномъ успѣхѣ надъ ними, а въ счастіи неотразимы. Она избрала Румянцова, получившаго извѣстность въ семилѣтней войнѣ, и не ошиблась въ своемъ ожиданіи. Уже первый, достопамятный походъ его въ 1770 году показалъ его съ самой блистательной стороны. Съ небольшою арміею, которой онъ умѣлъ внушить отличный духъ, побѣдителемъ прошелъ онъ черезъ Молдавію, хотя и окруженный безчисленными толпами Турокъ и Татаръ,—имѣя едва 20,000 (*) войскъ, разбилъ въ двухъ, одно вслѣдъ за другимъ, сраженіяхъ, сначала 80,000, а потомъ 150,000 и пріобрѣлъ перевѣсъ надъ Турками, который умѣлъ сохранить до конца. Подъ его начальствомъ русскій солдатъ научился презирать турецкаго,—отъ него научился онъ, отвергнувъ всѣ дотолѣ употребительныя оборонительныя средства, какъ-то окопы, рогатки и т. д., искать своей безопасности только въ личныхъ хладно-

---

(*) Здѣсь уже во второй разъ (въ первый—во 2 мъ отдѣлѣ, см. стран. 38) Смиттъ говоритъ, что у Румянцова въ 1770 году, при Ларгѣ и Кагулѣ, было 20,000 войскъ, тогда какъ ихъ дѣйствительно было едва 17,000 подъ ружьемъ.

кровіи и неустрашимости. «У Русскихъ есть грудь и штыкъ,» говаривалъ фельдмаршалъ, «вотъ ихъ защита». Кто встрѣчаетъ Турокъ спокойно и твердо, тому нечего ихъ бояться, но кто испугается, устрашится, обратится въ бѣгство, тотъ погибъ неизбѣжно, потому что никогда не спасется отъ быстраго коня и острой сабли спага. Наконецъ, Румянцовъ, и послѣ него Суворовъ, внушилъ Туркамъ тотъ страхъ къ ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ, который они до сихъ поръ имѣютъ (*), и довелъ ихъ до убѣжденія, что Русскіе—тотъ бѣлокурый народъ, о которомъ турецкая народная сказка говоритъ, что онъ положитъ конецъ турецкому владычеству въ Европѣ.

Турки, нѣкогда столь грозные, глубоко пали съ высоты прежняго своего величія. Непрерывный рядъ великихъ государей возвеличилъ Османовъ, но такой же рядъ слабыхъ, гаремныхъ властителей низвергъ ихъ,—въ доказательство, какъ много значитъ, кто̀ стоитъ въ главѣ народа. Каждое правительство, какъ душа въ тѣлѣ, составляетъ живительную силу государства: если первое сильно, то и послѣднее также; слабо правительство—и государство клонится къ упадку. Сильныя правительства служатъ къ возвышенію слабыхъ народовъ, подобно тому, какъ и сильнѣйшіе народы погибаютъ отъ слабыхъ правителей. На долю Турокъ выпало рѣдкое счастіе имѣть съ самаго начала десять великихъ государей сряду: отъ перваго, Османа, до наиболѣе великаго, Сулеймана, каждый преемникъ хотѣлъ, казалось, превзойти предшественника. При Сулейманѣ этотъ рѣдкій рядъ государей, равно какъ и могущество государства, достигли высшей степени; но съ тѣхъ поръ начинается постепенный упадокъ, причиненный слабыми правителями, которые все счастіе владычества поставляли, казалось, въ наслажденіяхъ гаремовъ.

Могущественна была сила Османовъ при Магометѣ, Селимѣ, Сулейманѣ. Ужасъ предшествовалъ имъ, Азія преклонялась, Европа трепетала предъ ними. Тысячелѣтняя Греческая имперія, эта развалина древняго міра, пала подъ ихъ ударами; Болгарія, Сербія, Албанія, Валахія, Трансильванія, бо́льшая часть Венгріи повиновались имъ и два раза Вѣна видѣла передъ собой знамена ихъ. Христіанскій міръ ужаснулся; народы призывались къ оружію противъ враговъ его—Турокъ, войну противъ нихъ проповѣдывали великіе люди своего времени. Но опасность счастливо миновала: ее отврати-

---

(*) Все это, писанное Смиттомъ въ 1820-хъ годахъ, относится къ прошедшему времени, до 1828—29 года включительно.

ло не оружіе, а внутренній упадокъ грознаго народа. Послѣ Сулеймана не было уже болѣе великихъ правителей. Престолъ Османа занимали уже слабые государи, скрывавшіеся внутри гаремовъ и предоставлявшіе правленіе визирямъ. Но каждое деспотическое правительство, въ противуположность основанному на законахъ, грозно и всемогуще, пока дѣйствуетъ; но осли предается покою, то теряетъ свою дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ свою силу. Турція была теперь такою покоящеюся деспотическою державой. Прежній, воинственный духъ угасъ въ ней; войско и народъ изнѣжились, возлюбивъ покой и удобство,—и могли ли иначе, владѣя такими прекрасными, жаркими странами! Мало по малу во всемъ наступилъ застой, потому что сама религія была противна всякому развитію; въ коранѣ заключалась вся мудрость, къ чему нужна была другая? Невыгода политическихъ законодательствъ, основанныхъ на религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ томъ и заключается, что они скоро подвергаются омертвѣнію. Всякое человѣческое законодательство, по свойству своему, подвержено измѣненію; каждый законъ предназначенъ для извѣстнато времени; пережилъ онъ его—и долженъ быть измѣненъ. Но того, что основано на религіи, на исходящемъ свыше, вѣчномъ, касаться невозможно (*). Вотъ причина ранняго паденія такихъ іерократій. Онѣ остаются неизмѣнными и неподвижными, между тѣмъ какъ все вокругъ идетъ впередъ; всякое нововведеніе есть преступленіе противъ религіи и имъ гнушаются; по этому-то онѣ, по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій, стоятъ какъ развалины давно минувшаго времени. Жизнь есть движеніе впередъ, соединенное съ измѣненіемъ, смерть есть застой; поэтому такія государства, пережившъ свое время, умираютъ отъ старости и хилости.

Такова была участь и нѣкогда столь могущественныхъ Турокъ. Все быстрѣе стремились они къ своему упадку. Многія покоренныя ими страны, которыя великіе султаны сильною рукою держали прежде въ соединеніи, вскорѣ стали уже слабо связаны между собой, по мѣрѣ того, какъ бразды правленія ослабѣвали въ рукахъ правителей. Паши, въ особенности болѣе отдаленные, властвовали почти какъ независимые сатраны. Подкупомъ достигали они своихъ

(*) Съ этими мыслями Смитта нельзя согласиться; но входить въ разсужденіе объ этомъ предметѣ здѣсь неумѣстно; достаточно сказать, что истинная религія—одна, христіанская; магометанская же, какъ и всѣ другія, есть религія ложная или религіозное заблужденіе, слѣдовательно и все то, что на ней основано—ложно, въ томъ числѣ и всякое политическое и государственное устройство.

мѣстъ, подкупомъ и удерживались на нихъ, но чтобы возмѣщать сдѣланныя ими издержки, страшно угнетали народъ. Подъ ними угнетали его низшіе правители, а подъ этими еще другіе: вся страна, по меткому выраженію человѣка, весьма близко знавшаго этотъ край (2), казалась покрытою безчисленными губками, которыя высасывали мозгъ и кровь подданныхъ, затѣмъ, чтобы въ свою очередь быть выжатыми болѣе сильными руками. Не существовало никакихъ правъ ни для сильныхъ, ни для слабыхъ, всюду господствовали угнетеніе, продажность и несправедливость, возведенныя въ систему, полный деспотизмъ во всѣхъ своихъ пагубныхъ проявленіяхъ, а вслѣдъ за нимъ и многоженство, которое ослабляетъ народонаселеніе, подобно тому, какъ чума истребляетъ его. Удивительно-ли, что государство, ставшее жертвою столькихъ золъ, пало такъ глубоко? не удивительнѣе-ли, что оно еще существуетъ?

Вмѣстѣ съ длиннымъ рядомъ великихъ государей, ничто не способствовало такъ возвышенію могущества Турціи, какъ ранкее устройство ея военнаго быта. Еще при Мурадѣ I былъ учрежденъ грозный корпусъ янычаръ, хотя и до него у Турокъ существовало уже ополченіе, составленное изъ плѣнныхъ и носившее по этой причинѣ названіе *Іени-чери*, т. е. новое ополченіе. Устройство янычаръ было глубоко задумано: это было войско, вылитое какъ одинъ человѣкъ. Дѣти христіанъ изъ суровыхъ горныхъ странъ Греціи, Албаніи, Босніи, Сербіи и Кавказа, насильно взимаемыя въ видѣ дани и привозимыя въ Константинополь, были воспитываемы здѣсь строго, сурово и въ исламизмѣ, изъ нихъ отличнѣйшія, предназначавшіяся къ высшимъ званіямъ—при дворѣ, а прочія—на тяжелыхъ работахъ въ городѣ или селеніяхъ. Съ молоду уже пріученныя къ строгому повиновенію и покорности, они были затѣмъ принимаемы въ сословіе солдатъ и, по мѣрѣ личныхъ заслугъ, повышаемы или награждаемы прибавкою жалованья, и наконецъ получали въ даръ многія и разныя преимущества и льготы.

Такого рода войско, воспитанное для войны и суровой жизни, могло-ли, передъ глазами молодыхъ, способныхъ государей, становившихся въ главѣ ихъ, не совершать подвиговъ, приводившихъ міръ въ изумленіе? Пока въ немъ былъ тотъ же самый духъ, доколѣ сами султаны лично въ главѣ его шли на войну, ничто не въ состояніи было сопротивляться имъ. Но когда султаны стали охотнѣе оставаться дома, предводительствованіе же войскъ ввѣрять

(2) Baron de Tott. Mémoires sur les Turcs et les Tatars.

своимъ визирямъ, когда наступили болѣе или менѣе продолжительные промежутки войнъ, и сила этого войска обратилась извнѣ внутрь, тогда возникли всѣ невыгоды, сопряженныя съ такими привиллегированными войсками. Они сознали свою силу и присвоили себѣ право низводить и возводить султановъ. Послѣдніе съ своей стороны старались ослабить ихъ могущество и думали, что вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому было обезсилить ихъ прежній духъ. Съ этого времени въ янычары стали опредѣлять и воспитывать для войны уже не однихъ христіанскихъ дѣтей, но и каждый мусульманинъ получилъ право служить въ янычарахъ и пріобрѣтать ихъ преимущества. Съ этимъ изчезъ тотъ духъ, который нѣкогда сдѣлалъ ихъ столь грозными. Они превратились въ осѣдлыхъ промышленниковъ, занялись разнаго рода ремеслами, сдѣлались купцами, торгашами, ремесленниками; это стало для нихъ главнымъ занятіемъ, а война лишь побочнымъ; но всякое побочное занятіе производитъ уже совсѣмъ иныя дѣйствія, нежели то, которое составляетъ единственную цѣль жизни. Между войнами стали наступать все болѣе продолжительные промежутки мира, и янычары все болѣе и болѣе становились чуждыми своему прямому призванію. Остались только: всякому Турку прирожденное мужество, неослабѣвшая тѣлесная сила и запальчивая храбрость, которой впрочемъ недоставало стойкости; но повиновеніе, строгая дисциплина, простота и суровость жизни изчезли, уступивъ мѣсто мятежному духу, привязанности къ удобствамъ жизни, неповиновенію и одичалости. Янычары пережили самихъ себя и подъ конецъ остались страшными только для своихъ властителей.

До второй осады Вѣны, въ 1683 году, въ Европѣ не подозрѣвали еще упадка турецкой силы; здѣсь обнаружился онъ въ первый разъ, и несправедливо начатая война явила ее во всей ея слабости. Вскорѣ замѣтили, что уже угасъ прежній духъ турецкихъ войскъ; въ теченіе немногихъ лѣтъ Турція утратила всѣ свои завоеванія въ Венгріи. Трансильванія была изторгнута изъ-подъ ихъ верховнаго, лишь по имени, господства; Сербія большею частію завоевана, Малая Валахія отнята у нихъ; арміи ихъ уже нигдѣ не могли сопротивляться арміямъ христіанскимъ и, вслѣдствіе частыхъ пораженій, совершенно утратили всякую увѣренность въ себѣ. Собіескій, Людовикъ Баденскій и въ особенности принцъ Евгеній показали, какъ должно побѣждать ихъ. Минихъ воспользовался ихъ уроками и въ войну 1736—39 годовъ долго былъ бичемъ Турокъ. Но то, что́ они въ этой войнѣ потеряли съ одной стороны противъ Россіи, пріобрѣли съ другой противъ Австріи: разби-

ли ея арміи и вынудили унизительный для нее Бѣлградскій миръ. Это поддержало еще на нѣкоторое время страхъ, внушаемый именемъ Турокъ. Румянцову и Суворову впервые суждено было окончательно освободить отъ него Европу и, какъ обыкновенно случается, Турокъ стали столько же презирать, сколько прежде страшились. Это было несправедливо, потому что Турки обладали всѣми качествами хорошихъ воиновъ; имъ только нуженъ былъ великій, необыкновенный человѣкъ, преобразователь своего народа, какимъ былъ Петръ Великій, и Турки легко могли снова сдѣлаться страшными.

Въ настоящей войнѣ они выказали мало прежняго своего духа и мужества, которые нѣкогда дѣлали ихъ необоримыми. Они думали многочисленностью возмѣстить утраченныя военныя доблести, собирали сотни тысячъ войскъ, которыя устремлялись, какъ потокъ съ горъ, на чуждыя земли, опустошая и разрушая все на пути, но, не имѣя внутренней силы и общей связи, разбивались, какъ объ утесъ, о стойкія, закаленныя массы русскихъ войскъ. Ихъ малодушіе подъ конецъ было столь же велико, сколько ихъ высокомѣріе въ началѣ. Побѣжденные на сушѣ и на морѣ, они увидѣли на своихъ моряхъ русскій флотъ, который угрожалъ ихъ островамъ и прибрежьямъ. Собственныя арміи ихъ были разбиты и разсѣяны,—Бессарабія, Молдавія, Валахія и Крымъ потеряны, бо́льшая часть дунайскихъ крѣпостей—во власти Русскихъ, знамена которыхъ побѣдоносно развѣвались до самой Булгаріи. Послѣ того, какъ подавлены были безпокойства въ Польшѣ, они не имѣли болѣе надежды на диверсію съ этой стороны и на помощь со стороны Австріи, и, предоставленные собственнымъ силамъ, должны были одни вести трудную борьбу съ своими могущественными противниками.

Не смотря однако на эти неблагопріятныя обстоятельства, непреклоннымъ оставался гордый султанъ Мустафа; онъ желалъ мира, но не мира на невыгодныхъ условіяхъ. Тѣмъ ревностнѣе старались Австрія и Пруссія, тревожимыя успѣхами Русскихъ, быть посредниками. Вслѣдствіе ихъ усилій, въ августѣ 1772 года въ Фокшанахъ собрался конгрессъ, на которомъ, кромѣ графа Григорія Орлова и Османа-Эфенди, повѣренныхъ со стороны Россіи и Турціи, присутствовали также представители Австріи и Пруссіи, баронъ Тугутъ и маіоръ Цегелинъ. Но тщетны были всѣ переговоры, вслѣдствіе интригъ Тугута, высокомѣрія Османа-Эфенди (3) и нетерпѣ-

(3) Весьма остроумно говоритъ турецкій историкъ Ахметъ-Ресми-Эфенди (переводъ Дица, Галле, 1813 г.), что русскіе уполномоченные, видя его безразсудную за-

ливаго желанія Орлова скорѣе возвратиться въ Петербургъ, куда его призывали личныя выгоды. Независимость Татаръ, которой настоятельно требовала императрица, была камнемъ преткновенія для переговоровъ. Напрасно представляли на видъ повѣреннымъ Турціи, что «Татары всегда были поводомъ къ раздорамъ между Россіей и Портой, потому что, надѣясь на покровительство послѣдней, не страшились дѣлать набѣги на русскія владѣнія, но что, лишь только такое покровительство будетъ прекращено, они не отважатся болѣе на это и тѣмъ уничтожится главная причина всѣхъ распрей съ Портою». Но турецкій посланникъ никакъ не хотѣлъ согласиться на независимость, которая лишила бы Порту вѣрнаго союзника. Изъ этого произошелъ споръ, кончившійся тѣмъ, что Русскіе объявили «первымъ и главнымъ условіемъ мира съ ихъ стороны независимость Татаръ, и что доколѣ на нее не будетъ согласія, они не могутъ вести дальнѣйшихъ переговоровъ.»

Такимъ образомъ Османъ-Эфенди, опасавшійся за свою голову, прервалъ переговоры, даже не испросивъ предварительно мнѣнія великаго визиря. Понимая всю необходимость мира для Порты и имѣя въ виду ежедневные примѣры упадка духа въ войскахъ и ихъ неспособность долѣе сопротивляться Русскимъ, великій визирь былъ сильно огорченъ и старался войти въ прямые переговоры съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ. Румянцовъ согласился на это. Немедленно съ турецкой стороны былъ посланъ тогдашній Рейсъ-Эфенди, Абдюръ-Резакъ, съ тѣмъ чтобы съѣхаться въ Бухарестѣ съ Обресковымъ, уже прежде освобожденнымъ изъ Семибашеннаго замка, для возобновленія прерванныхъ переговоровъ. Такъ какъ обѣ стороны искренно желали мира, то все, казалось, клонилось къ успѣху—и дѣйствительно въ нѣсколько мѣсяцевъ сошлись въ большей части пунктовъ. Но подъ конецъ снова зашла рѣчь о независимости Татаръ, и въ этомъ никакъ не могло состояться соглашенія, тѣмъ болѣе, что при этомъ Россія требовала себѣ уступки трехъ небольшихъ крѣпостей: Керчи, Еникале и Кинбурна. Обѣ стороны сознавали важность этаго пункта. Абдюръ-Резакъ предлагалъ до 25-ти милліоновъ піастровъ за отказъ отъ нихъ; но Обресковъ остался непреклоннымъ, имѣя на то свои причины.

Эти крѣпости, какъ ни ничтожны были сами по себѣ, имѣли

носчивость, замѣтили: «Сказать положительно, что этотъ человѣкъ глупъ, значило бы нарушить законы приличія, а потому мы говоримъ, у него есть умъ, но не такого рода, какой мы знаемъ или до сихъ поръ встрѣчали.»

большое значеніе для южныхъ областей Россіи, потому что открывали путь морской торговлѣ. Но Керчь и Еникале могли запереть выходъ изъ Азовскаго моря въ Черное, а Кинбурнъ и Очаковъ—изъ Днѣпровскаго лимана. Владѣя этими пунктами, Русскіе имѣли-бы свободный входъ въ Черное море, а этого-то именно и не хотѣли Турки. Они трепетали при одной мысли, что Россія могла построить здѣсь флотъ, оспоривать у нихъ господство надъ Чернымъ моремъ и даже, можетъ быть, угрожать съ моря Константинополю. Послѣдствія показали, что опасенія ихъ были не безъ основанія. Поэтому-то они и отстаивали съ такимъ упорствомъ уступку этихъ, впрочемъ не важныхъ, пунктовъ.

Непонятнымъ однако казалось имъ, какъ, изъ-за простаго выраженія «независимость Татаръ», Русскіе отказались отъ 25-ти милліоновъ піастровъ. Старый, корыстолюбивый великій визирь выразился по этому предмету слѣдующимъ характеристическимъ образомъ: «50,000 кошельковъ легки на языкѣ, но не такъ-то легко выплатить ихъ. Можетъ-ли отъ независимости Татаръ быть для Порты большей невыгоды, нежели теперешній уже перевѣсъ Россіи? Впослѣдствіи можно будетъ опять прійти къ прежнему положенію, а въ настоящее время мы желаемъ только прекратить войну». Однако, вмѣсто того, чтобы принять прямо на себя рѣшеніе этого вопроса, онъ представилъ его на разрѣшеніе султана. Но въ собраніи дивана Османъ-Эфенди снова возвысилъ голосъ противъ требуемой Россіею уступки и былъ поддержанъ обоими казіаскерами. «Я видѣлъ Русскихъ», говорилъ онъ, «собственными глазами, пощупалъ у нихъ пульсъ и убѣдился, что они не желаютъ серьёзно мира, а хотятъ только перехитрить и усыпить насъ». «Да, нельзя допустить независимости Татаръ,» воскликнули оба казіаскера; «нельзя допустить ее»—повторили улемы,—«еще обнаружится усердіе къ религіи и мы разобьемъ (4) невѣрныхъ». Голоса ихъ рѣшили вопросъ и мирныя условія были отвергнуты.

Такимъ образомъ въ мартѣ 1773 г. рушился и этотъ конгресъ, и снова должно было прибѣгнуть къ оружію, чтобъ рѣшить, кому слѣдовало уступить. Дабы новыми побѣдами окончательно сломить упорство Турокъ, императрица приказала фельдмаршалу дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ: «онъ долженъ былъ перейти черезъ Дунай и перенести войну за Балканы, до самыхъ вратъ гордаго Стамбула.»

---

(4) См. Ресми-Эфенди, изд. Дица, стр. 196.

Прежніе счастливые успѣхи поселили въ императрицѣ убѣжденіе, что для ея войскъ не было ничего невозможнаго, а недоброжелатели фельдмаршала, чтобы повредить ему, старались укрѣпить въ ней это убѣжденіе. Но Румянцовъ, находясь на самомъ мѣстѣ дѣйствій, слишкомъ хорошо понималъ всѣ трудности, сопряженныя съ такимъ предпріятіемъ, и кромѣ того ему недоставало главнаго для рѣшительныхъ дѣйствій—сильной, всѣмъ снабженной арміи. Его же армія, ослабленная потерями въ сраженіяхъ и болѣзнями, и доведенная до незначительной боевой силы, при этомъ была принуждена еще охранять обширныя пространства края и занимать многія крѣпости, покоренныя у Турокъ, такъ что для наступательныхъ дѣйствій оставалось едва 25,000 человѣкъ. Рущукъ и Силистрія, важнѣйшія турецкія крѣпости на Дунаѣ, еще не были взяты и потому нужно было взять ихъ или удерживать наблюдательными корпусами, прежде чѣмъ двинуться далѣе въ страну, большею частію тогда еще неизвѣстную; сколько-же войскъ осталось бы затѣмъ для наступательныхъ дѣйствій? Тщетно представлялъ все это Румянцовъ, тщетно говорилъ онъ о препятствіяхъ со стороны мѣстности страны по ту сторону Дуная, о затруднительности продовольствованія, объ опасности, оставляя въ тылу за собою широкую рѣку, углубиться въ непріятельскую страну, не имѣя въ ней опорныхъ пунктовъ, и гдѣ одинъ несчастный случай легко могъ повлечь за собою гибель цѣлой арміи. Онъ представлялъ малочисленность войскъ, которыми можно было располагать и которыя нужно было покрайней мѣрѣ удвоить или утроить, наконецъ, прежде нежели предпринять такое смѣлое движеніе въ средину непріятельской земли, онъ рѣшился даже привести на память Петра Великаго и Прутскій походъ. Императрица осталась непоколебимой. На его представленія она возражала: «чтобъ онъ припомнилъ прежнія свои побѣды и подумалъ, что при Кагулѣ съ 17,000 разбилъ 150,000; не число, а искусное предводительствованіе, мужество и военная дисциплина рѣшаютъ побѣду. Удвоить или утроить силу арміи, какъ онъ требуетъ, она въ настоящую минуту не можетъ, да и не находитъ нужнымъ, хочетъ однако прислать нѣсколько полковъ изъ Польши. Новые успѣхи необходимы; безъ нихъ не можетъ быть мира, а между тѣмъ миръ нуженъ» (5). Затѣмъ фельдмаршалу не оставалось ничего болѣе, какъ повиноваться—и онъ приступилъ къ приготовленіямъ.

---

(5) См. Переписка императрицы Екатерины II съ графомъ Румянцовымъ. Москва. 1805. Нѣмецкій переводъ подъ заглавіемъ: **Anekdoten und Karakterzüge des F.M.**

Кромѣ затрудненій, о которыхъ упомянулъ Румянцовъ, было еще много другихъ, имъ не упомянутыхъ. Турки были уже не тѣ, что за три года передъ тѣмъ: неудачи ихъ и иностранные офицеры научили и усовершенствовали ихъ. Они не подвергали уже себя неосмотрительно пораженіямъ; напротивъ, убѣдившись въ превосходствѣ Русскихъ въ открытомъ полѣ, ограничивались только храброю обороною многочисленныхъ своихъ крѣпостей. Особые отряды охраняли важнѣйшія переправы на Дунаѣ; обѣ важнѣйшія крѣпости на этой рѣкѣ, Силистрія и Рущукъ, были заняты сильными гарнизонами, а самъ великій визирь, предусмотрительный и осторожный Мухсинъ-Саде-Мегеметъ, съ сильною резервною арміею стоялъ въ Шумлѣ, важное стратегическое значеніе которой онъ первый оцѣнилъ въ этой войнѣ. Здѣсь сосредоточивалась бо̀льшая часть дорогъ отъ Дуная и Чернаго моря; отсюда онъ легко могъ поспѣть на помощь къ каждому угрожаемому пункту и въ тоже время прикрывалъ переходъ чрезъ Балканскія горы и оба главные пути къ Константинополю. Самая Шумла, почти неприступная по условіямъ мѣстности, была еще болѣе усилена возведенными укрѣпленіями.

Вслѣдствіе всего этого, арміи, двигавшейся противъ Константинополя, представлялось множество препятствій. Во-первыхъ—широкая рѣка Дунай, немногія переправы черезъ которую охранялись крѣпостями и переправляться черезъ которую можно было не ранѣе конца мая, по спаденіи поднявшихся въ ней весеннихъ водъ. Но сколько край по другую сторону Дуная пріятенъ и привлекателенъ весною, столько же непривѣтливъ лѣтомъ: ручьи пересыхаютъ, растительность изчезаетъ и всюду вокругъ видна только сожженная солнцемъ почва, невыносимая во время дневнаго зноя и въ высшей степени опасная при холодѣ и сырости ночей. Естественными слѣдствіями суть болѣзни всякаго рода. Быстро идетъ впередъ войско, но тутъ до небесъ высится темносиняя стѣна—Балканскій хребетъ и полагаетъ преграду дальнѣйшему движенію. Только немногія, въ высшей степени трудныя дороги, подобныя тропинкамъ, ведутъ чрезъ эти горы и легко могутъ немногими людьми быть обороняемы противъ многихъ. Еслиже и удастся, послѣ величайшихъ усилій, перейти черезъ горный хребетъ, даже дойти до Адріанополя и взять этотъ городъ, имѣющій болѣе 100,000 жителей,—а въ

Graffen Rumianzow-Sadunaisky, nebst kurzem Abriss seines Lebens und Schriftwechsels mit Katharinen der Grossen. A. d. R. v. Fried. Arzt Riga 1821.

Турціи каждый житель солдатъ,—то, покинувъ плодородныя окрестности его, остается еще до Константинополя около 150-ти верстъ пустыннаго, безплоднаго края, перерѣзаннаго безчисленными рѣчками, текущими въ глубокихъ ложбинахъ, и снова встрѣчаются многія позиціи, на которыхъ небольшое войско можетъ задержать сильнѣйшее. Важнѣйшая изъ нихъ находится при Буюкъ-Чекмедже (Ponte grande—большой мостъ); мостъ, длиною въ 500 шаговъ, ведетъ здѣсь чрезъ озеро къ позиціи, которую можно сравнить съ Торресъ-ведрасскою при Лиссабонѣ. Справа обезпеченная отъ обхода почти непроходимыми горами, а слѣва упираясь въ Мраморное море, она вполнѣ прикрываетъ (6) столицу Османовъ и только съ большими пожертвованіями могла бы быть преодолѣна силою. Какъ могли бы 25,000 войскъ быть достаточными для такого предпріятія (7)!

Въ это время, въ первыхъ числахъ мая, Суворовъ, въ которомъ никто не подозрѣвалъ еще будущаго, опаснѣйшаго противника Турокъ, явился къ фельдмаршалу въ Яссахъ. Румянцовъ принялъ его благосклонно и назначилъ въ дивизію графа Ивана Петровича Салтыкова, въ числѣ около 12,000 чел. стоявшую въ Валахіи. Другая дивизія, силою въ 4,000 чел., подъ начальствомъ храбраго генерала Вейсмана, была расположена вокругъ Измаила; связь между ними сохранялъ небольшой отрядъ въ 3—4,000 челов. при Брайловѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Потемкина, будущаго князя и фельдмаршала. Таково было распредѣленіе русскихъ боевыхъ силъ на Дунаѣ. Самъ фельдмаршалъ съ 12,000, въ видѣ резерва, стоялъ въ Молдавіи. Сила всей арміи простиралась до 34,000 чел. регулярныхъ войскъ, изъ которыхъ нѣсколько тысячъ были впрочемъ

---

(6) Предполагая, что Турки владѣютъ Мраморнымъ моремъ, потому что въ противномъ случаѣ позиція эта могла бы мало быть полезна имъ.

(7) Предъидущее, какъ и вся этая первая половина, было написано зимою 1826 года. Послѣ того генералъ Дибичъ, въ своемъ достопамятномъ походѣ 1829 года, счастливо преодолѣлъ всѣ исчисленныя здѣсь препятствія и довелъ русскія войска до самыхъ стѣнъ Константинополя. Кажется, будто это опровергаетъ сдѣланное нами описаніе. Но это только кажется. Мы исчислили физическія препятствія, по этимъ не хотѣли сказать, что превосходный геній полководца не могъ бы преодолѣть ихъ. Генералъ Дибичъ могъ преодолѣть и бо́льшія трудности. Здѣсь же ему помогли и внутреннія раздоры, терзавшіе Турецкую имперію, и полная довѣренность императора Николая, не отказывавшаго ему ни въ какихъ средствахъ и снабдившаго многочисленныя, ввѣренныя ему войска всѣмъ необходимымъ. При такихъ средствахъ, чего не могъ совершить такой генералъ, какъ Дибичъ! Но обстоятельства, въ которыхъ находился Румянцовъ, были не столь благопріятны.

употреблены для занятія крѣпостей Хотина, Бендеръ, Аккермана, Киліи и Браилова. Дунай отдѣлялъ Русскихъ отъ Турокъ.

Послѣ прерванія мирныхъ переговоровъ и прежде открытія главныхъ военныхъ дѣйствій, началась малая война. Для Русскихъ было весьма важно обезпечить себѣ нѣсколько пунктовъ переправы черезъ Дунай. Такой пунктъ при Гирсовѣ занялъ и укрѣпилъ генералъ Потемкинъ; другой у Туртукая, охраняли 4,000 Турокъ. Противъ него, у монастыря Негоешти, на р. Аржишѣ, на значенъ былъ постъ Суворову: два слабыхъ полка, одинъ пѣхотный и одинъ кавалерійскій, были ввѣрены здѣсь его начальству. Едва прибылъ онъ къ своему посту, какъ побуждаемый своею природною живостью и желаніемъ отличиться, задумалъ напасть на Турокъ на другомъ берегу рѣки. Для исполненія этого, въ его распоряженіи было 20 большихъ Дунайскихъ лодокъ, изъ которыхъ каждая могла вмѣстить отъ 20 до 30 человѣкъ. Произведенная имъ рекогносцировка указала ему, что устье Аржиша, находившееся 10 верстъ ниже Негоешти, было обстрѣливаемо турецкою батареею на правомъ берегу Дуная, что Дунай въ этомъ мѣстѣ имѣлъ около 1,000 шаговъ ширины и высокіе, крутые берега, изъ которыхъ правый, Булгарскій, значительно превышалъ лѣвый, Валахскій. Все это однако не удержало Суворова: онъ составилъ свой планъ и сдѣлалъ распоряженія.

Сборнымъ для войскъ пунктомъ было назначено одно закрытое мѣсто близъ устья Аржиша. Суворовъ отправился туда впередъ съ конницею и ждалъ прибытія пѣхоты. Наступила ночь, и, утомленный трудами предшествовавшаго дня, онъ завернулся въ плащъ и прилегъ на землю. Но неожиданная опасность грозила ему и его предпріятію. Едва уснулъ онъ часа два, какъ вдругъ его разбудилъ боевой крикъ. Онъ вскочилъ и видитъ толпу Турокъ, мчащихся на него съ обнаженными саблями. Въ одинъ мигъ онъ на конѣ и съ казаками бросается на встрѣчу Турокъ. Происшедшая при этомъ нерѣшительная стычка кончилась, когда и карабинеры его приняли въ ней участіе, бѣгствомъ Турокъ. Это неожиданное нападеніе сдѣлали 400 спаговъ, переправившихся черезъ Дунай для поиска; 80 изъ нихъ были убиты; предводитель ихъ, сѣдой старикъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Такова была первая стычка Суворова съ Турками.

Этотъ случай не отклонилъ однако Суворова отъ его предпріятія. Лишь только прибыла пѣхота, всѣ войска въ ночь на 10-е мая были въ величайшей тишинѣ посажены на суда; всего было 700

человѣкъ, въ томъ числѣ 200 кавалеристовъ, которые переправили своихъ лошадей вплавь. Суда спустились изъ Аржиша въ Дунай; огонь турецкой батареи причинилъ имъ мало вреда и они благополучно достигли Булгарскаго берега. Суворовъ немедленно построилъ три небольшіе каре, каждое изъ одной роты, и приказалъ имъ овладѣть тремя, впереди лежавшими окопами, а самъ, съ четвертою ротою, остался въ резервѣ. Войска перевезли съ собою одно орудіе, но его разорвало при первомъ выстрѣлѣ, при чемъ ранило Суворова въ ногу. Не смотря на это, онъ продолжалъ распоряжаться. Турки, устрашенные ночнымъ нападеніемъ и не зная числа Русскихъ, сопротивляются недолго и обращаются со всѣхъ сторонъ въ бѣгство, преслѣдуемые кавалеріей. Затѣмъ Суворовъ занимаетъ впереди лежащую высоту, господствующую надъ окрестною мѣстностью, и велитъ производить частый ружейный огонь и большой шумъ и крикъ, дабы дольше держать устрашеннаго непріятеля въ заблужденіи касательно малочисленности своихъ силъ. Между тѣмъ двѣ роты берутъ, почти безъ сопротивленія, лагерь и флотилію Турокъ, а самъ Суворовъ, сидя на барабанѣ, пишетъ фельдмаршалу свое извѣстное донесеніе въ двухъ стихахъ:

«Слава Богу, слава Вамъ,
«Туртукай взятъ и я тамъ».

Уже разсвѣтало и вскорѣ все было покончено: Турки прогнаны, лагерь ихъ взятъ, Туртукай зажженъ, флотилія уничтожена. Захвативъ значительную добычу, 8 знаменъ, 6 мѣдныхъ пушекъ (8 другихъ были потоплены) и нѣсколько чаекъ, побѣдители, освѣщаемые пламенемъ горѣвшаго Туртукая, съ веселыми пѣснями переправились обратно чрезъ Дунай. Ввечеру они были снова въ Негоешти. Это предпріятіе стоило имъ потери только 60 убитыхъ и 150 раненыхъ.

Суворовъ сдѣлалъ этотъ поискъ безъ приказанія, почему фельдмаршалъ и отдалъ его подъ военный судъ. О результатѣ этого суда самъ Суворовъ разсказывалъ слѣдующими словами: «Римъ наказалъ бы меня. Военная коллегія составила докладъ, въ которомъ секретарь не упустилъ ничего, что могло послужить къ моему обвиненію. Но милость великой императрицы спасла меня. Екатерина написала: » побѣдителя не судятъ »—и я опять въ арміи, готовый служить моей спасительницѣ» (8).

(8) См. Анекдоты князя Италійскаго, графа Суворова Рымникскаго, изданные Е. Фуксомъ. С.П.Б. 1827. (Примѣч. автора). Къ сожалѣнію должно сказать, что при-

Между тѣмъ фельдмаршалъ Румянцовъ, получая частыя приказанія о походѣ въ Булгарію, сдѣлалъ распоряженія къ нему. Императрица писала ему: «чтобъ онъ перешелъ чрезъ Дунай, разбилъ Турокъ, гдѣ бы ихъ ни встрѣтилъ, и не спрашивалъ, *какъ они сильны*, но *гдѣ* они: таковъ былъ обычай Римлянъ». Какъ ни неохотно Румянцовъ, въ такомъ отважномъ предпріятіи, подвергалъ себя опасности утратить пріобрѣтенную имъ славу, но ему не оставалось ничего болѣе, какъ исполнить требованіе императрицы и сдѣлать все, что только было возможно при его незначительныхъ средствахъ.

Генералъ Вейсманъ, Ахиллъ арміи, долженъ былъ съ своею дивизіею перейти чрезъ Дунай у Измаила, подняться вверхъ по правому берегу рѣки до Гуробала, лежавшаго 30 верстъ ниже Силистріи, и здѣсь прикрыть переправу главныхъ силъ арміи подъ начальствомъ фельдмаршала. Вейсманъ отлично исполнилъ указанное ему назначеніе, прогналъ у Карасу 8,000-ный турецкій отрядъ, наблюдавшій за теченіемъ рѣки, и двинулся чрезъ Гирсово вверхъ по Дунаю до Гуробала. Стоявшіе здѣсь, подъ начальствомъ Османа-паши, 10,000 Турокъ были атакованы имъ во флангъ, между тѣмъ какъ генералъ Потемкинъ своими демонстраціями угрожалъ имъ съ фронта. Вскорѣ Турки были сбиты и затѣмъ переправа главныхъ силъ въ лодкахъ совершена безпрепятственно. 11 (22) іюня всѣ войска уже были за Дунаемъ и двинулись къ Силистріи: впереди шелъ Ступишинъ, принявшій, какъ старшій, начальство надъ дивизіей Вейсмана, за нимъ Потемкинъ и наконецъ фельдмаршалъ съ главными силами. Общее число всѣхъ войскъ не превышало 15,000 человѣкъ.

Османъ-паша, которому ввѣрена была оборона Силистріи, съ 30,000 чел. занялъ на высотахъ, въ 5-ти верстахъ ниже крѣпости, позицію, прикрытую съ лѣваго фланга Дунаемъ, а съ фронта и съ

веденный здѣсь разсказъ Смитта о первомъ поискѣ Суворова противъ Туртукая, невѣренъ и несогласенъ съ тѣмъ, какъ дѣло дѣйствительно началось, происходило и кончилось, и какъ оно изображено въ прекрасной статьѣ Генеральнаго Штаба полковника Саковича, составленной по подлиннымъ документамъ изъ дѣлъ собственной военно- походной канцеляріи фельдмаршала графа Румянцова и напечатанной въ №№ 4 и 5 Военнаго Журнала (изд. Военно-Ученымъ Комитетомъ) 1853 года. Отсылаемъ къ ней желающихъ удостовѣриться, что все дѣло происходило совсѣмъ не такъ, какъ разсказываетъ Смиттъ по словамъ Фукса и другихъ біографовъ Суворова и собирателей анекдотовъ о немъ. Изъ этой статьи они увидятъ между прочимъ, что донесеніе Суворова въ стихахъ—сказка, а преданіе его суду — смѣшано съ преданіемъ суду за Сталовичи (Редак.).

праваго фланга скатами горъ. Единственный доступъ къ ней былъ чрезъ тѣснину, которая, въ началѣ довольно широкая для движенія 200 человѣкъ фронтомъ, подъ конецъ такъ съуживалась, что едва оставляла проходъ для 6—8 чел. въ рядъ. Здѣсь легко было задержать всѣ силы Русскихъ, но Османъ-паша допустилъ ихъ безпрепятственно пройти черезъ эту тѣснину, и только тогда, когда русскія войска перешли уже ручей Галичь и построились противъ Турокъ, конница ихъ двинулась и атаковала русскій авангардъ. Начальствовавшій имъ генералъ Вейсманъ тотчасъ построилъ 3 свои баталіона въ одно каре и, неустрашимо отражая всѣ атаки, далъ время русской кавалеріи обоихъ фланговъ подоспѣть и прогнать непріятеля. Пользуясь одержанным успѣхомъ, Вейсманъ преслѣдовалъ Турокъ до самаго ихъ лагеря. Въ страхѣ бросились они изъ него въ Силистрію и распространили въ ней смятеніе. Еслибы главныя силы фельдмаршала наступили быстро, не давъ непріятелю времени опомниться, то можетъ быть успѣли бы безъ боя овладѣть этою крѣпостью, какъ нѣкогда взятъ былъ Хотинъ. Но онѣ подошли только два дня спустя, 15 (26) іюня: удобная минута была потеряна и Турки успѣли приготовиться къ упорной оборонѣ.

Силистрія расположена у подошвы крутыхъ высотъ, пересѣченных глубокими ущельями и оврагами, и покрытыхъ садами, виноградниками и кустарникомъ. Турки построили на ближайшихъ высотахъ передъ крѣпостью нѣсколько окоповъ, которые были оборонямы сильнымъ отрядомъ. Эти окопы необходимо было взять прежде, нежели обстрѣливать городъ.

Съ этою цѣлію Румянцовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: Потемкинъ съ лѣвымъ флангомъ долженъ былъ атаковать эти окопы съ фронта, Вейсманъ съ правымъ флангомъ—обойти ихъ и атаковать съ тыла, а Ступишинъ—оставаться въ серединѣ, для того, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, поддерживать или Потемкина, или Вейсмана. Генералъ Игельстрёмъ, съ 2,200 чел. изъ состава главныхъ силъ, долженъ былъ между тѣмъ спуститься къ Дунаю и угрожать крѣпости со стороны рѣки, дабы занять и задержать здѣсь Турокъ и воспрепятствовать имъ подкрѣплять своихъ въ окопахъ. Прочія войска арміи остались позади въ лагерѣ.

Атака была произведена 18 (29) іюня рано утромъ, но въ самомъ началѣ приняла неблагопріятный оборотъ. Непріятельская конница ворвалась въ колонну Потемкина и привела ее въ разстройство; однако резервъ Ступишина быстро двинулся впередъ и возстановилъ порядокъ. Между тѣмъ Вейсману удалось ворваться въ

окопы и прогнать оттуда Турокъ, но Игельстрёмъ дозволилъ оттѣснить себя Турками, сдѣлавшими вылазку изъ крѣпости.

Пока происходилъ этотъ бой подъ Силистріей, 8,000 спаговъ прибыли изъ Базарджика-и напали на вагенбургъ Потемкина. Сначала имъ былъ противопоставленъ одинъ гренадерскій полкъ изъ резерва, пока подоспѣвшая кавалерія не прогнала ихъ совершенно.

Обѣ стороны сражались съ перемѣннымъ успѣхомъ. Русскіе потеряли 300 человѣкъ и 3 орудія, которыя Игельстрёмъ принужденъ былъ бросить, но взамѣнъ того у Турокъ взяты 14 пушекъ; однако главная цѣль не была достигнута.

Еще во время боя фельдмаршалъ получилъ извѣстіе, что непріятельскій корпусъ, подъ начальствомъ Намана-паши, выступилъ изъ Шумлы, чтобъ освободить Силистрію и отрѣзать ему отступленіе. Это извѣстіе побудило его прекратить всѣ дальнѣйшія покушенія противъ Силистріи и начать отступленіе. Вейсманъ долженъ былъ въ слѣдующую ночь очистить взятые имъ окопы и присоединиться къ арміи, которая 20-го расположилась лагеремъ въ 10-ти верстахъ отъ крѣпости.

Наманъ-паша съ 20,000 чел. уже былъ у Кучукъ-Кайнарджи, откуда намѣревался напасть на Русскихъ при переправѣ ихъ за Дунай. Румянцовъ положилъ, прежде совершенія переправы, прогнать его и поручилъ это храброму Вейсману. 21 іюня (2 іюля) послѣдній двинулся противъ него съ отрядомъ силою около 5,000 чел. Проведя ночь въ Кучукѣ, 22-го рано утромъ онъ открылъ Турокъ, расположенныхъ въ выгодной, укрѣпленной позиціи на двухъ горахъ. Чтобъ подступить къ ней, должно было пройти черезъ длинную тѣснину, которую Турки, по своей безпечности, оставили незанятою. Пройдя черезъ нее, Русскіе построились въ два каре и подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій двинулись противъ лагеря. Уже они взошли до полугоры, когда Турки выступили изъ лагеря и съ запальчивостью атаковали оба каре. Янычарамъ, съ саблями въ рукахъ, удалось ворваться въ уголъ лѣваго каре. Вейсманъ самъ находился здѣсь и немедленно двинулъ внутренній резервъ впередъ къ прорванному углу, но въ это самое мгновеніе одинъ изъ янычаровъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Пуля пробила ему лѣвую руку и грудь; онъ упалъ, успѣлъ только сказать: «не говорите ничего людямъ» и умеръ. Его прикрыли плащомъ и скрыли смерть его отъ солдатъ. Но когда они, не смотря на то, узнали о ней, то не было границъ ихъ горести и ожесточенію: поражая штыками все, что ни было передъ ними, они уже никому

не давали пощады и перекололи даже плѣнныхъ. Послѣ страшной рѣзни Турокъ, они обратили ихъ въ бѣгство и захватили обозы ихъ, лагерь и орудія. Но дорогою цѣною была искуплена ими эта побѣда—смертью доблестнаго Вейсмана.

Это дало фельдмаршалу возможность спокойно и безпрепятственно совершить переправу за Дунай; но дабы показать Туркамъ, что не страхъ побудилъ его къ этому, онъ приказалъ генералу Рейзеру, принявшему начальство надъ отрядомъ Вейсмана, отступать до Измаила правымъ берегомъ Дуная.

Весь ходъ этого предпріятія доказалъ, какъ неохотно взялся за него Румянцовъ. Послѣдній ни въ чемъ не выказалъ здѣсь твердой, рѣшительной воли, которой нѣкогда явилъ столько опытовъ. Не имѣя опорнаго пункта на другой сторонѣ, съ широкою рѣкою въ тылу, безъ единаго моста на ней, терпя недостатокъ въ продовольствіи и окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, онъ былъ крайне озабоченъ касательно своего отступленія и потому дѣйствовалъ не съ тѣми смѣлостью и рѣшимостью, которыя оказалъ бы, еслибы ничего не опасался за свои сообщенія. Поэтому движенія его были медленны, а атаки противъ Силистріи вялы. Гдѣ все ставится на карту, гдѣ незначительный уронъ можетъ вовлечь въ гибель, тамъ нѣтъ тѣхъ смѣлыхъ и мужественныхъ дѣйствій, которыя свойственны случаямъ, когда успѣхъ или неуспѣхъ не имѣютъ существеннаго вліянія на общій ходъ дѣла; иначе нужно бы было прійти къ тому заключенію, что не остается болѣе другаго выбора между побѣдою и смертью. Гдѣ нѣтъ болѣе надежды, тамъ — отчаяніе, а оно часто имѣетъ неожиданные результаты.

Графъ Салтыковъ долженъ былъ также перейти черезъ Дунай и всѣми силами поддержать предпріятіе фельдмаршала. Неизвѣстныя причины удержали его отъ этого и онъ удовольствовался только тѣмъ, что приказалъ генералу Суворову тревожить Турокъ у Туртукая. Суворовъ, нѣсколько недѣль остававшійся, за болѣзнію, въ бездѣйствіи, предпринялъ теперь свой вторичный поискъ противъ Туртукая.

Вскорѣ послѣ перваго нападенія, Турки снова утвердились въ этомъ мѣстѣ, потому что оно было не безъ значенія, какъ пунктъ, частію удобный для переправы чрезъ Дунай, частію же служившій связью между Рущукомъ и Силистріей. Новыя укрѣпленія и гарнизонъ, усиленный до числа 5,000 чел., должны были обезпечить его болѣе прежняго. Суворовъ съ своей стороны получилъ тоже нѣкоторыя подкрѣпленія и, тотчасъ послѣ своего прибытія къ войскамъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія къ нападенію.

Флотилія должна была спуститься по Аржишу пустою и стать у лѣваго берега Дуная. Наскоро была сооружена земляная батарея, для обстрѣливанія противоположнаго берега и прикрытія переправы; около 600 человѣкъ остались для ея прикрытія, а 1,800 человѣкъ были назначены для посаженія на суда. Но бо́льшая часть оныхъ состояла изъ кавалеристовъ, вооруженныхъ ружьями съ штыками и заблаговременно обученныхъ употребленію ихъ, и изъ рекрутъ, незадолго до того прибывшихъ. Впрочемъ послѣдніе позже сражались также храбро, какъ и старѣйшіе ихъ товарищи по оружію.

Когда стало смеркаться, войска выступили изъ Негоешти, къ полуночи (съ $^{16}/_{27}$ на $^{17}/_{28}$ іюня) прибыли на сборный пунктъ и тотчасъ начали садиться на суда. Амбаркація произведена была тремя отдѣленіями: первое, подъ начальствомъ полковника Батурина, состояло изъ 500 человѣкъ хорошей пѣхоты, второе, подъ начальствомъ полковника Меллина, изъ 200 арнаутовъ и баталіона рекрутъ, наконецъ третье, подъ начальствомъ полковника князя Мещерскаго, изъ спѣшеннаго полка карабинеровъ. Послѣ всѣхъ, еще 100 карабинеровъ и 250 казаковъ переправились черезъ рѣку вплавь на лошадяхъ.

Самъ Суворовъ былъ еще такъ слабъ послѣ болѣзни, что два солдата должны были вести его подъ руки, а адъютантъ повторялъ вслухъ приказанія, которыя онъ отдавалъ слабымъ голосомъ. Сначала онъ остался на лѣвомъ берегу, для наблюденія за амбаркаціею; но вскорѣ, убѣжденный въ необходимости присутствія своего на другой сторонѣ, сѣлъ на суда съ вторымъ отдѣленіемъ.

Батуринъ первый вышелъ на правый берегъ, овладѣлъ однимъ укрѣпленіемъ и остановился, не продолжая далѣе своихъ успѣховъ. Между тѣмъ прибыло второе отдѣленіе, которое теченіемъ было снесено далеко внизъ. Суворовъ, недовольный тѣмъ, что Батуринъ не взялъ большаго редута, построеннаго на господствовавшей высотѣ, тотчасъ направилъ противъ послѣдняго три роты и съ остальными войсками послѣдовалъ за ними. Не совсѣмъ еще оконченный редутъ скоро былъ взятъ Русскими, которые и утвердились въ немъ.

Турки еще не показывались изъ своего лагеря, но вдругъ около 6-ти часовъ утра они появились въ значительныхъ массахъ и бросились прямо на редутъ. Русскіе встрѣтили ихъ сильнымъ огнемъ, но въ одно мгновеніе были окружены. Янычары, скрываясь за кустами, скалами и деревьями, поддерживали непрерывный огонь, тѣмъ болѣе вредный, что невысокій брустверъ неоконченнаго реду-

та доставлялъ мало прикрытія. Кромѣ того спаги нѣсколько разъ пытались открытою силою ворваться въ редутъ.

Между тѣмъ прибыло третье отдѣленіе полковника князя Мещерскаго вмѣстѣ съ кавалеріей и двинулось противъ непріятеля. Карабинеры и казаки, не смотря на свою малочисленность, смѣло бросились на Турокъ; въ тоже время спѣшенные карабинеры, привезшіе на рукахъ одно орудіе, открыли огонь по Туркамъ съ тыла; однако Турки не отступили.

Предводитель ихъ, Сари-Мегеметъ-паша, положилъ произвесть рѣшительную атаку. Красивый, высокій ростомъ мущина, онъ сталъ въ главѣ своихъ азіятскихъ всадниковъ и поскакалъ съ ними прямо къ открытому входу въ редутъ. Издали блистая богатымъ военнымъ нарядомъ своимъ, онъ поощрялъ ободрительными словами мужество своихъ всадниковъ, какъ вдругъ ружейная пуля поразила его и онъ съ громкимъ крикомъ свалился съ лошади. Вслѣдъ затѣмъ вокругъ него произошла свалка: спаги и казаки дрались изъ-за его тѣла, наконецъ одинъ казакъ пробился и пикой докололъ раненаго.

Однако Турки не прекратили своихъ нападеній: небольшое число русскихъ войскъ, казалось, обѣщало имъ вѣрную побѣду. Тогда Суворовъ, дотолѣ внимательно слѣдившій за боемъ, замѣтилъ между непріятелемъ колебаніе вслѣдствіе смерти его предводителя и приказалъ произвесть быстрый натискъ. Гренадёры шестирядною колонною, держа ружья на перевѣсъ, вышли изъ редута и оттѣснили Турокъ; за гренадерами послѣдовала остальная пѣхота, и соединенными усиліями, послѣ упорнаго боя, непріятель былъ принужденъ обратиться въ бѣгство.

Затѣмъ лагерь его, 15 орудій и 24 большія лодки были взяты Русскими. Болѣе 1,000 Турокъ было убито. Суворовъ, достигнувъ цѣли своего порученія, въ тотъ же вечеръ возвратился на лѣвый берегъ Дуная (*).

Императрица пожаловала ему за эту побѣду орденъ св. Георгія 2-го класса, потому, какъ сказано было въ рескриптѣ, что «произведенное имъ храброе и мужественное дѣло учинило его достойнымъ къ полученію отличной чести и Монаршей милости».

Графъ Салтыковъ приготовился теперь къ поиску противъ Рущука и съ этою цѣлію приказалъ Суворову съ его отрядомъ перейти въ Журжу; но въ то самое время, когда хотѣлъ произвесть свой

(*) И о разсказѣ Смиттомъ втораго поиска Суворова противъ Туртукая должно сдѣлать такое же замѣчаніе, какое выше было сдѣлано касательно перваго поиска.

поискъ, получилъ извѣстіе о неудавшемся предпріятіи фельдмаршала противъ Силистріи и потому отмѣнилъ этотъ поискъ, а Суворовъ долженъ былъ воротиться къ своему посту у Негоешти. Однако онъ недолго оставался тамъ, ибо былъ переведенъ въ дивизію фельдмаршала, который поручилъ ему занятіе важнаго поста въ Гирсовѣ.

Суворовъ прибылъ туда въ половинѣ августа и съ обычною своею дѣятельностью тотчасъ обозрѣлъ окрестную мѣстность. Затѣмъ онъ назначилъ пункты, которые долженствовали быть укрѣплены, приказалъ поспѣшно исправить уже существовавшія укрѣпленія и прибавить къ нимъ новыя, прикрытыя волчьими ямами. Еще не совсѣмъ были окончены эти работы, какъ получено извѣстіе о приближеніи сильнаго турецкаго отряда изъ Карасу. 3-го сентября вечеромъ уже были видны его огни. Суворовъ, въ увѣренности, что непріятель не произведетъ нападенія ранѣе утра, ночью сдѣлалъ распоряженія къ отраженію его. Онъ положилъ допустить Турокъ вплоть до своихъ батарей и затѣмъ внезапно открыть съ нихъ огонь и со всѣми своими силами произвесть вылазку, чтобы воспользоваться замѣшательствомъ непріятеля.

Онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ только 4 пѣхотные полка, изъ которыхъ два очень слабые, 3 эскадрона гусаръ и нѣсколько сотенъ казаковъ, всего около 3,000 чел. Изъ нихъ два неполные пѣхотные полка (въ обоихъ было едва 600 чел.) онъ помѣстилъ въ укрѣпленія, а другіе два съ тремя эскадронами гусаръ— расположилъ скрытно позади въ засадѣ.

Принявъ такимъ образомъ свои мѣры, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ утра и, когда разсвѣло, сѣлъ на коня и въ сопровожденіи только двухъ казаковъ поѣхалъ на встрѣчу Турокъ. Онъ недалеко еще отъѣхалъ, какъ густыя облака пыли возвѣстили приближеніе непріятеля.

Турокъ было 11,000 чел. подъ начальствомъ нѣсколькихъ пашей. Въ 8 часовъ утра они приблизились къ передовымъ укрѣпленіямъ и остановились. Чтобы завлечь ихъ, казаки должны были фланкировать съ ними и затѣмъ въ притворномъ страхѣ обратиться въ бѣгство. Батареи же получили приказаніе открыть огонь только когда Турки подойдутъ совершенно близко и тогда внезапно осыпать ихъ картечью.

Но едва Турки снова двинулись впередъ, какъ полковникъ Дунашевъ, въ противность данному приказанію, пустилъ въ нихъ изъ замка нѣсколько ядеръ. Это остановило Турокъ и ихъ снова нуж-

но было завлекать притворно-боязливыми движеніями. Но вдругъ они представили глазамъ Русскихъ необыкновенное зрѣлище.

Эти самые Турки, которыхъ Русскіе до сихъ поръ привыкли видѣть сражавшимися въ нестройныхъ толпахъ, вдругъ построились, по образцу Европейскихъ войскъ, въ три линіи, и имѣя янычаръ въ центрѣ, а спаговъ на флангахъ, двинулись въ большомъ порядкѣ впередъ (9). «Смотрите, сказалъ Суворовъ, басурманы хотятъ сражаться въ порядкѣ,—дорого же они поплатятся за это».

Не останавливаясь передъ огнемъ Русскихъ, Турки неустрашимо двинулись противъ передоваго укрѣпленія и, имѣя въ головѣ своихъ байрактаровъ (знаменоносцевъ), штурмовали его съ большимъ мужествомъ. Казалось, ничто не могло удержать ихъ: пробираясь между волчьими ямами, перелѣзая черезъ рогатки, они дошли уже до палисадовъ и пытались вырвать или срубить ихъ, какъ въ эту самую минуту оба, скрытые въ засадѣ, полка, вмѣстѣ съ гусарами, выступили впередъ и съ обѣихъ сторонъ ударили на оба фланга ихъ. Турки, устрашенные неожиданнымъ нападеніемъ, непривыкшіе сражаться въ правильномъ строѣ и еще болѣе приведенные въ безпорядокъ огнемъ Русскихъ, держались недолго. Вскорѣ бѣгство ихъ сдѣлалось общимъ. Чтобы скорѣе бѣжать, они бросали одежду, оружіе, словомъ все, что могло задерживать ихъ въ бѣгствѣ, и разсѣялись во всѣ стороны. Гусары и казаки преслѣдовали ихъ нѣсколько верстъ и изрубили многихъ изъ нихъ. Эта попытка стоила Туркамъ всего около 1,000 человѣкъ и всей ихъ артиллеріи, состоявшей изъ 9-ти орудій. У Русскихъ убито мало, а ранено около 400.

Суворовъ дѣйствовалъ здѣсь весьма искусно и, хорошо зная, что лучшею обороною—та, которая соединена съ атакой, онъ умѣлъ уловить настоящій моментъ, когда Турки были приведены въ разстройство своимъ тщетнымъ штурмованіемъ и огнемъ Русскихъ, для того, чтобы внезапною атакою на оба фланга ихъ рѣшить бой въ свою пользу. Вслѣдствіе этого, попытка Турокъ совершенно прогнать Русскихъ съ праваго берега Дуная имѣла полнѣйшій неуспѣхъ.

Императрица ожидала многаго отъ похода этого года и первыя извѣстія о переходѣ Румянцова черезъ Дунай возбудили самыя ра-

---

(9) Ихъ устроили французскіе офицеры. Здѣсь былъ произведенъ первый опытъ правильнаго устройства ихъ, но, какъ увидимъ, неудачный. Въ наше время опъ, кажется, удался лучше.

достныя надежды ея (10), которыя она и выразила отчасти пожалованнымъ ею Румянцову прозваніемъ. Она назвала его *Задунайскимъ*, такъ какъ онъ первый изъ русскихъ полководцевъ перешелъ съ арміей за Дунай. Но, по обыкновенному ходу дѣлъ, по которому большимъ ожиданіямъ всегда соотвѣтствуютъ ничтожные результаты, вскорѣ получены были неблагопріятныя извѣстія, что попытка противъ Силистріи не удалась, что храбрый Вейсманъ убитъ и что фельдмаршалъ былъ принужденъ перейти обратно за Дунай. Однако возвышенная душа императрицы была, не только не смущена, но, напротивъ, еще болѣе прежняго возбуждена къ совершенію разъ предпринятыхъ намѣреній. Румянцову посланы были нѣкоторыя подкрѣпленія и даны положительнѣйшія приказанія привести войну къ развязкѣ.

Дабы исполнить требованіе императрицы, Румянцовъ положилъ дождаться поздняго времени года, когда Турки имѣютъ обыкновеніе покидать армію и расходиться по домамъ. Тогда онъ хотѣлъ внезапно переправиться въ нѣсколькихъ пунктахъ чрезъ Дунай и однимъ короткимъ, но рѣшительнымъ осеннимъ походомъ пріобрѣсть столько выгодъ, сколько могло позволить позднее время года.

Съ этою цѣлію онъ составилъ слѣдующій планъ дѣйствій: князь Юрій Долгорукій долженъ былъ въ началѣ октября переправиться съ 5,000 чел. чрезъ Дунай у Гирсова и соединиться съ генералъ-поручикомъ Унгерномъ, стоявшимъ съ августа мѣсяца, съ 3,000 человѣкъ бывшей дивизіи Вейсмана, у Бабадага. Оба, соединившись, должны были напасть на турецкій отрядъ при Карасу и, прогнавъ его, двинуться чрезъ Базарджикъ къ Варнѣ и Шумлѣ, чтобы, по возможности, овладѣть этими важными пунктами. Но дабы и на другихъ пунктахъ тревожить Турокъ и препятствовать направленію ими всѣхъ наличныхъ силъ своихъ противъ этихъ двухъ генераловъ, остальныя войска на Дунаѣ должны были произвести наступательныя демонстраціи, а именно: генералъ Глѣбовъ—переправиться съ нѣсколькими полками у Гуробала, генералъ Потемкинъ—обстрѣливать Силистрію съ острова, лежавшаго противъ этой крѣпости, и наконецъ графъ Салтыковъ—перейти черезъ Дунай и угрожать Рущуку.

Первоначальные успѣхи повидимому обѣщали удачу этому плану. Унгернъ и Долгорукій соединились 16 (27) октября у Карамурата

---

(10) См. письма ея къ Волтеру, въ особенности отъ 19 (30) іюня 1773 г.

и на слѣдующій день двинулись къ Карасу. Стоявшій тамъ турецкій отрядъ, силою болѣе 10,000 человѣкъ, по приближеніи ихъ, не выждавъ даже нападенія, бѣжалъ въ Базарджикъ. Оба генерала слѣдовали за нимъ и 23 октября прибыли къ этому городу. Но здѣсь былъ конецъ ихъ успѣху: между ними произошли несогласія, вслѣдствіе которыхъ они потеряли нѣсколько дней въ бездѣйствіи.

Наконецъ, пять дней спустя, они выступили далѣе, но по разнымъ направленіямъ: Унгернъ—къ Варнѣ, а Долгорукій—къ Шумлѣ. Хотя, по случаю поздняго времени года, бо́льшая часть Турокъ, по обычаю, дѣйствительно покинула армію, однако у великаго визиря было еще нѣсколько войскъ подъ знаменами, и трудно было ожидать, чтобы такіе города, какъ Шумла и Варна, сдались безъ сопротивленія такимъ малочисленнымъ отрядамъ Русскихъ. Оба генерала вмѣстѣ могли бы, можетъ быть, овладѣть тѣмъ либо другимъ изъ этихъ пунктовъ, но порознь были противъ каждаго слишкомъ слабы.

29-го октября Унгернъ показался въ виду Варны. Эта крѣпость, важная своею гаванью и какъ промежуточный укрѣпленный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ столицы, лежитъ въ долинѣ между двухъ горныхъ высотъ, омываемая съ востока Чернымъ моремъ, а съ запада озеромъ Дѣвно, и ограждена высокими, каменными стѣнами съ башнями, доставлявшими фланговую оборону. Впереди рва возвышалось еще нѣсколько соединенныхъ между собою окоповъ, по турецкому обычаю—круглыхъ. Все вмѣстѣ представляло довольно безпорядочную и обширную оборонительную систему, для обороны которой гарнизонъ былъ едва достаточенъ; но случайно въ это время въ гавани было много турецкихъ военныхъ судовъ, экипажи которыхъ тоже были употреблены для обороны укрѣпленій. Въ этихъ обстоятельствахъ, чтобы взять крѣпость, потребно было бы гораздо болѣе войскъ, нежели сколько ихъ имѣлъ Унгернъ.

Однако этотъ генералъ, надѣясь на храбрость своихъ войскъ, рѣшился на штурмъ, не сдѣлавъ ни малѣйшихъ приготовленій, необходимыхъ для него. Войска двинулись впередъ въ трехъ кареяхъ, смѣло дошли до рва, но здѣсь и кончились ихъ успѣхи. Безъ лѣстницъ, безъ фашинъ они не могли спуститься въ ровъ, и ничѣмъ не прикрытые и не защищенные отъ непріятельскаго огня, принуждены были, въ тщетной ярости, удовольствоваться стрѣльбою изъ своихъ ружей по укрѣпленіямъ. Послѣ того, что они нѣсколько часовъ сряду безъ всякой пользы выдерживали огонь Турокъ, непредусмо-

трительный генералъ приказалъ наконецъ отступать. 6 пушекъ, завязшихъ въ грязи, нужно было бросить и почти треть всѣхъ людей была переранена или убита. Немедленно затѣмъ было предпринято отступленіе. Не заботясь болѣе о Долгорукомъ, котораго оставилъ одного противъ всѣхъ силъ Турокъ, Унгернъ совершилъ свое отступленіе вдоль морскаго берега чрезъ Бальчикъ, Каварну и Мангалію къ Измаилу.

Долгорукій же и не дошелъ до Шумлы. Едва отойдя на одинъ переходъ отъ Базарджика, онъ получилъ уже извѣстія о неудачѣ Унгерна и о наступленіи многочисленнаго непріятеля противъ него самаго, что̀ повергло его въ смущеніе. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ нашелъ, что ему не оставалось ничего болѣе, какъ вывести свои войска изъ столь затруднительнаго положенія и благополучно довести ихъ обратно до Дуная. Поэтому онъ также отступилъ къ Гирсову.

Эта неудавшаяся попытка была тѣмъ непріятнѣе, что малочисленность турецкихъ силъ могла обѣщать наилучшій успѣхъ. Уже Глѣбовъ переправился у Гуробала, Салтыковъ обложилъ Рущукъ, а Потемкинъ началъ обстрѣливать Силистрію, когда неудача и поспѣшное отступленіе Унгерна принудили фельдмаршала прекратить всѣ дальнѣйшія предпріятія и расположить войска на зимнихъ квартирахъ.

Этимъ кончился походъ 1773 года, не такъ блистательно, какъ ожидали. Турки дѣйствовали благоразумно: они избѣгали рѣшительныхъ сраженій и скрывались за своими валами и стѣнами, гдѣ обезпеченной оными храбрости ихъ мало опасны были немногочисленныя русскія войска. Одинъ Суворовъ въ этомъ походѣ дѣйствовалъ съ обычнымъ счастіемъ, въ трехъ удачныхъ дѣлахъ оказалъ опыты какъ своего искусства, такъ и своихъ рѣшимости и мужества, и все болѣе и болѣе пріобрѣталъ довѣренность и любовь солдатъ и уваженіе начальниковъ своихъ.

Однако здоровье его, разстроенное лихорадкою, свойственною этому краю, вынудило его, во время произшедшаго по случаю зимы бездѣйствія, принять мѣры къ тщательному леченію. Поэтому онъ уѣхалъ въ Кіевъ и, занятый заботами о своемъ здоровьѣ, оставался здѣсь до весны слѣдующаго года, когда, какъ сейчасъ увидимъ, при первыхъ звукахъ оружія, снова явился на театрѣ войны.

1774 годъ.

Наступалъ шестой годъ войны. Непреклонными пребывали обѣ стороны въ своихъ требованіяхъ и въ своей неуступчивости. Императрица, не смотря на опасное положеніе, въ которомъ находилась въ это именно время, не могла ничего уступить съ своей стороны потому, что выгоды Россіи слишкомъ положительно требовали пріобрѣтенія свободы дѣйствій со стороны Крыма и, въ тоже время, доступа къ морю для южныхъ областей. Война и чума истощили государство, и въ это же самое время вспыхнулъ опасный бунтъ Пугачева. Намѣренія молодаго короля Шведскаго казались подозрительными и не позволяли удалить войска отъ границъ Финляндіи; возстаніе Пугачева распространялось все болѣе и для его усмиренія нужно было посылать значительное число войскъ; наконецъ неудачный походъ противъ Турокъ требовалъ новыхъ усилій, дабы снова склонить на свою сторону перевѣсъ войны, сдѣлавшійся сомнительнымъ. Такимъ образомъ, угрожаемая или занятая со многихъ сторонъ, тревожимая всякаго рода заботами и внутренно немало огорченная, императрица по наружности всегда являла, однако, спокойную осанку и неомраченное чело, свойственныя душѣ, стоящей выше всѣхъ неудачъ, ибо, въ сознаніи собственной силы, была увѣрена, что подъ конецъ будетъ повелѣвать счастіемъ. И тѣмъ самымъ, что она ни въ чемъ не отчаявалась, она и довела всѣ свои предпріятія до конца.

Но, полупрося, полуприказывая, она требовала отъ фельдмаршала даровать наконецъ государству желанный миръ, что̀ для него было возможно повтореніемъ Кагула и Ларги. А чтобы для этого не было недостатка въ средствахъ, ему были посланы всѣ свободныя войска, какія только были внутри Россіи, и этимъ армія его усилена до 50,000 человѣкъ. «Только одного рѣшительнаго похода потребно,—писала ему императрица,—для того, чтобы принудить утомленнаго непріятеля къ окончательной уступчивости; пусть онъ (фельдмаршалъ) совершитъ его и заблаговременно приметъ для того свои мѣры».

Новое обстоятельство усилило надежду на миръ. Непреклонный султанъ Мустафа умеръ (9-го января 1774 г.), и ему наслѣдовалъ непохожій на него братъ Абдулъ-Хамидъ. Съ дѣтства заключенный въ сералѣ и уже достигшій пожилаго возраста, онъ зналъ о свѣтѣ и людяхъ только то, что̀ до него, въ тѣсныхъ стѣнахъ дворца, дохо-

дило чрезъ женщинъ, невольниковъ и евнуховъ. Слабый и умомъ, и душою, возросшій въ непрестанной боязни и въ отупляющей лѣни, и незнакомый съ дѣлами государственными, онъ мало былъ способенъ твердою рукою держать бразды правленія. Послѣ первыхъ порывовъ радости—быть наконецъ избавлену отъ стѣсненій и заботъ, цѣлую жизнь тяготившихъ его, онъ вскорѣ снова погрузился въ свою неподвижную бездѣятельность, предоставилъ правленіе визирю, а для себя избралъ покой и наслажденія гарема. Этому-то женоподобному человѣку предстояла Екатерина, великая жена, одаренная мужественною душою: могъ-ли исходъ войны, независимо отъ другихъ причинъ, долго быть сомнительнымъ?

Фельдмаршалъ Румянцовъ, желая исполнить ожиданія императрицы и новыми побѣдами заставить забыть неудачи прошлогоднего похода, положилъ снова перейти черезъ Дунай и на правомъ берегу его искать того рѣшенія, которое должно было доставить желаемый миръ. И для этого похода также онъ принялъ, въ главномъ основаніи, неудавшійся въ прошломъ году планъ, именно—начать осадою обѣихъ крѣпостей, Силистріи и Рущука, а между тѣмъ особымъ отрядомъ наблюдать за великимъ визиремъ въ Шумлѣ. Вслѣдствіе того правое крыло, силою около 10,000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Ивана Петровича Салтыкова, должно было обложить Рущукъ; онъ самъ съ центромъ, силою въ 12,000 челов., хотѣлъ перейти у Гуробала и обложить Силистрію, наконецъ генералы Каменскій и Суворовъ, съ 14,000 челов., должны были двинуться чрезъ Базарджикъ къ Шумлѣ и удерживать тамъ визиря.

Этого плана, заключавшагося въ томъ, чтобы съ самаго начала, прежде нежели приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, пріобрѣсть твердое основаніе на Дунаѣ, порицать нельзя, развѣ только можно было бы сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія касательно распредѣленія силъ. При этомъ возникаетъ вопросъ, что̀ могъ сдѣлать фельдмаршалъ и что̀ онъ сдѣлалъ?

При владѣніи Молдавіею, Валахіею и Бессарабіею, находившимися тогда во власти Русскихъ, наступательныя дѣйствія противъ Порты могли быть произведены двоякимъ образомъ: или совершенно правильно, систематически, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ и постепенно тѣсня непріятеля, или-же быстрыми и рѣшительными дѣйствіями противъ столицы.

Въ первомъ случаѣ, для пріобрѣтенія прочнаго основанія дѣйствій, нужно было прежде овладѣть крѣпостями на Дунаѣ. Изъ нихъ только Виддинъ, Рущукъ, Силистрія, Браиловъ и Измаилъ могли

оказать упорное сопротивленіе. Измаилъ и Браиловъ были уже въ рукахъ Русскихъ; Виддинъ, лежавшій далеко въ сторонѣ, не могъ поэтому имѣть большаго вліянія на ходъ дѣйствій; и такъ оставались только Рущукъ и Силистрія. Овладѣвъ ими, можно было совершенно безопасно направиться къ Варнѣ и Шумлѣ, этимъ ключамъ входовъ въ Балканскія горы, а по покореніи ихъ, легко уже было открыть себѣ путь чрезъ горы, дабы затѣмъ продолжать рѣшительныя дѣйствія противъ Адріанополя и Константинополя.

Во второмъ случаѣ, дабы быстрыми ударами устрашить и поколебать непріятеля, обладаніе Силистріею было также важно для безопаснаго наступленія въ Булгаріи, чтобы, на всякій возможный случай, обезпечить себѣ отступленіе, которое легко могло быть угрожаемо изъ этой крѣпости. Но затѣмъ уже потребны были рѣшительныя дѣйствія, и прежде всего противъ Шумлы, гдѣ находился великій визирь съ главными силами, или для того, чтобъ овладѣть этимъ, очень сильнымъ отъ природы, но тогда еще не столько, сколько позже, искуственно укрѣпленнымъ пунктомъ, или же для того, чтобы избавиться отъ непріятельской арміи на все остальное время похода, однимъ изъ тѣхъ оглушительныхъ ударовъ, дѣйствіе которыхъ, особенно на Турокъ, всегда такъ несомнѣнно. Тогда, одержавъ такую побѣду, легко уже было перешагнуть черезъ Балканы и безъ труда вынудить у устрашеннаго султана желаемый миръ.

Румянцовъ избралъ первый планъ, менѣе блистательный, но болѣе безопасный, однако подвергъ себя при этомъ нѣкоторой опасности, потому что, при малочисленности силъ своихъ, предпринялъ слишкомъ много заразъ, и въ одно и тоже время хотѣлъ покорить Силистрію и Рущукъ, и удерживать великаго визиря въ Шумлѣ. Но покорить разомъ двѣ такія крѣпости, какъ Силистрія и Рущукъ, имѣвшія значительное число жителей и сильные гарнизоны, и особенно—обороняемыя Турками, притомъ покорить ихъ сравнительно слабѣйшими корпусами войскъ, было не такъ-то легко, а потому сообразнѣе съ цѣлью было бы взять ихъ одну за другою. Послѣдствія оправдали это замѣчаніе, потому что, хотя русскія войска простояли болѣе двухъ мѣсяцовъ передъ этими крѣпостями, однако, при заключеніи мира, не было еще ни малѣйшаго вида на скорую сдачу ни той, ни другой.

Кто располагаетъ большими силами, можетъ предпринимать многое заразъ, но при незначительныхъ силахъ нужно, чтобы такихъ предпріятій было какъ можно менѣе. Отряды, посланные къ Силистріи и Рущуку, были слишкомъ слабы для дѣятельной осады этихъ

большихъ крѣпостей, но слишкомъ сильны для одного только блокированія ихъ, между тѣмъ, какъ отрядъ, посланный противъ великаго визиря, съ трудомъ могъ бы быть достаточно сильнымъ для выдержанія рѣшительной атаки послѣдняго. Поэтому, при такомъ распредѣленіи силъ, легко было подвергнуться неудачѣ, а она могла, какъ въ прошломъ году, имѣть послѣдствіемъ и неудачу всего похода.

Къ счастію для фельдмаршала, великій визирь Мухсинъ-Заде-Мехеметъ былъ слабый, нерѣшительный, бездѣятельный старикъ, ничего не предпринимавшій, ни на что не отваживавшійся, но, какъ бы прикованный къ одному и тому же мѣсту, не смотря на все, что происходило вокругъ, оставававшійся неподвижнымъ, даже до того, что подъ конецъ дозволилъ небольшому отряду обложить себя въ своей позиціи при Шумлѣ. Знаніе такого его характера, можетъ быть, и побудило фельдмаршала къ столькимъ предпріятіямъ заразъ, въ убѣжденіи, что, со стороны такого боязливаго предводителя арміи, ему нечего было опасаться какихъ-либо важныхъ препятствій къ исполненію своихъ намѣреній.

Въ апрѣлѣ Суворовъ, произведенный въ это время въ генералъ-поручики, снова явился въ армію и получилъ начальство надъ корпусомъ войскъ, силою въ 6,000 человѣкъ, стоявшимъ въ Слободзеѣ на р. Яломицѣ. Онъ долженъ былъ перейти съ нимъ черезъ Дунай у Гирсова и соединиться съ Каменскимъ, который, съ другимъ корпусомъ въ 8,000 чел., уже прежде двинулся отъ Измаила къ Бабадагу; соединившись, оба должны были вмѣстѣ идти къ Шумлѣ.

Каменскій, пробывъ нѣкоторое время въ Бабадагѣ, выступилъ оттуда въ послѣднихъ числахъ мая, и 1-го іюня прибылъ въ Мусабей, гдѣ однако не нашелъ, какъ надѣялся, Суворова. Послѣдній, неохотно, кажется, видѣвшій себя подчиненнымъ другому, лишь немногимъ старшему, генералу, не слишкомъ спѣшилъ соединиться съ нимъ. А именно, переправясь 16-го мая у Гирсова, онъ двинулся вверхъ по правому берегу Дуная чрезъ Рассевату къ Кайнарджи. Здѣсь онъ получилъ строгое приказаніе Каменскаго немедленно присоединиться къ нему. Онъ не смѣлъ долѣе медлить повиновеніемъ и потому тотчасъ выступилъ и двинулся усиленными переходами къ Базарджику, гдѣ и соединился съ Каменскимъ $^{8}/_{19}$ іюня. Затѣмъ оба вмѣстѣ двинулись къ Козлуджи, но здѣсь неожиданно наткнулись на непріятеля.

Послѣ долгихъ колебаній, великій визирь рѣшился наконецъ сдѣлать поискъ къ Гирсову, дабы отнять у Русскихъ этотъ важный

пунктъ на правомъ берегу Дуная; исполненіе этого было возложено на агу янычаръ и на мужественнаго рейсъ-эфенди Абдюръ-Резака. Съ 40,000 войскъ и значительнымъ артиллерійскимъ паркомъ выступили они изъ Шумлы и прибыли въ Козлуджи въ тотъ самый день, когда Русскіе выступили изъ Базарджика. Ни Русскіе, ни Турки не знали, что находятся по близости одни отъ другихъ. Ихъ раздѣлялъ густой лѣсъ Деліорманъ, чрезъ который вела только одна узкая тропинка. На ней-то $^{11}/_{22}$ іюня рано утромъ нечаянно встрѣтились легкія войска обѣихъ сторонъ, и вслѣдъ затѣмъ завязался упорный бой. Русскіе, имѣвшіе впереди только одну кавалерію, послѣ жаркаго дѣла, были опрокинуты непріятельскимъ авангардомъ, состоявшимъ, кромѣ конницы, изъ нѣсколькихъ тысячъ отчаянныхъ Албанцевъ; три баталіона, поспѣшившіе на помощь, имѣли одинаковую участь. Подъ конецъ, при выходѣ изъ лѣсу, когда князь Мачипеловъ подоспѣлъ еще съ двумя полками, Русскимъ удалось сильнымъ огнемъ своимъ сначала остановить Албанцевъ, а потомъ и принудить ихъ къ отступленію. Суворовъ, съ своею обычною дѣятельностью спѣшившій всюду, гдѣ опасность была значительнѣе, лично распоряжался здѣсь боемъ, но, заѣхавъ слишкомъ далеко впередъ, лишь съ трудомъ избѣжалъ сабель гнавшихся за нимъ спаговъ.

Замолкъ наконецъ огонь, и когда пороховой дымъ нѣсколько разсѣялся, Суворовъ бросился съ княземъ Мачипеловымъ снова впередъ, для наблюденія за дальнѣйшими движеніями Албанцевъ. Увидавъ, что они находятся въ полномъ отступленіи, онъ приказалъ войскамъ немедленно двинуться впередъ для преслѣдованія ихъ. Дорога въ лѣсу была узка и слѣдованіе по ней крайне затруднительно, тѣмъ болѣе, что тѣла Турокъ, убитые упряжные волы и повозки съ разными шанцовыми принадлежностями затрудняли его еще болѣе; кромѣ того зной былъ такъ силенъ, что многіе солдаты умирали отъ изнеможенія.

Генералъ Лёвисъ съ 3,000 казаковъ и гусаръ слѣдовалъ въ головѣ колонны, но не только не могъ много вредить Албанцамъ, а напротивъ самъ былъ часто вынуждаемъ искать защиты у слѣдовавшей за нимъ пѣхоты. Такъ въ безпрерывномъ бою, тѣсня предъ собою Турокъ, 7 верстъ шли войска лѣсомъ. Наконецъ они достигли выхода изъ него, мѣстность сдѣлалась болѣе открытою и пошедшій дождь возстановилъ истощенныя силы солдатъ, а для Турокъ, въ ихъ широкихъ одеждахъ, напротивъ былъ очень обременителенъ. Но едва Русскіе вышли изъ лѣсу въ открытое поле, какъ

увидали передъ собой все непріятельское войско, выстроенное на высотѣ, и были встрѣчены огнемъ многихъ батарей. Быстро построили они пять кареевъ въ одну линію, съ кавалеріею на флангахъ, и скорымъ шагомъ двинулись на высоту (11). Турки съ своей стороны двинулись имъ на встрѣчу и вскорѣ завязался жестокій бой. Правый флангъ Русскихъ легко отразилъ атаки Турокъ, но тѣмъ упорнѣе былъ бой на лѣвомъ. Нѣсколько разъ бросались впередъ янычары: съ ятаганомъ въ одной рукѣ и съ ружьемъ въ другой, какъ бѣшеные врывались они въ нѣкоторыя каре, но безъ успѣха, потому что погибали подъ штыками внутреннихъ резервовъ. Послѣ многократныхъ, но безуспѣшныхъ атакъ, отъ которыхъ впрочемъ и Русскіе терпѣли большой уронъ, Турки уступили имъ наконецъ поле сраженія и искали спасенія въ бѣгствѣ.

Казаки и гусары преслѣдовали ихъ, рубили и кололи всѣхъ, кого только успѣвали догнать; пѣхота слѣдовала за ними въ сомкнутыхъ кареяхъ. Взойдя на высоту, Русскіе увидѣли въ лощинѣ за нею, близъ небольшаго городка Козлуджи, лагерь турецкаго войска. Только 10 орудій могли послѣдовать за быстрымъ движеніемъ русскихъ войскъ, и Суворовъ немедленно направилъ огонь ихъ противъ этого лагеря.

Здѣсь господствовало между тѣмъ величайшее смятеніе. Тщетно рейсъ-эфенди пытался остановить бѣгущихъ и стать въ главѣ ихъ. «Ты на конѣ, а мы пѣшіе»—кричали они ему,—«пойдетъ плохо, ты спасешься, а мы погибнемъ».—«Сохрани меня Богъ,»—возражалъ Абдюръ-Резакъ,—«чтобъ я васъ покинулъ; если хотите, и я съ вами буду драться пѣшкомъ». Но исполненные страха или бѣшенства, они мало внимали его словамъ, а одинъ въ изступленіи даже выстрѣлилъ въ него изъ ружья. Шумъ и тревога увеличиваются, никто не слушаетъ болѣе приказаній начальниковъ; Турки даже убиваютъ другъ друга какъ бѣшеные, или заботятся только о спасеніи самихъ себя. Одни рубятъ постромки у орудій, чтобы спасаться на упряжныхъ лошадяхъ, другіе стрѣляютъ во всадниковъ, дабы отнять у

---

(11) Боевой порядокъ Русскихъ: на крайнемъ правомъ флангѣ подполковникъ Любимовъ съ 3 эск. гусаръ и 1 казачьимъ полкомъ,—отъ него влѣво, въ той же линіи къ лѣвому флангу, карея: подполковника барона Ферзена, г. м. Милорадовича, г. м. Озерова, бригадира князя Мачипелова и наконецъ подполковника фонъ-деръ-Реке; каждое каре состояло изъ двухъ баталіоновъ; остальная кавалерія, подъ начальствомъ Лёвиса, находилась на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. 2,000 Арнаутовъ очищали лѣсъ назади отъ разсѣявшихся Турокъ. Число всѣхъ войскъ, безъ Арнаутовъ, простиралось почти до 8,000 чел.; остальныя были еще назади.

нихъ лошадей: вездѣ шумъ, смятеніе и бѣгство. Въ это время Русскіе являются на высотѣ и ядра ихъ ложатся въ лагерь. Тогда ничто уже не въ силахъ удержать устрашенныхъ мусульманъ: бросивъ палатки, орудія и весь свой богатый обозъ, всѣ и каждый помышляютъ только о личной безопасности. Одни спасаются чрезъ Праводы въ горы, другіе въ лагерь при Шумлѣ, остальные разсѣялись по другимъ дорогамъ.

Бой начался поутру, цѣлый день Русскіе шли или сражались, и солнце склонялось уже къ захожденію, когда они наконецъ радостно вступили побѣдителями въ богатый, разукрашенный турецкій лагерь, въ которомъ уже не встрѣтили сопротивленія. Непомѣрна была добыча, взятая ими здѣсь. Но Суворовъ, никогда не успокоивавшійся, пока оставалось еще что довершить, съ кавалеріею и частію пѣхоты до ночи продолжалъ преслѣдовать Турокъ, чтобъ не дозволять имъ нигдѣ останавливаться.

Таковъ былъ бой при Козлуджи, въ которомъ Суворовъ, въ соединеніи съ Каменскимъ, одержалъ побѣду надъ рейсъ-эфенди и агою янычаръ. Начатый при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ кончился полнымъ пораженіемъ Турокъ, которые потеряли до 3,000 человѣкъ убитыми и ранеными, 30 орудій, 80 знаменъ и весь свой богатый лагерь. Единственный въ этомъ походѣ, онъ ускорилъ рѣшеніе его, потому что бо́льшая часть турецкихъ войскъ разсѣялась, оставшіяся же въ Шумлѣ, упавъ духомъ, обнаруживали мало охоты еще разъ помѣряться съ Русскими. Отъ этого-то Каменскому и удалось теперь запереть великаго визиря въ Шумлѣ, а визирь даже не пытался съ оружіемъ въ рукахъ возстановить свои отрѣзанныя сообщенія.

Этотъ бой былъ также и послѣднимъ въ этой войнѣ, въ которомъ принималъ участіе Суворовъ. Совершенныя имъ усилія изнурили еще слабое здоровье его и принудили его снова покинуть армію ([12]). Онъ уѣхалъ въ Букарестъ.

---

(12) Такъ обыкновенно показываютъ жизнеописанія Суворова. Но бросается въ глаза то, что Суворовъ, вслѣдствіе простаго и суроваго образа жизни своей пользовавшійся всегда превосходнымъ здоровьемъ, въ этихъ первыхъ походахъ такъ часто по болѣзни уѣзжалъ изъ арміи. Кромѣ вліянія мѣстнаго климата, тутъ была еще другая причина—несогласія съ начальниками, потому, что Суворовъ, когда дѣло не допускало отлагательства, безъ дальняго размышленія многое принималъ на себя, за что потомъ былъ призываемъ къ отвѣту. Такъ и здѣсь настоящею причиною удаленія его изъ арміи были, кажется, несогласія его съ Каменскимъ. Мы видѣли уже выше, какъ Суворовъ медлилъ по возможности долѣе соединиться съ нимъ, а бой при Козлуджи

Война приняла между тѣмъ счастливый оборотъ. Салтыковъ обложилъ Рущукъ, фельдмаршалъ—Силистрію, Каменскій же, послѣ побѣды при Козлуджи, двинулся къ Шумлѣ. Но великій визирь не трогался изъ своей крѣпкой позиціи. Тщетно Каменскій, слишкомъ слабый для штурма укрѣпленнаго лагеря, старался всякаго рода движеніями выманить визиря въ открытое поле и сразиться съ нимъ. Мухсинъ-Заде-Мехеметъ, не смотря на всѣ демонстраціи Русскихъ, оставался неподвижнымъ. Видя тщетность маневрированія, Каменскій положилъ отрѣзать ему подвозы. Русскія войска двинулись влѣво по высотамъ вокругъ Шумлы и заняли всѣ ведущія въ нее дороги; но какъ, при малочисленности своей, распространеніемъ своимъ влѣво они подвергались опасности потерять собственныя сообщенія, то это движеніе и было произведено съ большою осторожностью. Великій визирь все-таки оставался неподвижно въ своемъ

не совсѣмъ-то могъ увичтожить ихъ несогласія. Суворовъ со всею кавалеріею двинулся впередъ въ лѣсъ, въ которомъ не ожидали встрѣтить непріятеля. Но здѣсь внезапно наткнулись на авангардъ турецкихъ войскъ, состоявшій изъ храбрыхъ Албанцевъ. Русская кавалерія въ закрытой лѣсной мѣстности была очевидно въ невыгодномъ положеніи и потому съ урономъ опрокинута изъ лѣсу. Подоспѣвшая пѣхота удержала Албанцевъ и вогнала ихъ обратно въ лѣсъ, послѣ чего бой и продолжался такъ, какъ описано выше. Движеніе впередъ съ кавалеріей произошло безъ вѣдома Каменскаго, который, какъ старшій, былъ этимъ очень недоволенъ, и хотя въ продолженіе боя Суворовъ оказалъ опыты величайшихъ мужества, дѣятельности и присутствія духа, однако это не могло удовлетворить вспыльчиваго, раздражительнаго Каменскаго. Вслѣдствіе произшедшаго изъ-за этого раздора, кажется, Суворовъ и уѣхалъ изъ арміи. Двѣ такія горячія головы не могли ужиться вмѣстѣ.—Переводчикъ Veterani's Feldzügen (Dresden 1788), принцъ Вальдекскій, участвовавшій въ этомъ походѣ волонтеромъ, положительно утверждаетъ (примѣч. на стр. 52), что русская кавалерія въ Деліорманскомъ лѣсу слѣдовала въ головѣ войскъ противъ воли Каменскаго и, послѣ получасоваго марша по четыре въ рядъ (шире этого идти было невозможно), наткнулась на турецкій авангардъ и была опрокинута имъ. (Авторъ).

Говоря совершенно безпристрастно, Каменскій въ этомъ случаѣ былъ вполнѣ правъ, а Суворовъ отъ начала до конца—неправъ. Медленіе его соединеніемъ съ Каменскимъ и особенно движеніе его со всею кавалеріею въ головѣ войскъ черезъ густой и длинный лѣсъ, съ одной тропинкой, единственно вслѣдствіе его запальчивости, по истинѣ непростительны. Справедливо говоритъ Смиттъ, что онъ часто многое принималъ на себя. Извѣстно, что Румянцовъ принялъ его въ Букарестѣ очень неласково и, хотя не предалъ его суду, но и не удержалъ въ арміи, а уволилъ въ отпускъ. Полковникъ Саковичъ, въ вышеупомянутой статьѣ своей: Дѣйствія Суворова въ Турціи въ 1773 году, на стр. 60-й, говоритъ, что въ 1774 году, послѣ боя при Козлуджи, Румянцовъ былъ дѣйствительно въ негодованіи на Суворова, за его несогласія съ Каменскимъ (Редак.).

лагерѣ. Не то было съ его войсками: съ началомъ недостатка въ продовольствіи, они начали разбѣгаться, прежде по одиночкѣ, потомъ по нѣскольку и наконецъ толпами. Тропинками бѣжали они чрезъ Эски-Стамбулъ и Джумаю въ горы и распространили уныніе и смятеніе въ ближайшихъ областяхъ. Вскорѣ Русскіе отрѣзали великому визирю и главный путь его сообщеній—Константинопольскую дорогу. Нужда въ Шумлѣ усиливалась, визирь упалъ духомъ, а между тѣмъ ему стоило только рѣшиться, чтобы легко прорвать растянутое расположеніе Русскихъ. Но у него не было духа на это: внушаемый только своимъ малодушіемъ и отчаяваясь въ своемъ спасеніи, онъ просилъ перемирія. Но Румянцовъ хотѣлъ только мира. Гордость Турокъ должна была смириться и ихъ уполномоченные явились въ лагерѣ русскаго фельдмаршала при Кучукъ-Кайнарджи. Переговоры длились недолго. Турки не смѣли, а Румянцовъ не хотѣлъ дѣлать затрудненій. Онъ предложилъ имъ тѣже условія, что́ и прежде въ Букарестѣ, и 10 (21) іюля, въ тотъ самый день, въ который за 63 года передъ тѣмъ заключенъ былъ Прутскій миръ ([13]), въ палаткѣ фельдмаршала былъ подписанъ мирный договоръ, столь выгодный, что даже всѣ блистательныя побѣды 1770 года не могли бы привести къ заключенію его. Но въ это время Мустафы уже болѣе не было, Абдулъ-Хамидъ былъ слабый старикъ, великій визирь —устрашенъ, Турки—утомлены войною, а въ виду не было никакой надежды побѣдить храбрыхъ противниковъ ихъ. Этимъ мирнымъ договоромъ императрица достигла того, чего желала: независимости Крыма, уступки Кинбурна, Азова, Керчи и Еникале, и свободнаго плаванія по Черному морю. Первый и важнѣйшій шагъ къ поколебанію страшнаго еще могущества Османовъ былъ совершенъ.

Такъ кончилась эта продолжительная война. Предпринятая съ полною надеждой ослабить и унизить Россію, она послужила только къ проявленію могущественныхъ средствъ ея и къ пріобрѣтенію ею новой славы. Желавшіе унизить Россію были сами унижены—обыкновенное слѣдствіе всѣхъ предпріятій, проистекающихъ не изъ справедливости, но изъ гордости и дипломатической мудрости. Тщетно помышляютъ исполненные мечтаній государственные люди завладѣть ходомъ судьбы и склонять, направлять ее по своимъ желаніямъ: твердо идетъ она своимъ мѣрнымъ шагомъ впередъ и же-

---

(13) Собственно прутскій мирный договоръ подписанъ 12 (23) іюля 1711 года.

лѣзною пятою своею прежде всѣхъ сокрушаетъ мнимыхъ руководителей. Политика созидаетъ обширные планы, многіе годы трудится надъ исполненіемъ ихъ—одно мгновеніе разрываетъ ихъ, какъ паутину. Такова слабость человѣческой мудрости! Ей дано только—изъ прошедшаго научаться, какъ постигать настоящее, и быть готовою идти на встрѣчу будущему, дабы разумно пользоваться всѣмъ, что́ бы оно ни принесло съ собою. Такова всегда была политическая мудрость всѣхъ великихъ людей. Никогда не созидали они обширныхъ плановъ на будущее время—одно дуновеніе низпровергаетъ ихъ; они довольствовались тѣмъ, что искусно извлекали всѣ возможныя выгоды изъ событій и изъ того, что они приносили съ собою. Они постигали свое время и духъ его, и подъ часъ шли впереди его, подъ часъ задерживали его. Смотря по обстоятельствамъ, они измѣняли тогда свои замыслы и свои планы. Фридрихъ Великій откровенно сознался въ этомъ императору Іосифу. Но послѣдній, воспитанный въ другой школѣ, не хотѣлъ ему вѣрить, по крайней мѣрѣ находилъ его мнѣніе весьма страннымъ. «Я много разсуждалъ съ королемъ Прусскимъ,» говорилъ онъ французскому посланнику Бретёлю ([14]), «я имѣлъ даже порученіе говорить съ нимъ; я все нашелъ въ немъ геніяльнымъ, но былъ очень удивленъ, услыхавъ отъ него, что онъ никогда не имѣлъ плана похода и не менѣе презираетъ всякую политическую прозорливость, что онъ и въ войнѣ поступаетъ какъ въ политикѣ, то есть—сообразно съ обстоятельствами и съ тѣмъ направленіемъ, какое принимаютъ его противники.» Въ то время Іосифъ находилъ это мнѣніе страннымъ; въ наше время оно уже не кажется такимъ, и почти всѣ великіе люди прежде и послѣ Фридриха выражались подобнымъ же образомъ.

Эта война прославила императрицу Екатерину, которая вела ее съ твердостью, и Румянцова, который управлялъ ею съ мудростью и силою. Сраженіе при Кагулѣ всегда останется лучшею его славою. Но и другіе подчиненные генералы явили искуство и дарованія, особенно храбрый Вейсманъ, Репнинъ, Василій Долгорукій, покоритель Крыма, и Суворовъ. Послѣдняго мы въ первый разъ видимъ въ войнѣ съ Турками, ужасомъ которыхъ онъ сдѣлался впослѣдствіи: смѣлымъ, однако не безъ осторожности, предпріимчивымъ, но послѣ предварительной, тщательной обдуманности, всегда дѣятельнымъ и неутомимымъ, какимъ долженъ быть полководецъ

---

(14) См. Flassan, VI, стр. 40.

противъ Турокъ. Если онъ не совершилъ бо́льшаго, то виною были его начальники, не дозволявшіе ему этого, потому что еще не знали его достаточно для того, чтобы съ увѣренностью поручать ему начальствованіе болѣе значительными частями арміи. Только многократныя побѣды должны были пріобрѣсть ему довѣріе, а это послѣднее — средства къ одержанію новыхъ побѣдъ.

Военное искусство сдѣлало, въ теченіе пяти походовъ противъ Турокъ, многіе успѣхи. Минихъ употреблялъ большія каре: цѣлая армія образовала при немъ сначала только одно, а позже три каре. Понятно, какъ медленны и трудны долженствовали быть движенія войскъ. Голицынъ, во всемъ подражавшій Миниху, сохранилъ эти большія каре; армія его двигалась не иначе; тяжести и повозки шли въ серединѣ. Онъ сохранилъ и рогатки, какъ онѣ были прежде: на маршѣ нѣсколько солдатъ каждаго взвода должны были нести ихъ—еще другая помѣха подвижности и быстротѣ войскъ. Румянцовъ явился съ иными мыслями объ этомъ; отличный генералъ-квартирмейстеръ его, Бауеръ, образовавшійся въ семилѣтней войнѣ подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, поддерживалъ эти мысли его, и весь обычный доселѣ образъ дѣйствій противъ Турокъ былъ измѣненъ. Прежде всего Румянцовъ отмѣнилъ рогатки; солдатъ долженъ былъ полагать свою защиту только въ собственныхъ мужествѣ и хладнокровіи. Прежде рогатки считались необходимо нужными для удержанія перваго, страшнаго натиска Турокъ ([15]). Но опытъ доказалъ противное, и стойкость русскихъ войскъ ничего не потеряла отъ ихъ отмѣны. Неустрашимо встрѣчали они атаки турецкой конницы и еще болѣе страшныя—янычаровъ. Если тѣмъ и другимъ и удавалось иногда врываться въ русское каре, то на встрѣчу имъ немедленно спѣшилъ внутренній резервъ, который истреблялъ ворвавшихся и, ставъ въ прорванное пространство, возстановлялъ порядокъ.

Вторымъ, значительнымъ шагомъ впередъ было уменьшеніе величины каре. Еще геніяльный Варнери, издавшій въ 1771 году свое сочиненіе о Туркахъ и Русскихъ ([16]), былъ защитникомъ большихъ каре; однако беззащитность и неудободвижимость ихъ были слишкомъ очевидны для того, чтобы не повести къ измѣненію. Поэтому

---

(15) Самъ остроумный, хотя отчасти и односторонній Беренгорстъ видѣлъ въ нихъ единственное, испытанное средство противъ запальчивости Турокъ. См. Betrachtungen über die Kriegskunst. III. стр. 55 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

(16) Remarques sur le militaire des Turcs et des Russes. Breslau. 1771.

ихъ стали строить — все еще довольно большими — изъ нѣсколькихъ баталіоновъ, выводили изъ нихъ обозъ и устроивали изъ него вагенбургъ, а вмѣсто него ставили въ серединѣ каре внутренній резервъ; одно каре, большее нежели прочія, служило главнымъ резервомъ. Вмѣстѣ съ этимъ была соединена метода обходовъ. Такъ Румянцовъ при Ларгѣ, какъ бы для перваго опыта, имѣлъ пять малыхъ каре, поддержанныхъ однимъ большимъ; при Кагулѣ же—четыре малыхъ и одно большое, меньшее однако, нежели то, которое было при Ларгѣ. Всѣ каре строились въ *одну* линію, имѣя кавалерію въ промежуткахъ. Когда, въ сраженіи при Кагулѣ, армія двинулась на штурмъ укрѣпленій, то оба крайнія каре обошли непріятельскую линію и огнемъ своимъ стали поражать ее въ оба фланга и въ тылъ. Послѣдствіемъ этого была одна изъ блистательнѣйшихъ побѣдъ. Большихъ сраженій въ этой войнѣ послѣ того уже не было: Турки избѣгали ихъ и держались за своими укрѣпленіями. Однако были многія дѣла, въ которыхъ Русскіе, по мѣрѣ своихъ силъ, строили одно, два или болѣе каре, меньшихъ уже величиною—изъ двухъ баталіоновъ каждое; подъ Туртукаемъ же Суворовъ строилъ каре даже изъ отдѣльныхъ ротъ. Слабѣе этого ихъ никогда не строили и даже здѣсь это произошло только по недостатку войскъ.

Суворовъ, всегда побѣждавшій Турокъ съ небольшими силами, окончательно научилъ презирать ихъ, хотя презрѣнія заслуживали собственно не они сами по себѣ, но отсутствіе порядка и недостатокъ военной дисциплины между ними и разумнаго управленія и употребленія ихъ большихъ массъ, и наконецъ высокомѣріе, грубость и невѣжество ихъ предводителей. Таковы были причины ихъ пораженій. Всѣ европейскіе народы сдѣлали успѣхи въ военномъ искуствѣ, одни Турки остались въ томъ же состояніи, въ которомъ были въ 16-мъ и 17-мъ столѣтіяхъ, и кромѣ того до такой степени совершенно утратили воинственный духъ, нѣкогда уравновѣшивавшій многія ошибочныя учрежденія, что въ настоящую войну уже нельзя было найти ни малѣйшихъ признаковъ его.

Уже не фанатизмъ устремлялъ ихъ на войну, но жажда добычи была, казалось, единственнымъ нравственнымъ побужденіемъ ихъ. Добывать непріятельскія головы и назначенную за нихъ цѣну—такова была цѣль ихъ, но часто и причина ихъ пораженій, потому что, вмѣсто дальнѣйшаго преслѣдованія пріобрѣтенныхъ успѣховъ, они теряли время въ отрѣзываніи головъ. А если не видѣли передъ собой никакой надежды на добычу головъ, то не считали за стыдъ

бѣжать съ поля сраженія и сберегать себя для другаго случая. «Богу не угодно, чтобъ мы сегодня рѣзали невѣрныхъ», говорили они тогда, и каждый бѣжалъ такъ же скоро назадъ, какъ передъ тѣмъ впередъ.

Безгранично было невѣжество предводителей ихъ и равнялось развѣ только ихъ высокомѣрію. Возвышенные въ званіе предводителей изъ совершенно чуждыхъ ему занятій, они часто не имѣли ни малѣйшихъ слѣдовъ воинскихъ дарованій, что не мѣшало имъ однако считать себя великими полководцами. Они думали обойтись личнымъ мужествомъ, но и въ немъ слишкомъ часто былъ у нихъ недостатокъ. Тѣмъ болѣе головы ихъ были наполнены мыслями объ астрологіи и колдовствѣ. Мураджа д'Оссонъ увѣрялъ, что многія депеши изъ Константинополя къ визирю не заключали въ себѣ ничего иного, какъ только исчисленіе счастливыхъ дней и часовъ, предназначенныхъ астрологами какъ для нападенія, такъ и для обороны. Самъ падишахъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ ревнителей суевѣрія. Такъ, еще предъ началомъ войны, онъ просилъ у короля Прусскаго, чрезъ своего посланника, трехъ астрологовъ собственно для себя, такъ какъ, по мнѣнію его, Фридрихъ долженъ былъ имѣть самыхъ лучшихъ. Фридрихъ отвѣчалъ посланнику, «что его три астролога суть: тщательное изученіе государственной науки и военнаго искуства, хорошо устроенное войско и полная казна ([17])». Удовлетворилъ-ли этотъ отвѣтъ Мустафу? Кажется нѣтъ, потому что онъ и послѣ того, какъ и прежде, продолжалъ направлять всѣ свои дѣйствія по указаніямъ астрологовъ, однако нисколько не лучше прежняго. Столько-же, сколько астрологіей, головы этихъ избранниковъ бредили чародѣйствомъ, которое служило имъ къ объясненію по-своему всего того, чего они не понимали. Такъ одинъ плѣнный паша убѣдительно просилъ позволенія посмотрѣть одну изъ тѣхъ заколдованныхъ пушекъ, которыя, какъ онъ слышалъ, сами собою заряжались и стрѣляли, безъ всякаго содѣйствія людей. Эти варвары не умѣли иначе объяснить себѣ той быстроты, съ которою стрѣляло русское орудіе.

Подъ стать знатному невѣжеству предводителей была высокомѣрная самонадѣянность Турокъ нижнихъ чиновъ. «Они таскали за собою,—говоритъ одинъ очевидецъ,—большой артиллерійскій паркъ, въ которомъ каждое орудіе и прислуга при немъ были одинаково пло-

---

(17) **Dietz. Vorbericht zur Uebersetzung des Achmet Resmi Effendi, стр. 15 и дал.**

хи. Страшно поражаемые при каждомъ случаѣ русскою артиллеріею, они ничѣмъ инымъ не умѣли оправдываться, какъ жалобами на вѣроломство Русскихъ. «Они вполнѣ полагаются, говорили Турки, на превосходство своего огня, котораго дѣйствительно нельзя выдержать; но пусть только откажутся отъ него и, какъ храбрые воины, пойдутъ въ бой съ бѣлымъ оружіемъ въ рукахъ, тогда посмотримъ, могутъ-ли эти невѣрные устоять противъ острыхъ сабель правовѣрныхъ». Были между ними даже такіе сумасбродные фанатики, которые ставили въ укоръ Русскимъ то, что они нападали на Турокъ во время рамазана! Такъ говоритъ человѣкъ, въ свидѣтельствѣ котораго нельзя, кажется, сомнѣваться—баронъ фонъ-Тоттъ ([18]), тотъ самый, который долженъ былъ внести новую жизнь въ военное искуство Турокъ.

Они служили только опредѣленное время (отъ Георгіева дня до Димитріева, т. е. отъ 23-го апрѣля до 26-го октября), послѣ чего расходились по домамъ, нимало не заботясь о томъ, отпущены-ли они или нѣтъ. Такъ какъ они служили большею частію конными, то естественно не могли оставаться, когда наступало суровое время года и съ нимъ недостатокъ подножнаго корма для ихъ лошадей. Такимъ образомъ они часто самовольно покидали такіе важные пункты, которые незадолго передъ тѣмъ защищали съ необычайною храбростью (стóитъ вспомнить Хотинъ, Браиловъ и др.). Поэтому предводители ихъ не могли полагаться на нихъ и, слѣдовательно, исполнять съ ними опредѣленные планы. Малѣйшаго случая часто было достаточно, чтобы совершенно разсѣять ихъ: какое нибудь неожиданное событіе, поражающее извѣстіе или несчастный случай внезапно производили паническій страхъ, и тогда уже нечего было и думать объ удержаніи ихъ: многочисленное войско мигомъ разсыпалось, какъ будто его стерли съ лица земли.

Причуда вела ихъ на войну—и изводила изъ нея. Но они сражались тѣмъ лучше потому именно, что сражались только когда на то была охота. Ничто не могло сравниться съ бѣшенствомъ ихъ перваго натиска, слабѣе былъ второй, еще слабѣе слѣдующіе, пока наконецъ, потерявъ надежду на побѣду, они не обращались въ поспѣшное бѣгство.

Янычары при атакахъ, со множествомъ значковъ впереди, бросались на непріятеля въ густыхъ толпахъ, при чемъ задніе до того

---

(18) Mémoires sur les Turcs et les Tatars. III. 9 etc.

тѣснили переднихъ, что послѣдніе не могли ни остановиться, ни оборотиться. Впереди были отважнѣйшіе, за ними менѣе смѣлые и наконецъ вся толпа, какъ будто ожидавшая послѣдствій перваго удара, для того, чтобы, въ случаѣ удачи, ворваться вмѣстѣ съ передними, или поспѣшно обратиться назадъ, если встрѣчалось неожиданное сопротивленіе. Такъ какъ этотъ набѣгъ производился безъ всякаго порядка, то стрѣлять могли только передніе люди; тогда они брали ятаганъ въ правую руку, а ружье или кинжалъ, для отраженія ударовъ сабельныхъ или штыками, въ лѣвую, и бросались впередъ; задніе, закинувъ ружья черезъ плечо за спину, тѣснились за ними съ ятаганами въ рукахъ. Нерѣдко, когда руки у нихъ были заняты, они придерживали зубами свои широкіе шаравары, которые могли мѣшать имъ на бѣгу, и въ этомъ видѣ, похожіе на разъяренныхъ быковъ, по данному знаку пускались бѣжать съ страшнымъ ревомъ: Аллахъ! Аллахъ!—Горе было врагу, который не выжидалъ ихъ стойко и не встрѣчалъ ихъ хладнокровно.

Какъ ни безпорядочна была такая атака, какъ ни мало было въ ней искуства и общей связи, однако, по своей горячности и своему бѣшенству, она была очень опасна, если ей не противупоставлялось довольно неустрашимости и твердости. Неудача одной или другой толпы не удерживала другихъ, а если одной удавалось гдѣ нибудь прорваться, то всѣ горячо бросались за нею, и страшно разъигрывались тогда ихъ острые ятаганы, которыми они владѣли столь же проворно, сколько и ловко.

Для спаговъ ихъ не было непроходимой мѣстности, никакое препятствіе не удерживало ихъ; тамъ, гдѣ всякая другая конница остановилась бы и не отважилась бы идти далѣе, они проходили совершенно свободно: съ крутыхъ стремнистыхъ высотъ внизъ, на утесистыя горы и скалы вверхъ, сквозь кустарникъ и густой лѣсъ, словомъ—куда только могла ступить нога человѣческая, все было имъ доступно. Нигдѣ нельзя было считать себя безопасными отъ нихъ: часто, въ такихъ мѣстахъ, которыя почитались непроходимыми, они внезапно появлялись на флангахъ и въ тылу, сначала—по нѣскольку впереди, затѣмъ—разомъ сотни, и съ страшнымъ крикомъ бросались на изумленнаго непріятеля.

Какъ опасны были атаки Турокъ, такъ, напротивъ, слабо было ихъ сопротивленіе, когда они сами были атакуемы; легко было обратить ихъ въ бѣгство, и они скоро совершенно разсѣевались, если ихъ преслѣдовали настойчиво, но въ порядкѣ и осторожно. Но если они замѣчали, что преслѣдующій самъ пришелъ въ безпорядокъ, то

часто вдругъ останавливались, обращались назадъ и пытались вырвать побѣду изъ рукъ неосторожнаго побѣдителя. Если же, напротивъ, преслѣдующій былъ остороженъ, безпорядокъ между ними скоро становился общимъ и каждый старался, хотя бы цѣною жизни товарищей, только спасти собственную жизнь. Тогда пѣшіе не задумываясь убивали, если могли, конныхъ, чтобъ завладѣть ихъ лошадьми, а конные, по этой самой причинѣ, при первомъ признакѣ пораженія, скакали какъ можно скорѣе прочь, опасаясь болѣе своихъ, чѣмъ непріятелей. Покинутая же такимъ образомъ пѣхота затѣмъ легко была истребляема преслѣдовавшимъ непріятелемъ.

Первымъ слѣдствіемъ пораженія Турокъ была всегда потеря лагеря, обоза и артиллеріи, потому что гордость не допускала ихъ принимать мѣры предосторожности на случай неудачи: это подало бы видъ, какъ будто они не увѣрены въ успѣхѣ и страшатся исхода, а мусульманинъ не могъ допустить возможности быть разбитымъ. Палатки оставались, какъ стояли, ничто въ лагерѣ не трогалось, ни малѣйшихъ мѣръ не принималось къ скорѣйшему увозу тяжестей, и потому все это бывало потеряно, потому что, въ случаѣ пораженія, каждый помышлялъ только о личномъ спасеніи, нимало не заботясь о всемъ остальномъ. Какъ велика была ихъ самонадѣянность передъ боемъ, такъ великъ былъ и упадокъ духа ихъ послѣ неудачи: въ своемъ отчаяніи они бросали все и безъ малѣйшаго сопротивленія очищали обширныя пространства края.

Однако, если слабо было ихъ сопротивленіе въ открытомъ полѣ, гдѣ ничто не препятствовало ихъ бѣгству, тѣмъ стойче и упорнѣе оборонялись они въ крѣпостяхъ. «Рѣдко случается»,—говоритъ одинъ турецкій историкъ ([19]),—«чтобъ мусульманскій солдатъ, если онъ не заключенъ въ тѣсныя стѣны крѣпости, сражался со всею свойственною ему храбростью. Онъ бѣжитъ прочь, если видитъ, что кругомъ открыты пути къ спасенію.» «Но въ крѣпостяхъ, гдѣ «пути къ спасенію» не такъ-то открыты, онъ сражается съ невѣроятнымъ упорствомъ. Здѣсь не остается никакого другаго средства одолѣть его, какъ убить, потому что онъ защищается до тѣхъ поръ, пока въ немъ остается хоть одна искра жизни. Чувствительные филантропы довольно повопили по поводу кровопролитныхъ штурмовъ Русскихъ и говорили о жестокости и кровожадности. Еслибъ они хоть разъ были свидѣтелями сопротивленія Турокъ въ крѣпостяхъ,

---

(19) Вассифъ-эфенди, въ переводѣ Caussin de Perceval, стр. 243.

то скоро перемѣнили бы свое мнѣніе. При такихъ штурмахъ необходимо было или истребить непріятеля, или самимъ погибнуть: середины не было. Турокъ, привыкшій обращаться съ своими плѣнными самымъ жестокимъ образомъ, ожидалъ и себѣ отъ своихъ противниковъ такой же участи и предпочиталъ ей смерть. Такъ какъ гарнизоны состояли отчасти изъ мѣстныхъ жителей, то Турокъ вмѣстѣ съ крѣпостью защищалъ свое имущество, жену и дѣтей, словомъ—все, что̀ ему было дорого, и потому сражался съ храбростью отчаянія; даже женщины принимали участіе въ этомъ бою и сражались съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ и мужья ихъ. Тутъ пощада врагу была собственною гибелью.

Таковъ былъ врагъ ([20]), съ которымъ впервые сражался здѣсь Суворовъ,—врагъ, сильный врожденными воинственными качествами, но слабый по причинѣ невѣжества и неискуства. Суворовъ скоро вполнѣ убѣдился, что на такихъ противниковъ нужно было дѣйствовать только сильными ударами, поражающими воображеніе, потому что ими во всемъ руководили, не холодный, расчетливый разсудокъ, но страстность и мгновенное впечатлѣніе. И это убѣжденіе Суворова не осталось безплоднымъ. Мы скоро увидимъ, какъ онъ, болѣе свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, вторично выступилъ противъ Турокъ и нѣсколькими страшными ударами произвелъ на нихъ такое впечатлѣніе, которое даже длинный рядъ годовъ не могъ изгладить изъ ихъ воображенія.

Вторымъ правиломъ, которое Суворовъ извлекъ изъ этой войны съ Турками, было то, чтобы никогда не дѣйствовать оборонительно, но, каково бы ни было превосходство силъ ихъ, смѣло идти имъ на встрѣчу. Атакующій ихъ имѣетъ уже на своей сторонѣ половину побѣды, но кто выжидаетъ ихъ — уже полуразбитъ. Страхъ непріятеля вселяетъ въ нихъ мужество, но смѣлость его лишаетъ ихъ онаго,—и ниразу въ своихъ позднѣйшихъ походахъ Суворовъ не выжидалъ ихъ нападенія. Мы скоро увидимъ, какое вліяніе эта система имѣла на его войска, равно какъ и на непріятеля; одно только хотимъ замѣтить здѣсь, что со времени его побѣдъ начинается рѣшительный перевѣсъ Русскихъ надъ Турками.

Если бросимъ взглядъ назадъ, то увидимъ, что эта война положила

---

(20) Мы изобразили здѣсь Турокъ такими, какими они были въ то время, когда противъ нихъ сражался Суворовъ; съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, особенно со времени нововведеній султана Махмуда.

начало послѣдующему, все болѣе и болѣе глубокому паденію Турціи. Робко начали эту войну Русскіе: воспоминаніе о Прутѣ тяготѣло еще надъ умами; но скоро они ободрились. Однако завоеваніе Молдавіи и Валахіи казалось уже большимъ успѣхомъ, побѣда надъ Турками—важнымъ дѣломъ, а переходъ чрезъ Дунай—такимъ необычайнымъ событіемъ, что императрица признала его достойнымъ поводомъ пожаловать своему фельдмаршалу почетное прозваніе. Дунай вообще былъ раздѣльной чертою между обѣими противными сторонами и только въ двухъ послѣднихъ походахъ Русскіе пытались утвердиться за Дунаемъ. Но это возбудило вниманіе всѣхъ кабинетовъ. Въ первыхъ трехъ походахъ цѣлію было обезпечить себѣ обладаніе Молдавіею, Валахіею и Крымомъ, въ послѣднихъ же двухъ—вынудить миръ. Борьба сосредоточивалась вокругъ трехъ укрѣпленныхъ пунктовъ, Рущука, Силистріи и Шумлы, далѣе которыхъ Русскіе не переступали. Обложеніе великаго визиря въ послѣднемъ пунктѣ привело къ миру, предуготованному уже частыми пораженіями Турокъ. Условіями его были независимость Татаръ и уступка небольшихъ крѣпостей, обезпечивавшихъ Русскимъ свободное плаваніе по Черному морю. Попытка освободить Грековъ не удалась, потому что они еще не созрѣли для свободы.

Съ этого времени, каждая слѣдующая война подвигала Русскихъ шагомъ впередъ, и къ чему они стремились прежде, то было исполнено ими позже. Нашему времени суждено было видѣть паденіе послѣднихъ, внушавшихъ страхъ, оплотовъ Османовъ. Румянцовъ, своими переходами черезъ Дунай, показалъ ничтожность этой преграды; Потемкинъ и Суворовъ доказали, что Турки, даже за стѣнами своихъ крѣпостей, не въ состояніи были противустоять храбрости Русскихъ; младшій Каменскій перенесъ театръ войны въ Булгарію, а Дибичъ, превзошедшій ихъ всѣхъ, разрушилъ вѣру въ оплотъ Балкановъ. Въ одинъ походъ, явившій столько же осторожности, сколько силы и смѣлости, провелъ онъ русскія войска отъ покоренныхъ стѣнъ Силистріи чрезъ этотъ хребетъ въ равнины Румеліи, водрузилъ русскія знамена въ Адріанополѣ и предписалъ миръ подъ самыми стѣнами гордаго Стамбула.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПУГАЧЕВСКІЙ БУНТЪ.—СУВОРОВЪ ПРОТИВЪ ПУГАЧЕВА.

1774—1775.

Пугачевскій бунтъ.—Суворовъ посланъ противъ Пугачева.—Причины возстанія.—Яицкіе казаки.—Причины ихъ неудовольствія,—открытое сопротивленіе.—Пугачевъ является между ними.—Исторія его жизни до того.—Успѣхи бунтовщиковъ.—Жестокости ихъ.—Обманы Пугачева.—Бибиковъ назначенъ противъ него.—Смерть Бибикова.—Подполковникъ Михельсонъ.—Пораженіе мятежниковъ.—Суворовъ принимаетъ преслѣдованіе ихъ.—Уральская степь.—Движеніе Суворова по ней.—Выдача и казнь Пугачева.—Суворовъ совершенно усмиряетъ мятежъ.

Смуты въ Польшѣ были подавлены, гордость Порты сломлена, внѣшнее значеніе Россіи упрочено, границы ея выгодно расширены и округлены, и пріобрѣтено новое приращеніе ея славы, могущества и значенія, но въ тоже время жизнь государства подтачивалъ внутренній червь—опустошительный бунтъ. Чего не могли достигнуть происки Шуазёля, польскія конфедераціи и всѣ усилія Мустафы, то совершилъ простой казакъ: онъ поколебалъ престолъ Екатерины.

Безпокойства, возженныя Пугачевымъ, отъ небольшаго начала со дня на день возрастали подобно горному потоку и наконецъ сдѣлались крайне грозными. Потребовались самыя рѣшительныя мѣры, чтобы положить предѣлъ опустошеніямъ этого бунтовщика: уже обширная полоса цвѣтущихъ областей была обращена имъ въ пустыню, ужасно опустошенную огнемъ и мечомъ, убійствомъ и грабежомъ, и всѣми бѣдствіями, какія только грубая, дикая орда можетъ внести въ образованную страну. Поэтому многіе полки были взяты изъ Молдавской арміи и поспѣшно посланы противъ мятеж-

никовъ; и Суворовъ, едва оправившійся отъ болѣзни, также получилъ приказаніе ѣхать въ Москву, къ князю Волконскому, начальствовавшему войсками внутри имперіи; тамъ онъ долженъ былъ получить дальнѣйшія приказанія и назначеніе смотря по обстоятельствамъ. Онъ поспѣшилъ туда, по своему обыкновенію, налегкѣ, безъ поклажи и провожатыхъ, въ простой кибиткѣ, самою скорою ѣздой. Прибывъ въ Москву, онъ вскорѣ убѣдился, что ему тутъ нечего дѣлать, ибо страшная гроза, еще незадолго передъ тѣмъ, казалось, направлявшаяся къ древней столицѣ царей, счастливо миновала ее и обратилась къ приволжскимъ областямъ. По его просьбѣ, Волконскій отправилъ его въ Нижній Новгородъ къ графу Петру Ивановичу Панину, гдѣ присутствіе его могло быть полезнѣе. Суворовъ снова бросился въ свою кибитку и съ тою же поспѣшностію поскакалъ къ графу Панину, который, по смерти Бибикова, незадолго передъ тѣмъ послѣдовавшей, принялъ начальство надъ всѣми войсками, собранными противъ мятежниковъ. Онъ зналъ Суворова и имѣлъ къ нему довѣріе; обрадованный его прибытіемъ, онъ далъ ему обширныя полномочія для рѣшительныхъ дѣйствій противъ бунтовщиковъ. 24-го августа неутомимый Суворовъ прибылъ въ Нижній, явился, получилъ инструкціи и приказанія, собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія и въ тотъ же день отправился далѣе, также налегкѣ, какъ и пріѣхалъ. Императрица, извѣщенная Панинымъ, что онъ пріѣхалъ къ нему въ кибиткѣ, безъ всякой поклажи, ничего не везя съ собою, кромѣ «усердія къ службѣ», и точно также и уѣхалъ отъ него, послала ему, при собственноручномъ милостивомъ рескриптѣ, 2,000 червонцевъ, чтобъ завестись «приличнымъ экипажемъ». Еще не зная коротко нашего героя, она не знала и того, что онъ не нуждался въ экипажѣ и что первая, попавшаяся ему почтовая телѣжка служила ему дорожнымъ экипажемъ, равно какъ и любой казачій конь верховою лошадью.

Съ 50-ю человѣкъ прикрытія поѣхалъ онъ чрезъ Арзамасъ и Пензу въ Саратовъ, куда гроза взяла свое направленіе.

Прежде, чѣмъ мы послѣдуемъ за дальнѣйшими его дѣйствіями, считаемъ нелишнимъ представить здѣсь краткій обзоръ причинъ и хода этого бунта, уже второй годъ опустошавшаго внутреннія области государства.

Яицкіе казаки, игравшіе главную роль въ этомъ бунтѣ, происходятъ отъ донскихъ и вѣроятно отъ тѣхъ, которые, во второй половинѣ XVI-го столѣтія, своими грабежами на берегахъ Волги и Каспійскаго моря, получили грозную извѣстность и не только уни-

чтожили всю торговлю по незадолго передъ тѣмъ испытанному пути чрезъ Каспійское море, но и препятствовали всѣмъ политическимъ сношеніямъ съ Персіею, останавливая и грабя, безъ различія, и посланниковъ, и купцовъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, наскучивъ этими безпрестанными разбоями, послалъ наконецъ противъ казаковъ, сухимъ путемъ и водою, войска, которыя разбили и разсѣяли ихъ. Часть ихъ направилась тогда къ берегамъ Камы и Чусовой, между ними и Ермакъ, покоритель Сибири; другая часть—къ Тереку; наконецъ третья—отъ устья Волги, грабя и опустошая все на пути, къ устью Яика (Урала). Здѣсь они узнали, что въ 60-ти верстахъ выше находится древняя столица Ногайскихъ татаръ, Сарайчикъ, не столь цвѣтущая и могущественная, какъ въ блестящія времена татарскаго владычества, но все еще богатая торговлею и значущая, потому что всѣ караваны изъ Азова во внутреннюю Азію шли черезъ этотъ городъ.

Поднялись казаки, кинулись въ свои длинныя лодки, поплыли вверхъ по Яику и внезапно бросились на Сарайчикъ: грабежъ, убійство, мечъ и огонь уничтожили этотъ цвѣтущій городъ. Это случилось въ 1580 г. и было первымъ подвигомъ яицкихъ казаковъ. Затѣмъ они поселились на берегахъ этой рѣки и главнымъ ихъ занятіемъ былъ по прежнему грабежъ, на морѣ и на сушѣ, безъ различія, противъ христіанъ и магометанъ (1): первое удачное предпріятіе даетъ, какъ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлому народу, дальнѣйшее его направленіе.

Но этими грабежами, въ особенности похищеніемъ женщинъ, они навлекли на себя смертельную ненависть своихъ сосѣдей, преимущественно Татаръ: всѣ соединились для ихъ погибели. Въ этой крайности, дабы спастись отъ мщенія враговъ, они рѣшились отдаться подъ покровительство Россіи. Посланные ихъ предстали предъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и изъяснили свою просьбу: она была выслушана, и яицкіе казаки припяты подъ покровительство Россіи, съ сохраненіемъ своихъ вольностей. Но это нисколько не измѣнило, на первыхъ порахъ, ихъ образа жизни, и они остались, какъ и прежде, дерзкими разбойниками.

---

(1) Собственное назначеніе, сперва украинскихъ казаковъ (часть которыхъ составляли Запорожцы), а потомъ донскихъ, было—служить пограничною стражею противъ Татаръ. По происхожденію они суть смѣсь различныхъ народовъ, но въ особенности Черкесовъ и Русскихъ. Историческія доказательства этого мнѣнія приведены въ другомъ мѣстѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, въ наказаніе имъ, первый употребилъ ихъ въ 1655 году, въ походѣ противъ Польши, для военной службы, а со временъ Петра Великаго они принимали участіе почти во всѣхъ войнахъ Россіи. Но у себя дома они сохранили республиканское управленіе: избирали и смѣняли атамановъ и старшинъ, производили уголовный судъ и рѣшали свои дѣла въ такъ-называемыхъ *кругахъ* или народныхъ собраніяхъ, на обширной площади въ Яицкомъ городкѣ. Эти собранія происходили слѣдующимъ образомъ: звонъ колокола главной церкви сзывалъ ихъ, народъ устремлялся со всѣхъ сторонъ и наполнялъ площадь. Атаманъ, съ булавою въ рукѣ, украшенною серебрянымъ вызолоченнымъ набалдашникомъ—знакомъ его достоинства, вступалъ въ средину круга, за нимъ—его есаулы съ тростями въ рукахъ. Когда порядокъ былъ водворенъ, послѣдніе клали трости и шапки на землю, читали молитву, низко кланялись атаману и окружавшимъ его казакамъ, затѣмъ поднимали свои трости и шапки, подходили къ атаману и выслушивали его предложенія, для передачи ихъ народу. Затѣмъ они обращались къ сему послѣднему и громкимъ голосомъ провозглашали: «Слушайте, храбрые атаманы и все великое храброе воинство Яицкое», объясняли, за чѣмъ созванъ народъ, и спрашивали: «любо-ли вамъ, храбрые атаманы?» Народъ кричалъ со всѣхъ сторонъ: «любо,» или ропталъ, шумѣлъ и кричалъ: «не любо.» Въ послѣднемъ случаѣ атаманъ старался убѣждать ихъ словами и увѣщаніями; если его уважали, то это часто удавалось; въ противномъ случаѣ никто его не слушалъ и исполнялась воля народа.

Императоръ Петръ Великій сдѣлалъ первый шагъ къ ограниченію этой чрезмѣрной народной власти, возложивъ, въ 1720-мъ году, высшій надзоръ надъ ихъ дѣлами на военную коллегію въ Петербургѣ. Это и другія нововведенія подвигли въ 1722 году безпокойный народъ къ возстанію, которое однако скоро было подавлено. Позднѣйшія распри и раздоры между ними самими, побудили императрицу Анну Іоанновну, въ 1740 году, послѣднемъ ея царствованія, повелѣть ввести нѣкоторыя необходимыя измѣненія въ ихъ внутреннемъ управленіи, дабы болѣе согласовать его съ установленнымъ въ другихъ областяхъ теченіемъ дѣлъ; такъ напр. они должны были чередоваться между собою въ несеніи военной службы,—вмѣсто словеснаго суда, ввести письменный, вести книги и реестры о приходѣ и расходѣ суммъ, и наконецъ отказаться отъ самовольнаго избранія атамана и старшинъ, назначеніе которыхъ пра-

вительство предоставило себѣ. Но указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе вполнѣ, и еще въ 1748 году губернаторъ Неплюевъ нашелъ здѣсь все въ прежнемъ положеніи. Онъ-то и раздѣлилъ все войско на семь полковъ, по 500 чел. въ каждомъ.

Съ одной стороны намѣренія правительства—ограничить чрезмѣрныя ихъ вольности, а съ другой притязанія атамана и старшинъ, ихъ притѣсненія и произволъ, взволновали весь народъ. Уже при самомъ вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, они жаловались на притѣсненія со стороны чиновниковъ канцеляріи, удержку жалованья, произвольное распредѣленіе податей и ограниченіе свободы рыболовства. Эти неоднократно повторявшіяся жалобы и затѣмъ неповиновеніе властямъ, въ ожиданіи скораго рѣшенія изъ Петербурга, побудили императрицу нѣсколько разъ посылать на Яикъ довѣренныхъ чиновниковъ, для изслѣдованія и рѣшенія на мѣстѣ ихъ жалобъ. Но дѣло не могло быть приведено къ миролюбивому окончанію. Обѣ стороны были не совсѣмъ правы и слѣдовательно тѣмъ настойчивѣе въ своихъ требованіяхъ. Наконецъ дѣло дошло до крайности. Такъ какъ присланный изъ Петербурга гвардіи капитанъ Дурново, болѣе года разбиравшій ихъ дѣло, ничего не рѣшилъ, то недовольные казаки положили сами найти себѣ расправу и вытребовать уплаты слѣдовавшаго ихъ жалованья и смѣны несправедливыхъ чиновниковъ канцеляріи. Мятежъ вспыхнулъ 13 января 1772 года. Съ иконами впереди двинулись они въ значительномъ числѣ на большую площадь Яицка. Генералъ Траубенбергъ, начальствовавшій въ немъ регулярными войсками, поспѣшно собралъ своихъ людей, вывезъ пушки и потребовалъ, чтобъ мятежники разошлись. Но напрасно: съ громкимъ крикомъ, неустрашенные пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, съ ожесточеніемъ бросились они на солдатъ, многихъ убили и преодолѣли наконецъ всякое сопротивленіе. Траубенбергъ и атаманъ были убиты, Дурново спасся бѣгствомъ, члены канцеляріи были схвачены и заключены, а на мѣсто ихъ избраны другіе. Получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, императрица послала противъ мятежниковъ генерала Фреймана съ 3,000 регулярныхъ войскъ. Послѣ двухдневнаго боя, Яицкъ былъ взятъ, самовольно избранные чиновники смѣнены, а главное начальство надъ всѣмъ народомъ, вмѣсто атамана, ввѣрено коменданту Яицка. Будучи не въ состояніи сопротивляться такому числу регулярныхъ войскъ, казаки оказали по наружности покорность, но искра неудовольствія продолжала тлѣть въ тиши. Новое правленіе казалось имъ, крѣпко приверженнымъ къ стариннымъ своимъ обычаямъ, невыноси-

мымъ, а потому, лишь только представился удобный случай, пламя мятежа вспыхнуло съ новою силою.

Въ сентябрѣ 1773 года, въ окрестностяхъ Яицка появился человѣкъ, окруженный какою-то таинственностью: онъ дѣлалъ важные намеки и набиралъ приверженцевъ для большаго политико-религіознаго предпріятія. Гнѣвъ, огорченіе и ожесточеніе кипѣли въ сердцахъ казаковъ,—какихъ-же лучшихъ приверженцевъ могъ онъ найти? Этотъ человѣкъ былъ—Емелька Пугачевъ.

Рожденный на берегахъ Дона, (2) но безъ особыхъ дарованій, лишенный всѣхъ качествъ, какія образуютъ великихъ людей, онъ, по стеченію чрезвычайныхъ обстоятельствъ, содѣлался виновникомъ такихъ событій и одержалъ такіе успѣхи, которые нанесли странѣ глубокія, чувствительныя раны.

Еще въ ранней молодости онъ обнаружилъ скрытный, но честолюбивый и отважный характеръ; въ немъ не было также недостатка въ рѣшимости и храбрости; при всемъ томъ, онъ никогда не возбудилъ бы такого вниманія, еслибы приведенныя выше событія у яицкихъ казаковъ не проложили ему пути къ его предпріятіямъ. Онъ искалъ воспользоваться ими и такимъ способомъ сталъ на одну изъ тѣхъ высоко-выдающихся ступеней, на которыхъ, хотя и удается блеснуть одно мгновеніе, но потомъ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, рѣдко можно избѣжать паденія въ глубокую бездну.

Первый зародышъ честолюбія посѣяли въ груди его произнесенныя въ шутку слова одной молодой дѣвушки въ Черкаскѣ, которой онъ помогъ напоить коней. «Въ благодарность за услугу желаю тебѣ когда нибудь быть царемъ», сказала она смѣясь; но эти слова, сказанныя безъ всякаго намѣренія, глубоко запали въ грудь юноши, которому какое-то безпокойное чувство внушало, будто онъ предназначенъ къ чему-то высшему. Онъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и позже въ первыхъ походахъ противъ Турокъ, при Бендерахъ отличился и былъ произведенъ въ офицеры, но, считая себя недостаточно награжденнымъ, тайно бѣжалъ изъ арміи, сперва въ Польшу, а потомъ на Донъ. Здѣсь любимою, постоянною думой его были прежніе могущество и подвиги старинныхъ казаковъ: примѣры Хмѣльницкаго, освободившаго ихъ отъ угнетеній Польши, Дорошенка, который господствовалъ надъ ними подъ вер-

---

(2) Въ Зимовейскѣ, въ 1726 году.

ховною властію Порты, бунтовщика Стеньки Разина, который такъ долго хозяйничалъ въ этихъ краяхъ—носились передъ его глазами. Честолюбіе подстрекало его играть подобную же роль, поощренія и внушенія раскольничьихъ поповъ (3) довершили остальное, и внезапно въ умѣ его созрѣлъ планъ его предпріятія и онъ приступилъ къ его исполненію.

Въ 1772 году онъ появился въ Яицкѣ и пригласилъ недовольныхъ казаковъ идти съ нимъ на Кубань, чтобъ поселиться тамъ подъ турецкимъ покровительствомъ. Намѣреніе его было открыто, самъ онъ схваченъ и отвезенъ въ Казань для суда надъ нимъ. Содѣйствіемъ одного раскольничьяго попа ему удалось бѣжать и скрыться въ степи. Здѣсь онъ долго бродилъ какъ безпріютный бѣглецъ, раздумывая о дальнѣйшихъ планахъ и мщеніи. Тутъ ему пришли на умъ слова одного офицера, который нѣкогда, увидя его, съ изумленіемъ сказалъ : «какъ онъ похожъ на покойнаго императора Петра III»! На этомъ обстоятельствѣ положилъ онъ основать свой будущій планъ, припоминая смуты при Лжедимитріяхъ, когда казаки играли столь важную роль. Наконецъ онъ рѣшился, планъ былъ готовъ. Въ Уральской степи, недалеко отъ Камышъ-самарскаго озера, онъ внезапно явился партіи казаковъ и потребовалъ, чтобъ они шли за нимъ. «Кто ты?»—«Подойдите и узнайте меня,»—причемъ, обнаживъ грудь, показалъ имъ красное родимое пятно. «Видите-ли этотъ знакъ? онъ означаетъ царскій вѣнецъ; я вашъ императоръ, я мнимоумершій Петръ III; вмѣсто меня, обманомъ похоронили другаго, теперь я хочу отыскивать свои права и требую вашей помощи.» Негодованіе ихъ дало вѣру словамъ его, они воздали ему почесть, собрали ему приверженцевъ, число которыхъ вскорѣ возросло до 500 человѣкъ; тогда они громко провозгласили его императоромъ. Это случилось въ августѣ 1773 года.

Однако эта преступная дерзость не нашла бы большой под-

---

(3) Расколъ, т. е. схизма, раскольники, т. е. схизматики. Этотъ расколъ въ греческой церкви начался въ 17 столѣтіи; поводомъ къ нему были нѣкоторыя нововведенія въ литургіи, сдѣланныя патріархомъ Никономъ и отвергнутыя этою сектою; поэтому они называютъ себя также старовѣрами. Яицкіе казаки, равно какъ и большая часть донскихъ, принадлежали къ этой сектѣ. Въ прежнія времена они были большіе фанатики (Авторъ). Это не совсѣмъ такъ: нашъ, русскій расколъ произошелъ въ 17–мъ вѣкѣ не въ греческой, а въ русской церкви, по поводу многихъ причинъ, которыя намъ, Русскимъ, очень хорошо извѣстны, но вовсе не по единственному поводу какихъ-то нововведеній патріарха Никона въ литургіи. Смитту, какъ лютеранину, это, какъ видно, было неизвѣстно. (Редак.).

держки, если бы въ это именно время умы казаковъ, вслѣдствіе продолжительныхъ споровъ, не были до такой степени раздражены. Ожесточеніе и жажда мщенія привлекли къ нему большія толпы недовольныхъ. Теперь онъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ осадить Яицкъ, но тамошній храбрый комендантъ, полковникъ Симоновъ, сдѣлалъ тщетными всѣ его покушенія и отстоялъ городъ. Безплодно потерявъ тутъ много времени, Пугачевъ направился вверхъ по Яику къ Оренбургу, на пути взялъ штурмомъ и разрушилъ небольшіе форты или крѣпостцы: Разсыпную, Озерную, Татищеву, офицеровъ велѣлъ повѣсить, а солдатъ присоединилъ къ своему скопищу, и затѣмъ появился предъ Оренбургомъ.

Двѣ небольшія команды, высланныя противъ него губернаторомъ, генераломъ Рейнсдорпомъ, были разбиты; однако гарнизонъ, хотя и ослабленный тѣмъ, твердо держался противъ мятежниковъ и, даже доведенный до крайности, не сдавался. Между защитниками въ особенности отличились 400 чел. яицкихъ казаковъ, оставшихся вѣрными присягѣ, какъ бы желая преданностью и храбростью умѣрить вину своихъ заблудшихъ собратій.

Здѣсь, подъ Оренбургомъ, Пугачевъ началъ являть себя въ истинномъ своемъ свѣтѣ. До сихъ поръ онъ поступалъ сдержанно, но успѣхъ внушилъ ему увѣренность и высокомѣріе; онъ не считалъ уже нужнымъ долѣе обуздывать свои страсти и далъ имъ полную волю. Теперь началась его рѣзня дворянъ: «смерть всѣмъ дворянамъ» сдѣлалось лозунгомъ грубой толпы его. Помѣщики, офицеры, чиновники, все, что только причислялось къ дворянству, было равно для него: кто попадалъ живой въ его руки, того вѣшали или сажали на колъ, не дѣлалось исключенія даже для женщинъ и дѣтей. По словамъ его, онъ хотѣлъ истребить все дворянство, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ странномъ противорѣчіи съ самимъ собою, онъ давалъ главнымъ приверженцамъ своимъ прозванія знатнѣйшихъ фамилій. Въ угоду раскольникамъ, не было пощады и православнымъ священникамъ, а церкви и алтари были поруганы и осквернены. Во всѣхъ этихъ злодѣйствахъ, яицкіе казаки были главнѣйшими его помощниками: они постоянно вербовали ему новыхъ приверженцевъ, поднимали въ его пользу грубыя орды кочевниковъ и первые подавали примѣръ во всѣхъ жестокостяхъ; даже жены ихъ, въ мужской одеждѣ, участвовали въ ихъ набѣгахъ и оказывались не изъ самыхъ кроткихъ.

Пугачевъ пользовался всѣми средствами, чтобы дѣйствовать на народъ: то говорилъ какъ императоръ, то отъ имени великаго кня-

зя, для котораго, по словамъ его, хотѣлъ завоевать престолъ, дабы самому затѣмъ удалиться на покой въ монастырь. Онъ умѣлъ различно обманывать народъ, сообразно съ различіемъ его званія и состоянія: крестьянамъ обѣщалъ свободу, казакамъ удовлетвореніе ихъ жалобъ, а раскольникамъ уничтоженіе нововведеній; наконецъ сосѣднихъ дикихъ народовъ, какъ-то: Башкиръ, Калмыковъ, Киргизовъ, онъ завлекалъ приманкою грабежа и добычи, возбуждая такимъ образомъ каждаго тѣмъ средствомъ, которое казалось ему наиболѣе дѣйствительнымъ для его увлеченія. Вслѣдствіе того число его приверженцевъ возрастало со дня на день; надежда безнаказаннаго грабежа и поживы привлекала къ нему цѣлыя толпы Татаръ, Башкиръ и Калмыковъ, кочевавшихъ съ своими стадами въ этихъ краяхъ, а также крестьянъ и рабочихъ съ сосѣднихъ горныхъ заводовъ, которые предпочитали необузданную, разбойническую жизнь тяжелымъ работамъ своего званія. Масса его скопища видимо росла отъ этого, но въ той же мѣрѣ возрастали и его высокомѣріе и жестокость. Страшно хозяйничалъ злодѣй въ этомъ краю; вездѣ, гдѣ только побывали его необузданныя толпы, онѣ оставляли за собою кровавый слѣдъ. Ужасъ и смятеніе предшествовали имъ: всѣ восточныя губерніи, до самой Москвы, трепетали; крестьяне, между которыми ходили темные слухи, волновались; недовольные, злодѣи и всѣ тѣ, которые въ господствѣ закона видѣли свое осужденіе, ожили, надѣясь по устраненіи закона властвовать по своему. Тщетно всѣ лучшіе люди озирались за помощью, она была еще далека. Двухсмысленныя дѣйствія Швеціи, раздоры Польши и война съ Портою удерживали войска на границахъ; внутреннія губерніи были совершенно безъ войскъ и лишь немногіе баталіоны были въ нихъ разбросаны на обширныхъ пространствахъ. Эти-то немногія войска и были на-скоро собраны и противопоставлены мятежникамъ. Но, къ несчастію, начальники ихъ были люди безъ рѣшительнаго характера: они принимали слабыя полумѣры, позволяли мятежникамъ разбивать себя, а войска ихъ частію переходили на сторону сихъ послѣднихъ.

Отъ Оренбурга Пугачевъ съ своими толпами углубился далеко въ Уральскія горы, грабя, сожигая и опустошая все на пути. Въ горныхъ заводахъ онъ захватилъ большія денежныя суммы и приказалъ чеканить монету, съ именемъ Петра III на лицевой сторонѣ и съ словами: redivivus et ultor на оборотной. Въ тоже время онъ снабдилъ свое войско артиллеріей, приказавъ лить пушки на этихъ заводахъ. Все оренбургское намѣстничество было наводнено и опу-

стошено его толпами; уже трепеталъ Екатеринбургъ, куда онъ было направился, но внезапно повернулъ назадъ, на встрѣчу посланнымъ противъ него войскамъ.

Вслѣдствіе неоднократныхъ донесеній объ этихъ событіяхъ, императрица послала туда генерала Бибикова, котораго кроткій, примирительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердый характеръ дѣлалъ его особенно способнымъ подавлять подобнаго рода безпокойства, какъ онъ уже доказалъ это въ Польшѣ. Ему поручено было главное распоряженіе всѣми дѣйствіями противъ мятежниковъ. Въ декабрѣ 1773 г. Бибиковъ прибылъ въ Казань, созвалъ дворянство этой губерніи, въ убѣдительныхъ словахъ представилъ ему опасность, грозившую не только общему отечеству, но прежде всего самому дворянству этому, если предпріятіе мятежниковъ не будетъ скоро подавлено. Онъ умѣлъ передать свое убѣжденіе, свое мужество, всю свою душу въ умы и сердца своихъ слушателей и воодушевить ихъ на общее дѣло. Всѣ встали и громко воскликнули: «Мы готовы за нашу всемилостивѣйшую государыню и за отечество пожертвовать жизнію и достояніемъ; подобно нашимъ предкамъ, ничто не въ состояніи поколебать нашей вѣрности». Въ непродолжительномъ времени ими было выставлено и вооружено 4,000 человѣкъ. Дворянство Симбирской, Пензенской и другихъ сосѣднихъ губерній послѣдовало этому примѣру и принесло всѣ жертвы, какія только могло, по мѣрѣ силъ своихъ. Императрица, желая выразить казанскому дворянству свое благоволеніе за его усердіе и патріотическій образъ дѣйствій, просила принять ее въ число его членовъ.

Дѣятельностью Бибикова скоро собраны были значительныя силы, и счастіе стало постепенно покидать мятежниковъ. Генералъ-маіоръ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ разбилъ ихъ въ двухъ, одно за другимъ, дѣлахъ подъ Оренбургомъ и освободилъ стѣсненный городъ отъ осады. Сражались и на другихъ пунктахъ, однако не удалось рѣшительно одолѣть мятежниковъ: они оказывали мужество и искуство, какихъ нельзя было ожидать. Къ тому же заботы и напряженная дѣятельность разстроили здоровье Бибикова и онъ умеръ 9-го апрѣля 1774 г. въ Бугульмѣ. На мѣсто его императрица назначила покорителя Бендеръ, графа Петра Ивановича Панина. Но пока онъ могъ прибыть, Пугачевъ выигралъ нѣсколько мѣсяцевъ времени и успѣлъ еще усилиться и внести опустошеніе въ губерніи, имъ до сихъ поръ еще не тронутыя. Набравъ въ горахъ новыя толпы Башкиръ и призвавъ даже заграничныхъ Киргизовъ, онъ спустился на равнину и двинулся на Казань, какъ бы намѣреваясь

покарать тамошнее дворянство за его великодушныя усилія. Генералъ Павелъ Потемкинъ, начальствовавшій въ Казани, заперся въ крѣпости, предоставивъ городъ собственной участи. Цѣлые три дня оставались въ немъ злодѣи, жгли, грабили, убивали, но поспѣшно бѣжали, свѣдавъ о приближеніи регулярныхъ войскъ.

То былъ—подполковникъ Михельсонъ, который, какъ злобный духъ Пугачева, шелъ противъ него и съ этихъ поръ привязался къ его слѣдамъ, чтобъ уже болѣе не выпускать его. Тщетно Пугачевъ старался отдѣлаться отъ него, никакимъ образомъ не могъ онъ отъ него вывернуться: Михельсонъ вездѣ шелъ на встрѣчу ему, нападалъ на него, разбивалъ его, преслѣдовалъ безостановочно и не выпускалъ его изъ виду (4). Разбитый имъ въ разныхъ стычкахъ, Пугачевъ переправился черезъ Волгу, чтобы въ степи ускользнуть отъ своего преслѣдователя. Тамъ онъ усилился новыми толпами и снова повернулъ назадъ, хотѣлъ идти на Москву, но уже было поздно. Миръ съ Турками былъ заключенъ, и со всѣхъ сторонъ поспѣшно шли противъ него войска, а между ними, какъ мы видѣли, и Суворовъ. Поэтому Пугачевъ повернулъ на Саратовъ и разорилъ тамошнія цвѣтущія колоніи. Неудачи, претерпѣнныя имъ, еще болѣе ожесточили его: вѣшать и сажать на колъ было ежедневнымъ его занятіемъ. Отъ Саратова онъ пошелъ вверхъ по Волгѣ; деревни, села, города исчезали по его пути. У Царицына Михельсонъ настигъ его снова и нанесъ ему рѣшительное пораженіе: бывшіе съ нимъ крестьяне разбѣжались, регулярная пѣхота сдалась, артилерія была взята, всѣ его покинули, одни яицкіе казаки, его первые приверженцы, держались его до конца. Съ немногими преданными ему изъ нихъ онъ бѣжалъ внизъ по Волгѣ, въ на-скоро собранныхъ лодкахъ спасся на лѣвый берегъ рѣки и кинулся въ обширную Уральскую степь.

У Царицына Суворовъ встрѣтился съ храбрымъ Михельсономъ. Какъ ни спѣшилъ онъ, чтобы стяжать честь побѣды надъ мятежникомъ, но опоздалъ—Михельсонъ, собственными энергическими мѣрами, исторгъ у него это торжество. Пугачевъ былъ совершенно низложенъ, сила его невозвратно сокрушена; теперь дѣло шло толь-

---

(4) Вотъ примѣръ энергіи Михельсона: одинъ офицеръ дерзко сказалъ ему: «солдаты не пойдутъ противъ своего государя»; вмѣсто отвѣта Михельсонъ выстрѣломъ изъ пистолета убилъ его на повалъ. Примѣръ былъ необходимъ, уже многіе солдаты бѣжали, а другіе колебались.

ко о томъ, чтобы захватить его самаго и тѣмъ лишить его возможности снова, какъ уже неразъ ему удавалось, возставать сильнѣе прежняго. По крайней мѣрѣ эту заслугу Суворовъ не хотѣлъ дозволить исторгнуть изъ своихъ рукъ, и съ отборнымъ отрядомъ въ 700 чел., которыхъ всѣхъ посадилъ на коней, и съ двумя легкими орудіями, предпринялъ изловить опаснаго злодѣя. Переправясь у Царицына черезъ Волгу, онъ повернулъ сначала влѣво, къ р. Еруслану, и затѣмъ углубился въ безжизненную, мертвую степь, для преслѣдованія бѣглеца.

Степь эта есть не иное что, какъ бывшее дно Каспійскаго моря, отступившаго отъ береговъ своихъ. Прежніе берега его еще теперь обозначаются грядою высотъ вдоль р. Сарпы, а по лѣвой сторонѣ Волги такъ-называемою Сыртью. Тамъ ничего не видно, кромѣ песку, камней, раковинъ и солончаковъ; мѣстами выгорѣвшая трава, но ни одного дерева или куста, которые могли бы защитить отъ палящихъ лучей солнца, ни одного жилища, гдѣ-бы пріютиться, ни слѣда дороги, который свидѣтельствовалъ бы о человѣческой дѣятельности: все тамъ пустынно, безжизненно и мертво. Вѣчная тишина вокругъ, не нарушаемая ни единымъ звукомъ, даже крикомъ уединенной хищной птицы, ибо даже и дикія животныя бѣгутъ отъ этой негостепріимной почвы. Путникъ чувствуетъ себя какъ бы на морѣ, хотя ногами ступаетъ по землѣ: днемъ солнце, а ночью звѣзды должны указывать ему путь. Такова степь, въ которую теперь вступили преслѣдователи Пугачева.

Они шли черезъ нее, не зная, какъ долго продлится ихъ движеніе, а потому берегли продовольственные запасы, особенно небольшое количество взятаго съ собою хлѣба; недостатокъ послѣдняго должно было замѣнять нарѣзанное кусками и жареное на огнѣ мясо.

При быстромъ движеніи впередъ, Суворовъ нагонялъ разныя небольшія команды, прежде него выступившія для преслѣдованія мятежниковъ, и присоединялъ ихъ къ себѣ. Затѣмъ онъ достигъ береговъ р. р. Узеней, лѣсистой мѣстности среди степи. Сюда, по словамъ встрѣченныхъ крестьянъ, Пугачевъ, покинутый большею частію своихъ приверженцевъ, направилъ свое бѣгство. Тогда Суворовъ раздѣлилъ свой отрядъ на нѣсколько небольшихъ партій, которыя разослалъ по разнымъ направленіямъ, дабы бунтовщикъ не могъ ускользнуть. Поощренныя этимъ извѣстіемъ, войска еще быстрѣе продолжали преслѣдованіе. Уже они попали на слѣдъ бѣглеца, надежда поймать его одушевляла каждаго и заставляла забывать перене-

сенные труды. Вдругъ они наткнулись на уединеннаго отшельника, который, отрѣшившись отъ міра, жилъ среди степи, на небольшомъ клочкѣ плодородной земли. Онъ сообщилъ, что Пугачевъ, связанный собственными людьми, утромъ тогоже дня отвезенъ въ Яицкъ, «потому что, прибавилъ онъ, немногіе приверженцы, оставшіеся вѣрными ему, устрашенные близостію преслѣдователей и отчаяваясь во всякомъ другомъ исходѣ, положили выдачею его снискать самимъ себѣ помилованіе и прощеніе.» Влѣдствіе этого показанія, Суворовъ поспѣшно собралъ свои отдѣльныя партіи и по слѣдамъ бѣглецовъ двинулся прямо на Яицкъ. Онъ не терялъ надежды настигнуть Пугачева еще до сдачи его въ крѣпость и тѣмъ стяжать себѣ честь прекращенія этого опаснаго возстанія, поимкою главы его. Для его нетерпѣнія казалось слишкомъ медленнымъ движеніе его отряда, не смотря на усилія послѣдняго, а потому, выбравъ изъ него нѣсколько лучшихъ людей и подстрекаемый своимъ усердіемъ, онъ поспѣшилъ впередъ, но вдругъ новая задержка: орда Кизгизовъ преграждаетъ ему путь и отказываетъ въ проходѣ черезъ ихъ земли. Силою и не безъ пролитія крови нужно было проложить себѣ дорогу. И все-таки Суворовъ, не смотря на всю свою поспѣшность, опоздалъ, потому что Пугачевъ былъ уже сданъ своими сообщниками коменданту Яицка, полковнику Симонову, лишь за нѣсколько часовъ до прибытія туда Суворова съ его партіей. Не мала была его печаль о несбывшейся надеждѣ, для достиженія которой добровольно перенесено было столько трудовъ.

По предъявленіи Суворовымъ данныхъ ему предписаній, комендантъ передалъ ему преступника, для охраненія котораго приняты были чрезвычайныя мѣры предосторожности. Нарочно для него была устроена клѣтка, поставленная на четырехъ колесахъ, и по принятіи еще другихъ необходимыхъ мѣръ, самъ Суворовъ, съ тремя ротами пѣхоты и 200 чел. казаковъ при двухъ орудіяхъ, проводилъ его обратно черезъ степь, съ тѣми же трудностями и лишеніями, что̀ и прежде. Когда движеніе съ клѣткою оказалось слишкомъ медленнымъ и Пугачевъ не хотѣлъ сидѣть въ ней, то его, равно какъ и его сына, связанныхъ положили на крестьянскую телѣгу и привязали къ ней, и затѣмъ шли безостановочно, даже ночью, а чтобы злодѣй не нашелъ средствъ ускользнуть въ темнотѣ, шествіе освѣщалось факелами. Суворовъ лично наблюдалъ за всѣми мѣрами осторожности и, благодаря его неутомимой бдительности, злодѣй былъ благополучно доставленъ въ Симбирскъ, гдѣ Суворовъ передалъ его главнокомандующему графу Панину. Послѣдній отправилъ Пугачева въ Москву,

гдѣ онъ былъ судимъ и получилъ воздаяніе за свои злодѣйства.

Но Суворовъ остался въ Симбирскѣ, принялъ вмѣсто Панина начальство надъ собранными въ этомъ краѣ войсками и, обыкновенными своими средствами—кротостію, гдѣ можно было подѣйствовать убѣжденіемъ, или силою, гдѣ не помогала первая, уничтожилъ послѣдніе слѣды этого гибельнаго возстанія. Велико было несчастіе, произведенное злодѣемъ на обширномъ пространствѣ: увѣряютъ, что бунтъ его стоилъ жизни болѣе 100,000 человѣкъ.

Великая государыня не желала строгости и сама предписала мѣры кротости; надлежало соблазненныхъ противъ воли отличить отъ зачинщиковъ мятежа. Только небольшая часть зачинщиковъ была подвергнута наказанію, прочіе были помилованы. Казакамъ оставлены прежде дарованныя права, только многочисленная артиллерія была отнята у нихъ; народныя собранія или круги ихъ были отмѣнены; значительное число регулярныхъ войскъ навсегда поставлено гарнизономъ въ Яицкѣ (Уральскѣ) и самое названіе *Яикъ*, по просьбѣ самихъ казаковъ, снято съ земли и народа и замѣнено названіемъ *Урала*. Такъ кончилась попытка казаковъ отмѣною демократическаго образа правленія ихъ—обыкновенный исходъ всѣхъ предпріятій, внушенныхъ не зрѣлорасчитаннымъ благоразуміемъ, но буйными страстями.

Таково было возстаніе Емельки Пугачева, которому только тогдашнія особенныя обстоятельства придали значеніе, именно: броженіе умовъ и неудовольствіе яицкихъ казаковъ и, по случаю войны или безпокойныхъ сосѣдей, отсутствіе войскъ во внутреннихъ губерніяхъ. Но лишь только, по заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, сдѣлалось возможнымъ располагать Молдавскою арміею и бунтовщику противопоставлено должное сопротивленіе, бунтъ его рушился, а сообщники, привлеченные къ нему его потворствомъ низкимъ страстямъ, также скоро покинули его въ несчастіи, какъ скоро прежде сбѣгались къ нему.

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

СУВОРОВЪ ВЪ КРЫМУ И НА КУБАНИ.

1775—1787.

Суворовъ вступаетъ въ бракъ.—Предметы русской политики.—Крымскія дѣла.—Суворовъ на Кубани и въ Крыму.—Какъ князь Потемкинъ ближе узналъ его.—Источникъ и цѣль его странностей.—Выгоды, которыя онѣ доставляли ему.—Планъ дать другое направленіе торговлѣ съ Индіей.—Потемкинъ начинаетъ свою дѣятельность въ Крыму.—Заложеніе Херсона.—Возстаніе въ Крыму.—Присоединеніе Крыма къ Россіи.—Суворовъ приводитъ Ногайцевъ къ присягѣ въ вѣрности и угощаетъ ихъ.—Ногайцы бѣгутъ за Кубань.—Суворовъ идетъ противъ нихъ, переходитъ черезъ Кубань и нападаетъ на Ногайцевъ.—Историческая замѣчательность этого края.—Измѣненіе обстоятельствъ.—Дальнѣйшая участь Шагинъ-Гирея.—Мирное время.—Суворовъ—инвалидъ.—Сужденіе о немъ.—

Зимою 1774—75 г. Суворовъ отправился въ Москву и вступилъ здѣсь въ бракъ съ дочерью бывшаго военнаго сослуживца своего, князя Ивана Ивановича Прозоровскаго, княжною Варварою Ивановной. Неизвѣстны причины, рѣшившія его выборъ; но, каковы бы онѣ ни были, бракъ этотъ не былъ счастливъ. Отъ него родились: дочь Наталія и сынъ Аркадій. Если у насъ недостаетъ данныхъ для сужденія о Суворовѣ, какъ о супругѣ, то мы можемъ быть убѣждены, что онъ былъ отмѣнно нѣжный отецъ. Мы имѣемъ многія письма его къ дочери, писанныя большею частію въ веселомъ, шутливомъ тонѣ, а въ послѣдующее, болѣе мрачное для него время—съ трогательною любовью и нѣжностью. Мы еще возвратимся къ этимъ письмамъ.

Наступилъ двѣнадцатилѣтній періодъ мира, который однако не обошелся безъ военныхъ дѣйствій, и въ продолженіе его Суворовъ имѣлъ много разъ случай выказать себя отчасти искуснымъ военнымъ человѣкомъ, отчасти ловкимъ посредникомъ. Поводъ къ такому неопредѣленному положенію подали безпокойства въ Крыму и на

Кубани, которымъ суждено было кончиться полнымъ подчиненіемъ этихъ земель русскому владычеству.

Въ продолженіе всей жизни императрицы Екатерины, двумя главными предметами ея внѣшней политики были *Польша* и *Турція*. Въ первомъ изъ этихъ государствъ, слабомъ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, русское вліяніе, какъ по этому, такъ и по причинѣ послѣднихъ учрежденій, касавшихся правленія, сдѣлалось столь преобладающимъ, что серьознаго сопротивленія уже мало можно было ожидать. Оставалась Турція. Дабы съ этой стороны, на случай будущей войны, обезпечить свой флангъ, необходимо нужно было устранить отъ борьбы Крымъ, откуда съ фланга именно могла угрожать опасность. Это было достигнуто Кайнарджійскимъ миромъ, по которому Крымъ объявленъ независимымъ. Но никто не обманывался касательно этой независимости,—и Порта также: она не могла успокоиться по этому предмету и нѣсколько разъ пыталась снова пріобрѣсть въ Крыму прежнее вліяніе. Отсюда произошли тѣ двусмысленныя отношенія, которыя установились теперь между обѣими державами: то было ни война, ни миръ, но какое-то среднее положеніе между ними. То вступали въ Крымъ Русскіе, то Турки; нѣсколько разъ турецкій флотъ пытался сдѣлать высадку; хановъ то возводили на престолъ, то низводили съ него; возстанія были возбуждаемы и подавляемы; словомъ—то была многолѣтняя борьба за верховную власть надъ этой страной,—борьба, въ которой съ одной стороны древніе обычаи, религія и привычка склоняли перевѣсъ въ пользу Турокъ, но съ другой стоявшее на границѣ и готовое къ бою и удару войско — въ пользу Русскихъ. Десять лѣтъ продолжалось это неопредѣленное положеніе, пока наконецъ энергическія мѣры Потемкина не присоединили Крыма къ Россіи навсегда.

Когда Порта, по Кайнарджійскому миру, вынуждена была признать независимость этой страны, а ханомъ ея—Саибъ Гирея, пользовавшагося расположеніемъ Россіи, тогда Татары поступили подъ русское покровительство. То былъ первый шагъ къ ихъ полному подчиненію.

Однако Турки завязали сношенія съ ними. Одинаковые религія и обычаи, раздача денегъ, указаніе видовъ на набѣги и грабежи въ Польшѣ, сохраняли или доставляли имъ многочисленныхъ приверженцевъ между Татарами, и когда Саибъ, на основаніи заключенныхъ договоровъ, передалъ Русскимъ Керчь, Еникале и Кинбурнъ, пламя возстанія вспыхнуло. Безпокойное и непостоянное татарское населеніе поднялось, свергло Саиба, а на его мѣсто вновь возвело (лѣ-

томъ 1775 года) Девлетъ-Гирея, друга и подручника Порты. Вслѣдствіе того образовались партіи, пришли въ столкновеніе, боролись между собою, раздоръ усиливался, ханъ терялъ значеніе и власть, и все пришло въ броженіе. Еще Русскіе оставались спокойными зрителями, потому что плодъ еще не созрѣлъ; но они сосредоточили на Днѣпрѣ войска, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго. Въ эти войска, въ ноябрѣ 1776 года, былъ переведенъ и Суворовъ.

Саибъ-Гирей обратился къ покровительницѣ своей, императрицѣ, съ просьбою о помощи. Помощь ему была оказана и порученіе это возложено на Суворова. Быстро вступилъ онъ въ Крымъ, столь же быстрыми движеніями разсѣялъ толпы Татаръ; Девлетъ долженъ былъ бѣжать въ Константинополь, но, вмѣсто Саиба, на престолъ возведенъ былъ, весною 1777 года, Шагинъ-Гирей, еще болѣе преданный Россіи. Впрочемъ, это былъ властитель слабый, неспособный и непостоянный (1), который болѣе заботился о собственной особѣ, нежели о своемъ народѣ, и поперемѣнно страшился то Турокъ, то Русскихъ, смотря по тому, съ какой стороны грозила опасность.

Недолго продолжалось спокойствіе: произошли новые раздоры, новыя безпокойства, возбуждаемые и поддерживаемые Портою; новый искатель престола, Селимъ-Гирей, подъ покровительствомъ Турокъ, провозглашенъ ханомъ; народъ раздѣлился между обоими.

Вслѣдствіе этого, генералъ Прозоровскій вступилъ на полуостровъ, разбилъ Татаръ у Бахчисарая и овладѣлъ этимъ городомъ и Кафой. Селимъ былъ принужденъ бѣжать, и Шагинъ-Гирей снова остался единовластителемъ, благодаря помощи своихъ покровителей.

На этотъ разъ Суворовъ не принималъ участія въ дѣйствіяхъ. Новые лихорадочные припадки принудили его, для возстановленія здоровья, отправиться въ Полтаву. По выздоровленіи, онъ былъ посланъ, зимою 1777—78 г., въ при-Кубанскія земли, чтобы защитить ихъ отъ набѣговъ хищническихъ кавказскихъ народовъ. Для достиженія этой цѣли онъ не видѣлъ лучшаго средства, какъ возстановленіе прежде возведенныхъ для обороны границы, а теперь пришедшихъ въ разрушеніе, фортовъ и окоповъ отъ устья р. Кубани до Ставрополя. 3,000 человѣкъ должны были неотступно за-

---

(1) Приведемъ только одну черту его характера. Онъ хотѣлъ дать Татарамъ образованіе и полагалъ, что ничего лучшаго не сдѣлаетъ для этого, какъ введя между ними европейскую роскошь и приказавъ перевести на татарскій языкъ французскую энциклопедію! Быстрый переворотъ дѣлъ помѣшалъ выполненію этого намѣренія.

ниматься этою работою. Черезъ шесть недѣль укрѣпленія были окончены и набѣгамъ горцевъ положена преграда.

Въ маѣ 1778 года, во время отсутствія князя Прозоровскаго, отозваннаго въ Петербургъ, Суворову было поручено главное начальство надъ всѣми войсками въ Крыму, на Кубани и на Днѣпрѣ, числомъ всего около 60,000 человѣкъ. Разрывъ съ Портою казался неизбѣжнымъ. Турки, съ завистію взирая на пребываніе Русскихъ въ Крыму, старались и съ своей стороны ввести туда войска, чтобы поддержать равновѣсіе силъ и подкрѣпить собственную партію. Такъ небольшая флотилія вступила въ гавань Ахтіара (Севастополя), и ожидали прибытія большаго турецкаго флота, подъ начальствомъ знаменитаго капудана-паши его, Гассана. Чтобы заставить флотилію удалиться, не прибѣгая къ открытой силѣ, Суворовъ положилъ возбудить въ ней опасенія касательно пути отступленія ея. Съ этою цѣлью онъ приказалъ возводить, при входѣ въ гавань, земляныя батареи, подъ перекрестный огонь которыхъ Турки должны были бы попасть, еслибъ захотѣли выйти въ открытое море. Послѣдніе предпочли выйти изъ гавани заблаговременно, чтобы не быть принужденными сдаться въ плѣнъ.

Вскорѣ послѣ того явился и большой флотъ подъ начальствомъ Гассана-паши, силою въ 160 вымпеловъ, съ большимъ числомъ сухопутныхъ войскъ, искавшихъ случая стать твердою ногою на полуостровѣ. Еслибы это удалось, то непріязненныя дѣйствія противъ Русскихъ сдѣлались бы неизбѣжными. Вслѣдствіе сего, Суворовъ всячески старался воспрепятствовать тому: на всѣхъ удобныхъ для высадки мѣстахъ онъ возвелъ батареи, стянулъ войска и самъ лично пріѣзжалъ на угрожаемые пункты. Гдѣ ни появлялся флотъ, вездѣ онъ встрѣчалъ Суворова готовымъ воспрепятствовать высадкѣ. Турецкій адмиралъ, не имѣвшій приказанія начинать непріязненныя дѣйствія, искалъ предлога къ высадкѣ войскъ на берегъ. Поэтому онъ заявилъ, что желаетъ только запастись дровами и водою. Суворовъ, разгадавшій его намѣренія, отказалъ ему въ этомъ; вслѣдствіе сего, Гассанъ-паша, убѣдившись, что можетъ произвести высадку развѣ только силою и этимъ начать войну, увидѣлъ себя вынужденнымъ безуспѣшно покинуть Крымскія воды и возвратиться въ Константинополь.

Когда Суворову удалось такимъ образомъ удалить Турокъ отъ полуострова и этимъ сохранить на немъ русское вліяніе, онъ долженъ былъ, по повелѣнію своего двора, вывести изъ Крыма христіанъ армянскаго и греческаго вѣроисповѣданій, которые, во время

безпокойствъ между Татарами, были постоянными жертвами всѣхъ партій, и указать имъ менѣе опасныя мѣста для водворенія въ новоучрежденномъ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ. Это было исполнено имъ, и болѣе 10,000 христіанъ выведены изъ Крыма подъ русскимъ прикрытіемъ, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ ханскихъ министровъ; ибо что значатъ возраженія, когда недостаетъ силы поддержать ихъ?

Съ неудовольствіемъ взирала Порта на перевѣсъ Русскихъ въ Крыму, однако не имѣла средствъ исторгнуть его у нихъ. Французскій кабинетъ, который, по причинѣ войны своей съ Англіей, хотѣлъ привлечь къ себѣ Россію, достигъ наконецъ, $^{10}/_{21}$ марта, своимъ посредничествомъ, такого соглашенія, по которому длившееся доселѣ неопредѣленное положеніе должно было прекратиться, Порта—признать ханомъ Шагинъ-Гирея, а Русскіе—вывести свои войска изъ Крыма.

Суворовъ получилъ затѣмъ начальство надъ войсками въ Малороссіи и расположилъ свою главную квартиру въ Полтавѣ. Отсюда онъ, въ началѣ зимы 1779—80 г., былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ его ожидали заслуженныя награды, но вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя порученія. Императрица пожаловала ему осыпанную драгоцѣнными каменьями табакерку и орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами, и даже, въ знакъ особеннаго отличія, тотъ, который носила сама.

Теперь уже всѣ признавали его за неутомимаго и храбраго воина, но немногіе угадывали въ немъ нѣчто болѣе этого; большинство, вводимое въ обманъ его странностями, считало его не болѣе, какъ за благопріятствуемаго счастіемъ шутника, у котораго ничего глубокаго въ умѣ не было. Императрица, страстно имъ уважаемая, недолго заблуждалась на его счетъ, и отъ ея проницательнаго взгляда не укрылось, что за этою странною, шутливою внѣшностью скрывался пылкій и высоко-образованный умъ. Князь Потемкинъ прежде отзывался о немъ передъ нею, какъ о хорошемъ воинѣ, но незначущемъ, впрочемъ, человѣкѣ, игравшемъ роль чудака, и этотъ отзывъ не внушалъ ей особеннаго желанія ближе узнать его. Но однажды, имѣя надобность распросить его о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, она велѣла призвать его къ себѣ въ кабинетъ. Какъ изумилась она, когда, въ продолженіе разговора, открыла въ немъ проницательный взглядъ, обширныя познанія, не только въ военномъ, но и въ политическомъ отношеніи, и вѣрное, всегда мѣткое сужденіе. «Ахъ, князь!—сказала она Потемкину, при первомъ затѣмъ сви-

даніи съ нимъ,—какъ вы ошиблись, какъ худо знаете вы Суворова. Вы не старались узнать его, судя о немъ только поверхностно; но я доставлю вамъ случай выйти изъ этого заблужденія». Спустя нѣсколько времени она приказала снова призвать Суворова въ свой кабинетъ, а Потемкину стать за ширмы, гдѣ онъ могъ слышать все, что говорилось. Затѣмъ она завела съ Суворовымъ разговоръ о тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ и потребовала его мнѣнія. Онъ отвѣчалъ: потокомъ краснорѣчія лились слова изъ устъ его, ничто не было ему неизвѣстнымъ, мнѣнія, отношенія, люди— во все проникалъ онъ своимъ взглядомъ, обо всемъ судилъ вѣрно. То былъ уже совсѣмъ не тотъ Суворовъ, какимъ онъ являлся передъ прочими людьми. Долго слушалъ Потемкинъ въ нѣмомъ изумленіи, но наконецъ не выдержалъ. «Ахъ, Александръ Васильевичъ!— сказалъ онъ, выходя изъ за ширмъ,—служа такъ долго съ вами, я такъ мало до сихъ поръ зналъ васъ. Но почему же вы не всегда таковы?»—«Я со всякимъ говорю подобающимъ ему языкомъ и только съ матушкою царицею по-царски»,—отвѣчалъ Суворовъ и опять принялся за свои шутки. Однако Потемкинъ съ этого времени почувствовалъ глубокое уваженіе къ нему. «Суворовъ иногда прикидывается шутомъ,—говорилъ онъ впослѣдствіи,—но, не смотря на свое шутовство, онъ человѣкъ отмѣнно умный и тонкій».

Конечно, столь образованный и геніяльный полководецъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ игравшій такую странную роль, представлялъ собою удивительное явленіе. Онъ выкидывалъ разныя шутки, говорилъ вздоръ, дѣлалъ гримасы, прыгалъ черезъ стулья, пѣлъ пѣтухомъ — и все это совершенно серьёзно, какъ будто такъ и должно было быть. Придумывали разныя объясненія такимъ его поступкамъ, но какъ разгадку ихъ онъ унесъ съ собою въ могилу, то намъ не остается ничего болѣе, какъ объяснить ихъ на основаніи вѣроятности.

Можетъ быть у него уже отъ природы было врожденное расположеніе къ шутливости, веселости и насмѣшливости, которое въ иное время переходило черезъ мѣру въ шутовство, какъ то часто встрѣчается въ характерѣ русскаго народа; но преднамѣренность и расчетъ примѣшались къ этому уже вѣроятно впослѣдствіи. По свидѣтельству самыхъ старыхъ знакомыхъ его (между прочимъ Дерфельдена), онъ началъ преднамѣренно разъигрывать эту роль уже въ чинѣ полковника и даже въ первый разъ въ Ладогѣ, когда однажды захотѣлъ дать своимъ солдатамъ понятіе о штурмѣ. Съ шутовскими ужимками, придалъ онъ своему лицу воодушевленное

выраженіе, принялъ находившійся тутъ монастырь за крѣпость, съ комическою восторженностью сдѣлалъ всевозможныя приготовленія къ его штурмованію и исполнилъ оное по всѣмъ правиламъ. Легко усмотрѣть, что тутъ шутовство служило только маскою, употребленною для избѣжанія отвѣтственности за необычайность такого поступка. Это послужило ему указаніемъ на будущее время, и съ тѣхъ поръ онъ уже никогда не выходилъ изъ своей роли чудака и съ удивительною выдержанностью разъигрывалъ ее до самой кончины своей.

Что же побуждало его къ этому? Только пламенное честолюбіе его и желаніе единственно отличія. Императрица Екатерина однажды въ разговорѣ выразила мнѣніе, что всѣ великіе люди носили на себѣ особый отпечатокъ, которымъ отличались отъ большинства, и этимъ случайнымъ замѣчаніемъ, поразившимъ Суворова, какъ внезапный лучь свѣта, подала ему поводъ къ глубокимъ размышленіямъ. Несомнѣнно, что геніяльный человѣкъ всегда и на все глядитъ съ особой точки зрѣнія, усматриваетъ такія отношенія, которыя ускользаютъ отъ обыкновеннаго взгляда, и, во всей своей обстановкѣ, во всѣхъ своихъ поступкахъ, проявляетъ свойственныя ему одному особенности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ничто не способно такъ ярко выставлять преимущественное достоинство, какъ примѣсь личной особенности. Вообще оригинальность всегда обличаетъ необыкновеннаго человѣка и привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе; если же притомъ откроется, что съ нею соединены и заслуги, то уваженіе наше отъ этого еще болѣе увеличивается. Изъ двухъ людей съ одинаковыми достоинствами, тому, который поступаетъ какъ всякой другой, потребуется болѣе времени для своего возвышенія, нежели тому, который сначала бросится всѣмъ въ глаза своею оригинальностью, а потомъ тѣмъ легче можетъ заставить оцѣнить себя.

Поэтому Суворовъ разсудилъ, что недостаточно имѣть за собой заслуги—сотни людей имѣютъ ихъ и умираютъ незамѣченными—но что все дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать эти заслуги замѣтными, и потому счелъ всего ближе къ цѣли играть роль чудака. Сознавая цѣну себѣ, онъ долженъ былъ желать быть замѣченнымъ; но достигнуть этого можно было только чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ и чрезвычайнымъ. Его странности должны были привлечь на него вниманіе императрицы, его заслуги — довершить остальное, и затѣмъ блистательное поприще уже не могло ускользнуть отъ него.

Какой же родъ оригинальности долженъ онъ былъ избрать? конечно новый, иначе онъ оказался бы подражателемъ; подражате-

ли—смѣшны, а Суворовъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы быть оригиналомъ. Усердно и внимательно изучилъ онъ жизнеописанія великихъ людей стараго и новаго времени; всѣ пути необычайнаго оказались уже испытанными и трудно было найти новый. Поэтому-то онъ и выбралъ такой, который согласовался, какъ съ его невзрачною, не очень красивою наружностью, такъ и съ его врожденною наклонностью, а именно—путь *шутовства*. И увѣренный, что будетъ одинъ на немъ, онъ съ неутомимою настойчивостью слѣдовалъ имъ до послѣдней минуты жизни. Какъ императоръ Августъ, и онъ могъ бы сказать на смертномъ одрѣ: «хорошо-ли доигралъ я свою роль до конца (*)»?

Онъ еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи разнообразными выгодами, которыя проистекали для него изъ его странностей, скоро сдѣлавшихся извѣстными. Подъ ихъ покровомъ онъ могъ позволять себѣ многое, за что другимъ пришлось бы дорого поплатиться; подъ ихъ оболочкой самыя мѣткія и ѣдкія истины проходили безобидно и безнаказанно; онѣ давали ему возможность позволять себѣ такія вольности, которыхъ не дозволили бы никому другому; посредствомъ ихъ онъ обходилъ тѣ приказанія своихъ начальниковъ, вредность или неудобоисполнимость которыхъ немедленно замѣчалъ его проницательный взглядъ; наконецъ, подъ ихъ личиной, онъ видѣлъ, что могущественные люди употребляли его и споспѣшествовали ему, нимало не считая его опаснымъ для себя. Величайшая тонкость Суворова состояла именно въ томъ, что онъ умѣлъ скрывать свой превосходный умъ. Сравнительно съ нимъ, котораго считали лишь грубымъ солдатомъ, всякій былъ увѣренъ въ собственномъ превосходствѣ. Такимъ образомъ, эта роль чудака отдаляла отъ него всякую зависть и ревность (2). Но она доставляла ему

(*) Напрасно выразился Смиттъ этими словами, которыя можно даже назвать кощунствомъ. Августъ былъ язычникъ, Суворовъ—христіанинъ, притомъ истинный, православный. Онъ не доигралъ своей роли до конца: уже на возвратномъ пути изъ Италіи и особенно изъ Праги въ Россію, въ Кобринское свое имѣніе, нося въ груди смертельный недугъ—фликтену, ему было не до шутовства, и чѣмъ ближе къ Петербургу, тѣмъ болѣе. А на смертномъ одрѣ онъ произнесъ совсѣмъ иныя слова: «Семьдесятъ лѣтъ гонялся я за славой—все мечта: покой души у престола Всевышняго!» Изъ всего его величія, это—наивысшее! (Редак.).

(2) Не было ничего яснѣе его плановъ, ничего глубже его предположеній, ничего быстрѣе его дѣйствій; но въ частной жизни и публично, его обращеніе, его ужимки, его слова носили такой отпечатокъ оригинальности и даже сумазбродства, что честолюбцы переставали опасаться его и смотрѣли на него, какъ на орудіе, ко-

еще и другія выгоды: она пріобрѣтала ему любовь солдатъ, къ понятіямъ, мнѣніямъ, воззрѣніямъ и особенностямъ которыхъ была особенно приноровлена. Она дѣлала его предметомъ ихъ разговоровъ, бесѣдъ и разсказовъ и, при ея содѣйствіи, онъ умѣлъ незамѣтно овладѣвать всею душою ихъ. «Александръ, — говаривалъ онъ, — пощадилъ Аѳины для того, чтобы тамъ говорили про его дѣла; пускай же и въ солдатскихъ покояхъ потолкуютъ про мои веселыя проказы.»

Такимъ-то образомъ сдѣлался онъ кумиромъ солдатъ, которые всегда были готовы, по одному его мановенію, не задумавшись пожертвовать за него своею жизнію. Даже послѣ его смерти продолжалось это вліяніе, и имя его, едва произнесенное, и теперь еще воспламеняетъ каждаго въ русской арміи и дѣлаетъ его всегда способнымъ и готовымъ на всѣ усилія.

Слѣдуетъ-ли удивляться, что онъ, до послѣдняго своего издыханія, оставался вѣрнымъ своей роли, которая доставляла ему такія выгоды? Да и могъ ли онъ, разъ вступивъ на этотъ путь, вернуться назадъ, не подвергнувъ себя нареканію въ непослѣдовательности и не утративъ уваженія, которымъ пользовался? Впослѣдствіи роль эта, которая сначала была напускною, обратилась въ естественную, какъ бы врожденную ему, и потому была уже не ролью, а личною особенностью, которая сдѣлалась какъ бы второю его натурою. Внутреннія достоинства составляютъ какъ бы зерно, а наружное проявленіе—лишь кору; гдѣ первое отличается превосходными качествами, тамъ не обращаютъ вниманія на послѣднюю.

Въ 1780 году Суворовъ былъ посланъ съ тайными порученіями въ Астрахань. Тогдашняя война въ Остъ-Индіи между Англичанами и Французами, равно какъ и предпріятія могущественнаго Гидеръ-Али имѣли весьма невыгодное вліяніе на великую остъ-индскую морскую торговлю. Тогда нѣкоторые торговые люди пытались направить свои спекуляціи черезъ Персію и Каспійское море. Это обстоятельство возбудило вниманіе императрицы, отъ проницательнаго взгляда которой не легко ускользало все то, что могло способствовать благосостоянію ея народа, и она послала Суворова въ Астрахань, чтобы лучше разъяснить эти обстоятельства. Если-бы онъ нашелъ ихъ благопріятными, то долженъ былъ съ неболь-

---

торое, хотя его и можно употреблять съ пользою, неспособно вредить и оспоривать у нихъ наслажденіе почестями и могуществомъ. Такимъ изобразилъ его въ то время Сегюръ, въ своихъ «Mémoires et souvenirs» III, стр. 66 и д.

шою флотиліею переправиться черезъ Каспійское море и овладѣть лежавшею на южномъ его концѣ крѣпостію Астрабадомъ, чтобы тутъ основать складочное мѣсто для вышеозначеннаго торговаго пути. Еслибъ этотъ планъ удался, то драгоцѣнныя произведенія Индіи стали бы перевозиться караванами до Каспійскаго моря, а отсюда водою, по рѣкамъ и каналамъ, до Петербурга, вслѣдствіе чего Индія вступила бы въ ближайшія сношенія съ столицею Россіи. Неисчислимы были бы послѣдствія этого. Однако обстоятельства перемѣнились и усиліямъ Англичанъ удалось сохранить прежнее направленіе торговли съ Индіею черезъ ихъ отечественную страну. Между тѣмъ Суворовъ принужденъ былъ почти два года оставаться въ Астрахани, совершенно противъ его воли, какъ усматривается изъ различныхъ писемъ его къ князю Потемкину. Многократно умоляетъ онъ князя вырвать его изъ этого непріятнаго положенія и дать ему начальствованіе, соотвѣтствующее его чину. Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, онъ былъ отозванъ отъ столь противнаго ему мѣста служенія, гдѣ для дѣятельности его не представлялось рѣшительно никакого занятія, и переведенъ въ Казань начальникомъ расположенной тамъ дивизіи. Такимъ образомъ онъ снова вступилъ въ соотвѣтствовавшій его желаніямъ кругъ дѣйствій, который вскорѣ долженъ былъ еще значительнѣе разшириться.

Въ Крыму, послѣ очищенія этого края Русскими, броженіе не прекратилось, ханъ не пользовался уваженіемъ, народъ былъ недоволенъ, неудовольствіе длилось въ тиши и турецкіе эмиссары прилагали все стараніе, чтобы поддерживать его и возбудить возстаніе. Тогда наконецъ здѣсь выступилъ на поприще дѣятельности тотъ человѣкъ, которому суждено было положить конецъ этому неопредѣленному положенію и вполнѣ подчинить Крымъ русскому скипетру: то былъ—*князь Григорій Александровичъ Потемкинъ*.

Этотъ человѣкъ, одаренный всеобъемлющимъ умомъ, сильною волею и пламеннымъ воображеніемъ, создалъ въ живомъ умѣ своемъ различные планы для низверженія турецкаго могущества въ Европѣ и для возстановленія большаго греческаго государства. Мысль эта, впервые сознанная Минихомъ и затѣмъ постоянно возбуждаемая Вольтеромъ въ умѣ императрицы, была еще болѣе утверждена въ немъ послѣднею, счастливою войною, указавшею слабость Порты и возможность осуществленія вышеозначеннаго плана. Теперь всемогущій министръ Екатерины ухватился за эту мысль съ тѣмъ пламеннымъ рвеніемъ, которое онъ прилагалъ ко всему, что́ только сильно занимало его. Мысль эта отнынѣ стала цѣлію всѣхъ его strem-

леній, всей его жизни. Человѣкъ, подобный ему, котораго счастіе до пресыщенія осыпало всею полнотою своихъ даровъ, долженъ былъ самъ себѣ создавать затрудненія, для того, чтобы находить еще какое нибудь наслажденіе въ жизни. Чѣмъ больше, труднѣе и обширнѣе было предпріятіе, тѣмъ болѣе привлекало оно его къ себѣ, потому что, борьбою съ предстоявшими препятствіями, обѣщало многообразную дѣятельность его подвижному духу. Обширны были виды, внезапно открывшіеся здѣсь его взорамъ. Располагая средствами необъятнаго государства, чего не могъ онъ совершить! Если онъ трудился и не для удовлетворенія личнаго своего честолюбія (да и чего оставалось желать этому честолюбію?—развѣ Потемкинъ, въ званіи перваго министра Екатерины, не былъ могущественнѣе и выше, нежели въ званіи господаря Молдавіи и Валахіи или герцога Курляндскаго?) (3), то какую славу не пріобрѣлъ бы онъ счастливымъ выполненіемъ плана, по которому прекраснѣйшія на землѣ страны долженствовали быть исторгнуты изъ жестокаго гнета и дикаго варварства и возвращены цивилизаціи, изъ нихъ же нѣкогда изшедшей—цѣль, достойная высшихъ усилій! А для великихъ умовъ великіе помыслы и великія предпріятія составляютъ насущную пищу и истинный элементъ жизни, при недостаткѣ же ихъ—умы эти сами себя поглощаютъ и гибнутъ. Наполеонъ, оставшись *императоромъ*, вѣроятно прожилъ бы еще многіе годы, но на *островѣ св. Елены* бездѣйствіе и подавляющая мелочность его положенія убили его (4).

Къ исполненію означеннаго выше предначертанія началъ теперь Потемкинъ направлять все свое вниманіе, всякій шагъ свой. Дабы проложить путь къ одолѣнію Порты, прежде всего нужно было развязать себѣ руки со стороны Крыма. Подчиненіе его русской власти отнынѣ сдѣлалось предметомъ всѣхъ трудовъ, всей дѣятельности Потемкина, и онъ успокоился не прежде, какъ доведя оное благополучно до конца.

Сначала имъ былъ заложенъ *Херсонъ* на Днѣпрѣ (1778 г.); от-

---

(3) Принцъ де-Линь предложилъ ему, при началѣ второй войны съ Портою, идти до самаго Дуная и быть господаремъ Молдавіи и Валахіи. «Объ этомъ я мало забочусь»,—отвѣчалъ Потемкинъ съ справедливою гордостью,—«я могъ бы, еслибъ захотѣлъ, быть Польскимъ королемъ. Я отказался уже отъ герцогства Курляндскаго,—я болѣе значу, чѣмъ все это».

(4) Намъ, конечно, извѣстно, что онъ умеръ отъ рака въ желудкѣ; но при другихъ обстоятельствахъ болѣзнь эта не обнаружилась бы такъ скоро: сила духа еще долго поддержала бы слабое тѣло.

сюда долженъ былъ выйдти флотъ, предназначавшійся нѣкогда оспоривать у Турокъ господство надъ Черными моремъ. Тамъ, гдѣ прежде были болота и топи, словно отъ удара волшебнаго жезла возникъ значительный городъ; многочисленное и разнообразное народонаселеніе устремилось туда, и добровольно, и по принужденію. Днемъ и ночью слышался стукъ молота рабочихъ на только-что заложенныхъ верфяхъ, жизнь и дѣятельность кипѣли, и внезапно изъ ничего возникла значительная морская сила. Потемкинъ, проникнутый одною мыслію, оживлялъ все своимъ рвеніемъ, своимъ побужденіемъ и поощреніемъ, доколѣ, наскучивъ ею, не бросилъ ее столь же скоро, сколько прежде ухватился за нее. Въ его богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни происходилъ постоянный переходъ отъ самой неутомимой дѣятельности къ самой вялой лѣни и отъ нея къ новымъ, дѣятельнымъ усиліямъ, какъ скоро новая мысль успѣвала опять вполнѣ овладѣвать его умомъ. Поэтому онъ, какъ и всякій необыкновенный человѣкъ, даже для обыкновеннаго взгляда казался составленнымъ изъ самыхъ противуположныхъ крайностей.

Наконецъ тайно поддерживаемое имъ неудовольствіе въ Крыму разразилось возстаніемъ: многіе изъ татарскихъ старшинъ отказали хану въ повиновеніи и даже собственный братъ его объявилъ себя противъ него. Ханъ бѣжалъ изъ Крыма и искалъ защиты у Русскихъ. Константинополь началъ вооружаться, турецкіе отряды—вступать въ Молдавію. Но Русскіе были готовы встрѣтить ихъ: шесть корпусовъ, подъ начальствомъ Репнина, Салтыкова, Текели, самаго Потемкина, двоюроднаго брата его, Павла Потемкина и Суворова стояли на пространствѣ отъ границъ Молдавіи до Кавказа, готовые къ бою и ожидая только знака къ войнѣ. Время, долженствовавшее рѣшить судьбу Порты, казалось, уже настало.

Турецкій паша является съ войсками на островѣ Таманѣ, чтобы занять его, и въ своемъ высокомѣріи приказываетъ отрубить голову ханскому послу, потребовавшему, чтобъ онъ удалился. Этимъ данъ знакъ къ войнѣ, враждебныя дѣйствія начинаются. Русскіе вступаютъ въ Крымъ и Тамань, и въ тоже время въ при-Кубанскій край. Многіе изъ старшинъ татарскихъ племенъ, равно и самъ ханъ, объявляютъ (вслѣдствіе тайнаго соглашенія), что только подъ властію императрицы могутъ обрѣсть спокойствіе и поэтому, безъ всякихъ ограниченій и условій, покоряются ей на вѣчныя времена. Ханъ отрекается отъ всѣхъ своихъ владѣтельныхъ правъ, получаетъ 100,000 рублей годоваго содержанія, и мѣстомъ пребыванія ему назначается Воронежъ. Императрица же, манифестомъ 8 апрѣля 1783 года, объяв-

ляетъ слѣдующее: «Такъ какъ Татары не умѣли пользоваться преимуществами независимости, и своими безпокойствами уже неоднократно доводили Россію до опасности имѣть войну съ Портою; такъ какъ независимость ихъ грозила опасностью южнымъ областямъ государства, и Россія оставалась подверженною постояннымъ заботамъ, убыткамъ и дорого-стоющимъ вооруженіямъ, такъ что императрица должна была, ради ихъ, издержать уже болѣе 12-ти милліоновъ рублей; наконецъ, такъ какъ Турки стремились завладѣть татарскими землями, паша ихъ уже явился на Тамани, чтобы занять этотъ островъ отъ имени Порты, то по всѣмъ этимъ причинамъ императрица признаетъ себя освобожденною отъ прежнихъ обязательствъ относительно независимости Крыма и, въ избѣжаніе впредь всѣхъ поводовъ къ распрямъ, равно какъ въ замѣну и удовлетвореніе понесенныхъ убытковъ, она рѣшилась взять подъ свою державу полуостровъ Крымскій, островъ Тамань и всю Кубанскую сторону (5).» Вслѣдствіе этого объявленія, отъ Татаръ должно было потребовать присяги на подданство.

Суворовъ, вызванный изъ Казани въ Азовъ, получилъ главное начальство надъ войсками, назначенными для покоренія Кубанскаго края. Онъ занялъ уже прежде возстановленныя имъ укрѣпленныя линіи и расположилъ свою главную квартиру въ Ейскѣ, небольшомъ фортѣ къ югу отъ Азова. Сюда, въ день возшествія на престолъ императрицы, 28-го іюня 1783 года, онъ велѣлъ пригласить Ногайскихъ Татаръ на большое празднество, на которомъ, согласно съ полученными приказаніями, они должны были принести присягу на вѣрность. Около 6,000 Ногайцевъ прибыли по этому приглашенію, равнина была покрыта ихъ ставками, но русскія войска стояли вокругъ, готовыя на всякій случай.

Празднество началось торжественнымъ Богослуженіемъ; затѣмъ татарскіе старшины должны были принесть надъ кораномъ присягу въ вѣрности и послѣ того принять такую же присягу отъ прочихъ Татаръ. Большое пиршество было приготовлено на обширной равнинѣ для раздѣленныхъ на многія группы Ногайцевъ; хлѣбное вино (такъ какъ виноградное имъ запрещено ихъ закономъ) лилось рѣкою, безпрестанно пили за здравіе, съ провозглашеніемъ, вездѣ царствовали радость и веселье, Русскіе, казаки и Татары съ братскою

---

(5) См. Martens: Recueil des traités, T. III, p. 581 et suiv. (Авторъ). Манифестъ 8-го апрѣля 1783 года помѣщенъ въ XXI томѣ (съ 1781 по 1783 г.) Полнаго Собранія законовъ. Здѣсь изложена только сущность его. (Редак.).

довѣрчивостью перемѣшались между собою. Затѣмъ, когда головы разгорячились, начались скачки между Татарами и казаками, которые, и тѣ, и другіе, гордились своими благородными конями. Къ вечеру веселье увеличилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ и излишество: многіе изъ Татаръ упились до смерти. Чтобы дать понятіе объ изобиліи угощенія на этомъ празднествѣ, достаточно сказать, что для него было употреблено, какъ говорили, около 100 быковъ, 800 барановъ и 500 ведеръ хлѣбнаго вина.

На слѣдующій день, 29-го іюня, тезоименитства великаго князя, тоже угощеніе, тоже ликованіе, тоже излишество. 30-го іюня Татары разстались съ Русскими, какъ горячіе друзья; ибо чѣмъ легче пріобрѣсть мгновенное расположеніе грубаго человѣка, какъ не удовлетвореніемъ его чувственности!

Но скоро затѣмъ они, возмущаемые агентами отрѣшеннаго хана, проявили свое обыкновенное непостоянство. Дабы предупредить заранѣе предвидѣнныя послѣдствія этого, положено было обезоружить ихъ и, для лучшаго надзора за ними, переселить въ другія мѣста на берега Урала. Они были отправлены туда нѣсколькими колоннами подъ прикрытіемъ русскихъ войскъ. Тогда они прибѣгли къ явному сопротивленію. Нѣкоторыя орды, оставшіяся вѣрными присягѣ, вступили въ распрю и борьбу съ сопротивлявшимися; послѣдніе цѣлыми тысячами бѣжали на Кубань, за которою, у своихъ единовѣрцевъ и друзей — хищническихъ Черкесовъ, надѣялись быть въ безопасности. Они прорвались черезъ кордонъ, но быстро преслѣдуемые, должны были бросить на пути свои стада—единственное свое богатство. Около 30,000 лошадей, 40,000 штукъ рогатаго скота и 200,000 овецъ достались Русскимъ. Они думали покрайней мѣрѣ спасти жизнь и свободу свои, но и въ этомъ ошиблись.

Суворовъ получилъ нерадостное порученіе преслѣдовать бѣжавшихъ и по ту сторону Кубани и привесть ихъ обратно или истребить, для грознаго примѣра другимъ.

Въ сентябрѣ 1783 года онъ стянулъ свои войска къ Копылу и въ числѣ 16-ти ротъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 24-хъ легкихъ орудій и 2,000 казаковъ повелъ ихъ вверхъ по Кубани къ устью р. Лабы. Полковникъ Иловайскій съ 2,000 казаковъ долженъ былъ идти туда же по другой, ближайшей дорогѣ и тамъ соединиться съ нимъ, такъ какъ, по слухамъ, бѣглые Ногаи расположились на верховьяхъ Лабы, гдѣ были дружелюбно приняты родственными племенами.

Русскимъ войскамъ нужно было преодолѣть необычайныя труд-

ности, потому что приходилось идти по совершенно дикой странѣ. Не было никакого слѣда дорогъ, вездѣ крутыя скалы, полноводные горные потоки, черезъ которые нужно было переправляться съ большими опасностями, густые лѣса, черезъ которые прежде приходилось прорубать себѣ дорогу; затѣмъ обширныя, болотистыя низменности, черезъ которыя проходить можно было только съ величайшими усиліями; наконецъ—недостатокъ продовольственныхъ средствъ въ этихъ пустынныхъ, безлюдныхъ мѣстностяхъ. И однако всѣ эти препятствія были преодолѣны твердостію, терпѣніемъ и мужествомъ русскаго солдата, поощряемаго однимъ видомъ своего предводителя, который первый показывалъ имъ примѣръ во всѣхъ лишеніяхъ. Его выходки, его бодрость, его шутки развеселяли солдатъ и заставляли ихъ забывать всѣ труды и лишенія. Никогда ни одинъ полководецъ не былъ, казалось, въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ своими подчиненными, а между тѣмъ ни одного не уважали, не любили и не боялись болѣе его: когда онъ приказывалъ, ему повиновались безусловно.

Съ такого рода затрудненіями продолжалось движеніе отряда вверхъ по правому берегу Кубани, въ большой тишинѣ и только по ночамъ (днемъ войска отдыхали въ закрытыхъ мѣстахъ), дабы не быть замѣченнымъ съ другаго берега рѣки, гдѣ стояли черкесскіе пикеты. Нежданно, какъ гроза, хотѣлъ Суворовъ напасть на бѣглыхъ Ногаевъ.

Такъ войска прибыли насупротивъ устья р. Лабы, гдѣ назначено было сборное мѣсто для обоихъ отрядовъ. Сюда пришли среди бѣлаго дня; кругомъ не было лѣса, гдѣ бы укрыться, но нашлась глубокая лощина, въ которой войска расположились скрытно и отдохнули. Послѣ полудня явился и Иловайскій съ своими казаками и соединился съ ожидавшимъ его отрядомъ. Суворовъ взошелъ на холмъ, чтобы осмотрѣть мѣстность, и увидѣлъ вдали дымъ, высоко поднимавшійся съ кочевьевъ Ногайцевъ, и этимъ убѣдился въ ихъ близости. При наступленіи сумерекъ онъ далъ приказъ выступить. Войска двинулись лѣсистою мѣстностью вдоль плоскаго берега рѣки; казаки были высланы впередъ для отысканія бродовъ, потому что понтоновъ не было. Кубань въ этихъ мѣстахъ имѣетъ почти $^1/_4$ мили ($1^3/_4$ версты) ширины и берега ея большею частію покрыты тростникомъ и камышомъ. Однако передовымъ казакамъ удалось наконецъ открыть желанный бродъ (6), и когда къ нему подошли про-

---

(6) Казаки имѣютъ особенное искуство съ помощію своихъ пикъ отыскивать броды въ рѣкахъ.

чія войска, взошелъ мѣсяцъ и яркимъ сіяніемъ своимъ спо́собствовалъ приготовленіямъ къ переправѣ. Пѣхота раздѣлась и перешла черезъ рѣку, держа ружья и сумы надъ головами, причемъ вода часто доходила солдатамъ до плечъ. Въ тоже время кавалерія переходила черезъ рѣку выше пѣхоты, чтобъ ослабить силу теченія, при чемъ кавалеристы везли за собою на лошадяхъ одежду пѣхоты, а также и заряды: каждые два человѣка держали патроны надъ головой, чтобъ не подмочить пороха. Такимъ образомъ войска переходили, по-ротно и по-эскадронно, черезъ рѣку; просторный островъ на серединѣ ея служилъ для отдохновенія. Противуположный берегъ былъ крутъ и скалистъ; съ трудомъ взобралась на него кавалерія, пѣхота поднялась легче; орудія и тяжести нужно было встаскивать на веревкахъ. Солдаты тотчасъ же одѣлись и устроились; затѣмъ все двинулось впередъ, вверхъ по правому берегу Лабы. Наконецъ $^{1}/_{12}$ октября на разсвѣтѣ они внезапно, неожиданно напали на кочевье Ногайцевъ, надъ которыми казаки вполнѣ удовлетворили застарѣлое чувство мести. Храбро сопротивлялись Татары, защищая все, что́ дорого для человѣка: женъ, дѣтей, имущество, свободу,—но тщетно! Скоро бѣгство сдѣлалось всеобщимъ и тѣла ихъ покрыли собою обширное поле. Не останавливаясь двинулись побѣдители далѣе. Въ 2-хъ миляхъ (14 верстъ) оттуда выше находилось другое кочевье. Многіе изъ находившихся тамъ, извѣщенные бѣжавшими, спаслись; другіе были настигнуты прежде, чѣмъ успѣли убѣжать; новый бой—новое пораженіе; ввечеру побѣдители остановились для отдыха на мѣстѣ кровопролитнаго побоища. Погибло около 4,000 Татаръ и многія изъ женъ ихъ. Послѣ этого они выслали переговорщиковъ, умоляли о пощадѣ, обѣщали вернуться; другіе бѣжали далѣе въ горы. Русскіе же, исполнивъ эту примѣрную кару, возвратились по той же дорогѣ и также съ большими затрудненіями.

Такимъ образомъ была покорена скипетру Екатерины обширная полоса земли отъ береговъ Днѣпра до подошвы Кавказа, заключавшая въ себѣ Крымъ, Тамань и Кубанскую область,—прекрасный край, ожидавшій только благъ цивилизаціи, чтобы разцвѣсть богато и роскошно! Нѣкогда многократно прославленный въ лѣтописяхъ исторіи, онъ представлялъ въ это время почти однѣ пустынныя степи, въ которыхъ кочевали отдѣльныя орды Татаръ. Здѣсь нѣкогда роскошно цвѣли: греческая торговля, греческія искуства и обычаи;

отсюда Митридатъ, великій царь Понтійскій, сорокъ лѣтъ со славою, хотя и несчастливо, боролся противъ всемірнаго владычества Римлямъ; здѣсь, впослѣдствіи, съ теченіемъ времени появлялись Готѳы и Хазары, Руссы и Генуэзцы; здѣсь, наконецъ, лежалъ общепроходный путь всѣхъ народовъ, переселявшихся изъ Азіи въ Европу—настоящая «*vahina hentium et officina nationum*», по выраженію Готѳа Іорнанда. Позже, на этихъ равнинахъ кочевали Татары, эти завоеватели, которые съ одной стороны воевали въ Силезіи, а съ другой покоряли Китай, эти всемірные бойцы, передъ которыми трепетала Европа и смиренно преклонялась Азія. Теперь эти прекрасныя страны, обладавшія столь богатыми историческими воспоминаніями изъ каждаго періода міра, были навсегда подчинены русскому владычеству.

Такова измѣнчивость судьбы! Тѣхъ самыхъ Татаръ, жестокія нашествія которыхъ нѣкогда повергли Россію въ прахъ и покрыли обширныя ея области трупами и пепломъ, передъ гордыми ханами которыхъ великіе князья являлись съ смиреніемъ и покорностью, принося имъ изъявленіе преданности и денежную дань, и считая себя счастливыми, если не были принуждаемы оставлять въ жертву своимъ высокомѣрнымъ судіямъ и престолъ, и жизнь (7); этихъ Татаръ, составлявшихъ бичь и ужасъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, которыя они повергали въ отчаяніе своими разбойническими набѣгами и изъ которыхъ уводили въ плѣнъ цвѣтъ населенія, для продажи въ Азіи въ рабство; этихъ мучителей въ особенности Польши и Россіи, южныя области которыхъ они столь часто обращали въ пустыни,—ихъ-то постигло теперь мстительное воздаяніе судьбы. Всемірное царство ихъ распалось на многіе обломки, отдѣльные властители которыхъ одинъ за другимъ должны были присягать на вѣрность тому самому государству, которое предки ихъ попирали стопами своими. Какъ часто столица Россіи, Москва, страдала отъ ихъ пагубнаго сосѣдства! какъ часто вздымалось пламя ея пожаровъ, возженныхъ беззаконнымъ насиліемъ, а часто и изъ одной злобной радости, игравшей счастіемъ сотень тысячъ людей! Но таже Москва постепенно поглотила всѣ ихъ государства. Устояло одно послѣднее изъ нихъ—Крымское ханство, подобно памятнику прежняго величія ихъ. Теперь и оно изчезло съ лица земли, а съ нимъ и послѣдніе слѣды

(7) Стоитъ вспомнить хана Узбека, который одинъ казнилъ въ Ордѣ трехъ великихъ князей.

великаго, всемірнаго государства Чингисханова. Такимъ образомъ слабость утратила то, что было пріобрѣтено силою; но подвиги развили силу, несогласія же и изнѣженность, напротивъ, породили слабость, а она постепенно повела къ упадку.

Только сильный можетъ устоять во всякое время. Поэтому, кто обладаетъ еще полнотою силъ своихъ, пусть остерегается допустить ихъ до усыпленія; съ утратою силы погибнутъ и свобода, и счастіе его. И малѣйшій народъ оставляется неприкосновеннымъ, если одолѣніе его обѣщаетъ болѣе затрудненій, нежели выгодъ, между тѣмъ, какъ слабый во всякомъ возбуждаетъ желаніе усилиться на его счетъ.

Упраздненіе Крымскаго ханства и присоединеніе его къ Россіи было дѣломъ высокой политической мудрости и, кромѣ того—что бы ни говорили враги Россіи—дѣломъ необходимости и даже человѣколюбія. Сколько столѣтій Татары эти были бичами Россіи и Польши! Обѣимъ державамъ этимъ часто было дѣлаемо предложеніе уничтожить это разбойничье гнѣздо; но всякому совокупному предпріятію ихъ противъ него препятствовали недостатокъ согласія и глубоко вкоренившіяся взаимныя зависть и ненависть, которыя были рады устремлять эти дикія орды на ненавистнаго противника, хотя, можетъ быть, на слѣдующій же годъ самимъ приходилось страдать отъ ихъ хищническихъ набѣговъ. И такимъ образомъ эти опасные разбойники въ теченіе цѣлыхъ столѣтій продолжали свое ремесло на счетъ своихъ сосѣдей. Спасенные сначала соперничествомъ между Россіею и Польшею, впослѣдствіи они были спасены покровительствомъ Порты и собственною слабостью, которая дѣлала ихъ уже менѣе опасными, а истребленіе ихъ—менѣе вожделѣннымъ, чѣмъ прежде. Однако еще въ 1768 году они, въ страшномъ набѣгѣ, опустошили южныя области Россіи и цѣлыми толпами угнали съ собою людей и скотъ; поэтому давно уже наступила пора стереть съ лица земли это разбойничье гнѣздо, столь пагубное для юго-восточныхъ странъ Европы.

Порта, устрашенная прежними пораженіями своими, равно какъ и могочисленнымъ, готовымъ къ бою, русскимъ войскомъ, и въ тоже время побуждаемая дѣятельнымъ посредничествомъ французскаго двора, который наилучшимъ обезпеченіемъ ея безсилія считалъ уступчивость и сохраненіе мира, изъявила наконецъ согласіе и договоромъ 28 дек. 1783 г. (8 янв. 1784 г.) признала русскую монархиню верховною властительницею этихъ странъ, которымъ теперь снова были усвоены ихъ прежнія названія: *Кавказъ* и *Таврида*.

Что касается несчастнаго Шагинъ-Гирея, то онъ отправился

въ Воронежъ, дабы тамъ, пользуюсь назначеннымъ ему содержаніемъ, окончить свое жизненное поприще. Но этотъ человѣкъ, который дотолѣ постоянно былъ игралищемъ людскихъ страстей, остался имъ до самой своей смерти. Князь Потемкинъ, чтобъ избавиться отъ него, приказалъ, безъ вѣдома императрицы, отпускать ему все менѣе и менѣе содержанія, такъ что онъ наконецъ рѣшился бѣжать въ Константинополь къ своимъ единовѣрцамъ. Несчастный спѣшилъ на встрѣчу своей гибели. Сначала онъ былъ принятъ хорошо, но вскорѣ старая злоба выступила наружу и его послали въ ссылку на островъ Родосъ, гдѣ турецкое вѣроломство положило печальный предѣлъ его жизни (8). Таковъ былъ конецъ послѣдней владѣтельной главы Татаръ. Такъ переходятъ могущество и сила изъ однѣхъ рукъ въ другія! Нѣтъ даже простаго надгробнаго камня, который указывалъ бы мѣсто, гдѣ покоится прахъ послѣдняго изъ Чингисидовъ

Затѣмъ на нѣсколько лѣтъ наступилъ полный миръ; время это впрочемъ не было потеряно для нашего героя. Онъ воспользовался имъ для собственнаго своего образованія и для постояннаго изученія лучшихъ историческихъ и военныхъ сочиненій. Онъ, котораго предразсудки человѣческіе, введенные въ обманъ странными его поступками, выдавали за невѣжду, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и, при свѣтломъ умѣ и разнообразной личной опытности, обладалъ глубокими воззрѣніями на теорію военнаго искуства. Кромѣ того, онъ зналъ людей и въ особенности солдатъ, между которыми постоянно жилъ, и ему знакомы были тѣ тайныя пружины, которыми можно двигать ихъ умы. Поэтому-то онъ и могъ дѣлать изъ нихъ все, что угодно: по одному слову его они не страшились самой большой опасности и не колеблясь шли на встрѣчу явной смерти.

И теперь снова пришлось ему испытать различныя перемѣщенія изъ одного корпуса въ другой. Онъ отправился было въ Москву къ своему семейству, но получилъ начальство надъ Владимірскою дивизіей, а изъ нея въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ Петербургскую. Здѣсь онъ находился и въ то время, когда рѣшено было достопамятное путешествіе императрицы въ Крымъ, долженствовавшее послужить поводомъ къ новой войнѣ и тѣмъ снова открыть ему поприще геройскихъ дѣйствій.

---

(8) Жизнь его, какъ владѣтельнаго лица чингисхановой крови, должна была, по мусульманскимъ законамъ, быть неприкосновенною.

Къ этому, кажется, времени относится и слѣдующій анекдотъ. По какому-то недосмотру онъ не попалъ въ списокъ генераловъ, находившихся на дѣйствительной службѣ, что̀ чрезвычайно огорчало его. Онъ явился къ государынѣ, бросился ей въ ноги и лежалъ неподвижно. Когда она протянула къ нему руку, чтобы поднять его, онъ быстро вскочилъ, поцѣловалъ эту руку и воскликнулъ: «кто теперь противъ меня? сама монархиня поднимаетъ меня!» Вечеромъ того же дня въ Царскомъ Селѣ было увеселительная прогулка въ лодкахъ и Суворовъ имѣлъ счастіе грести весломъ на той лодкѣ, гдѣ сидѣла императрица. Когда причалили къ берегу, онъ выскочилъ изъ лодки такимъ отчаяннымъ прыжкомъ, что государыня испугалась. Затѣмъ онъ сталъ извиняться, что такъ дурно везъ ее—потому что онъ вѣдь только *инвалидъ*. «Нѣтъ, возразила государыня, кто можетъ дѣлать такіе страшные прыжки, тотъ право не инвалидъ.» Въ тотъ же день онъ былъ внесенъ въ списокъ генераловъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, и получилъ дивизію (9).

Ничѣмъ лучшимъ не считаемъ заключить этотъ отдѣлъ, какъ слѣдующими вѣрно сказанными словами одного изъ его жизнеописателей (10): «Если мы до сихъ поръ постоянно хвалили Суворова, то это было потому, что мы не находили въ немъ ничего достойнаго порицанія. Мы видѣли его во всякое время усерднымъ, дѣятельнымъ, неутомимымъ воиномъ, простымъ въ своихъ нравахъ, занятымъ только своимъ ремесломъ; нигдѣ и ничего не видѣли мы въ его поступкахъ, что̀ могло бы обличить въ немъ корыстолюбіе, честолюбіе, сластолюбіе или забвеніе своихъ обязанностей. Любовь и любовныя дѣла были чужды ему, потому что онъ, вѣроятно, считалъ ихъ слабостью, недостойною воина, который долженъ повелѣвать другими; тоже можно сказать и о придворныхъ интригахъ, столь частыхъ въ то время въ его странѣ. Ему 56 лѣтъ и онъ уже болѣе 40 на службѣ; онъ сражался съ Пруссаками, Поляками, Турками и Татарами: противъ первыхъ онъ съ немногими сотнями сдѣлалъ болѣе, нежели тогдашніе полководцы съ многими тысячами; противъ вторыхъ онъ преодолѣлъ искуснѣйшихъ предводителей, разрушилъ всѣ принятыя ими мѣры и уничтожилъ всѣ ихъ надежды; третьихъ онъ разбилъ во многихъ дѣлахъ и вложилъ въ души

---

(6) Фуксъ. Анекдоты Суворова. С.П.Б., 1827 года, стр. 1 и проч.

(10) Laverne. Histoire de Souworow. Paris, 1809. 8. p. 126 etc.

ихъ зародышъ того страха, котóрый впослѣдствіи долженъ былъ вселяться въ нихъ при одномъ имени его, наконецъ, изъ числа четвертыхъ, онъ подчинилъ Россіи самыя дикія и ожесточенныя орды ихъ. И послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, онъ только генералъ-лейтенантъ: несомнѣнно, что этотъ чинъ, какъ онъ ни высокъ, былъ имъ достойно заслуженъ и пріобрѣтенъ не покровительствомъ, а заслугами».

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ВЪ КРЫМЪ.—НАЧАЛО ВТОРОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

1787.

Потемкинъ.—Планы его противъ Турокъ.—Тогдашнія взаимныя отношенія европейскихъ государствъ.—Систѣма равновѣсія.—Союзъ Россіи съ Австріею.—Усилія Франціи сохранить миръ.—Какія причины побудили императрицу предпринять путешествіе въ Крымъ.—Приготовленія къ тому Потемкина.—Путешествіе императрицы до Кіева.—Пребываніе въ этомъ городѣ.—Замѣчательные иностранцы.—Выѣздъ оттуда.—Каневъ.—Свиданіе съ королемъ польскимъ.—Кременчугъ.—Прибытіе сюда императора Іосифа.—Херсонъ.—Крымъ.—Обратный путь.—Подозрительность и негодованіе Порты.—Она объявляетъ войну.—Какъ выразилась императрица.—Вооруженія Россіи.—Приготовленія Порты.—Суворовъ въ Кинбурнѣ.—Храбрый Ломбардъ.—Бой при Кинбурнѣ 1-го октября.—Суворовъ раненъ.

Пріобрѣтеніемъ важныхъ южныхъ областей, нынѣ извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Новороссійскаго края*, императрица была обязана въ особенности мудрообразнымъ мѣрамъ князя Потемкина, а потому и ввѣрила ихъ дальнѣйшему покровительству его. Онъ былъ теперь самымъ значительнымъ человѣкомъ въ Россіи, благосклонности котораго искали даже иностранныя державы: поэтому личность его заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Сынъ мелкопомѣстнаго Смоленскаго дворянина, сначала предназначавшійся въ духовное званіе, онъ промѣнялъ его потомъ на военное, въ которомъ ничтожное обстоятельство доставило ему случай сдѣлаться извѣстнымъ императрицѣ. При правительственной перемѣнѣ, вслѣдствіе которой Екатерина II вступила на престолъ, она замѣтила, когда стала въ главѣ войскъ, что на шпагѣ у нея не было темляка, и потребовала онаго. Потемкинъ, бывшій тогда вахмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, приблизился къ Екатеринѣ

и предложилъ ей свой темлякъ. Она принимаетъ его; Потемкинъ хочетъ удалиться, но лошадь его, привыкшая къ эскадрону, жмется къ лошади императрицы. Екатерина смѣется, говоритъ съ нимъ, его отвѣты, его осанка, его живость нравятся ей—она освѣдомляется о его фамиліи, производитъ его въ чинъ и вскорѣ послѣ того жалуетъ ему званіе каммеръ-юнкера при дворѣ. Такимъ образомъ упрямство ртачливой лошади послужило первымъ поводомъ къ его возвышенію. Однако мгновенная милость бываетъ полезна только умному человѣку, который умѣетъ пользоваться ею; для неискуснаго и наилучшіе случаи бываютъ пропадшіе. Потемкинъ былъ созданъ для того, чтобъ извлечь всю возможную пользу изъ этого счастливаго случая. Съ этой минуты онъ составилъ планъ возвыситься до высшихъ почетныхъ званій, стремился къ этой цѣли съ непоколебимымъ постоянствомъ, счастіе благопріятствовало ему—и вскорѣ онъ сталъ первымъ лицомъ въ Имперіи.

Однако многіе возвысились и столь же скоро снова пали; не въ возвышеніи, а въ *удержаніи себя* на высотѣ, на которой кружится голова, оказывается геній человѣка. Въ этомъ Потемкинъ обнаружилъ изумительное искуство и умѣлъ до послѣдней минуты сохранить пріобрѣтенное значеніе. Для того, чтобы надолго сохранить неограниченное довѣріе такой женщины, какою была императрица Екатерина, безъ сомнѣнія нужно было имѣть болѣе нежели обыкновенныя качества, что бы ни говорили клеветники Потемкина.

Послушаемъ мнѣній значительныхъ людей, имѣвшихъ много случаевъ наблюдать его (1).

Князь Потемкинъ обладалъ мужественною красотою, гордою, повелительною наружностью. Природа, никогда не надѣляющая скупо любимцевъ своихъ дарами, щедро осыпала его оными, и съ крѣпкимъ и сильнымъ тѣломъ даровала ему и душу, украшенную превосходнѣйшими свойствами: проницательный, свѣтлый умъ и вѣрный, мѣткій разсудокъ соединялись въ немъ съ блистательною силою воображенія и съ волею, которую никакія препятствія не были въ состояніи поколебать.

Изумительна была его память: (2) онъ удерживалъ въ ней все,

---

(1) Слѣдующее изображеніе основано частію на словесныхъ разсказахъ (кто въ Россіи не имѣетъ чего разсказать про Потомкина!), частію же на описаніяхъ Сегюра, де-Линя, Ришельё и другихъ, которые были близки къ нему.

(2) О силѣ этой памяти имѣются разсказы, одинъ другаго необычайнѣе. Такъ однажды передъ полуднемъ, пока французскій посланникъ Сегюръ, читалъ ему длинную

ничего не смѣшивая; онъ пріобрѣлъ познанія о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и единственно посредствомъ словесныхъ бесѣдъ, потому что ничего не читалъ, но былъ неутомимъ въ вопросахъ. Подобнаго рода образованность, хотя и обширна, но рѣдко глубока, потому что ей недостаетъ научнаго основанія; такою была она и у него, и всѣмъ его познаніямъ часто недоставало зрѣлости и основательности. Любознательность побуждала его всюду искать наставленія, и онъ особенно любилъ заставлять спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ разсуждать между собою въ его присутствіи, дабы усвоивать себѣ слышанное. Этимъ способомъ онъ достигъ наконецъ того, что могъ бесѣдовать, безъ малѣйшей ошибки, со всякаго рода учеными льдьми, богословами и правовѣдами, естествоиспытателями и военными людьми, купцами, художниками и даже ремесленниками и крестьянами, объ особенныхъ занятіяхъ каждаго изъ нихъ, и даже возбуждалъ въ нихъ мнѣніе, что они бесѣдовали съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ ихъ спеціальности.

Особенно любилъ онъ богословіе, можетъ быть вслѣдствіе первоначальнаго назначенія своего, и не смотря на его мірскіе помыслы, онъ былъ не только вѣрующій, но даже суевѣрный человѣкъ и убѣжденъ въ особенномъ покровительствѣ святаго, имя котораго носилъ. Во всякое время можно было увѣреннымъ быть въ отвлеченіи его вниманія и въ отвлеченіи онаго отъ другихъ предметовъ, разсужденіемъ съ нимъ о спорахъ между греческою и латинскою церквами и о бывшихъ для ихъ рѣшенія соборахъ, потому что тутъ онъ могъ развить всю свою ученость и дѣлалъ это съ особеннымъ удовольствіемъ.

При такой счастливой памяти, онъ обладалъ живою, быстрою, подвижною душою, но въ тоже время лѣнивымъ, любившимъ покой тѣломъ. Отъ этого происходили рѣзкія противоположности. Не было ничего необыкновеннаго видѣть его переходившимъ отъ усиленнѣйшей дѣятельности къ самому крайнему бездѣйствію. Тогда онъ цѣлыя недѣли проводилъ дома, растянувшись на диванѣ, въ спаль-

---

и запутанную записку, онъ занимался разнаго рода предметами, не обращая, по видимому, вниманія на него. Сегюръ обидѣлся этою невнимательностью и положилъ свою бумагу въ карманъ. Нѣсколько дней спустя, Потемкинъ приказалъ вручить ему подробный отвѣтъ на всѣ пункты этой записки, ни одна статья оной не была забыта имъ.— «Ну, батюшка, слушалъ я или нѣтъ?» спросилъ онъ Сегюра, который изумился силѣ его памяти.

номъ тулупѣ, съ голой шеей и голыми ногами, съ задумчивымъ челомъ и не говоря ни слова.

Еслиже затѣмъ его увлекала какая-либо особенная страсть, то онъ внезапно воставалъ изъ этого бездѣйствія, и съ усугубленнымъ рвеніемъ бросался за дѣло, для того, чтобы вскорѣ затѣмъ снова нерадѣть о нихъ. Отъ этого, препятствія къ выполненію великихъ предпріятій заключались единственно въ немъ самомъ. Онъ составлялъ обширнѣйшіе планы, съ прозорливостью расчитывалъ всѣ средства къ исполненію ихъ, а когда дѣло доходило до дѣйствія, то они сокрушались о недѣятельность его характера. Малѣйшее развлеченіе отвлекало его, онъ предоставлялъ исполненіе низшимъ подчиненнымъ лицамъ, часто безъ причины по недѣлямъ задерживалъ рѣшенія, и благопріятное время уходило безвозвратно. Отъ этого-то онъ такъ мало совершилъ въ сравненіи съ тѣмъ, что имѣлъ въ виду совершить. Безъ крайнихъ противоположностей въ его характерѣ, въ его, благопріятное для того, время безспорно было бы совершено еще болѣе великихъ дѣлъ.

Неровное настроеніе духа его сообщало и его желаніямъ, видамъ и цѣлой его жизни величайшую неровность. То онъ хотѣлъ быть герцогомъ курляндскимъ, то королемъ польскимъ, и затѣмъ— архіереемъ или простымъ монахомъ. Онъ началъ строить дворецъ— и продалъ его, не достроивъ; сегодня онъ только и бредилъ сраженіями и войною, и окружалъ себя искусными военными людьми; завтра онъ помышлялъ только о политикѣ и хотѣлъ дѣлить Турцію; затѣмъ онъ все забывалъ для двора, и только и думалъ о празднествахъ, блескѣ и роскоши. Никогда не былъ онъ одинъ и тотъ же.

Въ немъ соединялись самыя противоположныя качества: онъ былъ скупъ—и расточителенъ, высокомѣренъ—и привѣтливъ, крутъ — и добродушенъ, гордъ — и довѣрчивъ, боязливъ — и отваженъ, смотря по настроенію его въ ту или другую минуту, и въ одинъ и тотъ же часъ времени можно было видѣть его въ самыхъ противоположныхъ крайностяхъ состоянія духа, то радостно усмѣхающимся, то въ тяжкой задумчивости, то весело шутливымъ, то угрюмо зѣвающимъ, быстро дающимъ приказанія и немедленно затѣмъ отмѣняющимъ ихъ.

Въ обществѣ онъ и самъ былъ неловокъ, и другихъ приводилъ въ замѣшательство; сердился на тѣхъ, которые его боялись, но былъ ласковъ съ тѣми, которые обходились съ нимъ смѣло и непринужденно. Поэтому для того, чтобы пріобрѣсть его расположеніе нужно было показывать видъ, что не боишься его, говорить съ нимъ

довѣрчиво и своей непринужденностью и откровенностью избавлять его отъ стѣсненія и замѣшательства. Хотя, являясь публично, онъ держалъ себя гордо, высокомѣрно, почти недоступно, но только потому, что чувствовалъ свою неловкость и хотѣлъ скрывать это подъ холодною и гордою наружностью; въ откровенныхъ же сношеніяхъ онъ былъ ласковъ и шутливъ.

Душа его требовала большихъ затрудненій и препятствій, для того, чтобъ быть въ напряженіи, иначе впадала въ усыпленіе и безпечность. Тогда онъ изнемогалъ подъ бременемъ счастія, подъ множествомъ должностей, почетныхъ званій, богатства, наслажденій. Тогда жизнь была ему въ тягость. Недовольный тѣмъ, чѣмъ обладалъ, жаждавшій того, что̀ не было дано ему, требовавшій всего и всемъ пресыщенный, онъ казался баловнемъ счастія, въ высшей степени несчастнымъ именно отъ избытка счастія.

Онъ имѣлъ безспорно свои недостатки: былъ тщеславенъ, расточителенъ, властолюбивъ, кичливъ, не щадилъ никого, сокрушалъ того, кто ему сопротивлялся; часто нерадѣлъ о государственныхъ дѣлахъ и предавался своей лѣни; но за то какой всеобъемлющій умъ, что за проницательный взглядъ, какія энергія и дѣятельность, если онъ имѣлъ въ виду какую-либо великую цѣль, какая любовь къ его государынѣ и къ его отечеству! Геній его нравился Екатеринѣ, потому что соотвѣтствовалъ ея генію, оттого—и постоянная милость ея къ нему.

Эгоизмъ его иногда былъ возмутителенъ; для достиженія его цѣлей, каждое средство казалось ему пригоднымъ, а эти цѣли слишкомъ часто были совершенно самолюбивы. Право было ему ни почемъ; лишь одно полезное ему самому всегда было и справедливымъ для него. Онъ старался устранить или подавить все, что̀ обнаруживало достоинство или преграждало ему дорогу: чѣмъ кто былъ выше и значительнѣе, тѣмъ скорѣе долженъ былъ ожидать оскорбленія отъ него. Оттого-то сильнѣйшіе люди именно и боялись его, и въ отношеніи къ нимъ-то онъ и оказывалъ величайшую гордость. Вѣсокомѣріе его часто было возмутительно. Къ низшимъ, напротивъ, онъ былъ радушенъ, снисходителенъ, довѣрчивъ, безъ униженія для себя.

Такимъ образомъ въ немъ, какъ и во всѣхъ необыкновенныхъ людяхъ, добро и зло взаимно взвѣшивали себя и, смотря по обстоятельствамъ, то одно, то другое брало верхъ; ибо, чтобы ни говорили, ни одинъ человѣкъ, даже самый основательный, не бываетъ всегда ровенъ, всегда одинъ и тотъ же. Здоровье, расположеніе ду-

ха, какой-нибудь случай, пріятное или непріятное извѣстіе, опредѣляютъ минутное настроеніе и побуждаютъ насъ иногда къ словамъ или дѣламъ, которыхъ мы не сказали или не сдѣлали бы въ другое время.

При такомъ характерѣ, у него не могло быть недостатка во врагахъ, желавшихъ его паденія: но его превосходный умъ и опасеніе оскорбить его всегда сдерживали ихъ въ должныхъ границахъ.

Таковъ былъ человѣкъ, выступившій въ качествѣ рѣшительнаго противника Турокъ и главнаго двигателя всѣхъ предпріятій, направленныхъ противъ нихъ. Если эти предпріятія подъ конецъ и не удались, то виною сего, кромѣ иностраннаго вмѣшательства, единственно то обстоятельство, что Потемкинъ не былъ полководцемъ. Природа надѣлила его многими дарованіями, но отказала лишь въ тѣхъ, которыя составляютъ принадлежность полководца, и съ многочисленнѣйшими, опытнѣйшими арміями онъ ничего не умѣлъ предпринимать. Какъ высоко стоялъ передъ нимъ въ этомъ отношеніи Румянцовъ!

Его понятія о военномъ дѣлѣ были очень правильны, перемѣны, которыя онъ, въ званіи президента военной коллегіи, произвелъ въ устройствѣ и хозяйствѣ войскъ, были сообразны съ цѣлію, полезны и согласны съ народнымъ духомъ, но предводительствовать арміею онъ былъ неспособенъ: опытъ четырехъ походовъ долженъ былъ достаточно доказать это.

Въ это время душа его исполнена была преимущественно великими планами противъ Турокъ, и еслибъ онъ исполнилъ ихъ съ такимъ же напряженіемъ, съ какою мудростью составилъ ихъ, то юго-востокъ Европы получилъ бы другой видъ, многіе кровавые перевороты были бы отвращены и Потемкинъ, по справедливости, сникалъ бы себѣ признательность потомства. Независимое греческое государство въ этихъ прекрасныхъ странахъ, истощаемыхъ турецкимъ деспотизмомъ, могло бы имѣть совсѣмъ другой вѣсъ въ средѣ народовъ, и равновѣсіе Европы, вмѣсто нарушенія, было бы болѣе упрочено. Но большая часть дворовъ, тогда, какъ и позже, скрывала тайную зависть свою къ Россіи подъ громко-звучавшими фразами сохраненія европейскаго равновѣсія и, казалось, думала, что благо всѣхъ государствъ зависѣло отъ расположенія дикой орды варваровъ кочевьемъ среди Европы. И такимъ образомъ произошло то, что надежды человѣческаго рода на этотъ разъ не осуществились (3).

---

(3) Мы не имѣемъ даже надобности прибавлять, что это и другія подобныя мѣста были

Во время Петра Великаго, когда Россія еще была лишена всѣхъ морей (исключая сѣвернаго) и, вслѣдствіе того, всякаго удобнаго торговаго сообщенія съ Европой, естественная политика требовала стремленія къ пріобрѣтенію гаваней, для свободнаго сбыта произведеній государства. Усиліямъ этого великаго человѣка удалось пріобрѣсть богатыя гаванями страны на берегахъ Финскаго залива и Балтійскаго моря (Лифляндію, Эстляндію и Ингерманландію съ частію Финляндіи) и этимъ споспѣшествовать процвѣтанію сѣверныхъ областей. Но недоставало еще доступовъ къ южнымъ морямъ: съ трудомъ добытый Азовъ долженъ былъ, послѣ несчастнаго Прутскаго похода, снова быть возвращенъ, и великій преобразователь своего государства умеръ слишкомъ рано для того, чтобъ исправить послѣдствія этой неудачи. Хотя двѣнадцать лѣтъ послѣ его смерти, призванный имъ Минихъ побѣдилъ Турокъ и опустошилъ Крымъ, но безъ дальнѣйшихъ полезныхъ послѣдствій. Однако Минихъ, великій человѣкъ, первый обнаружилъ внутреннее безсиліе турецкой державы и возможность низпровергнуть ее. Онъ поселилъ эту мысль въ душѣ Екатерины и обратилъ вниманіе послѣдней на завидную славу—Екатеринѣ Второй довершить то, что̀ Петръ Первый предпріялъ. Собственныя, позднѣйшія побѣды ея надъ Турками подтвердили вѣрность его мнѣній и показали возможность исполненія. Первыми усиліями мудрой политики долженствовало быть—прежде устранить Татаръ и изъять ихъ изъ-подъ вліянія Порты. Это было достигнуто по Кайнарджійскому миру, однако не до такой степени рѣшительно, чтобы лишить Турокъ всякаго вліянія на Татаръ: это слишкомъ доказали частыя возстанія ихъ. Усиліями, переговорами и искусными мѣрами Потемкина удалось наконецъ привести этихъ опасныхъ сосѣдей въ полную зависимость отъ Россіи и этимъ открыть южнымъ областямъ государства, для бо̀льшаго процвѣтанія ихъ, берега моря. Отнынѣ должна была наступить новая жизнь для нихъ и въ тоже время было пріобрѣтено выгодное положеніе противъ Порты. Прежде невозможно было наступать къ Дунаю, не подвергая опасности фланговъ и тыла: теперь это было устранено, и недоставало только обладанія Очаковымъ, чтобы вполнѣ быть обезпеченнымъ съ этой стороны.

написаны еще въ 1826 году,—съ тѣхъ поръ дѣла въ Турціи приняли другой видъ: возникло Греческое королевство, и теперешній (въ 1858 г.) султанъ всѣми силами стремится къ тому, чтобы упрекъ въ «дикомъ варварствѣ» впредь не былъ болѣе дѣлаемъ его народу. Пожелаемъ ему счастья и успѣха въ его трудномъ предпріятіи: оно заслуживаетъ того (Авторъ). Желаемъ, но сомнѣваемся (Редак.).

Совершенное изгнаніе Турокъ изъ Европы и вытѣсненіе ислама Крестомъ представляли заманчивую задачу, разрѣшеніе которой, по пріобрѣтенному прежде опыту, казалось не слишкомъ труднымъ. На это старался Потемкинъ обратить вниманіе своей государыни, для этой цѣли онъ трудился самъ неизмѣнно, побѣждая свою обычную лѣнь. Для счастливаго достиженія предположенной цѣли необходимо было—склонить въ свою пользу или къ неутралитету важнѣйшія европейскія государства. Всѣ средства были употреблены для этого, и тогдашнее положеніе Европы благопріятствовало надеждѣ удержанія кабинетовъ, при исполненіи великаго проекта, отъ ближайшаго вмѣшательства. Европейскія государства представляли тогда три различныя группы, каждая изъ которыхъ, сверхъ общей цѣли такъ-называемаго равновѣсія, стремилась еще къ своей особенной.

Во-первыхъ на западѣ Франція стояла противъ своей старинной соперницы, Англіи. Взаимная вражда обоихъ этихъ государствъ скрывается во мракѣ древности, и исторія ихъ есть непрерывная лѣтопись ихъ войнъ. Такъ глубока была ихъ взаимная ненависть, что достаточно было одному принять чью-либо сторону, для того, чтобы другое стало на противуположную. Еще недавно видѣлъ міръ, что Англія, ради Пруссіи, которой не любила, покинула свою давнишнюю союзницу, Австрію, потому, что послѣдняя заключила союзъ съ Франціей. Каждое изъ обоихъ этихъ государствъ было увѣрено, что всегда встрѣтитъ другое въ рядахъ своихъ противниковъ, въ какую бы сторону ни устремляло своихъ усилій. Этимъ отношеніямъ были подчинены и взаимныя отношенія Испаніи и Португаліи: какъ сосѣди по границамъ, часто ведя войны между собой, оба эти государства ненавидѣли другъ друга, какъ обычно сосѣдямъ, и вслѣдствіе того давали противуположное направленіе и своей политикѣ: Испанія, управляемая Бурбонами, держалась Франціи, а соперница ея, Португаллія—Англіи.

Вторую группу образовали Австрія и Пруссія. Съ тѣхъ поръ, какъ Фридрихъ II воспользовался стѣсненнымъ положеніемъ Маріи-Терезіи, для того, чтобъ отторгнуть отъ нея одну изъ лучшихъ ея областей, между обоими этими государствами существовала глубокая вражда. И здѣсь также одно всегда могло расчитывать, что найдетъ другаго на сторонѣ своихъ враговъ. Марія-Терезія отмстила Фридриху тѣмъ, что вооружила цолъ-Европы противъ него, и если не достигла своей цѣли, то имѣла по крайней мѣрѣ удовольствіе видѣть ненавистнаго противника своего на краю гибели. Только обоюдное истощеніе силъ положило конецъ этой войнѣ: ненависть и враж-

да остались, и оба мощные соперника никогда не теряли другъ друга изъ виду, постоянно оказывая готовность по первому поводу снова поднять другъ противъ друга оружіе.—Меньшіе государи имперіи, смотря по своему положенію или по своимъ особеннымъ выгодамъ, придерживались того или другаго изъ этихъ государствъ.

Наконецъ третью группу образовала Россія противъ Польши, Швеціи и Порты. При Екатеринѣ впервые такъ глубоко укоренилась вражда съ послѣднею; прежнія войны съ нею не имѣли никакихъ дальнѣйшихъ цѣлей; со временъ Екатерины началась борьба на жизнь и смерть. Порта должна была привесть въ напряженіе всѣ свои силы для того, чтобы, имѣя противъ себя такую могущественную противницу, сохранить бытіе свое въ Европѣ. Не смотря на то, она пала бы подъ конецъ, еслибы не находила всегда столькихъ покровителей между остальными державами, которыя признавали существованіе ея непремѣнно нужнымъ для безопасности Европы и потому всегда умѣли удерживать ея паденіе.

Кромѣ Порты, Россія имѣла еще двухъ второстепенныхъ противниковъ въ Польшѣ и Швеціи, которыя обѣ нѣкогда были велики и могущественны, но, по причинѣ дурныхъ государственныхъу учрежденій, глубоко пали съ своей высоты, однако все-таки могли всегда имѣть значительный вѣсъ противъ Россіи, еслибы соединили свои силы съ силами Турокъ.—Но Польша, съ своею извращенною конституціей, своимъ слабымъ королемъ, своими мятежными или подкупленными магнатами, была теперь какъ бы безоружною; Шведамъ же можно было противупоставить ихъ непримиримыхъ враговъ, Датчанъ, въ союзѣ съ Россіей, и этимъ раздѣлить силы. Поэтому главнымъ противникомъ Россіи оставалась—Порта.

Такимъ образотъ могущество и сила Европы казались какъ бы раздѣленными на двѣ части и положенными на вѣсы, на которыхъ, безпрестанно колеблясь то въ ту, то въ другую сторону, то одна, то другая часть грозила быстро возвыситься.—На этомъ покоилась система равновѣсія, рожденная сначала Австрійско-Испанскимъ, а потомъ Французскимъ, при Людовикѣ XIV, политическимъ перевѣсомъ.—Ни одно государство не должно было впредь быть до такой степени сильнымъ, чтобы тѣмъ подвергать опасности свободу и независимость другихъ государствъ, и кабинеты завистливо сторожили, чтобъ этотъ основный законъ не былъ нарушаемъ.—Одно только не было при этомъ принято въ расчетъ—вліяніе нравственной силы. Вслѣдствіе распространеннаго тогда на всѣ предметы матеріалист-

скаго взгяда (4), думали, что число квадратныхъ миль и жителей служило достаточною мѣрой для опредѣленія относительной силы, но упускали изъ виду, что эта мѣра слишкомъ часто обманчива, потому что народъ, руководимый великими людьми или движимый нравственными побужденіями, легко разрушаетъ всѣ эти матеріальные расчеты. Въ то самое время, когда эту систему превозносили до высшей степени, должно было извѣдать на опытѣ, что она была совершенно низпровергнута.

Не одно число квадратныхъ миль, не одна величина народонаселенія даютъ мѣру силы государствъ (все, что на землѣ, земное, состоитъ изъ соединенія многихъ составныхъ частей, совокупному дѣйствію которыхъ всегда способствуютъ тысячи различныхъ причинъ),—но столько же и даже еще болѣе значатъ духъ и настроеніе жителей, государственное учрежденіе и историческія воспоминанія, благосостояніе, богатство, природныя дарованія и образованность, духъ, одушевляющій правительство, свойства страны и ея границъ, наконецъ, тысячи случайностей, въ иное время дѣйствующихъ, а въ другое—нѣтъ. Иной народъ сегодня съ неограниченнымъ самоотверженіемъ и успѣхомъ сражался противъ многочисленныхъ, сильныхъ враговъ, потому что былъ одушевленъ высокою мыслію; завтра—онъ позорно падаетъ передъ слабѣйшимъ противникомъ, потому что одушевлявшая его мысль уже болѣе не свѣтитъ ему. Примѣры излишни: они не далеки и исторія указываетъ ихъ на всѣхъ своихъ страницахъ.

Въ послѣдней войнѣ интриги Франціи и угрозы Австріи воспрепятствовали императрицѣ извлечь болѣе выгодъ изъ своихъ побѣдъ надъ Турками. Теперь дѣло было въ томъ, чтобъ обѣ эти державы, преимущественно находившія свои выгоды въ сохраненіи Порты, привлечь на свою сторону или по крайней мѣрѣ удержать отъ поданія ей помощи. Съ Австріей это было легко исполнить. Молодой, восторженный императоръ Іосифъ II усердно искалъ дружбы Россіи, чтобъ отвлечь ее отъ непримиримаго врага своего дома, короля Прусскаго. Для Россіи же содѣйствіе его въ восточномъ проектѣ казалось особенно важнымъ. А потому обѣ стороны и сблизились одновременно и легко. Лѣтомъ 1780 года Екатерина и Іосифъ имѣли личное свиданіе въ Могилевѣ и Петербургѣ, гдѣ и произошли первые переговоры о будущемъ союзѣ. Такъ какъ въ это

(4) Самъ же Фридрихъ Великій говорилъ, что не сила и мужество, а употребленіе болѣе или менѣе многочисленной артиллеріи рѣшаетъ судьбу государствъ.

время истекалъ срокъ Прусскаго союза, впервые заключеннаго въ 1764 году и долженствовавшаго возобновляться черезъ каждыя восемь лѣтъ, то возобновленіе его было отложено Русскимъ дворомъ подъ различными предлогами и наконецъ совсѣмъ отклонено, а вмѣсто того заключенъ союзъ съ Австріей.

Россія и Австрія надѣялись пріобрѣсть выгоды отъ этого союза между ними, хотя каждая имѣла при этомъ свои особенные виды. Что̀ для одного двора было цѣлію, то для другаго было средствомъ, и на оборотъ. Россія желала изгнанія Турокъ изъ Европы и учрежденія греческой имперіи, съ этою цѣлію должно было привлечь Австрію и склонить ее къ содѣйствію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она желала сохранить союзъ или по крайней мѣрѣ доброе согласіе съ Пруссіей. Австрія же имѣла цѣлію расторженіе этого союза и содѣйствіе со стороны Россіи собственнымъ ея, Австріи, видамъ на поземельное расширеніе; ради этого она не хотѣла препятствовать проектамъ противъ Турокъ, хотя неохотно смотрѣла на низпроверженіе Порты. Наконецъ, обоимъ дворамъ союзъ между ними былъ пріятенъ, потому что давалъ имъ вѣсъ въ общественномъ мнѣніи (5).

Посредствомъ Австріи надѣялись привлечь и Францію. Въ главѣ французскаго кабинета въ это время былъ графъ де-Верженнъ, человѣкъ умѣренныхъ правилъ и съ вѣрнымъ политическимъ взглядомъ; цѣлію его было преимущественно сохраненіе мира въ Европѣ. Въ 1768 году онъ принужденъ былъ, по волѣ своего двора, возбудить Порту къ войнѣ противъ Россіи, но уже тогда предсказалъ вредныя послѣдствія этой войны, слишкомъ хорошо узнавъ слабость Турціи, въ продолженіе долговременнаго пребыванія своего посломъ въ Константинополѣ. Теперь, проникнутый убѣжденіемъ, что всякая новая война должна была неминуемо повлечь за собой паденіе Турціи, онъ всячески старался воспрепятствовать ей. По этимъ причинамъ Порта, усиліями Версальскаго кабинета, была побуждена сдѣлать такія уступки, на которыя никакъ не согласилась бы иначе. Она не только не возражала противъ покоренія Крыма русской власти, но и согласилась, 10 (21) іюня 1783 г., на дружественный и торговый съ Петербургскимъ дворомъ договоръ, по которому русскіе подданные пріобрѣли значительныя выгоды и уравнены съ наиболѣе благопріятствуемыми въ турецкихъ владѣніяхъ націями. Россія получила право свободнаго плаванія во всѣхъ ту-

(5) См. объ этомъ въ **Dohm's Denkwürdigkeiten** II, 46 и далѣе.

рецкихъ водахъ и опредѣленія своихъ консуловъ, съ посольскими преимуществами, во всѣ мѣста по своему усмотрѣнію. Наконецъ, вслѣдъ за этимъ, Порта признала, договоромъ 28 декабря 1783 (8 января 1784) года, и верховную власть Россіи надъ Крымомъ, вслѣдствіе чего императрица Екатерина и вступила уже въ полное, законное обладаніе имъ.

Ко всѣмъ этимъ уступкамъ Порта была склонена отчасти сознаніемъ собственнаго безсилія, отчасти же убѣжденіями Австріи и настоятельными представленіями Франціи. Но негодованіе, гнѣвъ и злоба кипѣли въ сердцахъ Турокъ и ждали только удобнаго случая для взрыва.

Среди этихъ-то обстоятельствъ предпринято было знаменитое путешествіе императрицы въ Крымъ.

Князь Потемкинъ, такъ мало щадившій русскихъ вельможъ, имѣлъ при дворѣ, и даже между значительнѣйшими особами, множество враговъ, которые охотно желали бы ослабить твердое довѣріе къ нему императрицы и съ этою цѣлію не щадили усилій, намековъ и указаній. Но Потемкинъ стоялъ слишкомъ твердо и прочно, и если и можно было нѣсколько ослабить, то трудно было совершенно поколебать благосклонное мнѣніе императрицы о немъ, потому что оно было основано на убѣжденіи въ великихъ дарованіяхъ Потемкина и въ его искренней любви къ славѣ Екатерины и государства.

Поэтому избранъ былъ другой путь: старались возбудить недовѣріе императрицы касательно употребленія назначенныхъ Потемкину денегъ,—представили ей, что армія, которою онъ управлялъ въ качествѣ президента военной коллегіи, находилась въ большомъ упадкѣ, что вновь пріобрѣтенныя области были лишь пустыни, дикія мѣстности, недостойныя завоеванія, а всѣ суммы, употребленныя на улучшеніе ихъ—брошенныя деньги. Государыня, встревоженная наконецъ этими часто повторяемыми представленіями, рѣшилась личнымъ обозрѣніемъ удостовѣриться въ свойствахъ этихъ областей. Этого-то именно и желали противники Потемкина и утвердили ее въ намѣреніи ея. Когда же она въ первый разъ объявила о немъ Потемкину, то онъ сначала смутился, потому что однимъ взглядомъ проникъ всю устроенную для его низверженія интригу, однако тотчасъ же оправился и самъ просилъ государыню исполнить свое намѣреніе. Онъ въ туже минуту создалъ свой планъ, и раздраженный тѣмъ, что враги его хотѣли, для его низверженія, воспользоваться такимъ путешествіемъ, рѣшился употребить всѣ усилія для

того, чтобы напротивъ сдѣлать изъ него средство къ необыкновенному торжеству (*).

Онъ испросилъ у государыни назначенія ему нѣкоторыхъ нужныхъ денежныхъ суммъ и немедленно приступилъ къ исполненію своего плана, со всею неутомимою дѣятельностью, свойственною ему, если затронуты были его личныя выгоды. Вскорѣ новая жизнь пробудилась въ южныхъ областяхъ: днемъ и ночью производились работы, и сдѣланы всѣ приготовленія, какія только можно было придумать для того, чтобы представить императрицѣ эти области въ блистательномъ видѣ. Вся армія была обмундирована заново и расположена по-дивизіонно на пути слѣдованія императрицы; лучшіе генералы начальствовали войсками тамъ, гдѣ государыня должна была останавливаться на долго. По этому случаю и Суворовъ былъ назначенъ въ Кременчугскую дивизію, одну изъ лучшихъ, силою въ 12,000 чел. Передъ самымъ отъѣздомъ его туда, 26 сентября 1786 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-анъ-шефы (или по нынѣшнему въ генералы отъ инфантеріи), не за отличіе, а по старшинству. Когда наконецъ государыня дѣйствительно предприняла свое путешествіе, все было приведено въ надлежащую готовность къ ея пріему (6).

2 (13) января 1787 года императрица выѣхала изъ Петербурга, провела нѣсколько дней въ Царскомъ Селѣ и отправилась оттуда 7 (18) января. Знатнѣйшія особы двора, равно посланники трехъ главныхъ державъ, графы Кобенцель и Сегюръ и лордъ Фицгербертъ, были избраны для сопровожденія ея (исключенные роптали на свою судьбу!) Огромная карета на полозьяхъ, снабженная всѣми удобствами, была изготовлена для государыни и ближайшихъ къ ней особъ; 14 другихъ подобныхъ каретъ, 124 саней и 40 запасныхъ саней везли остальную свиту; до 560 упряжныхъ лошадей потребны были на каждой станціи.

Путешествіе это было совершено въ два различныя времени года: одна половина зимой, другая лѣтомъ, и оба времени года сво-

---

(*) У Смитта употреблено выраженіе: eines ausserordentliches Triumphs, т. е, къ большому тріумфу, въ томъ смыслѣ, который онъ имѣлъ у древнихъ Римлянъ: извѣстно, что для побѣдоносныхъ полководцевъ ихъ существовали три рода тріумфовъ, малый, средній и большой. Путешествіе Екатерины въ Крымъ дѣйствительно было большимъ тріумфомъ (Редак.).

(6) Въ описаніи этого путешествія мы основывались частію на словесныхъ разсказахъ, частію на запискахъ даровитаго Сегюра (Mémoires et souvenirs, T. II et III).

ими особенностями способствовали доставленію этому путешествію новыхъ прелестей и разнообразія. Зимой, когда на сѣверѣ все получаетъ болѣе оживленный видъ, когда небо голубое, дороги гладкія, воздухъ свѣжій, и всякій чувствуетъ въ себѣ какъ бы обновленныя жизнь и силы—совершено было путешествіе въ Кіевъ. Здѣсь государыня оставалась нѣсколько мѣсяцевъ, дабы затѣмъ, съ наступившей весной, продолжать путешествіе по Днѣпру. Въ этой второй половинѣ особенно Потемкинъ истощилъ все свое искуство на то, чтобы безпрестанно поражать новостью, неожиданностью, занимательностью, изумленіемъ. Но и первая половина также имѣла свои пріятныя стороны.

Быстро ѣхали путешественники по гладкимъ, ровнымъ дорогамъ; умѣренный холодъ освѣжалъ, ободрялъ ихъ жизненныя силы, и если природа и не представляла никакихъ очаровательныхъ видовъ, то покрайней мѣрѣ всюду было разнообразіе явленій. Величественъ былъ длинный поѣздъ каретъ и саней, по вечерамъ освѣщаемый тысячами факеловъ; большіе дровяные костры, разложенные на каждыхъ 30-ти саженяхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, пламенемъ своимъ превращали ночь въ день. Приближались-ли путешественники къ деревнямъ—они усматривали массы любопытствовавшаго народа, усердно толпившагося при пути, чтобы взглянуть на высокочтимую матушку-царицу; въѣзжали-ли они въ города—ихъ привѣтствовали звонъ всѣхъ колоколовъ, пальба изъ пушекъ, громкіе, неумолкаемые, отъ искренняго сердца провозглашаемые крики ура!—щегольски одѣтыя войска красовались на улицахъ, а усердныя мѣстныя власти и блистательный генералитетъ встрѣчали и сопровождали гостей до приготовленныхъ имъ помѣщеній. Всюду видны были довольство и радость на всѣхъ лицахъ, всюду—любовь и преданность къ Екатеринѣ, великой и благой, мудрой государынѣ и матери своей страны.

Такъ совершилось путешествіе чрезъ Лугу, Порховъ и Велижъ къ почтенному древностью Смоленску (нѣкогда передовой твердынѣ противъ Литвы, теперь—внутреннему городу!), гдѣ генералъ-губернаторъ князь Репнинъ истощилъ всѣ средства для угощенія государыни самымъ пышнымъ образомъ. Трое сутокъ провела она здѣсь и, какъ вездѣ, давала аудіенціи, принимала власти, дворянство, духовенство, купечество, прошенія, жаловала награды, уничтожала злоупотребленія, всюду являя кротость, великодушіе и справедливость, всюду оставляя за собой слѣды своего благотворнаго присутствія. Въ высокой степени обладала она тѣмъ благоволеніемъ и

тою добротой, которыя умѣряютъ впечатлѣніе величія, и ласковость ея обворожала всякаго, кто имѣлъ счастіе приближаться къ ней.

Отсюда, среди постоянной и щедрой раздачи царскихъ милостей, путешествіе продолжалось черезъ Мстиславль, Пропойскъ, живописный Чечерскъ и Стародубъ въ Новгородъ-Сѣверскій; отсюда—посѣщеніе заслуженнаго героя Румянцова въ его имѣніи Вышенки. Затѣмъ черезъ Сосницу къ высоковозвышавшемуся Чернигову съ его древнѣйшимъ соборомъ (пережившимъ болѣе 28 поколѣній!), и черезъ Нѣжинъ и Козелецъ къ Кіеву—колыбели государства, нѣкогда столь обширному и могучему, что пожаръ могъ истребить 400 церквей (*);—теперь—павшій съ вершины своего древняго величія, но все еще почтенный своими историческими и церковными воспоминаніями (7).

Очаровательнымъ представлялся этотъ городъ извнѣ: отвѣсно возвышался онъ на правомъ берегу Днѣпра, и золочеными главами своихъ церквей и монастырей являлъ величественный видъ. Но какъ измѣнялся видъ этотъ по въѣздѣ въ самый городъ!—взгляду представлялись только обширные пустыри, полуразрушившіеся дома и всюду развалины: прошли времена блеска, и время видимо наложило печать свою на древнюю столицу.

Туда поспѣшилъ впередъ князь Потемкинъ, дабы довершить послѣднія приготовленія къ пріему государыни. Тамъ снова увидѣла она сѣдовласаго героя Кагула, но—задумчиваго, печальнаго, потому что онъ былъ лишенъ всѣхъ средствъ встрѣтить свою высокочтимую государыню такъ, какъ желалъ. Потемкинъ, завидовавшій его лаврамъ, съ намѣреніемъ не далъ ему нужныхъ для того средствъ (8) и не упустилъ случая съ злобнымъ удовольствіемъ обратить вниманіе императрицы на запущенное состояніе областей, управляемыхъ

(*) По Кіевской лѣтописи даже болѣе—600; но тогдашнія церкви были большею частію, по древнему названію, церквицы или часовни съ престолами. Даже большія церкви и соборы были меньше теперешнихъ (Редак.).

(7) «Kiew nous offre»,—сказалъ государынѣ остроумный Сегюръ,—le souvenir et l'espoir d'une grande ville.» (Авторъ). И то, и другое справедливо (Редак.).

(8) «На лицѣ Румянцова можно было видѣть смѣсь гордости и скромности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіе горечи и неудовольствія, причиненныхъ преимуществами, которыя пріобрѣлъ надъ нимъ Потемкинъ, вслѣдствіе довѣрія къ нему Екатерины. Румянцовъ не могъ получить ничего для своихъ губерній, войска его имѣли только старую обмундировку, офицеры его не были производимы; напротивъ всѣ поощренія и благоволенія лились рѣкой на области и арміи, бывшія подъ начальствомъ предпочтеннаго ему соперника.» (Ségur).

Румянцовымъ въ званіи генералъ-губернатора, хотя самъ былъ тому причиной.

Въ Кіевѣ ожидали императрицу приверженные Россіи польскіе вельможи—Браницкіе, Потоцкіе, Сапѣги, Любомірскіе и др. и были представлены ей очаровательными племянницами Потемкина, графинями Браницкою и Скавронскою. Сюда поспѣшили отличнѣйшіе иностранцы изъ всѣхъ странъ Европы, дабы принесть великой государынѣ дань своего уваженія. Здѣсь она увидѣла рыцарскаго принца *Нассау-Зигенскаго*, который, какъ древніе паладины, искалъ приключеній и опасностей, и поспѣшалъ всюду, гдѣ только была война и сраженія. Въ Африкѣ онъ одолѣлъ тигра, съ Бугенвиллемъ совершилъ морское кругосвѣтное путешествіе и пользовался милостями королевы Отаитской; при Гибралтарѣ начальствовалъ пловучими батареями, при общемъ разгромѣ былъ чуднымъ образомъ спасенъ и награжденъ званіемъ Испанскаго гранда. Теперь, въ виду войны на востокѣ, онъ желалъ испытать никогда не знавшій покоя мечъ свой надъ непримиримымъ врагомъ христіанства.

И новѣйшихъ временъ Алкивіадъ, остроумный принцъ *де-Линь*, всюду, гдѣ ни появлялся, распространявшій шутливость и веселость, явился также. Храбрый воинъ, остроумный писатель, ловкій свѣтскій и придворный человѣкъ, онъ былъ любимцемъ и женщинъ, и государей, всѣми любимый и вездѣ любезный.

Здѣсь видны были замѣчательные французы, *Александръ Ламетъ* (Lameth) и *Эдуардъ Диллонъ* (Dillon), американецъ *Миранда*, спасшійся отъ мести Испанцевъ (9) и позже, замѣшанный въ революціяхъ двухъ частей свѣта, погибшій въ нихъ: интереснѣйшіе люди всѣхъ странъ земли прибыли сюда, чтобъ видѣть пышность и блескъ двора, празднества и увеселенія, особенно же—ту, которая все вокругъ себя затмѣвала собою.

Пока государыня оставалась здѣсь три мѣсяца до вскрытія Днѣпра (съ 29 января—9 февраля до 22 апрѣля—3 мая), Потемкинъ истощилъ всѣ средства для того, чтобы императрица могла пріятно проводить время. Со дня ея прибытія до отъѣзда по Днѣпру онъ не переставалъ давать блистательныя, всегда разнообразныя празднества.

Наконецъ, наступившая весна дозволила предпринять дальнѣйшее путешествіе, и 22 апрѣля (3 мая) государыня и ея свита, при

---

(9) Онъ продалъ Англичанамъ планы и карты Кубы и другихъ испанскихъ колоній.

звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, взошли на приготовленныя для нихъ галеры. Какъ только матросы начали мѣрно разсѣкать Днѣпровскія волны своими красиво раскрашенными веслами и суда величественно поплыли внизъ, раздались громкія восклицанія, радостные крики народа, во множествѣ собравшагося на берегахъ, въ домахъ, даже на кровляхъ, и толпившагося для того, чтобы еще въ послѣдній разъ видѣть любимую государыню и пожелать ей счастливаго пути.

Медленно плыла внизъ по Днѣпру пышно снаряженная флотилія—болѣе 80-ти изящно раскрашенныхъ и позолоченныхъ судовъ, съ весело-развивавшимися вымпелами и флагами: она везла цвѣтъ блистательнѣйшаго въ мірѣ двора того времени. Обновившаяся послѣ суровой зимы природа распространяла вокругъ радостное очарованіе: снѣгъ изчезъ, свѣжая зелень покрывала землю, воздухъ благоухалъ и луга ярко пестрѣли цвѣтами: съ живительною теплотой разливались на всѣ предметы еще умѣренные лучи весенняго солнца. Хоры музыкантовъ и пѣвцовъ, размѣщенныхъ на судахъ, ласкали слухъ своими гармоническими звуками, которые, несясь вдаль по зеркалу водъ, погружали душу въ тихую грусть.

На четвертый день флотилія прибыла къ польскому городку Каневу, гдѣ король Польскій съ своимъ дворомъ ожидалъ императрицу, счастливый, что снова увидитъ ту, которой былъ обязанъ своимъ престоломъ.

На высотахъ и сосѣдственныхъ равнинахъ блистало оружіе многочисленныхъ, красиво одѣтыхъ польскихъ эскадроновъ; пальба орудій съ флотиліи и изъ города возвѣщала близость обѣихъ вѣнчанныхъ особъ. Многіе высшіе чины въ изящной шлюпкѣ отправились для привѣтствія короля. Онъ сѣлъ въ шлюпку и былъ перевезенъ въ ней на императорскую галеру. Придворные тѣснились вокругъ, любопытствуя видѣть первыя движенія и слышать первыя слова этихъ высокихъ особъ, въ первый разъ снова встрѣчавшихся послѣ многихъ лѣтъ. Съ достоинствомъ и важностью приняла императрица короля и, послѣ первыхъ привѣтствій, взяла его за руку и повела въ свой кабинетъ. Когда чрезъ полчаса они снова явились, присутствовавшіе замѣтили въ наружности императрицы какъ бы нѣкоторую принужденность, а въ глазахъ короля—выраженіе печали, которую онъ тщетно хотѣлъ скрыть подъ притворною улыбкой. И во время стола также царствовала принужденность. Послѣ стола король принялъ изъ рукъ пажа вѣеръ и перчатки императрицы и подалъ ей, а она ему, съ своей стороны, его шляпу. «Ахъ! государь,

рыня, сказалъ онъ принимая ее, вы нѣкогда дали мнѣ лучше этого— корону!»—Ввечеру онъ снова былъ уже въ Каневѣ (10).

Едва скрылось солнце и наступила темнота, какъ вдругъ высоты Канева вспыхнули огнями: 100,000 ракетъ на верху взвились на воздухъ, а по скатамъ извивались огненныя массы, представлявшія живой видъ потоковъ лавы, текущихъ изъ огнедышущей горы. Казалось, что все небо было объято пламенемъ, которое ярко отражалось въ гладкихъ волнахъ Днѣпра. И флотилія также была освѣщена столь же пышно, и за минувшимъ днемъ на этотъ разъ какъ будто вовсе не было ночи.

На слѣдующій день было предпринято дальнѣйшее путешествіе, не смотря на просьбы короля отсрочить оное. Весна, казалось, исполнила всѣхъ и все новою жизнію и новыми силами: прекрасная погода, пышность флотиліи, величественный видъ рѣки, движеніе, радость зрителей, сбѣгавшихся на берега и представлявшихъ смѣсь самыхъ разнообразныхъ одѣяній, наконецъ постоянная перемѣна новыхъ видовъ, веселили, радовали, оживляли всѣхъ и каждаго, и удовольствіе императрицы, ежедневно возбуждаемое новыми, привлекательными предметами, было явно видимо для всѣхъ.

Но и Потемкинъ употребилъ всѣ средства очарованія для того, чтобы занимать и веселить императрицу постояннымъ разнообразіемъ. Почти непрерывно видны были на берегахъ рѣки, ближе или далѣе, красивые дома, деревни и города, и всѣ они были такъ искусно прикрыты и украшены тріумфальными арками, гирляндами изъ цвѣтовъ и изящными постройками, что представляли богатѣйшій и разнообразнѣйшій видъ. Такимъ образомъ край этотъ, который изображали государынѣ недостойною завоеванія пустыней, получилъ, въ рукахъ Потемкина, видъ прекраснаго англійскаго парка. Все должно было служить къ полнотѣ его торжества.

30-го апрѣля (10 мая) флотилія прибыла въ Кременчугъ (11), гдѣ

---

(10) Путешествіе его было вовсе не безплодно. Онъ вручилъ императрицѣ, при этомъ свиданіи съ нею, записку о будущей судьбѣ Польши и получилъ удостовѣреніе, что императрица не будетъ противиться ни увеличенію арміи, ни сбору новыхъ податей; напротивъ она обѣщала королю свое содѣйствіе, ручалась въ сохраненіи цѣлости его государства и даже говорила о будущемъ, близкомъ союзѣ между Польшей и Россіей. Король же долженъ былъ обѣщать, въ случаѣ войны Россіи съ Портой, препятствовать образованію въ Польшѣ конфедерацій. Какъ мало могъ онъ позже исполнить свое обѣщаніе!

(11) На пути между Каневомъ и Кременчугомъ поднялась сильная буря и императорская галера подверглась большой опасности, увеличенной еще пожаромъ нахо-

начиналось непосредственно ему ввѣренное намѣстничество. Если онъ уже и до этого обнаружилъ изобрѣтательный умъ, то здѣсь, казалось, хотѣлъ превзойти самаго себя. Все, что только могли ему внушить его живое воображеніе и глубокое знаніе характера государыни, было приведено въ исполненіе съ непостижимымъ искуствомъ. Онъ имѣлъ какъ-бы волшебный даръ преодолѣвать препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, украшать бѣдность, обманывать глазъ въ отношеніи однообразія песчаныхъ степей и даже безплодной почвѣ давать призракъ жизни.

Всѣ станціи были размѣрены такъ, чтобъ устранить всякое утомленіе; онъ назначилъ флотиліи останавливаться только противъ мѣстечекъ и городовъ, живописно расположенныхъ. Луга были покрыты огромными стадами, толпы поселянъ оживляли берега, множество челноковъ и лодокъ съ крестьянскими дѣвушками и мальчиками, пѣвшими веселыя народныя пѣсни, безпрестанно окружали путешественниковъ, ничто не было забыто для того, чтобъ однообразію дальняго плаванія сообщить какъ можно болѣе разнообразія.

Въ Кременчугѣ онъ произвелъ въ присутствіи государыни маневры войскамъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Суворова. Не возможно было видѣть красивѣе людей и лошадей, лучшаго вида и болѣе точныхъ движеній войскъ; императрица была такъ довольна, что писала главнокомандующему въ Москвѣ, генералъ-аншефу Еропкину: «Сего утра (30 апрѣля) я благополучна и здорова пріѣхала на галерѣ сюда въ Кременчугъ, здѣсь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую нѣкоторые незнающіе люди твердили до нынѣ, будто оная лишь счисляется на бумагѣ, а въ самомъ дѣлѣ ее нѣтъ, однакожъ она дѣйствительно на лицо и такова, какъ можетъ быть еще никогда подобной небывало, въ чемъ прошу, расказавъ любопытнымъ, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить не правду, а отдавали бы справедливость усердно мнѣ и Имперіи въ семъ дѣлѣ служащимъ (*)». Изъ этихъ строкъ можно уже видѣть, до какой степени Потемкинъ достигъ своей цѣли. За то государыня и выразила ему съ искреннею радостью свое удовольствіе. «Отъ Петербурга до Кіева—сказала она ему—думала

дившейся по близости барки съ хлѣбнымъ виномъ. Графъ Ангальтъ и князь Безбородко, своимъ присутствіемъ духа, много содѣйствовали спасенію императорской галеры.

(*) См. письма и повелѣнія императрицы Екатерины генералу Петру Дмитріевичу Еропкину и пр., Москва, 1807.

я, что пружины моего государства ослабли и пришли въ негодность, здѣсь я нахожу ихъ снова во всей ихъ крѣпости и упругости».

Между тѣмъ и императоръ Іосифъ также прибылъ въ своей дорожной каретѣ. Извѣщенная о приближеніи его, государыня сошла съ галеры на берегъ и поспѣшила сухимъ путемъ на встрѣчу своему царственному другу; при Кайдакѣ они встрѣтились, обнялись и поѣхали вмѣстѣ далѣе. На высокомъ мѣстѣ недалеко отъ рѣки они положили основаніе новому городу, давшему впослѣдствіи названіе цѣлой губерніи ([12]), и затѣмъ поспѣшили въ Херсонъ.

Здѣсь они увидѣли новый, возникавшій изъ среды болотъ, городъ, котораго за девять лѣтъ еще и слѣдовъ не было. Однако, не смотря на то, они увидѣли почти оконченную крѣпость, массивно построенныя казармы, адмиралтейство съ принадлежавшими къ нему зданіями и магазинами, арсеналъ, въ которомъ находилось 600 орудій, и верфи, на которыхъ два линейныхъ корабля и одинъ фрегатъ ждали только государыни для спуска на воду. Всюду видѣли они возникавшія общественныя зданія, красивые домà, въ благородномъ стилѣ построенныя церкви. Съ удивленіемъ увидѣли они себя въ значительномъ городѣ, съ многими оживленными улицами, богатыми лавками, наполненными товарами, и болѣе нежели 200-ми торговыми судами въ гавани, и все это возникло какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. По истинѣ, императрица была права, считая Потемкина не изъ числа обыкновенныхъ людей. — Наконецъ они прибыли къ воротамъ, на которыхъ прочли глубокознаменательную надпись: «*Здѣсь дорога въ Царьградъ*». Каждый понялъ смыслъ ея.

Херсонъ обѣщалъ быть новымъ Петербургомъ и сдѣлался бы имъ, еслибъ мѣстоположеніе его не было такъ нездорово и позднѣйшее основаніе Одессы не отвлекло отъ него къ ней предназначеннаго ему блеска. Такимъ образомъ и онъ, подобно многимъ изъ созданій Потемкина, по смерти его пришелъ въ упадокъ.

Въ продолженіе всего путешествія, императрица поставила себѣ занятіемъ опровергать ложные слухи, распространенные объ этомъ краѣ; она написала съ этою цѣлію рядъ писемъ главнокомандующему въ Москвѣ Еропкину. Изъ Бериславля она писала ему 12-го

---

(12) Екатеринославъ, нынѣ—цвѣтущій городъ: этого достаточно для опроверженія остроты императора Іосифа: «Сегодня мы съ Русскою императрицей довершили трудное дѣло: она положила первый камень новаго города, а я—послѣдній». Онъ не былъ послѣднимъ.

мая: «Мы всѣ здорово и благополучно съ графомъ Фалкенштейномъ сюда доѣхали, и съ Божію помощію сего дня послѣ обѣда надѣемся доѣхать до Херсона. Хорошо видѣть сіи мѣста своими глазами, намъ сказали, что наѣдимъ жары несносные человѣчеству, а мы наѣхали воздухъ теплый и вѣтръ свѣжій весьма пріятный и самый весенній; степь правда что безлѣсная, но слой земли самый лучшій и такой что безъ многова труда всего на свѣтѣ произведетъ; почиталась она безводною, а мы видѣли повсюду ручьи и рѣчки, при которыхъ поселенія уже въ немаломъ числѣ; сравнивая здѣшнюю губернію, которая при мирѣ Канарджискомъ не существовала, изключая уѣзды Елисаветградской, Кременчугской и Полтавской, съ тѣмъ, что Санктпетербургская была по десяти или шести лѣтнемъ заведеніи или заложеніи оной, думаю что здѣсь всего дѣлается и успѣваетъ съ меньшею хотя силою издержки и отягощенія противу той, польза окажется со временемъ какъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, которыя пользы не всегда въ началѣ паче открыты понятію множества. Санктпетербургская губернія составляетъ осмая часть доходовъ Имперіи, она существуетъ восемьдесятъ четыре года и дворъ тамо имѣетъ свое пребываніе. Посмотримъ каковы доходны будутъ здѣшніе порты черезъ короткое время; еще скажу что здѣшніе жители всѣ безъ изъятія имѣютъ видъ свѣжѣе и здоровѣе нежели Кіевскіе и кажутся работящѣе и живѣе. Всѣ сіи примѣчанія и разсужденія пишу къ вамъ нарочно, дабы вы, знавъ оныхъ, могли къ статѣ и ко времени употребить сущую истину ко опроверженію предубѣжденій, сильно дѣйствующихъ иногда въ умахъ людскихъ. Все вышеписанное оспаривать можетъ лишь слабость либо страсть или невѣденіе. Сіе письмо окончу въ Херсонѣ, откудова и отправлено будетъ».

Херсонъ Маія 13 ч: 1787 года.

«Вчерашній вечеръ часу въ шестомъ мы пріѣхали въ здѣшній городъ, дитя сіе не существовало восемь лѣтъ назадъ, съ начала проѣхали каменныхъ казармъ шести полковъ, потомъ повернули на право, въѣхали въ крѣпость, которая за себя постоитъ и въ отдѣлкѣ совсѣмъ поспѣетъ въ нынѣшнее лѣто и несравненно лучше Кіево Печерской ([13]). Внутри крѣпости военныя строенія многія

---

(13) Видно, какое непріятное впечатлѣніе произвелъ на нее Кіевъ, о которомъ она постоянно снова упоминаетъ.

окончаны, нѣкоторые приходятъ въ отдѣлки, церковь каменная прекрасная, когда я говорю каменная, не подумайте чтобъ подъ симъ разумѣлся кирпичъ, здѣсь инова камня не знаютъ, какъ тотъ, который вынувъ изъ земли кладутъ въ стѣну, онъ крѣпче плитъ и сырость не притягиваетъ. Выѣхавъ изъ крѣпости повернули мы въ адмиралитетъ, въ которомъ всѣ магазины и строенія каменные, покрыты желѣзомъ; на штапели нашли мы готовый 80-ти пушечной корабль, котораго въ суботу дастъ Богъ здоровье на воду спустимъ, возлѣ сего шестидесятишести пушечной почти готовой, возлѣ сего фрегатъ пятидесяти пушечной. Сіи корабли изъ моего дома, изъ той комнаты, въ которой къ вамъ пишу, видны и садъ сего дома возлѣ адмиралитейства и штапеля. Купеческаго города, которой съ другой стороны составляетъ предмѣстье, я еще не видала, но сказываютъ нехуже; народа здѣсь, окромѣ военныхъ, великое множество и разноязычные съ большой части Европы; я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краю приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной хвалы, усердное попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные» и т. д. (*).

Мы съ намѣреніемъ приводимъ собственныя слова императрицы изъ ея писемъ, потому что всегда любопытно видѣть, какія мысли и впечатлѣнія были возбуждены въ ней различными предметами въ этомъ путешествіи.

Изъ Херсона Потемкинъ ввелъ обоихъ государей, черезъ большую степь Ногайскихъ Татаръ и Перекопъ — ворота и ключъ Крыма, въ этотъ полуостровъ, котораго сѣверная, плоская часть хотя и мало представляла разнообразія, но была оживлена со стороны Потемкина маневрами многочисленной кавалеріи. Когда путешественники оставили за собой Салгиръ, все приняло другой видъ: воздухъ сдѣлался теплѣе, возстали величественныя горы, пересѣченныя живописными долинами, съ красивыми въ нихъ домиками и садами; вездѣ замѣтна была перемѣна и путешественникамъ казалось, что они перенесены въ иной край и въ иной климатъ. Утомленный видомъ однообразныхъ степей, глазъ снова успокоивался видомъ воздѣланныхъ полей, веселыхъ домиковъ, тѣнистыхъ рощицъ и пашень, обработываемыхъ трудолюбивыми поселянами.

Такъ прибыли они къ лежавшему у подошвы крутыхъ горъ Бахчисараю, нѣкогда столицѣ хановъ (14). Здѣсь различіе противъ

(*) Письма Екатерины Еропкину и пр., см. выше.

(14) Отсюда императрица писала 20 мая Еропкину: «Выѣхавъ изъ Херсона, въ тотъ

преждевидѣннаго выказалось еще рѣзче. Путешественники очутились въ совершенно мусульманскомъ городѣ, среди мусульманскаго народонаселенія, поэтому и видны были только мусульманскія: холодность, равнодушіе и лѣнь. Невозбужденные такимъ новымъ для нихъ зрѣлищемъ, каковъ былъ въѣздъ императрицы, Татары спокойно оставались въ своихъ домахъ и лавкахъ, невозмутимые въ своей важности, не обнаруживая ни малѣйшаго любопытства, не поднимая даже глазъ, какъ будто это зрѣлище было вовсе недостойно пробудить ихъ отъ глубокихъ созерцаній (*).

Дворъ помѣстился во дворцѣ бывшаго хана, и на лицѣ императрицы можно было усмотрѣть отпечатокъ внутренняго удовольствія—видѣть себя теперь властительницею на престолѣ того самаго народа, который нѣкогда такъ часто опустошалъ и устрашалъ Россію, и даже покорилъ ее своей власти.

же вечеръ мы пріѣхали въ Бериславль, а на другой день переѣхали Днѣпръ и въѣхавъ въ Тавриду, ночевали въ редутѣ у каменнаго мосту, а вчерашній день мы въѣхали въ Перекопскіе вороты и ночевали въ урочищѣ Айбаръ, сего дня переѣхавъ уже нѣсколько горъ или лучше сказать начало оныхъ, пріѣхали сюда здорово и благополучно, погода не жарка, не холодна, здѣсь пробуду завтра, а послѣ завтра отправимся въ Севастополь.

«P. S. Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ униженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края, и Херсонъ и Таврида со временемъ нетокмо окупятся, но надѣяться можно, что если Петербургъ приноситъ осмую часть дохода Имперіи, что вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныхъ мѣстъ. Кричали и противу климату, пугали и отсовѣтовали обозрить самолично, сюда пріѣхавши ищу причины таково предубѣжденія безразсудпова. Слыхала я что Петръ Первый въ разсужденіи Петербурга долговременно находилъ подобныя, и я помню еще что тотъ край никому неправился, во истинну сей не впримѣръ лучше, тѣмъ паче что съ симъ пріобрѣтеніемъ страхъ отъ Татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украйна и Елисаветградъ понынѣ сіе помнятъ, съ сими мыслями и я съ немалымъ утѣшеніемъ написавъ сіе къ вамъ, ложусь спать сего дня, видя своими глазами, что я не причинила вредъ, но величайшую пользу своей Имперіи.»

(*) При всемъ уваженіи къ автору, нельзя согласиться, что это произошло единственно отъ мусульманскихъ: холодности, равнодушія и лѣни.—Магометанинъ былъ (особенно тогда), есть и будетъ всегда волканъ, въ которомъ подъ наружнымъ безстрастіемъ вѣчно кипятъ страсти. Крымъ только 13 лѣтъ передъ тѣмъ былъ завоеванъ Русскими—Христіанами: можно-ли было не только требовать, но даже ожидать, чтобъ исконные, заклятые въ теченіе 500 лѣтъ враги ихъ явили тѣже любопытство и усердіе, что̀ и русскіе жители русскихъ областей?—Не равнодушіе и лѣнь, но затаенныя, глубокія, изувѣрскія злоба и ненависть магометанскія были, безъ сомнѣнія, причиною равнодушія жителей древней столицы крымскихъ хановъ. Но—книга Смитта была написана для Нѣмцевъ, въ защиту и оправданіе Русскихъ: вотъ и разгадка.

(Редак.).

Отсюда путешественники поспѣшили въ Севастополь, гдѣ окрестныя горы образуютъ превосходную, закрытую отъ всѣхъ вѣтровъ гавань. И здѣсь все было созданіемъ Потемкина: городъ, крѣпость, адмиралтейство, магазины и т. д. —Когда государыня сидѣла за обѣденнымъ столомъ, Потемкинъ приказалъ внезапно раскрыть окна высокаго балкона—и ей представился прекраснѣйшій видъ: обширный морской заливъ, обставленный высокими горами, на немъ въ боевомъ порядкѣ флотъ изъ 15-ти кораблей, только два года какъ сооруженныхъ совершенно вновь и привѣтствовавшихъ императрицу громомъ выстрѣловъ своихъ орудій,—а за ними передъ ея глазами простиралось спокойное, обширное море во всемъ своемъ величіи.

Затѣмъ Потемкинъ повезъ высокихъ путешественниковъ чрезъ живописную Байдарскую долину, дикія красоты которой, смотря по настроенію души, приводятъ ее въ восторгъ либо погружаютъ въ тихую грусть,—далѣе чрезъ Симферополь въ Карасубазаръ, гдѣ государыня могла наслаждаться тѣнистою прохладой въ англійскомъ саду, только-что разведенномъ солдатами. Солнце изчезало за горами; императрица обозрѣла садъ и постройки, взглянула на верхъ—и вдругъ видитъ, что всѣ высоты на 20 верстъ вокругъ освѣтились тремя рядами цвѣтныхъ огней, что среди этого огненнаго моря величественно возноситъ вершину свою Чатырдагъ (Шатеръ—гора), а на серединѣ его—горящее вензеловое имя ея; взглянула еще выше—и на самой вершинѣ горы увидѣла великолѣпный фейерверкъ, заключившійся букетомъ изъ 100,000 ракетъ. Блескъ и необычайность этого зрѣлища были такъ громадны, что даже сами мусульмане мгновенно были пробуждены изъ ихъ холоднаго равнодушія. Казалось, что въ заключеніе Потемкинъ хотѣлъ превзойти самаго себя.

Послѣднее посѣщеніе выпало на долю Кафы, нѣкогда цвѣтущаго генуэзскаго города, но теперь представлявшаго лишь развалины. Обширная, обрушившаяся стѣна съ башнями, грозившими паденіемъ, окружала по древнему обычаю пустынный городъ, въ которомъ считалось едва 2,000 жителей. Въ противоположность свѣжей жизни только-что видѣнныхъ новыхъ созданій, здѣсь повсюду царствовала могильная тишина: путешественники попирали ногами лишь однѣ развалины прежняго величія. Даже глаза самой государыни исполнились слезъ, когда она въ этомъ несчастномъ городѣ усмотрѣла образъ скоротечности всякаго земнаго величія. Глубокій смыслъ имѣлъ и конецъ здѣсь путешествія: изъ Кафы предпринятъ обратный путь.

Въ Бериславлѣ на Днѣпрѣ императоръ Іосифъ разстался съ своимъ царственнымъ другомъ — Екатериной; трогательно было прощаніе—

они никогда уже не должны были свидѣться.—Затѣмъ императрица, исполненная внутренняго удовольствія, поспѣшила черезъ Бланкитной (постъ), гдѣ Суворовъ съ своей дивизіей отдалъ ей честь, и черезъ Кременчугъ въ Полтаву. Здѣсь Потемкинъ приготовилъ еще одну примѣрную битву, изображавшую подражаніе замѣчательной побѣдѣ великаго предка Екатерины надъ геройскимъ мужествомъ Шведовъ.—20,000 Русскихъ войскъ повторили въ точности всѣ движенія и дѣйствія той битвы, которая положила основаніе величію Россіи.

Затѣмъ государыня слѣдовала чрезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу въ древнюю Москву, была радостно встрѣчена любовію и уваженіемъ своего народа, праздновала здѣсь 25-ти-лѣтіе своего вступленія на престолъ, всюду оставила слѣды своихъ благоволенія и милости, и скоро отправилась въ Петербургъ, куда ее призывали важныя извѣстія.—22 іюля она уже снова была въ зимнемъ дворцѣ.

Таково было это путешествіе, которое уподобляли баснословнымъ походамъ Семирамиды въ Мидію и Персію ([15]). Ничего не пощадили для того, чтобы сдѣлать его навѣки достопамятнымъ, и доколѣ память о немъ сохранится въ наше время, его будутъ называть торжествомъ (тріумфомъ) Потемкина. Все государство было приведено въ движеніе, большія дороги освѣщены, Днѣпръ покрытъ пышными галерами, 150,000 войскъ заново одѣты и вооружены, степи заселены и вездѣ возведены дворцы, нарочно построенныя селенія должны были скрыть обнаженность степей, цѣлыя горныя цѣпи были освѣщены, солдатами проложены прекрасныя дороги и дикіе лѣса обращены въ англійскіе парки;—принцы крови, вельможи, даже царствовавшіе государи принесли дань своего уваженія;—но конечнымъ исходомъ была—новая война.

Князь Потемкинъ сопровождалъ императрицу только до Полтавы, получилъ отъ нея благодарность и прозваніе *Таврическаго*. И нашему герою, который сопровождалъ ее туда же и управлялъ маневрами, она также выразила свое удовольствіе, пожалованіемъ богато-украшенной брилліантами табакерки. Уже въ Кіевѣ, когда всѣ жадно искали ея милостей, она потребовала отъ него, чтобъ онъ испросилъ себѣ награды; но онъ, въ насмѣшку надъ алчными царедворцами, просилъ только заплатить за его квартиру, что́ составляло нѣсколько рублей ([16]).

---

(15) Діодоръ Сицилійскій, II, гл. 13—14.

(16) Здѣсь въ Кіевѣ Сегюръ разсказываетъ про него слѣдующій анекдотъ, который служитъ къ изображенію его. «Суворовъ,—говоритъ онъ,—почтительный къ выс-

Изъ Полтавы онъ поѣхалъ къ князю Потемкину, въ его украинское имѣніе, получилъ отъ него разныя приказанія, какъ ему поступать, и назначеніе тотчасъ же отправиться въ Херсонъ и принять главное начальство надъ собранными тамъ войсками.

Здѣсь уже готовилась разразиться новая гроза. Турки видѣли въ путешествіи императрицы въ Крымъ оскорбленіе и вызовъ себѣ; въ тоже время свиданіе съ императоромъ Іосифомъ и сборъ столькихъ войскъ возбуждали ихъ подозрѣнія. Народъ въ Константинополѣ громко ропталъ и не могъ безъ раздраженія слышать про это путешествіе: онъ все еще не отказывался отъ надежды снова возвратить Крымъ. Онъ думалъ, что Татары будутъ сопротивляться, а они встрѣтили государыню съ покорностью; — онъ расчитывалъ на возраженіе дивана и надѣялся, что онъ воспрепятствуетъ этому путешествію и предвозвѣщенному коронованію,—какъ могъ бы онъ это сдѣлать? — Неудовольствіе высказывалось громко и дало себя знать пожарами; роптали противъ стараго, соннаго, какъ его звали, Абдулъ-Хамида, и желали, чтобъ онъ уступилъ мѣсто молодому, мужественному Селиму. Диванъ нѣсколько дней сряду собирался и совѣтовался; даны были приказанія исправить крѣпости и снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ, назначены въ нихъ способные начальники и въ цѣломъ государствѣ предприняты вооруженія.

Порта, уже давно скорбѣвшая о сдѣланныхъ ею дотолѣ уступкахъ, раздраженная, озлобленная потерею Крыма и тѣмъ, что принуждена была самымъ грознымъ врагамъ своимъ даровать равныя съ наиболѣе благопріятствуемыми, дружественными съ нею націями

шимъ, ласковый съ солдатами, былъ гордъ и безцеремоненъ съ равными себѣ, и тѣхъ, которые не знали его, приводилъ въ изумленіе множествомъ и строгою опредѣленностью своихъ вопросовъ, какъ будто имѣлъ право дѣлать имъ такіе допросы. Но это былъ его обычай сразу узнавать людей; кто приходилъ въ замѣшательство, тотъ навлекалъ на себя его презрѣніе. Когда онъ здѣсь въ первый разъ встрѣтилъ Александра Ламета, то вдругъ спросилъ его: «Откуда вы родомъ?»—Французъ.—«Какого званія?»—Солдатъ.—«Какого чина!»—Полковникъ.—«Имя ваше?»—Александръ Ламетъ.—«Хорошо.»—Ламетъ, обиженный этимъ допросомъ, глядитъ ему прямо въ глаза и спрашиваетъ въ свою очередь: «Откуда родомъ?»—Русскій.—«Какого званія?»—Солдатъ.—«Чинъ?»—Генералъ.—«Имя?»—Суворовъ.—«Хорошо.»—Оба разсмѣялись и съ тѣхъ поръ сдѣлались друзьями.

Примѣчаніе редак. По другимъ источникамъ, Суворовъ просилъ императрицу заплатить три рубля за его квартиру—не въ Кіевѣ, гдѣ у него не было ни войскъ, ни начальствованія, а въ Кременчугѣ, послѣ маневровъ его дивизіи, что̀ гораздо вѣроятнѣе.

торговыя права, поддерживаемая и подкрѣпляемая недоброжелательными Россіи кабинетами въ сомнѣніяхъ своихъ касательно видовъ императорскихъ дворовъ, подвиглась наконецъ своею оскорбленною гордостью, прельщавшею ее касательно собственныхъ ея силъ — разразиться войною противъ Россіи.

Особенно англійскій и прусскій кабинеты возбуждали негодованіе и опасенія ея и старались побудить ее къ войнѣ. Они надѣялись затѣмъ образовать коалицію многихъ государствъ, дѣятельно подкрѣпить усилія Турокъ диверсіями со стороны Швеціи и Польши, и даже, въ случаѣ необходимости, самимъ принять участіе въ войнѣ. Такъ замышляли они отмстить Россіи, Пруссія—за предпочтеніе союзу съ нею—союза съ Австріей, а Англія—за вооруженный неутралитетъ и за торговый договоръ съ Франціей. Англія надѣялась вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ покровительства Портѣ, при случаѣ принудить Францію отказаться отъ торговаго договора съ Россіей, или же, за объявленіе свое въ пользу Россіи, утратить выгоды своей левантской торговли. Опасеніе нарушенія равновѣсія Европы служило во всемъ этомъ только предлогомъ, частныя же выгоды, личныя страсти или односторонніе виды были истинными побудительными причинами дѣйствій Англіи.

Дабы легче побудить диванъ къ войнѣ, посланники этихъ двухъ дворовъ объявили ему: «теперь настало настоящее время для дѣйствій: Порта вооружена, а Россія—нѣтъ, и къ этому еще ее угнетаетъ опасный голодъ, а Австрія озабочена внутренними смутами; если Порта будетъ еще ждать и обезоружится, то оба эти двора, возстановивъ внутреннее спокойствіе, сами объявятъ ей войну и приведутъ въ исполненіе давнопитаемые, честолюбивые замыслы свои.» Въ тоже время они обѣщали ей поддержку и въ случаѣ нужды помощь.

При страстномъ настроеніи Порты, эти внушенія не остались безъ дѣйствія. Она вскорѣ приняла другой тонъ и препроводила къ русскому посланнику ноту, въ которой предъявила требованія, долженствовавшія чувствительнѣйшимъ образомъ оскорбить личное достоинство императрицы. Не удовольствовавшись и этимъ и не дождавшись даже отвѣта на свои требованія, она заключила русскаго посланника Булгакова въ семибашенный замокъ ($^{5}/_{16}$ августа 1787 г.) и объявила войну.

Страсти ослѣпляютъ какъ людей, такъ и государства (они управляются людьми) и побуждаютъ ихъ, даже въ самыхъ невинныхъ поступкахъ ихъ противниковъ, предполагать непріязненные

виды. Дабы затѣмъ предотвратить возможныя опасности, они стремглавъ ввергаются въ дѣйствительныя, объявляютъ войну изъ-за страха войны и накликаютъ на свои головы бѣды, въ томъ мнѣніи, что отговорятъ ихъ. Порта смотрѣла на свиданіе обоихъ монарховъ, какъ на заговоръ противъ нея, дѣйствіе котораго ей нужно было предотвратить. Но весьма вѣроятно, что она ошибалась: какъ мы видѣли, путешествіе имѣло другой поводъ, а личное свиданіе съ императоромъ Іосифомъ—иную цѣль. Давнишній противникъ Австріи, Фридрихъ II, король Прусскій, умеръ незадолго передъ тѣмъ ($^{6}/_{17}$ августа 1786 г.), и столь долго удерживаемый имъ, неспокойный духъ Іосифа желалъ снова приняться за отложенные планы; для этого Іосифъ хотѣлъ обезпечить себѣ согласіе Россіи, да и новый, тѣсный союзъ Пруссіи съ Англіею требовалъ переговоровъ съ императрицей, дабы противупоставить ему перевѣсъ. Касательно Турокъ могли, статься можетъ, быть подвергнуты обсужденію старинные планы, но ничего опредѣлительнаго не было условлено, потому что интересы при этомъ были слишкомъ различны (17); наконецъ къ войнѣ ничего не было приготовлено и поэтому объявленіе оной Портою было совершенно неожиданнымъ.

Впрочемъ, хотя оно было и неожиданнымъ, но не произвело изумленія. Русскіе были, какъ и слѣдовало, ни обрадованы, ни огорчены,—положились на Бога, правое дѣло и войско,—врага не вызывали—онъ самъ взялся за оружіе, и надѣялись заставить его раскаяться въ томъ.

Императрица, всегда внимательная къ голосу своего народа, освѣдомилась, послѣ объявленія войны что̀ объ этомъ говорили въ городѣ; ее увѣрили, что всѣ спокойны и готовы на все. Съ жаромъ выразилась она тогда, сколько въ 25 лѣтъ пріобрѣла довѣріе народа: никто теперь, передъ началомъ войны, не встревоженъ.« Не то было передъ началомъ послѣдней войны,—тогда мы мало были

---

(17) Всѣ отдѣльныя, сдѣлавшіяся извѣстными, заявленія Іосифа указываютъ на это. Такъ въ іюнѣ, тотчасъ послѣ означеннаго выше путешествія, онъ писалъ Кауницу: «Таврія (Таврида), которая можетъ еще сдѣлаться яблокомъ кроваваго раздора между Россіей и Портой, не имѣетъ ничего особеннаго: плодородный, ненаселенный край, съ плохими городами и ничтожными поселеніями, носящій еще слѣды существованія Татаръ. Не смотря не все это, выгоды, полученныя Россіей отъ пріобрѣтенія этихъ областей, очень важны для этого государства. Оно можетъ, по истребленіи армады (флота) Османовъ, довести ихъ до крайности—можетъ заставить Стамбулъ трепетать и этимъ пріобрѣтетъ путь въ Паросъ и Геллеспонтъ, что мнѣ необходимо предупредить со стороны Румеліи, и т. д.»

приготовлены, теперь же войска могутъ въ двѣ недѣли быть на мѣстахъ своего назначенія, и всѣ военные люди охотно идутъ въ походъ. Мы не хотимъ ласкать себя надеждами, но кажется—Богъ поможетъ и все пойдетъ хорошо ([18]).» Она не предчувствовала тѣхъ тревогъ и затрудненій, въ которыя, по стеченію неожиданныхъ обстоятельствъ, повергнетъ ее эта война. Всѣ виды были благопріятны, и однако она внезапно увидѣла себя вовлеченною въ такія опасности, которыя никогда еще въ теченіе долговременнаго ея царствованія не разражались надъ нею съ такими силою и настойчивостью.

Россія не была приготовлена къ войнѣ, и Турки также не были достаточно приготовлены къ ней: поэтому первый походъ, при позднемъ уже времени года, не могъ имѣть значенія; дѣло было болѣе въ томъ, чтобы защитить собственную страну, нежели пріобрѣсть большія выгоды въ непріятельской.

Двѣ арміи были собраны въ Россіи: одна въ Подоліи, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Румянцова, для того, чтобы защитить отъ вторженія Турокъ беззащитную Польшу, которую Россія хотѣла сблизить съ собою союзомъ; другая—за Днѣпромъ, подъ начальствомъ князя Потемкина, для обезпеченія русской границы. Доказательствомъ, какъ мало въ это время помышляли о наступательной войнѣ, можетъ служить недостатокъ въ нужнѣйшемъ—въ продовольственныхъ и боевыхъ запасахъ, въ понтонныхъ и осадныхъ паркахъ; даже полки были большею частію некомплектные. Только въ теченіе осени и зимы были поспѣшно сдѣланы потребныя распоряженія для рѣшительныхъ дѣйствій съ открытіемъ ближайшаго похода. А до того удовольствовались приведеніемъ въ оборонительное положеніе Кинбурна и Херсона, какъ пунктовъ, которымъ наиболѣе угрожала опасность: около 30, 000 войскъ было собрано при нихъ. Начальство надъ ними долженъ былъ получить испытанный вождь—избрали Суворова, и лучшаго выбора не могли сдѣлать.

Въ тоже время укомплектовывали и вооружали флотъ въ Севастополѣ, равно и суда въ Глубокомъ—военной гавани Херсона. То были тѣ самыя, красивыя галеры, которыя послужили для путешествія императрицы; къ нимъ были присоединены еще военныя суда, спущенныя съ Херсонскихъ верфей. И въ Кронштадтѣ также дѣятельно производились работы, съ цѣлію—слѣдующею весною

---

(18) См. Журналъ Храповицкаго, въ Отечественныхъ Запискахъ, изд. Свиньинымъ (Сентябрь 1788).

отправить тамошній флотъ, какъ въ предъидущей войнѣ, въ Архипелагъ. Какія причины воспрепятствовали тому—скоро узнаемъ.

Не менѣе приготовленій сдѣлала и Порта. Уже прежде объявленія войны произведены значительныя вооруженія. Очаковъ, подверженный первымъ нападеніямъ, былъ усиленъ, подъ руководствомъ французскихъ инженеровъ (особенно Лафитта), новыми укрѣпленіями, а гарнизонъ его значитительно увеличенъ. Многочисленныя войска прибыли изъ Азіи, провозглашено всеобщее ополченіе и, для сильнѣйшаго воодушевленія народа и вооруженія всѣхъ истинныхъ мусульманъ для войны—какъ объявлялось—за религію, водружено знамя пророка, по принятому въ религіозныхъ войнахъ обычаю. Для защиты Очакова со стороны моря, часть флота вышла изъ Константинополя и расположилась противъ этой крѣпости.

Такъ все было приготовлено къ кровопролитной войнѣ, которая снова должна была опустошить этотъ край, не исполнивъ ни одной изъ тѣхъ надеждъ, которыми передъ началомъ ея ласками себя какъ та, такъ и другая сторона.

Суворову предлежала честь—въ этой войнѣ нанесть первыйу даръ, какъ и позже онъ нанесъ въ ней другіе, рѣшительнѣйшіе. Едва прибылъ онъ въ Кинбурнъ, какъ тотчасъ же, съ обычною своею дѣятельностью, осмотрѣлъ всѣ подверженные атакѣ пункты и, гдѣ нашелъ нужнымъ, приказалъ привесть ихъ въ лучшее оборонительное состояніе, сооруженіемъ новыхъ батарей.

Онъ не зналъ еще, что война была уже объявлена. Впервые узналъ онъ объ этомъ отъ одного офицера, который, вслѣдствіе прежняго добраго согласія съ Турками, случайно поѣхалъ въ Очаковъ. Очаковскій паша поступилъ при этомъ очень благородио. Давъ этому офицеру, какъ обыкновенно, аудіенцію, онъ удалилъ своихъ людей и открылъ ему, что безпокойныя головы въ Константинополѣ настояли на возобновленіи войны и что въ этотъ же день два русскіе корабля, стоявшіе передъ Кинбурномъ, долженствовали быть атакованы. Для бо̀льшаго охраненія этого офицера отъ нѣкоторыхъ фанатическихъ Турокъ, онъ приказалъ проводить его за городъ. Офицеръ переѣхалъ благополучно въ Кинбурнъ и донесъ о томъ, что̀ видѣлъ и что̀ слы̀шалъ отъ паши. Вслѣдствіе того Суворовъ немедленно принялъ свои мѣры.

Вечеромъ того же дня 19 (30) августа, оба русскіе корабля были, какъ предсказалъ честный паша, атакованы многими турецкими кораблями, но оборонялись такъ храбро, что имъ удалось, хотя и порядочно поврежденными, спастись къ Глубокому.

Этимъ началась война. Суворовъ, дабы лучше защитить гавань Глубокаго и Херсонъ съ его верфями отъ атакъ превосходнаго въ силахъ турецкаго флота, заложилъ ниже перваго пункта батарею въ 24 орудія большаго калибра и обезпечилъ второй 5-ю подобными же, на противолежавшихъ островахъ, батареями, которыя, перекрестнымъ огнемъ своимъ, препятствовали всякому приближенію непріятельскихъ судовъ.

Кинбурнъ и Херсонъ были передовыми преградами Крыма; по одолѣніи ихъ, не представлялось уже болѣе никакихъ иныхъ для покоренія Крыма; потому противъ нихъ и были направлены первыя атаки Турокъ.

Длинная, песчаная коса вдается, насупротивъ Очакова, въ море; на ней расположенъ Кинбурнъ ([19]), незначительная крѣпостца, стѣны которой были слабы, а рвы—неглубоки, потому что при рытіи песчанаго грунта тотчасъ выступала вода. Но положеніе его было важно потому, что частію—господствовало надъ входомъ въ Днѣпръ, частію—пересѣкало прямое сообщеніе Очакова съ Крымомъ. Поэтому покореніе Кинбурна была весьма важно для Турокъ, и они были слишкомъ хорошо руководимы французскими офицерами, чтобъ не видѣть вполнѣ этой важности. Суворовъ, своимъ вѣрнымъ взглядомъ также убѣжденный въ необходимости отстаивать Кинбурнъ во чтобы ни стало, собралъ при немъ 5—6,000 войскъ и самъ расположилъ тутъ свой походный лагерь, имѣя привычку всегда лично быть на рѣшительныхъ пунктахъ, чтобъ менѣе зависѣть отъ другихъ.

Нѣсколько дней сряду Турки производили съ своихъ кораблей непрерывный огонь по Кинбурну, который не оставался въ долгу у нихъ.

Здѣсь заслуживаетъ быть упомянутымъ храбрый поступокъ одного молодаго флотскаго офицера. Однажды Суворовъ, всегда бдительно наблюдавшій движенія непріятеля, обходилъ валы крѣпости и замѣтилъ вдали военное судно, шедшее на полныхъ парусахъ отъ Глубокаго къ Очакову, подумалъ, что оно потеряло якоря, и пожалѣлъ объ экипажѣ, Но вдругъ онъ видитъ, что оно атакуетъ турецкія суда, прогоняетъ ихъ, даже въ линейные корабли стрѣляетъ залпами и затѣмъ, лишь слабо преслѣдумое, обращается къ Кинбурну. Немало порадовался онъ этому смѣлому поступку—потому что смѣлость и рѣшительность всегда находили въ немъ почитателя—

---

(19) Собственно Кильбурнъ—отъ киль-бурунъ, клочекъ волосъ.

и встрѣтилъ командира этого судна (галеры), мичмана Ломбарда, уроженца Мальты, съ большою похвалою. Дабы еще болѣе заслужить ее, Ломбардъ сталъ атаковать съ возраставшею отважностью непріятельскіе корабли, если они приближались къ Кинбурну, не встрѣчая однако съ ихъ стороны упорнаго сопротивленія. Позже узнали причину этого: Турки приняли его галеру, по смѣлости ея атакъ, за брандеръ и потому тщательно избѣгали ея приближенія. Суворовъ, опасаясь, чтобы смѣлость Ломбарда не погубила его, запретилъ ему предпринимать что-либо безъ особеннаго приказанія. Дѣйствительно, этотъ храбрый офицеръ попалъ въ руки Турокъ нѣсколько недѣль спустя, когда буря бросила командуемую имъ галеру на берегъ.

Между тѣмъ огонь турецкихъ кораблей противъ Кинбурна продолжался уже нѣсколько дней.—30 сент. (11 окт.) онъ сдѣлался живѣе и настойчивѣе обыкновеннаго. Суворовъ сталъ подозрѣвать какое-нибудь особенное намѣреніе, сѣлъ на лошадь и осмотрѣлъ всѣ пункты на косѣ. Вскорѣ по движеніямъ Турокъ онъ заключилъ, что ихъ занимаетъ какое-то важное предпріятіе, вѣроятно высадка. Чтобы завлечь ихъ, онъ запретилъ стрѣлять, желая и здѣсь дать имъ такой же урокъ, какъ при Гирсовѣ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, 1 (12) октября, Турки открыли сильно бомбардированіе; со стороны Русскихъ—ни одного выстрѣла. Многіе изъ Турецкихъ бомбъ и ядеръ попадали въ небольшіе лагери войскъ и сорвали много палатокъ. Русскіе не отвѣчали. День былъ праздничный (*) и Суворовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно отправился съ офицерами въ церковь къ обѣднѣ.—Огонь Турокъ становился все сильнѣе; наконецъ замѣчено было много большихъ лодокъ турецкихъ Запорожцевъ (**), поднимавшихся въ лиманъ, для высадки выше Кинбурна. Прогнанные находившимися тамъ казаками, они принуждены были снова сѣсть въ свои лодки и обманулись въ надеждѣ отвлечь вниманіе Русскихъ отъ настоящаго пункта высадки.

Наконецъ, послѣ надлежащихъ приготовленій, въ 9 часовъ утра турецкія войска были высажены, подъ руководствомъ Лафитта и другихъ французскихъ офицеровъ, на оконечность косы. Суворовъ дозволилъ имъ исполнить это безпрепятственно: онъ хотѣлъ не полъ-успѣха, но атаковать ихъ только тогда, когда они всѣ высадятся, и истребить ихъ однимъ ударомъ.

Непрерывно подходили ихъ суда, большія и малыя, высаживали

(*) Покрова Богородицы.

(**) Некрасовцевъ.

людей и возвращались назадъ. Высадившіеся первыми устроили эстакаду (estacade), для обезпеченія дальнѣйшей высадки. Вскорѣ 5,000 Турокъ, отборные люди Очаковскаго гарнизона, все янычары, были высажены и тотчасъ принялись за работы.—Дабы отрѣзать имъ путь къ бѣгству и тѣмъ вселить въ нихъ мужество, внушаемое отчаяніемъ, начальствовавшій паша отослалъ назадъ транспортныя суда, такъ что имъ не оставалось ничего болѣе, какъ взять Кинбурнъ или—всѣмъ до одного погибнуть.

Русскіе сначала могли противупоставить имъ только 6 слабыхъ баталіоновъ съ нѣсколькими казаками; но Суворовъ послалъ войскамъ, стоявшимъ далѣе позади, приказаніе поспѣшно идти къ Кинбурну. Такимъ образомъ русскія войска постепенно сравнялись здѣсь числительностью съ турецкими: въ бой вступили одни за другими 7 баталіоновъ пѣхоты ([20]), 12 эскадроновъ регулярной кавалеріи и 3 казачьи полка ([21]), всего также 5,000 человѣкъ.

Турки положили приблизиться къ Кинбурну посредствомъ поспѣшно набросанныхъ траншей, но предвидя, что почва не позволитъ дать послѣднимъ надлежащее углубленіе, запаслись мѣшками, которые, будучи набиты пескомъ, должны были служить имъ вмѣсто брустверовъ. Такъ стали они приближаться къ крѣпости. Суворовъ запретилъ мѣшать имъ: только по приближеніи ихъ на 200 шаговъ къ гласису, должно было атаковать ихъ. Къ 1-му часу пополудни они приблизились на это разстояніе: общій залпъ изъ орудій послужилъ сигналомъ — и атака началась. Казачій полкъ подъ начальствомъ подполковника Исаева, стоявшій позади крѣпости, на рысяхъ выѣхалъ изъ-за нея слѣва и бросился на передовыхъ Турокъ, шедшихъ съ лѣстницами: въ одно мгновеніе всѣ они, человѣкъ 100, были переколоты, а предводитель ихъ, хорошо знавшій Кинбурнъ, убитъ.

Въ одно время съ казаками, 2 баталіона Орловскаго и 2 Шлиссельбургскаго полковъ вышли изъ крѣпости и, предводимые храбрымъ генералъ-маіоромъ фонъ-деръ-Реке, съ большою рѣшимостью бросились въ траншеи. Хотя огонь непріятельскихъ кораблей сильно поражалъ ихъ во флангъ, но они съ перваго же натиска выбили янычаровъ изъ десяти ихъ траншей. Янычары получаютъ подкрѣпленіе

---

(20) 2 бат. Орловскаго, 2 бат. Шлиссельбургскаго, 2 бат. Козловскаго и 1 бат. Муромскаго полковъ.

(21) Орлова, Исаева и Иловайскаго. Казачьи полки—5-ти-сотенные, но рѣдко комплектные; баталіоны въ этой войнѣ слѣдуетъ считать не сильнѣе 4—500 челов., часто даже въ 300 чел., а эскадроны—въ 100 чел.

и бой становится упорнымъ. Хотя полковники Орловъ и Иловайскій приводятъ еще 2 казачьи полка, однако Турки, все отборныя войска, защищаются какъ отчаянные. Орловскій полкъ теряетъ много людей, Река выносятъ раненаго, многіе штабъ-офицеры убиты и Русскіе должны отступить. Тутъ Суворовъ двинулъ впередъ свой резервъ—2 бат. Козловскаго полка и 2 эскадрона легкой кавалеріи. Турки снова оттѣснены въ свои траншеи, но не надолго. Самъ Суворовъ вездѣ впереди, гдѣ нужно, и ободряетъ своихъ совѣтомъ, примѣромъ, словами; но подъ нимъ убита лошадь; онъ кричитъ одному всаднику, чтобъ тотъ далъ ему свою лошадь, но этотъ всадникъ—Турокъ ([22]) съ ожесточеніемъ бросается на него и уже занесъ на него руку, когда фузелеръ Новиковъ быстрымъ ударомъ штыка повергаетъ его и спасаетъ своего генерала.

Но солдаты увидали опасность, грозившую ихъ любимому вождю: «нашъ генералъ между Турокъ»,—крикнули они,—«впередъ! спасемъ его!»—и штыками прокладываютъ себѣ дорогу къ нему черезъ тѣла убитыхъ Турокъ. Онъ возстановляетъ порядокъ ([23]), возобновляетъ бой — и снова непріятель выбитъ изъ нѣкоторыхъ траншей.

И Ломбардъ съ своей галерой не оставался въ бездѣйствіи: онъ прогналъ нѣсколько разныхъ непріятельскихъ судовъ; два были пущены ко дну огнемъ изъ крѣпости, а одно — русскимъ полевымъ орудіемъ. Не смотря на то, огонь турецкихъ кораблей наносилъ большой вредъ Русскимъ.

Съ перемѣннымъ успѣхомъ длился бой въ траншеяхъ: то Русскіе, то Турки подвигались впередъ. Положеніе первыхъ становилось труднымъ: Суворовъ контуженъ въ бокъ; Турки, поощряемые своими дервишами, дерутся съ остервененіемъ, и вскорѣ свои и враги, въ общей свалкѣ, перемѣшались до того, что огонь съ кораблей и съ крѣпости нужно было прекратить.

Уже смеркалось, когда, къ радости Русскихъ, прибыло подкрѣпленіе: 10 эскадроновъ легкой кавалеріи, стоявшіе 3 мили (21 версту) выше Кинбурна, пришли на полныхъ рысяхъ и, по причинѣ тѣснаго пространства, массой, не развертываясь, бросились на Турокъ. Въ

---

(22) Всѣ Турки были пѣшіе, поэтому Суворовъ, въ пылу боя, принялъ коннаго Турка (вѣроятно захватившаго русскую кавалерійскую лошадь) за одного изъ своихъ.

(23) Должно замѣтить, что Русскіе сражались здѣсь не въ кареяхъ, а линіями, такъ какъ у Турокъ не было конницы.

тоже время казаки ударили имъ съ моря (по отмели) во флангъ и снова ободренная пѣхота произвела третій натискъ.—Но Турки защищались, какп люди, рѣшившіеся умереть, яростно бросались на лошадей и всадниковъ, многихъ ранили, бились, убивали, гибли, безпрестанно поджигаемые своими дервишами, во всемъ подававшими имъ примѣръ: ихъ было 50—ни одинъ не пережилъ этого дня.

Суворовъ впереди—вдругъ рука его прострѣлена ружейной пулей. Онъ слабѣетъ отъ потери крови, нѣсколько казаковъ выводятъ его на берегъ моря, обмываютъ рану и перевязываютъ его галстухомъ.—«Помилуй Богъ! благодарю! помогло, тотчасъ помогло!»—сказалъ Суворовъ,—«я раненыхъ и всѣхъ нераненыхъ Турковъ прогоню въ море»,—прибавилъ онъ къ этому съ горькой насмѣшкой и воротился назадъ къ сражавшимся (*).

Наступила уже и ночь—когда прибыли еще 500 челов. русской пѣхоты (24), сдѣлавъ усиленный переходъ, и рѣшили дѣло. Турки были оттѣснены къ морю; тщетно обращались они назадъ, полчаса бились отчаянно и снова были оттѣснены до самой воды. Видя и спереди, и сзади смерть, они бросались то туда, то сюда, нѣкоторые пытались спастись вплавь—ни одинъ не спасся, и все, что не погибло подъ ударами ожесточенныхъ побѣдителей, потонуло въ морѣ. Лишь весьма немногіе спаслись, въ томъ числѣ Лафиттъ еще прежде ночи.

Въ 10 часовъ вечера кончился бой, продолжавшійся цѣлыхъ 9 часовъ непрерывно. Утомленные жаркою работой этого дня, побѣдители воротились въ крѣпость; болѣе 800 изъ нихъ были ранены или убиты, но оставшіеся въ живыхъ могли гордиться побѣдой: изъ 5,000 непріятелей спаслось едва 700, остальные покрывали своими тѣлами мѣсто побоища.

На возвратномъ пути русскія войска вдругъ опять слышатъ пальбу изъ крѣпости и ускоряютъ шаги. Но пальба скоро прекратилась; поводъ къ ней подали турецкіе Запорожцы: полагая, что всѣ войска вышли изъ крѣпости, они приблизились къ ней съ другой стороны, чтобъ завладѣть ею врасплохъ. Но встрѣченные какъ слѣду-

---

(*) Въ Собраніи писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни Суворова и пр. Москва 1814, сказано, что Суворовъ получилъ опасную рану въ лѣвое плечо, потерялъ много крови, а для перевязки не было подъ рукой лекаря; почему казачій старшина привелъ его къ морю, вымылъ рану морскою водою и перевязалъ платкомъ.

(24) 1 бат. Муромскаго и 2 роты Шлиссельбургскаго полковъ.

етъ, они скоро отказались отъ своего намѣренія и сѣли опять въ свои лодки (*).

Таковъ былъ исходъ боя при Кинбурнѣ—боя, который, по причинѣ тѣсноты мѣста, не дозволявшаго маневрированія, былъ не болѣе, какъ рѣзнею, и въ которомъ лучшее военное устройство, порядокъ и хладнокровное мужество взяли верхъ надъ яростью отчаянія. Предпріятіе Турокъ имѣло полнѣйшій неуспѣхъ.

«Подъ Кинбурномъ я отбилъ у Турокъ охоту дѣлать высадки, до которыхъ и я не охотникъ,» говорилъ Суворовъ позже, и справедливо. Высадка всегда есть одно изъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ военныкъ предпріятій, потому что непріятель легко можетъ развернуть превосходныя числомъ силы противъ высадившихся, а этимъ послѣднимъ и малѣйшая неудача готовитъ совершенную гибель.

Императрица чрезвычайно обрадовалась, получивъ извѣстіе о Кинбурномъ боѣ; Суворовъ оправдалъ, какъ обыкновенно, возложенныя на него надежды. Послѣ совершеннаго при дворѣ, по этому случаю, благодарственнаго молебствія, императрица писала князю Потемкину: «Суворовъ поставилъ насъ сегодня на колѣна, но»—съ участіемъ прибавила она—«какъ я жалѣю, что храбрый старикъ раненъ.»—Затѣмъ она послала Суворову орденъ св. Андрея Первозваннаго, при лестномъ собственноручномъ рескриптѣ, въ которомъ выражала ему свою благодарность и участіе. Князь Потемкинъ не находилъ словъ, чтобъ выразить ему свое удовольствіе ([25]).

(*) Прискорбный примѣръ невѣроятнаго озлобленія русскихъ раскольниковъ—Некрасовцевъ, потомковъ, уже во второмъ или третьемъ поколѣніи, тѣхъ, которые бѣжали въ Турцію при Петрѣ I!—Вмѣстѣ съ магометанами—Турками, съ неменьшимъ ожесточеніемъ дѣйствовали они противъ кровныхъ своихъ братій—Русскихъ, православныхъ Христіанъ!—Совсѣмъ не такъ поступила благоразумная часть ихъ, подъ предводительствомъ своего атамана Гладкова, 41 годъ спустя—при переправѣ русской арміи въ 1828 году черезъ Дунай у Сатунова!

(25) 5 октября онъ писалъ ему: «Не нахожу словъ выразить Вамъ, сколько я убѣжденъ въ важности Вашихъ заслугъ, сколько я Васъ уважаю.—Молю Бога о твоемъ здоровьѣ такъ искренно, что охотно хотѣлъ бы страдать вмѣсто тебя, лишь бы ты остался здоровъ.

Увѣрьте всѣхъ, что я каждаго награжу. Нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ бою, пришлю по пяти рублей на человѣка, какъ только Вы увѣдомите о числѣ ихъ. Для всѣхъ хочу сдѣлать, чего только ты пожелаешь. И ради Бога прошу тебя, не щади тѣхъ, которые остались недостойными. Прощай, мой сердечный другъ.»

И позже, 1 ноября: «Я думалъ самъ привезть Вамъ извѣстіе о Всемилостивѣйшей аградѣ за побѣду при Кинбурнѣ, но ожиданіе одного цесарскаго генерала (принца де-Линя) удержало меня. Посылаю Вамъ теперь только рескриптъ Ея Императорска-

Пораженіе при Кинбурнѣ произвело большое смущеніе въ Константинополѣ, гдѣ ожидали слышать о побѣдахъ надъ неготовыми къ войнѣ Русскими. Невинные должны были, какъ обыкновенно, поплатиться: одиннадцать предводителей были обезглавлены и головы ихъ выставлены передъ сералемъ; и честный Очаковскій паша также былъ отозванъ и замѣненъ другимъ.—Этимъ кончились на сей годъ военныя предпріятія, и турецкій флотъ съ началомъ холоднаго времени года возвратился въ Константинополь.

Суворовъ остался въ Кинбурнѣ и лечилъ свои раны, не ослабляя своей бдительности. Она была тѣмъ нужнѣе, что ничтожные верки крѣпости вызывали, казалось, непріятеля на внезапное нападеніе. Дабы предохранить себя отъ него, Суворовъ, когда суровая зима затянула лиманъ льдомъ, приказалъ постоянно прорубать его у береговъ, чтобъ не позволить непріятелю приблизиться по немъ. Среди такихъ обстоятельствъ, онъ провелъ зиму въ Кинбурнѣ. Отсюда онъ писалъ, что хотя отъ раны силы его и слабы, но усердіе поддерживаетъ его, и ни малѣйше не пренебрегая своими обязанностями, онъ мало по малу выздоравливаетъ.

го Величества, исполненный милостивыхъ выраженій: вскорѣ Вы должны еще получить знаки особенной Императорской милости. Будьте увѣрены, что я считаю за честь воздавать Вамъ справедливость, и Вы никогда не будете сожалѣть, что состояли подъ моимъ начальствомъ. Представленныхъ Вами я произвелъ. Увѣрьте генерала Реке и коменданта Тунцельмана, что ихъ желанія будутъ исполнены. Изъ посланныхъ крестовъ, одинъ удерживаю для Ломбарда и просилъ Императрицу приказать выбрать его. Другой назначаю полковнику Орлову. Остальные прошу тебя, мой сердечный другъ, назначить достойнѣйшимъ. Ради Бога, сдѣлай это со всею справедливостью и тщательностью. Девятнадцать серебряныхъ медалей назначены для нижнихъ чиновъ, отличившихся въ сраженіи; раздай ихъ по шести пѣхотѣ, кавалеріи и казакамъ, а одну дай артиллерійсту, который выстрѣломъ взорвалъ шебеку на воздухъ. Думаю, не худо было бы, еслибъ Вы призвали къ себѣ солдатъ особо, и въ полкахъ также опросили всѣхъ, кого признаютъ достойнѣйшимъ полученія медали.

«Еще по секрету: въ будущемъ походѣ я подчиню всѣ гребныя суда главнокомандующему на сухомъ пути, а парусныя—главнокомандующему на морѣ.

«Голландскій флота капитанъ (де Винтеръ), принятый въ нашу службу съ отличными аттестаціями, пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ, кажется, искусный воинъ; я привезу его изъ Херсона къ Вамъ,—испытайте его порядкомъ, и т. д.»

СЕДЬМОЙ ОТДѢЛЪ.

ПОХОДЪ 1788 ГОДА.

Императоръ Іосифъ объявляетъ себя противъ Турокъ.—Характеристика обоихъ главныхъ предводителей союзниковъ.—Фельдмаршалъ Ласси и его кордонная система.—Князь Потемкинъ.—Англія и Пруссія противодѣйствуютъ императорскимъ дворамъ.—Графъ Герцбергъ.—Военныя силы Австріи.—Надежды императора Іосифа.—Военныя силы Россіи.—Цѣль военныхъ дѣйствій для Русскихъ, —для Австрійцевъ.—Мѣры Турокъ.—Суворовъ хочетъ штурмовать Очаковъ.—Смерть Сакена.—Екатеринославская армія идетъ къ Очакову.—Дѣла на Лиманѣ.—Пораженіе Турокъ.—Гассанъ-паша.—Потемкинъ блокируетъ Очаковъ.—Описаніе этой крѣпости.—Нерѣшительность Потемкина.—Суворовъ пытается увлечь его къ штурму—и навлекаетъ на себя его неудовольствіе.—Жизнь Суворова въ опасности.—Письма Суворова къ Потемкину.—Вылазка Турокъ $^{18}/_{22}$ августа.—Принцъ Ангальтъ-Бернбургскій.—Ссора принца Нассаускаго съ Потемкинымъ.—Страданія солдатъ подъ Очаковымъ.—Потемкинъ вынужденъ рѣшиться на штурмъ.—Взятіе Очакова.—Радость императрицы.—Походъ Румянцова въ Молдавіи.—Неудачный походъ Австрійцевъ.—Вторженіе Турокъ въ Банатъ.—Болѣзнь императора Іосифа.—Шведскій король объявляетъ войну Россіи.—Письма Суворова къ его дочери.

Предшествовавшія событія были только вступленіемъ къ другимъ, болѣе важнымъ: обѣ стороны производили большія вооруженія, дабы вести войну съ рѣшительною настойчивостью, и въ тоже время на театрѣ войны появился новый военный сподвижникъ.

Императоръ Іосифъ, союзникъ Екатерины, употребилъ въ Константинополѣ всѣ свои усилія для того, чтобъ воспрепятствовать возобновленію войны, столь же несвоевременной для него, какъ и для императрицы. Уже произошли первыя смуты въ его нидерландскихъ областяхъ и образовался опасный союзъ, имѣвшій въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ униженіе обоихъ императорскихъ дворовъ. Новый прусскій король, преемникъ Фридриха Великаго, заключилъ этотъ союзъ съ Англіею, къ которому приступилъ и наслѣдственный штатгалтеръ Соединенныхъ Нидерландовъ, содѣйствіемъ Пруссіи достигшій приращенія своей власти. Эти кабинеты преисполнили европейскіе дворы своими интригами и вездѣ прямо противодѣй-

ствовали намѣреніямъ Австріи и Россіи. При такихъ сомнительныхъ отношеніяхъ, императоръ Іосифъ вовсе не былъ расположенъ, изъ за чуждыхъ интересовъ, начинать войну, разорительную вообще, а въ совершенно обнаженныхъ пограничныхъ турецкихъ областяхъ—особенно. Однако желаніе его—въ минуту опасности показать свою готовность такому важному союзнику, какъ Россія, и въ тоже время надежда вознаградитъ себя на счетъ Турціи, взяли перевѣсъ надъ всѣми сомнѣніями его и 29 янв. (9 февр.) 1788 года онъ объявилъ войну Портѣ. «Такъ какъ императрица всероссійская, сказано было въ этомъ объявленіи, подверглась враждебному нападенію Турокъ, то онъ, какъ вѣрный союзникъ ея, считаетъ себя вынужденнымъ помогать ей всѣми своими силами».

Тяжкою и грозною казалась теперь опасность для одряхлѣвшей имперіи Османовъ, и съ безпокойствомъ взирали ея друзья и доброжелатели (которыхъ она, въ то время, какъ и нынѣ, насчитывала немало) на возставшую противъ нея грозу. Они видѣли многочисленныя, испытанныя, сильныя, жаждавшія боя и увѣренныя въ побѣдѣ, бодрыя арміи, покрывавшія обширныя пространства края и охватывавшія всю сѣверную границу Турецкой имперіи, отъ Адріатическаго моря до Чернаго. Они видѣли въ главѣ ихъ—полководцевъ, посѣдѣвшихъ въ войнѣ и бояхъ, именуемыхъ и цѣнимыхъ съ уваженіемъ, а на всѣхъ путяхъ, которые вели къ границамъ, движеніе громадныхъ военныхъ матеріальныхъ средствъ и способовъ, словомъ—всю силу и мощь двухъ могущественныхъ имперій въ полныхъ развитіи и дѣятельности. Подлинно, было надъ чѣмъ призадуматься; да и гордое самодовѣріе обличало увѣренность въ успѣхѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могли противопоставить эти варвары?—Слабаго тѣломъ и душою и неспособнаго властителя, ослабленіе и расторженіе всѣхъ узъ, связующихъ государство, ни благоустроеннаго войска, ни искуснаго, испытаннаго полководца;—правда, довольно воиновъ и притомъ храбрыхъ, что̀ охотно допускали всѣ, но которымъ недоставало именно того, что̀ даруетъ войску истинную силу—ни порядка, ни правильности, ни строгой воинской дисциплины. Чтоже могли они противопоставить? Одиночныя, нестройныя толпы, мужественныя и храбрыя, но безъ знанія, безъ искуства, безъ военнаго образованія. А напротивъ, австрійскія войска въ войнѣ за наслѣдство баварскаго престоля развѣ не противостояли Пруссакамъ, армія которыхъ считалась первою въ мірѣ? Развѣ они не превосходили этихъ варваровъ въ военной наукѣ, въ военномъ искуствѣ, въ благоустройствѣ, въ превосходной военно-матеріальной части, сло-

вомъ во всемъ, чѣмъ обусловливается сила арміи? А въ главѣ этой арміи, рядомъ съ молодымъ, предпріимчивымъ императоромъ, не стоялъ-ли Ласси,—тотъ Ласси, котораго считали однимъ изъ первыхъ военныхъ людей въ Европѣ?—а помощниками его развѣ не были Кобурги, Клерфэ, Лихтенштейны, Вартенслебены и другіе предводители, образовавшіеся и усовершенствовавшіеся въ великой школѣ семилѣтней войны?—было-ли тутъ самодовѣріе неосновательнымъ?—А со стороны Русскихъ?—Развѣ князь Потемкинъ не заявилъ многочисленныхъ доказательствъ превосходнаго ума своего? не онъ ли поставилъ русскую армію на лучшую ногу? чего не былъ онъ въ состояніи совершить, почтенный неограниченнымъ довѣріемъ своей государыни и съ содѣйствіемъ отличныхъ войскъ и искусныхъ генераловъ?

Такъ разсуждали и друзья, и враги турецкаго дѣла—и ихъ опасенія и надежды казались основательными и конечно оправдались бы, еслибъ оба главные предводителя союзниковъ дѣйствительно обладали тѣми дарованіями и способностями, которыя свѣтъ щедро присвоивалъ имъ, еслибъ они въ самомъ дѣлѣ были такими великими полководцами, какими всѣ почитали ихъ. Но многаго недоставало для этого: они оказались далеко ниже своей извѣстности.

Ласси, сынъ фельдмаршала, оказавшаго большія заслуги Россіи, завоеваніемъ Крыма при Аннѣ Іоанновнѣ и побѣдами надъ Шведами при Елисаветѣ Петровнѣ,—еще въ молодыхъ лѣтахъ перешелъ изъ русской военной службы въ австрійскую и уже рано оказалъ многія и разныя отличія. Въ особенности въ семилѣтнюю войну, въ званіи начальника главнаго штаба фельдмаршала Дауна, онъ пріобрѣлъ большую извѣстность. Ему приписывали всѣ болѣе дѣятельныя дѣйствія этого осторожнаго фельдмаршала, какъ напр. нечаянное нападеніе при Гохкирхенѣ,—равно какъ и распредѣленіе тѣхъ искуственныхъ маршей и движеній, которыми Даунъ стяжалъ себѣ въ то время всеобщее удивленіе; наконецъ онъ же, вмѣстѣ съ русскими войсками подъ начальствомъ Тотлебена, совершилъ удачный набѣгъ на Берлинъ. Эта война имѣла огромное вліяніе на его военное образованіе; изъ нея родилась позже его кордонная система. Примѣръ Дауна и страхъ, внушаемый королемъ прусскимъ, подали ему первую мысль о томъ, а счастливое сопротивленіе послѣднему въ войнѣ за наслѣдство баварскаго престола утвердило его въ этой мысли. Въ этой именно войнѣ, въ которой онъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ императора, управлялъ военными дѣйствіями, впервые примѣнилъ онъ эту мысль къ дѣлу. Она удалась по случайнымъ причинамъ: Фридрихъ, уже устарѣвшій, ослабѣвшій, не имѣв-

шій живаго, геройскаго духа юности, велъ войну не съ прежнею энергіею и притомъ не хотѣлъ мѣшать успѣху происходившихъ въ тоже время мирныхъ переговоровъ, и такимъ образомъ случилось, что въ продолженіе цѣлаго лѣта ничего не было сдѣлано. Іосифъ и Ласси сочли за рѣшительный успѣхъ то, что противостояли такому полководцу. Они вообразили, что теперь-то открыли истинную тайну военнаго искуства—въ размѣщеніи войскъ кордономъ на избранныхъ позиціяхъ. Такой кордонъ долженъ былъ прикрывать всѣ слабые пункты, быть подобнымъ желѣзному щиту, противопоставленному непріятелю, съ тѣмъ, чтобы потомъ ударомъ меча поражать послѣдняго тамъ, гдѣ онъ окажется легкоуязвимымъ. Только при этомъ упустили изъ виду, что, при большомъ протяженіи границы, такой кордонъ слишкомъ раздробляетъ даже самыя многочисленныя боевыя силы, что желѣзный щитъ, которымъ полагали прикрыться, не принесетъ пользы противъ искуснаго непріятеля, а напротивъ вездѣ, гдѣ послѣднему вздумается, будетъ разбитъ въ дребезги, и наконецъ, что эта мнимо-непроницаемая, живая стѣна людей, разъ пробитая, уже нигдѣ не можетъ оказать ожидаемой отъ нея пользы. Печальный опытъ тому предстояло сдѣлать въ этой войнѣ, и притомъ еще противъ такого непріятеля, о которомъ, со времени побѣдъ надъ нимъ Русскихъ, вошло въ привычку отзываться съ пренебреженіемъ.

И со стороны Русскихъ точно также князь Потемкинъ былъ вовсе не тотъ человѣкъ, который могъ могъ бы вести войну съ дѣятельностью и напряженіемъ силъ. Уже его неровный характеръ, его лѣнь, его частое умственное утомленіе ставили неодолимыя преграды настойчивымъ дѣйствіямъ, требуемымъ войною. Когда столь давно и сильно желанная имъ война дѣйствительно разразилась, казалось, что онъ сначала какъ-будто совершенно потерялъ разсудокъ и, какъ говоритъ заслуживающій довѣрія повѣствователь (1), по полученіи объявленія войны, цѣлые четырнадцать дней оставался въ бездѣйствіи, нерѣшимости, смущеніи, не зная, какія ему принять мѣры, какія дать приказанія и откуда ему взять необходимые для продовольствія войскъ запасы. Не было возможности получить отъ него какое-либо заявленіе о его намѣреніяхъ, чтобы по нимъ опредѣлить планъ войны обоихъ императорскихъ дворовъ. Во время мира онъ создавалъ въ головѣ своей тысячи проектовъ и завоевательныхъ плановъ, а теперь, когда настало время войны, онъ, казалось, ни къ чему не былъ приготовленъ.

(1) Ségur, Mémoires et souvenirs.

Неподвижно сидѣлъ онъ въ Елисаветградѣ, снѣдаемый заботами, мучимый пустымъ страхомъ, и безпрестанно безпокоилъ императрицу своими жалобами, не указывая однако ни на то, что́ его такъ мучило, ни на средства, какъ помочь тому. То онъ писалъ: «стеченіе разныхъ хлопотъ тѣснитъ мою душу, и скажу вамъ правду, что сердце мое столь угнетено, что одна только помощь Божія меня утѣшаетъ».—То старался онъ преувеличить трудность своего положенія, числительность и храбрость непріятеля, дабы побѣдою надъ нимъ заранѣе обезпечить себѣ тѣмъ бо́льшую славу. «Турки,—писалъ онъ тогда,—уже не тѣ, что́ были прежде; они больше не боятся пушекъ, бѣсъ ихъ надоумилъ»; а въ другомъ случаѣ, чтобы выставить опасность своего положенія: «я самъ съ рекрутами пойду впередъ и умру какъ христіанинъ. Въ войнѣ счастіе перемѣнчиво; можетъ быть и Турки будутъ имѣть успѣхъ». Казалось, что онъ этимъ какъ будто заранѣе хотѣлъ приготовить къ тому. Потомъ ему приходили на умъ его завистники, его враги въ Петербургѣ; онъ уже видѣлъ ихъ злорадостные взоры, съ жадностію устремленные на него, дабы воспользоваться первою его ошибкою, первою его неудачею и возстановить противъ него императрицу. «Матушка!»—писалъ онъ ей тогда, называя ее тѣмъ возвышеннымъ и довѣрчивымъ именемъ, которое любовь народная уже давно присвоила ей,—«я обремененъ здѣсь заботами и трудами, а завистниковъ своихъ оставилъ однихъ, но — прибавляетъ онъ—я полагаюсь на тебя».—«Безъ сомнѣнія», говорила искренно-благоволившая ему императрица, по полученіи этого письма,—«безъ сомнѣнія, онъ можетъ на меня полагаться—онъ не будетъ оставленъ. Онъ не знаетъ инаго государя, кромѣ меня—я изъ вахмистровъ произвела его въ фельдмаршалы. Притомъ я не вижу болѣе такихъ опасныхъ для него враговъ, какими были Орловы и графъ Петръ Панинъ.—Качества же этихъ людей я должна была уважать».

Единственнымъ его желаніемъ, единственною его цѣлью было взять Очаковъ, и для этого онъ дѣлалъ такія приготовленія, какъ будто приходилось покорить первую крѣпость въ мірѣ, между тѣмъ какъ Очаковъ никакъ не могъ долго сопротивляться серьозной и настойчиво веденной атакѣ. Суворовъ, убѣжденный въ томъ, въ началѣ весны предлагалъ взять эту крѣпость штурмомъ; но Потемкинъ, который никому не хотѣлъ уступить этого завоеванія и на немъ основывалъ надежду на полученіе ордена св. Георгія, отклонилъ это предложеніе подъ предлогомъ, что въ началѣ войны нельзя было достаточно остерегаться всякаго несчастнаго случая. Такимъ образомъ благо-

пріятный моментъ для взятія этой крѣпости безъ большихъ потерь былъ упущенъ, и Турки выиграли время для значительнаго усиленія какъ верковъ, такъ и гарнизона.

Принцъ де-Линь, назначенный австрійскимъ коммиссаромъ при русской арміи, получивъ извѣстіе о боѣ при Кинбурнѣ, прибылъ съ величайшею поспѣшностью, чтобъ присутствовать при ожидаемыхъ дальнѣйшихъ, быстрыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Но какъ онъ ошибся! «Я прихожу,—разсказываетъ онъ,—бросаюсь на шею князю и спрашиваю, когда Очаковъ нашъ?»—«Боже мой! отвѣчаетъ онъ мнѣ, тамъ 18,000 чел. гарнизона, а у меня едва половина того. У меня во всемъ недостатокъ; я самый несчастный человѣкъ, если Богъ не поможетъ мнѣ.—Сохрани только Богъ, чтобъ Татары не опустошили все. Рука Всевышняго спасла меня (всегда буду помнить это)! съ Его помощію я собралъ всѣ войска, какія были за Бугомъ—истинное чудо, что я еще удержалъ до сихъ поръ такое пространство края». Затѣмъ де-Линь проситъ сообщить его планъ; Потемкинъ обѣщаетъ сообщить его на другой день. Проходитъ восемь, четырнадцать дней; наконецъ онъ получаетъ его: въ немъ значилось: «съ Божіей помощію атакую все, что́ находится между Бугомъ и Днѣстромъ (2)».

Мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ цѣлый походъ провелъ въ бездѣйствіи передъ крѣпостію, которая, при рѣшительной атакѣ, должна была бы пасть въ нѣсколько недѣль, и при этомъ потерялъ

---

(2) Военные мудрецы того времени немало смѣялись, можетъ быть, надъ этимъ такъ называемымъ планомъ; однако Потемкинъ не совсѣмъ былъ неправъ: онъ указалъ только вообще на цѣль своихъ ближайшихъ дѣйствій, не входя въ частныя подробности, зависящія отъ тысячи случайностей. Но въ то время, въ особенности у Австрійцевъ, были въ модѣ операціонные планы, распространявшіеся на малѣйшія подробности: въ нихъ хотѣли напередъ опредѣлить всѣ возможные и невозможные случаи и средства противъ нихъ; но область возможнаго безгранична, и подъ конецъ всегда бывало бы, что тотъ либо другой случай не былъ заранѣе предусмотрѣнъ. Если намъ дозволено будетъ сдѣлать сравненіе, то это похоже на партію шахматной игры, въ которой кто-нибудь хотѣлъ бы напередъ опредѣлить, какіе сдѣлать ходы, дабы сдѣлать матъ противнику. Но послѣдній, можетъ быть при самомъ началѣ игры, сдѣлаетъ такіе ходы, которыхъ вовсе не ожидали (кто можетъ все предвидѣть!)—и прекрасный планъ становится неисполнимымъ, и даже—озадаченный этимъ игрокъ тѣмъ скорѣе проигрываетъ партію. Такъ точно и на войнѣ. Поэтому только цѣль ея должна быть опредѣлена, главнокомандующему же необходимо предоставить на каждый шагъ противника дѣлать соотвѣтствующій шагъ, не связывая ему рукъ инструкціями, входящими во всѣ подробности. Конечно, выборъ его долженъ быть хорошъ, иначе и самые лучшіе операціонные планы не помогутъ.

болѣе людей, нежели чего стоилъ бы самый кровопролитный штурмъ, на который однако онъ все-таки принужденъ былъ подъ конецъ рѣшиться.

Легко понять, что, при такихъ предводителяхъ армій, опасность для Порты была не такъ велика, какою могла бы быть, еслибъ Русскими предводительствовалъ Румянцовъ или Суворовъ, а Австрійцами Лаудонъ. Если Ласси и превосходилъ Лаудона военными познаніями, то послѣдній обладалъ тѣмъ, чего былъ лишенъ первый — энергическимъ, предпріимчивымъ характеромъ, а на войнѣ это главное.—Потемкинъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, былъ слишкомъ баловнемъ счастія для того, чтобъ быть великимъ полководцемъ.—Остальная затѣмъ опасность для Турокъ была вполнѣ отвращена поддержкою ихъ со стороны Англіи и Пруссіи. Оба эти двора, ставшіе въ явное противодѣйствіе императорскимъ дворамъ, старались вездѣ препятствовать ихъ видамъ и оказали въ этомъ неутомимую дѣятельность. Они возбуждали Поляковъ, ободряли короля Шведскаго, устрашали Францію, грозили Австріи, вооружались противъ Россіи, указывая то на отдаленную, то на близкую войну, и рѣшились, казалось, во что бы ни стало не допускать паденія Порты. Что Англія находила въ этомъ свою выгоду—понятно: она надѣялась захватить въ свои руки всю левантскую торговлю, отстранивъ отъ нея Францію, и въ тоже время принудить Россію снова даровать ей прежнюю торговую монополію. Но почему Пруссія съ такимъ увлеченіемъ бросилась въ запутанныя отношенія, сопряженныя съ большими опасностями для нея въ будущемъ, показалось бы болѣе непонятнымъ, если бы разгадкою тому не послужилъ личный характеръ министра, руководившаго внѣшнею ея политикою—графа Герцберга.

Этотъ честолюбивый, страстный и односторонній человѣкъ, изъ зависти къ принцу Генриху, дядѣ короля, благопріятствовавшему Франціи, вполнѣ предался Англіи и сдѣлался слѣпымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Униженіе Австріи и мщеніе Россіи за устраненіе ею союза съ Пруссіей были путеводными мыслями его политики. Для достиженія этихъ цѣлей, онъ побуждалъ короля къ такимъ дѣйствіямъ, которыя впослѣдствіи могли быть опасными даже для самаго существованія Пруссіи, предавая ее ненависти трехъ главныхъ континентальныхъ державъ, безъ всякой другой поддержки, кромѣ ненадежной Англіи. Фридрихъ Великій могъ бы противустать такой опасности, но отнюдь не его наслѣдникъ. Къ счастію для Пруссіи, дѣла приняли между тѣмъ такой оборотъ, что гроза, накликанная

на нее неразумѣемъ Герцберга, вскорѣ послѣ того обратилась на Францію, откуда въ то время революціонная партія грозила всѣмъ престоламъ Европы.

Австрія выступила въ этой войнѣ съ арміей болѣе нежели въ 200,000 человѣкъ, которые однако, вслѣдствіе системы Ласси, были разсѣяны по всему протяженію обширной ея границы. Составлены были шесть корпусовъ: сильнѣйшій, подъ непосредственнымъ руководствомъ Ласси и императора—въ Сирміи, противъ Бѣлграда; другіе два корпуса—правѣе его, въ Кроаціи и Славоніи; прочіе три —лѣвѣе, въ Банатѣ, Трансильваніи и Буковинѣ. Послѣдній, силою въ 18,000 чел., находился подъ начальствомъ принца Саксенъ-Кобургскаго; онъ долженъ былъ вступить въ Молдавію и содержать сообщеніе съ русскими арміями.

Силы эти, безъ сомнѣнія, были значительны и могли бы, при искусномъ употребленіи, оправдать самыя смѣлыя ожиданія. За то и трепетали всѣ благопріятели мусульманъ, а желавшіе видѣть ихъ отброшенными въ Азію, къ которой они и принадлежали, и очистить европейскія народности отъ этого разнороднаго элемента, гордо поднимали голову и предавались самымъ радостнымъ ожиданіямъ. Какъ, неужели при такой силѣ не должно было удасться освободить хотя нѣкоторыя изъ этихъ прекрасныхъ, христіанскихъ областей отъ позорнаго ига варваровъ и снова включить ихъ въ европейскій союзъ государствъ, которому они собственно принадлежали? Неужели Христіанскій мечъ не долженъ былъ восторжествовать надъ саблей Магомета?—крестъ надъ полумѣсяцемъ?—цивилизація надъ варварствомъ? Преступнымъ казалось даже сомнѣваться въ этомъ.

Изъ этихъ надеждъ не самою меньшею долею ласкалъ себя императоръ Іосифъ: онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что во многихъ актахъ того времени не скрывалъ даже своихъ намѣреній. Такъ въ одной нотѣ французскому кабинету онъ писалъ: «Настало для меня время выступить мстителемъ человѣчества, взять на себя обязанность вознаградить Европу за тѣ бѣдствія, которыя она нѣкогда должна была претерпѣвать отъ Турокъ, и я надѣюсь дойти до того, чтобъ освободить міръ отъ варварскаго племени, столь долго бывшаго бичомъ его.»—Въ другой нотѣ прусскому кабинету, въ которой отклоняетъ, даже съ обидчивостью, его посредничество, онъ выражался такъ: «Предпріятіе противъ Османовъ есть-ли что иное, какъ не стремленіе къ возвращенію старинныхъ правъ моего дома на нѣкоторыя области, отторгнутыя отъ моихъ владѣній? Турки, и

можетъ быть не одни *они*, имѣютъ правиломъ при первомъ удобномъ случаѣ стараться возвращать себѣ то, что̀ потеряли во времена невзгоды. Такимъ же образомъ домъ Гогенцоллерновъ достигъ высоты своего величія. Альбрехтъ Бранденбургскій исторгнулъ у своего ордена герцогство Прусское, а покойный дядя вашего величества у матери моей Силезію, въ такое время, когда она со всѣхъ сторонъ была окружена врагами. Что́ сдѣлали европейскіе дворы, столь много трубящіе о равновѣсіи Европы, для вознагражденія Австріи за потерянныя ею только въ настоящемъ столѣтіи владѣнія?—А потому я надѣюсь, заключаетъ онъ, что ваше величество не будете отрицать справедливости моихъ притязаній и останетесь мнѣ другомъ, не взирая на то, что я немного потревожу Турокъ.»

Но какъ ужасно долженъ онъ былъ обмануться въ своихъ надеждахъ!

Не многимъ меньше австрійскихъ были военныя силы Русскихъ. Составлены были двѣ арміи: одна, подъ названіемъ украинской, въ Подоліи, подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцова, изъ 37,000 чел. регулярныхъ войскъ, должна была дѣйствовать между Бугомъ и Прутомъ, войти въ связь съ Австрійцами и препятствовать Туркамъ помогать Очакову. Осада этой важной крѣпости и защита Крыма были поручены князю Потемкину съ другою арміей, подъ названіемъ екатеринославской, которая въ числѣ 80,000 чел. собиралась въ Украйнѣ. Кромѣ этихъ двухъ армій, 18,000 чел. подъ начальствомъ генерала Текели должны были прикрывать русскія границы на Кавказѣ и на Кубани.

Первою задачею для Русскихъ было взятіе Очакова, частію заграждавшаго устье Днѣпра, частію препятствовавшаго ихъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, потому что Турки могли отсюда направлять войска въ тылъ имъ и оспоривать у нихъ спокойное обладаніе Крымомъ. Безъ того уже турецкіе эмиссары успѣли прокрасться къ Татарамъ и пытались распространить между ними духъ мятежа. Завоеваніемъ этой крѣпости пресѣкались въ корнѣ всѣ эти покушенія и обезпечивался тылъ арміи для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій.

Затѣмъ, по обезпеченіи себѣ Русскими, взятіемъ Бендеръ и другихъ небольшихъ крѣпостей на Днѣстрѣ, обладанія линіею этой рѣки, вся Молдавія и вся Валахія были имъ открыты. Для перенесенія тогда войны на правый берегъ Дуная, имъ оставалось только, завоеваніемъ нѣкоторыхъ главныхъ крѣпостей, какъ-то Измаила, Браилова, Силистріи, пріобрѣсть основаніе дѣйствій на Дунаѣ; ибо,

безъ владѣнія этими крѣпостями, всякое дальнѣйшее движеніе въ Булгаріи было невозможно.

Нетруднымъ казалось также опредѣлить первоначальную цѣль военныхъ дѣйствій австрійской арміи. Простой взглядъ на карту показываетъ, что не могло быть иной цѣли, какъ овладѣть Дунаемъ посредствомъ покоренія крѣпостей Бѣлграда, Семендріи, Оршовы и Виддина: этимъ Австрійцы пріобрѣтали прочное основаніе дѣйствій для дальнѣйшаго наступательнаго движенія своихъ армій. Линія Дуная была необходимо нужна имъ для легчайшихъ связи и продовольствованія ихъ войскъ; безъ обладанія ею, они никакъ не могли отважиться наступать чрезъ Сербію. Только Бѣлградъ и Оршова могли оказать имъ при этомъ упорное сопротивленіе. Разъ овладѣвъ Дунаемъ, они входили въ связь съ Русскими въ Валахіи, и вся Сербія и Булгарія были открыты для ихъ совокупныхъ дальнѣйшихъ предпріятій.

Поэтому главныя силы Австрійцевъ долженствовали быть сосредоточены, какъ и случилось, въ Сирміи и Банатѣ, но, для рѣшительныхъ дѣйствій отсюда, конечно не такъ, какъ они это исполнили, цѣлые мѣсяцы стоя въ бездѣйствіи на отдѣльныхъ постахъ и понеся огромныя потери отъ повальныхъ болѣзней, обыкновенно слѣдствія бездѣйствія въ нездоровомъ климатѣ. Правое крыло ихъ въ Босніи, вмѣсто того, чтобъ играть главную роль, долженствовало бы, по мнѣнію знающихъ военныхъ людей, только быть достаточно сильнымъ для удержанія Босняковъ въ Босніи и для постепеннаго завладѣнія главными пунктами этой страны (3). Лѣвое крыло ихъ въ Трансильваніи и Буковинѣ слѣдовало бы задержать до тѣхъ поръ, пока теченіе Дуная, дѣйствіемъ главной арміи, сдѣлалось бы свободнымъ, или пока Русскіе переступили бы черезъ линію Днѣстра; тогда и оно могло проникнуть въ Валахію и образовать связь между обѣими союзными арміями. Хотинъ, обладаніе которымъ не имѣло рѣшительнаго вліянія на дальнѣйшія дѣйствія, могъ бы между тѣмъ, для освобожденія верхняго теченія Днѣстра, быть взятъ австрійско-русскимъ корпусомъ.

Когда такимъ образомъ обѣ стороны обезпечили бы себѣ широ-

---

(3) Причины, почему Австрійцы устремили главныя свои усилія на эту, столь трудную для наступательныхъ дѣйствій страну, заключались въ томъ, что вѣнскій дворъ имѣлъ въ виду, при заключеніи мира, удержать Боснію за собою, а потому надобно было прежде завоевать ее. (Намѣреніе это ясно видно изъ одного письма Потемкина къ Суворову).

кое основаніе дѣйствій на линіи Дуная, Австрійцы чрезъ Ниссу и Софію, а Русскіе чрезъ Базарджикъ и Праводы, могли съ успѣхомъ перейти черезъ Балканы и идти далѣе на равнины Адріанополя, дабы, соединясь здѣсь, рѣшительнымъ сраженіемъ рѣшить и судьбу турецкой имперіи.

Къ сожалѣнію, изъ всего этого не было совершено ничего или очень мало, какъ будто хотѣли оправдать слова Абди-паши Бѣлградскаго, который сказалъ одному французскому офицеру, намекая на Австрійцевъ: «что до *нихъ* касается, то они будутъ только лаять, вреда же намъ причинятъ не много». Поэтому война приняла довольно странный оборотъ: вмѣсто того, чтобы вести ее въ непріятельской странѣ, Австрійцы выжидали ея повсюду на собственныхъ границахъ и укрѣпились на нихъ до нельзя въ сильныхъ позиціяхъ.

Турки между тѣмъ не оставались въ бездѣйствіи. Въ продолженіе зимы они усердно вооружались и собрали значительныя силы, которыхъ считалось болѣе 300,000 человѣкъ; изъ нихъ однако, по занятіи многихъ крѣпостей, оставалась едва половина для дѣйствій въ открытомъ полѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они положили напасть сперва на менѣе опаснаго непріятеля—Австрійцевъ, а противъ Русскихъ дѣйствовать только оборонительно. Поэтому съ послѣдней стороны они усилили только гарнизоны разныхъ крѣпостей, преимущественно Очакова, а съ прочими войсками великій визирь выступилъ въ мартѣ изъ Константинополя на Софію, дабы, смотря по обстоятельствамъ, подавать помощь пунктамъ, угрожаемымъ Австрійцами, или атаковать ихъ самихъ на другихъ, если представится удобный случай.

Въ тоже время жители областей, подверженныхъ непріятельскому нападенію, были призваны къ оружію и всѣми средствами возбужденъ ихъ фанатизмъ. Напротивъ Греки, которымъ не довѣряли, были обезоружены и подвергнуты строжайшему надзору. Къ Татарамъ изданъ былъ манифестъ, которымъ они приглашались возвратиться подъ покровительство Турціи. Еще въ предъидущемъ году Порта заставила собраніе племенныхъ старшинъ ихъ въ Константинополѣ избрать новаго хана въ лицѣ Шахъ-Басъ-Гирея, племянника великаго Керима, и съ титломъ сераскиръ-султана отправила его въ Бессарабію. Всѣ Татары, бѣжавшіе въ турецкія владѣнія въ Азіи и Европѣ, были подчинены ему и составили ему многочисленную свиту; множество Татаръ стремилось сюда въ надеждѣ скоро возвратиться съ своимъ ханомъ побѣдителями въ любезное ихъ отечество. Въ короткое время ханъ собралъ до 30,000 человѣкъ.

И капуданъ-паша, храбрый Гассанъ, послѣ долгаго пребыванія близъ Константинополя, 11 (22) мая, при благопріятномъ вѣтрѣ, отплылъ съ флотомъ въ Черное море. Сначала говорили, что онъ направится прямо къ Крыму, но скоро узнали, что онъ избралъ путь къ Очакову, дабы напасть на стоявшій тамъ русскій флотъ.

Флотъ его, въ числѣ двухъ дивизій, состоялъ изъ 16-ти линейныхъ кораблей и 14-ти фрегатовъ, за которыми слѣдовало еще большее число меньшихъ судовъ, бомбардирскихъ и канонирскихъ шлюпокъ, шебекъ, кирлангичей и пр., всего 66 судовъ. При такомъ значительномъ превосходствѣ морскихъ силъ, Турки были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что старый капуданъ-паша неоднократно говорилъ, что «возвратится въ Константинополь побѣдителемъ и покорителемъ Крыма или никогда». Планъ его состоялъ въ томъ, чтобъ усилить гарнизонъ Очакова, отъискать и истребить русскій флотъ, а потомъ приступить къ завоеванію Крыма.

Въ концѣ мая онъ приблизился къ Очакову и, оставивъ 8 лин. кораблей, 8 фрегатовъ и бо́льшую часть меньшихъ судовъ въ открытомъ морѣ, со всѣми прочими судами вошелъ въ Лиманъ. Ставъ на якорь подъ самою крѣпостью, онъ началъ выгружать военные и продовольственные запасы и высаживать войска, назначенныя для усиленія гарнизона.

Русскія эскадры стояли миляхъ въ 7-ми (49 верстахъ) отъ Очакова, въ гавани Глубокаго. Парусной флотъ, въ числѣ 5-ти линейныхъ кораблей и 8-ми фрегатовъ, состоялъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Поль Джонса, который снискалъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ американской войнѣ, въ качествѣ счастливаго корсара (4); гребной же флотъ, въ числѣ 65-ти легкихъ судовъ (галеръ, плавучихъ батарей, шлюпокъ и пр.) и 80-ти запорожскихъ лодокъ, состоялъ подъ начальствомъ храбраго принца Нассау-Зигенскаго. То были отчасти тѣ самыя щегольскія галеры, которыя послужили для путешествія императрицы и были поспѣшно вооружены Потемкинымъ.

Еще до прибытія капудана-паши, Суворовъ, все еще остававшійся въ Кинбурнѣ, предложилъ князю Потемкину штурмовать Очаковъ:

---

(4) Императрица возлагала на него большія надежды, которыя онъ однако мало оправдалъ. «Онъ пробьется до Константинополя,» сказала она по прибытіи его, но уже шесть мѣсяцевъ спустя Потемкинъ отослалъ его назадъ. «Поль-Джонсъ,—писалъ онъ въ октябрѣ императрицѣ, — проспалъ подвозъ Турокъ къ Очакову — онъ былъ храбръ только изъ корысти.» Подъ предлогомъ какой-то экспедиціи на сѣверѣ, онъ былъ отправленъ въ Петербургъ и тамъ уволенъ отъ службы.

можно было надѣяться взять его теперь еще безъ большихъ потерь. Но Потемкинъ, сберегавшій покореніе этой крѣпости для самаго себя, отклонилъ это предложеніе. «Я на всякую пользу тебѣ руки развязываю; но касательно Очакова попытка неудачная тѣмъ паче можетъ быть вредна, что уже теперь начинается общихъ силъ дѣйствіе. Я бы не желалъ до нужды и флотиліи показывать, чтобы Турки къ ней не приглядѣлись. Очаковъ непремѣнно взять должно; я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобы достался онъ дешево. Потомъ мой Александръ Васильевичь съ отборнымъ отрядомъ пустится передъ мной къ Измаилу, куда подведемъ и флотилію. И для того подожди до тѣхъ поръ, какъ я приду къ городу. Вѣрь мнѣ, что нахожу мою славу въ твоей... всѣ тебѣ подамъ способы.»

Все было готово къ войнѣ и взоры всего міра устремлены сюда, когда геройское самоотверженіе одного молодаго русскаго офицера послужило предшествіемъ дѣйствій болѣе рѣшительныхъ.

Офицеръ этотъ, капитанъ-лейтенантъ Сакенъ, былъ посланъ на шлюпкѣ для изслѣдованія береговъ, но замѣшкался у Кинбурна и былъ настигнутъ здѣсь авангардомъ турецкой эскадры. Онъ хотѣлъ было пробиться, но шлюпка его имѣла тяжелый ходъ и онъ былъ окруженъ 7-ю или 8-ю непріятельскими судами; два изъ нихъ поставили его между собой и пытались взять на абордажъ. Русскіе защищаются какъ отчаянные; но вдругъ раздается крикъ: течь—тонемъ. Сакенъ мигомъ рѣшается на отчаянный подвигъ: заботясь не о себѣ, но единственно о спасеніи экипажа и чести, онъ кричитъ людямъ, когда опасность стала возрастать: «Ребята, спасайтесь,—я позволяю, я приказываю вамъ,»—они колеблятся—онъ гонитъ ихъ. Экипажъ бросается въ воду, спасаясь каждый на чемъ могъ. Затѣмъ Сакенъ вырываетъ горящій фитиль изъ рукъ канонера, который догадывается зачѣмъ и бросается въ воду. Турки всходятъ на абордажъ. Сакенъ бросается къ открытому боченку пороха—ни одинъ не спасся.—Екатерина, оплакавъ героя, назначила вдовѣ его пенсію.

Между тѣмъ русская эскадра вышла изъ Глубокаго и стала въ пяти верстахъ отъ турецкой. 7 (18) іюня на турецкихъ судахъ были замѣчены нѣкоторыя движенія; тогда отданъ приказъ готовиться къ бою. Эскадра стала въ боевой порядокъ: парусныя суда на лѣвомъ крылѣ, подлѣ нихъ, въ одной линіи съ ними, гребныя суда; правѣе же остался только небольшой резервъ подъ начальствомъ капитана де-Винтера. Сюда-то Турки и устремили свои усилія. Вслѣдствіе того лѣвое русское крыло и гребныя суда выдвинулись нѣсколько впередъ и бой начался. Вслѣдъ затѣмъ явился и капуданъ-паша съ другимъ

отдѣленіемъ своего флота и 57 непріятельскихъ судовъ стали противъ Русскихъ. Принцъ Нассаускій приказалъ выдвинувшемуся лѣвому крылу взять Турокъ во флангъ. Въ это время прибыли къ нему лично Поль-Джонсъ и бригадиръ Алексіано, первый остался на его ботѣ, Алексіано же отправился на правое крыло, чтобъ и его двинуть впередъ. Огонь съ русскихъ судовъ становился все сильнѣе, турецкій слабѣлъ.—Уже два ихъ корабля взлетѣли на воздухъ,—третій горѣлъ: смятеніе овладѣло Турками, не смотря на усилія капудана-паши, на котораго преимущественно былъ направленъ огонь Русскихъ. Наконецъ Турки стали отступать, преслѣдуемые до главной ихъ эскадры, откуда Русскіе возвратились на прежнюю позицію. Этотъ бой, продолжавшійся съ семи часовъ утра до полудня, происходилъ съ обѣихъ сторонъ только между гребными судами; большіе корабли не участвовали въ немъ. Такъ какъ Турки цѣлили слишкомъ высоко, то потеря Русскихъ была ничтожная; у Турокъ же, кромѣ трехъ сгорѣвшихъ судовъ, еще 18 были сильно повреждены. Они стали опять на якорѣ у Очакова.

Суворовъ, неутомимый въ изобрѣтеніи средствъ нанесенія вреда непріятелю, убѣдился, что батарея, возведенная на крайней оконечности Кинбурнской косы, весьма могла бы затруднять входъ и выходъ судовъ изъ Лимана. Онъ тотчасъ приступилъ къ дѣлу и приказалъ насыпать тутъ батарею для 24-хъ восемнадцати и двадцатичетырехъ-фунтовыхъ орудій, замаскировавъ ее по возможности. Такъ какъ батарея эта была удалена отъ Кинбурна на полмили ($3^1/_2$ версты), то для прикрытія ея онъ поставилъ два баталіона четырьмя эшелонами между крѣпостью и батареею. Теперь онъ сталъ выжидать удобнаго случая, чтобъ извлечь изъ нея пользу, и случай этотъ не заставилъ долго ждать себя.

Около половины мая и екатеринославская армія, назначенная для осады Очакова, собралась въ Ольвіополѣ: она состояла изъ 40,000 чел. регулярныхъ войскъ и 6,000 казаковъ. 25 мая (5 іюня) она двинулась отсюда двумя колоннами внизъ по обѣимъ сторонамъ Буга къ Очакову. Но движеніе происходило такъ медленно, съ столькими остановками, что на прохожденіе незначительнаго 200-верстнаго разстоянія, которое безъ большаго усилія можно было пройти въ 10 дней, употребили цѣлыхъ пять недѣль. Какъ ни желала императрица быстраго веденія войны, по причинѣ новыхъ затрудненій, въ которыя поставилъ ее король Шведскій, но Потемкинъ ни малѣйше не торопился. Получивъ на маршѣ, въ Новогригорьевскомъ, извѣстіе о побѣдѣ гребной флотиліи, онъ обнялъ принца де-Линя и сказалъ ему:

«Богъ послалъ сію побѣду! видите-ли эту церковь, я соорудилъ ее во имя св. Георгія, моего святаго, и на другой же день воспослѣдовало Кинбурнское дѣло.»—Онъ чувствовалъ себя вдвойнѣ польщеннымъ, такъ какъ созданіе этой флотиліи было его дѣломъ.

Между тѣмъ Гассанъ-паша, храбрый начальникъ турецкаго флота, горѣлъ желаніемъ загладить свое пораженіе и съ этою цѣлію отважился на чрезвычайно смѣлое дѣло. 16 (27) іюня вечеромъ онъ со всѣмъ своимъ флотомъ и съ флотиліей вступилъ у Очакова подъ паруса и, направляемый отличными лоцманами, поплылъ вверхъ по лиману и сталъ передъ самымъ русскимъ флотомъ, имѣя въ первой линіи большія суда, а во второй галеры. Чтобы понять всю отважность этого предпріятія, надо знать, что лиманъ имѣетъ множество мелей и что даже суда умѣренной величины едва могутъ проходить черезъ него. Гассанъ прошелъ счастливо и ночью оставался въ покоѣ, такъ какъ Турки вообще неохотно сражаются ночью. По своему превосходству не только въ числѣ, но и въ величинѣ кораблей, онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ и только ждалъ наступленія дня, чтобъ однимъ ударомъ истребить русскій флотъ. Но послѣдній предупредилъ его и 17 іюня, едва только стало разсвѣтать, атаковалъ его самаго. Принцъ Нассаускій велъ лѣвое крыло Русскихъ противъ большихъ турецкихъ судовъ, а правое крыло—бригадиръ Алексіано. Вскорѣ отважный побѣдитель Лемноса долженъ былъ убѣдиться въ опасности своего предпріятія. Огонь не продолжался еще и часу, какъ уже одинъ изъ его линейныхъ кораблей, въ 64 пушки, попалъ на мель, такъ что не было никакой возможности снять его; вскорѣ таже участь постигла и 64-пушечный адмиральскій корабль. Принцъ Нассаускій тотчасъ послалъ противъ нихъ многія изъ своихъ мелкихъ судовъ, чтобъ взять ихъ на абордажъ. Эти суда, не смотря на то, что сильный огонь Турокъ наносилъ имъ большой уронъ въ людяхъ, неустрашимо пошли на абордажъ и Черноморскіе казаки смѣло взобрались на большіе непріятельскіе трехдечные корабли. Но овладѣть ими уже было поздно, потому что брандскугели Русскихъ зажгли ихъ вездѣ. А потому казаки поспѣшно спасли, сколько могли, людей и добычи, и удалились; многіе несчастные греческіе и армянскіе матросы бросились съ горящихъ кораблей въ воду, чтобъ избѣгнуть грозившей гибели; затѣмъ послѣдовали ужасные взрывы и оба корабля одинъ за другимъ взлетѣли на воздухъ (5).

---

(5) Когда адмиральскій корабль былъ весь объятъ пламенемъ, одинъ турецкій матросъ добѣжалъ сквозь огонь до адмиральскаго флага, чтобы спасти его. Между

Сверхъ того многія меньшія непріятельскія суда пущены были ко дну, другія взяты, и послѣ четырехъ-часоваго боя, Русскіе одержали полную побѣду.

Во все время этого боя, Гассанъ-паша, среди всякаго рода опасностей, оказалъ величайшую неустрашимость : видно было, какъ этотъ герой, съ своею бѣлою бородою, спокойно разъѣзжалъ на своемъ кирлангичѣ между кораблями подъ сильнѣйшимъ огнемъ и отдавалъ приказанія. Со стороны Русскихъ такое же геройское мужество оказали Алексіано, Рибасъ, Рожеръ-Дамасъ, но болѣе всѣхъ принцъ Нассаускій: съ величайшимъ хладнокровіемъ маневрировалъ онъ на своей шлюпкѣ подъ градомъ непріятельскихъ ядеръ.

Гассанъ-паша, надѣявшійся истребить русскій флотъ, принужденъ былъ отступить, послѣ того, какъ два линейные корабля его взлетѣли на воздухъ, а остальные были повреждены. Онъ совершилъ это отступленіе подобно льву, который отъ времени до времени оборачиваетъ назадъ свою угрожающую голову и внушаетъ еще уваженіе преслѣдующимъ его охотникамъ.—Имѣя легкія свои суда впереди, а большія назади, и удерживая такимъ образомъ Русскихъ, онъ достигъ прежняго мѣста расположенія своего у Очакова.—Русская флотилія послѣдовала за нимъ и также стала на якорѣ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него, выжидая момента для новой атаки. День былъ кровопролитный, его смѣнила ночь еще кровопролитнѣе.

Уже смерклось, какъ вдругъ, послѣ одиннадцати часовъ вечера, на русской флотиліи услыхали сильную, непрерывную пушечную пальбу съ Кинбурнской косы. Очевидно было, что тамъ происходило дѣло, и всѣ храбрецы на флотиліи горѣли желаніемъ принять участіе въ немъ; но, въ темнотѣ ночи, при множествѣ мелей и подъ пушками Очакова, это было слишкомъ опасно. Съ нетерпѣніемъ ждали разсвѣта; вскорѣ нарочный отъ Суворова привезъ извѣстіе о происходившемъ.

Вечеромъ послѣ сраженія Гассанъ-паша положилъ покинуть Очаковъ и соединиться съ частью своего флота, оставшеюся въ открытомъ морѣ. Чтобъ незамѣтно исполнить это движеніе, онъ снялся съ якоря когда уже стемнѣло, но лишь только поравнялся съ Суворовскою батареею, какъ она открыла огонь по немъ, столь сильный, что Гассанъ полагалъ, что попалъ подъ пушки Кинбурна и

тѣмъ, какъ онъ отвязывалъ его, русскій матросъ взлѣзаетъ на корабль, бросается на Турка, вырываетъ изъ его рукъ флагъ, а его самаго беретъ въ плѣнъ.

приказалъ поставить всѣ паруса, чтобы скорѣе выйти изъ-подъ огня. Авангарду его, который велъ онъ самъ, это удалось, но не такъ счастливы были прочія суда эскадры: выходъ изъ лимана былъ совершенно прегражденъ имъ. Взошедшій мѣсяцъ сіяніемъ своимъ ясно обозначалъ Русскимъ непріятельскія суда: только немногіе выстрѣлы пропадали даромъ, и брандскугели вскорѣ произвели свое дѣйствіе. Страшная, величественная представилась теперь картина: повсюду безграничное замѣшательство между Турками; нѣкоторые ихъ корабли попали и сѣли на мель, другіе горѣли, иные готовые были пойти ко дну. Видно было, какъ люди бросались въ воду, чтобъ спастись, между тѣмъ какъ другіе привязывали къ шеѣ желѣзныя ядра, чтобъ скорѣе погрузиться на дно; плававшіе обломки судовъ и между ними люди, боровшіеся съ волнами и умолявшіе о помощи; въ тишинѣ ночи раздавались ужасные звуки, какъ-бы изъ глубины бездны, и оставались безотвѣтными. И эти неистовства и убійства людей на землѣ спокойно озаряло своими лучами кроткое свѣтило ночи.

Лишъ только началась пальба по непріятельскому флоту, Суворовъ пригласилъ и принца Нассаускаго содѣйствовать ему съ своей стороны: онъ написалъ ему слѣдующую лаконическую записку: «Непобѣдимый Доріа, настало время плѣнить преемника Барбароссы.» Только что стало свѣтать, принцъ тронулся двумя колоннами, прошелъ подъ огнемъ Очакова, замка Гассанъ-паша и стоявшей тамъ на якорѣ турецкой флотиліи, и смѣло атаковалъ своими небольшими судами большіе непріятельскіе корабли. Поль-Джонсъ, по причинѣ мелей, не отважился слѣдовать за нимъ съ паруснымъ флотомъ: одинъ изъ фрегатовъ его, который попытался было идти, сѣлъ на мель; но онъ лично отправился къ принцу, чтобы въ случаѣ надобности сдерживать его нетерпѣливый пылъ.

«Мы идемъ на встрѣчу вѣрной погибели, сказалъ онъ ему, никогда еще не приходило въ голову нѣсколькими галерами и плоскодонными судами атаковать сильную эскадру, въ которой есть 74-хъ пушечные корабли: это—безумная дерзость и вы будете подавлены.» — «Ничуть, отвѣчалъ принцъ, этимъ колоссамъ недостаетъ души, а орудіямъ ихъ—искуства. Они не умѣютъ цѣлить и стрѣляютъ на воздухъ. Подъ огненнымъ сводомъ, который причинитъ намъ мало вреда, мы пойдемъ на нихъ, атакуемъ и истребимъ.»—Какъ онъ сказалъ, такъ и случилось: его небольшія суда и галеры довершили истребленіе непріятельской эскадры. Они отважно приближались къ линейнымъ кораблямъ и фрегатамъ и подъ ихъ огнемъ старались быстро подойти къ борту. Можно было видѣть, какъ русскіе моря-

ки взлѣзали на эти колоссы, спасали плѣнныхъ и драгоцѣнности, и потомъ быстро удалялись прежде, чѣмъ они, объятые пламенемъ, взлетали на воздухъ. Принцъ Нассаускій, Рибасъ, Алексіано, де-Винтеръ на своихъ галерахъ вездѣ неустрашимо руководили боемъ.

Отъ полуночи до полудня непрерывно длился бой. Большія непріятельскія суда, повсюду садясь глубоко на мель, не могли тронуться съ мѣста и подвергались нападенію подвижныхъ мелкихъ судовъ противника и брандскугелямъ Кинбурнской батареи. Смятеніе между ними росло все болѣе и болѣе. Казалось, для нихъ насталъ другой день Чесмы.

Постепенно смолкалъ громъ орудій — около одиннадцати часовъ утра взлетѣли на воздухъ послѣдніе корабли — въ часъ пополудни все было тихо.

Въ эти два дня и въ грозную между ними ночь, Турки потеряли болѣе 3,000 чел. убитыми и утонувшими; 2,000 взято въ плѣнъ; одинъ 50-ти пушечный корабль былъ взятъ, 4 линейные корабля и 3 фрегата взлетѣли на воздухъ, 2 фрегата пущены ко дну и сверхъ того 17 другихъ мелкихъ судовъ или истреблены, или взяты. Что успѣло спастись, было въ самомъ жалкомъ положеніи, и изъ этого даже 2 фрегата потонули въ открытомъ морѣ. Бо́льшая часть турецкаго гребнаго флота нашла спасеніе подъ пушками Очакова, гдѣ однако, въ послѣдовавшемъ бою 1 (12) іюля, была совершенно истреблена принцемъ Нассаускимъ.

Такова была участь столь важной при началѣ этой войны турецкой эскадры. Принцу Нассаускому и Суворову принадлежитъ честь ея истребленія. При открытіи военныхъ дѣйствій, князь Безбородко въ Петербургѣ сказалъ въ шутку: «странно было бы, еслибъ при четырехъ такихъ горячихъ головахъ, какъ Нассау, Джонсъ, Суворовъ и Гассанъ-паша, мы скоро не получили болѣе извѣстій о важныхъ событіяхъ».—Извѣстія прибыли скоро и радостныя!

Гассанъ-паша, съ авангардомъ, благополучно достигнувъ другой эскадры на морѣ, тщетно ожидалъ нѣсколько часовъ прибытія прочихъ своихъ судовъ. Узнавъ наконецъ о ихъ гибели, онъ былъ глубоко потрясенъ, не ѣлъ, не пилъ, говорилъ мало и весь предался своему горю. Кто не почтитъ своимъ участіемъ несчастіе героя!

Гассанъ былъ однимъ изъ отважнѣйшихъ моряковъ и вообще человѣкъ замѣчательный. Болѣе свѣдущій, нежели обыкновенно были его соотечественники, и неутомимо дѣятельный, онъ напрягалъ всѣ свои силы, чтобъ удержать паденіе своего отечества, которое заранѣе предвидѣлъ, и долгое время былъ твердѣйшею его опорою. От-

важный въ своихъ предпріятіяхъ, онъ былъ еще отважнѣе въ ихъ исполненіи, и ничто не могло поколебать его мужества—какъ всѣ великіе люди, онъ не зналъ невозможнаго. Самое величайшее несчастіе не въ состояніи было поколебать его. Послѣ чесменскаго погрома, одинъ онъ не отчаявался и вскорѣ спасъ Константинополь отважнымъ изгнаніемъ Русскихъ съ Лемноса. Во время мира онъ возстановилъ турецкій флотъ и привелъ его въ положеніе, достойное уваженія. Бѣдствія его подъ Очаковымъ не помѣшали ему, по соединеніи съ остальною частію эскадры, цѣлое лѣто господствовать на морѣ. Онъ сражался съ русскимъ Севастопольскимъ флотомъ подъ начальствомъ Войновича и потомъ возвратился опять къ Очакову; но Суворовская батарея на косѣ не дозволила ему войти въ лиманъ. Онъ сталъ у острова Березани, въ виду крѣпости, и отсюда всячески препятствовалъ осаднымъ работамъ Русскихъ. А потому и Очаковъ палъ не прежде, какъ Гассанъ, по наступленіи поздней, бурной осени, былъ принужденъ удалиться. Съ повинною головою явился онъ въ Константинополь—но его не тронули—не смотря на несчастіе, въ немъ почтили героя.

Когда Потемкинъ, находившійся еще близъ Новогригорьевскаго (ибо для удобнѣйшаго перехода черезъ Бугъ сдѣланъ былъ одинъ переходъ назадъ), получилъ извѣстіе объ этихъ побѣдахъ, то былъ внѣ себя отъ радости. «Ну, другъ мой, сказалъ онъ принцу де-Линю, обнимая его, что говорилъ я вамъ о Новогригорьевскомъ? вотъ онъ еще тутъ (и такъ чрезъ десять дней были еще на томъ же мѣстѣ)—не ясно-ли теперь какъ день, что я у Бога избалованное дитя! — Какое счастіе! Турки бѣгутъ изъ Очакова, а мы войдемъ туда».—Онъ боялся уже опоздать;—выступилъ поспѣшно, но, вмѣсто того, чтобъ быстрыми переходами идти къ Очакову, потерялъ еще нѣсколько дней, останавливался, гдѣ ему нравилось (6), и только 28 іюня (9 іюля), одиннадцать дней послѣ морскаго боя, прибылъ къ Очакову.

Восхищенный этими успѣхами, онъ писалъ Суворову : «Мой другъ сердечный, любезный другъ! Лодки бьютъ корабли и пушки заграждаютъ теченіе рѣкъ. Христосъ посреди насъ! Боже! дай тебя найти въ Очаковѣ! попытайся съ ними переговорить; обѣщай имъ моимъ именемъ цѣлость имѣнія и женъ и дѣтей. Прости, другъ сердечный! я безъ ума отъ радости. Всѣмъ благодарность, и сол-

(6) Гдѣ находилъ вкусную рыбу—злостно замѣчаетъ принцъ де-Линь.

датамъ скажите». — На томъ же самомъ мѣстѣ была приписка къ принцу Нассаускому: «Любезный принцъ, мой любезный другъ! какъ я вами доволенъ! Вездѣ и во всякое время отдамъ вамъ справедливость. Если взяты флаги, то пришлите ихъ сюда. Прощайте, обнимаю васъ. Касательно же того, что́ вы пишете, мой другъ! презирайте все то и смѣйтесь. Поблагодарите отъ имени моего всѣхъ служащихъ подъ вашимъ начальствомъ». — Живость его радости легко видна въ самой безпорядочности его выраженій.

Наконецъ онъ увидалъ валы того Очакова, въ который думалъ такъ прямо и войти, и тотчасъ приказалъ обложить его. Армія его окружила крѣпость въ разстояніи полумили ($3^1/_2$ верстъ), примыкая правымъ крыломъ къ Черному морю, а лѣвымъ къ лиману; флотилія довершила обложеніе со стороны моря. Правымъ крыломъ начальствовалъ генералъ отъ артиллеріи Мёллеръ, центромъ князь Репнинъ, а лѣвымъ крыломъ Суворовъ, отозванный сюда изъ Кинбурна съ своимъ фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ.

Только черезъ три недѣли по прибытіи арміи, 20 (31) іюля, начались осадныя работы. Многочисленный и отважный гарнизонъ крѣпости оборонялся отчаянно, вновь ободренный возвращеніемъ капудана-паши, который, послѣ нерѣшительнаго боя съ Войновичемъ, сталъ у острова Березани и отнынѣ, какъ сердито выражался Потемкинъ, «подобно шпанской мухѣ прилѣпился къ Очакову».

Очаковъ не былъ уже теперь такою незначительною крѣпостью, какъ во времена Миниха. Французскіе инженеры, и между ними особенно Лафиттъ, въ послѣдніе годы употребили всѣ вспомогательныя средства своего искуства, чтобы привести его въ лучшее оборонительное положеніе. Крѣпость сама по себѣ была не столь важна, какъ ея внѣшнія пристройки, которыя могли служить укрѣпленнымъ лагеремъ для цѣлой арміи.

Представляя продолговатый, неправильный четвероугольникъ съ низкими бастіонами, Очаковъ лежалъ на скатѣ при самомъ устьѣ лимана (залива, въ который изливаются рѣки Днѣпръ и Бугъ) въ Черное море. Со стороны воды онъ былъ защищенъ простою каменною стѣною, а съ прочихъ трехъ сторонъ валомъ, сухимъ рвомъ и глаcисомъ. Къ этому присоединялись съ сухаго пути полукружіемъ построенные позже реданты, а со стороны моря фортъ Гассанъ-паша, представлявшій правильный пятиугольникъ съ толстыми стѣнами. Приближеніе къ крѣпости затруднялось неровностію почвы, которая, состоя изъ песку и камня, чрезвычайно затрудняла осадныя работы. Наконецъ, за валами ея находилось болѣе 20,000

защитниковъ, готовыхъ, съ турецкою рѣшимостію, скорѣе умереть, чѣмъ сдать крѣпость.

Не смотря на то, при сильной и настойчиво веденной атакѣ крѣпость должна была скоро пасть; но тутъ Потемкинъ оказалъ непостижимую нерѣшительность. Съ одной стороны его удерживали преувеличенные слухи о множествѣ минъ, будто-бы заложенныхъ французскими инженерами; онъ трепеталъ при мысли о множествѣ жертвъ, которыя неминуемо повлечетъ за собою штурмъ, а также не покидалъ надежды получить изъ Парижа подробные планы крѣпости, со всѣми ея минными галлереями, на что̀ не щадилъ денегъ. Съ другой стороны онъ упорно вообразилъ себѣ, что сераскиръ, видя невозможность выручки, согласится сдать крѣпость на капитуляцію, за свободный выходъ гарнизона. «Не штурмомъ хочу я взять крѣпость,—говорилъ онъ неоднократно съ самодовольствомъ,—она добровольно должна мнѣ сдаться», и въ этой увѣренности отнюдь не допускалъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Но онъ имѣлъ совершенно ложное понятіе о Туркахъ и ихъ упорствѣ. Турокъ все вытерпитъ, все перенесетъ прежде, чѣмъ рѣшится сдать ввѣренную ему крѣпость. Иногда, правда, корыстолюбіе побуждаетъ какого-нибудь начальника турецкой крѣпости къ преждевременной капитуляціи, но это случается рѣдко, ибо въ такомъ случаѣ онъ не смѣетъ уже возвратиться на родину, что̀ для Турка хуже смерти. Очаковскій паша рѣшился защищаться до послѣдней крайности, и всѣ попытки Потемкина поколебать его рѣшимость сокрушились о его твердость.

Такимъ образомъ потеряно было много драгоцѣннаго времени, безъ всякаго серьознаго предпріятія. «Эта проклятая крѣпость безпокоитъ меня,» говорилъ Потемкинъ, будучи не въ духѣ. «Она еще долго будетъ безпокоить васъ, если не будете дѣйствовать рѣшительнѣе, отвѣчалъ ему принцъ де-Линь. Произведите ложную атаку съ одной стороны и овладѣйте съ другой передовыми укрѣпленіями, изъ которыхъ по пятамъ непріятеля ворвитесь въ крѣпость—и она ваша». «Не думаете-ли вы, что это Шабачь, защищаемый всего 1,000 чел. гарнизона и атакованный 20,000 человѣкъ?»—насмѣшливо возразилъ Потемкинъ. Де-Линь замѣтилъ ему, что не мѣшало бы говорить съ бо̀льшимъ уваженіемъ о предпріятіи, въ которомъ государь его, лично распоряжаясь, подвергалъ жизнь свою опасности. Эти слова Потемкинъ принялъ, можетъ быть, за тайный упрекъ себѣ. На слѣдующій день онъ отправился на батарею, для которой самъ указалъ мѣсто, и чтобъ всѣмъ сомнѣвавшимся доказать, что у него нѣтъ недостатка въ личномъ мужествѣ, онъ подо-

шелъ подъ выстрѣлы непріятельскихъ укрѣпленій. По немъ открыли сильную пальбу, ядра градомъ посыпались вокругъ него и ранили многихъ изъ его свиты; тогда, со смѣхомъ обратясь къ графу Браницкому, онъ сказалъ: «Спросите де-Линя, былъ ли его императоръ подъ Шабачемъ отважнѣе меня».—Де-Линь, какъ ловкій придворный отвѣчалъ на это: «видно нужно ядрами стрѣлять въ него, чтобъ его развеселить.»—Генералъ Синельниковъ, Екатеринославскій губернаторъ, прибывшій въ лагерь представиться князю, поплатился жизнію за эту прогулку.

Однако эти частые вызовы принца де-Линя, а можетъ быть и нѣкоторыя выраженія, которыя онъ дозволилъ себѣ на счетъ Потемкина и дошедшія до него, возбудили наконецъ неудовольствіе князя и, не смотря на непреодолимую любезность де-Линя, онъ порою желалъ избавиться отъ такого тяжелаго соглядатая. «Эти союзники несносны, писалъ онъ императрицѣ, они мѣшаются во все, хотятъ все знать и потомъ насмѣхаются, судятъ и осуждаютъ, часто не зная сущности дѣла».—Часто доходило до небольшихъ ссоръ между ними, но многосторонняя ловкость де-Линя скоро возстановляла согласіе.» Де-Линь точно вѣтреная мельница, говорилъ тогда Потемкинъ, сегодня я для него Ѳерзитъ, а завтра Ахиллъ» (7).

---

(7) Въ это время принцъ де-Линь сдѣлалъ слѣдующее блистательное изображеніе Потемкина: «Я вижу здѣсь предводителя арміи, который, подъ наружнымъ видомъ бездѣйствія, трудится непрестанно, не знаетъ другаго письменнаго стола, кромѣ своихъ колѣнъ, другаго гребня, кромѣ своихъ пальцевъ,—постоянно лежитъ растянувшись, не зная сна ни днемъ, ни ночью, потому что его пожираетъ ревность къ службѣ своей монархини, потому что каждый выстрѣлъ, направленный не въ него, тревожитъ его при мысли, что онъ стоитъ жизни одному изъ его солдатъ. Боязливый за другихъ, храбрый за себя, онъ стоитъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельской батареи, чтобъ отдавать приказанія; неспокойный прежде опасности, бодрый среди ея, философъ, искусный министръ, глубокій политикъ, или десятилѣтнее дитя;—не мстительный, прося извиненія, когда полагаетъ, что оскорбилъ кого, онъ скоро заглаживаетъ сдѣланную несправедливость. Онъ думаетъ, что любитъ Бога, а между тѣмъ только боится чорта, котораго воображаетъ себѣ еще сильнѣе и могущественнѣе князя Потемкина.

«Легко предубѣждаемый за или противъ кого, онъ такъ же легко отступается отъ своего мнѣнія. Съ генералами своими онъ говоритъ о богословіи, съ архіереемъ своимъ о войнѣ. То самый несносный, то самый привлекательный человѣкъ въ обращеніи съ другими; то надменнѣйшій восточный сатрапъ, то любезнѣйшій царедворецъ временъ Людовика XIV; очень кроткій подъ видомъ суровости; требуя всего, какъ ребенокъ, легко отказывая себѣ во всемъ, какъ великій человѣкъ; умѣренный подъ видомъ неумѣренности; грызя ногти, яблоко или рѣпу;—въ подштанникахъ, въ рубаш-

А между тѣмъ впередъ не подвигались. Насыпано было нѣсколько редутовъ, но въ слишкомъ большомъ разстояніи отъ крѣпости; возведеніемъ другихъ хотѣли постепенно приближаться къ крѣпости. Потемкинъ, не хотѣвшій даже подать повода думать, что онъ слѣдуетъ чужому совѣту, все перепутывалъ, отдавалъ приказанія и отмѣнялъ ихъ, и такимъ образомъ терялъ и время, и людей.

Взоры всей Европы были устремлены на Очаковъ; многіе молодые, блистательные воины (8) стеклись сюда съ разныхъ сторонъ, чтобъ участвовать въ великихъ событіяхъ, которыхъ ожидали, и быть свидѣтелемъ которыхъ часто составляетъ украшеніе цѣлой жизни. Но эти событія никакъ не хотѣли являться на свѣтъ, потому, что тотъ, отъ котораго все зависѣло, не могъ рѣшиться ни на что энергическое, вслѣдствіе укоренившагося въ немъ и устранявшаго всѣ энергическія мѣры убѣжденія, что Очаковъ наконецъ все-таки сдастся добровольно.

Такъ проходило лучшее время. Въ лагерѣ находилось многочисленное общество; многія дамы пріѣхали посѣтить своихъ мужей; жизнь велась роскошная и веселая, гонцы скакали по губерніямъ, чтобы припасти разныхъ рѣдкостей къ столу Потемкина; но осада мало подвигалась впередъ.

Старому солдату, какъ Суворовъ, не очень-то могъ нравиться такой способъ веденія войны. «Не такъ, говорилъ онъ довѣреннымъ лицамъ, побѣждали мы Поляковъ, не такъ, бывало, и Турокъ—однимъ глядѣньемъ крѣпости не возмешь—послушались бы меня, давно бы Очаковъ былъ нашъ—тутъ штурмъ лучше и стóитъ меньше.» Онъ охотно склонилъ бы князя къ болѣе быстрымъ дѣйствіямъ, но всѣ усилія его оставались безплодными: Потемкинъ, не смотря на все большое довѣріе къ нему прежде, въ настоящемъ случаѣ былъ непоколебимъ. Тогда Суворовъ вздумалъ попытаться, не удастся-ли ему какимъ-нибудь смѣлымъ движеніемъ увлечь его къ рѣшительному дѣйствію. Съ этою цѣлію, 27 іюля (7 августа), когда Турки сдѣлали небольшую вылазку, онъ, безъ спроса прежде у Потемкина, повелъ свое крыло, построенное въ четыре каре, на непріятельскія укрѣпленія, въ полной надеждѣ, что, если разъ завяжется дѣ-

---

кѣ или въ мундирѣ, вышитомъ по всѣмъ швамъ; согбенный, съёженный у себя дома, или гордый, прекрасный, величественный, исполненный приличія и достоинства передъ своею арміею, подобно Агамемнону между царями Греціи.»

(8) Мы назовемъ только Ланжерона, Баража, Рожера Дамаса, де-Винтера и т. д., умалчивая о другихъ.

и носа. Въ крѣпости было всеобщее смятеніе, многіе не могли говорить отъ испуга, другіе тяжело ранены, священникъ убитъ передъ престоломъ, и вообще погибло восемьдесятъ человѣкъ.

Взрывъ произошелъ отъ чиненія бомбъ, которое, вмѣсто поля внѣ крѣпости, какъ было приказано, комендантъ разрѣшилъ производить въ самой крѣпости. Такъ какъ всѣ участвовавшіе въ этомъ занятіи погибли, то причина воспламененія осталась неизвѣстною.

Турки въ Очаковѣ, увидя дымъ и пламя надъ Кинбурномъ, думали, что вся крѣпость взлетѣла на воздухъ, такъ сильно было сотрясеніе, ощущенное даже у нихъ. Сераскиръ тотчасъ послалъ къ капудану-пашѣ приглашеніе воспользоваться этимъ случаемъ и сдѣлать тамъ высадку. Гассанъ-паша отказался; да и тщетна была бы попытка, потому что въ Кинбурнѣ были готовы къ встрѣчѣ непріятеля.

Но кромѣ страданій тѣлесныхъ, герой нашъ сильно страдалъ и нравственно, вслѣдствіе немилости къ нему Потемкина за неудачное покушеніе противъ Очакова. Гордость князя никакъ не могла успокоиться тѣмъ, что не спросясь его, подъ его глазами, отважились предпринять что-либо и тѣмъ какъ-бы скрытно осудить его образъ дѣйствій. Тщетны были всѣ усилія Суворова смягчить гнѣвъ сильнаго человѣка, напрасно писалъ онъ ему трогательныя письма, въ оправданіе своего поступка: ничто не помогло и въ продолженіе всей остальной части этого похода онъ былъ осужденъ на бездѣйствіе. Конечно онъ немного потерялъ, потому что немного было и совершено; но для храбраго воина гулъ каждаго пушечнаго выстрѣла, который онъ слышитъ, но участникомъ быть не можетъ, болѣзненно отдается въ сердцѣ.

Изъ этихъ писемъ Суворова къ Потемкину, писанныхъ подъ вліяніемъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданій, до насъ дошли три, которыя состоятъ большею частію изъ темныхъ выраженій и восклицаній. Положеніе было щекотливое. Истинныя причины оправданія служили бы явнымъ порицаніемъ князя и его мѣръ, а надобно было остерегаться, чтобъ не оскорбить еще болѣе его раздражительную гордость. Суворовъ былъ не совсѣмъ правъ, и что ему прежде легко сошло съ рукъ у Веймарна и Румянцова, благодаря счастливому успѣху, теперь, когда счастіе не поблагопріятствовало ему, послужило къ большему осужденію его. Сверхъ того Потемкинъ былъ не такой человѣкъ, который оставилъ бы нарушеніе своихъ приказаній безнаказаннымъ. Если подъ конецъ дѣло это и не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ послѣдствій для Суворова, то онъ былъ обязанъ

этимъ отчасти тому уваженію, которое снискалъ своими прежними подвигами, отчасти же убѣжденію Потемкина, что такого человѣка, какъ Суворова, можно иногда и извинить кое въ чемъ. — Правда, онъ горько жаловался на него императрицѣ, но благоволеніе этой великой монархини къ нашему герою было такъ твердо упрочено, что она отклоняла всѣ эти жалобы словами: «Не говорите мнѣ ничего о Суворовѣ.»

«Для излеченія моихъ ранъ и поправленія здоровья отъ *длинной кампаніи*—я ѣду къ водамъ, писалъ Суворовъ князю,—Вы меня отпускаете; цѣленіе ихъ ближе: оно въ обновленіи милостей вашихъ. Свѣтлѣйшій князь! защитите простонравіе мое отъ ухищреній ближняго: противъ государственныхъ непріятелей готовъ... Какая вдругъ перемѣна милости вашей! и чего могу надѣяться въ случаѣ несчастія, свойственнаго смертному, когда нынѣ безвинно стражду? противна особа, противны и дѣла. Съ честью служилъ бы, но жестокія мои раны отвлекаютъ... Свѣтлѣйшій князь! утруждаю о испрошеніи милости вашей, чтобъ дозволили мнѣ на нѣкоторое время отдалиться къ сторонѣ Москвы для лучшаго излеченія ранъ и поправленія моего ослабшаго здоровья, съ жалованьемъ и моему *штабу*. Явиться къ службѣ не замедлю.» (*)

Это письмо осталось безъ отвѣта; нѣсколько раздраженный этимъ Суворовъ написалъ другое: «Невинность не терпитъ оправданій.—Знаете прочихъ.—*Всякій имѣетъ свою систему*,—*такъ и по службѣ я имѣю мою*.—Мнѣ не переродиться,—и поздо.—Свѣтлѣйшій князь! успокойте остатки моихъ дней!—шея моя не оцараплена,—чувствую сквозную рану,—и она не пряма,—тѣло изломано;—такъ не длинны тѣ дни.—Коли вы не можете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя.—Есть мнѣ служба въ другихъ мѣстахъ, по моей *практикѣ*, по моей степени!—Но милости ваши, гдѣ бы я ни былъ, вездѣ помнить буду.» (**)

Вѣроятно на это письмо Потемкинъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, потому что мы видимъ изъ третьяго письма, съ какимъ тонкимъ знаніемъ характера князя Суворовъ старается его умилостивить: «Боже мой! какъ я обезпокоилъ Вашу Свѣтлость, моего благодѣтеля!—Скромность—притворство, — благонравіе—своенравіе,—твердость—упрямство—равногласны!—По естеству, или случаямъ, одинъ

(*) Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная и пр., изд. С. Н. Глинкою.

(**) Тамъ же. Оба эти письма приведены здѣсь не вполнѣ.

способенъ къ первой *роли*, другой ко второй!—не въ своей *ролѣ*—испортятъ.—Обоимъ воинскіе законы руководствомъ.—*Счастіе отъ ихъ правилъ.—Кто у васъ отнимаетъ, Свѣтлѣйшій Князь!*—Вы великій человѣкъ! — Вы начальникъ начальниковъ! Вы говорите: ихъ слава, ваша слава!—Ктожъ изъ нихъ за нею бѣгаетъ, она бѣжитъ отъ того.—Истина благосклонна одному достоинству.—Милостивый государь! — *Добродѣтель всегда гонима.* — Покровительство ближе всѣхъ къ Вамъ! — Вы вѣчны, Вы кратки!—въ него я себя поручаю (*).» Мы увидимъ ниже, что онъ умѣлъ отвѣчать Потемкину и въ другомъ тонѣ, теперь же онъ опасался быть удаленнымъ съ театра войны — мысль самая ужасная для человѣка, какъ Суворовъ, а потому онъ употреблялъ всѣ возможныя средства, чтобъ смягчить гнѣвъ могущественнаго князя, отъ котораго зависѣла его судьба. Потемкинъ долго оставался непримиримымъ и только вниманіе къ собственной своей славѣ и къ пользѣ отечества побудило его наконецъ не оставлять долѣе въ бездѣйствіи такого воина, какъ Суворовъ.

Между тѣмъ онъ продолжалъ *по своему* вести осаду Очакова, то есть не предпринимая ничего рѣшительнаго и выжидая, что́ произведутъ обстоятельства.—Но они не произвели ничего добраго.—Проходили дни, недѣли, мѣсяцы, а осада не подвигалась и люди гибли отъ болѣзней и непріятельскихъ вылазокъ. Въ одну изъ нихъ, 18 (29) августа, принцъ Нассаускій мѣткимъ огнемъ своихъ канонирскихъ лодокъ спасъ принца Ангальта, сильно тѣснимаго Турками, утвердившимися по близости его. — Отъ Потемкина помощи не было; принцъ Нассаускій оказалъ ее самовольно и затѣмъ отправился къ Потемкину, трунившему передъ тѣмъ надъ его необыкновенною живостью,—чтобъ иронически извиниться передъ нимъ, что осмѣлился, не ожидая его приказаній, выдвинуться съ тремя канонирскими лодками и принудить Турокъ къ отступленію. Уже полученъ былъ рапортъ отъ принца Ангальта, который свидѣтельствовалъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, что былъ обязанъ своимъ спасеніемъ единственно рѣшительному содѣйствію принца Нассаускаго и его канонирскихъ лодокъ.—Потемкинъ наморщилъ лобъ и смолчалъ, но принцъ Нассаускій ничего не выигралъ отъ этого.

При этой-то вылазкѣ Турокъ, генералъ Кутузовъ, котораго ожидала столь великая будущность, получилъ ту чрезвычайную рану (10), о которой никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ онъ перенесъ ее.

(*) Жизнь Суворова и пр., изд. С. Н. Глинкою.

(10) Пуля попала въ високъ, прошла позади глазъ и вышла изъ другаго виска. Еще въ первую турецкую войну онъ получилъ подобную же рану.

Принцъ Ангальтъ-Бернбургскій, спасенный здѣсь помощію принца Нассаусскаго, былъ благороднѣйшій человѣкъ, столь-же храбрый, сколько и образованный, притомъ простой и безъ всякихъ притязаній въ обращеніи, скрывавшій собственныя заслуги и радовавшійся, если могъ выставлять чужія.—Еще въ первую турецкую войну онъ оказалъ отличія и снискалъ блистательную славу. Потемкинъ, опасаясь, чтобъ онъ, какъ двоюродный братъ императрицы, не пріобрѣлъ большаго вѣса у нея, старался представлять его педантомъ и сдѣлать смѣшнымъ. Но онъ не могъ изгладить изъ души императрицы уваженія, которое истинное достоинство всегда внушаетъ къ себѣ. Два года спустя, въ войнѣ съ Шведами, принцъ умеръ на полѣ сраженія смертію героя.

Непродолжительно было и доброе согласіе между Потемкинымъ и принцемъ Нассаускимъ, потому что гордость Потемкина искала подавить всякаго, выходившаго изъ обыкновенной среды. Принцъ Нассаускій, какъ и другіе генералы, старался склонить его къ штурму и въ своей пылкости выразился: «что еслибъ ему поручили главное начальствованіе, то онъ сдѣлалъ бы въ стѣнѣ такую брешь, что цѣлый полкъ разомъ могъ бы пройти черезъ нее.»—Потемкинъ, не терпѣвшій ничего похожаго на хвастовство, спросилъ его иронически: «Сколько брешей сдѣлалъ онъ подъ Гибралтаромъ?»—Эта колкость крайне не понравилась принцу; онъ жаловался двору и просилъ, чтобъ его отозвали. Ему поручили начальствованіе надъ галернымъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, но здѣсь предстояло ему потерять почти всю славу, пріобрѣтенную на лиманѣ. Впослѣдствіи онъ примкнулъ къ французскимъ принцамъ-эмигрантамъ и дѣйствовалъ съ ними за одно, но уже не имѣлъ болѣе случая ознаменовать себя подвигами. Онъ былъ человѣкъ мужественный и рѣшительный, но безъ всякихъ особенныхъ дарованій.

Время года становилось все хуже; войска вязли въ грязи и снѣгу; иностранные посѣтители, дамы, польскіе генералы изчезли; надежда на добровольную сдачу крѣпости слабѣла все болѣе и болѣе, а Потемкинъ со дня на день дѣлался мрачнѣе и угрюмѣе. Потерявъ напрасно цѣлое лѣто и осень въ бездѣйствіи передъ Очаковымъ и убѣдясь наконецъ въ ложности своего предвзятаго мнѣнія, онъ былъ принужденъ однако рѣшиться наконецъ на мѣру, которую дотолѣ всегда упорно отстранялъ. Наступила зима, болѣе суровая, нежели обыкновенно (въ Малороссіи она до сихъ поръ осталась въ памяти народной подъ именемъ *Очаковской*); солдаты дрожали и коченѣли отъ холода въ своихъ землянкахъ; многіе замерзали; въ продоволь-

ствіи былъ недостатокъ, а дровъ ни полѣна вокругъ. Мѣстность, на много переходовъ отъ лагеря, представляла только степь, покрытую снѣгомъ и льдомъ. Морозъ возрасталъ со дня на день, люди гибли, ежедневно насчитывали отъ 30-ти до 40 замерзшихъ; не оставалось другаго исхода, кромѣ штурма: громко, убѣдительно просили о томъ солдаты, чтобы разомъ избавиться отъ нестерпимыхъ страданій всякаго рода.

5 (16) декабря дежурный генералъ Рахмановъ донесъ: «на завтрашній день въ арміи нѣтъ ни одного полѣна дровъ для разведенія огня,»—а оберъ-провіантмейстеръ, генералъ Каховскій: «всѣ продовольственные запасы истощены и ни на одинъ день не осталось хлѣба.»—Необходимо было рѣшиться на штурмъ, ибо по недостатку продовольствія нельзя было даже и отступить.

Потемкинъ рѣшился: онъ поручилъ генераламъ Репнину и Мёллеру составить диспозицію къ штурму. Собрали солдатъ и объявили имъ: «Идти назадъ нельзя; ни дровъ, ни хлѣба нѣтъ, остается взять Очаковъ или умереть. Завтра день св. Николая чудотворца, заступника Россіи, а потому завтра штурмъ.»—Съ радостію вняли войска этому извѣстію, вся армія, отъ перваго до послѣдняго, была готова на все, охотниковъ нашлось болѣе, нежели требовалось. Вся добыча въ крѣпости была обѣщана солдатамъ, и затѣмъ имъ роздали по послѣдней чаркѣ вина. Многіе подкрѣпили себя на послѣдній бой.

Еще разъ потребовали сдачи у очаковскаго паши, — безъ успѣха. Тогда сдѣланы нужныя распоряженія. Изъ представленныхъ плановъ для штурма, Потемкинъ избралъ планъ Мёллера и, не смотря на чрезвычайно сильный морозъ—это былъ самый холодный день въ эту холодную зиму и морозъ превышалъ 23 градуса — лично наблюдалъ за исполненіемъ мѣръ. Наконецъ рано утромъ 6 (17) декабря начался штурмъ, кровопролитный и ужасный.

Назначенныя для штурма войска, въ числѣ 14,000 чел., были раздѣлены на шесть колоннъ, поддерживаемыхъ двумя резервами ([11]). Четыре колонны, подъ главнымъ начальствомъ князя Репнина, предводимыя генералъ-поручиками принцемъ Ангальтомъ и княземъ Василіемъ Долгорукимъ, штурмовали съ западной стороны большое нагорное укрѣпленіе и фортъ Гассанъ-паша; двѣ другія, подъ главнымъ начальствомъ генерала отъ артиллеріи Мёллера ([12]), предводимыя

---

(11) Смотри прилагаемую таблицу подъ литерой А.

(12) Мёллеръ былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ русскихъ генераловъ того времени. Онъ велъ лѣвое крыло, на которое возложена была главная атака; съ нимъ были

(Къ стран. 218).

А. ШТУРМОВЫЯ КОЛОННЫ ПОДЪ ОЧАКОВЫМЪ.

I. Правое крыло. Генералъ-анъ-шефъ князь Репнинъ.

Генералъ-поручикъ принцъ Ангальтъ-Бернбургскій.

Первая колонна. Генералъ-маіоръ баронъ Паленъ.
- Тамбовскій мушкетерскій полкъ.
- 1 баталіонъ пѣшихъ егерей.
- 1,000 спѣшенныхъ казаковъ. } Полковникъ Платовъ.
- 200 конныхъ — }
- Армянскіе волонтеры.

Вторая колонна.

Первое отдѣленіе. Бригадиръ Львовъ.
- Екатеринославскій гренадерскій полкъ.
- 1 баталіонъ Таврическихъ гренадеровъ.

Второе отдѣленіе. Полковникъ Байковъ.
- 2 баталіона Екатеринославскихъ егерей.
- 50 Елисаветградскихъ легкоконныхъ охотниковъ.

Генералъ-поручикъ князь Василій Долгорукій

Третья колонна. Генералъ-маіоръ Князь Сергій Волконскій.
- Лифляндскій егерскій корпусъ (4 баталіона).
- 1 баталіонъ Херсонскихъ гренадеровъ.
- 300 рабочихъ.

Четвертая колонна. Бригадиръ баронъ Мейендорфъ.
- Бугскій егерскій корпусъ (4 баталіона).
- 1 баталіонъ Астраханскихъ гренадеровъ.
- 300 рабочихъ.

II. Лѣвое крыло. Генералъ отъ артиллеріи Мёллеръ.

Генералъ-поручикъ Самойловъ.

Пятая колонна. Бригадиръ Хрущевъ.
- 1 баталіонъ гренадеровъ.
- 1 — Алексопольскихъ мушкетеровъ.
- 250 рабочихъ.

Шестая колонна. Бригадиръ Горичъ.
- Фанагорійскій гренадерскій полкъ.
- 1 баталіонъ гренадеровъ Фишера.
- 1 — — Жукова.
- 300 артиллеристовъ.
- 100 стрѣлковъ.
- 40 Херсонскихъ легкоконныхъ.
- 180 Бугскихъ казаковъ.
- 220 охотниковъ.
- 250 рабочихъ.

и нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ. Продолжительность осады очень озабочивала ее. Еще за нѣсколько дней передъ этимъ она сказала: «я знаю Потемкина—честь его зависитъ отъ успѣха—однако Очаковъ не выходитъ у меня изъ головы.» Теперь она избавилась отъ этой заботы и удовольствіе ея выразилось гласно. «Я была нездорова, сказала она на другой день поздравителямъ, но радость вылечила меня.» Восторгъ былъ всеобщій въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи. Чѣмъ труднѣе иное пріобрѣтеніе, тѣмъ бо́льшую придаютъ ему цѣну, и здѣсь—по всей справедливости, потому что для безопаснаго обладанія Крымомъ взятіе Очакова было положительно необходимо.

Потемкинъ, между прочимъ, писалъ императрицѣ: «онъ хотѣлъ подарить ей Очаковъ еще въ Екатерининъ день (24 ноября), но приготовленія не могли быть кончены и штурмовать можно было не прежде Николина дня. Самойловъ первый вошелъ въ крѣпость.» Самойловъ былъ—его племянникъ! Онъ и храбрый принцъ Ангальтъ получили орденъ св. Георгія 2-й степени, отличившіеся генералы и офицеры—соотвѣтственныя награды, всѣ прочіе—полугодовое жалованье.

Бауеръ, какъ вѣстникъ радостнаго извѣстія, былъ награжденъ драгоцѣнными подарками и получилъ полкъ. Нѣсколько дней спустя онъ отправился назадъ, чтобъ доставить князю то, чего онъ такъ давно жаждалъ—орденъ св. Георгія первой степени съ брилліантовою звѣздою, и вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршальскій жезлъ, украшенный брилліантами и обвитый лаврами.

По взятіи Очакова рѣшено было привесть его въ такое положеніе, чтобъ не приходилось брать вторично ([13]): не осталось почти и слѣда крѣпости, нѣкогда вмѣщавшей 20,000-ный гарнизонъ. Гдѣ прежде стояли длинные ряды домовъ, возвышались мечети и базары, тамъ нынѣ видѣнъ только обширный, пустынный выгонъ. Путникъ спрашиваетъ, гдѣ городъ?—ему указываютъ на нѣсколько жалкихъ мазанокъ и церковь, передѣланную изъ мечети: вотъ все, что̀ осталось отъ прежняго блеска Очакова. На память будущимъ поколѣніямъ оставили часть высокой стѣны: еще видны на ней слѣды русскихъ ядеръ. Глубокіе рвы осыпались и заросли высокою травой. Изчезла съ лица земли крѣпость, на которую нѣкогда были устремлены взоры всей Европы; но если и изчезла она сама, то имя ея будетъ вѣчно жить въ исторіи.

---

(13) Собственно въ третій разъ—онъ уже былъ взятъ Минихомъ.

И такъ результатомъ цѣлаго похода было только покореніе этой крѣпости, потому что, пока князь Потемкинъ почти цѣлое лѣто провелъ въ бездѣйствіи подъ Очаковымъ, и фельдмаршалъ Румянцовъ совершилъ немного, но не по своей винѣ. Потемкинъ, ненавидѣвшій его и завидовавшій любви солдатъ къ нему, въ званіи президента военной коллегіи заставилъ его терпѣть во всемъ недостатокъ. По спискамъ армія Румянцова должна была состоять изъ 50,000 чел., а въ самомъ дѣлѣ имѣла едва 35,000; если онъ жаловался на недостатокъ войскъ, то ему припоминали кагульскую побѣду, гдѣ у него было еще меньше. Но обстоятельства съ тѣхъ поръ перемѣнились и Турки были уже не тѣ. Войска его не имѣли обезпеченнаго продовольствія, потому что назначенныхъ магазиновъ нигдѣ нельзя было отыскать; всѣ его представленія приносили мало пользы или оставлялись вовсе безъ вниманія: много-ли могъ онъ совершить въ такихъ обстоятельствахъ? (14) впрочемъ онъ и не былъ обязанъ къ тому. Задачею его въ этомъ походѣ было—держаться между Бугомъ и Днѣстромъ, и препятствовать Туркамъ какъ переходить черезъ послѣднюю рѣку, такъ и идти на выручку Очакова, а позже сверхъ того еще и прикрывать осаду Хотина. Все это онъ выполнилъ удачно избраніемъ позицій, не имѣвъ надобности обнажить меча.

Въ половинѣ мая четыре дивизіи его арміи сосредоточились въ Подоліи вокругъ Тульчина: первая, подъ непосредственнымъ его начальствомъ, въ числѣ 13,000 чел., въ Печорахъ; третья, изъ 7,000 чел., генерала Эльмпта, въ Тульчинѣ; четвертая, такой же силы, генерала Каменскаго, въ Ободовкѣ; наконецъ вторая, изъ 10,000 чел., подъ начальствомъ графа Салтыкова, правѣе въ Ново-Константиновѣ, для связи съ Австрійцами подъ начальствомъ принца Саксенъ-Кобургскаго.

Этотъ послѣдній, сосредоточившій въ Черновицѣ, въ Буковинѣ, 18,000-ный корпусъ, долженъ былъ открыть свои дѣйствія взятіемъ Хотина. Но еще до этого онъ послалъ 5,000 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Фабри, прогнать небольшой непріятельскій отрядъ, стоявшій близъ Яссъ, и занять этотъ главный городъ Молдавіи. Обезпеченный такимъ образомъ съ этой стороны, онъ обложилъ Хотинъ. Упорное сопротивленіе гарнизона побудило его просить у Румянцова подкрѣпленія.

---

(14) Даже отъ Турокъ не ускользнуло это обстоятельство: они говорили, что въ предъидущей войнѣ Румянцовъ былъ визиремъ, а въ этой только сераскиромъ.

Румянцовъ тотчасъ согласился и послалъ туда дивизію Салтыкова. Съ тремя остальными дивизіями онъ рѣшился перейти черезъ Днѣстръ и держаться между этою рѣкою и Прутомъ, дабы одновременно прикрывать осаду и Хотина, и Очакова. Въ іюнѣ онъ совершилъ это движеніе, перешелъ черезъ Днѣстръ у Могилева и Косницы и расположился лагеремъ у Плони, (*) выдвинувъ двѣ дивизіи Ельмпта и Каменскаго къ ручью Отта-Альба.

Наконецъ Турки собрались въ значительныхъ силахъ у Рябой Могилы, обыкновенномъ сборномъ мѣстѣ ихъ; оттуда они угрожали полковнику Фабри въ Яссахъ, который, въ своемъ смущеніи, очистилъ этотъ городъ и отступилъ къ Ботушанамъ. Принцъ Кобургскій, опасаясь за свою осаду, вторично просилъ помощи. Чтобъ успокоить его, Румянцовъ въ началѣ августа приказалъ дивизіи Эльмпта подвинуться ближе къ Пруту, гдѣ она должна была прикрывать большую дорогу изъ Яссъ къ Хотину. Татарскій ханъ, начальствовавшій турецкими войсками, вступившими въ Яссы, приблизился къ позиціи этой дивизіи при Таборѣ, но увидавъ, что она намѣрена твердо держаться, отступилъ обратно. Румянцовъ заключилъ изъ этого о слабости его силъ и приказалъ Эльмпту идти вслѣдъ за нимъ. Это было исполнено въ связи съ австрійскимъ отрядомъ Фабри, поступившимъ подъ начальство генерала Сплени. 23 авг. (3 сент.) Яссы были снова заняты союзниками ([15]).

Но какъ Турки значительно усиливались при Рябой Могилѣ, то Румянцовъ рѣшился со всѣми своими силами двинуться противъ нихъ; вслѣдствіе того онъ собралъ 17 (28) сентября всѣ свои вой-

---

(*) На нынѣшнихъ картахъ нѣтъ Косницы и Плони, но есть Кушанецъ на Днѣстрѣ, между Ушицей и Хотиномъ, и Пиленей, между Могилевомъ и Бѣльцами, оба въ Бессарабіи.

(15) Но когда Турки вторгнулись въ Банатъ, императоръ Іосифъ потребовалъ, чтобъ генералъ Сплени пошелъ обратно въ Трансильванію. Румянцовъ удивился, что его опять хотятъ разлучить съ Эльмптомъ. «Не для того, писалъ онъ принцу Кобургскому, согласился я на соединеніе, чтобы только занять Яссы, но чтобы, смотря по успѣхамъ союзныхъ корпусовъ, между Прутомъ и Серетомъ наступать къ Дунаю. На тотъ конецъ я и обратился къ императору съ представленіемъ, что если оставить Эльмпта одного, то потеряны будутъ плоды прежнихъ успѣховъ, не доставя помощи и Трансильваніи; если же оба корпуса останутся вмѣстѣ, то онъ самъ примкнетъ къ нимъ и какою нибудь дѣятельною диверсіею выманитъ визиря изъ Трансильваніи.» Императрица Екатерина, получивъ донесеніе Румянцова объ этомъ, сказала: «Je reconnais dans cette occasion un grand homme et un homme d'état.» (Журналъ Храповицкаго).

ска, кромѣ дивизіи Салтыкова, у Цецоры (16) на Прутѣ. Между тѣмъ Хотинъ, послѣ двухмѣсячной осады, сдался на капитуляцію и занятъ былъ Австрійцами. Но условія, на которыя согласился принцъ Кобургскій, изумили Русскихъ.—«Австрійцы должны были занять городъ только чрезъ десять дней, дозволить всему гарнизону и всѣмъ жителямъ, съ женами, дѣтьми, мужскою и женскою прислугою, съ оружіемъ и тяжестями, выступить съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, и продовольствовать ихъ на пути до Рябой Могилы, на что́ требовалось ежедневно, кромѣ 16,000 раціоновъ, извѣстное количество кофе, сахару, табаку и еще 3,000 повозокъ для перевозки имущества. Турки съ своей стороны обязывались дать въ обезпеченіе семь заложниковъ». Принцъ Кобургскій подписалъ эту капитуляцію. Румянцовъ смѣялся надъ нею.

Свободную затѣмъ дивизію Салтыкова фельдмаршалъ направилъ къ Оргѣю, гдѣ она должна была прикрывать лѣвое крыло арміи между Прутомъ и Днѣстромъ. Принцъ Кобургскій же двинулся къ Роману, дабы сблизиться съ корпусомъ въ Трансильваніи.

Число турецкихъ войскъ при Рябой Могилѣ возросло между тѣмъ до 16,000 чел., не смотря на что́ они не отважились однако атаковать союзниковъ, по наступленіи же осенняго времени разошлись, по обычаю, по домамъ. Тогда Румянцовъ расположилъ свои войска на зимнія квартиры, по направленію между Кишиневомъ и Васлуемъ: самъ онъ съ своею дивизіею остался въ Яссахъ, Салтыковъ со второю—въ Оргѣѣ, третья дивизія Эльмпта—между Гушемъ и Кишиневомъ, наконецъ Каменскій съ четвертою—между Гушемъ и Васлуемъ.

Послѣднее дѣло съ непріятелемъ имѣлъ генералъ Каменскій. Отрядъ Татаръ пытался утвердиться на рѣчкѣ Ботнѣ. Фельдмаршалъ, не хотѣвшій позволять непріятелю быть по близости квартирнаго расположенія арміи, приказалъ Каменскому прогнать Татаръ. 19 (30) декабря Каменскій атаковалъ ихъ при Гангурѣ и на слѣдующій день у Салкуцы прогналъ ихъ и занялъ ихъ квартиры.

Какъ ни были незначительны дѣйствія Румянцова, но еще ме-

---

(16) Мѣстечко, замѣчательное пораженіемъ великаго Жолкевскаго, который въ 1620 году, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и небольшимъ отрядомъ храбрецовъ, палъ здѣсь подъ ударами превосходныхъ силъ Турокъ. На могилѣ его была трогательная надпись:» «Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!» А на пирамидѣ, воздвигнутой въ честь его въ Цецорахъ: «Discite ex meo, quam dulce et decorum sit, pro patria mori.»

нѣе было сдѣлано со стороны Австрійцевъ, по совершенно особеннымъ причинамъ. Во-первыхъ: главныя усилія свои Австрійцы произвели въ Босніи, расчитывая при заключеніи мира сохранить эту область за собою, но здѣсь-то именно они атаковали Турокъ съ самой сильной стороны. Нѣтъ края труднѣе Босніи для веденія войны: гористая, пересѣченная мѣстность, множество небольшихъ крѣпостей, трудныя сообщенія и чрезвычайно воинственное народонаселеніе. Поэтому успѣхи Австрійцевъ и не могли не быть крайне незначительными.

Къ этому еще присоединилась несчастная кордонная система Ласси, которая всюду должна была прикрывать имперскія наслѣдственныя области, но нигдѣ, гдѣ ни появлялись Турки, не въ состояніи была прикрыть оныя. Линію болѣе нежели въ 200 миль (1,400 верстъ) протяженія нельзя оборонять цѣпью небольшихъ постовъ. Впрочемъ не было и намѣренія дѣйствовать рѣшительно, изъ опасенія навлечь на себя всѣ силы Турокъ. Такъ во всѣхъ коалиціяхъ 18-го вѣка господствовалъ малодушный, своекорыстный образъ мыслей; поэтому-то ими и совершено было такъ мало.

Многочисленныя арміи не предпринимали ничего важнаго по прискорбной причинѣ—взаимной зависти, главнѣйшемъ злѣ всѣхъ коалицій. Австрійцы не хотѣли ничего дѣлать, чтобъ не навлечь на себя Турокъ, а Потемкинъ потому, что Австрійцы ничего не дѣлали ([17]), и такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ не дѣлалось ничего. Австрійцы требовали, чтобъ онъ взялъ Очаковъ, а онъ—чтобъ они взяли Бѣлградъ, и время проходило въ томъ, что ни съ той, ни съ другой стороны не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ ни къ тому, ни къ другому. Слѣдствіемъ было, что Очаковъ взятъ только въ концѣ этого года, а Бѣлградъ не ранѣе слѣдующаго.

Гдѣ нѣтъ добровольнаго, сердечнаго согласія, тамъ никогда не совершится ничего важнаго. Иначе поступали въ слѣдующемъ году Суворовъ и принцъ Кобургскій; за то и наградою имъ были прекраснѣйшія побѣды. Если же одна сторона помышляетъ только о

---

(17) «Перейдите черезъ Саву, тогда я перейду черезъ Бугъ»,—сказалъ онъ принцу де-Линю, когда послѣдній побуждалъ его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. «Но тамъ противъ императора стоитъ турецкая армія, а здѣсь нѣтъ», отвѣчалъ де-Линь.—Какъ будто это могло служить препятствіемъ, если хотѣли вести войну рѣшительно! Суворовъ никогда и ничего такъ не желалъ, какъ видѣть противъ себя турецкую армію, чтобъ имѣть случай разбить ее.

томъ, какъ бы перехитрить своего союзника, то послѣдній противупоставляетъ хитрости хитрость; одинъ не довѣряетъ другому — и непріятель остается въ полномъ выигрышѣ.

Вслѣдствіе того все, что́ совершено было громадною австрійскою арміею въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ограничилось нѣсколькими незначительными дѣлами, отраженіемъ нападеній Турокъ и покореніемъ Шабача, незначущей крѣпостцы на р. Савѣ; атаки же Австрійцевъ противъ Дубицы и Бербира были отражены. Обыкновенныя послѣдствія бездѣйствія въ постоянныхъ лагеряхъ не замедлили проявиться: болѣзни и эпидеміи развились и произвели страшныя опустошенія въ рядахъ арміи. Тысячи умирали, болѣе 25,000 лежало въ госпиталяхъ. Только съ величайшимъ напряженіемъ можно было пополнять эти громадныя потери, а еще ниразу не обнажали меча. Въ войскахъ обнаружились неудовольствіе, уныніе; они чувствовали свою силу, были исполнены отваги и, не смотря на то, не смѣли ничего предпринимать. Между тѣмъ готовилась еще бо́льшая бѣда.

Великій визирь Юсуфъ, человѣкъ хотя не особенныхъ способностей, но съ рѣшительнымъ характеромъ (что́ иногда важнѣе), собралъ до 70,000 войскъ у Ниссы, и вторгнулся отсюда въ августѣ чрезъ Оршову въ Банатъ; другой отрядъ, подъ предводительствомъ господаря Мавроіени, пытался вступить въ Трансильванію. Генералъ Вартенслебенъ, начальствовавшій войсками въ Банатѣ, былъ слишкомъ слабъ для того, чтобъ дать отпоръ этому бурному потоку; онъ принужденъ былъ отступить, былъ разбитъ при Мехадіи 17 (28) августа и отступилъ за р. Темешъ. Опустошая и разрушая все, Османы разсѣялись по всему краю и хозяйничали въ немъ съ ужасающею дикостью. Императоръ Іосифъ, при вѣсти объ этомъ, самъ поспѣшилъ на выручку съ 40,000 чел. войскъ, изнуренныхъ болѣзнями, изъ главнаго лагеря при Землинѣ, соединился при Караншебешѣ съ Вартенслебеномъ и двинулся на встрѣчу великому визирю. Но счастіе рѣшительно не благопріятствовало Австрійцамъ въ этомъ году: армія ихъ была разбита 3 (14) сентября при Слатинѣ, принуждена отступить и затѣмъ, нечаянно атакованная Турками при Лугошѣ 10 (21) сент. ночью, понесла значительныя потери: обозъ, артиллерія, запасы—все пропало, даже императорскія повозки достались въ руки Турокъ, и самъ императоръ Іосифъ и эрцгерцогъ Францъ находились въ опасности жизни. Шумъ и смятеніе были такъ велики, что австрійскія войска въ темнотѣ ночи стрѣ-

*

ляли въ своихъ, вездѣ имъ видѣлся непріятель, и еслибы послѣдній воспользовался своими выгодами, то послѣдствія были бы неисчислимы. Еще долго послѣ того войска вспоминали страшную ночь у Лугоша!

Имперская армія отступила къ Темешвару и Турки грозили теперь вполнѣ наводнить всю страну. Весь Банатъ былъ открытъ имъ, они владѣли горами и Дунаемъ, ничто, казалось, не могло противиться ихъ дальнѣйшимъ успѣхамъ; но вдругъ—они повернули назадъ и ушли тѣмъ же путемъ, какимъ пришли. Это показалось бы непонятнымъ, еслибъ не объяснялось правомъ войскъ ихъ—расходиться по домамъ при наступленіи поздняго времени года. Притомъ и великій визирь достигъ своей цѣли, Бѣлградъ на этотъ годъ былъ спасенъ.

При этомъ вторженіи въ Банатъ, все искуство, ловкость и дѣятельность были, казалось, на сторонѣ тѣхъ, которыхъ считали лишенными всѣхъ этихъ качествъ. Турки именно маневрировали, обходили Австрійцевъ, охватывали ихъ и фланговыми атаками постоянно заставляли ихъ отступать. Варвары оказались искусными тактиками, между тѣмъ какъ настоящіе тактики стяжали мало чести. Конечно, Австрійцы были внезапно атакованы, тѣснимы, преслѣдуемы, не имѣли ни минуты покоя, слѣдовательно не имѣли и времени обдумывать свои дѣйствія, ни рѣшаться на что-либо съ должною осмотрительностью, ни дѣйствовать съ обычнымъ своимъ методизмомъ.

И въ Трансильванію тоже было произведено вторженіе. Хотя сначала, начальствовавшій здѣсь генералъ Фабри имѣлъ счастіе удержать непріятеля, но вскорѣ господарь Мавроіени собралъ значительный отрядъ въ Валахіи, которымъ безпрестанно угрожалъ то одному, то другому австрійскому горному проходу, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизнь австрійскихъ войскъ въ Трансильваніи проходила въ непрерывныхъ передвиженіяхъ туда и сюда, всхожденіи на горы и схожденіи съ нихъ, и въ небольшихъ, ничего не значившихъ стычкахъ, что̀ все однако стоило потери многихъ людей. Впрочемъ вообще Трансильванія была избавлена отъ вторженія.

Таковы были слѣдствія австрійской кордонной системы! (*)

(*) Несчастныя, страшныя для Австріи и ея прекрасной, храброй арміи, на ¾ Славяно-венгерскихъ, слѣдствія кордонной системы — этого уродливаго изчадія еще болѣе уродливаго методизма Австро-нѣмецкихъ переученыхъ тактиковъ, которыхъ Суворовъ такъ мѣтко и вѣрно называлъ унбештимтзагерами!—Но первая, громадная неудача (fiasco) этой безразсудной системы отбила-ли у послѣднихъ охоту отъ нея?—Отнюдь нѣтъ!— отъ 1788 г. до 1866, отъ Лугоша до Кёпигсгра-

Императоръ Іосифъ, недовольный Лассіемъ, призвалъ къ кроатской арміи устраненнаго дотолѣ фельдмаршала Лаудона, и его дѣятельность тотчасъ дала дѣламъ лучшій оборотъ. Онъ осудилъ чисто-оборонительный планъ дѣйствій Ласси; оба поссорились, но Іосифъ, наученный опытомъ, принялъ сторону Лаудона. Послѣдній, едва прибывъ къ арміи, тотчасъ, 15 (26) августа, принудилъ Дубицу сдаться на капитуляцію, а 23 сент. (3 окт.) взялъ Нови.

Тѣмъ и кончился походъ Австрійцевъ, не исполнивъ ни одной изъ тѣхъ великихъ надеждъ, съ которыми былъ предпринятъ. Да и могло-ли быть иначе? никогда длинною цѣпью постовъ не завоевывали земель, а терять случалось. Австрійцы испытали это въ настоящемъ случаѣ, и все таки система эта осталась у нихъ въ милости. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ войнѣ съ Французами, они снова примѣнили ее, и снова результаты были тѣже.

Этотъ несчастный походъ ([18]), стоившій Австрійцамъ, какъ по-

---

ца, отъ Ласси до Бенедека—включительно, вѣрными и неизмѣнными пребыли они ей, и знаменитый въ своемъ родѣ Даунъ—родоначальникъ цѣлой фаланги Вурмзеровъ, Меласовъ, Макковъ и мн. др., не умеръ въ своихъ, достойныхъ его, потомкахъ!—И за всѣ ихъ лжемудрованія должны были всегда, какъ и нынѣ, платиться славянo-венгерскія: Австрія и ея храбрая армія! (Редак.).

(18) Какъ мало, впрочемъ, походъ этотъ, не смотря на его вредную неудачу, разрушилъ великія надежды императора, видно изъ письма его къ принцу Нассаускому. «Первый походъ противъ Османовъ конченъ,—писалъ онъ ему въ январѣ 1789 года,—Хотинъ взятъ моимъ превосходнымъ принцемъ Кобургскимъ, а Дубица и Нови знаменитѣйшимъ въ Европѣ фельдмаршаломъ. Шабачь былъ принужденъ сдаться генералу Ласси». (Здѣсь уже замѣтно нѣкоторое неудовольствіе противъ послѣдняго: передъ именемъ его нѣтъ звучнаго эпитета, какъ передъ именами двухъ первыхъ).

«Согласно съ оборонительнымъ планомъ (зачѣмъ же оборонительнымъ? въ наступательной войнѣ?), генералы мои дѣйствовали на обѣихъ оконечностяхъ оборонительной линіи и заняли значительную часть Молдавіи и Босніи, а я самъ съ главными силами находился въ центрѣ и наблюдалъ Бѣлградъ и визиря.»

«Вторженіе въ Темешварскій банатъ есть слѣдствіе недоразумѣній (неудачи на войнѣ всегда оправдываются недоразумѣніями или измѣной) различныхъ генераловъ, начальствовавшихъ кордономъ на границѣ—это дало визирю возможность распространиться по равнинамъ Лугоша и произвесть тамъ разбои.»

«Весною задачей русской арміи будетъ взять Бендеры и двинуться къ лѣвому берегу Дуная; на правой сторонѣ этой рѣки я возьму Бѣлградъ и распространюсь въ Сербіи. Взятіе Ниссы, Виддина, Сараева, а вверхъ по Савѣ—Бербира, Баньялуки и Костановича суть предпріятія, которыя къ августу будутъ кончены (!!!).—Если визирь вздумаетъ встрѣтить меня или Русскихъ на Дунаѣ, то долженъ дать сраженіе и, какъ скоро будетъ разбитъ, я прогоню его подъ пушки Силистріи.» (Но почему же не разбили его въ банатѣ?)

«Въ октябрѣ 1789 года, когда Османы будутъ просить мира у гяуровъ, я созо-

лагаютъ, до 70,000 человѣкъ, положилъ также первый зародышъ смерти въ груди императора Іосифа: съ глубокою скорбью и разстроеннымъ здоровьемъ покинулъ онъ армію. Такъ жестоко былъ онъ обманутъ! Онъ слышалъ злобныя насмѣшки враговъ своихъ въ Европѣ; дерзость возмутившихся Нидерландцевъ возрасла; и Венгерцы также роптали. Онъ долженъ былъ видѣть, какъ рушились всѣ любимѣйшіе планы его жизни,—какъ то, надъ чѣмъ онъ съ неутомимою дѣятельностью трудился цѣлые годы, къ чему стремился, чего частію достигъ уже—теперь, къ концу жизни его, одно за другимъ рушилось предъ его глазами, и онъ долженъ былъ уносить въ отверзтую уже для него могилу горестную мысль—что жилъ напрасно. Но онъ жилъ не напрасно. Сѣмя, посѣянное имъ, продолжало рости, хотя сначала незамѣтно; лишь позже должно оно было принесть зрѣлые плоды. И никогда, пока въ груди Австрійцевъ останется мѣсто чувству благодарности, не будетъ ими забыто имя Іосифа.

Между тѣмъ какъ русскія арміи были заняты на югѣ, на сѣверѣ выступилъ новый врагъ Россіи—шведскій король Густавъ III. Давно уже жаждая снискать себѣ славу блистательными дѣлами, но удерживаемый въ удовлетвореніи своего честолюбія обстоятельствами и положеніемъ своего государства, онъ счелъ настоящее время благопріятнымъ для того, чтобъ съ блескомъ выступить на поприще войны. И въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ избрать болѣе удобнаго времени. Всѣ русскія войска были стянуты на югъ, такъ какъ не существовало никакихъ опасеній со стороны Швеціи, и сѣверная граница Россіи была совершенно открыта. И балтійскій флотъ готовился уже отправиться въ Средиземное море, дабы, какъ въ предшествовавшей войнѣ, распространить ужасъ до вратъ Константинополя, и еслибы король былъ въ состояніи сдержать нѣсколько недѣль свой нетерпѣливый пылъ, то могъ бы начать войну съ бо̀ль-

---

ву конгрессъ. Карловицкій и Пассаровицкій трактаты будутъ служить для моихъ посланниковъ основаніемъ переговоровъ, причемъ я возьму себѣ еще Хотинъ и часть Молдавіи. Россія удержитъ Крымскій полуостровъ; Очаковъ будетъ срытъ; шведскій принцъ Карлъ будетъ герцогомъ Курляндскимъ, а великій герцогъ Флорентинскій—Римскимъ королемъ;—тогда будетъ всеобщій миръ въ Европѣ;—до того времени Франція покончитъ дѣла съ государственными чинами, и—но прочіе господа слишкомъ много заботятся о себѣ и слишкомъ мало объ Австріи». (Очень естественно,—всякому своя выгода ближе къ сердцу). См. Lebensbeschreibung des Kaisers Josephs II. Francfurt, 1790, стр. 241 и д.

шими еще надеждами на успѣхъ. Но онъ хотѣлъ заставить міръ говорить о немъ и не могъ дождаться минуты, когда подастъ ему поводъ къ тому. Его прежній подвигъ, революція 1772 года, которою онъ уничтожилъ господство государственнаго сейма, подвигъ, о которомъ, въ путешествіяхъ своихъ по Европѣ, онъ всюду разсказывалъ съ мельчайшими подробностями, уже не годился болѣе. Онъ желалъ новыхъ запутанностей, чтобъ привлечь на себя взоры всей Европы тою ролью, какую ему пришлось бы разъигрывать въ нихъ. — Другихъ причинъ къ войнѣ онъ не имѣлъ, кромѣ развѣ тайныхъ надеждъ, которыя старался возбудить въ немъ англо-прусскій союзъ, а именно снова пріобрѣсть остзейскія области.

Онъ самъ достаточно обнаружилъ свои мысли, побуждавшія его къ войнѣ, въ письмѣ своемъ къ довѣренному ему генералу Армфельдту. «Нѣтъ ничего торжественнѣе моего отъѣзда. Мысль о предстоявшемъ мнѣ великомъ предпріятіи, собравшійся на берегу народъ, котораго я почиталъ себя мстителемъ, надежда предохранить Турцію отъ паденія и слышать имя мое произносимыъ въ трехъ частяхъ свѣта—всѣ эти мысли и образы встали передъ моей душой и умѣрили то трогательное ощущеніе, которое иначе я испыталъ бы при разлукѣ.»

Всего труднѣе для него было найти предлогъ къ разрыву, ибо безъ согласія государственныхъ чиновъ онъ не могъ начать наступательной войны. Наконецъ онъ вздумалъ отыскать его въ одной нотѣ русскаго посланника, графа Разумовскаго, а именно въ словахъ: «императрица желаетъ убѣдить короля, министерство и народъ шведскій въ искренности ея миролюбивыхъ намѣреній.» Онъ нашелъ обиднымъ, что короля отдѣляютъ отъ народа, тогда какъ управляетъ одинъ король. Подъ этимъ и другими ничтожными предлогами онъ объявилъ войну.

Секретарь посольства его въ Петербургѣ, Шлаффъ, долженъ былъ, по его приказанію, передать ноту, расчитанную на то, чтобы чувствительнѣйшимъ образомъ оскорбить императрицу. Онъ требовалъ въ ней 1) наказанія графа Разумовскаго за мнимыя интриги, которыми онъ будто хотѣлъ возмутить народъ, — 2) уступки Финляндіи и Кареліи до Систербека (слѣдов. почти до Петербурга),— 3) принятія посредничества его въ дѣлахъ Порты, возвращенія Крыма и полномочія для себя на возвращеніе Туркамъ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ въ послѣднюю войну.—И какъ бы опасаясь, чтобы съ нимъ не вошли въ переговоры объ этихъ условіяхъ, дабы испросить у гордаго диктатора болѣе умѣренныхъ, онъ требовалъ

рѣшительнаго отвѣта: «*Да* или *нѣтъ*, *миръ* или *война.*»—Къ такому языку не привыкла императрица; гордость ея была оскорблена, негодованіе и гнѣвъ пробудились въ ней и Шлаффъ получилъ приказаніе тотчасъ выѣхать изъ Петербурга. Когда при этомъ замѣтили императрицѣ, что король говоритъ такимъ языкомъ, какъ будто уже одержалъ три побѣды и можетъ предписывать условія мира, она съ пылкостію возразила: «Еслибъ онъ и выигралъ три большія побѣды и даже овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, то я все-таки показала бы ему, на что способна женщина съ рѣшительнымъ характеромъ, стоящая въ главѣ храбраго и преданнаго ей народа, и непоколебимая на развалинахъ великаго государства.»—Подобную же возвышенность души оказалъ, двадцать четыре года спустя, высокій внукъ этой великой жены и сдѣлался чрезъ то не только избавителемъ своего народа отъ величайшей опасности, но и главнымъ виновникомъ освобожденія Европы отъ тягостнѣйшаго ига.

Диверсія короля въ пользу Порты была, между тѣмъ, не безъ значенія и важности, и еслибъ онъ съумѣлъ такъ же искусно вести войну, какъ сильно желалъ начать ее, то могъ бы поставить императрицу въ весьма затруднительное положеніе. Въ первую минуту ему не могли противупоставить почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ гарнизонныхъ баталіоновъ и въ торопяхъ набранныхъ рекрутъ, отправленныхъ въ Финляндію на подводахъ; даже принуждены были послать гвардію, въ числѣ 7,000 чел., чтобъ образовать резервъ. Но король не умѣлъ достаточно воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами и мгновеннымъ превосходствомъ силъ своихъ; хотя онъ и хотѣлъ играть роль Густава Адольфа или Карла XII, но вообще оказалъ мало дарованій, свойственныхъ полководцу, и ловче дѣйствовалъ языкомъ, нежели мечомъ. Еслибъ онъ сосредоточилъ главныя свои силы на лѣвомъ своемъ флангѣ и отсюда, между Нейшлотомъ и Вильманстрандомъ, прикрываясь отъ нихъ, пошелъ на Выборгъ, то принудилъ бы Русскихъ, изъ опасенія быть отрѣзанными, очистить все пространство между Фридрихсгамомъ и Выборгомъ. Самый Выборгъ не могъ долго держаться, а послѣ паденія этой крѣпости, путь къ Петербургу былъ открытъ. Этого-то и опасалась императрица, и это заставило ее сказать: «Въ самомъ дѣлѣ, Петръ Великій основалъ столицу слишкомъ близко отъ границы.»—Быстрымъ наступленіемъ король избавилъ бы себя отъ затруднительнаго положенія, въ которое скоро былъ поставленъ, — побѣдоносныя войска не возмущаются. Но онъ напротивъ раздробилъ свои войска по всей границѣ, сосредоточилъ главныя силы на

правомъ флангѣ у моря и дѣйствовалъ такъ медленно, такъ вяло, что шесть недѣль по открытіи дѣйствій не пріобрѣлъ еще и пяди земли и теперь подвергся опасности потерять все. Шведы перешли границу въ трехъ пунктахъ, у Нейшлота, Завитайполя и Фридрихсгама, не одержавъ успѣховъ ни на одномъ; цѣлыя шесть недѣль тщетно осаждали они незначущій Нейшлотъ, вслѣдствіе чего неудовольствіе войскъ, расположенныхъ въ лагерѣ подъ Фридрихсгамомъ, перешло наконецъ въ явный мятежъ. Старая дворянская партія подняла голову, отрицая право короля начинать наступательную войну безъ согласія государственныхъ чиновъ; бо̀льшая часть офицеровъ была на ея сторонѣ и армія поставлена въ невозможность дѣйствовать. Почти въ тоже время Датчане, союзники Россіи, вторгнулись изъ Норвегіи въ западныя области Швеціи и, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, дошли до Готенбурга. Такимъ образомъ Густавъ самъ очутился въ томъ опасномъ положеніи, въ какое надѣялся поставить императрицу. Но англо-прусскій союзъ избавилъ его отъ Датчанъ, угрозами заставивъ ихъ прекратить непріязненныя дѣйствія, и король снова могъ обратить свое вниманіе на одну войну съ Русскими. Возстаніе въ арміи было подавлено, но время года, удобное для военныхъ дѣйствій, между тѣмъ прошло. Только въ первую минуту, когда Россія не была готова къ войнѣ, нападеніе Густава было для нея опасно; но когда были собраны войска и успѣли быть приняты нужныя оборонительныя мѣры, нечего было болѣе опасаться. При всемъ томъ эта «*старая бабья война*», какъ ее назвалъ Потемкинъ въ сердцахъ, была очень непріятною диверсіею, удерживая на сѣверѣ значительную часть военныхъ силъ, которую можно было употребить съ большею пользою въ иномъ мѣстѣ.

И такъ этотъ годъ видѣлъ войну, возгорѣвшуюся на сѣверѣ и на югѣ, всѣ кабинеты—въ безпокойной дѣятельности, либо уже замѣшанными въ ней, либо готовыми принять въ ней участіе. Но онъ видѣлъ также громадныя арміи, которымъ ничто, казалось, не могло сопротивляться, бездѣятельно терявшими время передъ крѣпостями или въ лагеряхъ между болотами, и страдавшими при этомъ болѣе, чѣмъ въ самыхъ дѣятельныхъ походахъ. Такъ много зависитъ отъ того, *какъ* управляютъ арміями и *кто* стоитъ въ главѣ ихъ.

Суворовъ, въ продолженіе своей немилости у Потемкина, оставался сначала въ Кинбурнѣ, а потомъ въ Херсонѣ и Кременчугѣ. По взятіи Очакова онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Императрица, по-

стоянно благоволившая ему, въ числѣ другихъ милостей пожаловала и ему, въ доказательство, что довольна имъ, брилліантовое перо на каску, съ вензелемъ К (Кинбурнъ).

Мы хотимъ воспользоваться наступившимъ затѣмъ, непродолжительнымъ перерывомъ въ войнѣ, чтобы привесть изъ этого времени нѣкоторыя письма Суворова къ своей дочери, — письма, въ которыхъ старый воинъ представляется съ неожиданной стороны. Хотя онъ не былъ счастливъ въ бракѣ съ своей женой, но дѣтей своихъ, особенно дочь, любилъ съ трогательною нѣжностью. Разсказываютъ между прочимъ, что, въ одну изъ своихъ служебныхъ поѣздокъ, онъ нарочно сдѣлалъ большой объѣздъ въ сторону, чтобъ только видѣть ее хоть одну минуту: онъ прибылъ ночью и велѣлъ проводить себя къ ея кровати, долго смотрѣлъ на нее молча и затѣмъ, не дозволяя будить ее, тихонько поцѣловалъ, благословилъ и поѣхалъ дальше. Съ женою своею онъ не видѣлся, а только велѣлъ передать ей свой почтительный поклонъ.

Дочь эта, Наталія, которой въ то время было около десяти лѣтъ, воспитывалась въ императорскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (Смольномъ монастырѣ), въ Петербургѣ. Существуетъ довольно большое число писемъ къ ней ея отца, исполненныхъ нѣжныхъ чувствъ и веселыхъ шутокъ. Любопытнѣйшія изъ нихъ мы будемъ приводить отъ времени до времени въ теченіе нашего повѣствованія, потому что они представляютъ примѣры свойственнаго Суворову способа выражаться въ шуткахъ, перемѣшанныхъ съ очевидными преувеличеніями (*).

1.

Кинбурнъ, 20 декабря 1787 года.

Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмомъ отъ 9-го Нояб-

(*) Помѣщенныя здѣсь письма приведены въ подлинникахъ изъ Жизни Суворова, имъ самимъ описанной и пр., издан. С. Н. Глинкой, Москва 1819. Вотъ что С. Н. Глинка говоритъ въ предисловіи къ письмамъ Суворова къ его дочери: «Ни рана, ни безпрестанные труды не истребляли изъ памяти его дочери, воспитывавшейся въ Петербургѣ, въ Смольномъ монастырѣ. Разлуку съ нею услаждалъ онъ перепискою. Сердце нѣжнѣйшей матери едва-ли можетъ найти такія выраженія, какія изливались въ письмахъ его къ дочери. Какъ герой гремѣлъ онъ на полѣ битвъ, какъ отецъ покидалъ сердце съ дочерью (выраженіе Суворова). Слыша шумъ морскихъ волнъ, въ дыму и пламени военномъ, онъ не забывалъ дочери, онъ желалъ взглянуть, какъ она ростетъ, и услышать ея голосъ. Душа Суворова была способна ко всѣмъ чувствамъ любви и нѣжности. Имя героя украшалось въ немъ названіями отца, друга и великодушнаго сына отечества.»

ря; больше порадуешь, какъ на тебя надѣнутъ бѣлое платье; и того больше, какъ будемъ жить вмѣстѣ. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софью Ивановну (примѣч.—начальницу заведенія); или она тебѣ выдеритъ уши, да посадитъ за сухарикъ съ водицею. Желаю тебѣ благополучно препроводить святки; Христосъ Спаситель тебя соблюди новой и многіе годы! Я твоего прежняго письма не читалъ за недосугомъ; отослалъ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ. У насъ были драки сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ въ правду потанцовали, въ боку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрѣлили: насилу часовъ чрезъ восемь отпустили съ театру въ камеру. Я теперь только что возвратился; выѣздилъ близъ 500 верстъ верхомъ, въ шесть дней и не ночью. Какъ же весело на Черномъ морѣ, на лиманѣ! вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики; по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, осетры: пропасть! Прости, мой другъ Наташа; я чаю ты знаешь, что мнѣ моя матушка государыня пожаловала Андреевскую ленту за вѣру и вѣрность. Цѣлую тебя, Божье благословеніе съ тобою. Отецъ твой Александръ Суворовъ.

2.

Кинбурнъ, 18 марта 1788 года.

Милая моя Суворочка! Письмо твое отъ 31 Генваря получилъ; ты меня такъ утѣшила, что я по обычаю моему отъ утѣхи заплакалъ. Кто-то тебя, мой другъ, учитъ такому красному слогу, что я завидую, чтобъ ты меня не перещеголяла. Милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ мое покорнѣйшее почтеніе! О! ай да Суворочка, какъ уже у насъ много полеваго салата, птицъ, жаворонковъ, стерледей, воробьевъ, полевыхъ цвѣтковъ! Морскіе волны бьютъ въ берега, какъ у насъ въ крѣпости изъ пушекъ. Отъ насъ слышно, какъ въ Очаковѣ собачки лаютъ, какъ пѣтухи поютъ. Куда бы я, матушка, посмотрѣлъ теперь тебя въ бѣломъ платьѣ! Какъ-то ты растешь! Какъ увидимся, не забудь мнѣ разсказать какую нибудь пріятную исторію о твоихъ великихъ мужахъ въ древности. Поклонись отъ меня сестрицамъ. Благословеніе Божіе съ тобою! Отецъ твой Александръ Суворовъ.

3.

Кинбурнъ, 2 іюня 1788 года.

Голубушка Суворочка, цѣлую тебя! Ты еще меня пощасливила письмомъ отъ 30 Апрѣля. На одно я вчера тебѣ отвѣчалъ. Коли Богъ дастъ, будемъ живы, здоровы и увидимся. Радъ я съ тобою говорить о старыхъ и новыхъ геройхъ; лишь научи меня, чтобъ я имъ послѣдо-

валъ. Ай да Суворочка! здравствуй, душа моя, въ бѣломъ платьѣ (примѣч.—высшій классъ): носи на здоровье, рости велика. Милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ нижайшее мое почтеніе. Ужъ теперь-то, Наташа, какой же у нихъ по ночамъ въ Очаковѣ вой! собачки поютъ волками, коровы охаютъ, волки блѣютъ, козы ревутъ! Я сплю на косѣ; она такъ далеко въ море въ лиманѣ. Какъ гуляю, слышно, что они говорятъ; они такъ около насъ, очень много! на такихъ превеликихъ лодкахъ! шесты большіе къ облакамъ, полотны на нихъ на версту. Видно, какъ табакъ курятъ; пѣсни поютъ заунывныя. На иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ во всемъ Смольномъ мухъ: красненькія, зелененькія, синенькія, сѣренькія; ружья у нихъ такія большія, какъ камера, гдѣ ты спишь съ сестрицами. Божіе благословеніе съ тобою. Отецъ твой А. С.

4.

Кинбурнъ, 21 Августа 1788 года.

Ma chère soeur! Baisez pour moi mes autres amies et la main à Софья Ивановна. Въ Ильинъ и на другой день мы были въ Réfectoire съ Турками. Ай да охъ! какъ же мы потчивались! Играли, бросали свинцовымъ большимъ горохомъ, да желѣзными кеглями, въ твою голову величины; у насъ были такія длинныя булавки, да ножницы кривыя и прямыя: рука не попадайся: тотчасъ отрѣжутъ, хоть и голову. Ну, полно съ тебя, заврались! Кончилось иллюминаціею, фейерверкомъ. Хастатовъ (примѣч.—его адъютантъ) весь исцарапанъ. Съ Festin Турки ушли, ой далеко! Богу молиться по своему и только: больше нѣтъ ничего. Прости, душа моя: Христосъ Спаситель съ тобою. Отецъ твой А. С.

ВОСЬМОЙ ОТДѢЛЪ.

ПОХОДЪ 1789 Г.—СРАЖЕНІЯ ПРИ ФОКШАНАХЪ И РЫМНИКѢ.

Обзоръ.—Потемкинъ въ Петербургѣ.—Румянцовъ удаленъ изъ арміи.—Характеръ его.—Суворовъ получаетъ начальство надъ одною дивизіей украинской арміи.—Описаніе театра войны.—Измѣненный планъ дѣйствій Порты.—Перемѣна правительства въ Константинополѣ.—Планъ дѣйствій Русскихъ.—Гаддикъ смѣняетъ Ласси у Австрійцевъ.—Мнѣніе Суворова объ этой войнѣ.—Онъ идетъ на помощь принцу Кобургскому.—Отклоняетъ объясненіе съ нимъ.—Сраженіе при Фокшанахъ.—Суворовъ и принцъ Кобургскій на полѣ сраженія.—Суворовъ извиняется въ отказѣ объясненія.—Уронъ Турокъ.—Награды предводителямъ войскъ.—Единодушіе союзниковъ.—Мѣры Потемкина.—Угрожающія движенія Турокъ.—Суворовъ снова идетъ на помощь принцу Кобургскому.—Свиданіе его съ принцемъ.—Онъ обозрѣваетъ позицію непріятеля.—Движеніе союзниковъ впередъ.—Сраженіе при Рымникѣ.—Слѣдствія побѣды.—Награды.—Дѣйствія Потемкина.—Сдача Бендеръ.—Походъ Австрійцевъ.—Мнѣнія и сужденія о Суворовѣ.—Его усовершенствованія въ тактикѣ.—Походный порядокъ.—Письма.

Такимъ образомъ Европа была въ огнѣ, одна половина противъ другой, угрожая или съ обнаженнымъ мечомъ. Россія, Австрія, Порта и Швеція были въ открытой борьбѣ,—Англія, Пруссія, Голландія и Польша—подстрекая и сами готовыя къ ней,—Испанія и Франція посредничествуя между ними, но не имѣя дѣйствительнаго вліянія, Испанія по своей отдаленности, а Франція по своимъ внутреннимъ безпокойствамъ: послѣднія становились все болѣе и болѣе значительными и довели это, нѣкогда сильное, государство до того, что уже ни друзья не надѣялись на него, ни враги не боялись его. Въ этомъ году вполнѣ вспыхнула революція, обратившая все свое вниманіе на внутреннія дѣла; поэтому Англія и Пруссія получили свободу склонить перевѣсъ куда бы ни захотѣли, одна своими флотами, покрывавшими моря, другая 200,000-ною арміею, которой Фридрихъ Великій завѣщалъ свое имя и свою славу. Голландія слѣдовала ихъ направленію, а Польша ждала отъ нихъ спасенія и возрожденія.

Походъ предъидущаго года представилъ какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ, своего рода особенность: *тѣ*, которые объявили войну, дѣй-

ствовали оборонительно, а *тѣ*, которымъ она была объявлена—наступательно,—а именно Турки противъ Австрійцевъ, а Русскіе противъ Турокъ и Шведовъ, между тѣмъ какъ объявившіе войну Австрійцы только оборонялись отъ Турокъ, а эти послѣдніе и Шведы, вызвавшіе Россію на войну, ограничивались только обороною противъ нея. Уже одно это обстоятельство рисуетъ весь относительный образъ веденія войны.—Отъ этого-то не исполнились и многія надежды и опасенія. Порта, разрушеніе которой уже предвидѣли со страхомъ, стояла твердо, цѣло и непоколебимо; пали только нѣкоторыя, незначительныя, внѣшнія укрѣпленія ея. Друзья ея, введенные въ обманъ касательно настоящихъ причинъ такого неожиданнаго счастія, стали безпечнѣе и полагали, что она достаточно сильна, чтобъ удержаться собственною силой. Неудавшійся походъ предъидущаго года имѣлъ по крайней мѣрѣ ту выгоду, что бо́льшія неудачи Турокъ вызвали бы на театръ войны новыхъ подвижниковъ, малозначительные же успѣхи похода удержали оружіе ихъ въ бездѣйствіи.

Но Потемкинъ, ставшій теперь, послѣ паденія Очакова, героемъ и побѣдителемъ, готовился ко въѣзду въ Петербургъ, чтобъ тамъ насладиться своимъ тріумфомъ. Все было употреблено, чтобъ его прославить. Императрица приказала нѣсколько дней сряду освѣщать на протяженіи трехъ миль (21-й версты) дорогу, по которой онъ долженъ былъ пріѣхать: казалось, она была занята только тѣмъ, какъ достойнѣе почтить его. «Орлову и Румянцову,—говорила она своимъ приближеннымъ,—были воздвигнуты почетныя врата и тріумфальныя арки,—Потемкина же я совсѣмъ забыла, онъ человѣкъ и можетъ быть желаетъ того же».—Она приказала великолѣпнѣйшимъ образомъ освѣтить тріумфальную арку въ Царскомъ Селѣ, чрезъ которую былъ въѣздъ въ небольшой городокъ Софію, и сверху ея въ транспарантѣ начертать стихи русскаго стихотворца Петрова: «*при кликахъ радости войдешь ты въ храмъ Софіи*».—«Ничего нельзя возразить противъ этого, прибавила она улыбаясь, потому что въ Софіи есть также *церковь Софіи.*»

Онъ прибылъ : государыня первая посѣтила его, дворъ былъ у ногъ его и нѣсколько мѣсяцовъ сряду онъ былъ предметомъ всѣхъ празднествъ. Но, не смотря на эти наружныя отличія, отъ его зоркаго глаза не укрылось, что онъ много утратилъ въ дѣйствительномъ вліяніи. Это усилило его уныніе. Заботы, досада, грусть снѣдали его—ничто не могло развеселить его,—для него, сына счастія, не было уже болѣе счастія. Онъ предъявилъ большія требованія для

будущаго похода — они были удовлетворены, и получивъ рекрутъ, денегъ, все, чего желалъ, онъ отправился 7-го мая обратно въ армію.

Въ ней между тѣмъ произошли большія перемѣны: сѣдой герой Румянцовъ былъ уволенъ отъ начальствованія украинскою арміею; въ случаѣ разрыва съ Пруссіею, его предназначали главнокомандующимъ арміей противъ этого государства. Этимъ Потемкинъ избавился отъ своего соперника. Между тѣмъ мѣра эта, хотя и принятая вслѣдствіе его происковъ, была однако весьма сообразна съ цѣлію. Или Румянцовъ, или Потемкинъ долженъ былъ повелѣвать *одинъ*: раздѣленіе власти на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій никогда не имѣетъ хорошихъ послѣдствій. *Одна* голова и *одна* рука должны были направлять всю боевую силу, если имѣлось въ виду достигнуть великихъ результатовъ. Конечно, еслибъ этимъ *однимъ* былъ Румянцовъ, можетъ статься было бы совершено больше; однако нельзя было также не принять въ расчетъ его старости и болѣзненности: онъ уже не былъ тѣмъ, какимъ былъ подъ Кагуломъ. Хотя умъ его еще былъ свѣжъ и въ полной силѣ, но силы тѣлесныя уже не были въ уровнѣ съ нимъ.

Въ начальствованіи войсками Румянцовъ былъ во всемъ противоположенъ Потемкину: сколько послѣдній былъ неровенъ и непостоянен, столько первый, напротивъ, былъ спокоенъ и хладнокровенъ. Онъ имѣлъ вѣрный взглядъ, являлъ точность въ приказаніяхъ и ни на одно мгновеніе не колебался въ своихъ мѣрахъ. На сколько позволяло его здоровье, онъ былъ неутомимъ на конѣ, всегда въ главѣ своихъ войскъ, все изслѣдывалъ собственными глазами; на столько же онъ былъ неутомимъ и въ работахъ своей главной квартиры. Онъ работалъ даже по ночамъ, имѣя обыкновеніе всѣ важныя приказанія писать собственноручно—рачительность, можетъ быть, чрезмѣрная и отвлекающая предводителя арміи отъ его прямаго назначенія: онъ долженъ *приказывать* и только *наблюдать* за исполненіемъ.—При полученіи извѣстій, запросовъ и донесеній, онъ немедленно отдавалъ свои приказанія, ясно и опредѣлительно; таковы же были и его донесенія двору. Его взгляду всѣ вещи представлялись вполнѣ ясно, поэтому не удивительно, что онъ съ такою же ясностію передавалъ другимъ, что ясно видѣлъ самъ.

Въ сохраненіи воинскаго порядка онъ былъ строгъ, въ томъ убѣжденіи, что только строгость образуетъ хорошихъ солдатъ и что даже наилучшая армія гибнетъ отъ снисходительности и вялости надзора. А какъ справедливая строгость всегда возбуждаетъ только уваженіе, то и солдаты, и офицеры любили и уважали его, а генералы

боялись его: стоя ближе къ нему, они первые испытывали послѣдствія его неудовольствія.

Уволенный въ мартѣ отъ начальствованія арміею, онъ оставался до мая въ Яссахъ и затѣмъ уѣхалъ въ Стынки, небольшое имѣніе неподалеку отъ Яссъ. Здѣсь онъ въ тиши, въ удаленіи отъ свѣта прожилъ два года, проводя время въ чтеніи, разговорахъ и на рѣчкѣ съ удочкой въ рукахъ. У него, какъ и у несчастнаго Моро, была особенная склонность къ этому послѣднему занятію, при которомъ онъ могъ вполнѣ предаваться своимъ мыслямъ. Однажды, когда посторонніе люди застали его за такимъ занятіемъ и, не узнавая его въ простой одеждѣ, спросили о фельдмаршалѣ, онъ отвѣчалъ улыбаясь; «это я—когда-то нашимъ дѣломъ было брать города—теперь мы ловимъ рыбу.» Эта возвышенная простота была ему общею съ Тюренемъ: она выражалась во всей его жизни, во всѣхъ его обычаяхъ, въ его домашнемъ бытѣ и въ его поступкахъ.—Осенью онъ заболѣлъ здѣсь лихорадкой, отъ которой хотя и избавился впослѣдствіи, но два года пролежалъ въ постели. Онъ принималъ многихъ посѣтителей, читалъ, писалъ — его разговорчивость и пріятность его рѣчи, иногда переходившей только въ многословіе, остались неизмѣнными. Хотя онъ и любилъ уединеніе, однако всякаго безпрепятственно допускалъ къ себѣ: не жаловалъ онъ только женщинъ и вельможъ, и неохотно принималъ ихъ. Онъ оставался здѣсь до лѣта 1791 года и тогда, по особому требованію императрицы, выѣхалъ изъ Молдавіи въ свои украинскія имѣнія;—между тѣмъ, по смерти Потемкина, онъ еще разъ имѣлъ быть призванъ къ предводительству войсками.

Сознаніе заслугъ, оказанныхъ отечеству, любовь войскъ и уваженіе всѣхъ честныхъ людей сопровождали его въ уединеніе, и потомство, этотъ единственно вѣрный цѣнитель истиннаго достоинства, поставитъ его, какъ полководца, несравненно выше его счастливаго соперника.

Послѣ его удаленія, украинская армія была на короткое время подъ начальствомъ генерала Каменскаго, а когда послѣдній, за свое суровое обращеніе, былъ отозванъ, поступила подъ начальство князя Репнина, человѣка энергическаго и блистательной храбрости, котораго, можетъ быть, именно по этой самой причинѣ преслѣдовала постоянная зависть Потемкина. Послѣдній, въ званіи генералиссимуса, долженъ былъ соединить въ своемъ лицѣ главное начальствованіе обѣими арміями, украинскою и екатеринославскою.

Прибытію его въ армію предшествовалъ Суворовъ. Цѣня его за-

слуги, Потемкинъ примирился съ нимъ и поручилъ ему начальство надъ третьею дивизіей украинской арміи, тою самою, которою прежде начальствовалъ генералъ Эльмптъ, а послѣ него временно генералъ-поручикъ Дерфельденъ. Для нашего героя ничего не могло быть пріятнѣе, какъ снова быть призваннымъ на театръ военныхъ дѣйствій: не медля долѣе въ Петербургѣ, онъ бросился въ свою кибитку и поскакалъ въ армію. Въ Яссахъ онъ посѣтилъ своего прежняго, высокочтимаго имъ начальника, Румянцова, выслушалъ его мнѣніе объ этой войнѣ и затѣмъ отправился въ Бырладъ, гдѣ стояла ввѣренная ему дивизія. Онъ прибылъ туда въ первыхъ числахъ мая. Дерфельденъ, отличный воинъ и старый другъ и сослуживецъ Суворова, принялъ его радушно и извѣстилъ о своихъ, только что одержанныхъ, блистательныхъ успѣхахъ. «Еще Румянцовъ приказалъ ему не позволять непріятелю утверждаться на этомъ берегу Серета; Каменскій возобновилъ это приказаніе. Поэтому, лишь только онъ узналъ, что значительныя силы Турокъ собирались въ Браиловѣ и что часть ихъ уже вышла оттуда, то выслалъ на рекогносцировку полковника Римскаго-Корсакова (1) съ 5 баталіонами и частію конницы. Послѣдній наткнулся возлѣ Бырлада на отрядъ Турокъ, въ числѣ 8,000 чел., и прогналъ его,—но Турки, получивъ подкрѣпленіе, воротились назадъ. Тогда онъ выступилъ самъ со всею своею дивизіею, чтобъ отбросить ихъ за Серетъ; 16-го апрѣля разбилъ ихъ у Максимени, преслѣдовалъ къ Галацу и здѣсь одержалъ полную побѣду: не смотря на ихъ укрѣпленную позицію, атаковалъ ихъ въ редутахъ, и все, что только не пало подъ штыками или не было взято въ плѣнъ, разбѣжалось. Затѣмъ онъ занялъ Галацъ, но какъ удержаніе за собою такой дальней передовой позиціи не входило въ предположеніе дѣйствій, то городъ этотъ, по приказанію Каменскаго, былъ преданъ огню.»

Таковы были извѣстія, сообщенныя Дерфельденомъ. Суворовъ похвалилъ его энергію и быстроту, но выразилъ неудовольствіе по поводу сожженія Галаца: опустошеніемъ непріятельской страны наносится вредъ самимъ себѣ. Послѣ того Дерфельденъ представилъ ему генераловъ и штабъ-офицеровъ его дивизіи: главными между ними были генералъ-маіоръ князь Шаховской и Позняковъ, и бригадиры Левашевъ, Вестфаленъ и Бурнашевъ, которые, подъ предводительствомъ Суворова, вскорѣ должны были сдѣлаться болѣе из-

(1) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и Литовскій военный губернаторъ.

вѣстными. Затѣмъ были представлены на смотръ войска: сначала пѣхота—полки Смоленскій, Апшеронскій, Ростовскій и Тульскій, кромѣ того 2 баталіона гренадеръ и 2 баталіона егерей, всего 12 баталіоновъ,—за пѣхотою слѣдовала конница, которую составляли три карабинерныхъ полка: Стародубскій, Рязанскій и Черниговскій, каждый въ 5 эскадроновъ, и казачьи полки Григорія и Ивана Грековыхъ; наконецъ храбрый Сербъ, маіоръ Соболевскій представилъ 1,200 своихъ Арнаутовъ (Албанцевъ, Грековъ и Валаховъ). Короткимъ, но приличнымъ словомъ, которое Суворову внушали обстоятельства времени и знаніе солдатъ, онъ умѣлъ воодушевить всѣхъ, и каждый желалъ только случая, чтобъ показать себя достойнымъ своего новаго предводителя;—случай къ тому вскорѣ долженъ былъ представиться и изъ этой дивизіи, одной изъ слабѣйшихъ въ арміи, сдѣлать самую отличную и славную. Подъ предводительствомъ героя, каждый изъ ея воиновъ сталъ также героемъ.

Дерфельденъ хотѣлъ было возвратиться на свою старую позицію у Васлуя. Суворовъ удержалъ его, обозрѣлъ мѣстность и затѣмъ занялъ очень выгодную позицію впереди Бырлада, при Карапчешти, съ высотъ которой можно было обозрѣвать всю страну, до противуположнаго берега Серета.

Молдавія и Бессарабія были театромъ войны, на которомъ въ этомъ походѣ должны были дѣйствовать русскія войска. Бессарабія, лежащая между Днѣстромъ и Прутомъ, составляетъ обширный степной край, съ богатыми пажитями, пересѣченный множествомъ параллельныхъ ложбинъ, направляющихся съ сѣвера на югъ и по дну которыхъ небольшія рѣчки медленно несутъ свои скудныя и мутныя воды или въ Дунай, или въ Черное море. Но послѣднее не можетъ поглотить всѣхъ этихъ притоковъ, почему устья этихъ водъ: Кагула, Ялпуха, Катлабуги, Шашлыка, Кундука, Хаджидере и даже Прута и Днѣстра такъ разширяются, что превращаются въ лиманы, глубоко вдающіеся въ материкъ. Мѣстность становится все болѣе и болѣе плоскою къ сторонѣ Дуная, на ней нѣтъ ни лѣсовъ, ни даже кустарниковъ, и на сколько можетъ видѣть глазъ, вездѣ представляется только равнина, степь, на которой Татары, какъ древніе Скиѳы, кочуютъ съ своими переносными шатрами.

Молдавія имѣетъ почти тотъ же характеръ мѣстности, только съ большимъ числомъ населенныхъ пунктовъ: множество мелкихъ рѣчекъ пересѣкаютъ ее въ различныхъ направленіяхъ, текутъ то въ Прутъ, то въ Серетъ, и лѣтомъ большею частью переходимы въ

бродъ, но часто образуютъ ущелья, овраги и болота. Хотя и здѣсь много степныхъ пространствъ, но почва постепенно становится болѣе холмистою и покрыта частыми рощицами. Земледѣліе здѣсь мало развито и ограничивается производствомъ только турецкой пшеницы, называемой кукурузою, изъ которой народъ приготовляетъ себѣ хлѣбъ; за то много богатыхъ пажитей съ тучною травою.

О хорошихъ дорогахъ не могло быть и рѣчи въ краю, состоявшемъ подъ турецкимъ управленіемъ: онѣ были такими, какими ихъ образовали потребность путей сообщенія или временная нужда, и потому послѣ каждой непогоды требовали значительныхъ исправленій.

Въ Молдавіи только двѣ значительныя рѣки: Прутъ и Серетъ. Обѣ текутъ съ сѣвера на югъ, сначала между высокихъ береговъ, которые однако постепенно понижаются къ устьямъ, и обѣ впадаютъ въ Дунай въ близкомъ разстояніи одна отъ другой. Пространство между ними охранялъ Суворовъ въ своей позиціи у Бырлада, важнаго пункта, въ которомъ сосредоточивались дороги, шедшія въ разныхъ направленіяхъ по княжеству, и значеніе котораго тотчасъ оцѣнилъ его опытный глазъ. Суворовъ занималъ здѣсь центральную позицію, изъ которой легко могъ направляться на каждый угрожаемый пунктъ. Такими, позади лежащими и выгодными позиціями всего лучше оборонять рѣки и границы. На другой сторонѣ Серета, на одной высотѣ съ Суворовымъ, былъ расположенъ принцъ Кобургскій.—Оба долженствовали въ этомъ походѣ быть самыми дѣятельными и счастливыми изъ всѣхъ прочихъ предводителей войскъ: въ соединеніи одинъ съ другимъ, они должны были имѣть честь сражаться съ главными силами непріятеля.

Ибо уже Порта, по внушеніямъ иностранныхъ министровъ, перемѣнила свой планъ дѣйствій на предстоявшій походъ и положила на этотъ разъ направить главныя усилія свои противъ Русскихъ. Ей поставили на видъ, что со стороны Австрійцевъ ей нельзя опасаться ничего важнаго, потому что они вели войну противъ воли, что поэтому побѣды, одержанныя надъ ними, будутъ не только безполезны, но даже и противны политикѣ, ибо могутъ заставить императора употребить величайшія усилія для собственной защиты. Истинный врагъ Порты—Россія, противъ нея должно было употребить всѣ силы, всю энергію, здѣсь надлежало или побѣдить, или пасть побѣжденными.

Согласно съ этими внушеніями, главныя силы Порты долженъ-

ствовали быть сосредоточены на нижнемъ Дунаѣ: хотѣли испытать, нельзя-ли обратно покорить, не Крымъ, первую причину войны, но Очаковъ, этотъ важный оплотъ государства. Были снаряжены многочисленныя войска, флотъ приведенъ въ хорошее состояніе и приняты всѣ мѣры, чтобъ дѣйствовать въ этомъ походѣ съ усугубленною настойчивостью.

Уже въ первыхъ числахъ марта великій визирь Юсуфъ явился въ Мачинѣ и сдѣлалъ распоряженіе къ вторженію въ Бессарабію. Оно состоялось, но, какъ мы видѣли выше, было отражено дѣятельностью Дерфельдена.

Вслѣдъ затѣмъ въ Турціи произошла перемѣна правительства. Абдулъ-Хамидъ,Печальный,—какъ онъ самъ себя называлъ въ послѣдніе годы и какъ его дѣйствительно можно было бы назвать въ иномъ смыслѣ,—этотъ государь, который былъ государемъ только въ своемъ гаремѣ, государственныя же дѣла предоставилъ своимъ любимцамъ, кизляръ-агѣ, великому визирю и капудану-пашѣ, умеръ въ началѣ года 27 марта (7 апрѣля), и молодой Селимъ, сынъ его брата и предшественника Мустафы III, принялъ бразды правленія. Вмѣстѣ съ этимъ разсѣялись существовавшія еще надежды на миръ, потому что Селимъ, хотя былъ скорѣе миролюбивымъ, чѣмъ воинственнымъ государемъ, какъ онъ это и доказалъ впослѣдствіи, однако не смѣлъ, въ самомъ началѣ своего царствованія, заключить невыгодный миръ, чтобъ не сдѣлаться ненавистнымъ своему воинственному народу. Притомъ и обстоятельства казались не совсѣмъ неблагопріятными: въ предъидущемъ году Турки вели войну не безъ выгодъ, а на нѣкоторыхъ пунктахъ уступили побѣду не безъ славы. Англія и Пруссія покровительствовали имъ и давали самыя успокоительныя удостовѣренія; Швеція была союзницею ихъ, и Польша также, казалось, была готова къ союзу съ ними. Селимъ былъ молодъ, въ полной силѣ лѣтъ, преисполненъ мыслями о превосходствѣ и величіи державы Османовъ; внѣшній блескъ еще скрывалъ отъ него внутреннюю слабость государства: какъ могъ онъ протянуть руку для примиренія?—Напротивъ, лаская себя надеждою возвратить то, что утратили его отецъ и дядя, онъ былъ въ высшей степени расположенъ къ продолженію войны, утвердилъ всѣ сдѣланныя къ этому распоряженія и угрожалъ своимъ державнымъ гнѣвомъ всѣмъ малодушнымъ и измѣнникамъ. Ревностно принялся онъ за дѣла и старался вездѣ придать новую крѣпость и силу ослабѣвшимъ пружинамъ своего государства.—«Пробудимся отъ сна,—сказалъ онъ въ хаттишерифѣ каймакану (23 окт. 1789 г.),—

и подумаемъ о средствахъ мужественно встрѣтить враговъ правовѣрія. Не вложу меча моего въ ножны, пока не будетъ достигнута цѣль этой войны. По-истинѣ стыдно, что мы допустили такъ глубоко унизить себя невѣрными. Поэтому возстань, будь дѣятеленъ и бодръ, приготовляй и снаряжай все необходимое.»

Вслѣдствіе того, вооруженія Османовъ производились дѣятельно и съ ихъ стороны можно было ожидать, если и не нападенія, то упорнаго сопротивленія.

Намѣренія ихъ состояли въ томъ, чтобы, занимая Австрійцевъ небольшими отрядами, съ главными силами двинуться чрезъ Молдавію, освободить Бендеры и покорить обратно Хотинъ и Очаковъ, между тѣмъ, какъ капуданъ-паша съ флотомъ долженъ былъ попытаться завоевать Крымъ. Всѣ правовѣрные отъ 16-ти до 60 лѣтъ должны были вооружиться и явиться на службу.

Между тѣмъ всѣ русскія войска выступили съ своихъ зимнихъ квартиръ и собрались: украинская армія у Рябой Могибы, (2) а екатеринославская вокругъ Ольвіополя. Князь Потемкинъ, лично прибывшій сюда въ іюнѣ, принялъ главное начальство надъ обѣими арміями, которыя обѣ вмѣстѣ получили названіе «южной арміи».

Планъ его для этого похода былъ тотъ же, что и въ предъидущемъ—дѣйствовать двумя арміями, одною осаждающею, а другою прикрывающею. Съ войсками прежней екатеринославской арміи онъ намѣревался лично овладѣть теченіемъ Днѣстра, покоривъ лежащія на этой рѣкѣ крѣпости, между тѣмъ какъ князь Репнинъ съ прежнею украинскою арміею долженъ былъ препятствовать Туркамъ подступать для освобожденія ихъ (3). Вслѣдствіе того Репнинъ съ двумя дивизіями ввѣренныхъ ему войскъ занялъ позицію у Рябой Могилы на Прутѣ: одну дивизію подъ начальствомъ генерала Кречет-

---

(2) Это названіе, такъ часто встрѣчающееся въ исторіи турецкихъ войнъ, присвоено высокому кургану на берегу Прута, къ сѣверу отъ городка Гуша, въ 5—6 часахъ отъ Яссъ. Его насыпалъ, кажется, Мохамедъ IV въ своемъ походѣ 1672 г., для того, чтобъ этотъ курганъ служилъ мѣстомъ храненія огромныхъ собранныхъ запасовъ, какъ и теперь еще въ Молдавіи есть обычай сохранять зерновой хлѣбъ подъ землею. Поэтому Турки и называютъ его Ханъ-тепе́, т. е. царскій курганъ. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что при немъ были разбиты Поляки и окруженъ Петръ Великій, и что онъ служилъ сборнымъ мѣстомъ турецкихъ армій въ Молдавіи.

(3) Система войны Потемкина довольно схожа съ тою, которую тридцать лѣтъ спустя восхвалялъ, подъ названіемъ методической войны, отличный французскій генералъ (Ронья): двѣ арміи, одна впереди, дѣйствующая и покоряющая, а другая позади, осаждающая и обезпечивающая.

никова онъ поставилъ лѣвѣе у Гинсешти на Кундукѣ, для наблюденія за Бендерами, а другую, бывшую подъ начальствомъ Суворова, оставилъ правѣе у Бырлада, чтобъ поддерживать сообщеніе съ Австрійцами.

Принцъ Кобургскій, съ своимъ отрядомъ между Бакеу и Ромáномъ, служилъ соединительнымъ звѣномъ между русскими и австрійскими войсками, изъ коихъ послѣднія были растянуты отъ Трансильваніи до Кроаціи. Для похода этого года былъ принятъ другой планъ дѣйствій. Императоръ Іосифъ, пресыщенный и недовольный кордонною системой Ласси, отозвалъ этого главнокомандующаго, но, къ несчастію, замѣнилъ его старымъ и дряхлымъ графомъ Гаддикомъ. Онъ долженъ былъ взять Бѣлградъ. Въ нѣмецкихъ войскахъ до сихъ поръ еще, кажется, размѣряли способности полководцевъ ихъ лѣтами, забывая, что на сколько они при этомъ имѣли болѣе опытности, на столько же менѣе энергіи. Въ главѣ большей части нѣмецкихъ армій были старцы, давно уже пережившіе дѣятельный періодъ жизни; поэтому, когда впослѣдствіи имъ пришлось помѣряться съ молодыми и энергическими предводителями войскъ революціи, то весьма естественно, хотя и противъ всеобщаго ожиданія—они вездѣ оказались несостоятельными.

Долгое время войска оставались спокойно въ вышеозначенномъ расположеніи: политическія обстоятельства, равно характеръ или старость главнокомандующихъ одинаково препятствовали быстрымъ, энергическимъ дѣйствіямъ, потому что этими послѣдними опасались возбудить англо-прусскихъ заступниковъ къ болѣе дѣятельной поддержкѣ непріятеля.

Суворовъ не былъ другомъ покоя на войнѣ, и еслибы стоялъ въ главѣ изчисленныхъ выше военныхъ силъ, то навѣрное можно было бы ожидать другихъ результатовъ. «Противъ Турокъ нужно съ самаго начала дѣйствовать рѣшительно, говорилъ онъ позже, не давая имъ одуматься. Лучшіе ихъ воины—янычары, все люди торговые, которые жадно пользуются даннымъ имъ позволеніемъ употреблять полгода на веденіе собственныхъ дѣлъ. Все остальное — сволочь, которую легко разогнать. Это было упущено изъ виду».

Безъ сомнѣнія онъ быстро двинулся бы впередъ и принудилъ бы непріятеля къ миру, можетъ быть въ самомъ Константинополѣ, еще прежде, нежели Пруссаки успѣли бы вооружиться и двинуть свои войска. Это окажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, если припомнить, что лишь только ему дано было позволеніе дѣйствовать, то немедленно послѣдовали самые быстрые и сильные удары, хотя въ его

распоряженіи было, бо́льшую часть времени, не свыше 7—8,000 человѣкъ. Что́ бы онъ совершилъ, еслибъ начальствовалъ болѣе 40—50,000 войскъ? Какія препятствія были бы въ состояніи удержать его тогда?—Непріятелей должно устрашать, изумлять, оглушать и не давать имъ одумываться; этимъ тотчасъ обезоруживаются и они, и ихъ покровители. Напротивъ вялыя мѣры ободряютъ тѣхъ и другихъ, и увеличиваютъ всякое сопротивленіе.—«Почему не пошли мы къ Константинополю?—спрашивалъ позже Суворовъ Дерфельдена,—какъ легко было это сдѣлать: Турки были разбиты, напуганы, наши же исполнены мужества—нашъ флотъ въ тоже время явился бы передъ Босфоромъ—вѣдь Эльфингстонъ вошелъ же въ Дарданеллы.»—Почему? — причина была очень простая — потому что не *онъ*, а *Потемкинъ* былъ въ главѣ арміи.

Май и іюнь прошли безъ малѣйшихъ событій: наконецъ бездѣйствіе союзниковъ придало бодрости Туркамъ и они рѣшились попытаться привесть въ исполненіе свой планъ наступательныхъ дѣйствій. Въ началѣ іюля 30,000 чел. подъ начальствомъ Дервиша-паши собрались на лѣвомъ берегу Дуная у Браилова и двинулись къ Фокшанамъ, съ тѣмъ, чтобъ напасть на принца Кобургскаго, занявшаго позицію у Аджута за р. Тратушемъ, и затѣмъ идти далѣе. Принцъ, извѣщенный объ угрожавшей ему опасности, поспѣшно увѣдомилъ о томъ князя Рѐпнина и просилъ его помощи. Суворовъ, стоявшій у Бырлада, какъ ближайшій къ нему, получилъ приказаніе оказать ему помощь. Обрадованный, что наконецъ ему представился случай къ дѣйствіямъ, онъ коротко, словомъ, «иду,» увѣдомилъ принца о своемъ скоромъ прибытіи и немедленно выступилъ.

Оставивъ изъ своей дивизіи 2 баталіона (Тульскій полкъ), 6 эскадроновъ (по два отъ каждаго изъ трехъ карабинерныхъ полковъ), 100 казаковъ и 500 Арнаутовъ у Бырлада, для охраненія тяжестей и особенно тяжелаго обоза, съ остальными войсками, составлявшими 10 баталіоновъ, 9 эскадроновъ, 800 казаковъ и столько же Арнаутовъ, всего 7,000 человѣкъ, онъ выступилъ 16 (27) іюля поутру и усиленными переходами двинулся къ Аджуту. Онъ выбралъ ближайшую, хотя и не удобнѣйшую дорогу, шелъ безостановочно чрезъ горы и долы, долженъ былъ переходить чрезъ многія рѣчки въ глубокихъ ложбинахъ, перешелъ чрезъ Серетъ по австрійскимъ понтонамъ и на слѣдующій день, 17 (28) іюля, въ 11 часовъ вечера, неутомимый Суворовъ съ своими неутомимыми войсками, пройдя въ 36 часовъ болѣе 70-ти верстъ (десять большихъ нѣмецкихъ миль), (4)

(4) Движеніе Дибича къ Остроленкѣ 13 (25) мая 1831 года превзошло еще

прибылъ въ австрійскій лагерь и расположился на лѣвомъ крылѣ.

Принцъ Кобургскій, которому былъ извѣстенъ часъ выступленія изъ Бырлада, расчитывалъ, что, при движеніи обыкновенными суточными переходами, Русскіе прибудутъ черезъ три или четыре дня—каково же было его удивленіе, когда ему донесли, что они уже пришли на второй день послѣ выступленія. Онъ не прежде хотѣлъ этому повѣрить, пока не убѣдился въ томъ собственными глазами. Радость его была тѣмъ живѣе, что близость все болѣе и болѣе усиливавшихся Турокъ сильно озабочивала его.

На слѣдующее утро онъ послалъ привѣтствовать русскаго полководца и просить о личномъ свиданіи и объясненіи съ нимъ, дабы условиться касательно мѣръ, которыя слѣдовало принять. Но Суворовъ отклонилъ это свиданіе. Онъ еще не зналъ хорошо принца и опасался сопротивленія съ его стороны тому образу дѣйствій, на который рѣшился. Прежніе опыты показали ему, какіе жалкіе результаты имѣютъ подобныя объясненія между начальниками союзныхъ войскъ и какъ всякія рѣшительныя дѣйствія затрудняются несогласіями, легко возникающими при этомъ; наконецъ онъ опасался австрійской нерѣшительности и медленности, и самъ въ себѣ положилъ увлечь принца за собой внезапностью. Поэтому онъ далъ уклончивый отвѣтъ. Между тѣмъ сдѣланы были нужныя распоряженія для движенія впередъ. Дабы скрыть отъ Турокъ присутствіе русскаго отряда, ему данъ былъ австрійскій авангардъ, подъ начальствомъ полковника Карачая, изъ 2 баталіоновъ и 4 эскадроновъ (1 бат. Кауница и 1 Коллоредо, 1 дивизіонъ гусаръ Барко и 1 дивизіонъ драгунъ Левенера); боевой порядокъ былъ условленъ и принятъ слѣдующій: должно было построить небольшія каре изъ 1 или 2 баталіоновъ, расположивъ ихъ въ шахматномъ порядкѣ, съ орудіями между ними и съ кавалеріею позади; черезъ Тратушъ, неширокую, но глубокую и быструю рѣчку были построены три моста и все приготовлено къ движенію впередъ.

Между тѣмъ принцъ Кобургскій непремѣнно хотѣлъ прежде переговорить съ Суворовымъ. Онъ послалъ къ нему во второй разъ; напрасно,—сказали, что генералъ молится;—въ третій—генералъ спитъ. Онъ поскорбѣлъ о такомъ странномъ поступкѣ и не зналъ какъ объяснить его себѣ. Вдругъ вечеромъ онъ получилъ отъ Суворова слѣдующую диспозицію: «Войска достаточно отдохнули и мы завтра въ

это движеніе Суворова отъ Бырлада къ Аджуту! (Авторъ).—Это примѣчаніе автора приводится здѣсь какъ есть, хотя съ нимъ нельзя согласиться, главное потому, что этихъ двухъ движеній вовсе нельзя сравнивать (Редак.).

три часа утра выступимъ двумя колоннами : Австрійцы въ правой, Русскіе въ лѣвой, пойдемъ прямо на непріятеля, не задерживаясь долго разъискиваніемъ въ кустахъ по сторонамъ, для того, чтобъ успѣть во-время подойти къ р. Путнѣ, рано перейти черезъ нее и атаковать непріятеля. Говорятъ, что невѣрныхъ только 50,000, а другіе — и того менѣе,—жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, разомъ бы ихъ разбили. Но какъ этого нѣтъ, то начнемъ съ этихъ и съ Божіею помощью разгонимъ ихъ.»

Хотя принцъ Кобургскій былъ старше въ чинѣ и притомъ начальствовалъ главными силами, но, во вниманіи къ крайности обстоятельствъ, не сдѣлалъ болѣе никакихъ затрудненій и движеніе впередъ было рѣшено.

Отъ Аджута до Путны считалось шесть миль (42 версты), которыя полагали пройти въ два дня, чтобъ на третій дать непріятелю сраженіе у Фокшанъ, въ двухъ миляхъ (14 верстъ) далѣе. 19 (30) іюля рано утромъ войска выступили тремя колоннами, перешли черезъ Тратушъ и слѣдовали въ указанномъ Суворовымъ порядкѣ до Кальманешти, гдѣ провели ночь, Русскіе—скрытно въ лощинѣ, чтобы не быть замѣченными непріятелемъ. На слѣдующій день войска двинулись далѣе—уже начали показываться отдѣльныя партіи Турокъ: союзники узнали, что послѣдніе были расположены въ трехъ отдѣльныхъ лагеряхъ, въ одномъ по сю сторону Путны, въ другомъ на самой Путнѣ и въ третьемъ позади Фокшанъ; всѣ долженствовали быть атакованы врасплохъ.

Послѣ полудня союзныя войска прибыли къ Марачешти и сдѣлали привалъ. Отсюда былъ посланъ впередъ маіоръ Воеводскій съ 80 казаками, для обозрѣнія Путны. Казаки вскорѣ наткнулись на 200 Турокъ и въ разсыпную бросились назадъ. Турки преслѣдовали ихъ съ громкимъ крикомъ, наскочили на слѣдовавшій за ними казачій полкъ Ивана Грекова и были такъ-же скоро прогнаны. Между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ подходили подкрѣпленія и бой становился живѣе; наконецъ прибылъ самъ Османъ-паша, начальствовавшій передовымъ отрядомъ Турокъ, съ 3,000 чел. конницы, и завязался весьма упорный бой. Гусары Барко, подъ начальствомъ маіора Кинмайера, равно 2 эскадрона русскихъ карабинеровъ, поддержанные казаками и арнаутами, произвели нѣсколько блистательныхъ атакъ, и наконецъ, послѣ пятичасоваго боя, Турки были обращены въ бѣгство. Ихъ преслѣдовали до Путны, которая находилась недалеко оттуда и въ которой многіе изъ нихъ потонули.

Во время боя замѣчена была по ту сторону рѣки толпа яныча-

ровъ въ 2,000 чел., съ двумя орудіями, которая подвигалась то впередъ, то назадъ, какъ бы не рѣшаясь, идти-ли ей на помощь или назадъ—наконецъ она рѣшилась на послѣднее.

Съ наступленіемъ ночи и прочія войска союзниковъ прибыли постепенно къ Путнѣ. Нѣсколько казаковъ и арнаутовъ съ ротою полка Кауница были переправлены на ту сторону, для занятія покинутаго Турками лагеря, но въ немъ внезапно атакованы воротившимися Турками и оттѣснены къ рѣкѣ, гдѣ удержались подъ прикрытіемъ огня орудій съ этой стороны рѣки. Пока войска отдыхали, чрезъ рѣку устроивался мостъ, и хотя теченіемъ и разорвало его, когда онъ былъ уже готовъ, но его вскорѣ возстановили, и еще до разсвѣта 21 іюля (1 августа) Русскіе были уже на другой сторонѣ, а вскорѣ за ними послѣдовала и бо́льшая часть Австрійцевъ; кавалерія перешла въ сторонѣ черезъ бродъ. Всѣ войска тотчасъ же двинулись впередъ и заняли двѣ, впереди лежавшія высоты, откуда свободно открывался далекій видъ на окрестности. Здѣсь они построились въ боевой порядокъ, потому что были уже близко отъ непріятеля. Русскіе составляли лѣвое крыло и были построены въ шахматномъ порядкѣ, въ шести каре, трехъ въ первой линіи, и трехъ во второй, имѣя кавалерію позади въ третьей ([5]); въ такомъ же порядкѣ построились и Австрійцы на правомъ крылѣ, но только въ девяти каре, пяти въ первой линіи и четырехъ во второй. Полковникъ Карачай съ бывшимъ авангардомъ содержалъ связь въ серединѣ. Хотя генералъ Сплени съ двумя каре крайняго праваго фланга былъ еще позади, но, не дожидая его, въ шесть часовъ утра войска съ барабаннымъ боемъ и музыкой двинулись впередъ. Недолго еще продолжалось ихъ движеніе, какъ уже начались турецкія атаки. Скоро союзники замѣтили со стороны Турокъ приближеніе густаго облака пыли, среди котораго блистало оружіе, и приготовились къ отпору. Необыкновенно быстро приближалось это облако пыли и скоро изъ него высыпали многочисленныя, пестрыя толпы конницы (15,000 человѣкъ, какъ узнали потомъ) и стремительно бросились на правое крыло. Первое нападеніе Турокъ всегда стремительно, но, не смотря на всю его стремительность, войскамъ, остающимся хладнокровными, нечего очень опасаться его. Стойко выдержали его имперцы. Когда турецкія толпы окружали такимъ образомъ боевой порядокъ союзниковъ и искали мѣста, гдѣ бы имъ врубиться, подошелъ и генералъ Сплени съ своими двумя

(5) См. приложенную таблицу Б.

(Къ страницѣ 250-й, выноска 5-я.)

Б. Боевой порядокъ русскихъ войскъ при Фокшанахъ.

21 Іюля (1 Августа) 1789 г.

Первая линія. Генералъ-поручикъ Дерфельденъ.		1 бат. гренадеровъ. Подполковникъ Хастатовъ.	2 бат. егерей. Подполковникъ Рарогъ.	1 бат. гренадеровъ. Полковникъ Бёмъ.	
Вторая линія. Генералъ-маіоръ князь Шаховской.		2 бат. Апшеронскаго п. Полковникъ Шершневъ.	2 бат. Смоленскаго п. Полковникъ Владычинъ.	2 бат. Ростовскаго п. N.N.	
Третья линія. Генералъ-маіоръ Позняковъ.	Казаки. Арнауты.	3 эскад. Рязанскаго караб. п. Подполковникъ Шрёдеръ.	3 эскадр. Стародубскаго караб. п. Полковникъ Миклашевскій.	3 эскадр. Черниговскаго караб. п. Полковникъ Поливановъ.	Казаки. Арнауты.

каре и направилъ картечный и ружейный огонь въ самую середину Турокъ. Они тотчасъ обратились въ бѣгство и шибко ускакали на своихъ быстрыхъ коняхъ.

Но это было не надолго. Теперь настала очередь Русскихъ. Послѣдніе уже значительно подвинулись впередъ, какъ вдругъ были окружены и атакованы обратившимися назадъ и усиленными толпами Турокъ. Хладнокровно допустили они непріятеля приблизиться и встрѣтили его мѣткимъ огнемъ. Съ громкимъ крикомъ и воплемъ возобновляли мусульмане свои атаки: и рысью, и вскачь гарцовали они вокругъ на своихъ гордыхъ коняхъ, одни наскакивали, другіе мчались прочь, одни стрѣляли изъ пистолетовъ, другіе, съ короткими, кривыми саблями въ рукахъ, старались врубиться въ кареи, на которые скакали, опустивъ поводья, и нѣкоторымъ, самымъ отчаяннымъ удавалось даже врываться въ кареи, но они находили въ нихъ свою смерть. Такъ продолжался бой довольно долго; непоколебимо стояли Русскіе и непрерывнымъ, сильнымъ огнемъ своимъ низвергали цѣлые ряды этихъ гордыхъ всадниковъ. Цѣлыхъ два часа послѣдніе производили свои атаки безъ всякаго успѣха и наконецъ потеряли всякую охоту къ дальнѣйшему продолженію ихъ, поворотили лошадей и предались всей быстротѣ ихъ.

Такъ какъ они бросились назадъ черезъ довольно густой лѣсокъ, черезъ который союзнымъ войскамъ нельзя было пройти въ боевомъ порядкѣ, то положено было обойти его: австрійскія каре обошли его справа, а русскія слѣва, а обойдя, снова соединились. Имъ оставалось еще идти почти одну милю (7 верстъ) до Фокшанъ, гдѣ ихъ ждала турецкая пѣхота, и мѣстность въ ту сторону была крайне затруднительна для движенія, потому что была сплошь покрыта терновымъ кустарникомъ, уязвлявшимъ лошадей и людей. Но это не могло ослабить рвенія войскъ: они на рукахъ тащили орудія тамъ, гдѣ лошади не могли везти ихъ; притомъ они на нѣкоторое время оставлены были турецкою конницею въ покоѣ. Но лишь только мѣстность снова стала болѣе открытою, конница эта опять возобновила свои атаки, пока вдругъ не ускакала назадъ, чтобъ очистить мѣсто для дѣйствія орудій, выставленныхъ впереди турецкаго лагеря при Фокшанахъ. По своему обыкновенію, Турки и здѣсь взрыли землю, и позади довольно незначущаго укрѣпленія 6,000 янычаровъ съ орудіями ждали приближенія союзниковъ. Конница заняла мѣста на обоихъ флангахъ.

Ихъ не заставили долго ждать. Приведя вновь въ порядокъ свои боевыя линіи, Суворовъ и принцъ Кобургскій двинулись впередъ на

штурмъ укрѣпленія. Подойдя подъ выстрѣлы, войска нѣсколько потерпѣли отъ нихъ, но удвоили шаги, чтобъ скорѣе выйти изъ-подъ огня, сомкнулись, дали залпъ изъ орудій и съ крикомъ «*съ нами Богъ*» вся первая линія, подъ предводительствомъ храбраго генерала Дерфельдена, бросилась на турецкія батареи: тоже сдѣлали и Австрійцы, у которыхъ генералъ Сплени съ двумя каре быстро двинулся на штурмъ. Вскорѣ союзныя войска перешли черезъ валъ непріятельскаго укрѣпленія, перекололи или прогнали янычаръ, а кавалерія ихъ опрокинула турецкую конницу. При этомъ особенно отличился полковникъ Карачай съ гусарами Барко: нѣсколько разъ врубался онъ въ непріятельскую пѣхоту и конницу, и оказалъ опыты отличной храбрости. Мусульмане бѣжали всюду въ разстройствѣ.

Невдалекѣ за укрѣпленіемъ находился укрѣпленный монастырь Св. Самуила: туда бросилось нѣсколько сотъ янычаровъ, чтобы прикрыть бѣгство прочихъ. Упорно оборонялись они здѣсь и отвергали всѣ требованія сдачи. Тогда два каре были двинуты противъ монастыря, а противъ стѣнъ его направленъ сильный огонь изъ орудій. Подъ конецъ нужно было бы однако рѣшиться на штурмъ, еслибы случайно въ монастырѣ не взлетѣлъ на воздухъ пороховой погребъ. Взрывъ его сильно повредилъ стѣны и навелъ ужасъ на Турокъ. Хотя и союзники потеряли при этомъ нѣсколько людей, и нѣкоторые отличные начальники и офицеры были ранены, какъ-то генералъ князь Шаховской, бригадиръ Левашевъ, подполковникъ Хастатовъ и др., но при ослабѣвшемъ сопротивленіи непріятеля удалось выбить одни ворота и ворваться въ монастырь. Здѣсь уже не было пощады: все было переколото. Послѣдніе Турки, спасаясь изъ одного строенія въ другое, пали въ монастырской церкви.

Такимъ образомъ была одержана полная побѣда послѣ девятичасоваго боя, который былъ соединенъ съ постояннымъ движеніемъ впередъ. Ее одержали 7,000 русскихъ и 18,000 австрійскихъ войскъ надъ 30,000 Турокъ, не понеся значительнаго урона. Оба союзные отряда явили опыты блистательной храбрости, оба, въ первый разъ еще сражаясь вмѣстѣ, соревновали другъ другу; примѣръ Русскихъ возбуждалъ рвеніе имперцевъ и, казалось, одна мысль, одинъ духъ воодушевлялъ и тѣхъ, и другихъ.

Оба предводителя войскъ встрѣтились на полѣ сраженія. Они еще не знали, но уже уважали другъ друга. Когда они увидали одинъ другаго, то сошли съ лошадей, поспѣшили на встрѣчу другъ другу и обнялись при взаимныхъ пожеланіяхъ счастія. Тоже сдѣлали и сопровождавшіе ихъ офицеры. Побѣдители, послѣ только-что

одержанной побѣды, чувствуютъ себя выше самихъ себя: всѣ мелочныя страсти умолкаютъ, чтобъ уступить мѣсто однимъ благороднѣйшимъ чувствамъ. Воины, даже достойные высшей хвалы, съ самозабвеніемъ цѣнили заслуги своихъ союзниковъ и, какъ прежде на полѣ битвы соперничали въ храбрости, такъ теперь, казалось, хотѣли превзойти другъ друга въ глубокой преданности. Видны были только самыя братскія единодушіе и дружба.

Во всемъ предъ ними блистали Суворовъ и принцъ Кобургскій. Послѣдній—красивый мущина высокаго роста, зрѣлаго возраста, съ спокойною осанкой, первый—небольшаго роста, худощавый, старецъ лѣтами, но съ юношескою живостью, съ сѣдыми волосами и сморщеннымъ челомъ, но съ глазами, въ которыхъ блисталъ геній;—принцъ Кобургскій—прямодушный и храбрый, не великій полководецъ, но легко доступный доброму совѣту; Суворовъ—однимъ взглядомъ обнимавшій цѣлый рядъ мыслей, измѣрявшій опасность и средства противъ нея, неохотно сносившій возраженія; какъ всѣ люди съ превосходнымъ умомъ, онъ требовалъ повиновенія, но къ тѣмъ, которые повиновались ему, онъ чувствовалъ почти какъ бы благодарность. Онъ и принцъ Кобургскій были созданы одинъ для другаго: его вѣрный взглядъ и его живость сообщали первое движеніе; принцъ, своимъ обдуманнымъ спокойствіемъ, старался умѣрять оное, но слѣдовалъ ему; честно помогали они затѣмъ одинъ другому въ минуту нужды и братски дѣлили наконецъ лавры, какъ передъ тѣмъ опасности. Каждый изъ нихъ чувствовалъ, чего ему недоставало, и находилъ это въ другомъ—удивительно-ли, что съ этого времени ихъ навсегда соединила самая тѣсная дружба. Пятнадцатью годами пережилъ принцъ Кобургскій Суворова, но дружбу къ нему унесъ съ собою въ могилу.

Когда же тутъ явился покрытый пылью и кровью, безстрашный Карачай, Суворовъ бросился ему на шею, нѣсколько разъ прижималъ его къ груди своей и громко восхвалялъ его истиннымъ героемъ. Своею отличною храбростью въ этотъ день, онъ навсегда снискалъ уваженіе Суворова, который съ этихъ поръ при всякомъ случаѣ выставлялъ его въ примѣръ. Впослѣдствіи-же, когда онъ получилъ главное начальство надъ союзными арміями въ Италіи, онъ настоятельно просилъ императора Франца дать ему храбраго Карачая въ сподвижники на новомъ поприщѣ побѣдъ.

Живость увлекла его затѣмъ къ нѣкоторымъ изъ его обыкновенныхъ странностей, и съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга имперскіе офицеры, изумляясь, что въ томъ же самомъ генералѣ, ко-

торый только что явилъ столько примѣровъ самой пылкой храбрости, видѣли такого забавнаго человѣка.

Было четыре часа по-полудни. Принцъ приказалъ передъ взятымъ монастыремъ разостлать на землѣ коверъ и подать легкій завтракъ. Послѣ изнурительныхъ трудовъ дня, радостно сѣли герои за общую трапезу, окруженные умиравшими и умершими, и разговаривали о случившихся событіяхъ.

Послѣ первыхъ дружественныхъ изліяній, принцъ не могъ воздержаться отъ легкаго упрека по поводу отклоненнаго свиданія и спросилъ о причинѣ того. Суворовъ извинился съ обычною своею откровенностью. «Свиданія не нужны, сказалъ онъ. Я былъ увѣренъ, что мой другъ принцъ Кобургскій не согласится дѣйствовать согласно съ моими мыслями. Мой планъ атаки былъ составленъ не по правиламъ тактики. Мы провели бы цѣлый день въ дипломатическихъ и тактическихъ преніяхъ, въ которыхъ я былъ бы побѣжденъ, но непріятель рѣшилъ-бы нашъ споръ и побилъ бы тактиковъ. А вмѣсто того—*ура! съ нами Богъ!*»

Затѣмъ русскій полководецъ разсуждалъ о томъ, что̀ онъ самъ видѣлъ въ теченіе семилѣтней войны въ союзныхъ войскахъ и о чемъ сохранилъ самое глубокое впечатлѣніе. Методизмъ и сообразность съ правилами (которая, часто принимая букву вмѣсто смысла, бывала величайшею несообразностью съ правилами), въ особенности вредное педантство, обыкновенный недостатокъ всѣхъ слабыхъ головъ, слишкомъ часто имѣли рѣшительное вліяніе на дѣйствія союзниковъ и мѣшали всякому свободному, смѣлому и предпріимчивому проявленію этихъ дѣйствій. Корень военнаго искусства, все ученіе стратегіи заключается въ трехъ простыхъ положеніяхъ: «*Узнай гдѣ рѣшительный пунктъ*»—«*обрати противъ него твои наибольшія силы*»—«*но обрати ихъ съ величайшими быстротою и рѣшительностію,*» (6) и Суворовъ, со свойственною ему проницательностію взгляда, уже рано постигъ смыслъ ихъ; его пылкій духъ одинаково быстро видѣлъ необходимое, рѣшался на него и старался приводить его въ исполненіе. Поэтому всѣ эти пренія, это вѣчное, пустое многорѣчіе за и противъ, тогда какъ слѣдовало дѣйствовать,

---

(6) Или, выражая это математическою формулою, наибольшая сила, умноженная наибольшею скоростью и обращенная на рѣшительный пунктъ. Рѣшительный пунктъ—тамъ, гдѣ получаются наибольшіе результаты, т. е. гдѣ непріятеля можно оттѣснить отъ его сообщеній и притѣснить къ непреодолимому препятствію, что̀ принудитъ его положить оружіе.

все это желаніе взвѣшивать и расчитывать всѣ возможные и невозможные случаи, благодаря которымъ подъ конецъ ничего не дѣлалось—все это было ужасомъ и мученіемъ для него, и онъ старался уклониться отъ этого, гдѣ только было возможно. У нѣмецкихъ военныхъ людей (и не у нихъ однихъ) послѣ періода дѣйствій насталъ періодъ *резонерства* о нихъ, и при этомъ самыя слабыя головы, съ помощью нѣсколькихъ заученыхъ наизусть фразъ, имѣли самый громкій голосъ. Для нихъ была только одна норма совершенства, (7) и имъ противно было все, что́ не было выкроено по ней. Такого рода нормою они выставляли маневрированія и дѣйствія семилѣтней войны, которыхъ истинный смыслъ впрочемъ они мало понимали, какъ и вообще толпа постоянно привязывается къ внѣшности, но никогда не вникаетъ во внутреннее значеніе вещей.

Въ каждомъ прусскомъ офицерѣ или унтеръ-офицерѣ думали видѣть великаго военнаго героя и, если успѣвали залучить къ себѣ такого, то воображали, что сдѣлали очень важное пріобрѣтеніе (8).—Такіе прусскіе военные реформаторы были тогда почти во всѣхъ государствахъ, большихъ и малыхъ (потому что, гдѣ не было тогда военныхъ экзерцицій!), и они имѣли обязанность вводить прусскія построенія и движенія, и въ особенности ставить войска на прусскую ногу. И когда войска были по прусскому образцу обмундированы, обучены и биты, съ точностію производили сложныя и запутанныя прусскія построенія, движенія и деплояды, и при этомъ могли весьма скоро стрѣлять, тогда всѣ воображали, что уже постигли рецептъ военныхъ

---

(7) Съ военнымъ искуствомъ было тоже, что́ и съ поэзіей,—и оно, какъ она, имѣло своихъ исключительныхъ запѣвалъ; правда, оно не имѣло своего Аристотеля, если только не принять за него Сальдерна съ его «grande tactique» или Бюлова съ его «Geist des neuern Kriegsystems», но за то у него было тѣмъ болѣе Аристарховъ, которые съ неменьшею, противъ ихъ собратій по Аполлону, увѣренностью разсуждали о такихъ вещахъ, о которыхъ, при ограниченности своихъ понятій, вовсе не были въ состояніи судить правильно. Еслибы продолжать эту шутку далѣе, то эту прежнюю школу, образовавшуюся послѣ семилѣтней войны, можно было бы сравнить съ французскою строго-классическою, а составившуюся впослѣдствіи подъ вліяніемъ Наполеона и революціи, и которая разсматривала веденіе войны въ менѣе ограниченномъ и болѣе свободномъ смыслѣ — съ романтическою. При такомъ взглядѣ, Наполеонъ былъ бы Гёте или Байрономъ военнаго искуства.

(8) Стòитъ только вспомнить, напримѣръ, о поручикѣ Пирхѣ, который явился реформаторомъ во Франціи, при военномъ министрѣ Сенъ-Жерменѣ, и посредствомъ фухтелей и палокъ долженъ былъ внушить непослушнымъ Французамъ прусскія построенія и движенія,—и о многихъ инструкторахъ, прибывшихъ изъ Пруссіи въ Россію, гдѣ они долго играли важную роль.

успѣховъ стараго короля и, при точномъ исполненіи онаго, уже имѣли въ карманѣ искуство побѣждать.—Всему матеріальному они могли подражать, но духъ, который оживлялъ эту искуственную машину, оставался для нихъ непостижимымъ, потому что они не могли же схватить его руками. Они держались механизма, но онъ и оставался механизмомъ, гдѣ бы его ни примѣняли на дѣлѣ. Нужно было, чтобъ явился другой военный геній, который поколебалъ бы въ основаніи существовавшія до тѣхъ поръ устарѣлыя понятія, опрокинулъ и разрушилъ бы весь этотъ мертвый механизмъ, прежде, нежели узнали, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ.

Суворовъ, при всякомъ случаѣ высказывавшій свое отвращеніе, свою ненависть къ такому извращенному взгляду на военное дѣло, который главною сущностью сего послѣдняго выставлялъ мертвый механизмъ,не измѣнилъ имъ и здѣсь, и смѣялся надъ великими тактиками, которые, при всѣхъ своихъ ученыхъ тактическихъ умствованіяхъ, подъ конецъ почти всегда были разбиваемы. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда разъигрывалъ роль невѣжды, хотя не многіе военные люди его времени столько читали и размышляли о военномъ искуствѣ, сколько онъ. Но, не смотря на эту роль, онъ не преминулъ внушить принцу Кобургскому высокое понятіе о своемъ умѣ и искуствѣ, такъ что съ этихъ поръ принцъ во всемъ, что касалось ихъ общихъ дѣйствій, имѣлъ самое неограниченное довѣріе къ нему.

200 или 300 янычаровъ пытались еще держаться въ укрѣпленномъ монастырѣ св. Іоанна, въ четверти мили ($1^3/_4$ версты) отъ Фокшанъ. Принцъ Кобургскій отрядилъ противъ нихъ одинъ изъ своихъ баталіоновъ, который послѣ часоваго боя овладѣлъ монастыремъ и взялъ въ плѣнъ всѣхъ, кто не былъ убитъ.

Вообще Турки потеряли въ этотъ день болѣе 1,500 убитыми, нѣсколько сотъ плѣнными, 10 пушекъ, 16 знаменъ, лагерь и военные запасы свои. Они бѣжали по двумъ дорогамъ, на Букарестъ и на Браиловъ, и по обѣимъ были преслѣдованы довольно далеко легкою кавалеріею союзниковъ, при чемъ у нихъ было еще взято много скота и нѣсколько сотъ повозокъ, нагруженныхъ военными и другими запасами. Въ самыхъ Фокшанахъ были найдены значительные магазины съ продовольственными запасами.

Дружелюбно были раздѣлены между союзниками пушки и взятая добыча; продовольственные запасы были всѣ оставлены Австрійцамъ, такъ какъ они теперь уже должны были расположиться у Фокшанъ, между тѣмъ какъ Суворовъ съ русскими войсками возвратился опять въ Бырладъ.

То была первая побѣда, которую имперцы одержали въ эту войну; она не осталась безъ вліянія на взгляды начальниковъ войскъ ихъ: съ этого времени, въ послѣдующихъ сраженіяхъ своихъ съ Турками, они принимали за основаніе тотъ же боевой порядокъ, который былъ употребленъ здѣсь. Даже въ изданномъ, въ 1808 году, по повелѣнію эрцгерцога Карла, наставленіи для австрійскихъ генераловъ (9), при будущихъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ былъ предписанъ за образецъ совершенно схожій съ этимъ боевой порядокъ.

Какъ ни велика была радость объ этой побѣдѣ въ Петербургѣ, но еще болѣе радовались ей въ Вѣнѣ, гдѣ она вновь подняла упавшій духъ императора и народа. Съ обѣихъ сторонъ посыпались награды предводителямъ войскъ. Принцъ Кобургскій получилъ отъ своего государя большой крестъ ордена Маріи-Терезіи, Суворовъ отъ императрицы—брилліантовые знаки ордена Св. Андрея первозваннаго. Императоръ Іосифъ прислалъ ему драгоцѣнную табакерку съ брилліантовымъ вензелевымъ изображеніемъ своего имени, выразивъ въ сопровождавшемъ ее рескриптѣ, что «принцъ Кобургскій не знаетъ какъ довольно восхвалить его искуство и храбрость, и такую-же справедливость отдаетъ и войскамъ, состоящимъ подъ его начальствомъ.» Писатель, слова котораго мы уже приводили выше, (10) замѣчаетъ при этомъ, что императоръ былъ обязанъ этимъ успѣхомъ своего оружія преимущественно Суворову.» *Его присутствіе*, говоритъ онъ, а не приведенное имъ подкрѣпленіе, рѣшило дѣло. Безъ него Австрійцы вѣроятно не атаковали-бы; хотя, укрѣпившись въ своемъ лагерѣ, они и отразили-бы непріятельскія нападенія, но, окруженные, тревожимые, измученные турецкою конницею и лишенные продовольственныхъ средствъ, потеряли бы много людей отъ болѣзней или, еслибы хотѣли отступить, отъ непріятеля, который преслѣдовалъ бы ихъ. Такова разница, продолжаетъ онъ, между рѣшительнымъ и нерѣшительнымъ характеромъ. Суворовъ въ главѣ 18,000 русскихъ войскъ не просилъ бы принца Кобургскаго о помощи противъ 30,000 Турокъ, но считалъ бы себя довольно сильнымъ, чтобъ исполнить то, что онъ позже сдѣлалъ съ 7,000 человѣкъ. Напротивъ принцъ Кобургскій, предоставленный самому себѣ, вѣроятно ограничился бы только строгою обороною и пред-

---

(9) Grundzätze des höhern Kriegs, nebst Beispielen ihrer zweckmässigen Anwendung. Für die Generale der Oestreichischen Armee. Wien, 1808.

(10) Laverne, Hist. de Souworow. Paris 1809. Стр. 162 и слѣд.

видѣлъ бы пораженіе тамъ, гдѣ Суворовъ однимъ взглядомъ угадалъ вѣрную побѣду.»

Какъ бы то ни было, побѣда эта имѣла самыя утѣшительныя послѣдствія. Неудачи легко возбуждаютъ несогласія между союзными войсками, потому что вину ихъ обѣ стороны взаимно приписываютъ одна другой; и по поводу похода предъидущаго года не было недостатка въ упрекахъ. Противники императорскихъ дворовъ громко радовались этому и предвидѣли уже разрывъ. Но эта побѣда уничтожила ихъ надежды и если не возстановила, то доказала согласіе союзниковъ. Поэтому императрица въ радости своей и сказала: «Фокшаны зажмутъ ротъ тѣмъ, которые распустили слухъ, будто между нами и имперцами нѣтъ согласія.»

И конечно, немаловажною заслугою Суворова и принца Кобургскаго было то, что они постоянно не только сами между собою были въ величайшемъ согласіи, но умѣли поддержать его и между своими войсками. Хотя побѣды, одержанныя съобща, сначала легко дѣлаютъ побѣдителей друзьями, но когда пройдетъ первое радостное упоеніе чувства побѣды, снова появляются во всемъ своемъ безобразіи человѣческія слабости: зависть, ревность и хвастливость; каждый приписываетъ себѣ бо́льшую долю участія и рѣдко отдаетъ должную справедливость другому. Обоюдная гордость пробуждается, обѣ стороны чувствуютъ себя раздраженными, оскорбленными, и гдѣ должно́ бы быть дружбѣ, тамъ возникаютъ ненависть и озлобленіе. И если уже дошло до этого, то союзники завидуютъ, стараются уменьшить значеніе побѣдъ и радуются пораженіямъ своихъ союзниковъ. Это — обыкновенное явленіе въ союзныхъ арміяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ главныхъ причинъ, почему посредствомъ коалицій такъ рѣдко пріобрѣтаются прочные успѣхи. Позже, при изложеніи похода въ Италіи, мы увидимъ, какія несчастныя послѣдствія производитъ такая зависть. Здѣсь—и слѣдовъ ея не было.

Возвратясь 27 іюля (7 августа) въ свое прежнее расположеніе, Суворовъ увѣдомилъ князя Репнина, у Рябой Могилы, о произшедшихъ событіяхъ. «Вотъ мое мнѣніе, милостивый государь! (говорилъ онъ въ концѣ письма)—и *отвѣчаю за успѣхъ, ежели мѣры будутъ наступательныя.—Оборонительныя же?*—Визирь придетъ!—На что колоть тупымъ концомъ вмѣсто остраго?—Правой бокъ чистъ:—очистимъ лѣвый,—и снимемъ плоды!»—(*) Онъ былъ того

(*) С. Н. Глинки: Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная и пр. Москва, 1819.

мнѣнія, что армія князя Репнина могла бы теперь двинуться чрезъ Табакъ къ Дунаю. Репнинъ дѣйствительно вскорѣ послѣ того получилъ приказаніе Потемкина произвесть это движеніе.

Самъ Потемкинъ пока ничего еще не сдѣлалъ. Какъ обыкновенно въ началѣ похода, у него родилось сильное раздумье; онъ изображалъ свое положеніе болѣе затруднительнымъ, нежели оно было: въ письмахъ своихъ къ императрицѣ указывалъ, что Кубани угрожаютъ воинственные горцы, а Крыму—флотъ капудана-паши; жаловался на большую потерю людей отъ болѣзней, на необходимость обращаться фронтомъ на столько сторонъ, такъ, что «онъ вынужденъ держать войска на огромномъ протяженіи отъ Еникале до Дуная.»—И дѣйствительно, не считая 30,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Салтыкова, на Кубани, бо́льшую половину екатеринославской арміи онъ держалъ раздробленною на части, отъ полуострова Тамани до Ольвіополя; значительное число этихъ войскъ, изъ опасенія турецкихъ высадокъ, стояло въ Крыму, другая часть находилась въ Кинбурнѣ и Очаковѣ; третью онъ собралъ у Ольвіополя, чтобъ отсюда идти къ Днѣстру и, какъ въ предъидущемъ походѣ покорилъ Очаковъ, такъ въ этомъ покорить Бендеры. Но онъ не торопился этимъ. Опытъ прежнихъ походовъ показалъ русскимъ полководцамъ выгоду поздняго открытія военныхъ дѣйствій, потому что осенью бо́льшая часть Турокъ расходилась по домамъ. Это послужило правиломъ для дѣйствій Потемкина, отъ котораго онъ не уклонялся; отъ этого и происходили его позднія открытія походовъ. Но эти позднія дѣйствія имѣли также и свои невыгоды, потому что тѣ же причины, которыя побуждали непріятеля къ возвращенію домой, затрудняли также и собственное наступленіе. Въ такомъ случаѣ все ограничивалось обыкновенно взятіемъ той или другой крѣпости. Такой образъ дѣйствій былъ бы очень сообразенъ съ цѣлію противъ превосходнаго во всемъ непріятеля, но противъ такого, котораго напротивъ мы превосходили во всѣхъ отношеніяхъ, онъ увеличивалъ только продолжительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣдствія войны. Лѣтомъ, когда непріятель былъ силенъ, его легко было довести до боя и пораженія, а пораженіе Турокъ, если только имъ умѣли пользоваться, всегда имѣло неисчислимыя послѣдствія, потому что разомъ, безъ боя, передавало до полудюжины крѣпостей. Осенью же, хотя непріятеля уже и не встрѣчали передъ собой въ полѣ, но тѣмъ сильнѣе становился онъ въ крѣпостяхъ и, не поражаемый паническимъ страхомъ, защищался въ нихъ съ отчаянными упорствомъ и стойкостью. Но Потемкинъ не имѣлъ при-

званія внести новые взгляды на веденіе войны противъ Турокъ; онъ въ точности держался лишь того, что́ было въ употребленіи до него.

Побѣда Суворова при Фокшанахъ, казалось, пробудила его наконецъ отъ бездѣйствія. Онъ собралъ при Ольвіополѣ 7 пѣхотныхъ и 9 кавалерійскихъ полковъ, и выступилъ съ ними къ Бендерамъ, куда выслалъ впередъ своего двоюроднаго брата, генерала Павла Потемкина, съ летучимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 4 полковъ. Онъ выступилъ изъ Ольвіополя 28 іюля (8 августа,) а 10 (21) августа былъ въ 180-ти верстахъ оттуда, въ Дубоссарахъ на Днѣстрѣ, гдѣ переправился черезъ рѣку.

Между тѣмъ приходили извѣстія за извѣстіями о томъ, какъ Турки все болѣе и болѣе усиливались за Дунаемъ и какъ все предвѣщало, казалось, нападеніе ихъ оттуда. Это нападеніе могло воспослѣдовать или вправо, на принца Кобургскаго, или влѣво, въ Бессарабіи, поэтому нужно было изготовиться на оба случая.

Суворовъ, едва воротясь въ Бырладъ, выставилъ у Фальчи на Прутѣ наблюдательный постъ, который долженъ былъ извѣщать его обо всемъ, что́ происходило по ту сторону рѣки, въ направленіи отъ Измаила или Кагула. Съ этою цѣлію туда былъ отряженъ подполковникъ баронъ Сакенъ, (11) съ 1 баталіономъ и частію казаковъ, и съ приказаніемъ имѣть на другой сторонѣ рѣки партіи легкихъ войскъ.

Собственные свои передовые посты Суворовъ расположилъ впереди Бырлада, по направленію къ Серету, на высотахъ Карапчешти, откуда можно было обозрѣвать край на большомъ пространствѣ. Переправы Турокъ на эту сторону Дуная можно было опасаться въ трехъ пунктахъ: въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ, и всѣ извѣстія согласовались въ томъ, что всѣ эти три пункта были переполнены войсками. Вскорѣ получено было извѣстіе, что недавно назначенный, вмѣсто Юсуфа, новый великій визирь Кучукъ-Гассанъ-паша самъ прибылъ въ Браиловъ и приготовлятъ все къ большимъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Столь же тревожныя извѣстія были получены и съ лѣваго фланга, именно, что значительныя силы подъ начальствомъ храбраго Гассана, бывшаго капудана-паши, а теперь сераскира, были собраны въ Измаилѣ и въ готовности двинуться оттуда въ Бессарабію.

Вслѣдствіе этого князь Репнинъ, по приказанію Потемкина,

---

(11) Впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и главнокомандующій 1-й арміи.

перешелъ съ двумя своими дивизіями на лѣвый берегъ Прута у Рябой Могилы, 30 августа притянулъ къ себѣ изъ Гинсешти дивизію Кречетникова и приготовился защищать Бессарабію отъ наступающаго непріятеля.

Извѣстія становились все болѣе грозными. Маіоръ Соболевскій съ передовыхъ постовъ у Карапчешти привезъ извѣстіе, что большая толпа Турокъ переправилась ниже Галаца;—съ другой стороны легкія войска доставили двухъ плѣнныхъ турецкихъ Запорожцевъ, которые объявили, что Гассанъ-паша съ своими войсками уже выступилъ изъ Измаила противъ князя Репнина. А лазутчикъ, посланный въ Валахію, извѣстилъ, что Турки въ большомъ числѣ перешли черезъ Дунай и шли къ Бузео, съ цѣлію напасть на принца Кобургскаго, и что при этихъ войскахъ находился самъ великій визирь.

Поэтому планъ Турокъ заключался, казалось, въ томъ, чтобы дѣйствовать наступательно по обѣимъ сторонамъ Прута и опрокинуть все, что ни было бы встрѣчено ими.

Суворовъ разсудилъ, что какими значительными ни изображали бы силы Турокъ въ Бессарабіи, но главныя силы ихъ безспорно должны были находиться тамъ, гдѣ и великій визирь, и что это наступленіе Гассана вѣроятно имѣло цѣлію только привлечь вниманіе Русскихъ въ Бессарабію, чтобъ дать великому визирю время подавить принца Кобургскаго.—Поэтому онъ приготовился, по первому вѣрному извѣстію, идти на помощь принцу, въ томъ убѣжденіи, что войска князя Репнина будутъ довольно сильны для удержанія или пораженія всѣхъ силъ непріятеля, какія ни появились бы въ Бессарабіи. Вслѣдствіе того онъ двинулся съ своими войсками впередъ къ Карапчешти, а на своемъ лѣвомъ флангѣ, на Прутѣ, оставилъ генерала Дерфельдена съ летучимъ отрядомъ. Къ Галацу, откуда онъ опасался нападенія, была послана для развѣдыванія партія казаковъ. Она донесла, что нѣсколько сотъ спаговъ разъѣзжали тамъ въ разныхъ направленіяхъ. Это извѣстіе не разъясняло ничего. А потому Суворовъ двинулся еще далѣе впередъ, къ Пуцени, въ одинаковомъ разстояніи отъ Галаца и Фокшанъ, не спуская глазъ съ обоихъ этихъ пунктовъ, дабы летѣть туда, гдѣ окажется опасность. Дерфельденъ долженъ былъ снова примкнуть къ нему. Въ Бырладѣ онъ оставилъ, какъ и въ первый разъ, 2 баталіона съ 6-ю полевыми орудіями, 6 эскадроновъ и тяжелый обозъ; Сакенъ съ своимъ баталіономъ остался у Фальчи, а 400 казаковъ и арнаутовъ должны были сторожить край вокругъ. Все заставляло ожидать важныхъ событій.

Расчеты Суворова не обманули его. Отрядъ Гассана-паши, хотя силою въ 30,000 человѣкъ, былъ назначенъ только для того, чтобъ обратить все вниманіе Русскихъ на Бессарабію. Поэтому, какъ только князь Репнинъ съ своими тремя дивизіями выступилъ на встрѣчу ему къ Ларгѣ и 7 (18) сентября разбилъ его авангардъ въ кавалерійской стычкѣ на р. Сальчѣ, онъ тотчасъ началъ отступать, потому-ли, что хотѣлъ только привлечь Русскихъ, или же потому, что смятеніе, распространившееся въ его войскахъ, принудило его возвратиться въ Измаилъ. Репнинъ преслѣдовалъ его туда и, желая попытаться, не удастся-ли ему сразу взять крѣпость, открылъ противъ нея огонь изъ своихъ полевыхъ орудій. Однако на этотъ разъ онъ ошибся въ своихъ надеждахъ на малодушіе Турокъ—они собственно не испытали еще пораженія и настоящій панический страхъ еще не овладѣлъ ими; поэтому они выказали бодрость и рѣшимость защищать Измаилъ. Замѣтивъ это и разсудивъ, что у него не было ничего нужнаго для осады, Репнинъ 15-го сентября предпринялъ обратное отступленіе къ своей позиціи на р. Ларгѣ, чтобъ снова быть готовымъ къ встрѣчѣ непріятеля, еслибъ онъ показался вторично.

Но съ другой стороны дѣла были важнѣе. Что предвидѣлъ Суворовъ, то и случилось. Великій визирь, съ большею частію своей арміи, простиравшеюся до 90—100,000 чел., переправился черезъ Дунай у Браилова и двинулся къ Рымнику. Извѣщенный объ этомъ движеніи своими лазутчиками, принцъ Кобургскій, стоявшій у Фокшанъ, обратился къ Суворову съ просьбою о помощи. Получивъ эту просьбу съ первымъ нарочнымъ 6-го сентября, въ то самое время, когда князь Репнинъ съ другой стороны выступилъ противъ Гассана-паши, Суворовъ, прежде нежели рѣшиться на что-либо, хотѣлъ уяснить себѣ положеніе дѣлъ. Только когда прибылъ второй нарочный и Суворовъ узналъ, что великій визирь, наступая противъ принца Кобургскаго, лично прибылъ къ Мартинешти на Рымникѣ и сталъ тамъ лагеремъ въ разстояніи четырехъ часовъ (16 верстъ) отъ имперцевъ, тогда уже ничто болѣе не могло удержать его и онъ немедленно приказалъ выступать. Небо было пасмурно и покрыто тучами, и собиралась гроза, когда русскія войска въ полночь съ 7-го на 8-е сентября двинулись въ походъ, направляясь къ Серету.

Не смотря на начавшійся вскорѣ дождь, испортившій дороги, около полудня, послѣ перехода въ 25 верстъ, они достигли рѣчки Бырлада у Текуча и, перейдя черезъ нее, сдѣлали привалъ. Затѣмъ они продолжали идти къ Серету, находившемуся въ двухъ миляхъ (14 верстъ) далѣе; но когда прибыли къ нему, то не нашли тамъ

австрійскихъ понтоновъ: по досадному недоразумѣнію, они были наведены двумя милями (14 верстъ) выше. Поэтому нужно было рѣшиться сдѣлать еще и этотъ обходъ. Неудовольствіе войскъ было немалое, тѣмъ болѣе, что дождь усиливался, а дороги крайне портились. Послѣ самаго утомительнаго перехода, на которомъ войска часто вязли по колѣно въ грязи, поздно ночью прибыли они къ мѣсту переправы. Легкія войска перешли чрезъ рѣку и самъ Суворовъ только что появился въ головѣ карабинеровъ, какъ вдругъ мостъ былъ разорванъ вздувшимся отъ дождя потокомъ. Новая задержка, новая досада! Подошла измученная пѣхота, но негдѣ было укрыться, а погода была ужасная. Ее отвели на близълежавшую высоту, гдѣ небольшой лѣсокъ представлялъ нѣкоторое прикрытіе; здѣсь она отдохнула какъ могла и ждала утра. Между тѣмъ Суворовъ былъ дѣятельно занятъ производствомъ работъ по возстановленію моста и исправленію дорогъ. Нѣсколько сотъ крестьянъ было собрано изъ окрестностей, 1,500 солдатъ, въ двѣ смѣны, должны были помогать имъ, и такимъ образомъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, удалось наконецъ совладать съ бурной рѣкой и возстановить мостъ. 9-го сентября поутру работы подвинулись на столько, что войска могли уже переправиться и продолжать движеніе. Погода въ это время прояснилась, а съ нею и духъ войскъ; печальная ночь скоро была забыта, и съ веселыми пѣснями шли войска впередъ. Послѣ новаго перехода въ три мили (21 версту), который, по причинѣ совершенно распустившихся дорогъ, былъ крайне труденъ, послѣ полудня войска прибыли на высоты по ту сторону Путны, гдѣ сдѣлали привалъ. 10 сентября рано утромъ русскія легкія войска, радостные предвѣстники приближавшейся помощи, первыя явились въ лагерѣ Австрійцевъ при Фокшанахъ. Вскорѣ затѣмъ прибылъ и Суворовъ въ головѣ тяжелой кавалеріи, а наконецъ пришла и пѣхота; въ 10 часовъ утра весь русскій отрядъ собрался на рѣчкѣ Мильковѣ. Въ продолженіе всего движенія, Суворовъ и принцъ Кобургскій письменно извѣщали другъ друга обо всемъ происходившемъ; теперь, прибывъ на мѣсто, Суворовъ написалъ принцу карандашемъ: *«Я пришелъ, и чтобъ показать это Туркамъ, думаю атаковать ихъ чрезъ нѣсколько часовъ.»*

Обрадованный принцъ немедленно поспѣшилъ въ лагерь своего друга, чтобъ изъявить ему свою искреннюю благодарность за скоро оказанную помощь; угрожающая близость непріятеля причиняла ему немало заботъ. На этотъ разъ ему уже нечего было бояться, что посѣщеніе его будетъ отклонено. Онъ пришелъ—Суворовъ, съ картою предъ собою, лежалъ въ это время въ палаткѣ на свѣжемъ

сѣнѣ и обдумывалъ планъ своихъ дѣйствій. Едва было произнесено имя принца, какъ онъ вскочилъ, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, бросился въ его объятія и нѣсколько разъ радостно поцѣловалъ его. Принцъ хотѣлъ говорить, чтобъ выразить ему свою радость, свою благодарность; но Суворовъ, не любившій всѣхъ подобныхъ вѣжливостей, какъ пустословія, только похищавшаго драгоцѣнное время, прервалъ его на первыхъ словахъ, посадилъ на сѣно, самъ сѣлъ возлѣ него и началъ излагать изумленному принцу составленный имъ планъ дѣйствій.—«Нужно, сказалъ онъ, не теряя времени атаковать, потому, что если великій визирь остановился у Мартинешти, то по той только причинѣ, что ждетъ еще подкрѣпленій. Нужно предупредить, атаковать его прежде, нежели онъ получитъ подкрѣпленія, и внезапностью атаки вознаградить то, чего недостаетъ въ числѣ войскъ.»—«Но, возразилъ принцъ, неравенство уже слишкомъ велико—почти четверо на одного.»—«Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Суворовъ, чѣмъ больше людей, тѣмъ больше безпорядка между ними;—впрочемъ, прибавилъ онъ усмѣхаясь, все же ихъ не столько, чтобъ заслонить намъ солнце.»Принцъ не хотѣлъ еще уступить, привелъ новыя затрудненія, изнуреніе русскихъ войскъ послѣ такого труднаго движенія, опасность съ утомленными войсками двинуться противъ столь сильнаго непріятеля, затѣмъ опять заговорилъ о его сильно-укрѣпленной позиціи, несоразмѣрномъ числительномъ превосходствѣ. Суворовъ потерялъ всякое терпѣніе. «Числительное превосходство непріятеля—его укрѣпленная позиція—по этому-то именно мы и должны атаковать его, чтобъ не дать ему времени укрѣпиться еще сильнѣе. Впрочемъ, прибавилъ онъ, чтобъ прекратить всякій дальнѣйшій споръ, дѣлайте, что хотите, а я одинъ съ моими русскими войсками намѣренъ атаковать Турокъ и также одинъ надѣюсь разбить ихъ.»—Чувство чести принца было этимъ затронуто и онъ не дѣлалъ болѣе затрудненій.

Такъ какъ Суворовъ желалъ лично осмотрѣть расположеніе непріятеля, прежде нежели обоюдно согласиться касательно диспозиціи къ атакѣ, то и сѣлъ, по своему обыкновенію, на первую попавшуюся, лучшую казачью лошадь и, сопровождаемый только нѣсколькими офицерами и казаками, поскакалъ къ р. Рымнѣ, по другую сторону которой Турки были расположены лагеремъ. Достигнувъ возвышеннаго пункта, съ котораго открывался свободный видъ на мѣстность по ту сторону рѣки, онъ сошелъ съ лошади и, чтобъ лучше обозрѣть лагерное расположеніе непріятеля, взлѣзъ на высокое дерево. Отсюда ему открылся дальній видъ на турецкую позицію.

Онъ увидалъ, во-первыхъ, на своемъ крайнемъ правомъ флангѣ, у деревни Тыргокукули, турецкій лагерь, на видъ въ 10—12,000 человѣкъ, — затѣмъ прямо передъ собою, далѣе назади, на высотахъ у деревни Бохча, замѣтилъ дымъ, поднимавшійся изъ втораго, бо́льшаго лагеря, который, казалось, простирался до лѣса на краю горизонта, — и наконецъ узналъ, что на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, у деревни Мартинешти на р. Рымникѣ, находился еще третій, главный лагерь Турокъ, а по ту сторону рѣки еще и четвертый, собственно лагерь великаго визиря. Пространство, которое занимали всѣ эти лагери отъ Тыргокукули до Мартинешти, составляло болѣе пятнадцати верстъ по прямому направленію.

Къ непріятельскому расположенію вели три дороги: ближайшею изъ нихъ, фокшанскою, нельзя было воспользоваться потому, что она вела прямо подъ огнемъ турецкихъ орудій черезъ Рымну, берега которой были круты и обрывисты, поэтому переправой должно было-бы овладѣть съ бою подъ непріятельскимъ огнемъ,и Турки, казалось, были здѣсь на сторожѣ. Но нѣсколько верстъ ниже, при Чорешти, онъ замѣтилъ двѣ другія дороги, болѣе удобныя и не охраняемыя непріятелемъ, а потому и рѣшился по нимъ перевесть войска черезъ Рымну. Убѣдившись во всемъ личнымъ обозрѣніемъ, онъ воротился въ лагерь, поговорилъ минуту съ принцемъ Кобургскимъ, чтобъ сообщить ему окончательные результаты своей рекогносцировки и затѣмъ поспѣшилъ къ своимъ войскамъ, чтобъ сдѣлать распоряженія къ предстоявшему сраженію. Полковнику Золотухину, который сопровождалъ его, онъ поручилъ условиться съ принцемъ касательно диспозиціи.

Турки и не подозрѣвали, что будутъ атакованы, а напротивъ сами готовились атаковать принца Кобургскаго. Но уже было поздно и благопріятный для того моментъ изчезъ навсегда. Уже въ первыхъ числахъ сентября великій визирь съ 90,000 человѣкъ перешелъ черезъ Дунай у Браилова, но двигался впередъ чрезвычайно медленно, такъ что только къ 7-му сентября прибылъ къ Мартинешти и расположился здѣсь лагеремъ. Онъ хотѣлъ вытѣснить Австрійцевъ изъ Молдавіи и потерялъ самое удобное для дѣйствій время. Три дня онъ оставался въ полномъ бездѣйствіи, потому-ли, что ожидалъ еще подкрѣпленій, какъ полагалъ Суворовъ, или-же потому, что желалъ прежде получить извѣстіе объ успѣхахъ Гассана. Да и безчисленное множество людей, свиты и прислуги, тяжестей, обоза, верблюдовъ, буйволовъ, повозокъ, ([12]) которыхъ влачила при себѣ его ар-

---

(12) Громаденъ былъ такой обозъ, все тащили вслѣдъ за арміей, лошади, вер-

мія, затрудняло и замедляло ея движенія. 8 сентября авангардъ его имѣлъ дѣло съ Австрійцами, которые отступили за р. Мильковъ. 9-го онъ распространилъ свое расположеніе влѣво, и авангардъ его сталъ лагеремъ при Тыргокукули. Такимъ образомъ войска его были неискусно растянуты на протяженіи болѣе 3 миль (21 версты).—А между тѣмъ упущеніе благопріятнаго мгновенія должно было дорого стоить ему. Оно дало Суворову время прибыть съ своимъ небольшимъ отрядомъ героевъ и тѣмъ дать другой оборотъ дѣлу.

Однако великій визирь не опасался ничего и, въ своемъ ослѣпленіи, былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что когда случайно попавшій въ плѣнъ русскій офицеръ сказалъ ему, что «Суворовъ собирается примкнуть къ Австрійцамъ,» онъ недовѣрчиво покачалъ головою и полагалъ, что это долженъ быть другой съ тѣмъ-же именемъ, потому что генералъ Суворовъ умеръ отъ ранъ въ Кинбурнѣ. Но очень скоро затѣмъ онъ долженъ былъ увѣриться въ его жизни и присутствіи.

Между тѣмъ въ лагерѣ союзниковъ всѣ приготовленія были уже сдѣланы : люди отдохнули, ружья вычищены, штыки отточены, диспозиція составлена, предварительныя соглашенія исполнены. Съ нетерпѣніемъ ожидали всѣ минуты выступленія , каждый чувствовалъ, что находится наканунѣ важнаго событія, что можетъ быть слѣдующій день рѣшитъ исходъ цѣлаго похода. Но солдаты были бодры, исполнены одушевленія и жажды боя, а это именно и могло служить хорошимъ предзнаменованіемъ.

Наконецъ солнце скрылось. Этой минуты только и ожидали, и немедленно все пришло въ движеніе. По двумъ мостамъ перешли чрезъ Мильковъ, правѣе Русскіе силою въ 7,000 человѣкъ, лѣвѣе Австрійцы числомъ 18,000. Почетное мѣсто было предоставлено Русскимъ, потому что имъ надлежало сдѣлать первое нападеніе на Тыргокукули. Кавалерія перешла въ бродъ. Въ тишинѣ шли войска впередъ, всякій шумъ, сигналы, барабанный бой были строжайше запрещены. Союзники хотѣли приблизиться совершенно незамѣтно и пасть Туркамъ на голову неожиданно, какъ гроза. Мракъ, болѣе глубокій, чѣмъ обыкновенно, благопріятствовалъ ихъ предпріятію.

блюды, буйволы слѣдовали съ военными и продовольственными запасами и драгоцѣнностями. Одинъ верблюдъ несъ палатку, котлы, кофейники и ведра на 20 янычаровъ; десять янычаровъ имѣли вьючную лошадь, а каждый изъ Татаръ могъ имѣть столько лошадей, сколько хотѣлъ, обыкновенно трехъ или четырехъ. Такимъ образомъ они совершали свои переходы по удобству и отдѣльными толпами, но только, вблизи отъ непріятеля, подъ прикрытіемъ сильнаго авангарда.

Наконецъ, пройдя 12 верстъ, войска достигли береговъ Рымны. Они были круты и обрывисты, но рѣка, хотя имѣла 200 шаговъ ширины, въ эту пору была такъ мелководна, что́ войска не имѣли надобности въ понтонахъ, которые принцъ Кобургскій, въ похвальной предусмотрительности, присоединилъ къ нимъ, а перешли въ бродъ, при чемъ вода доходила имъ только до колѣнъ. Но много времени и трудовъ стоило встащить орудія на крутые берега; особенно большую услугу оказали при этомъ сильныя лошади австрійскаго понтоннаго парка. Наконецъ всѣ войска переправились, и еще до разсвѣта Русскіе снова построились въ боевой порядокъ. Онъ былъ тотъ-же, что и при Фокшанахъ: шесть каре, расположенныхъ въ двѣ линіи, въ шахматномъ порядкѣ, кавалерія въ третьей. Первая линія (13) была подъ начальствомъ генералъ-маіора Познякова, который только-что избавился сильной лихорадки, вторая—бригадира Вестфалена, а кавалерія—бригадира Бурнашева. Храбрый генералъ-поручикъ Дерфельденъ на этотъ разъ не могъ принять участія въ дѣлѣ: несвоевременная болѣзнь приковала его къ одру.—Австрійцы также сохранили тотъ же боевой порядокъ, что́ при Фокшанахъ: девять каре въ двѣ линіи, съ кавалеріею позади. Карачай съ десятымъ каре и 4-мя эскадронами гусаръ и драгунъ составлялъ и здѣсь среднее отдѣленіе между Австрійцами и Русскими. Кромѣ того принцъ Кобургскій усилилъ русскую кавалерію 4-мя эскадронами гусаръ (Барко и Императора.)

Суворовъ съ русскими войсками перешелъ черезъ Рымну семь верстъ ниже Тыргокукули,—Австрійцы шли гораздо лѣвѣе и прибыли позже. Приведя свои войска въ порядокъ и ободривъ ихъ краткими словами, онъ двинулся вверхъ по правой сторонѣ рѣки противъ лагеря, расположеннаго у этой деревни. Лагерь этотъ, на 12,000 человѣкъ, подъ начальствомъ двухбунчужнаго паши Хаджи-Соитара, былъ выгодно расположенъ на высотахъ и впереди себя имѣлъ оврагъ съ крутыми боками, чрезъ который Русскимъ должно было перейдти, чтобъ достигнуть лагеря. Нѣсколько батарей защищали его и только подъ ихъ огнемъ можно было перейдти черезъ него.

Взошло солнце 11 (22) сентября; въ торжественной тишинѣ подвигались впередъ русскія войска, исполненныя желанія боя, легкія войска впереди, за ними кареи въ боевомъ порядкѣ, Суво-

---

(13) См. таблицу лит. В. и планъ I.

(Къ стр. 268-й, — выноска 13-я).

В. Боевой порядокъ русскихъ войскъ въ сраженіи при Рымникѣ

11 (22) Сентября 1789.

Первая линія. Генералъ-маіоръ Позняковъ.		2 бат. гренадеръ. Полковн. Бардаковъ.		2 бат. егерей. Подполковникъ Рарогъ.		2 бат. гренадеръ (Фанагорійскаго п.) Подполковникъ Хастатовъ.
Вторая линія. Бригадиръ Вестфаленъ.		2 бат. Смоленскаго п. Полковникъ Владычинъ.		1 бат. Апшеронскаго п. Полковникъ Апраксинъ.		2 бат. Ростовскаго п. Полковникъ Шершневъ.
Третья линія. Бригадиръ Бурнашевъ.	Казаки. Арнауты.	2 эск. гусаръ Барко. Подполковн. Гревенъ.	3 эск. Черниг. карабин. п. Полковникъ Поливановъ.	2 эск. Стародуб. карабин. п. Полковникъ Миклашевскій.	2 эск. Ряз. караб. п. N.N.	2 эск. гусаръ Императора. Маіоръ Матешовскій.	Казаки. Арнауты.

ровъ, окруженный своими адъютантами, въ серединѣ,—чрезъ поля созрѣвшей пшеницы, чрезъ луга, на которыхъ трава была по поясъ, по легкому скату вверхъ, устремивъ глаза на турецкій лагерь. Еще не показывалась ни одна непріятельская партія; наконецъ, почти въ трехъ верстахъ отъ Тыргокукули, появились отдѣльныя толпы и окружили Русскихъ. Слѣдуя далѣе, войска увидали вдали нѣсколько черныхъ земляныхъ насыпей, изъ-за которыхъ вскорѣ ихъ привѣтствовалъ сильный огонь. Неустрашимо прибавили они шагу, уже были недалеко отъ непріятельскихъ батарей, какъ вдругъ—были задержаны упомянутымъ выше крутымъ оврагомъ. Это было трудное мѣсто: черезъ оврагъ вела только одна узкая дорожка, по которой кареи могли проходить только одно за другимъ, а чтобъ имъ всѣмъ пройти и снова построиться на другой сторонѣ, нужно было потерять много времени, въ продолженіе котораго войска вполнѣ подвергались непріятельскому огню. Солдаты замялись, но Суворовъ не далъ имъ времени задуматься. Онъ приказалъ крайнему правому каре Фанагорійскихъ гренадеръ, подъ начальствомъ подполковника Хастатова, перейти первымъ: оно взлѣзло на противуположную высоту, бросилось на непріятельскія батареи, прогнало Турокъ и опрокинуло орудія.

Турки не умѣли надлежащимъ образомъ воспользоваться выгодами своей позиціи, потому что, при нѣкоторомъ благоразуміи и искусномъ распоряженіи съ своей стороны, долго могли бы защищать этотъ оврагъ противъ русскихъ войскъ. Вмѣсто того они, казалось, уже отчаялись въ побѣдѣ и заботились въ своемъ лагерѣ, какъ увезть тяжести. У того, кто думаетъ о такихъ мѣрахъ предосторожности, нѣтъ болѣе той увѣренности, которая часто даруетъ побѣду, потому что не сомнѣвается въ ней. Изъ числа непріятелей, нѣсколько тысячъ Валаховъ и другой негодной сволочи тотчасъ бѣжали; храбрѣйшіе же, еще 6—7,000 человѣкъ, рѣшились идти на встрѣчу Русскимъ.

2—3,000 янычаровъ вскочили на лошадей позади спаговъ, чтобъ скорѣе достигнуть непріятеля; между ними было много черныхъ Африканцевъ, отличавшихся своею дикостью. Вся эта толпа устремилась на Русскихъ.

Бригадиръ Бурнашевъ, который съ 6-ю эскадронами, объѣхавъ на рысяхъ правѣе, вышелъ изъ оврага, долженъ былъ выдержать первый, сильнѣйшій натискъ непріятеля: атакованный въ одно время съ фронта, фланговъ и тыла, онъ послѣ нѣкотораго сопротивленія былъ принужденъ отступить. Преслѣдуя его, Турки наткнулись на

первое перешедшее каре гренадеръ, которое встрѣтило ихъ сильнымъ огнемъ. Янычары соскочили съ лошадей и съ ятаганомъ въ одной рукѣ, съ кинжаломъ въ другой, бѣшено устремились на Русскихъ. Между тѣмъ Суворовъ перевелъ черезъ оврагъ и второе каре, состоявшее изъ егерей, при которомъ находился лично и взялъ непріятеля во фланъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ тоже время Бурнашевъ, съ своими 6-ю эскадронами, поддержанный гусарами Императора подъ начальствомъ маіора Матешовскаго, врубился въ непріятеля съ другой стороны. Много Турокъ погибло отъ огня и меча, остальные обратились въ бѣгство, когда гренадеры пошли на нихъ въ штыки. Между тѣмъ казаки и арнауты уже овладѣли позади ихъ опустѣлымъ лагеремъ и вышли изъ него на встрѣчу имъ: тогда они окончательно разсѣялись и одни бѣжали въ находившійся позади лѣсъ, а другіе въ большой лагерь.

Въ тоже самое время крайнее лѣвое крыло русскихъ войскъ, каре Смоленскаго полка подъ начальствомъ полковника Владычина, перешедшее черезъ оврагъ выше, было атаковано 5,000 отборныхъ спаговъ. Ихъ привелъ изъ втораго лагеря, на помощь авангарду, Османъ-паша, герой Путны. Для поддержанія этого, сильно тѣсимаго полка, Суворовъ послалъ полковника Шершнева съ его каре (Ростовскаго полка), приказавъ ему идти въ косвенномъ направленіи, чтобъ поставить непріятеля подъ перекрестный огонь. Въ тоже время Черниговскіе карабинеры и гусары Барко, которые были на лѣвомъ крылѣ, ударили на непріятеля. Турки сопротивлялись недолго, и послѣ боя, продолжавшагося около часу, они и здѣсь оставили поле сраженія за Русскими.

Между тѣмъ второй, сильный отрядъ въ 15,000 челов. конницы, узнавъ о малочисленности Русскихъ, примчался изъ главнаго лагеря, чтобъ ударить имъ во фланъ и въ тылъ. Но принцъ Кобургскій, по причинѣ обхода, позже Русскихъ перешедшій черезъ Рымну, приблизился уже къ нимъ на полмили ($3^1/_2$ версты), но лѣвѣе ихъ, потому что направился прямо передъ собой на средній лагерь Турокъ. Поэтому эти 15,000 внезапно попали подъ огонь его орудій. Долго выдерживали они его и многократно пытались врубиться въ австрійскія каре, но всякій разъ были отражаемы. Болѣе всѣхъ былъ тѣснимъ ими храбрый Карачай, который, для связи съ Русскими, сталъ нѣсколько съ боку: это дало ему случай явить новые опыты своей неустрашимости. Два часа сражались здѣсь, пока наконецъ Турки рѣшились отступить, покрывъ поле своими убитыми и ранеными.

Тѣмъ кончилась первая часть сраженія. Суворовъ скакалъ вездѣ на своей казачьей лошади, устроивалъ разстроившіяся каре и возстановлялъ ихъ боевой порядокъ съ надлежащими промежутками, но перемѣнилъ фронтъ ихъ. До сихъ поръ войска шли на юго-западъ къ Тыргокукули, но теперь, такъ какъ Турки были уже прогнаны оттуда, войска обратились къ востоку, противъ ихъ втораго, бо̀льшаго лагеря у деревни Бохчи и лѣса Крынгумейлора. Этимъ русскія войска снова вошли въ одну линію съ Австрійцами, которые тоже приняли направленіе на юго-востокъ и съ которыми они до сихъ поръ образовали исходящій уголъ. Хастатовъ съ своимъ каре остался еще на взятомъ съ боя мѣстѣ, чтобъ выждать возвращенія кавалеріи, преслѣдовавшей непріятеля, и прикрыть ее.

Солнце было уже высоко, зной—сильный, и Суворовъ далъ своимъ войскамъ полчаса отдыха. Въ это время они находились у деревни Каяты, на берегу небольшаго ручья, около четырехъ верстъ отъ втораго турецкаго лагеря, гдѣ долженъ былъ начаться новый бой. Впереди находилась почти незамѣтно поднимавшаяся высота съ деревней Бохчей на ней, на лѣво обширная равнина, по которой слѣдовали австрійскія каре, тоже остановившіяся теперь на полчаса отдыха, а на право былъ довольно большой холмъ съ развалинами стараго замка Тыргокукули. Пока Суворовъ обозрѣвалъ здѣсь мѣстность и принималъ сообразныя съ нею дальнѣйшія мѣры, солдаты подкрѣпились пищею, а кавалерія напоила лошадей въ ручьѣ. Турокъ не было видно, исключая одной небольшой партіи, которая отдыхала недалеко отъ Русскихъ. Со всѣхъ сторонъ царствовала тишина, но тишина, предшествующая страшной грозѣ.

Затѣмъ должна была начаться вторая часть этого продолжительнаго сраженія. Мѣстомъ дѣйствія его теперь были съ одной стороны деревня Бохча, огражденная турецкими батареями, а съ другой—тянувшійся правѣе ея лѣсъ Крынгумейлоръ, прикрытый спереди по опушкѣ неоконченною земляною насыпью, надъ которою и въ эту минуту еще работами Турки. За нею, съ многочисленною артилеріею, были расположены 15,000 янычаровъ, называемыхъ *дальгичами*, потому что они были вооружены только ятаганами и кинжалами; спаги и прочая конница отошли на оба фланга.

Батареи Бохчи и лѣса составляли входящій уголъ и потому грозили убійственнымъ перекрестнымъ огнемъ всему, что́ бы ни приблизилось къ нимъ. Чтобъ избѣжать его и сдѣлать батареи Бохчи безвредными, Суворовъ положилъ обойти деревню справа и атаковать ее сзади. Хотя за деревнею, въ нѣкоторомъ разстояніи, находился

другой лѣсъ и промежутокъ между ними защищался турецкою конницей, но эта послѣдняя была не такого рода, чтобъ удержать движеніе русскихъ войскъ.

Въ часъ пополудни вся линія, и Австрійцы, и Русскіе, поднялась и предприняла дальнѣйшее движеніе. Музыка играла, барабаны били, знамена развѣвались, и бодро шли войска впередъ на послѣднее рѣшеніе дѣла. Теперь только долженъ былъ начаться сильнѣйшій, упорнѣйшій бой.

Между тѣмъ какъ они наступали, самъ великій визирь съ 20,000 челов. свѣжей конницы прибылъ изъ главнаго лагеря; къ нему примкнули другіе 20,000, уже сражавшіеся поутру, и вся эта масса съ громкимъ воплемъ бросилась на встрѣчу союзникамъ. Земля дрогнула отъ топота такого множества лошадей, воздухъ наполнился ржаніемъ коней, крикомъ, воплями всадниковъ; какъ густая, черная туча грозно двигались они, на сколько могъ обнять глазъ. Нужна была вся твердость духа испытанныхъ воиновъ, чтобъ выждать ихъ хладнокровно и безстрашно. Въ эту пору имперцы показали себя достойными лучшихъ дней своей славы. Съ воспоминаніемъ о своей послѣдней побѣдѣ, исполненные чувства чести—не отстать отъ своихъ союзниковъ, они стояли непоколебимо и встрѣтили атакующаго непріятеля огнемъ, не прекращавшимся ни на минуту. Въ особенности отличилась ихъ храбрая венгерская кавалерія: нѣсколько разъ врубалась она въ средину непріятелей и, окруженная множествомъ ихъ, отрѣзываемая, тѣснимая, постоянно, съ саблей наголо, пробивалась между нихъ.

Но не безъ тревоги видѣлъ принцъ Кобургскій, что громадныя полчища непріятеля, покрывавшія всѣ поля вокругъ, не только не уменьшались, но постоянно свѣжими войсками производили нападенія на его кареи, къ которымъ подскакивали подъ самые штыки, хотя не въ состояніи были прорвать ихъ. Въ это самое мгновеніе русскія войска отдѣлились движеніемъ вправо вокругъ Бохчи, и принцъ Кобургскій, безпокоясь тѣмъ, что одинъ долженъ былъ выдерживать весь этотъ грозный натискъ, посылалъ офицера за офицеромъ къ Суворову съ просьбою примкнуть къ нему, какъ будто только тогда считалъ себя безопаснымъ, когда видѣлъ Суворова возлѣ себя.

Но движеніе, которое совершалъ русскій полководецъ, должно было помочь Австрійцамъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ еслибъ онъ сражался рядомъ съ ними. Гоня своимъ огнемъ турецкія толпы передъ собой, онъ обошелъ Бохчу и уже грозилъ атаковать деревню съ тыла и овладѣть артиллеріею, находившеюся впереди ея. Турки

старались скорѣе спасти орудія въ Крынгумейлорскій лѣсъ, между тѣмъ какъ конница ихъ, безпрестанными атаками, должна была задерживать движеніе Русскихъ. Но послѣдніе, постоянно тѣсня непріятеля далѣе передъ собой, частію овладѣли деревней, частію обошли ее и, сдѣлавъ вокругъ нея захожденіе правымъ флангомъ впередъ, распространились по другую сторону ея въ равнинѣ. Суворовъ воспользовался бывшею тамъ открытою мѣстностью, чтобъ снова привесть въ порядокъ свои каре и затѣмъ немедленно двинуться на лѣвую сторону лѣса.

Между тѣмъ стойкость и огонь Австрійцевъ отразили всѣ нападенія турецкой конницы, а движеніе русскихъ войскъ ей во флангъ рѣшило ея отступленіе. Линія Австрійцевъ и Русскихъ образовала въ эту минуту входящій уголъ, стороны котораго однако не сходились въ вершинѣ, такъ что между ними здѣсь былъ промежутокъ почти въ $1^1/_2$ версты, но разстояніе это съ каждымъ шагомъ впередъ уменьшалось, по мѣрѣ того, какъ сходились оконечности фронтовъ. Вслѣдствіе этого Турки попали подъ убійственный перекрестный огонь, который скоро принудилъ ихъ къ отступленію. Одни изъ нихъ бросились къ лѣсу, другіе бѣжали въ Рымникскій лагерь, наконецъ третьи грозили обойти русскія войска съ фланга, хотя и не могли ввести ихъ этимъ въ обманъ.

Суворовъ обсуждаетъ положеніе боя, видитъ, какъ одни толпы Турокъ бѣгутъ, другія колеблятся, бóльшая часть уходитъ за Крынгумейлорскіе окопы, туда же обращается бóльшая часть конницы, чтобъ обезпечить фланги пѣхоты. Огонь орудій оттуда не прекращается, не нанося однако вреда союзникамъ, потому что ядра большею частію перелетаютъ черезъ нихъ. Теперь необходима рѣшительная атака, турецкіе окопы должны быть взяты и Турки лишены тѣмъ послѣдняго убѣжища. Земляная насыпь была незначущая, брустверъ ея низокъ, рвы неглубоки, а лѣсъ позади рѣдокъ: всѣ эти обстоятельства внушили Суворову смѣлое движеніе.

Прежде всего онъ приказалъ кавалеріи въѣхать въ интервалы пѣхоты, чтобъ заполнить фронтъ; съ лѣвой стороны должны были примкнуть австрійскіе гусары, имѣя въ резервѣ драгуновъ Левенера, на право были поставлены казаки и арнауты. Всѣ эти распоряженія были исполнены, нимало не задерживая движенія впередъ и при непрерывномъ дѣйствіи орудій. Полковника Золотухина Суворовъ послалъ къ принцу Кобургскому съ просьбою, чтобы принцъ, подобно ему, быстро двинулся къ лѣсу и рѣшительною атакой овладѣлъ имъ. Согласясь на эту просьбу, принцъ обѣщалъ испол-

нить тѣже движенія, какія произведутъ русскія войска. Такимъ образомъ вся линія союзниковъ приблизилась къ лѣсу большимъ полукружіемъ. Уже турецкая артиллерія принуждена прекратить огонь; съ приближеніемъ опасности, отдѣльныя толпы янычаровъ уже начинаютъ уходить, другія остаются, съ турецкимъ равнодушіемъ предаваясь неотвратимой судьбѣ, или обрекая себя смерти. Союзники подошли уже на 400 саженъ и смѣлый подвигъ долженъ рѣшить дѣло. Суворовъ приказываетъ всей кавалеріи броситься маршъ-маршемъ изъ интерваловъ на укрѣпленіе и овладѣть имъ съ саблей на голо, а пѣхотѣ слѣдовать непосредственно за нею, чтобъ поддерживать натискъ конницы. «Впередъ, ребята,—воскликнулъ онъ съ одушевленнымъ взглядомъ,—груди этихъ басурмановъ ждутъ вашихъ штыковъ».

Какъ бурный вихрь понеслась туда союзная кавалерія, карабинеры и гусары соревнуя другъ другу, и ничто не могло удержать ихъ: чрезъ рвы и брустверы ворвались они въ укрѣпленіе, среди янычаровъ, которые отчаянно защищались. Полковникъ Миклашевскій съ Стародубскими карабинерами ворвался первый, а вслѣдъ затѣмъ австрійскіе гусары Барко и Императора. Казаки, арнауты и австрійскіе уланы пробились сквозь турецкую конницу и ворвались въ укрѣпленіе сзади. Тутъ началась настоящая рѣзня. Янычары, не видя средствъ къ спасенію, рѣшились дорого продать свою жизнь. Топчи умирали храбрецами на орудіяхъ, при которыхъ прислуживали; что успѣло бѣжать, попало въ руки легкимъ войскамъ. Въ это время, ускореннымъ шагомъ, съ громкимъ крикомъ ура, съ ружьями на перевѣсъ, подоспѣла и пѣхота, бросилась на штурмъ, ворвалась въ укрѣпленіе и въ лѣсъ, и тѣ непріятели, которые еще держались въ нихъ, пали подъ ея ударами. И Австрійцы также съ своей стороны двинулись впередъ и бодро очищали все передъ собою; особенно отличились баталіоны Кауница и Коллоредо. Изъ Русскихъ Бардаковъ съ своими гренадерамиопрокинулъ все, что̀ ни встрѣтилъ, и взялъ два орудія; егеря Рарога преслѣдовали бѣжавшихъ въ самую глубину лѣса; карабинеры Миклашевскаго завладѣли четырьмя пушками. Жертвами этого дня пали также многіе несчастные землекопы, которые были еще заняты работой. Въ четыре часа по полудни лѣсъ былъ взятъ, побѣда рѣшена и Турки вездѣ находились въ самомъ безпорядочномъ бѣгствѣ.

Безъ остановки бѣжали они къ своему главному̀ лагерю, преслѣдуемые союзною кавалеріей, которая безпощадно колола, рубила и убивала всѣхъ, кого успѣвала настигнуть, потому что еще было

слишкомъ много непріятелей для того, чтобъ давать пощаду. Дабы задержать своихъ преслѣдователей, бѣглецы взрывали многія пороховыя повозки, но тщетно, это только увеличивало собственное ихъ замѣшательство. Полковникъ Поливановъ съ Черниговскими карабинерамя отрѣзалъ 500 янычаровъ и уничтожилъ ихъ всѣхъ. Подполковникъ Гревенъ съ двумя эскадронами гусаръ Барко догналъ другую толпу и изрубилъ 300 человѣкъ. Многіе другіе сдѣлали тоже: Русскіе и Австрійцы соперничали въ томъ, кто болѣе нанесетъ вреда непріятелю. Но вездѣ Карачай подавалъ блистательный примѣръ и сражался впереди вмѣстѣ съ русскими войсками.

Такимъ образомъ бѣгство, ужасъ, смятеніе и преслѣдованіе распространились до Рымникскаго лагеря, находившагося въ шести верстахъ далѣе.

Великій визирь, который, по причинѣ болѣзни (онъ страдалъ изнурительною лихорадкой), приказалъ возить себя вездѣ въ экипажѣ и въ немъ усердно молился, забылъ въ этой крайности о своихъ тѣлесныхъ страданіяхъ. Онъ приблизился уже къ Крынгумейлорскому лѣсу и увидалъ здѣсь бѣгство и смятеніе: горе овладѣло его душою и отчаяніе возвратило тѣлу утраченныя имъ силы. Онъ вышелъ изъ экипажа, приказалъ подать своего боеваго коня, вскочилъ на него и бросился въ средину своихъ войскъ, чтобъ снова вести ихъ въ бой. Но тщетны были всѣ его требованія, тщетно показывалъ онъ въ подъятой правой рукѣ священную книгу ихъ закона, коранъ, напоминалъ имъ о пророкѣ, наградахъ и наказаніяхъ, тщетно упрашивалъ, грозилъ, заклиналъ. Если разъ умами овладѣлъ страхъ, то они не обращаютъ уже вниманія ни на что иное, и всѣ увѣщанія произносятся на вѣтеръ. Да при такомъ крайнемъ смятеніи и невозможно было бы возстановить въ войскахъ порядокъ и стойкость. Не останавливаясь бѣжали толпы, пѣшія и конныя, тяжести и обозы, перемѣшавшись между собою. Чтобъ заставить ихъ остановиться, великій визирь въ отчаяніи приказалъ направить противъ нихъ два находившіяся при немъ полевыя орудія, но и это было тщетно: бо́льшая опасность легко заставила ихъ пренебречь меньшею. Столь же безплодными остались и усилія храбраго Османа-паши собрать хоть небольшой отрядъ и противупоставить его напиравшему непріятелю: устрашенныя войска нигдѣ не хотѣли останавливаться и увлекли въ своемъ бѣгствѣ и его самаго, и всѣхъ, кто хотѣлъ остановить ихъ.

День уже склонялся къ ночи, солнце скрылось, когда побѣдители достигли Рымника;—ужасный видъ!—тысячи лошадей, воловъ,

буйволовъ и людей тѣснились въ смятеніи, тонули въ рѣкѣ и своими трупами наполняли ея ложе; цѣлые ряды фуръ, телѣгъ, повозокъ въѣхали въ нее и запружали ея теченіе; все бросалось въ нее, какъ бы гонимое рокомъ; сильнѣйшіе переплывали, слабѣйшіе тонули; безпорядокъ производилъ общее смятеніе и затруднялъ бѣгство. Гдѣ угрожаетъ опасность и господствуетъ ужасъ, тамъ человѣкъ не внемлетъ голосу холоднаго разсудка: лишенный сознанія, онъ повинуется лишь внушеніямъ страха.

Только до этого мѣста продолжалось въ этотъ день преслѣдованіе: Суворовъ уже напередъ назначилъ Рымникъ предѣломъ его. Войска слишкомъ устали послѣ сраженія, продолжавшагося цѣлый день, и послѣ усиленнаго ночнаго похода, и отъ нихъ нельзя уже было требовать ничего болѣе.

Русскія войска расположились лагеремъ въ разстояніи получаса отъ австрійскихъ, и скоро въ палаткѣ ихъ предводителя явился принцъ Кобургскій, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Молча бросились оба предводителя одинъ другому въ объятія и съ чувствомъ теплой дружбы привѣтствовали другъ друга окружавшіе ихъ: всѣ были исполнены радости и гордости отъ полнаго сознанія чудной побѣды, одержанной ими. Чѣмъ значительнѣе были усилія и опасности этого дня, тѣмъ возвышеннѣе и чувство самодовольствія, исполнявшее всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго. Явился и доблестный Карачай, столь дѣятельно содѣйствовавшій успѣху. Отъ всего сердца обнялъ его Суворовъ, превозносилъ его геройскую храбрость, назвалъ его истиннымъ рыцаремъ и отличилъ предъ всѣми: «какъ друзья и братья,—сказалъ онъ,—помогали мы другъ другу, но *онъ* (указывая на Карачая) болѣе всѣхъ способствовалъ побѣдѣ». Съ этой минуты до смерти Карачай былъ глубоко преданъ ему.

Однако взаимное согласіе и радость были нѣсколько возмущены письмомъ князя Потемкина, которое вечеромъ вручено было принцу Кобургскому. Потемкинъ горько жаловался въ немъ, между прочимъ, на то, что австрійскіе понтоны не были готовы въ надлежащее время. Принцъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ. «Я князь имперіи,—сказалъ онъ,—и на службѣ Римскаго императора, и потому не обязанъ получать приказаній отъ князя Потемкина»,— и даже прибавилъ, кажется, въ своемъ огорченіи—«еслибъ это письмо дошло до меня ранѣе, я вовсе не атаковалъ бы.» Огорченіе завлекло его слишкомъ далеко. Еслибъ онъ не атаковалъ, то былъ бы самъ атакованъ, и кто знаетъ, что́ случилось бы тогда съ его арміей? Тутъ каждая минута была дорога и всякое промедленіе ги-

бельно. Слѣдовательно, въ угоду ребяческому упрямству, онъ пожертвовалъ бы ввѣренными ему войсками? Не онъ оказывалъ здѣсь услугу Русскимъ, но они ему. На него имѣлъ виды великій визирь, къ нему на помощь прибыли Русскіе и съ ихъ помощью одержалъ онъ побѣду, которая сдѣлала имя его историческимъ. Поэтому нѣсколько страннымъ казалось, что онъ свою атаку хотѣлъ представить какъ оказанную имъ милость. Минутное неудовольствіе могло служить извиненіемъ подобнымъ словамъ, но глубокаго значенія они не имѣли.

На слѣдующій день рано утромъ Суворовъ послалъ казаковъ, арнаутовъ и имперскихъ гусаровъ за Рымникъ, чтобъ завладѣть покинутымъ лагеремъ великаго визиря. Тутъ было изрублено нѣсколько сотъ отставшихъ Турокъ и взята богатая добыча. А принцъ Кобургскій съ своей стороны приказалъ очистить Крынгумейлорскій лѣсъ и разсѣять бродившихъ въ немъ Турокъ. Многихъ изъ нихъ нашли скрывшимися въ кустахъ и на деревьяхъ; и они не избѣгли общей съ другими участи.

Между тѣмъ Суворовъ велѣлъ отслужить на полѣ сраженія благодарственное молебствіе; онъ построилъ свои войска въ большое каре и приказалъ, чтобъ каждый солдатъ держалъ въ рукѣ лавровую вѣтвь. По окончаніи молебствія онъ обратился къ своимъ войскамъ съ рѣчью, съ свойственнымъ ему жаромъ говорилъ имъ о славѣ, чести, побѣдѣ и лаврахъ, и едва произнесъ это послѣднее слово, всѣ должны были увѣнчать свои головы побѣдными вѣтвями. Такъ при каждомъ случаѣ дѣйствовалъ онъ на своихъ солдатъ и образовалъ изъ нихъ непобѣдимыхъ воиновъ.

Непомѣрно велика была добыча, особенно взятая въ собственномъ лагерѣ великаго визиря, въ томъ числѣ и его великолѣпная палатка, подбитая золотыми и серебряными тканями. Цѣлыя стада овецъ, воловъ, буйволовъ и верблюдовъ, нѣсколько тысячъ повозокъ съ запасами всякаго рода, большое количество великолѣпнаго, богатоукрашеннаго оружія, 100 знаменъ, 80 орудій съ ихъ боевыми снарядами и три лагеря со всѣми принадлежностями—таковы были первые плоды этой побѣды, одержанной съ полнымъ единодушіемъ.

Цѣлую ночь продолжалось бѣгство Турокъ, при которомъ также они понесли большія потери. Когда великій визирь, вмѣстѣ съ передовыми, прибылъ къ р. Бузео и перешелъ чрезъ нее, мостъ былъ взорванъ безъ всякаго вниманія къ тѣмъ, которые еще оставались назади, и когда они прибыли къ рѣкѣ, то имъ не осталось ничего болѣе, какъ спасаться вплавь. Гонимые страхомъ, они толпами бросались въ рѣку, при чемъ снова многіе потонули, а другіе бро-

дили вдоль берега, ища удобной переправы; что было спасено изъ имущества, разграбили валахскіе крестьяне. Визирь бѣжалъ въ Браиловъ, и кровавый слѣдъ умиравшихъ и умершихъ обозначилъ его путь.

Въ этой достопамятной побѣдѣ при Рымникѣ или, какъ ее назвали Австрійцы, при Мартинешти, гдѣ Турки были на голову разбиты вчетверо слабѣйшимъ непріятелемъ, они потеряли на полѣ сраженія болѣе 5,000 чел., 2,000 во время бѣгства, болѣе 3,000 утонувшими въ Рымникѣ и Бузео, плѣнными же немного, потому что мало кому давалась пощада. Всю свою потерю, включая и разбѣжавшихся, великій визирь оцѣнилъ кажется въ 20,000 человѣкъ.

Потеря союзниковъ хотя была не велика, однако значительнѣе показанной въ первыхъ донесеніяхъ, по которымъ убитыхъ было только 45 Русскихъ и 150 Австрійцевъ, а раненыхъ 133 Русскихъ и 300 Австрійцевъ. По поводу столь несоразмѣрныхъ показаній невольно припоминается анекдотъ о Суворовѣ, который, на вопросъ своего адъютанта: сколько убитыхъ Турокъ прикажетъ онъ помѣстить въ реляціи? отвѣчалъ: «пиши какъ можно больше,—что ихъ жалѣть—вѣдь это басурманы.»

Великій визирь не долго пережилъ свое пораженіе. Въ Браиловѣ старался онъ собрать свои разбитыя войска, но они со страху нигдѣ не хотѣли остановиться и успокоились не ранѣе, какъ оставивъ за собою Дунай. Затѣмъ онъ повелъ ихъ въ Шумлу, гдѣ бо́льшая часть ихъ покинула его. Самъ онъ умеръ здѣсь, по словамъ однихъ—отъ своей болѣзни, а по мнѣнію другихъ — отъ шелковаго шнурка. Преемникомъ его званія былъ храбрый Гассанъ-паша, прежній капуданъ-паша.

Побѣда эта не имѣла тѣхъ послѣдствій, какихъ слѣдовало бы ожидать отъ нея;—единственнымъ изъ нихъ былъ страхъ, наведенный на Турокъ, который побудилъ ихъ къ скорой сдачѣ различныхъ важныхъ крѣпостей, какъ-то: Бѣлграда, Аккермана и позже Бендеръ. Пока не пали Бендеры, нельзя было рѣшительно идти впередъ, а когда они пали, было уже поздно. При томъ же князь Потемкинъ не могъ въ это время пускаться ни въ какія дальнія предпріятія, при ежедневно возраставшей запутанности политическихъ обстоятельствъ, движеніяхъ въ Польшѣ и вооруженіяхъ Пруссіи, и потому что вообще онъ велъ войну болѣе какъ государственный человѣкъ, нежели какъ полководецъ, болѣе посредствомъ переговоровъ и угрозъ, нежели помощію быстрыхъ и рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій.

На третій день оба полководца разстались съ взаимнымъ засвидѣтельствованіемъ искренняго уваженія и сохранили обоюдно неизмѣнную дружбу. Многія письма позднѣйшаго времени свидѣтельствуютъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряютъ въ томъ высокомъ уваженіи, которое военныя дарованія Суворова внушили принцу Кобургскому. Онъ постоянно называетъ его своимъ высокимъ наставникомъ, своимъ учителемъ, своимъ лучшимъ другомъ, желаетъ еще разъ сражаться вмѣстѣ съ нимъ и жалуется на свою судьбу, которая разлучила его отъ него. И Суворовъ также, слѣдуя инымъ путемъ, часто и съ удовольствіемъ вспоминалъ о принцѣ, который, довѣряя его способностямъ, охотно слѣдовалъ его побужденію. По этой самой причинѣ онъ любилъ сравнивать ихъ взаимныя отношенія съ отношеніями между принцемъ Евгеніемъ и Марльборо: подобно этимъ великимъ полководцамъ, и они устранили далеко отъ себя зависть и ревность. Но только такъ и можно союзными войсками пріобрѣтать большіе успѣхи, и не одни принцъ Евгеній и Марльборо, Суворовъ и принцъ Кобургскій, но и другіе, болѣе высокіе примѣры доказали это впослѣдствіи.

Достойно заслуженныя награды героямъ и ихъ сподвижникамъ не замедлили послѣдовать, и какъ Екатерина, такъ и Іосифъ соперничествовали, казалось, въ дарованіи ихъ. Суворовъ получилъ званіе графа Римской имперіи отъ императора Іосифа и Россійской имперіи, съ почетнымъ прозваніемъ *Рымникскаго*—отъ императрицы Екатерины. Кромѣ того онъ получилъ отъ своей государыни богато украшенную брилліантами шпагу, цѣнностью въ 60,000 рублей, съ надписью: «*побѣдителю великаго визиря*», и наконецъ, что было всего лестнѣе ему — орденъ Св. Георгія 1-й степени, который жалуется только за одержаніе побѣды въ большихъ сраженіяхъ. Принцъ Кобургскій, кромѣ отличій отъ своего государя, получилъ такую же шпагу, какъ и Суворовъ. Отличившіеся генералы, штабъ и оберъ-офицеры получили чины, ордена или иныя награды; солдаты же, которые всѣ оказали себя героями, всѣ были награждены серебряными медалями съ простою надписью *Рымникъ*. Это одно слово выражало все.

Какъ ни лестны были нашему герою эти знаки монаршихъ милостей сами по себѣ, но еще лестнѣе были они ему вслѣдствіе милостивыхъ словъ, которыя сопровождали ихъ. «Вполнѣ признаю, писалъ императоръ Іосифъ (въ своемъ рескриптѣ 9-го октября 1789 года изъ Вѣны), что я этою побѣдою обязанъ особенно Вашему быстрому соединенію съ корпусомъ принца Кобургскаго, равно какъ

и Вашей личной храбрости и геройскому мужеству войскъ Ея Императорскаго Величества, бывшихъ подъ Вашимъ начальствомъ (*).» А императрица Екатерина (въ рескриптѣ 18-го октября 1789 года изъ Петербурга) писала: «Особливое усердіе, которымъ долговременная служба Ваша была сопровождаема, радѣніе и точность во исполненіи предложеній главнаго начальства, неутомимость въ трудахъ, предпріимчивость, превосходное искуство и отличное мужество во всякомъ случаѣ, наипаче же при атакѣ многочисленныхъ турецкихъ силъ, верховнымъ визиремъ предводимыхъ, въ 11 день сентября при рѣкѣ Рымникѣ оказанное, гдѣ Вы съ войсками Нашими и корпусомъ союзника Нашего, Его Величества Императора Римскаго, подъ командою принца Саксенъ-Кобургскаго находящимся, совершенную надъ непріятелемъ одержали побѣду, пріобрѣтаютъ Вамъ особливое Наше Монаршее благоволеніе. Во изъявленіе онаго Мы, на основаніи установленія о военномъ орденѣ Нашемъ Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, пожаловали Васъ кавалеромъ того ордена большаго креста перваго класса, и пр. (**).»

Отъ такихъ знаковъ милости Суворовъ былъ внѣ себя отъ радости и писалъ своей дочери (въ октябрѣ 1789 года): «Comtesse de deux Empires! Скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ, у меня горячка въ мозгу; да кто и выдержитъ! Слышала ли, сестрица душа моя? еще de ma magnanime mère (т. е. отъ императрицы Екатерины) рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки Св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ, да выше всего, голубушка, первой классъ Св. Георгія; вотъ каковъ твой папинька за доброе сердце. Чуть право отъ радости не умеръ. Божіе благословеніе съ тобою. Отецъ твой графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій» (***).

Любопытно сличить здѣсь изображеніе *Суворова и его Русскихъ*, сдѣланное въ это время однимъ австрійскимъ офицеромъ. Съ похвалою отозвавшись сначала о корпусѣ принца Кобургскаго и выставивъ на видъ возвысившееся въ немъ чувство собственнаго достоинства, онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: «какъ ни хороши наши люди, но Русскіе еще превосходятъ ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Почти невѣроятно то, что̀ о нихъ разсказываютъ. Нѣтъ мѣры ихъ повиновенію, вѣрности, рѣшимости и храбрости. Къ этому еще присоединяется крайне воздержный образъ жизни этихъ людей. Непостижимо, какою пищею и въ какомъ маломъ количествѣ

(*) Собраніе писемъ и анекдотовъ и пр. Суворова, Москва, 1814.

(**) Тамъ же.

(***) Жизнь Суворова и пр., издан. С. Н. Глинкою. Москва, 1819.

питается русскій солдатъ и какъ легко онъ переноситъ, если не получаетъ оной цѣлый день. Это не мѣшаетъ ему идти 12 и 14 часовъ сряду и кромѣ того переносить всякую невзгоду безъ ропота. Пѣхота особенно составляетъ силу русской арміи; особенность ея составляетъ то, что она всегда чисто и щегольски одѣта и, даже можно сказать, убрана. Когда она идетъ противъ непріятеля, то одѣта щеголеватѣе, чѣмъ наши войска на плацъ-парадѣ : у каждаго солдата галстухъ и манжеты чисто вымыты и каждый изъ нихъ смотритъ щеголемъ. Но при атакѣ онъ снова вполнѣ дѣлается Скиѳомъ. Они стоятъ какъ стѣна и все должно пасть предъ ними. Атака малаго лагеря (у Тыргокукули) 22 сент., которую генералъ Суворовъ выпросилъ произвесть съ своими войсками, была произведена съ ужаснымъ, дикимъ *хохотомъ*, какимъ смѣются Клопштоковы черти. (14) Слышать, какъ такой хохотъ подняли 7,000 человѣкъ, было дѣломъ до того новымъ и неожиданнымъ, что наши войска смутились, однако вскорѣ снова пришли въ себя и съ криками «вивать Кобургъ»! и затѣмъ «вивать Іосифъ»! двинулись противъ Турокъ.—Если наша пѣхота должна уступить преимущество русской, то Русскіе напротивъ отдаютъ преимущество нашимъ гусарамъ передъ своими казаками. Хотя казаки и крайне храбры, но атакуютъ не въ сомкнутомъ порядкѣ, какъ наши гусары, которые этимъ легче опрокидываютъ непріятеля. Поэтому Суворовъ всегда требовалъ отъ насъ гусаровъ къ своей пѣхотѣ.

«Этотъ Суворовъ лично—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей. Онъ старъ и до того въ морщинахъ, что не можетъ носить сабли. Казакъ, который ѣздитъ за нимъ, возитъ ее и во время дѣла подаетъ ему. Обыкновенно-же у Суворова только одинъ коротенькій бичъ (нагайка), который служитъ ему военачальническимъ жезломъ, а ѣздитъ онъ на первомъ встрѣчномъ, лучшемъ конѣ, потому что вовсе не имѣетъ ни лошадей, ни экипажа. Образъ жизни его очень своеобразенъ. Обыкновенно онъ имѣетъ на себѣ только одну рубашку и на ней свои ордена, а кромѣ того никакихъ другихъ отличій; когда же бываетъ одѣтъ, то мундиръ его самый простой.

---

(14) И другой писатель также говоритъ объ этомъ громкомъ хохотѣ, въ то самое время, когда они перешли черезъ крутой оврагъ у Тыргокукули. Смѣхъ этотъ былъ возбужденъ, можетъ быть, какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствомъ при переходѣ черезъ оврагъ, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о спокойствіи духа и безстрашіи тѣхъ, которые предались ему подъ огнемъ непріятельскихъ орудій.

Цѣлую ночь онъ бодрствуетъ и осматриваетъ своихъ людей и караулы. Въ 8 часовъ утра онъ обѣдаетъ; обѣдъ его крайне скудный, а ѣстъ онъ его на землѣ. Вообще въ немъ очень много странностей; впрочемъ онъ человѣкъ очень образованный и любезный, обожаемый своими и высокочтимый нашими войсками. Два раза онъ насъ братски поддержалъ и помогъ намъ одержать блистательныя побѣды, и это онъ сдѣлалъ по собственному побужденію, не бывши увѣреннымъ, что князь Потемкинъ, который можетъ быть имѣлъ другіе виды, одобритъ это» ([15]).

Между тѣмъ и князь Потемкинъ 3-го сент. перешелъ на правый берегъ Днѣстра и двинулся чрезъ Кишеневъ къ Каушанамъ, чтобъ отрѣзать Бендерской крѣпости всѣ сообщенія. Признавая себя недовольно сильнымъ, а можетъ быть также и для того, чтобъ удалить князя Репнина, котораго онъ не любилъ, какъ племянника Панина, онъ притянулъ къ себѣ бо́льшую часть украинской арміи, другую часть послалъ въ подкрѣпленіе генералу Суворову, а съ остальными войсками оной, 2-мя кавалерійскими и 4-мя пѣхотными полками, генералъ Михельсонъ долженъ былъ занять промежуточную позицію у Фальчи на Прутѣ, чтобъ поддерживать сообщеніе между нимъ и Суворовымъ. Такимъ образомъ Репнинъ остался безъ арміи. Пока войска его двигались къ мѣстамъ своего новаго назначенія, Потемкинъ предпринялъ поискъ противъ Аккермана и на пути взялъ небольшой фортъ Паланку. Аккерманъ, старинный замокъ на высокой горѣ при устьѣ Днѣстра, не имѣвшій особеннаго стратегическаго значенія, потому что тутъ не проходило никакого главнаго пути, оборонялся недолго и 30-го сент. сдался на капитуляцію бригадиру Платову.

И генералу Гудовичу, который съ своею дивизіей оставался до тѣхъ поръ въ Очаковѣ, онъ приказалъ также присоединиться къ нему съ частію своихъ войскъ, такъ какъ въ это время уже нечего было опасаться за Очаковъ со стороны непріятельскаго флота. На пути авангардъ Гудовича, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рибаса, 14-го сентября взялъ штурмомъ укрѣпленный замокъ Хаджибей, тогда незначительное мѣстечко, но впослѣдствіи, стараніями двухъ великихъ государственныхъ мужей, ([16]) долженствовавшее, подъ именемъ Одессы, сдѣлаться важнымъ и цвѣтущимъ торговымъ городомъ.

Послѣ этого, князь Потемкинъ снова воротился къ Бендерамъ,

(15) См. Politisches Journal. 1789. October. Brief aus Wien.

(16) Герцога Ришельё и графа Воронцова.

и въ скоромъ времени всѣ желанія его увѣнчались здѣсь самымъ счастливымъ успѣхомъ. Бендеры, одна изъ сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей, стоившая въ предшествовавшую войну столько крови, всемъ обильно снабженная, имѣвшая 300 орудій на своихъ валахъ и 16,000 человѣкъ гарнизона, сдалась почти безъ сопротивленія, почти не заставивъ сдѣлать ни одного выстрѣла. Гарнизонъ былъ отборный и готовый храбро защищаться, но паша захотѣлъ сдаться на капитуляцію и—сдался «изъ сожалѣнія къ женщинамъ и дѣтямъ,» говорилъ онъ. Онъ сдалъ крѣпость 3 (14) ноября и самъ благоразумно остался у Русскихъ, а войска были отпущены за Дунай. Такимъ образомъ предъ русскимъ оружіемъ пали всѣ крѣпости на линіи Днѣстра.

Здѣсь, подъ Бендерами, Потемкинъ снова явилъ опытъ своей личной неустрашимости, казавшейся похожею на религіозный фанатизмъ. Армія была выстроена, легкія войска тѣснили непріятеля къ предмѣстьямъ. Потемкинъ пріѣхалъ верхомъ съ блистательною свитой и, достигнувъ удобнаго для обозрѣнія пункта, сошелъ съ лошади, приказалъ подать себѣ зрительную трубу и сталъ обозрѣвать непріятельскія укрѣпленія. Турки узнали его по блеску окружавшей его свиты и направили въ него всѣ свои выстрѣлы. Наконецъ одно ядро упало совершенно возлѣ него и осыпало его землею. Окружавшіе бросились къ нему, но онъ спокойно и хладнокровно оборотился къ нимъ и сказалъ: «Непріятели мѣтили въ меня, но Богъ моя защита— Онъ отвратилъ это ядро.» Такъ вѣра въ Провидѣніе, непосредственно покровительствовавшее ему, всегда внушала ему необходимыя самоувѣренность и твердость.

Этимъ кончился въ семъ году походъ Русскихъ, и войска ихъ были расположены на зимнія квартиры, въ первой линіи Суворовъ и Михельсонъ, во второй Потемкинъ съ главною арміею,—Суворовъ, усиленный до 14-ти баталіоновъ и 5-ти казачьихъ полковъ—вокругъ Бырлада, Михельсонъ—вокругъ Фальчи, главная армія—на квартирахъ отъ Романа до Кишенева; самъ Потемкинъ остался въ Яссахъ. Кречетниковъ и Рибасъ заняли Бендеры и Аккерманъ.

Въ концѣ октября принцъ Кобургскій, по приказанію Лаудона, но противъ своей воли, подвинулся до Букареста и распространился оттуда по Валахіи, гдѣ и расположился на зимнихъ квартирахъ.

Пока счастіе благопріятствовало русскому оружію, и отъ австрійскихъ войскъ также постоянно получались хорошія извѣстія ([17]).

(17) При описаніи здѣсь похода Австрійцевъ мы приняли за основаніе журналъ: «die Oestreichische militärische Zeitschrift» 1825 года.

Походъ предъидущаго года научилъ ихъ, что при растянутомъ расположеніи невозможно наступать на всѣхъ пунктахъ съ одинаковыми силами; поэтому въ настоящемъ походѣ положено было направить главныя силы къ одной цѣли. Были три главныя предположенія: или перевести всѣ силы чрезъ Саву и осадить Бѣлградъ;—или собрать ихъ въ Трансильваніи и внизъ по Ольтѣ спуститься къ Дунаю;—или, наконецъ, оставаясь вездѣ въ оборонительномъ положеніи, съ главными силами изъ Славоніи и Кроаціи, по покореніи Бигача и Бербира, предпринять завоеваніе Босніи.

Офицеры генеральнаго штаба возразили противъ перваго предположенія, что «переходъ чрезъ Саву могъ быть совершенъ не ранѣе, какъ по спаденіи весеннихъ водъ, т. е. въ іюнѣ, слѣдовательно до того времени невозможно никакое предпріятіе противъ Бѣлграда;»—противъ втораго: «Ольта не судоходна, и пока Семендрія и Оршова во власти Турокъ, невозможно сплавить никакихъ запасовъ изъ Темеша въ Дунай.»—Такимъ обрамъ осталось только третье предположеніе, и положено: дѣйствовать повсюду оборонительно, а только въ Славоніи и Кроаціи наступательно; Бигачъ и всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Унны обложить одновременно, и дѣятельно осадить сначала Бербиръ, а потомъ Баньялуку.

Но именно въ этой странѣ существовали всѣ тѣ затрудненія, о которыхъ мы прежде говорили: многочисленныя крѣпости требовали постоянной, утомительной осадной войны,—упорство обороны—усиленнаго числа орудій, а это—тягостнаго исправленія непроходимыхъ дорогъ. Бдительность утомляется наконецъ противъ смѣлыхъ, постоянно подвижныхъ и рѣшительныхъ войскъ.—Недостатокъ въ продовольствіи, трудность подвозовъ, мѣстность, неспособная для дѣйствій кавалеріи, не дозволяютъ никакого рѣшительнаго сосредоточенія силъ и допускаютъ только войну небольшими отдѣльными отрядами. Таковы трудныя невыгоды для атакующаго на правомъ берегу Савы и Дуная, тогда какъ по сю сторону богатыя, плодоносныя равнины сами собой привлекаютъ, кажется, непріятеля.

Въ началѣ похода австрійскія войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на крайнемъ правомъ флангѣ Кроатскій корпусъ, въ 30,000 человѣкъ, подъ начальствомъ фельдцейгмейстера де-Винса, вдоль теченія Унны, отъ ея верховьевъ до устья. Къ нему примыкалъ Славонскій корпусъ въ 21,000 чел., подъ начальствомъ фельдмаршалъ-лейтенанта Митровскаго, отъ Унны до Шабача. Вокругъ Землина, противъ Бѣлграда, стояла главная армія въ 25,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала графа Кинскаго; лѣвѣе ея—

24,000 челов. въ Банатѣ, отъ Панчовы до Мехадіи и Оршовы. Всѣ эти силы простирались поэтому до 100,000 человѣкъ. Кромѣ того былъ еще корпусъ подъ начальствомъ принца Гогенлоэ въ Трансильваніи и, какъ мы видѣли, принцъ Саксенъ-Кобургскій съ 18,000 чел. въ Молдавіи.

Похода не хотѣли открывать ранѣе мая, отчасти чтобъ выиграть время для пополненія магазиновъ, отчасти-же чтобы кажущимся бездѣйствіемъ побудить Турокъ обратить свои главныя силы къ нижнему Дунаю. 15 апрѣля главная армія была сосредоточена въ Сирміи и Банатѣ и состояла изъ 55,000 человѣкъ; фельдмаршалъ графъ Гаддикъ, смѣнившій Ласси, 4 мая въ Футакѣ принялъ главное начальство надъ нею. Предводительство надъ Кроатскимъ корпусомъ получилъ фельдмаршалъ Лаудонъ.

Бо́льшая часть лѣта снова прошла въ бездѣйствіи; 9 іюля Лаудонъ покорилъ Бербиръ и сдѣланы приготовленія къ осадѣ Бѣлграда. Императоръ, желавшій поручить ее человѣку, болѣе энергическому, нежели фельдмаршалъ Гаддикъ, рѣшился наконецъ, 28-го іюля, назначить Лаудона главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ. Вслѣдствіе того онъ прибылъ 14-го августа въ главный лагерь при Землинѣ.

Все еще опасались возобновленія прошлогодняго вторженія въ Банатъ; дѣйствительно отрядъ Турокъ въ 15,000 человѣкъ, подъ начальствомъ бывшаго прежде великимъ визиремъ, а теперь сераскира Юсуфа-паши, вторгнулся туда, но 17 (28) августа при Мехадіи былъ разбитъ генераломъ Клерфэ (Clerfait), въ тотъ самый день и въ томъ же мѣстѣ, гдѣ въ предъидущемъ году потерпѣлъ пораженіе Вартенслебенъ. Такимъ образомъ опасенія съ этой стороны были устранены и приступлено къ осадѣ Бѣлграда; изъ страха вторженія въ Банатъ, до сихъ поръ не рѣшались на это.

Бо́льшая часть лѣта уже прошла, а еще ничего не было сдѣлано важнаго. Императоръ Іосифъ, уму котораго представлялись всѣ сомнительныя послѣдствія такого бездѣйствія, въ скорби души своей писалъ 18 августа фельдмаршалу Лаудону: «Ничего хуже и несчастнѣе для государства не могло бы случиться, еслибъ въ этотъ походъ ничего не было совершено. Унизилось бы уваженіе къ государству и ко всей арміи; враги перваго были бы немало возбуждены къ нападенію на него, а друзья—къ тому, чтобы покинуть его, не считая уже того, что никакой надежды на миръ не было бы достигнуто гибелью такого множества людей отъ однѣхъ болѣзней, растратою милліоновъ и доведеніемъ до упадка какъ внѣшняго значенія, такъ

и внутреннихъ силъ государства.—Ничего не будетъ и ничего не можетъ быть совершено, кромѣ ничтожныхъ мелочей, если мы не станемъ дѣйствовать наступательно, если не будемъ искать непріятеля въ его собственной странѣ или не вынудимъ его, чтобъ не лишиться одной изъ дорогихъ для него крѣпостей, отважиться на крайнія средства и довести дѣло до сраженія.»—Этимъ императоръ выразилъ болѣе вѣрный взглядъ, нежели его генералы.

Побужденный такимъ образомъ къ дѣятельности и одушевленный новымъ рвеніемъ вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о Рымникской побѣдѣ, фельдмаршалъ Лаудонъ 15 сент. приступилъ къ осадѣ Бѣлграда, и послѣ взятія штурмомъ, 30 сент., предмѣстій его, 8 окт. (27 сент.) крѣпость эта была сдана Австрійцамъ на капитуляцію. Лаудонъ обнаружилъ юношескую бодрость и силу, и явилъ себя передъ своими войсками, какъ въ лучшіе дни свои во время семилѣтней войны: всѣ примѣтили, что иной полководецъ стоялъ въ главѣ арміи.

Вслѣдъ затѣмъ сдались Семендрія и Пассаровицъ, и Дунай былъ теперь очищенъ до Оршовы: этимъ пріобрѣтено основаніе дѣйствій для дальнѣйшаго наступленія въ Сербіи. Бо́льшая часть арміи была собрана въ Банатѣ, для покоренія еще одной важной крѣпости—Новой Оршовы. Гарнизонъ въ 800 человѣкъ защищался упорно; между тѣмъ наступила зима и вмѣсто того, чтобъ положить конецъ дѣлу быстрымъ штурмомъ, осаду обратили въ блокаду, и этотъ слабый гарнизонъ держался до слѣдующей весны и сдался только 5 (16) апрѣля 1790 года. Послѣднимъ дѣйствіемъ этого блистательнаго, въ сравненіи съ прошлогоднимъ, похода Австрійцевъ, было взятіе Кладовы 6-го ноября, послѣ чего войска были расположены на зимнія квартиры.

Между тѣмъ Іосифъ быстрыми шагами приближался къ своей смерти. Радостныя извѣстія изъ Турціи долго не могли побороть въ немъ тягостной грусти о его политическомъ положеніи. Безпокойства въ Нидерландахъ, тайно возбуждаемыя и поддерживаемыя непріязненно расположенными государствами, становились все сильнѣе, и неудовольствіе Венгерцевъ также высказывалось все громче. Они требовали возвращенія своей королевской короны и уничтоженія почти всѣхъ нововведеній. Іосифъ, передъ смертію своею, увидѣлъ себя вынужденнымъ отмѣнить одно за другимъ всѣ свои новыя учрежденія.

Этотъ годъ былъ несчастливъ для Турокъ отчасти вслѣдствіе понесенныхъ ими пораженій, отчасти-же вслѣдствіе паденія многихъ ихъ крѣпостей: и однако случилось еще не все, что́ могло бы случиться, еслибы въ главѣ армій стояли болѣе предпріимчивые полководцы.

Суворовъ имѣлъ случай выказать свои военныя дарованія въ яркомъ свѣтѣ. Быстрый въ своихъ движеніяхъ, смѣлый и разсудительный въ натискѣ, быстротою своихъ дѣйствій онъ никогда не давалъ непріятелю времени одуматься. Его зависимое положеніе и незначительное число подчиненныхъ ему войскъ препятствовали ему извлечь изъ своихъ побѣдъ всѣ тѣ выгоды, которыя онъ извлекъ-бы изъ нихъ при другихъ обстоятельствахъ; но даже и то, что онъ сдѣлалъ, было вполнѣ достаточно, чтобъ имя его стало ужасомъ для Турокъ.

Но въ это время укоренилось и другое мнѣніе о немъ, распространенное преимущественно людьми, которые не въ состояніи были возвыситься надъ обыкновенными понятіямп, именно: «*что онъ не разумѣлъ ничего болѣе, какъ идти прямо на проломъ*». Тактики изъ школы войнъ семилѣтней и за наслѣдство баварскаго престола, почитавшіе только то хорошимъ, что̀ было точно выкроено по мѣркѣ этихъ войнъ, глубокомысленно покачивали головами по поводу его извращенныхъ, какъ они ихъ называли, дѣйствій, пожимали плечами по поводу его мнимо-неученыхъ маневрированій и считали себя въ правѣ смотрѣть на него свысока, какъ на предводителя войскъ, не много смыслившаго въ высшихъ тайнахъ войны. Конечно, еслибъ ихъ самихъ спросили объ этихъ тайнахъ, то они немало затруднились бы отвѣтомъ, потому что немногіе изъ нихъ составили себѣ ясное понятіе объ оныхъ, большинство же вторило авторитету другихъ или поставляло эти тайны въ мелочахъ педантскаго стѣсненія солдатъ. Полагали же нѣкоторые, что палка составляла существенную часть ихъ, почему не упускали вводить ее даже тамъ, гдѣ она была въ рѣшительномъ противорѣчіи съ характеромъ народа. Другіе искали ихъ въ деплоядѣ, въ тонкомъ или глубокомъ строѣ, еще другіе въ скорой стрѣльбѣ, а болѣе разумные—въ употребленіи многочисленной артиллеріи, словомъ—всѣ эти господа были въ совершенномъ туманѣ и искали причины не въ томъ, въ чемъ она заключалась, а только въ одной внѣшности. Если они и сознавали еще что-либо въ Суворовѣ, такъ это было «*необыкновенное счастіе*,» потому что̀ нельзя же было отвергать его постоянныхъ успѣховъ; но что̀ именно составляло основу этого счастія, они опредѣлить не могли. Она заключалась очень просто, какъ у всѣхъ великихъ людей, *въ превосходствѣ его ума*, для каждой случайности тотчасъ-же усматривавшаго истинное средство, и въ *энергіи его характера*, которая, преодолѣніемъ всѣхъ препятствій, умѣла приводить эти средства въ исполненіе. Успѣхи превос-

ходныхъ людей рѣдко бываютъ понятны толпѣ и каждый по своему разумѣнію приписываетъ ихъ то той, то другой причинѣ, большею же частію слѣпой богинѣ счастія, какъ самому удобному объясненію всего неожиданнаго. И лишь немногіе видятъ ясно, что для постояннаго счастія нужно болѣе, нежели одно счастіе, что для этого потребны превосходный умъ, дѣятельность, присутствіе духа, словомъ — *геній* и *сила воли*. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ, хотя могутъ быть совершены отдѣльные, счастливые подвиги, но никогда не будетъ цѣлаго ряда одного отъ другаго зависящихъ успѣховъ.

Высшая военная мудрость есть нѣчто такое, что невозможно изучить или усвоить себѣ: полководецъ долженъ родиться имъ (*). Изученное никогда не дастъ того орлинаго взгляда, который высоко паритъ надъ своимъ предметомъ и разомъ обнимаетъ его во всей цѣлости, всей связи и всѣхъ послѣдствіяхъ его, съ его средствами и средствами противъ нихъ, — того умственнаго взгляда, который съ быстротою молніи пробѣгаетъ цѣлый рядъ возможныхъ случайностей. Но кромѣ генія полководцу принадлежатъ еще: *энергическая воля*, которая признанное сообразнымъ съ цѣлію приводитъ въ исполненіе съ непреклонною силою, не устрашаясь какими бы то ни было затрудненіями;—*хладнокровіе*, не измѣняющее себѣ даже въ самыхъ неожиданныхъ случаяхъ; наконецъ та *живая сила дѣятельности*, которая никогда не теряетъ ни одного мгновенія и, по вѣрному и мѣткому выраженію Наполеона, ни себѣ, ни другимъ не даетъ покоя. Кто обладаетъ этими качествами, можетъ быть спокоенъ: онъ полководецъ, хотя бы мало имѣлъ положительныхъ военныхъ познаній (они скоро пріобрѣтаются), и побѣдитъ другаго, который, основательно зная всю технику войны, лишенъ этихъ даровъ природы. Такіе геніи конечно рѣдки—они являются изъ вѣка въ вѣкъ,—но иногда ихъ выступаетъ нѣсколько въ одно время: съ Аннибаломъ Сципіонъ, Цезарь съ Помпеемъ, Кондэ съ Тюренемъ и Карлъ XII съ Петромъ Великимъ, не говоря о новѣйшихъ временахъ. Всѣ эти герои еще молодыми стали въ главѣ войскъ и съ перваго появленія своего приковали побѣду къ своимъ знаменамъ.

Происхожденіе означенныхъ выше мнѣній о Суворовѣ должно, кажется, искать въ томъ, что образъ дѣйствій его слишкомъ рѣзко отличался отъ общеупотребительнаго въ то время въ другихъ арміяхъ. У него—узнать, сообразить, рѣшиться и исполнить было дѣ-

(*) Oratores fiunt, poetae nascuntur—говорили Римляне, т. е. ораторы бываютъ, поэты родятся; подобно тому можно было бы сказать: генералы бываютъ, полководцы родятся. Полководецъ—тотъ же поэтъ.

ломъ одного мгновенія, тогда какъ австрійскіе генералы, даже не принимая въ расчетъ нѣкоторой природной медлительности ихъ, не смѣли предпринимать почти ничего важнаго, не спросивъ о томъ прежде въ Вѣнѣ у гофкригсрата. О всякомъ предпріятіи нужно было прежде представить планъ, который возвращался съ замѣчаніями, а на нихъ полководецъ часто дѣлалъ свои замѣчанія: такъ проходили недѣли и мѣсяцы, прежде чѣмъ рѣшались на какое нибудь дѣло, и минута, удобная для дѣйствія, проходила безвозвратно. Но обыкновеннымъ людямъ употребительный способъ дѣйствій всегда кажется лучшимъ, а кто отступаетъ отъ него — невѣждой, не понимающимъ настоящаго дѣла. Отсюда происходили извращенныя сужденія объ отличнѣйшихъ людяхъ каждаго времени, и подобно тому, какъ генералъ Бонапарте, послѣ сраженія при Лоди, показался одному австрійскому офицеру взбалмошной головой, немного смыслившей въ военномъ дѣлѣ и совершенно перевернувшей все искуство веденія войны своими быстрыми движеніями впередъ, назадъ, вправо, влѣво, нимало несогласными съ обыкновенными правилами и при которыхъ нельзя было знать, куда обращаться фронтомъ,—точно также и Суворовъ, вездѣ бывшій въ меньшемъ противурѣчіи съ ихъ взглядами и привычками, казался имъ военнымъ человѣкомъ, который недурно сдѣлалъ бы, еслибы прежде поучился въ ихъ школѣ ([18]).

Къ этому присоединились еще другія причины. Тогдашніе нѣмецкіе предводители армій, большею частію въ преклонныхъ старческихъ лѣтахъ, давно уже пережившіе періодъ дѣятельной жизни,—по естественной склонности всѣхъ старыхъ людей порицать и унижать настоящее въ сравненіи съ прошлымъ, не находили въ томъ, что было сдѣлано, ничего великаго, а въ людяхъ, которые это сдѣлали, ничего отличнаго. Кромѣ того они почитали Русскихъ еще далеко не дошедшими до одной степени съ ними и воображали, что значительно превосходили ихъ во всемъ, что касалось высшей военной мудрости. И вдругъ встрѣчается военный дѣятель, который дѣлаетъ исключеніе для себя—отнюдь не дѣйствовать по ихъ самопроизвольно

(18) Авторъ помнитъ, что даже въ своей молодости слышалъ такія и подобныя имъ мнѣнія, которыя вообще вошли въ записки и историческія сочиненія того и позднѣйшаго времени.

Конечно, эти порицатели Суворова были тѣ же самые, которые превозносили до небесъ принца Кобургскаго, герцога Брауншвейгскаго, Мёллендорфа, Вурмзера и цѣлый рядъ союзныхъ генераловъ временъ революціонныхъ войнъ, о первыхъ-же походахъ молодаго Бонапарте напротивъ судили съ такимъ-же порицаніемъ, какъ и о дѣйствіяхъ Суворова; поэтому порицаніе ихъ было собственно похвалою.

принятымъ правиламъ, но идетъ своею собственною дорогой,—который опрокидывалъ и уничтожалъ всѣ ихъ расчеты, и, что̀ болѣе всего приводило ихъ въ отчаяніе, всегда съ успѣхомъ,—который разбивалъ непріятеля, гдѣ бы ни встрѣчалъ его, и торжествовалъ надъ нимъ такъ, какъ никогда того не ожидали, и къ этому еще человѣкъ, который своими странностями казался для ихъ важности смѣшнымъ шутомъ и на котораго у нихъ сдѣлалось привычкой смотрѣть свысока. Это уязвляло ихъ самолюбіе, унижало ихъ гордость и мѣшало имъ воздавать ему справедливость. Они не могли признать въ немъ искуства, а онъ все-таки побѣждалъ. Они старались прикрыть свою досаду на это пренебреженіемъ его свысока и съ тономъ порицанія говорили: *«онъ такой полководецъ, который собственно ничего больше не разумѣетъ, какъ идти прямо на проломъ и безполезно жертвовать людьми, но который при этомъ, нельзя не сознаться, имѣетъ необыкновенное счастіе.»*

Однако побѣда при Мартинешти, одержанная Суворовымъ въ соединеніи съ принцемъ Кобургскимъ, самымъ блистательнымъ образомъ рѣшила походъ этого года въ пользу союзниковъ, и какъ мало стоилъ этотъ походъ въ сравненіи съ прошлогоднимъ, столь мудро веденнымъ?—Побѣда при Рымникѣ была куплена цѣною едва 500 человѣкъ, тогда какъ бездѣйствіе подъ Очаковымъ и въ Банатѣ 50-ти тысячамъ человѣкъ стоило или здоровья или жизни.

Что касается выраженія *«идти прямо на проломъ,»* то всякому, кто увѣренъ въ своихъ силахъ, нечего прибѣгать къ дальнимъ обходамъ: онъ однимъ ударомъ низвергаетъ то, на что другому необходимы многіе. Мужество и энергія удвоиваютъ всякую силу, ослабляя ее у непріятеля, и приводятъ къ тому, что подъ конецъ ничто не считается невозможнымъ, а потому и не бываетъ ничего невозможнаго. Первымъ качествомъ полководца, также какъ и солдата, всегда остается неустрашимость, которая ни передъ чѣмъ не блѣднѣетъ, вторымъ—желѣзная воля, которая все преодолѣваетъ.—Суворовъ могъ положиться на свои войска, къ чему-же ему было много заботиться о Туркахъ? Долженъ-ли онъ былъ маневрировать противъ нихъ? Но маневрированіе противъ огромныхъ полчищъ иррегулярныхъ войскъ неумѣстно и даже опасно, ибо что достигается имъ?—Противъ Турокъ не оставалось ничего другаго, какъ поражать ихъ *«острымъ концомъ,»* но поражать больно, и тогда ожидать вѣрнаго успѣха.

Наконецъ *«безполезныя жертвы.»* Суворовъ никогда не жертвовалъ людьми безполезно, но когда убѣждался въ необходимости какой-нибудь мѣры, то, въ приведеніи оной въ дѣйствіе, не удержи-

вался никакою ложною филантропіей. Войны никакъ нельзя вести безъ пролитія человѣческой крови, но кровь, пролитая въ должное время, въ десять и во сто разъ уменьшаетъ необходимость кровопролитія. «Штурмъ Праги на три года сократилъ кровопролитіе,» говорилъ Суворовъ позже и говорилъ правду (19).

Только тотъ заслуживаетъ упрека въ пожертвованіи людьми, кто по немногу теряетъ ихъ въ безполезныхъ и безцѣльныхъ дѣлахъ, или въ бездѣйствіи, затягивающемъ войну. Эти небольшія, ежедневно повторяющіяся потери, сложенныя вмѣстѣ, безконечно перевѣшиваютъ потерю отъ единственнаго удара, который сокращаетъ все дѣло, потому что полагаетъ ему конецъ. Но тѣ, малыя потери не идутъ въ счетъ, а при этой, большой—все вопіетъ о пожертвованіи людьми, которое однако въ сущности есть только пощада людей.

Въ отношеніи къ тактикѣ, Суворовъ былъ первый, который произвелъ важную перемѣну. Румянцовъ усовершенствовалъ систему Миниха и раздробилъ его большое каре на многія меньшія, которыя однако все еще состояли изъ 4, 6 и до 8-ми баталіоновъ.—Суворовъ-же сдѣлалъ шагъ далѣе и строилъ свои каре только изъ двухъ баталіоновъ, а иногда даже и изъ одного, но ставилъ ихъ въ шахматномъ порядкѣ въ двѣ линіи, чтобъ усилить дѣйствіе ихъ огня, который такимъ образомъ становился перекрестнымъ; кавалерію-же онъ держалъ близко позади, для того, чтобы подъ защитою пѣхоты тотчасъ-же пользоваться всѣми выгодами. Это былъ значительный шагъ впередъ противъ иррегулярныхъ полчищъ. Малыя каре строились скоро, двигались легче, безъ затрудненія проходили чрезъ всякія мѣстныя препятствія, и еслибы даже то или другое изъ нихъ было разстроено, то потеря его не имѣла бы вліянія на цѣлое войско.—Бонапарте, въ своемъ египетскомъ походѣ, большею частію слѣдовалъ той-же системѣ, но уклонялся отъ нея только въ томъ, что свои каре, которыя строилъ изъ цѣлыхъ дивизій, ставилъ уступами (en échelons), чѣмъ достигалъ той-же цѣли—перекрестнаго огня. Наконецъ, въ новомъ австрійскомъ уставѣ принятъ за основаніе тотъ-же боевой порядокъ.

Такъ какъ немногіе полководцы могли равняться съ Суворовымъ быстротою движеній, то любопытно будетъ, можетъ быть, узнать его

(*) Еслибы одинъ знаменитый полководецъ нашего времени разсудилъ это, то кровавая революція, имѣвшая послѣдствіемъ тяжелую и кровопролитную войну, была бы подавлена въ самомъ началѣ! (Авторъ).—Авторъ подразумѣваетъ здѣсь фельдмаршала Дибича, и совершенно вѣрно и справедливо. (Редак.)

походный порядокъ. Онъ былъ слѣдующій: въ полночь поднимались кашевары и, вмѣстѣ съ котлами и провіантомъ на вьючныхъ лошадяхъ, шли, подъ прикрытіемъ казаковъ, 2—3 мили (14—21 версту) впередъ (дневной переходъ бывалъ въ 4, 5 и до 6 миль, т. е. въ 28, 35 и до 42 верстъ),—развьючивали и варили пищу.—Войска-же выступали въ три часа утра, шли одну милю (7 верстъ) и дѣлали привалъ на часъ, потомъ еще милю и еще на часъ привалъ, и наконецъ третью милю, когда переходъ былъ въ 5 или 6 миль. Такъ приходили они къ своимъ котламъ, и пища была уже готова.—Послѣ обѣда, они отдыхали до четырехъ часовъ по полудни; поднявшись, шли милю и отдыхали часъ, потомъ вторую милю и приходили въ свой лагерь. Всѣ вьючныя лошади съ палатками отправлялись еще въ полдень, поэтому войска находили свои палатки уже разбитыми и своевременно ложились спать, чтобы слѣдующимъ утромъ снова начать тотъ-же дневной порядокъ.— Порядокъ этотъ Суворовъ употреблялъ въ Польшѣ, Турціи и позже въ Италіи.

Продолженіе писемъ къ его дочери.

I.

Бырладъ, ч. 21-го Августа, 1789 года.

Суворочка, душа моя, здравствуй!

Baise les mains à Софья Ивановна, поцѣлуй за меня сестрицъ. У насъ стрепеты поютъ, зайцы прыгаютъ, скворцы летятъ на воздухѣ по возрастамъ. Я одного поймалъ изъ гнѣзда; кормилъ изъ рота, а онъ и ушелъ домой. Поспѣли въ лѣсу грецкіе и воложскіе орѣхи. Пиши ко мнѣ изрѣдка; хоть мнѣ и недосугъ, но я письма твои читать буду. Молись Богу, чтобъ мы съ тобою увидѣлись. Я пишу къ тебѣ орлинымъ перомъ; у меня одинъ живетъ, ѣстъ изъ рукъ и помнитъ меня. Послѣ того я ужъ ни разу не танцовалъ. Прыгаемъ на конькахъ, играемъ такими большими кеглями желѣзными, насилу поднимешь, да свинцовымъ горохомъ: когда въ глазъ попадетъ, то и лобъ прошибетъ. Прислалъ бы тебѣ полевыхъ цвѣтовъ: очень хороши, да дорогой высохнутъ. Прости, голубушка сестрица! Христосъ Спаситель съ тобою.

Отецъ твой *Александръ Суворовъ*.

PS. Мое письмо отъ 27-го Іюня поздо придетъ. Послѣ того сгорѣло: раненыхъ отъ блокформа 1 фрегатъ, 1 шебека и 1 брандеръ изъ блокированныхъ. Потомъ ранено 7 суденъ: 3 тяжело, нынѣ на

морѣ лежатъ въ водѣ; два судна изъ нихъ и одинъ корабль. Здравствуй, Суворочка, съ столь знаменитыми побѣдами; тебѣ въ подарокъ планъ. У милостивой государыни Софьи Ивановны цѣлую руки; кланяюсь сестрицамъ.

2.

Le 11 (22) Septembre 1789.

Ruisseau Rymnik en Walachie.

Champ de battaille.

En ce même jour je vainquis Oginski..... Moi et le Prince Saxe-Cobourg, avec nos forces combinées, avons battu et mis en déroute la grande armée des infidèles, forte de 80 á 90,000 ou plus. Cette bataille dura une journée entière. Nous perdimes peu; des Turcs il y a 5,000 hommes couchés sur le carreau. Nous avons emporté trois camps et tout leur bagage. Trophées de 50 à 100 étendarts et drapeaux, canons et mortiers 78, c'est à dire toute leur artillerie. Je vous félicite, mon âme, avec cette victoire signalée.

Отецъ твой *Александръ Суворовъ*.

PS. Le grand vizir commandait en personne, 81 pièces d'artillerie, avec tout leur train et munitions; il y en a de l'attelage à 20 boeufs.

Dieu soit loué! je me porte bien, après une fièvre, que j'ai perdue en marche.

Милостивая государыня Софья Ивановна! цѣлую ваши руки. Поздравляю съ побѣдою.

Переводъ.

11 (22-го) сентября 1789 года.

Рѣчка Рымникъ въ Валахіи; поле сраженія.

Въ самой этотъ день побѣдилъ я Огинскаго... Нынѣ я и принцъ Саксенъ-Кобургскій, съ нашими соединенными силами, разбили на голову великое войско невѣрныхъ, состоявшее изъ 80 или 90,000 или больше. Сраженіе продолжалось цѣлый день. Мы потеряли мало; Турокъ осталось на мѣстѣ 5,000 тѣлъ. Мы взяли три лагеря и весь ихъ обозъ, трофеевъ отъ 50 до 100 штандартовъ и знаменъ, пушекъ и мортиръ 78, то есть всю ихъ артиллерію. Поздравляю тебя, душа моя, съ этою отличною побѣдою.

Отецъ твой *Александръ Суворовъ*.

PS. Великій визирь начальствовалъ лично. 81 пушка артиллеріи, со всею упряжью и припасами; подъ нѣкоторыми впряжено было по 20 воловъ.

Благодареніе Богу! я здоровъ; лихорадка оставила меня дорогою.

3.

24 Октября 1789 года.

Душа моя, сестрица Суворочка!

Цѣлую руки милостивой государыни Софьи Ивановны; нижайше кланяюсь любезнымъ сестрицамъ. Письмо твое отъ 7-го Сентября только нынѣ получилъ, т. е. 24-го Октября, и благодарствую. У насъ сей ночи былъ громъ большой, и случаются малыя землетрясенія. Охъ! какаяжь у меня была горячка : такъ безъ памяти и упаду на траву, и по всему тѣлу все пятны. Теперь очень здоровъ. Дичины, плодовъ очень много , рыбы пропасть , какой у васъ нѣтъ въ прудахъ, озерахъ, рѣкахъ и въ Дунаѣ; дикихъ свиней, козъ, цыплятъ, телятъ, гусятъ, утятъ; яблоковъ, грушъ, винограду; орѣхи Грецкіе и Воложскіе поспѣли. Съ кофемъ пьемъ буйволовое и овечье молоко. Лебеди, тетеревы, куропатки живыя, такія жирныя; синички ко мнѣ въ спальню летаютъ. Знаешъ ли рой пчелиной? У меня одинъ рой отпустилъ четыре роя. Будь благочестива, благонравна и здорова. Христа Спасителя благословеніе съ тобою.

Отецъ твой *Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

4.

Ч. 3 Ноября 1789 года.

Ай-да любезная сестрица. Ich küsse die Hände meiner gnädigsten Софья Ивановна; она твоя матушка. Je salue très respectueusement, avec dévotion, mes trés chères sœurs. У меня козочка, гуси, утки, индѣйки, пѣтухи, тетерьки, зайцы. Чижикъ умеръ, а другихъ я выпустилъ домой. У насъ листки еще не упали и зеленая трава. Гостинцовъ много: наливныя яблоки, дули, персики, винограду на зиму запасъ. Сестрицы! пріѣзжайте ко мнѣ, есть чѣмъ поподчивать: и гривенники и червонцы есть. Что хорошаго, душа моя сестрица? мнѣ очень тошно; я ужь отъ тебя, и не помню, когда писемъ не видалъ. Мнѣ теперь досугъ: я бы ихъ читать сталъ. Знаешь, что ты мнѣ мила; полетѣлъ бы въ Смольной на тебя посмотрѣть, да крыльевъ нѣтъ. Куды право какая! Еще тебя ждать 16 мѣсяцовъ,

а тамъ пойдешь домой. О какъ же долго!... Нѣтъ, ужь не долго. Привози сама гостинцу. Я для тебя сдѣлаю балъ. Кланяйся, какъ увидишь, Катеринѣ Ивановнѣ и обѣимъ. Adieu, ma chère comtesse Суворочка! цѣлую тебя, душа моя. Божье благословеніе съ тобою.

Отецъ твой *Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

(*Слѣдуетъ замѣтить особенное стараніе* (*), *съ которымъ онъ теперь, въ радости своего сердца, всегда подписываетъ:* **Графъ Суворовъ Рымникскій**).

5.

Слѣдующее было первое донесеніе его князю Потемкину о сраженіи при Рымникѣ (**):

Рѣка Рымникъ, поле сраженія, 11 Сент. 1789.

«Послѣ жаркаго, цѣлый день продолжавшагося сраженія, Визирь разбитъ союзными войсками: 5,000 убито, нѣсколько сотъ взято въ плѣнъ, взятъ обозъ, много военныхъ запасовъ, и насчитали уже 78 пушекъ. Нашъ уронъ невеликъ. Турки были вчетверо сильнѣе.»

6.

Князю Потемкину.

Текучъ, 20 Сент. 1789.

«Письмо Вашей Свѣтлости отъ 16-го я имѣлъ честь получить; повелѣнное въ немъ исполню. Да умножитъ Господь новыми побѣдами блескъ побѣдоноснаго оружія подъ Вашимъ предводительствомъ, и да обрадуетъ Васъ, Милостивый Государь, Густавъ вскорѣ потерею сосѣдственнаго герцогства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.»

7.

Слѣдующее письмо Потемкину, отъ 11 Ноября, послѣ сдачи Бендеръ, отзывается почти ироніей:

(*) У Смитта: Affectation—аффектація, жеманство, слово, не имѣющее вполнѣ однозначущаго на русскомъ языкѣ.

(**) 5-е, 6-е, 7-е и 8-е письма Потемкину, безъ сомнѣнія, переведены Смиттомъ съ подлинныхъ, найденныхъ имъ въ архивахъ. По неизвѣстности, гдѣ подлинники, здѣсь по неволѣ сдѣланъ переводъ съ перевода.

«Конецъ Бендерамъ! на покорную просьбу геройскій отвѣтъ. Мудрыя мѣры вознаградили время; кровопролитіе замолкло. Никогда еще въ этомъ столѣтіи не сдавалась такая важная крѣпость болѣе пріятнымъ образомъ (*). Божіе Провидѣніе да благословитъ высокіе подвиги Вашей Свѣтлости изъ рода въ родъ.»

8.

Позже онъ писалъ ему касательно наградъ своимъ храбрымъ сподвижникамъ слѣдующее:

Бырладъ, 3 Декабря 1789.

«Смѣю пользоваться позволеніемъ Вашей Свѣтлости, боюсь только прогнѣвать Васъ—Другая вѣдомость тоже не мала; но подумайте, Милостивый Государь, *гдѣ меньше войскъ, тамъ больше храбрыхъ*. Послѣдуйте Вашему отличному великодушію и пр.»

9.

ОТЪ ПРИНЦА КОБУРГСКАГО СУВОРОВУ.

По полученіи пожалованной ему драгоцѣнной шпаги.

4 Octobre 1789.

Monsieur!

C'est avec un double plaisir, que je reçois le premier souvenir de votre incomparable Impératrice par les mains de mon ami, auquel je dois le bonheur d'avoir vaincu les ennemis des illustres Empires.

Permettez, mon sublime maître, que je témoigne encore à Votre Excellence toute ma reconnaissance de la part glorieuse, que Vous méritez de cette victoire, et des suites fécondes, qui en résultent.

Je ne regarderai jamais ce précieux souvenir de la plus grande Souveraine, sans penser en même tems à mon respectable ami et à tout ce que je lui dois. J'ai l'honneur d'être etc.

Переводъ.

4-го Октября 1789 года.

Милостивый государь!

Съ сугубымъ удовольствіемъ получилъ я первый знакъ памяти отъ вашей несравненной Императрицы чрезъ руки моего друга, ко-

(*) Потемкинъ взялъ Бендеры подкупомъ паши.

торому обязанъ счастіемъ побѣды надъ врагами знаменитыхъ имперій.

Позвольте, мой высокій учитель, еще засвидѣтельствовать Вашему Превосходительству полную мою признательность за славное участіе, которое Вы заслуживаете въ этой побѣдѣ и въ обильныхъ послѣдствіяхъ, отъ оной происходящихъ.

Я никогда не буду смотрѣть на этотъ драгоцѣнный знакъ памяти величайшей изъ монархинь, не вспомнивъ въ тоже время о моемъ почтенномъ другѣ и о всемъ томъ, чѣмъ я ему обязанъ.

Имѣю честь быть и проч.

10.

ОТЪ ТОГО ЖЕ ТОМУ ЖЕ.

Au camp de Kerlezeli, ce 11 Octobre 1789.

La canonade, mon cher ami, étoit à mon insu et contre mon gré, mais il falloit être tolérant en faveur de la bonne intention de ceux, qui l'ont voulu, c'est à dire de tout le corps. C'étoit, en raison inverse, une migniature de ce qui vient d'arriver à Louis XVI, qui n'est pas maître chez lui.

Mon éminente charge sera toujours aux ordres de Votre Excellence, et ne fera que resserrer de plus en plus une amitié, qui prit naissance sur le champ de Mars, et dont l'extinction n'est réservée qu'aux champs élisées.

Depuis le grand Eugène, l'art d'humilier le croissant n'a appartenu qu'aux habiles généraux Russes, grands dans l'adversité, comme dans la prospérité; en faire la nomenclature, serait trop m'étendre: je me fixe à mon ami Souworow, non seulement par l'exemple de Hirsowa, où il montra sa supériorité dans l'art de la guerre aux divers pachas, qui pour leur malheur tentèrent à l'envelopper, mais par tous les bons conseils et les grands succès, que je lui dois de cette campagne. Recevez-en ma gratitude, mon bon maitre, ainsi que les assurances de l'inébranlable attachement et de la considération distinguée, avec lesquels etc.

Переводъ.

Лагерь при Керлечели, 11-го октября 1789 года.

Пушечная пальба, мой любезный другъ, была произведена безъ моего вѣдома и противъ моего желанія, но нужно было быть снисходительнымъ къ доброму намѣренію тѣхъ, которые пожелали оной, то есть цѣлаго корпуса. Это было, въ обратномъ видѣ, миніатюра

того, что́ случилось недавно съ Людовикомъ XVI, который не хозяинъ у себя дома.

Мое высокое званіе ([20]) будетъ всегда къ услугамъ Вашего Превосходительства и только содѣлаетъ еще болѣе тѣсною ту дружбу, которая родилась на полѣ Марсовомъ, а кончиться должна только въ поляхъ Елисейскихъ.

Со времени великаго Евгенія, искуство униженія полумѣсяца принадлежало только искуснымъ русскимъ генераламъ, великимъ въ несчастіи, какъ и въ счастіи: переименовать ихъ было бы слишкомъ пространно: останавливаюсь на моемъ другѣ Суворовѣ, не только по примѣру Гирсова, гдѣ онъ показалъ свое превосходство въ военномъ искусствѣ разнымъ пашамъ, къ собственному несчастію своему захотѣвшимъ окружить его, но и по всѣмъ добрымъ совѣтамъ и большимъ успѣхамъ, которыми я обязанъ ему въ этомъ походѣ. Примите же мою благодарность за нихъ, мой добрый наставникъ, равно какъ и увѣренія непоколебимой преданности и отличнаго уваженія, съ которыми и пр.

11.

ОТЪ ТОГО ЖЕ ТОМУ ЖЕ.

Bukarest, 30 Décembre 1789.

L'applaudissement de l'univers ne m'est pas si doux, que le contentement de ce respectable ami, auquel je dois la plus grande partie de la réputation, que je me suis faite.

Voilà, mon cher, les sentiments de mon cœur à la lecture des lignes, que vous m'avez écrit sur la relation de la bataille de Rymnik. Elle a été écrite avec les sentiments vifs du prix de cette heureuse journée et de l'admiration la plus juste des sublimes preuves, que vous avez donné ce jour; combien les exploits d'un héros gagnent d'éclat, quand ils sont accompagnés d'un cœur pûr et sensible.

Переводъ.

Букарестъ, 30-го декабря 1789 года.

Рукоплесканія всего міра не были бы такъ сладостны для меня, какъ одобреніе того почтеннаго друга, которому я обязанъ большею частію пріобрѣтенной мною извѣстности.

---

(20) Принцъ за побѣду при Мартинешти былъ произведенъ въ фельдмаршалы.

Вотъ, мой любезный, чувства сердца моего при чтеніи строкъ, писанныхъ вами мнѣ касательно реляціи о сраженіи при Рымникѣ. Она была написана съ живымъ сознаніемъ цѣны этого счастливаго дня и справедливѣйшаго удивленія высокимъ опытамъ, которые вы явили въ этотъ день; сколько подвиги героя пріобрѣтаютъ блеска, когда соединены съ чистымъ и чувствительнымъ сердцемъ.

Мы привели здѣсь эти немногія письма изъ большаго собранія семидесяти слишкомъ писемъ принца Кобургскаго къ Суворову, чтобы дать понятіе о тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали между обоими полководцами. Теперь хотимъ присоединить къ нимъ еще одно письмо стараго фельдмаршала Лаудона къ Суворову, которое дѣлаетъ честь скромности престарѣлаго героя.

12.

ОТЪ ФЕЛЬДМАРШАЛА ЛАУДОНА.

Lager bei Schuppanek, 21 November 1789.

Ich danke Eure Excellenz auf das verbindlichste für das schätzbare Schreiben, womit Sie mich am 30-ten vorigen Monats zu beehren die Güte gehabt, welches ich aber erst vor zwei Tagen erhielt. Gerührt von dem Antheil, welchen Eure Excellenz an dem Erfolg meines heutigen Feldzugs mit so viel Wärme und Freundschaft nehmen, muss ich wünschen und Eure Excellenz bitten, ihn in einem weit minder vortheilhaften Licht zu betrachten, als Sie es in Ihrem Schreiben gethan, dessen allzuschmeichelhafte Ausdrücke mich wirklich erröthen machen.

Ich bitte Eure Excellenz nicht als einen Mangel an Theilnehmung zu betrachten, wenn ich erst jezt die Gelegenheit ergreife, Ihnen zu der allgemeinen Hochachtung und Bewunderung, die Sie sich durch Jhre gemeinschaftliche mit Seiner Durchlaucht dem Prinzen von Koburg erfochtene Siege erworben, Glück zu wünschen.

Jhr beiderseitiger Ruhm wird um so unauslöschlicher sein, weil es so wenig Beispiele gibt, das die commandirenden Generale zweier verbundenen Mächte mit so inniger Eintracht zu Werke gegangen sind und nur blos das gemeinschaftliche Beste der ihnen anvertrauten Sache vor Augen gehabt haben. Nichts beweiset mehr als diess die Vortrefflichkeit Jhres Karakters, über die ich Eure Excellenz eben so sehr als über Jhre ausgezeichneten Talente die vollkommenste Hochschätzung und Freundschaft weihe, mit deren lebhaftem Gefühl ich für immer zu sein die Ehre habe etc.

Переводъ.

Лагерь при Шуппанекѣ, 21-го ноября 1789 года.

Чувствительнѣйше благодарю В. П. за драгоцѣнное письмо, которымъ Вы были такъ добры — почтили меня 30-го прошлаго мѣсяца, но которое я получилъ только два дня тому назадъ. Тронутый участіемъ, которое В. П. съ такою теплотою и дружбою принимаете въ успѣхѣ моего похода этого года, я долженъ желать и просить В. П. смотрѣть на него въ гораздо менѣе благопріятномъ свѣтѣ, нежели Вы это сдѣлали въ вашемъ письмѣ, котораго слишкомъ лестныя выраженія по истинѣ заставляютъ меня краснѣть.

Прошу В. П. не принять за недостатокъ сочувствія, если я теперь только пользуюсь случаемъ поздравить Васъ съ тѣмъ всеобщимъ уваженіемъ и удивленіемъ, которыя Вы пріобрѣли себѣ побѣдами, одержанными Вами, вмѣстѣ съ Его Свѣтлостію Принцемъ Кобургскимъ. Ваша обоюдная слава будетъ тѣмъ болѣе неувядаемою, что такъ мало встрѣчается примѣровъ, гдѣ бы начальствующіе генералы двухъ союзныхъ государствъ дѣйствовали съ такимъ искреннимъ единодушіемъ и имѣли въ виду только общую пользу ввѣреннаго имъ дѣла. Ничто не можетъ лучше доказать превосходства Вашего характера, по поводу котораго столько же, сколько и по поводу вашихъ отличныхъ военныхъ дарованій, я приношу В. П. полнѣйшее высокое уваженіе и дружбу, съ живымъ чувствомъ которыхъ имѣю честь навсегда пребыть и проч.

ДЕВЯТЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПОХОДЪ 1790 ГОДА.—ШТУРМЪ ИЗМАИЛА.

Обзоръ политическихъ обстоятельствъ.—Графъ Герцбергъ и его планъ обмѣновъ.—Смерть императора Іосифа.—Сужденія о немъ.—Леопольдъ II, его преемникъ.—Военныя приготовленія въ Россіи.—Переговоры Потемкина съ великимъ визиремъ.—Бездѣятельный походъ.—Суворовъ соединяется съ принцемъ Кобургскимъ.—Наступленіе великаго визиря.—Рейхенбахская конвенція пріостанавливаетъ военныя дѣйствія.—Суворовъ и принцъ Кобургскій разлучаются.—Генералъ «Vorwärts».—Суворовъ возвращается въ Молдавію.—Переговоры въ Шистовѣ.—Прощальное письмо принца Кобургскаго.—Миръ съ Швеціею развязываетъ руки Русскимъ.—Потемкину повелѣно дѣятельнѣе дѣйствовать противъ Турокъ.—Совѣтъ Суворова.—Описаніе театра военныхъ дѣйствій.—Покореніе Киліи.—Рибасъ истребляетъ турецкія флотиліи.—Измаилъ.—Гребная флотилія блокируетъ Измаилъ со стороны рѣки.—Осаду положено снять.—Ее поручаютъ Суворову.—Прибытіе его.—Трудности предпріятія.—Приготовленіе къ штурму.—Требованіе сдачи и отвѣтъ.—Военный совѣтъ.—Штурмъ рѣшенъ.—Письмо Потемкина.—Диспозиція къ штурму.—Охотники.—Послѣднія приготовленія.—Начало штурма.—Вторая колонна.—Первая колонна.—Третья колонна.—Шестая колонна.—Казаки четвертой и пятой колоннъ.—Геройскій подвигъ священника.—Рѣчныя колонны.—Бой внутри города.—Смерть Сераскира.—Бой продолжается.—Смерть Капланъ-Гирея.—Послѣдніе Турки сдаются.—Геройское мужество Русскихъ.—Видъ покореннаго города.—Лаконическое донесеніе Суворова.—Число убитыхъ.—Благодарственное молебствіе.—Трофеи и добыча.—Заключеніе.

Суворовъ провелъ зиму въ Бырладѣ, занимаясь обязанностями своего званія и внимательно слѣдя за ходомъ политическихъ событій. Все, казалось, предвѣщало не только продолженіе, но даже дальнѣйшее распространеніе войны: никогда еще вѣроятность всеобщей войны не принимала столь грозныхъ размѣровъ. Пораженія Турокъ снова возбудили большія опасенія: односторонняя политика признавала существованіе ихъ въ Европѣ необходимо-нужнымъ и для поддержанія ихъ считала себя обязанною рѣшиться на все. Въ особенности графъ Герцбергъ, возросшій въ матеріалистскихъ

воззрѣніяхъ своего вѣка, былъ ревностнымъ поборникомъ того ученія, которое, не принимая во вниманіе нравственныхъ элементовъ, полагало равновѣсіе государствъ въ уравненіи мертвыхъ массъ. Ему и его сродникамъ по духу Турки казались существенною, въ государственномъ цѣломъ Европы, составною частію, которую слѣдовало тщательно поддерживать (1). Поэтому, когда опасности еще грознѣе стали собираться надъ ихъ головами, онъ уже не счелъ достаточными всѣ дотолѣ употребленныя мѣры, какъ-то: переговоры, тайныя подстрекательства, угрозы, но, по его совѣту, Пруссія заключила съ Портою 19 (30) января 1790 года союзный договоръ, которымъ не только обезпечивалось ей сохраненіе всѣхъ ея владѣній, но и обѣщалось возвращеніе уже утраченныхъ. Чтобы придать болѣе вѣсу переговорамъ, которые должны были открыться по этому поводу, прусскія войска были стянуты въ Силезіи и на польской границѣ, шведскаго короля ободряли твердо продолжать предпринятый имъ образъ дѣйствій, а Поляковъ подстрекали къ разрыву съ Россіею, обнадеживая ихъ помощію; въ тоже время поддерживали неудовольствіе въ Венгріи, безпокойства въ Бельгіи; словомъ—все было употреблено для того, чтобъ увеличить трудныя обстоятельства императорскихъ дворовъ и ослабить ихъ могущество посредствомъ разъединенія.

Герцбергъ, тщеславію котораго льстила мысль—явиться верховнымъ рѣшителемъ судебъ Европы, своими мѣрами ставилъ прусское государство въ опасное положеніе, желая присвоить ему такую роль, которой не прощаютъ даже государствамъ самымъ могущественнымъ. Онъ основывалъ свои надежды въ этомъ на помощи Англіи и на пруской арміи. Какъ ненадежна была первая, онъ скоро долженъ былъ убѣдиться собственнымъ опытомъ, а что касается послѣдней, то онъ раздѣлялъ совершенно ложное мнѣніе своихъ современниковъ—что не столько личность Фридриха, сколько совершенство его арміи рѣшило участь семилѣтней войны. На эти 200,000 человѣкъ, которыхъ въ это время полагали устроенными подобно совершеннѣйшей машинѣ, возлагались всѣ надежды,—ихъ при всѣхъ переговорахъ клали на вѣсы, чтобъ заставить послѣд-

---

(1) Какъ будто послѣ ихъ изгнанія осталось бы пустое мѣсто, какъ будто другой народъ, напр. Греки, снова введенные во владѣніе странами своихъ предковъ, не могли бы лучше содѣйствовать поддержанію политическаго равновѣсія. (Мы не имѣемъ надобности еще разъ повторять, что всѣ эти и имъ подобныя мѣста были написаны еще въ 1826, 1827 и 1828 годахъ).

нія опуститься, на *нихъ* указывали и друзьямъ и врагамъ, какъ на послѣднѣе и вѣрнѣйшее средство рѣшить дѣло;—ибо, хотя Фридриха уже болѣе не было, но армія его еще существовала и даже состояла отчасти изъ тѣхъ самыхъ людей, которые въ семилѣтнюю войну вознесли его славу до высшей степени. Чего же было страшиться? Однако въ этомъ ошибались. Здѣсь имя значило болѣе, нежели дѣло, и эта армія была уже только безжизненнымъ тѣломъ, которое, лишась своего живительнаго духа, было ничѣмъ не лучше всякой другой мертвой машины. Слишкомъ скоро должны были научиться той старой истинѣ, что на войнѣ главное дѣло не въ войскѣ, а въ томъ *одномъ*, который предводительствуетъ имъ; что лучшее войско безъ искуства предводителя можетъ совершить немногое, между тѣмъ, какъ самое дурное въ хорошихъ рукахъ легко обращается въ лучшее. Какой-нибудь Субизъ или Даунъ не сдѣлалъ бы ничего важнаго ни съ Русскими, ни съ Французами, ни съ Пруссаками, даже при ихъ теперешнемъ тактическомъ образованіи, между тѣмъ, какъ Фридрихъ, Суворовъ, Наполеонъ совершили бы великія дѣла и съ Неаполитанцами, и съ Папскими войсками.

И такъ Пруссія хотѣла предпринять войну за Турокъ, но какія же выгоды обѣщали они ей за то? О, весьма большія! Они обѣщали прусскимъ торговымъ судамъ защиту отъ африканскихъ морскихъ разбойничьихъ владѣній, а при предстоявшемъ заключеніи мира ходатайство о томъ, чтобъ Австрія возвратила Галицію Польшѣ. Они, которые не въ состояніи были защитить собственныхъ своихъ владѣній, хотѣли помогать въ этомъ другимъ!—На этомъ-то основывалъ Герцбергъ свои дальнѣйшіе планы. Въ обмѣнъ за Галицію онъ замышлялъ пріобрѣсть для Пруссіи (чтобы лишить ея притязанія и самой наружности безкорыстія) *Данцигъ* и *Торнъ*. Пріобрѣтеніе этихъ двухъ городовъ было цѣлью его политики и онъ такъ жаждалъ этого, что готовъ былъ стать за одно со всякимъ, кто бы помогъ ему въ овладѣніи ими. Но этимъ именно онъ наиболѣе вредилъ своему дѣлу и возбудилъ всеобщее недовѣріе къ себѣ. Впрочемъ онъ и не заботился о строгомъ выполненіи данныхъ имъ обѣщаній, лишь бы только достигнуть своей цѣли. Еслибы Австрія не захотѣла отдать всей Галиціи, то Польша должна была бы удовольствоваться частію ея, а чтобы не оставить Австріи совершенно съ пустыми руками, онъ предполагалъ вознаградить ее Бѣлградомъ и частію Валахіи, слѣдовательно на счетъ самаго же мусульманскаго союзника. Такими-то своекорыстными видами, обнаруженными Герц-

бергомъ слишкомъ рано, онъ утратилъ довѣріе какъ Поляковъ и Турокъ, такъ наконецъ и морскихъ державъ (2).

Со всѣхъ сторонъ сталкивались и пересѣкались самыя противуположныя притязанія. Россія желала мира, но съ тѣмъ, чтобы Очаковъ, стоившій ей столько крови, остался за нею, вмѣстѣ съ своимъ округомъ. Турція, напротивъ, желала мира не иначе, какъ съ возвращеніемъ ей Крыма и другихъ потерь, и съ уплатою ей Австріею военныхъ издержекъ. Наконецъ Австрія желала мира, но съ условіемъ удержанія ею Бѣлграда и Хотина, или какого-либо другаго вознагражденія. Такимъ образомъ всѣ стороны желали мира, но мира на выгодныхъ условіяхъ; каждый желалъ выиграть, никто не хотѣлъ быть въ убыткѣ, потому что никто не былъ достаточно пораженъ и низложенъ. Герцбергъ еще болѣе запуталъ всѣ эти притязанія и требованія, предложивъ новыя, при которыхъ всѣ теряли, а выиграла бы одна Пруссія. Россія должна была отдать Крымъ, Австрія—Галицію, Порта—Бѣлградъ и Малую Валахію, Польша—Данцигъ и Торнъ. За уступку этихъ двухъ городовъ Пруссіи, она должна была обратно получить Галицію, Австрія за Галицію—Бѣлградъ и Малую Валахію, а Порта за Бѣлградъ и Малую Валахію—утраченное владычество надъ Татарами. Одна Россія оставлялась съ пустыми руками и могла искать вознагражденія себѣ, гдѣ угодно; но потому именно, что о ней забыли, и рушилось все это мудрое предначертаніе.

Это положеніе дѣлъ не оставалось безъизвѣстнымъ. Потемкинъ, проведшій всю зиму въ Яссахъ, окруженный блистательнымъ дворомъ, былъ поставляемъ своею государынею въ извѣстность о всѣхъ переговорахъ и она часто требовала его совѣта. Желая развязать себѣ руки для дѣйствій противъ Турокъ, онъ совѣтовалъ держаться осторожности и уступчивости; такъ какъ въ это время мало можно было ожидать настойчивости со стороны Австріи, то онъ охотно промѣнялъ бы союзъ съ нею на союзъ съ Пруссіей; но такая дву-

---

(2) Еслибы кому показалось, можетъ быть, что мы слишкомъ строго судимъ о графѣ Герцбергѣ, то мы укажемъ ему на отзывъ, сдѣланный о немъ Пруссакомъ же, а именно превосходнымъ писателемъ Адольфомъ Менцелемъ, въ его исторіи новѣйшаго времени, гдѣ можно найти еще болѣе строгое сужденіе о Герцбергѣ. Если разсматривать суетливую дѣятельность, честолюбивые планы и предпріятія Герцберга, то почти можно было бы покуситься перевернуть слова Наполеона и не считать того государственнаго человѣка за лучшаго, который ни себѣ, ни другимъ не даетъ покоя.

личность возмущала чувства государыни и она пребывала твердою въ своей вѣрности союзу съ Австріей.

Такимъ образомъ всѣ виды склонялись къ войнѣ, и къ войнѣ не съ одними Турками и Шведами, но еще съ Пруссіею и Польшею, и можетъ быть даже съ Англіею и Голландіею. По истинѣ, нужно было имѣть твердую душу и рѣшительный характеръ, чтобы не пасть духомъ при видѣ всѣхъ этихъ затрудненій; за то не разъ и говорила государыня: «положеніе дѣлъ таково, что другой на моемъ мѣстѣ палъ бы подъ его бременемъ.»—Особенно увеличивало ея заботы ненадежное здоровье императора Іосифа, который съ каждымъ днемъ болѣе приближался къ своей смерти. Она любила этого государя не только какъ союзника, но и какъ друга. «Онъ всегда былъ лично преданъ мнѣ,» сказала она, глубоко разтроганная, когда ей сообщили извѣстіе о его близкой смерти, и, въ неизвѣстности касательно образа мыслей его преемника, прибавила: «кого они теперь изберутъ?—новыя затрудненія ожидаютъ насъ;—вчера я охотно поплакала бы даже въ театрѣ;—не всѣ головы были бы способны быть на моемъ мѣстѣ (3).» Наконецъ пришло въ Петербургъ печальное извѣстіе: Іосифа, этого благороднаго, просвѣщеннаго государя, этого вѣрнаго союзника и неизмѣннаго друга, не стало: упорная болѣзнь и скорбь положили конецъ его многодѣятельной жизни 9 (20) февраля, ровно черезъ два года послѣ объявленія имъ войны Оттоманской Портѣ. Велика была скорбь государыни, раздѣляемая всеобщимъ участіемъ двора и столицы; но сужденія о почившемъ были различны, смотря по различію воззрѣній судившихъ.

Одни восхваляли его проницательный, свѣтлый умъ, его свободу отъ предразсудковъ, его неутомимую дѣятельность и трудолюбіе; съ какими доброжелательными намѣреніями вступилъ онъ на престолъ! какъ онъ помышлялъ единственно о томъ, чтобы на прочномъ основаніи устроить счастіе подвластныхъ ему народовъ, и какъ неутомимо трудился онъ для достиженія этой цѣли! Но благородныя намѣренія его остались непризнанными, предначертаніямъ его положены преграды, и его же собственные поданные, которымъ онъ хотѣлъ добра, оказали ему наиболѣе противудѣйствія.

Порицатели его, допуская справедливость всего этого, осуждали однако его чрезмѣрную наклонность къ нововведеніямъ, которая не оставила нетронутымъ ничего стараго, освященнаго временемъ или

---

(3) См. журналъ Храповицкаго.

обычаемъ; по ихъ мнѣнію, онъ расшаталъ всѣ части государственнаго зданія и, рядомъ съ многимъ устарѣлымъ, пришедшимъ въ негодность, несвоевременнымъ, затронулъ многое, чего лучше не касался бы. Онъ захотѣлъ слишкомъ торопливо и насильственно возвысить свой народъ на уровень съ собою и этимъ надѣлалъ множество ошибокъ, изъ которыхъ и проистекли всѣ его несчастія.— Они упрекали его также въ томъ, что онъ не обнаружилъ достаточно настойчивосси и твердости характера, почему всѣ различныя предначертанія его, всѣ его планы распространенія и лучшаго устройства границъ своего государства остались безуспѣшными и прошли безслѣдно. Честолюбіе его имѣло въ виду слишкомъ много предметовъ и потому не могло рѣшительно остановиться ни на одномъ; онъ повсюду возбудилъ опасенія и ничего не основалъ прочнаго. Порицатели его допускали, что онъ желалъ всего справедливаго и добраго, что его вѣрный взглядъ всюду указывалъ ему то и другое, и что онъ съ пламеннымъ усердіемъ трудился надъ ихъ осуществленіемъ; но, прибавляли они, едва оказывались затрудненія, какъ усердіе его хладѣло и онъ часто отказывался отъ пріобрѣтенныхъ уже выгодъ. Они сравнивали его съ императрицей Екатериной и полагали, что эта государыня далеко превосходила его именно твердостію и силою своего характера, и что только обладанія этими качествами ему недоставало для того, чтобъ быть великимъ человѣкомъ.

Менѣе пристрастные не прибѣгали ни къ похвалѣ, ни къ порицанію; они полагали только, что ходъ развитія долженъ быть спокойный, медленный; что Іосифъ дѣйствовалъ слишкомъ скоро, какъ бы опасаясь, что у него не достанетъ времени; поэтому онъ все ускорилъ и все привелъ къ неудачѣ. Намѣренія его не были признаны, нововведенія и улучшенія его отвергнуты и во всѣхъ частяхъ его государства возникли безпокойства и мятежи. При этомъ, намекая на Францію, гдѣ революція получила свое начало, они замѣчали, что здѣсь, изъ боязни уступить слишкомъ много, совершили слишкомъ мало; хотѣли удержать устарѣлыя злоупотребленія и ни въ чемъ не идти на встрѣчу народнымъ желаніямъ; шагъ за шагомъ отстаивали подгнившее зданіе и вслѣдствіе того оно все обрушилось. Іосифъ, напротивъ, даровалъ слишкомъ много и болѣе нежели требовалъ его народъ; онъ уничтожалъ злоупотребленія, но, вмѣстѣ съ ними, и обычаи, которые имѣли глубокіе корни въ нравахъ націи; онъ вводилъ улучшенія, для которыхъ еще не настало время, которыхъ народъ его не понималъ; онъ хотѣлъ всюду преоб-

разовывать, измѣнять, обновлять,—но слишкомъ скоро, слишкомъ опрометчиво; престолъ его, правда, не рушился, хотя и колебался, но себя самаго онъ повергъ въ преждевременную могилу. — Въ той странѣ (Франціи) правительство стояло слишкомъ низко, а въ этой — государь слишкомъ высоко: то и другое имѣло одинаково пагубныя послѣдствія.

По нашему мнѣнію, всѣ неудачи императора проистекали изъ *одного* основнаго заблужденія, которое въ немъ было только плодомъ повсемѣстно господствовавшаго воззрѣнія того вѣка. По этому воззрѣнію, все постепенно совершившееся съ теченіемъ времени—изоржавѣло, повредилось и долженствовало быть преобразовано по идеалу разума, даннаму господствовавшимъ «просвѣщеніемъ». Это воззрѣніе не принимало во вниманіе существовавшихъ основныхъ различій въ природѣ и исторіи народовъ, въ ихъ особенныхъ свойствахъ: истиннымъ, справедливымъ для него было только *одно* то, что̀ уклонялось отъ зла. Вступая на престолъ съ такимъ воззрѣніемъ «философовъ»и вооруженный надлежащею властію, Іосифъ хотѣлъ осуществить въ своемъ государствѣ этотъ идеалъ совершенства. Всѣ различія подвластныхъ ему народовъ долженствовали быть изглажены, всѣ должны были имѣть *одинъ* главный языкъ, *одну* систему обученія, *одно* государственное учрежденіе, *одно* законодательство, *одну* систему податей, *одни* интересы, *однимъ* духомъ проникнутые національный образъ мыслей и образованіе. Всѣ подвластные ему 22 милліона людей, составленные изъ 15-ти различныхъ народностей, изъ которыхъ каждая имѣла свои собственные: языкъ, законы, нравы, обычаи, предразсудки, свои національные: тщеславіе и образъ мыслей, должны были отказаться отъ всего этого и подойти, подклониться подъ одну общую норму. Еслибы всѣ эти народы и племена стояли на одинаковой степени образованія и развитія, то подобное уравненіе было бы, можетъ статься, возможнымъ; но между ними существовали самыя различныя ступени народнаго развитія, начиная отъ низшихъ до самыхъ высшихъ, и всѣ онѣ долженствовали быть приведены подъ одинъ уровень. Для достиженія этого мечтательнаго единенія, хотѣли устранить всѣ посторонніе вліянія, какъ-то Церкви и ея главы—папы, отмѣнить и низпровергнуть старинныя феодальныя установленія и учрежденія, и все старое государственное устройство, измѣнить господствовавшіе нравы, обычаи и привычки, изгладить всѣ различія многоразличныхъ народностей и устроить ихъ по одной нормѣ. Но это было задачей свыше силъ человѣческихъ, попыткой усовершенствовать твореніе Бога, Который создалъ людей и народы различными и каждому да-

ровалъ свой особенный языкъ и свои особенности; это было, впрочемъ, такимъ предпріятіемъ, которое уже часто пытался привесть въ исполненіе всеуравнивающій деспотизмъ, дѣйствующій какъ сверху, такъ и снизу. Это не должно было и не могло имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ возбужденія всеобщаго неудовольствія, потому что каждый человѣкъ, каждый народъ привязанъ къ своимъ духовнымъ особенностямъ, и кто затрогиваетъ его языкъ, вѣру, обычаи, законы и образъ мыслей, тотъ затрогиваетъ его внутреннее бытіе и существованіе. Венгерецъ не тотъ, что Нѣмецъ, Итальянецъ не тотъ, что Кроатъ, Чехъ не тотъ, что Фламандецъ; каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственныя природныя свойства, свой особенный строй жизни и, вслѣдстіе того, свои особенные умъ и характеръ, корыхъ нельзя измѣнять по произволу; они—не шашки шашечной игры, имѣющія всѣ одинаковое значеніе, но скорѣе фигуры шахматной игры, имѣющія каждая свое особенное значеніе; уничтожить эту особенность, значитъ—прекратить игру. Въ томъ, что Іосифъ хотѣлъ именно этого, и заключалось главное заблужденіе его мысли, главная ошибка его дѣйствій, главное несчастіе его жизни. Онъ палъ, потому что хотѣлъ совершить невозможное.

Теперь всѣ взоры были устремлены на Іосифова преемника, который долженъ былъ вступить на престолъ среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ. Леопольдъ II, братъ Іосифа, прославившійся своимъ мудрымъ управленіемъ Тосканою, возбуждалъ большія надежды, которыя всѣ осуществить ему, можетъ быть, недостало времени. Самымъ неотлагательнымъ изъ всѣхъ предстоявшихъ ему дѣлъ было—снова возстановить спокойствіе и порядокъ. Онъ нашелъ армію истощенною сраженіями или болѣзнями, финансы въ разстройствѣ, Венгрію въ броженіи, Нидерланды въ полномъ возстаніи, повсюду неудовольствіе и, сверхъ происходившей уже войны съ Портою, опасеніе другой, болѣе грозной войны съ Пруссіею. Чтобъ успокоить всѣ эти возмущенные элементы, потребны были особенные умъ, осторожность и умѣренность, и Леопольдъ обнаружилъ ихъ: среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ онъ дѣйствовалъ съ большими прозорливостью и искуствомъ. Многія нововведенія, которыя не всегда были усовершенствованіями или подавали поводъ къ неудовольствіямъ, были отмѣнены; въ управленіи финансами введенъ новый порядокъ, Венгрія успокоена, съ Пруссіей начаты переговоры, а такъ какъ только сила придаетъ надлежащій вѣсъ всякимъ переговорамъ, то на всѣхъ угрожаемыхъ границахъ войска были пополнены или усилены. Еще при жизни Іосифа, старый фельдмаршалъ Лаудонъ

долженъ былъ сосредоточить 100,000 человѣкъ въ Богеміи и Моравіи; сверхъ того была выставлена другая арміи въ Галиціи, для наблюденія за Поляками, и наконецъ, сверхъ корпуса войскъ въ Кроаціи, состоявшаго еще подъ начальствомъ принца Кобургскаго, который возбудилъ большія ожиданія, въ Банатѣ и Валахіи была собрана 50-ти тысячная армія.

Выказавъ такимъ образомъ энергію и силу, Леопольдъ пожелалъ явить и миролюбіе свое. Съ этою цѣлію онъ написалъ Прусскому королю дружественное письмо, въ которомъ выразилъ свое желаніе мирнымъ образомъ исправить всѣ предшествовавшія ошибки. Фридрихъ Вильгельмъ, хотя уже былъ готовъ, и не неохотно, обнажить оружіе и стать въ главѣ своихъ 200,000 непобѣдимыхъ, отвѣчалъ въ одинаково миролюбивомъ тонѣ и приказалъ предъявить австрійскому посланнику Герцберговъ планъ обмѣновъ. Но съ австрійской стороны нашли страннымъ—за Галицію получить турецкія, опустошенныя, пограничныя области, между тѣмъ, какъ Пруссія, ни за что, ни про что, должна была сдѣлать такое важное пріобрѣтеніе, какъ Данцигъ и Торнъ. Разногласіе казалось большое, сборы войскъ приняли болѣе грозный видъ, и король, сопровождаемый главнокомандующимъ своей арміи, герцогомъ Брауншвейгскимъ, отправился лично къ арміи, расположенной въ Силезіи.

Такимъ же языкомъ, что съ Австріей, заговорили и съ Россіей: и она должна была принять тѣ мирныя условія, какія англо-прусскому союзу угодно было предписывать ей. Но тутъ императрица Екатерина явила все величіе и всю энергію своего характера, и какъ ни хорошо она понимала трудность и запутанность своего положенія, однако не обнаружила ни малѣйшаго малодушія. Съ душою, исполненною важныхъ заботъ, съ двумя войнами на рукахъ и съ двумя другими въ виду, только что лишившись единственнаго надежнаго союзника своего и находясь въ неизвѣстности касательно намѣреній его преемника, даже въ самой столицѣ своей угрожаемая непріятелемъ, громъ орудій котораго она почти могла слышать изъ своего зимняго дворца, принужденная со всѣхъ сторонъ быть готовой къ войнѣ, она ни малѣйше не нарушила своего достоинства и во всѣхъ оффиціальныхъ переговорахъ выказывала духъ твердый, рѣшительный, хотя и умѣренный. Справедливаго мира она не отклоняла, но только не хотѣла, чтобъ онъ ей былъ предписанъ; она готова была вести переговоры съ Портою, только безъ посредничества враждебныхъ державъ. Такимъ образомъ и съ этой стороны все приняло угрожающій видъ. Пруссія собрала двѣ арміи

одну на литовской границѣ, другую у Торна, а англійское министерство приказало изготовить два флота, для отправленія ихъ въ Черное и Балтійское моря.

Вслѣдствіе того, Россія была вынуждена принять оборонительныя мѣры. Война съ Портою, доселѣ самая важная, стала уже второстепенною; въ ней уже нельзя было наносить быстрыхъ ударовъ, потому что не было извѣстно, не потребуется ли вскорѣ производить ихъ на другихъ, болѣе важныхъ пунктахъ. Удовольствовались тѣмъ, что оставили противъ Турокъ умѣренное число войскъ, достаточное для удержанія непріятеля, съ тѣмъ, чтобы въ другихъ мѣстахъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Два слабыхъ корпуса на обѣихъ сторонахъ Прута были противупоставлены Туркамъ: одинъ, подъ начальствомъ генерала Меллера-Закомельскаго, силою около 8—9,000 человѣкъ, долженъ былъ держаться близъ нижняго Дуная и наблюдать за Киліею и Измаиломъ; другой, подъ начальствомъ Суворова, усиленный до 12,000 человѣкъ, долженъ былъ оставаться въ своемъ расположеніи у Бырлада, чтобы по прежнему сохранять сообщеніе съ Австрійцами. Генералъ Михельсонъ съ 2,000 человѣкъ на Прутѣ содержалъ связь между обоими корпусами. И такъ не болѣе 22,000 человѣкъ должны были здѣсь противустоять всей боевой силѣ Турокъ. Прочія войска были собраны частію въ Лифляндіи, для обороны противъ Пруссаковъ, частію на границахъ Подоліи, у Кіева, у м. Соколье на Бугѣ и у Бендеръ, и держались въ готовности по первому знаку вступить въ Польшу.

Между тѣмъ переговоры съ великимъ визиремъ въ Шумлѣ продолжались. Въ настоящее время званіемъ этимъ былъ облеченъ старый, храбрый Гассанъ, который изъ собственнаго опыта зналъ превосходство силъ Россіи и ненадежность чужеземныхъ обѣщаній, а потому искренно желалъ мира. Переговоры производились, но недѣятельно и неискренно, такъ какъ извѣстно было, что Султанъ, равно какъ и сильная партія въ диванѣ, были расположены въ пользу продолженія войны и дѣятельно производили вооруженія для новаго похода. Самъ султанъ, его мать и жена отдали свое серебро для обращенія въ монету, многіе вельможи послѣдовали этому примѣру, всѣ молодые люди отъ 20-ти до 35-ти лѣтъ были обязаны вооружиться и 200,000 войскъ было собрано у Шумлы и Силистріи. Въ тоже время Порта ожидала и прусско-польской диверсіи.

Когда, среди этихъ обстоятельствъ, старый великій визирь предложилъ заключить перемиріе, то князь Потемкинъ отказалъ ему

въ этомъ, понимая, что дѣло шло только о выигрышѣ времени. «*Только миръ или война*», отвѣчалъ онъ на неоднократныя предложенія. Семь разъ писалъ къ нему великій визирь и семь разъ получалъ тотъ же отвѣтъ. Не безъ боязни ожидала императрица рѣшенія, потому что война съ Турками должна была рѣшить и войну съ Пруссіей и Польшей. «Теперь мы въ кризисѣ, — говорила она довѣреннымъ ей лицамъ,—или миръ, или тройная война.»— 16-го апрѣля пріѣхалъ курьеръ отъ Потемкина: «всѣ надежды на миръ рушились; стараго Гассана устранили, кажется, посредствомъ яда, миролюбивый муфти отставленъ, партія войны одержала верхъ и переговоры прерваны.» И такъ рѣшено быть войнѣ, но, къ счастію, только съ одними Турками.

Теперь, по видимому, слѣдовало ожидать важныхъ событій, но— они не совершились, и бо̀льшая часть лѣта 1790 года прошла въ полномъ бездѣйствіи. Русскіе, долженствуя быть готовыми къ войнѣ съ другихъ сторонъ, не были достаточно сильны для наступательныхъ дѣйствій и ограничились въ этомъ походѣ обороною,—Турки ждали прусско-польской диверсіи, а Австрійцы — окончательнаго исхода начатыхъ переговоровъ съ Пруссіей. Такимъ образомъ ни съ одной стороны не предпринималось ничего важнаго. Болѣе всѣхъ дѣятельности оказали еще Австрійцы и то потому, что хотѣли поставить себя въ выгодное положеніе при ожидаемомъ заключеніи мира. Новая Оршова, доведенная до крайности долговременною блокадою, была принуждена сдаться имъ 5 (16) апрѣля; принцъ Кобургскій распространилъ свое расположеніе въ Валахіи и 22 мая (2 іюня) предпринялъ осаду Журжи, но понесъ здѣсь непріятную неудачу. Австрійцы допустили обмануть себя ложною атакою; затѣмъ Турки, въ ночь на 29-е мая, сдѣлали вылазку изъ крѣпости, изрубили два австрійскіе баталіона и овладѣли всѣми осадными орудіями. Вслѣдствіе того, принцъ увидѣлъ себя вынужденнымъ снять осаду и отступить къ Букаресту. Ободренные этимъ Турки 13 (24) іюня, въ числѣ 12,000 человѣкъ, перешли черезъ Дунай у Видина, но начальствовавшій стоявшими здѣсь австрійскими войсками генералъ Клерфэ рѣшился не медля, собралъ свой небольшой отрядъ, смѣло двинулся на встрѣчу Туркамъ и отбросилъ ихъ обратно за Дунай.

Въ продолженіе всего этого времени Суворовъ находился въ окрестностяхъ Бырлада. Зимою онъ не оставался въ бездѣйствіи, но вошелъ въ тайное соглашеніе съ Браиловскимъ пашею. Послѣдній былъ не прочь сдать крѣпость, еслибы противъ нея была произведена, хотя

для вида, атака;—но начавшіеся переговоры о мирѣ воспрепятствовали всякаго рода предпріятіямъ, и это дѣло осталось безъ исполненія. Между тѣмъ, принцъ Кобургскій изъявилъ желаніе и просилъ, чтобы Суворовъ соединился съ нимъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ ожидали наступленія главной турецкой арміи; Суворовъ и самъ желалъ этого, но не могъ получить на то приказанія отъ князя Потемкина. Поэтому онъ сначала оставался на Серетѣ; затѣмъ, когда опасность со стороны великаго визиря увеличилась, онъ двинулся къ р. Бузео и здѣсь ожидалъ положительнаго извѣстія, что Турки дѣйствительно перешли черезъ Дунай, дабы тотчасъ присоединиться къ Австрійцамъ. Извѣстіе это вскорѣ прибыло.

Саидъ Гассанъ-паша, новый великій визирь и одинъ изъ старѣйшихъ турецкихъ предводителей, получившій званіе паши еще отъ отца Селимова, Мустафы III, приготовлялся къ переходу черезъ Дунай, для изгнанія Австрійцевъ изъ Валахіи. Онъ уже прибылъ изъ Шумлы въ Рущукъ и дѣлалъ распоряженія для переправы на другой берегъ у Журжи. По настоятельнымъ просьбамъ Принца Кобургскаго, Суворовъ получилъ наконецъ желанное приказаніе соединиться съ нимъ. Съ 10,000 чел. войскъ, составлявшихъ его корпусъ, за исключеніемъ оставленныхъ въ Бырладѣ, онъ двинулся усиленными переходами отъ р. Бузео къ р. Аржишу и черезъ три дня былъ уже въ Афумацѣ, въ одиннадцати верстахъ отъ Букареста и по близости отъ австрійскаго лагеря. Онъ немедленно отправился лично въ Букарестъ, чтобы видѣться тамъ съ принцемъ. Но уже на половинѣ дороги встрѣтилъ его самъ принцъ и едва издалека завидѣлъ нашего героя, какъ вышелъ изъ кареты и бросился къ нему съ распростертыми объятіями. Послѣ искреннихъ, взаимныхъ привѣтствій, Суворовъ сѣлъ съ нимъ въ карету и они поѣхали въ Букарестъ, чтобы тамъ переговорить подробнѣе о дѣйствіяхъ противъ великаго визиря.

Послѣдній, со всею свойственною Туркамъ медленностью, переправилъ наконецъ 70,000 человѣкъ черезъ Дунай. Онъ только-что собирался атаковать принца Кобургскаго, какъ къ нему привели крестьянина, который объявилъ, что Суворовъ присоединился къ Австрійцамъ. Сначала онъ сомнѣвался въ справедливости этого извѣстія, такъ какъ Суворовъ еще недавно находился въ дальнемъ оттуда разстояніи; но когда крестьянинъ съ клятвою подтвердилъ, что еще въ то самое утро собственными глазами видѣлъ его въ Букарестѣ, тогда визирь со страху выронилъ перо, которымъ только что писалъ приказанія къ атакѣ, и въ ужасѣ воскликнулъ: «что мы теперь будемъ дѣлать?»

Такъ велико уже было волшебное вліяніе одного имени Суворова на Турокъ.

Снова, казалось, союзники были наканунѣ великихъ событій: непріятель былъ близко и войска пылали жаждою боя. Союзники, уже неразъ въ единодушномъ соединеніи одерживавшіе побѣду, ожидали и теперь торжества тѣмъ болѣе блистательнаго, что теперешняя боевая сила ихъ далеко превосходила прежнюю. Въ австрійскихъ войскахъ при Букарестѣ считалось 40,000 человѣкъ, Русскихъ было 10,000, а Суворовъ съ принцемъ Кобургскимъ сами по себѣ стоили цѣлой арміи. Уже былъ составленъ планъ атаки, уже хотѣли привесть его въ исполненіе, какъ вдругъ къ принцу Кобургскому прискакалъ курьеръ. Съ величайшею скоростью пріѣхалъ онъ изъ Силезіи въ Валахію—передалъ свои депеши—онѣ заключали въ себѣ слѣдующее: «Въ Рейхенбахѣ, въ Силезіи, между Пруссіею и Австріею заключена конвенція, въ силу которой всѣ стоящія противъ Турокъ австрійскія войска немедленно должны пріостановить военныя дѣйствія.»—Великій визирь былъ спасенъ.

Вскорѣ сдѣлались извѣстными ближайшія обстоятельства этого неожиданнаго событія.—Пруссія и Австрія, подобно двумъ могучимъ атлетамъ, уже готовы были вступить въ единоборство. Лицомъ къ лицу, въ полномъ вооруженіи стояли арміи на границахъ и взаимно измѣряли себя грозными взглядами, ежеминутно ожидая знака къ битвѣ. Тутъ обѣ стороны прибѣгли къ послѣднему средству соглашенія. Двое австрійскихъ повѣренныхъ, князь Рейсскій и баронъ фонъ-Шпильманъ явились въ Рейхенбахъ съ новыми полномочіями для переговоровъ съ графомъ Герцбергомъ о мирѣ. Къ нимъ присоединились посланники Англіи, Польши и Голландіи; недоставало только русскаго, такъ какъ императрица Екатерина положила уладить свои разногласія съ Турками безъ посторонняго посредничества. Здѣсь дѣла вскорѣ должны были принять другой оборотъ. Морскія державы отринули Герцберговъ планъ обмѣновъ и требовали возстановленія Порты въ ея положеніи до войны; если же бы Пруссія стала настаивать на своемъ планѣ, то онѣ уклонялись отъ всякаго содѣйствія. Это было громовымъ ударомъ для Герцберга, который разсчитывалъ преимущественно на помощь Англіи. Вторымъ ударомъ для него было объявленіе, которое сообщилъ Луккесини, прусскій посланникъ въ Варшавѣ. Вызванный въ Рейхенбахъ, онъ сообщилъ о настроеніи умовъ въ Польшѣ и о нежеланіи Поляковъ отдать Торнъ и Данцигъ, ихъ единственные пункты выхода въ море, за столь ограниченное вознагра-

деніе. Другіе выразили такое же сомнѣніе относительно Турокъ: «имъ было обѣщано возвращеніе всего, что̀ они потеряли, а теперь предлагали только часть этого». — Любимцы короля, Бишофсвердеръ и Вёльнеръ, неохотно взиравшіе на войну, потому что она только могла уменьшить ихъ вліяніе, представили затѣмъ своему государю слѣдующее: «если настаивать на исполненіи плана Герцберга, то можно было опасаться, что Австрія и Россія примирятся съ Турками и совокупно обратятъ свое оружіе противъ Пруссіи. А за что теперь хотятъ начинать войну?—За политическое равновѣсіе Европы?—Оно обезпечено.—Слѣдовательно—ради незначительнаго пріобрѣтенія, которое только обречетъ Пруссію ненависти главныхъ континентальныхъ государствъ, не обезпечивая ей поддержки морскихъ державъ, потому что и послѣднія противятся этому плану». Они обратили вниманіе короля на честолюбіе Герцберга, говоря, что» онъ руководится только своею страстію и слѣпою ненавистью къ Австріи, и хочетъ пожертвовать счастіемъ государства для мимолетнаго блеска». Они припомнили о великомъ, сильномъ Фридрихѣ: «даже онъ, приведенный на край погибели, неразъ раскаявался въ своемъ честолюбіи.» Затѣмъ они съ безпокойствомъ указывали на Францію: «своевременно-ли, согласно-ли съ правилами политики впутываться въ войну съ этой стороны, когда на западѣ готовится страшная гроза противъ всѣхъ монархій? На Францію нужно теперь устремить взоры, на тѣхъ людей революціи, которые стремятся къ низпроверженію всѣхъ престоловъ и проповѣдуютъ войну хижинъ противъ дворцовъ. Уже ученія ихъ имѣютъ много успѣха, много тайныхъ приверженцевъ и въ другихъ странахъ. Тутъ можно было бы стяжать лучшую славу, если-бы король, подобно тому, какъ въ Голландіи, обуздалъ эту революціонную гидру и явился возстановителемъ древней монархіи.» Эти, нисколько не безосновательные доводы произвели большое впечатлѣніе на Фридриха-Вильгельма и измѣнили наконецъ его образъ мыслей. Въ слѣдствіе того, онъ рѣшительно и даже съ выраженіемъ неудовольствія приказалъ графу Герцбергу совершенно отложить свой планъ и принять за основаніе мирныхъ переговоровъ неограниченное возстановленіе прежняго положенія дѣлъ.

Тогда австрійскіе уполномоченные согласились на прусскія предложенія и 16 (27) іюля между Пруссіей и Австріей заключенъ былъ договоръ слѣдующаго содержанія: «Австрія отказывается отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ войнѣ противъ Порты и немедленно заключаетъ съ нею перемиріе, для начатія переговоровъ о мирѣ,

на основаніи строгаго сохраненія прежнихъ владѣній.» Такого рода договоръ, какъ «pis-aller» (крайнее, худшее средство), собственно не удовлетворилъ никого: Пруссаковъ потому, что они ничего не пріобрѣтали, Австрійцевъ потому, что они должны были отдать обратно свои завоеванія, да еще какъ бы по приказанію Пруссіи. Таковы были обстоятельства, породившія Рейхенбахскую конвенцію, вслѣдствіе которой едва только соединившіяся русско-австрійскія войска должны были снова разлучиться въ ту самую минуту, когда хотѣли атаковать и разбить великаго визиря. Еслибы курьеръ пріѣхалъ нѣсколько дней позже, то какую перемѣну нашелъ бы онъ!— Такъ-то судьба управляетъ предначертаніями людей! Когда они воображаютъ, что уже достигли цѣли, она отбрасываетъ ихъ далеко отъ сей послѣдней.

Князь Потемкинъ, чтобъ не оставить Суворова одного противъ всѣхъ турецкихъ силъ, приказалъ ему какъ можно скорѣе отступить къ Серету. Со слезами на глазахъ разстались онъ и принцъ Кобургскій: имъ уже никогда не суждено было свидѣться. Общая опасность положила основаніе ихъ дружбѣ, побѣда скрѣпила ее, а взаимное довѣріе упрочило ее на долгое время. До сихъ поръ имена ихъ произносились вмѣстѣ; теперь тотъ и другой должны были дѣйствовать на различныхъ поприщахъ и съ различнымъ успѣхомъ. Суворовъ сошелъ въ могилу непобѣжденнымъ, хотя подъ конецъ долженъ былъ бороться съ воинственнѣйшими противниками, — но принцъ Кобургскій утратилъ значительную часть своего прежняго блеска. Слишкомъ скоро увидѣли, кто̀ былъ душою его подвиговъ противъ Турокъ, потому что въ послѣдствіи, въ его походахъ противъ новыхъ Франковъ, когда побуждавшій его другъ уже не былъ при немъ, онъ дѣлалъ только однѣ ошибки и наконецъ долженъ былъ удалиться съ театра войны, унося въ душѣ подавляющее сознаніе утраты всей своей прежней славы. Послѣ турецкой войны онъ прослылъ за великаго полководца, но послѣ его походовъ въ Нидерландахъ поставленъ въ число самыхъ посредственныхъ предводителей.

Изъ этихъ совокупныхъ съ имперцами походовъ герой нашъ вынесъ еще особое прозваніе, данное ему храбрыми австрійскими солдатами и которое немало льстило его самолюбію. Отъ ихъ взоровъ не ускользнула его живая дѣятельность, которая такъ отличалась отъ осторожности ихъ генераловъ; быстрота его дѣйствій, его настойчивое стремленіе впередъ поражали ихъ и они назвали его въ шутку генераломъ «*Vorwärts*» (впередъ) — прозваніе, которое въ

позднѣйшее время, въ видѣ почетнаго воздаянія, придано было русскими солдатами одному изъ нѣмецкихъ предводителей (*). Народъ есть лучшій судія своихъ государей, а солдатъ—своихъ предводителей, и данныя ими почетныя прозванія тѣмъ превосходнѣе всякихъ другихъ, что лесть не имѣетъ въ этомъ участія.

4 (15) августа Суворовъ выступилъ изъ Афумаца, дошелъ сначала до р. Бузео, гдѣ оставался нѣсколько дней, а затѣмъ до Каліени на р. Серетѣ, и наконецъ расположился при Максимени, противъ устья р. Бузео въ Серетъ.

Здѣсь ему опять было суждено провести нѣсколько мѣсяцевъ въ вынужденномъ бездѣйствіи и затѣмъ вдругъ обратить на себя вниманіе всего свѣта однимъ изъ достопамятнѣйшихъ подвиговъ.

Въ этой войнѣ ему уже не пришлось болѣе являться вѣрнымъ союзникомъ и помощникомъ Австрійцевъ. Они совершенно покинули театръ войны и только переговаривались еще въ Шистовѣ объ условіяхъ мира.

Конгрессъ посланниковъ различныхъ державъ собрался въ этомъ небольшомъ булгарскомъ мѣстечкѣ, чтобъ условиться касательно основаній для заключенія мира. Но, какъ обыкновенно случается на конгрессахъ, переговоры затянулись надолго, и только въ слѣдующемъ году былъ дѣйствительно заключенъ миръ между Австріею и Портою. Австрія возвратила всѣ сдѣланныя ею завоеванія, исключая Старой-Оршовы съ ея округомъ. Въ этомъ заключалась вся выгода, пріобрѣтенная ею отъ столь много-обѣщавшей войны.

Принцъ Кобургскій, прежде, нежели уѣхать изъ Валахіи, написалъ Суворову нижеприведенное письмо : изъ него можно усмотрѣть отношенія между обоими полководцами, равно какъ и тотъ перевѣсъ, который Суворовъ пріобрѣлъ надъ принцемъ. А потому мы и приводимъ это письмо вполнѣ. Нѣсколько сладкій тонъ этого письма достаточно характеризуетъ добраго, но слабаго принца Кобургскаго.

Букарестъ, 20 октября 1790.

Господинъ генералъ!

«Въ будущую пятницу я уѣзжаю къ моему новому назначенію въ Венгрію; путешествіе это тѣмъ тяжелѣе для меня, что еще бо-

---

(*) Блюхеру.

лѣе удаляетъ отъ Васъ, мой дорогой и достойный другъ. Я узналъ цѣну вашей великой души. Нашъ дружескій союзъ развился среди явленій величайшей важности, и при всякомъ новомъ случаѣ я научался удивляться Вамъ, какъ герою, и уважать Васъ, какъ достойнѣйшаго человѣка.

«Судите сами, мой несравненный наставникъ, какъ больно мнѣ должно быть—еще болѣе удалиться отъ человѣка, котораго я по столькимъ причинамъ уважаю и люблю. При такомъ строгомъ рѣшеніи судьбы, я ожидаю утѣшенія единственно отъ Васъ, надѣясь, что Вы и впредь сохраните ко мнѣ ту дружбу, которою доселѣ удостоивали меня, и я положительно объявляю Вамъ, что частыя увѣренія въ Вашей дружбѣ необходимо нужны для моего счастія.

«Я не могу рѣшиться лично проститься съ Вами; для меня это было бы слишкомъ больно... и я ссылаюсь на Ваше собственное чувство. Я довольствуюсь клятвою въ сохраненіи къ Вамъ самой горячей дружбы. Сохраните же и Вы впредь Вашу дружбу ко мнѣ, которая до сихъ поръ составляла отраду моей военной жизни, и положитесь на мою безграничную благодарность. Вы всегда останетесь для меня дражайшимъ изъ друзей, дарованныхъ мнѣ небомъ, и никто не будетъ въ состояніи имѣть бо̀льшихъ правъ на совершенное уваженіе, съ которымъ постоянно пребуду и т. д.»

Съ отложеніемъ Австріи отъ союза, императрица Екатерина осталась на театрѣ войны одна, занятая двумя старыми врагами и угрожаемая двумя новыми. Но твердость ея ничѣмъ не поколебалась и императрица съумѣла счастливо выйдти изъ всѣхъ запутанныхъ обстоятельствъ. Восемнадцать дней послѣ заключенія Рейхенбахской конвенціи, ей удалось положить конецъ войнѣ съ Швеціей. Густавъ, который долго и напрасно ждалъ обѣщанной помощи, который часто видѣлъ себя близкимъ къ погибели и наконецъ достигъ того, къ чему стремился, т. е. военной славы и чести—сталъ наконецъ жаждать мира столь же сильно, сколько прежде жаждалъ войны. Такъ какъ и императрица желала того же, то соглашеніе и произошло легко. 3 (14) августа , въ Вереле , уполномоченные генералы Игельстрёмъ и Армфельдъ заключили миръ, по которому все приведено было въ прежнее положеніе. Миръ этотъ, хотя и не принесъ непосредственныхъ выгодъ, но избавилъ отъ опаснаго врага. Ничто такъ не способствовало величію Россіи, какъ благоразуміе и умѣренность ея властителей. Мудро пользовались они удобною минутой, уступали во второстепенныхъ предметахъ, настаивали

на главныхъ, прочее предоставляли будущему времени и всегда, хотя постепенно, достигали предположенной цѣли.

Такимъ образомъ императрица развязала себѣ руки на сѣверѣ, снова могла принять болѣе рѣшительный тонъ въ отношеніи къ Англіи и Пруссіи, и съ бо̀льшею настойчивостію продолжать свою войну противъ Турокъ, чтобы принудить ихъ наконецъ къ принятію весьма умѣренныхъ мирныхъ условій. Она требовала только того, что̀ и за два года передъ тѣмъ, т. е. уступки Очакова съ его округомъ и подтвержденія прежнихъ мирныхъ договоровъ. Но Порта, полагаясь на свои новые союзы съ Пруссіею и Польшею, изъявляла большія притязанія—и, какъ то можно было предвидѣть, дѣло снова должно было рѣшить оружіемъ. Англія и Пруссія, негодуя на то, что императрица рѣшительно отвергла ихъ посредничество, приступили къ болѣе дѣятельнымъ вооруженіямъ: Прусскій король собралъ 80-ти тысячную армію на русской границѣ; генералъ Темпельгофъ получилъ приказаніе представить планъ для осады Риги, а англійскій министръ Питтъ готовился, не смотря на ропотъ всей націи, послать флотъ въ Балтійское море. Теперь, по крайней мѣрѣ, открытіе войны казалось неизбѣжнымъ; но какъ ни съ одной стороны войны не желали, то и на этотъ разъ дѣло ограничилось однѣми угрозами.

Теперь императрица сочла необходимымъ рѣшительными дѣйствіями сломить наконецъ упорство Турокъ, прежде нежели покровительствовавшія имъ державы успѣли бы вступиться за нихъ. Вслѣдствіе того, князь Потемкинъ получилъ приказаніе вести военныя дѣйствія съ бо̀льшею дѣятельностью.

До этой поры онъ проводилъ лѣто сначала въ Яссахъ, а потомъ въ Бендерахъ, въ роскоши и великолѣпіи, окруженный блистательнымъ дворомъ, подобно владѣтельному государю; въ порывахъ своего честолюбія онъ обольщалъ себя надеждою, что при будущемъ заключеніи мира сдѣлается верховнымъ господаремъ обоихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи. Чтобы занять войска, стоявшія при Бендерахъ, онъ велѣлъ имъ разрушить верки этой крѣпости, такъ какъ предвидѣлось, что при заключеніи мира она будетъ возвращена непріятелю; кромѣ того, въ случаѣ продолженія войны, онъ не хотѣлъ быть вынужденнымъ оставлять въ ней значительный отрядъ для содержанія гарнизона.

Такъ какъ война должна была принять болѣе дѣятельный оборотъ, то онъ приказалъ спросить также мнѣніе Суворова касательно предстоявшихъ дѣйствій. Послѣдній отвѣчалъ коротко: «гребной

флотъ долженъ овладѣть Дунайскими устьями, взять Тульчу и Исакчу, затѣмъ, въ соединеніи съ сухопутными войсками, покорить Измаилъ и Браиловъ и заставить трепетать Шистово».

Такого же мнѣнія были и другіе генералы; да больше ничего и не оставалось дѣлать. Австрійцы, въ одной изъ статей своего перемирія, были принуждены обѣщать, что запретятъ доступъ въ занятыя ими турецкія владѣнія Русскимъ; слѣдовательно, такъ какъ р. Серетъ составляла раздѣльную черту между бывшими союзниками, то Русскіе были ограничены въ своихъ дѣйствіяхъ тѣснымъ пространствомъ между Галацомъ и моремъ—однимъ изъ труднѣйшихъ театровъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ фронтъ линіи Русскихъ войскъ долженствовалъ быть расположенъ на нижнемъ Дунаѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка изливается въ Черное море нѣсколькими рукавами, обнимающими низкую, болотистую мѣстность. Разсмотримъ подробнѣе этотъ театръ военныхъ дѣйствій.

Дунай, обогнувъ Валахію съ юга большимъ полукружіемъ, у Галаца вдругъ поворачиваетъ на востокъ и медленно несетъ свои воды въ море. Ниже Исакчи онъ раздѣляется: лѣвый рукавъ, называемый Килійскимъ, протекаетъ подъ Измаиломъ и потомъ подъ Кіліей, затѣмъ впадаетъ въ Понтъ;—правый рукавъ у Тульчи раздѣляется опять на два новые рукава, изъ которыхъ лѣвый, называемый Сулинскимъ (также Сунжей), течетъ прямо въ море, а правый, Георгіевскій, текущій въ юго-восточномъ направленіи, не достигая устья, раздѣляется еще на два рукава.

Ниже Исакчи эти четыре рукава Дуная, подобно Нилу и другимъ большимъ рѣкамъ, образуютъ родъ треугольника или дельту, заключающую въ себѣ площадь величиною почти въ сорокъ квадратныхъ миль (около 280 кв. верстъ). Вся эта площадь состоитъ большею частію изъ болотъ, гдѣ нѣтъ человѣческихъ жилищъ, и только въ сухое время года пасутся на ней стада рогатаго и другаго скота. Судоходство производится по Килійскому и Сулинскому рукавамъ; два другіе рукава недоступны для большихъ судовъ.

Такимъ образомъ для русской арміи, дѣйствовавшей со стороны Бессарабіи, Дунай представлялъ значительное препятствіе, которое было тѣмъ труднѣе преодолѣть, что естественныя преграды были усилены многими искуственными, а именно крѣпостями Исакчей, Тульчей, Киліей и въ особенности Измаиломъ, самою сильною изъ нихъ. Обойдти ихъ было невозможно, потому что, въ силу упомянутой выше статьи перемирія, весь лѣвый берегъ Дуная, начиная отъ устьевъ р. Серета, былъ возбраненъ Русскимъ; поэтому дѣй-

ствія послѣднихъ были ограничены труднѣйшею частію всего театра военныхъ дѣйствій—такъ хорошо позаботились о Туркахъ друзья ихъ.

Измаилъ былъ здѣсь важнѣйшимъ пунктомъ, тѣмъ болѣе важнымъ, что въ немъ была сосредоточена бо̀льшая часть турецкихъ военныхъ силъ. Но чтобы атаковать его одновременно съ сухопутной и рѣчной сторонъ, нужно было сначала овладѣть Киліей и Тульчей, иначе русская флотилія не могла подняться вверхъ по рукавамъ Дуная; между тѣмъ, нападеніе съ рѣчной стороны было совершенно необходимо, если хотѣли покорить крѣпость, отрѣзавъ ее отъ вспомогательныхъ ея средствъ. Вслѣдствіе того рѣшено было: предварительно овладѣть Киліей и Тульчей.

Суворовъ, извѣщенный объ этомъ, оставилъ свой корпусъ у Максимени, подъ начальствомъ генералъ-поручика Дерфельдена, а самъ лично съ легкимъ передовымъ отрядомъ отправился въ Галацъ. Вниманіе его было устремлено на Измаилъ и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ событій, имѣвшихъ произойти съ этой стороны.

Здѣсь, въ Галацѣ, онъ получилъ удовлетворительныя извѣстія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ: во-первыхъ, что Килію осадили и затѣмъ, что ее взяли; послѣ того, что генералъ-маіоръ Рибасъ съ гребною флотиліей вошелъ, согласно съ его совѣтомъ, въ оба рукава Дуная, истребилъ турецкія флотиліи при Тульчѣ и Исакчи и явился передъ Измаиломъ, который и съ сухопутной стороны былъ обложенъ корпусомъ войскъ подъ начальствомъ генерала Гудовича. Такимъ образомъ всѣ приготовительныя мѣры къ покоренію Измаила были исполнены.

Вскорѣ онъ получилъ болѣе обстоятельныя извѣстія о дѣйствіяхъ Гудовича и Рибаса, которыя заключались въ слѣдующемъ:

18 (29) сентября, назначенный для покоренія Киліи корпусъ войскъ подъ начальствомъ генерала Меллера-Закомельскаго, силою въ 16 баталіоновъ и 42 эскадрона, собрался у Татаръ-Бунара, а 3 (14) октября уже подступилъ къ означенной выше крѣпости. Послѣдняя, на лѣвомъ, возвышенномъ берегу Дуная, образовала четвероугольникъ, обнесенный крѣпкими, высокими стѣнами, съ пятью башнями на каждой сторонѣ; она имѣла ровъ, выложенный камнемъ и который, въ случаѣ надобности, можно было наполнять водой; предмѣстья крѣпости были обнесены обширными окопами. Изъ этого видно, что покорить эту крѣпость, при хорошей оборонѣ оной, было не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что гарнизонъ ея состоялъ изъ 5,000 янычаръ, подъ начальствомъ энергическаго паши. Генералъ Меллеръ, на слѣдующій же день послѣ своего прибытія, приказалъ

штурмовать внѣшніе окопы; они были взяты, но онъ самъ, храбрый старикъ, при этомъ лишился жизни. Генералъ Гудовичь заступилъ его мѣсто, продолжалъ осаду, но скоро убѣдился, что не достигнетъ цѣли, если турецкая флотилія не будетъ удалена. Съ этой цѣлью онъ приказалъ перевезть два баталіона съ орудіями на противулежавшій островъ, построить тамъ батарею и усиленно обстрѣливать флотилію. Вслѣдствіе того, послѣдняя удалилась къ Измаилу. Устрашенный этимъ гарнизонъ сдался на капитуляцію, и 18 (29) октября Русскіе уже владѣли крѣпостью.

Тогда Гудовичь двинулся къ Измаилу и обложилъ его съ сухаго пути; тоже вскорѣ было сдѣлано и съ рѣчной стороны, потому что уже приближалась русская флотилія. Ею начальствовалъ генералъ-маіоръ Рибасъ, родомъ Испанецъ, по мѣсту рожденія Неаполитанецъ; онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ весьма тонкій и даже можно было бы сказать хитрый, но при этомъ храбрый и умный, и пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Потемкина. По приказанію послѣдняго, онъ собралъ всю флотилію въ устьяхъ Днѣстра и затѣмъ вышелъ оттуда двумя отдѣленіями: одно изъ нихъ, подъ начальствомъ полковника Головатаго, состоявшее изъ двѣнадцати легкихъ лансоновъ и лодокъ черноморскихъ казаковъ (4), должно было войти въ Килійскій рукавъ, между тѣмъ какъ самъ Рибасъ, съ судами бо́льшихъ размѣровъ, приблизился 20 (31) октября къ Сулинскому рукаву. Входъ въ него оказался прегражденнымъ двадцатью тремя турецкими судами и двумя батареями на обоихъ берегахъ. Рибасъ немедленно отрядилъ своего брата, подполковника Рибаса, съ 1,000 гренадеръ, для того, чтобы взять эти батареи; но, по причинѣ сильнаго вѣтра, только 600 изъ нихъ могли достигнуть берега, и то вплавь. Затѣмъ они собрались и двинулись берегомъ моря, но сильный огонь турецкихъ батарей заставилъ ихъ дождаться ночи въ закрытомъ мѣстѣ. Въ полночь двинулись они оттуда, взяли сначала батарею на лѣвомъ берегу и многія суда, переправились на сихъ послѣднихъ черезъ рѣку, овладѣли и батареею на правомъ берегу и принудили остальныя турецкія суда поспѣшно удалиться. Этимъ русской флотиліи былъ открытъ входъ въ Дунай, что́ и было исполнено на слѣдующій день, когда вѣтеръ прекратился.

---

(4) Эти черноморскіе казаки образовались изъ прежнихъ украинскихъ запорожцевъ, смѣшанныхъ съ донскими казаками; послѣ уничтоженія ихъ Сѣчи, Потемкинъ переселилъ ихъ на берега Чернаго моря и назначилъ имъ мѣстомъ жительства полуостровъ Тамань и при-Кубанскія земли.

Плывя вверхъ по Дунаю, русская флотилія явилась 6 (17) ноября передъ Тульчей, небольшимъ четвероугольнымъ замкомъ, съ крѣпкими стѣнами и съ башнями по угламъ, который господствовалъ здѣсь надъ Сулинскимъ рукавомъ. Девятнадцать турецкихъ судовъ были расположены ниже крѣпости поперегъ рѣки, усилены береговыми батареями и преграждали подступъ къ крѣпости. Рибасъ, не задумавшись, атаковалъ ихъ, разбилъ, истребилъ или взялъ, и быстрымъ своимъ преслѣдованіемъ такъ устрашилъ Турокъ, что они ночью сожгли остальныя свои суда и бѣжали внутрь страны. Вслѣдствіе того, на другое утро и Тульча безъ дальнѣйшаго сопротивленія досталась въ руки Русскимъ, и путь къ Измаилу былъ открытъ для флотиліи въ обоихъ рукавахъ Дуная.

Взятіе Тульчи повергло въ ужасъ Турокъ въ Исакчи, и они заблаговременно начали спасаться бѣгствомъ въ Браиловъ, причемъ, во время переѣзда ихъ по Дунаю, четырнадцать судовъ ихъ были взяты арнаутами у Галаца. Суворовъ приказалъ немедленно вооружить эти суда и посадить на нихъ людей, и съ этого времени поддерживалъ непрерывное сообщеніе съ Рибасомъ.

Послѣдній, обогнувъ островъ Чаталъ и достигнувъ того мѣста, гдѣ Дунай раздѣляется на свои первые два рукава, положилъ предварительно сдѣлать еще покушеніе для овладѣнія Исакчею, и для этого отрядилъ туда часть флотиліи подъ начальствомъ своего храбраго брата и капитанъ-лейтенанта Литке. Съ трудомъ поднялись они на веслахъ вверхъ по рѣкѣ и только 13 (24) ноября приблизились къ Исакчи. При этомъ небольшомъ мѣстечкѣ, на правомъ, возвышенномъ берегу рѣки находился крѣпкій, четвероугольный замокъ, окруженный стѣнами въ $2^1/_2$ сажени вышины и съ башнями по угламъ. Тридцать два турецкихъ судна стояли на якорѣ между замкомъ и лежавшимъ противъ него островомъ, и встрѣтили Русскихъ, когда они, въ семь часовъ утра, приблизились къ нимъ, сильнымъ огнемъ. Но не обращая вниманія на него, русскія суда подплыли ближе, сильно напирая на Турокъ съ фронта, между тѣмъ какъ часть флотиліи, обогнувъ островъ, напала на нихъ съ тыла, и въ два часа пополудни была одержана полная побѣда. Превосходство русскихъ орудій надъ турецкими снова проявилось самымъ блистательнымъ образомъ. Двадцать два турецкихъ лансона были сожжены или пущены ко дну, много другихъ судовъ взято, экипажи ихъ искали спасенія въ бѣгствѣ. Турки покинули не только всѣ остальныя суда и береговыя батареи, но даже и самый замокъ, который немедленно и былъ занятъ Русскими.

Это была важная побѣда, потому что доставила въ руки Русскихъ значительное количество военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, которые съ давняго времени были собраны здѣсь: кромѣ 96-ти орудій, еще 300 боченковъ пороха, 20,000 ручныхъ гранатъ, 20,000 ядеръ, 160,000 фунтовъ свинца и въ такихъ же размѣрахъ прочіе военные и продовольственные запасы, достаточные для снабженія русскихъ войскъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Исакчи была пунктомъ, изъ котораго снабжали военными потребностями Измаилъ и другія крѣпости, ровно какъ и полевыя войска. Турки, кажется, считали прибытіе русской флотиліи невозможнымъ, такъ неожиданно было для нихъ ея появленіе; отъ этого и произошло такое слабое повсюду сопротивленіе съ ихъ стороны. Кто атакованъ врасплохъ, тотъ уже на половину побѣжденъ.

Такимъ образомъ всѣ эти небольшія крѣпостцы были покорены, турецкія гребныя флотиліи истреблены или взяты, весь Дунай съ прибрежьями въ этихъ мѣстахъ очищенъ и теперь уже можно было приступить къ осадѣ важнаго по своему значенію Измаила, что̀ представляло уже совсѣмъ другаго рода трудности.

Крѣпость эта лежитъ на лѣвомъ берегу Килійскаго рукава, между озерами Ялпухомъ и Катлабугомъ на плоской косѣ, которая надъ Дунаемъ оканчивается невысокимъ, но крутымъ обрывомъ. Прежде она была обнесена обыкновенною стѣною, построенною еще Генуэзцами; но со времени послѣдней войны, когда оцѣнили ея важность, она была сильно укрѣплена европейскими инженерами и въ это время служила оттоманскимъ войскамъ, при ихъ предпріятіяхъ на лѣвый берегъ Дуная, отчасти переправочнымъ, отчасти опорнымъ пунктомъ, и какъ по этой причинѣ, такъ и по своей величинѣ, была прозвана ими «*Орду-калеси*», т. е. *войсковою крѣпостью*. Фигура ея, со включеніемъ Молдавскаго предмѣстья, лежавшаго на возвышеніи и тоже входившаго въ черту крѣпостныхъ верковъ, имѣла подобіе прямоугольнаго треугольника, южная, прибрежная часть котораго имѣла 1,000 саженъ длины, западная, короткая—700, а сѣверо-восточная и самая длинная—1,300. Весь главный валъ имѣлъ до шести верстъ общаго протяженія и представлялъ неравномѣрно-ломаную линію, съ семью бастіонами и большимъ числомъ входящихъ и исходящихъ угловъ. Внѣшнихъ укрѣпленій, какъ во всѣхъ турецкихъ крѣпостяхъ, не было, равно какъ и прикрытаго пути; за то валъ имѣлъ отъ 3-хъ до 4 саженъ вышины, а ровъ—до 6 саженъ ширины и мѣстами до 4 саженъ глубины.

Всѣ верки были земляные, за исключеніемъ одного каменнаго

бастіона на верхнемъ исходящемъ углу рѣчной стороны, который двумя батареями, одною казематированною, а другою—съ стрѣльбою черезъ банкъ съ барбета, оборонялъ подступъ со стороны рѣки. Другой бастіонъ, крайній сѣверный, у котораго сходились угломъ оба сухопутные фронта, также имѣлъ каменную одежду и былъ усиленъ каменными башнями, по одной на каждомъ плечевомъ углу. Валъ этого бастіона былъ очень высокъ, весьма крутъ и вооруженъ 22-мя пушками.

Болѣе 200 орудій было распредѣлено по валгангу обоихъ сухопутныхъ фронтовъ; но рѣчной фронтъ, откуда не ожидали нападенія, былъ лишь слабо защищенъ недоконченною насыпью. Турки разсчитывали на свою флотилію и только въ виду близкой опасности начали воздвигать здѣсь нѣсколько батарей.

Широкая низменность, пересѣкавшая городъ съ сѣвера на югъ, раздѣляла его на двѣ половины, изъ которыхъ бо́льшая, западная, образовала *старую крѣпость*, а меньшая, но болѣе возвышенная, восточная—*новую крѣпость*. Четверо воротъ служили для внѣшняго сообщенія: двое изъ нихъ, Бросскія и Хотинскія, находились на западномъ фронтѣ, а двое другихъ, Бендерскія и Килійскія, на сѣверо-восточномъ.

Такова была крѣпость, долженствовавшая теперь подать поводъ къ военному подвигу, достойному быть поставленнымъ на ряду съ самыми отважными, о которыхъ упоминаетъ исторія.

Приготовленія къ покоренію Измаила были сдѣланы; затѣмъ дѣло состояло въ самой этой крѣпости; но позднее время года требовало быстрыхъ дѣйствій, если имѣлось въ виду еще въ этомъ походѣ овладѣть ею.

Многое уже было совершено; но Суворовъ долженъ былъ доказать, что можно было совершить еще болѣе.

Послѣ взятія Исакчи, Рибасъ съ флотиліею спустился 18 (29) ноября внизъ по Килійскому рукаву на двѣ версты выше Измаила, между тѣмъ какъ съ другой стороны Головатый, съ 12-ю лансонами и съ казачьими лодками, сталъ на пушечный выстрѣлъ ниже крѣпости. Затѣмъ немедленно были высажены на островъ Чаталъ 4 баталіона и 600 казаковъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Арсеньева, для содержанія связи между обоими отдѣленіями флотиліи.

Турки, бо́льшая часть флотиліи которыхъ стояла подъ прикрытіемъ большаго каменнаго прибрежнаго бастіона, выслали 5 лансоновъ, чтобъ завлечь Русскихъ подъ огонь онаго. Въ продолженіи

четырехъ часовъ Рибасъ хладнокровно переносилъ огонь ихъ,—но наконецъ приказалъ своему храброму брату съ нѣсколькими судами положить конецъ дерзости непріятеля. Это удалось: одно изъ непріятельскихъ судовъ пущено ко дну, а остальныя прогнаны за бастіонъ. Затѣмъ въ продолженіи двадцати четырехъ часовъ съ обѣихъ сторонъ не происходило ничего.

На другой день, 19 ноября вечеромъ, обѣ русскія флотиліи открыли сильный огонь, подъ прикрытіемъ котораго приступлено къ осаднымъ работамъ на островѣ противъ города. Отряды генералъ-маіора Арсеньева, бригадира Маркова и подполковника Рибаса начали выводить траншейную линію, длина которой съ каждаго конца превосходила на 100 саженъ длину рѣчнаго фронта крѣпости; на каждомъ концѣ линію замыкала батарея.

Затѣмъ было приступлено къ истребленію непріятельской флотиліи, чтобы потомъ, продолжительнымъ обстрѣливаніемъ, устрашить крѣпость и склонить ее къ уступчивости. Поэтому, какъ только на другое утро были окончены означенныя выше работы на островѣ, русскія флотиліи съ обѣихъ сторонъ приблизились къ крѣпости на полпушечный выстрѣлъ и спустили 6 брандеровъ противъ турецкихъ судовъ. Хотя это не имѣло успѣха, однако посредствомъ открытаго въ тоже время огня съ судовъ и батарей удалось частію взорвать многія изъ непріятельскихъ судовъ, частію произвесть въ разныхъ мѣстахъ города пожары. Это былъ страшный бой, въ которомъ Русскіе вполнѣ достигли своей цѣли. Послѣ восьми-часового огня, бо́льшая часть турецкой флотиліи была истреблена, болѣе 90 судовъ сожжено, взято или потоплено, и самый городъ во многихъ мѣстахъ сильно поврежденъ.

Въ слѣдующіе дни траншейныя работы на островѣ продолжались и къ прежде построеннымъ батареямъ постепенно прибавлялись новыя. Но вдругъ все было пріостановлено: погода сдѣлалась хуже, болѣзни усилились и настало сомнѣніе въ возможности достигнуть цѣли въ столь позднее время года. Войска претерпѣвали всякаго рода невзгоды, частію отъ холодной, сырой погоды на болотистой мѣстности, частію отъ недостатка въ продовольствіи, дровахъ и фуражѣ; войска упали духомъ и было рѣшено снять осаду, которая представляла такъ мало благопріятныхъ видовъ на успѣхъ. Тяжелая артиллерія уже была отправлена назадъ въ Бендеры, многіе полки посажены на суда, другіе выступили или собирались выступить, и предпріятіе это по видимому было вполнѣ отложено, ко-

гда наконецъ князь Потемкинъ рѣшился на вѣрное средство: онъ поручилъ покореніе Измаила побѣдителю при Рымникѣ.

Онъ и Суворовъ понимали другъ друга полу-словами; поэтому первый написалъ послѣднему весьма коротко: «*Возьмите Измаилъ во что бы то ни стало.*»

Это приказаніе было для Суворова совершенно неожиданнымъ. Онъ опасался, чтобы, по причинѣ поздняго времени года, всѣ дѣйствія противъ Измаила не имѣли цѣлію только демонстрацій, которыхъ, какъ и всякихъ полумѣръ, онъ былъ смертельнымъ врагомъ. Но рѣшительныя выраженія письма успокоили его и онъ приготовился исполнить приказаніе. Однимъ взглядомъ оцѣнилъ онъ и всю трудность, но за то и всю славу этого предпріятія. Судьба наконецъ представляла ему желанный случай показать все, на что онъ былъ способенъ, и онъ воспользовался имъ. Онъ обозрѣлъ свою прежнюю жизнь: она была богата отдѣльными, прекрасными военными подвигами, но онъ не совершилъ еще ничего необыкновенно-великаго; то, что̀ онъ совершилъ, было достаточно для того, чтобъ имя его могло быть поставлено *на ряду* съ другими, но недостаточно для того, чтобы могло быть поставлено *выше* другихъ. Въ Польшѣ и въ первой турецкой войнѣ средства его были незначительны; позже, славу своихъ блистательнѣйшихъ подвиговъ онъ долженъ былъ раздѣлять съ другими: при Козлуджи—съ Каменскимъ, при Фокшанахъ и Рымникѣ—съ принцемъ Кобургскимъ. Здѣсь же наконецъ настала для него минута выступить *одному*, дѣйствовать, побѣдить или погибнуть—*одному*; ему предстояло предпріятіе, славу котораго никто не сталъ бы у него оспоривать, на которое и покуситься отважились бы немногіе. Его рѣшеніе было несомнѣнно: выборъ былъ между смертью или вѣчною славой, и онъ ни на минуту не усомнился въ немъ; умереть раньше или позже—все равно, лишь бы умереть честною смертію.

Онъ не скрывалъ отъ себя трудностей предпріятія: передъ нимъ была сильная крѣпость, а за нею—цѣлое войско, лишь по трупамъ котораго можно было войти въ нее. Но чѣмъ значительнѣе трудности, тѣмъ болѣе славы, и только низкія души боятся того, что̀ трудно.

Немедленно принялъ онъ свои мѣры: выбралъ изъ состоявшихъ подъ его начальствомъ войскъ тѣ, которыя должны были слѣдовать за нимъ къ Измаилу—своихъ храбрыхъ Фанагорійскихъ гренадеръ, 200 казаковъ, 1,000 арнаутовъ и 150 охотниковъ изъ Апшеронскаго полка; велѣлъ изготовить и отвезти туда 30 лѣстницъ и 1,000 фашинъ; отступившимъ уже полкамъ послалъ приказаніе воротить-

ся и, сдѣлавъ еще другія нужныя распоряженія, сѣлъ на коня и въ сопровожденіи только 40 казаковъ поспѣшилъ въ лагерь подъ Измаиломъ.

Здѣсь господствовало уныніе. Четыре недѣли были напрасно проведены передъ крѣпостью, много перенесено лишеній и трудовъ, и все это было тщетно. Вдругъ прискакалъ гонецъ: онъ слышитъ ликованіе и радостную пальбу Турокъ, онъ видитъ лишь мрачныя, унылыя лица у Русскихъ; именемъ князя Потемкина онъ объявляетъ, что *«покореніе Измаила возлагается на генерала Суворова»*— и немедленно во всѣхъ возрождается новая надежда, всѣ лица проясняются и тамъ, гдѣ передъ этимъ царствовала печаль, обнаруживается неудержимая радость.

Затѣмъ, 2 (13) декабря рано утромъ видятъ двухъ быстро скачущихъ всадниковъ; сначала ихъ принимаютъ за казаковъ; но скоро они уже въ лагерѣ... то былъ Суворовъ съ своимъ проводникомъ, который въ небольшомъ узелкѣ везъ всю поклажу генерала; оба опередили остальной конвой. Общая радость распространилась между войсками: только *онъ*, олицетворенная рѣшимость, могъ тѣмъ или другимъ способомъ рѣшить дѣло; залпъ всѣхъ батарей привѣтствуетъ его прибытіе; на всѣхъ лицахъ видна надежда на счастливый успѣхъ. Все тотчасъ же принимаетъ другой видъ: дѣятельность Суворова, его усердіе, его увѣренность, его презрѣніе къ смерти переходятъ въ души солдатъ, подъ его предводительствомъ ничто не кажется имъ слишкомъ смѣлымъ или слишкомъ труднымъ. И онъ умѣетъ каждаго ободрить должнымъ образомъ, и всѣ возлагаютъ на него свои надежды. *«Видите-ли эту крѣпость*,—говоритъ онъ солдатамъ, указывая на Измаилъ,—*стѣны ея высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ нужно взять ее. Матушка-Царица приказала и мы должны ее слушаться.»*—*«Съ тобою навѣрное возьмемъ ее!»* съ радостными кликами отвѣчали ему солдаты, и отъ перваго до послѣдняго каждый горѣлъ желаніемъ доказать ему это.

Но задача была не легкая. Не только то, что крѣпость была сильна, но и защищала ее цѣлая армія. Число войскъ въ ней постепенно возрастало, потому что гарнизоны всѣхъ покоренныхъ Русскими крѣпостей шли сюда. Здѣсь были войска, защищавшія Хотинъ, сдавшія Бендеры, заключившія капитуляціи въ Аккерманѣ и Киліи. Но этими сдачами они навлекли на себя гнѣвъ султана и, подъ угрозою самыхъ тяжкихъ наказаній, имъ были воспрещены впредь всякія капитуляціи; въ противномъ случаѣ фирманомъ по-

велѣно было каждаго изъ гарнизона Измаила, найденнаго гдѣ бы ни было въ живыхъ, казнить смертію.

Впрочемъ нечего было опасаться малодушія или предательства со стороны главнаго начальника въ крѣпости. То былъ Айдосъ-Мехмедъ-паша, съ честью посѣдѣвшій на военномъ поприщѣ. Дважды предлагали ему званіе визиря, дважды отклонялъ онъ его отъ себя; здѣсь онъ жертвовалъ собою для защиты отечества. Безъ кичливости и безъ слабодушія, онъ постоянно являлъ твердость и рѣшимость скорѣе похоронить себя подъ развалинами крѣпости, нежели сдать ее. Его подкрѣплялъ храбрый Капланъ-Гирей, братъ Крымскаго хана, который, въ сопровожденіи пяти сыновей своихъ, начальствовалъ частію гарнизона; и онъ также ни на минуту не поколебался въ рѣшимости отстоять Измаилъ или умереть. Такую же рѣшимость раздѣляли съ ними многіе изъ остальныхъ трехъ и двухъбунчужныхъ пашей; если и были малодушные, то они не смѣли обнаруживать себя, и позже оборона крѣпости доказала, что такихъ было немного. — Всего гарнизона считалось около 42,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 8,000 конницы, 17,000 янычаровъ, нѣсколько тысячъ Татаръ, остальные—жители города или Азіятцы; но всѣ—хорошо знакомые съ своимъ ремесломъ и ничего лучшаго не желавшіе, какъ загладить свой прежній позоръ храброю обороною. Въ военныхъ и съѣстныхъ припасахъ всякаго рода было полное изобиліе и все приготовлено къ долговременной оборонѣ.

Сильная, хорошо-снабженная крѣпость, храбрый, испытанный на войнѣ начальникъ, многочисленный гарнизонъ, видѣвшій, что жизнь его зависѣла отъ удержанія крѣпости—таковы были трудности, которыя нужно было преодолѣть здѣсь. Какія же были средства къ тому? Во всемъ былъ недостатокъ, въ военныхъ и продовольственныхъ занасахъ, тяжелой артиллеріи вовсе не было, всего на все только 31,000 войскъ, и изъ тѣхъ половину составляли казаки, вооруженные пиками. И при всемъ томъ, безстрашная душа Суворова ни на минуту не усомнилась приступить къ покоренію крѣпости, которая легко могла бы противустоять и гораздо сильнѣйшимъ средствамъ.

5 (16) декабря, когда ушедшіе полки воротились назадъ къ Измаилу, крѣпость была обложена войсками въ разстояніи двухъ верстъ полукружіемъ; фланги ихъ упирались въ рѣку, гдѣ обѣ флотиліи и высаженные на островъ баталіоны довершали обложеніе (5). На слѣдующій день прибыли и войска, выступившія изъ Галаца.

(5) См. планъ II.

Въ добавокъ къ привезеннымъ оттуда 30-ти лѣстницамъ и 1,000 фашинамъ, Суворовъ приказалъ особыми командами изготовить изъ береговаго кустарника еще 2,000 фашинъ и 40 лѣстницъ, и затѣмъ обучать людей употребленію ихъ, но только ночью, чтобы не привлечь вниманія непріятеля.

Нѣсколько дней сряду производилась рекогносцировка крѣпости. Самъ Суворовъ, въ сопровожденіи оберъ-квартирмейстера Лена и многихъ другихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ (дабы каждый ближе ознакомился съ подступами къ крѣпости), подъѣзжалъ къ Измаилу на ружейный выстрѣлъ, указывалъ пункты, на которые должны были направляться колонны, гдѣ штурмовать и какъ взаимно поддерживать одна другую. Сначала Турки стрѣляли по этой группѣ, но потомъ не считали ее, кажется, заслуживавшею вниманія.

Такимъ образомъ Суворовъ, какъ всякій великій полководецъ, не пренебрегалъ передъ боемъ никакими мѣрами предосторожности для обезпеченія успѣха его; но когда были исполнены обязанности осторожнаго полководца, взвѣшивающаго всѣ обстоятельства, тогда уже онъ предоставлялъ событія своему свободному теченію и, ничѣмъ не отвлекаясь отъ предположенной цѣли, съ пламеннымъ одушевленіемъ выполнялъ то, что̀ было задумано холоднымъ разсудкомъ.

Ночью на 7 (18) декабря на обоихъ флангахъ, подъ руководствомъ австрійскаго полковника принца Карла де-Линя и артиллеріи генерала Ртищева, были возведены батареи съ цѣлію заставить Турокъ полагать, будто имѣется въ виду вести правильную осаду. Двѣ изъ этихъ батарей, съ западной стороны, въ 160 саженяхъ отъ крѣпости, были направлены противъ каменнаго казематированнаго бастіона, а двѣ другія, на разстояніи 200 саженъ — противъ восточнаго исходящаго угла крѣпости. Каждая батарея была вооружена 10-ю полевыми орудіями, такъ какъ тяжелыя уже были отвезены въ Килію и Бендеры. Турки не мѣшали производству работъ; но когда на слѣдующее утро батареи открыли огонь, то Турки отвѣчали изъ крѣпости выстрѣломъ на каждый выстрѣлъ.

Въ тотъ же день послано было сераскиру письмо отъ князя Потемкина; Суворовъ отъ себя прибавилъ къ нему въ нѣсколькихъ строкахъ требованіе сдать крѣпость. Изъ многословнаго отвѣта, писаннаго на арабскомъ языкѣ, разобрали только слѣдующее: *Сераскиръ доброжелательно совѣтуетъ Русскимъ отказаться отъ своего предпріятія; время года уже позднее, они нуждаются во всемъ, а гарнизонъ ни въ чемъ*». — На вторичное требованіе, переданное офи-

церомъ, знавшимъ турецкій языкъ, полученъ гордый отвѣтъ: «*Скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи, скорѣе небо преклонится къ землѣ, нежели Измаилъ сдастся*».—Суворовъ хотѣлъ еще третій разъ попытаться по возможности предупредить предстоявшее кровопролитіе, потому что человѣкъ самый твердый въ своихъ рѣшеніяхъ всегда бываетъ и самый склонный ко всѣмъ путямъ благодушія: въ краткомъ письмѣ завѣрялъ онъ честнымъ словомъ, что «*если въ тотъ же день не будетъ выставлено бѣлое знамя, то послѣдуетъ штурмъ и никому не будетъ пощады*».—Послѣ этого нѣкоторые изъ турецкихъ предводителей оказали, кажется, расположеніе къ переговорамъ, но сѣдой паша остался непреклоннымъ и отвѣчалъ однимъ презрительнымъ молчаніемъ.

Всѣ средства благодушія были истощены: наступила очередь дѣйствительныхъ мѣръ. Суворовъ созываетъ военный совѣтъ. Въ краткихъ, но внушительныхъ словахъ представляетъ онъ слѣдующее: «*Дважды стояли Русскіе передъ Измаиломъ и дважды отступали отъ него; теперь, въ третій разъ, имъ ничего болѣе не остается, какъ взять крѣпость или умереть. Правда, трудности большія, крѣпость сильная, гарнизонъ ея—армія; но русской силѣ и русскому оружію ничто не должно противустоять; и они, Русскіе, тоже сильны, исполнены рѣшимости и главное—до сихъ поръ не отступали ни передъ какимъ затрудненіемъ. Турки, въ своемъ высокомѣріи, воображаютъ себѣ, что могутъ пренебрегать ими за своими стѣнами. Поэтому-то именно и слѣдуетъ показать имъ, что русскій воинъ съумѣетъ всюду настигнуть ихъ*». Затѣмъ онъ указалъ и на нравственное вліяніе: «*Отступленіе произвело бы сильный упадокъ духа въ войскахъ, отозвалось бы во всей Европѣ и придало бы еще болѣе высокомѣрія Туркамъ и ихъ друзьямъ. Если же Измаилъ будетъ покоренъ, то кто впредь будетъ противиться Русскимъ?*» Наконецъ, съ одушевленнымъ выраженіемъ лица, онъ объявилъ свою рѣшимость—или водрузить русскія знамена на стѣнахъ Измаила, или пасть подъ его развалинами.

Рѣчь его воспламенила всѣ умы, и когда стали собирать голоса, то бригадиръ Платовъ, какъ младшій въ совѣтѣ, первый громкимъ голосомъ воскликнулъ «*на штурмъ!*»—Всѣ съ одушевленіемъ присоединились къ его мнѣнію. Суворовъ бросился на шею ему, и затѣмъ перецѣловалъ всѣхъ по очереди. «*Сегодня*, сказалъ онъ, *Богу молиться, завтра учиться, послѣ завтра—побѣда или славная смерть!*»—«*Побѣда или славная смерть!*»—повторили всѣ съ пламенными взорами, и штурмъ Измаила былъ рѣшенъ.

Вслѣдъ затѣмъ отъ князя Потемкина было получено письмо, въ которомъ онъ—устрашенный-ли отважностію опаснаго предпріятія, или же просто желая отклонить отъ себя отвѣтственность за него—предоставлялъ Суворову свободу, если онъ не совершенно увѣренъ въ успѣхѣ, отступиться отъ этого предпріятія. Суворовъ, проникнувшій намѣреніе князя, но уже твердо рѣшившійся, отвѣчалъ съ благороднымъ достоинствомъ: «*Стыдно было бы теперь снова отступить. Завѣрить въ томъ, что̀ будетъ, никто не можетъ; только за себя и за свои войска можетъ онъ ручаться и обѣщать, что все зависящее отъ человѣческаго предусмотрѣнія будетъ сдѣлано;—остальное—въ волѣ Божіей.*»—Въ одномъ только онъ былъ увѣренъ—что въ случаѣ неудачи не переживетъ штурма.

8 и 9 числа войска были упражняемы въ штурмовыхъ дѣйствіяхъ; Суворовъ самъ показывалъ имъ, что̀ и какъ дѣлать, какъ бросать фашины, какъ приносить и приставлять лѣстницы, какъ дѣйствовать штыкомъ (6): при этомъ фашины представляли собою Турокъ. Краткими, сильными, примѣненными къ ихъ понятіямъ словами онъ вселилъ въ нихъ самоувѣренность и каждый изъ нихъ желалъ хоть тотчасъ идти противъ непріятеля, чтобъ примѣнить къ дѣлу уроки своего генерала. Суворовъ не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, которымъ могъ упрочить себѣ успѣхъ.

Диспозиція къ штурму была составлена. Главныя основанія ея были слѣдующія: всѣ войска раздѣлялись на три атакующіе отряда или крыла, изъ которыхъ каждый особенно подраздѣлялся на три колонны. Главными начальниками назначались: праваго крыла—генералъ-поручикъ *Павелъ Потемкинъ*, лѣваго—генералъ-поручикъ *Самойловъ*; атакующаго отряда съ рѣчной стороны—генералъ-маіоръ *Рибасъ* (7).

Три колонны *праваго крыла*, 15 баталіоновъ или 7,500 челов., имѣли назначеніе овладѣть старою крѣпостью. Генералъ-маіоръ *Ласси* съ второю колонною долженъ былъ вести главную атаку около Бросскихъ воротъ; генералъ-маіоръ *Львовъ* съ первою колонною—пробить палисады между берегомъ и казематированнымъ каменнымъ бастіономъ и поддерживать Ласси. Труднѣйшая задача выпала на долю генералъ-маіора Мекноба съ третьею колонною: онъ долженъ

---

(6) За это его немало осуждали, говоря, что «всякій капралъ столь же хорошо могъ бы научить этому.» Конечно,—только не съ такимъ успѣхомъ. (Si duo faciunt idem, non est idem, т. е. если двое сдѣлаютъ тоже, это—не тоже).

(7) См. таблицу Г.

Г. Боевой порядокъ войскъ для штурма Измаила.

(Къ стран. 333-й.)

I. Правое крыло. Генер. Павелъ Потемкинъ.
1, 2, 3 колонны (15 баталіоновъ, 1,000 арнаутовъ) всего 7,500 человѣкъ.

1-я колонна. Г. м. Львовъ.
(5 батал. съ 250 фашинами).
150 Апшеронскихъ стрѣлковъ.
50 рабочихъ.
1 баталіонъ Бѣлорусскихъ егерей.
2 бат. Фанагорійскихъ гренадеръ.
2 — — — въ резервѣ.

2-я колонна. Г. м. Ласси.
(5 батал. съ 300 фашинами и 8 лѣстницами въ 3 сажени длины).
128 стрѣлковъ.
50 рабочихъ.
3 батал. Екатеринославскихъ егерей.
1 — — — } въ резервѣ.
1 — Бѣлорусскихъ — }

3-я колонна. Г. м. Мекнобъ.
(5 бат. и 1,000 арнаутовъ, съ 500 фашинъ и 8 лѣстн. въ 4 саж. длины).
128 стрѣлковъ.
50 рабочихъ.
3 бат. Лифляндскихъ егерей.
2 — Троицкихъ мушкетер. } въ резервѣ.
1,000 арнаутовъ подъ начальствомъ маіора Фалькенгагена. }

II. Лѣвое крыло. Генер. Самойловъ.
4, 5 и 6 колонны (5 батал., 8,000 казаковъ, 1,000 арнаутовъ) всего 12,000 человѣкъ.
4-я и 5-я колонны. Г. м. Безбородко.

4-я колонна. Бригадиръ Орловъ.
(2,000 казак. съ 600 фаш. и 6 лѣстн. въ 5½ саж. длины).
150 отборныхъ казаковъ.
50 рабочихъ.
1,500 Донскихъ казаковъ.
500 — — въ резервѣ.

5-я колонна. Бригадиръ Платовъ.
(2 бат., 5,000 казак., 1,000 арнаут. съ 600 фаш. и 8 лѣстн.).
150 казаковъ.
50 рабочихъ.
5,000 казаковъ.
1,000 арнаут. подъ нач. подполк. Соболевскаго. } въ резервѣ.
2 бат. Полоцкихъ мушкетеровъ. }

6-я колонна. Г. м. Голенищевъ-Кутузовъ.
(5 бат. и 1,000 казак. съ 600 фаш. и 8 лѣстн. въ 4 саж. длины).
120 стрѣлковъ.
50 рабочихъ.
100 охотниковъ.
3 бат. Бугскихъ егерей.
2 — Херсонскихъ гренадеръ. } въ резервѣ.
1,000 казаковъ. }

III. Рѣчная сторона. Г. м. Рибасъ.
1, 2, 3 колонны (11 батал., 4,000 казак.) всего 9,000 чел.

1-я колонна. Г. м. Арсеньевъ.
(5 батал., 2,000 морскихъ казаковъ).
300 морск. казаковъ, подъ нач. полковника Головатаго.
2 батал. Николаевскихъ морскихъ гренадеръ (1,100 чел.).
1 батал. Лифляндскихъ егерей (546 чел.).
2,000 черноморскихъ казаковъ.

2-я колонна. Бригадиръ Чепега.
(3 бат., 1,000 морскихъ казак.).
2 бат. Алексопольскихъ мушкетеръ (1,150 чел.).
1 бат. Днѣпровскихъ гренадеръ (200 чел.).
1,000 морскихъ казаковъ.

3-я колонна. Гвардіи маіоръ Марковъ.
(5 бат., 1,000 морск. каз.).
2 бат. Херсонскихъ гренадеръ (800 чел.).
1 бат. Бугскихъ егерей (482 чел.).
2 бат. Бѣлорусскихъ (810 чел.).
1,000 морскихъ казаковъ.

Общій кавалерійскій резервъ. Бригадиръ Вестфаленъ (11 эскадр. и 4 казач. полка) всего 2,500 лошадей.
6 эскадроновъ Сѣверскаго карабинернаго и 5 эскад. Воронежскаго гусарскаго полковъ; 4 полка Донскихъ казаковъ

Общее число войскъ: { Пѣхоты: 33 баталіона, 12,000 казаковъ, 2,000 арнаутовъ, всего 28,500 чел. / Конницы: 11 эскадрон., 4 казач. полка . . . . . 2,500 чел. } 31,000 челов.

былъ взойдти на крѣпостной валъ съ сѣверной стороны, гдѣ ровъ былъ всего глубже, правѣе большаго бастіона съ каменной одеждой, взять этотъ бастіонъ и войдти въ связь съ второю колонною. Всѣ эти три генерала были люди испытанной храбрости и уже отличились при штурмѣ Очакова.

Каждая колонна состояла изъ 5 баталіоновъ; въ головѣ должны были идти 128 стрѣлковъ, за ними 50 рабочихъ съ шанцевымъ инструментомъ (кирками, лопатами, ломами), затѣмъ 3 баталіона съ фашинами и лѣстницами; въ хвостѣ—резервъ изъ 2-хъ баталіоновъ.

Лѣвое крыло, подъ начальствомъ генералъ-поручика Самойлова, силою въ 7 баталіоновъ, 8,000 казаковъ и 1,000 арнаутовъ, всего 12,000 человѣкъ, состояло также изъ трехъ колоннъ и имѣло назначеніе овладѣть новою крѣпостью и соединительнымъ валомъ. Здѣсь главную атаку, близъ Килійскихъ воротъ, велъ генералъ-маіоръ *Кутузовъ* съ 6-ю колонною (5 баталіоновъ и 1,000 казаковъ). Большое число казаковъ, которые находились при войскахъ и часть которыхъ, послѣ потери своихъ лошадей подъ Очаковымъ, была спѣшена и сведена въ пѣшіе полки, распредѣлено въ 4-ю и 5-ю колонны, которыя, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Безбородко*, должны были вести атаку между Бендерскими и Килійскими воротами. 4-я колонна бригадира *Орлова* состояла изъ 2,000 казаковъ; 5-я, бригадира *Платова*, изъ 5,000 казаковъ и арнаутовъ; 2 баталіона Полоцкаго полка служили резервомъ для обѣихъ колоннъ.

Передъ каждою изъ всѣхъ этихъ колоннъ шло по 150 казаковъ, вооруженныхъ ружьями, въ видѣ стрѣлковъ, за ними шли 50 рабочихъ, а за этими остальные казаки, всѣ пѣшими, и изъ нихъ пятая часть была вооружена длинными, а остальные укороченными до пяти футовъ пиками.

Общій резервъ составляла кавалерія, въ числѣ 2,500 лошадей, подъ начальствомъ бригадира *Вестфалена*. Она состояла изъ 6-ти эскадроновъ Сѣверскаго карабинернаго полка, 5 эскадроновъ Воронежскаго гусарскаго и 4-хъ казачьихъ полковъ. Она должна была стать противъ четырехъ воротъ: регулярная кавалерія на право и въ серединѣ, а казаки на лѣво; одинъ эскадронъ гусаровъ оставленъ при вагенбургѣ.

Третью атаку долженъ былъ вести генералъ-маіоръ *Рибасъ* съ войсками флотиліи, которыя, будучи усилены 4-мя баталіонами, состояли уже изъ 11-ти баталіоновъ и 4,000 морскихъ казаковъ, всего изъ 9,000 человѣкъ. Они также образовали три колонны: первая (правая), подъ начальствомъ генералъ-маіора *Арсеньева*, 3 ба-

таліона и 2,000 казаковъ, была назначена для дѣйствія противъ новой крѣпости; вторая, подъ начальствомъ бригадира *Чепеги*, тоже силою въ 3 баталіона и 1,000 казаковъ, противъ средней части вала; наконецъ, на лѣвомъ флангѣ, бригадиръ *Марковъ* съ третьею колонною, изъ 5 баталіоновъ и 1,000 казаковъ, долженъ былъ атаковать старую крѣпость. Флотиліи было назначено идти въ атаку, построившись въ двѣ линіи: въ первой должны были находиться 145 казачьихъ лодокъ съ дессантными войсками, во второй — суда бо̀льшихъ размѣровъ, которыя огнемъ своихъ тяжелыхъ орудій должны были прикрывать десантъ.

Всѣмъ частнымъ начальникамъ было внушено: хладнокровно изслѣдовать указанные имъ пункты атаки, ночью тихо подвести свои колонны къ крѣпости на разстояніе 300 саженъ и здѣсь, въ ожиданіи сигнала къ штурму, поддерживать мужество солдатъ, обѣщая имъ вѣрный успѣхъ; взаимно согласовать между собою свои движенія, но, начавъ атаку, нигдѣ не останавливаться напрасно, а когда взойдутъ на валъ, то не ходить внутрь города, пока не будутъ отворены ворота и впущены резервы.

Предписано было тщательно изслѣдовать, нѣтъ-ли подъ бастіонами пороховыхъ погребовъ, и если окажутся, то занять ихъ, чтобъ воспрепятствовать непріятелю взорвать ихъ. Когда весь валъ будетъ взятъ и нужно будетъ идти впередъ въ городъ, то прежде снабдить надлежащими караулами всѣ бастіоны, батареи, ворота и открытыя мѣста.

Наконецъ, всѣмъ было особенно приказано ничего не зажигать, чтобъ не произвести пожара или взрыва пороха, и дѣйствовать оружіемъ только противъ защитниковъ крѣпости; безоружнымъ же, женщинамъ, дѣтямъ и христіанамъ, напротивъ, отнюдь не дѣлать никакого вреда.

Свое собственное мѣстопребываніе Суворовъ назначилъ на сѣверной сторонѣ, недалеко отъ 3-й колонны, гдѣ онъ, находясь въ одинаковомъ разстояніи отъ различныхъ пунктовъ атаки, легче могъ обозрѣвать и направлять цѣлый бой. При немъ должны были находиться: полковникъ Тизенгаузенъ и камергеры: графъ Чернышевъ и князь Волконскій, для тщательнаго наблюденія за всемъ и для составленія потомъ плановъ штурма.

На флотиліи находился цвѣтъ тѣхъ молодыхъ офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые прибыли еще къ осадѣ Очакова, а другіе позже. Тамъ можно было видѣть храбраго *Ланжерона*, *Рожера Дамаса*, мужественнаго, пламеннаго духомъ, шедшаго на штурмъ, какъ

на пиръ; принца *Карла де-Линя*, любезнаго и храбраго, какъ его отецъ, который гордился имъ,—и неразлучнаго съ нимъ, молодаго герцога *Фронсака*, въ послѣдствіи подъ именемъ герцога *Ришелье* бывшаго украшеніемъ двухъ государствъ. Кромѣ того, въ числѣ волонтеровъ находились: принцъ *Гессенъ-Филипстальскій*, храбро сражавшійся здѣсь, а въ послѣдствіи прославившійся защитою Гаэты; полковники: *Валеріанъ Зубовъ*, *Гудовичъ*, *Лобановъ-Ростовскій*, умалчивая о многихъ другихъ; всѣ они были молодые люди, пылавшіе благороднѣйшимъ геройскимъ духомъ и имена которыхъ часто встрѣчались въ послѣдствіи, хотя и на различныхъ поприщахъ жизни.

Всѣ приготовленія были кончены и было приступлено къ исполненію. Въ видѣ вступленія, 10 декабря открыта одна изъ страшнѣйшихъ канонадъ: 40 орудій съ сухопутной стороны, 100 съ острова и покрайней мѣрѣ 200 съ судовъ флотиліи производили въ теченіе цѣлаго дня непрерывный огонь, на который крѣпость отвѣчала болѣе, нежели изъ 250 пушекъ. Земля стонала отъ грома орудій, по всѣмъ направленіямъ свистали въ воздухѣ снаряды,—одинъ изъ нихъ упалъ въ пороховую камору русской бригантины «Константинъ» и взорвалъ ее на воздухъ; Русскіе потеряли въ этотъ день около 400 убитыхъ и раненыхъ. Но все это было только прелюдіей болѣе ужасныхъ сценъ.

Постепенно замолкла пальба съ батарей и судовъ, за страшнымъ громомъ выстрѣловъ наступила глубокая тишина, а вскорѣ затѣмъ роковая ночь, предшественница кровопролитнѣйшаго дня, для многихъ тысячъ людей послѣдняя. Никто не спалъ; медленно тянулись часы для ожидавшихъ: безпокойство, ожиданіе, нетерпѣніе царствовали во всѣхъ душахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ бо̀льшая или меньшая (смотря по чувствамъ и мыслямъ каждаго) надежда на счастливый успѣхъ.

Въ крѣпости все было темно и тихо—лишь отъ времени до времени слышался глухой шумъ, обличавшій присутствіе жизни, оклики часовыхъ, лай и вой собакъ. Затѣмъ снова воцарялась глубокая тишина, давившая и сжимавшая сердце!

Турки не были неприготовлены къ штурму: извѣщенные объ угрожавшей имъ опасности двумя переметчиками, они приготовились къ встрѣчѣ своихъ противниковъ и всю ночь бодрствовали на валахъ крѣпости, съ хладнокровною покорностью ожидая рѣшенія своей судьбы.

Въ это время, за нѣсколько часовъ до штурма, Суворовъ получилъ письмо отъ императора Леопольда и не прочитавъ онаго,

положилъ его въ карманъ, потому что душа его въ эту минуту была слишкомъ полна тѣмъ, что̀ готовилось, и не могла вмѣстить въ себѣ ничего инаго.

Онъ пошелъ къ бивачнымъ огнямъ: офицеры и солдаты стояли вокругъ, грѣлись и разговаривали о предстоявшемъ важномъ событіи. Одни ободряли другихъ, разсказывали про штурмъ Очакова, какъ тамъ передъ русскимъ штыкомъ нигдѣ не могла устоять турецкая сабля, какія дѣла они тамъ совершили и какъ наконецъ восторжествовали надъ всѣми препятствіями, которыя казались непреодолимыми. Такъ, надѣялись они, должно̀ было случиться и теперь; они чувствовали свою силу, свое превосходство надъ столь часто побѣжденнымъ врагомъ: всѣ выказывали мужество, жажду боя и рѣшимость. Тутъ явился между ними, у пылающихъ костровъ, ихъ уважаемый и грозный полководецъ. «Какой полкъ?» спрашивалъ онъ и, получивъ отвѣтъ, хвалилъ каждую часть особенно, припоминалъ минувшіе дни, когда онъ вмѣстѣ съ ними сражался въ Польшѣ, Турціи, подъ Кинбурномъ и въ Крыму. «*Славные люди*,—*храбрые солдаты*,—восклицалъ онъ,—*тогда они дѣлали чудеса, а сегодня превзойдутъ самихъ себя.*»—И всѣхъ воспламеняли эти слова, и всѣ жаждали показать себя достойными этой похвалы.

Наконецъ наступило три часа утра 11 (22) декабря—взвилась ракета—она возвѣстила каждому, что слѣдуетъ идти на назначенные пункты; четыре часа утра, и вторая ракета—строиться въ порядкѣ. Исполненные ожиданія и нетерпѣнія, съ біеніемъ сердца ждали всѣ третьей ракеты; ровно въ пять часовъ взвилась и она—и двинулись колонны.

Ночь была темная, ясное передъ тѣмъ небо заволоклось облаками, густой туманъ не позволялъ ясно различать предметы, но немедленно начавшійся пушечный огонь скоро освѣтилъ эту темноту... и что̀ это былъ за огонь, когда Русскіе подошли ближе! когда по всему протяженію вала загрохотала сильнѣйшая ружейная пальба, а среди ея—250 орудій изъ крѣпости и болѣе 500 съ судовъ флотиліи стали извергать смерть и пламя,—когда свѣтящіе снаряды, отражаясь въ тихихъ водахъ Дуная, по всѣмъ направленіямъ бороздили темное небо! Тогда крѣпость казалась настоящимъ волканомъ, извергавшимъ пламя; казалось, всѣ стихіи разрушенія изторглись на свободу, для борьбы между собою; небо и земля были въ огнѣ, и въ довершеніе ужасовъ этой ночи, по всему валу часто раздавался печальный крикъ «аллахъ! аллахъ!» какъ бы послѣднее похоронное пѣніе Турокъ.

Мужественно, въ стройномъ порядкѣ, рѣшительно наступали колонны,—живо подходили ко рву, бросали въ него свои фашины, по двѣ въ рядъ,—спускались въ ровъ и спѣшили къ валу, у подошвы его ставили лѣстницы (которыя, однако, на большей части пунктовъ оказались слишкомъ короткими, и нужно было связывать ихъ по двѣ вмѣстѣ), лѣзли на валъ и, опираясь на свои штыки, всходили на самый верхъ. Между тѣмъ стрѣлки оставались внизу и отсюда поражали защитниковъ вала, узнавая ихъ по огню ихъ выстрѣловъ.

Вторая колонна прежде всѣхъ вступила въ бой съ непріятелемъ. Сначала, по причинѣ тумана, въ ней не замѣтили третьей ракеты. Маіоръ Неклюдовъ, начальствовавшій стрѣлками, подходитъ къ начальнику колонны и говоритъ, указывая на часы: «*Кажется пора—прикажете начинать?*» — «*Съ Богомъ!*» отвѣчаетъ неустрашимый Ласси — и Неклюдовъ тотчасъ идетъ впередъ. Вскорѣ колонна достигла рва, ея фашины наполняютъ его, она бросается къ валу, Ласси въ ея главѣ, повсюду показывая собою примѣръ. Лѣстницы приставляются подъ градомъ непріятельскихъ пуль и всѣ взбираются на валъ: въ шесть часовъ Ласси уже на верху. Но здѣсь только начинается самый жестокій бой. Обѣ боковыя колонны еще назади;—толпы Турокъ, съ саблями въ рукахъ, устремляются противъ храбрецовъ, взобравшихся на валъ, съ тѣмъ, чтобы сбросить ихъ оттуда въ ровъ: многіе изъ нихъ убиты, многіе ранены, между послѣдними храбрый Неклюдовъ: Ласси едва съ трудомъ удерживается.

Бо́льшія затрудненія пришлось преодолѣть первой колоннѣ, состоявшей изъ храбрыхъ фанагорійскихъ гренадеръ: во-первыхъ—широкій ровъ; его наполнили фашинами и перешли черезъ него;—затѣмъ—рядъ крѣпкихъ палисадъ, простиравшійся отъ каменнаго бастіона до береговаго обрыва надъ рѣкой: его нужно было обходить по одиночкѣ. Для заднихъ людей это показалось слишкомъ долго и, ободряемые своими начальниками, они перелѣзли черезъ палисады. Послѣ того нужно было перейти черезъ второй, меньшій ровъ, подъ непрерывнымъ картечнымъ огнемъ изъ каменнаго бастіона. Здѣсь толпы Турокъ съ яростію бросились на нихъ; но неустрашимо дрались они какъ львы, низвергли все передъ собой, взяли одну батарею, штурмовали большой бастіонъ, понесли большой уронъ и должны были отступить. Храбрые предводители ихъ, *Львовъ* и *Лобановъ-Ростовскій*, ранены. Полковникъ *Золотухинъ* ведетъ своихъ героевъ кругомъ позади бастіона къ валу; тутъ они слышатъ побѣдный

кликъ своихъ товарищей 2-й колонны: «*Ура Екатерина!—съ нами Богъ!*» (8)—и въ одно мгновеніе они уже на верху и соединяются съ Ласси.

Но болѣе всего пришлось потерпѣть третьей колоннѣ, штурмовавшей съ сѣверной стороны. Здѣсь были самые глубокіе рвы и самые высокіе валы, и хотя штурмующіе поставили одну на другую свои четырехъ-саженныя лѣстницы, но имъ все-таки пришлось подниматься еще около двухъ саженъ съ помощію штыковъ. Принцъ *Гессенъ-Филипстальскій* идетъ здѣсь впереди всѣхъ съ своими егерями и тяжело раненъ; многіе офицеры и солдаты убиты или ранены; *Мекнобъ*, пренебрегая собственною жизнію, всюду ободряетъ своихъ подчиненныхъ и самъ указываетъ имъ дорогу. Наконецъ они всходятъ на валъ, но непреодолимымъ кажется сопротивленіе непріятеля на верху: самъ сѣдой сераскиръ былъ здѣсь съ своими лучшими янычарами; Мекнобъ, чтобъ удержаться, принужденъ призвать на помощь свой резервъ. Снова подвигается онъ впередъ и наконецъ беретъ большой бастіонъ, но рана пулею въ ногу на вылетъ повергаетъ его безъ чувствъ на землю. Его уносятъ; полковникъ *Хвостовъ*, заступившій его мѣсто, мужественно продолжаетъ упорную борьбу, и только послѣ четырехъ-часоваго боя удается ему достигнуть соединенія съ второю колонною.

Соревнованіе было всеобщее: офицеры и генералы первыми бросались въ ровъ, приставляли лѣстницы и лѣзли впереди другихъ; многіе изъ подававшихъ столь блистательный примѣръ поплатились жизнію за свой геройскій духъ. Солдаты не отставали отъ нихъ: сколько бы убитыхъ и раненыхъ предшественниковъ ихъ ни падало съ вала, свѣжіе бойцы непрерывно устремлялись вслѣдъ за ними, чтобы, подобно имъ, умереть или побѣдить.

Лѣвое крыло билось съ такою же отважною рѣшимостью, какъ и правое. 6-я колонна, предводимая *Кутузовымъ*, достигла рва одновременно съ двумя другими колоннами, подъ жесточайшимъ градомъ ядеръ и картечи; тутъ былъ убитъ бригадиръ *Рибопьеръ*,—молодой человѣкъ, подававшій большія надежды. Смерть его производитъ минутную остановку колонны—но Кутузовъ увлекаетъ ее за собою въ ровъ; лѣстницы приставлены; онъ первый взбирается на верхъ, за нимъ его офицеры; большая часть изъ нихъ убита,

---

(8) Подобно боевому клику крестоносцевъ: «такъ хочетъ Богъ! (Dieu le veut!) и у Русскихъ, особливо въ битвахъ съ Турками, боевой крикъ: «съ нами Богъ!»

но это неустрашаетъ остальныхъ; все стремится вслѣдъ за предводителями. Скоро они уже на верху, но здѣсь начинается новый бой, тѣмъ болѣе упорный, что къ Туркамъ безпрестанно подходятъ подкрѣпленія. Дважды подвигается Кутузовъ впередъ и дважды оттѣсненъ до самаго края вала; опасность его положенія увеличивается, бо̀льшая часть его офицеровъ убита и самъ онъ сражается впереди въ рукопашной схваткѣ. Суворовъ, отъ наблюдательныхъ взоровъ котораго ничто не ускользаетъ, замѣчаетъ на этомъ пунктѣ замедленіе атаки; немедленно посылаетъ онъ къ Кутузову офицера съ ободряющею вѣстью, что *«онъ назначилъ его комендантомъ Измаила и уже послалъ въ Петербургъ извѣстіе о покореніи крѣпости.»*— Кутузовъ, какъ вновь одушевленный, призываетъ на помощь свой резервъ и съ кликомъ: *«съ нами Богъ!»* снова наступаетъ противъ непріятеля, опрокидываетъ его, беретъ бастіонъ, затѣмъ еще другой и черезъ средній валъ соединяется съ 5-ю колонною.

Ему не только нужно было преодолѣть большія затрудненія, но кромѣ того онъ былъ принужденъ послать одинъ изъ своихъ баталіоновъ на помощь обѣимъ казачьимъ колоннамъ, потому что онѣ потерпѣли болѣе всѣхъ другихъ и были близки къ совершенной гибели. Онѣ были составлены большею частію изъ молодыхъ рекрутъ, которые еще никогда не видали непріятеля и въ тоже время, съ своими пиками, находились въ явно-невыгодномъ положеніи противъ турецкихъ сабель.

Рѣшительно наступали онѣ сначала по направленію между Бендерскими и Килійскими воротами, *Орловъ* съ 4-ю колонною шелъ по высотѣ, а Платовъ, съ 5-ю и сильнѣйшею, при которой находился и генералъ *Безбородко*—по низменности. Но здѣсь ровъ оказался не только глубокимъ, но еще и наполненнымъ водою, которая доходила казакамъ до пояса, промочила и обременила ихъ одежду. Не смотря однако ни на это, ни на градъ непріятельскихъ пуль, поражавшій особенно колонну Платова съ двухъ сторонъ, они мужественно взобрались на лѣстницы, достигли вершины вала и старались стать здѣсь твердою ногою. Но внезапно слышатъ они позади себя во рву громкій крикъ: *«аллахъ! аллахъ!»*—останавливаются, колеблятся и опрокинуты съ вала въ ровъ. Пока они штурмовали валъ, Турки отворили Бендерскія ворота и большими толпами устремились во флангъ и въ тылъ казакамъ. Тутъ, внѣ крѣпости, произошелъ отчаянный бой: массы сражавшихся смѣшались въ темнотѣ между собой, побѣда колеблется то въ ту, то въ другую сторону и узнается лишь по преобладающему попеременно кри-

ку *аллахъ* или *ура*; необычайный вредъ претерпѣваютъ казаки въ этой рукопашной схваткѣ, потому что пики ихъ разлетаются въ дребезги подъ ударами турецкихъ сабель и въ ихъ рукахъ остаются однѣ тупыя палки. Уже они наполняютъ ровъ своими трупами и вѣроятно всѣ погибли бы, еслибы Суворовъ своимъ бдительнымъ глазомъ не усмотрѣлъ ихъ бѣдственнаго положенія и не прислалъ имъ скорой помощи. Находившимся позади третьей колонны тремъ эскадронамъ гусаръ, равно какъ и бывшимъ тамъ же коннымъ казакамъ приказано было врубиться въ вышедшихъ изъ крѣпости Турокъ; тоже приказаніе получили и два эскадрона карабинеровъ, которые были призваны съ праваго крыла и прискакали оттуда во весь опоръ. Въ тоже время бѣглымъ шагомъ прибыли два резервные баталіона Полоцкаго полка; храбрый полковникъ ихъ *Ясунскій* ведетъ ихъ въ штыки на непріятеля, но такъ какъ онъ, въ самомъ началѣ атаки, смертельно раненъ, то солдаты его приходятъ въ разстройство и колеблятся; это видитъ полковой священникъ, воспламеняется мужествомъ, высоко поднимаетъ крестъ съ изображеніемъ Искупителя, обѣщаетъ имъ вѣрную побѣду и, указывая путь къ ней, бросается на сабли Турокъ. Воспламененному этимъ мужеству солдатъ уже ничто не можетъ противиться: неудержимо стремятся они впередъ и все падаетъ подъ ихъ штыками. Вскорѣ вмѣстѣ съ казаками Орлова они достигаютъ Бендерскихъ воротъ, и всѣ Турки, которые еще оставались внѣ крѣпости, погибли безвозвратно: въ короткое время всѣ они истреблены штыками, пиками и саблями.

Когда опасность эта была такимъ образомъ отвращена, Орловъ и Платовъ снова повели своихъ казаковъ на штурмъ, но послѣдніе колеблятся: видъ столь многихъ убитыхъ товарищей устрашаетъ ихъ. Тогда Платовъ, готовившійся въ то время къ своей будущей геройской роли, бросается впередъ, хватаетъ лѣстницу, громкимъ голосомъ взываетъ къ нимъ: «*Съ нами Богъ и Екатерина! товарищи, братья-Русскіе — за мной!*»—и самъ первый лѣзетъ на верхъ. Всѣ устремляются вслѣдъ за любимымъ предводителемъ; вскорѣ обѣ колонны снова всходятъ на валъ и удерживаются на немъ, не смотря на неоднократно повторяющіяся атаки непріятеля. Здѣсь на верху генералъ Безбородко раненъ въ руку; сначала онъ хочетъ остаться, но вскорѣ боль и потеря крови принуждаютъ его удалиться; Платовъ принимаетъ вмѣсто него начальство надъ войсками. Въ это время приходитъ еще одинъ баталіонъ Бугскихъ егерей, который Кутузовъ прислалъ на помощь, по полученіи извѣстія о трудномъ положеніи казаковъ. Это подкрѣпленіе рѣшаетъ дѣло: непрія-

тель всюду оттѣсненъ, бастіонъ у Бендерскихъ воротъ взятъ и часть казаковъ, по лощинѣ, раздѣляющей обѣ части города, проникаетъ до самаго берега рѣки и здѣсь входитъ въ связь съ колоннами, атакующими съ рѣчной стороны.

Послѣднимъ нужно было преодолѣвать не меньшее сопротивленіе. По данному сигналу суда построились въ боевой порядокъ въ разстояніи одной версты отъ города и по третьей ракетѣ двинулись впередъ. Они составляли, какъ было предписано, двѣ линіи: въ первой на 100 казачьихъ лодкахъ находились регулярныя войска, а иррегулярныя—на 45-ти остальныхъ, распредѣленныхъ равными частями въ серединѣ и по флангамъ; во второй линіи находились 58 судовъ бо̀льшихъ размѣровъ: бригантины, пловучія батареи, дуппель-шлюпки и лансоны. Въ такомъ порядкѣ направились они къ берегу на веслахъ, производя сильную пальбу. Береговыя турецкія батареи, вооруженныя 83 пушками, 15 мортирами и одною гаубицею, стрѣлявшею снарядомъ въ 6 центнеровъ (16 пудовъ) вѣса, отвѣчали на огонь Русскихъ съ большою живостью, не нанося имъ однако большаго вреда, по причинѣ темноты. Когда суда приблизились къ берегу на разстояніе нѣсколькихъ сотъ шаговъ, тогда вторая линія раздѣлилась пополамъ, примкнула къ обоимъ флангамъ первой и затѣмъ всѣ суда, образовавъ обширное полукружіе, стали метать смерть и гибель на городъ. Подъ защитою этого безпрерывнаго огня, около семи часовъ утра началась высадка и, благодаря разумнымъ мѣрамъ Рибаса, производилась быстро и въ порядкѣ, не смотря на сопротивленіе болѣе 10,000 Турокъ и Татаръ, которые сопротивлялись ей атаками холоднымъ оружіемъ. Тутъ можно было видѣть въ первой колоннѣ *Валеріана Зубова*, который съ двумя баталіонами преодолѣлъ всѣ встрѣтившіяся ему препятствія, взошелъ на находившійся въ этомъ мѣстѣ крутой кавальеръ и утвердился на немъ; *Рожера Дамаса*, который съ однимъ баталіономъ овладѣлъ находившимися передъ нимъ батареями, ударилъ на непріятеля въ штыки и прогналъ его; въ третьей колоннѣ—принца *де-Линя*, который одинъ изъ первыхъ выскочилъ на берегъ и былъ раненъ въ колѣно, и бригадира *Маркова*, который былъ раненъ пулей въ ногу въ то самое мгновеніе, когда приказывалъ унести принца. Колонна его, предводимая безстрашнымъ подполковникомъ Рибасомъ, овладѣла такъ же быстро, какъ и другія, впереди лежавшими батареями, не смотря на то, что подвергалась огню большаго каменнаго бастіона. И молодой герцогъ *Фронсакъ* также оказываетъ опыты своего мужества. Не видя болѣе предводителя своей ко-

лонны, не зная, куда въ темнотѣ направить свои шаги, онъ по догадкѣ узнаетъ, гдѣ находится валъ: онъ слышитъ тамъ сильную перестрѣлку, устремляется туда съ находящимися при немъ егерями, взбирается на внутреннюю покатость вала и на вершинѣ его соединяется съ храбрымъ Ласси въ ту минуту, когда послѣдній находился въ самомъ жаркомъ бою.

Наступившій дневной свѣтъ, разсѣявъ туманъ, началъ освѣщать окружающіе предметы. Валъ былъ взятъ, непріятель вытѣсненъ изъ крѣпостныхъ верковъ, но все еще болѣе сильный, чѣмъ штурмующія войска, отступалъ во внутренность города, который тоже нужно было брать съ оружіемъ въ рукахъ и каждый шагъ впередъ искупать кровью. Не прекратившись съ покореніемъ крѣпости, съ большею еще силою начался бой въ самомъ городѣ. Турки не просили пощады, готовы были умереть, но Русскіе должны были умереть вмѣстѣ съ ними.

Генералъ-поручикъ Потемкинъ, еще во время боя на валахъ лично приведшій резервъ двухъ первыхъ колоннъ, приказалъ теперь отворить Бросскія и Хотинскія ворота и черезъ первыя ввести въ городъ 3 эскадрона сѣверскихъ карабинеровъ, а черезъ вторыя—3 полевыя орудія, подъ прикрытіемъ 130 гренадеровъ. Въ тоже время черезъ Бендерскія ворота были впущены 3 эскадрона гусаровъ и 2 эскадрона карабинеровъ. Однако Суворовъ сначала запретилъ имъ идти далѣе во внутренность города: пѣхота предварительно должна была штыками очистить для нихъ мѣсто.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, колонны съ разныхъ сторонъ двинулись впередъ. Съ ружьями на перевѣсъ, подъ звуки боевой музыки, неудержимо шли онѣ, опрокидывая все что̀ ни встрѣчали, прямо къ центру города: справа Потемкинъ съ своимъ крыломъ, съ сѣвера казаки, слѣва Кутузовъ, съ рѣчной стороны безстрашный Рибасъ. Новый бой на жизнь и смерть долженъ былъ начаться.

Узкія улицы были полны защитниковъ, изъ всѣхъ домовъ производилась стрѣльба, во всѣхъ болѣе обширныхъ зданіяхъ сильныя толпы укрѣпились, какъ въ окопахъ, на всѣхъ общественныхъ площадяхъ встрѣчались онѣ цѣлыми тысячами, всякій шагъ впередъ должно было пролагать штыкомъ. Сколько улицъ, столько отдѣльныхъ отрядовъ и битвъ. Но всего упорнѣе было сопротивленіе въ узкихъ переулкахъ, гдѣ выгоды были на сторонѣ оборонявшихся, и въ *ханàхъ* или восточныхъ гостинницахъ — большихъ каменныхъ строеніяхъ, куда отступили храбрѣйшіе люди. Каждый изъ этихъ

хановъ обратился въ новую крѣпость, которую нужно было брать приступомъ.

Первый ханъ, взятый Русскими, находился по близости Бендерскихъ воротъ: Килійскій паша съ 2,000 Турокъ и нѣсколькими орудіями заперся въ немъ и былъ атакованъ однимъ баталіономъ егерей и двумя спѣшенными эскадронами карабинеровъ. Ханъ этотъ штурмовали, какъ крѣпость, при помощи лѣстницъ, которыя солдаты встащили на валъ. Бо̀льшая часть защитниковъ была убита, между прочимъ и самъ паша; нѣсколько сотъ человѣкъ сдались и были отведены въ лагерь. То были первые плѣнные этого дня.

Но сильнѣйшее сопротивленіе оказалъ весьма крѣпко построенный ханъ не вдалекѣ отъ Хотинскихъ воротъ; въ него отступилъ изъ сѣвернаго каменнаго бастіона непреклонный старецъ Айдосъ-Мехмедъ съ 2,000 своихъ лучшихъ янычаровъ, рѣшившійся обороняться до послѣдней крайности. Генералъ-поручикъ Потемкинъ, въ главѣ первыхъ двухъ колоннъ подошедшій на близкое разстояніе къ этому хану, слышитъ въ этой сторонѣ сильную стрѣльбу и немедленно ведетъ туда Золотухина съ однимъ баталіономъ Фанагорійцевъ—храбрыхъ противъ храбрыхъ. Болѣе двухъ часовъ продолжался бой—наконецъ ворота были выбиты пушечными выстрѣлами и гренадеры бросились въ ханъ съ ружьями на перевѣсъ. Послѣ гибели бо̀льшей части оборонявшихся, остальныхъ (нѣсколько сотъ человѣкъ) вывели военноплѣнными и между ними престарѣлаго пашу. Бѣжавшій мимо егерь замѣтилъ за его поясомъ богато-украшенный кинжалъ и схватилъ его; стоявшіе около паши янычары, частію еще вооруженные, въ раздраженіи оттолкнули егеря, при этомъ одинъ русскій капитанъ былъ раненъ. Тогда солдаты исполнились ярости, бросились на Турокъ и перекололи всѣхъ безъ пощады. Такъ палъ и Айдосъ-Мехмедъ-паша, пронзенный болѣе нежели шестнадцатью ударами штыковъ, но палъ со славой, исполняя свой долгъ.

Суворовъ, всемъ руководившій и быстрымъ взглядомъ своимъ усматривавшій все, въ чемъ была нужда, приказалъ ввезть въ городъ 20 легкихъ орудій, чтобы картечью очистить улицы отъ турецкихъ скопищъ.

На всѣхъ бастіонахъ, подъ которыми находились пороховые погреба, онъ приказалъ поставить сильные караулы; послѣдующія событія оправдали эту предосторожность: турецкія партіи нѣсколько разъ пытались проникнуть туда, чтобы вмѣстѣ съ пороховыми складами взорвать на воздухъ себя и Русскихъ.

Уже давно наступилъ день, но бой еще свирѣпствуетъ безъ пе-

рерыва. Почти каждый домъ нужно брать штурмомъ; въ каждомъ приходится сражаться не только съ мущинами, но и съ женщинами, которыя, забывая свою слабость, съ ножами, съ кинжалами, со всемъ, что̀ отчаяніе влагаетъ имъ въ руки, бросаются на Русскихъ, ищутъ смерти и находятъ ее. Въ эти минуты никто не думаетъ ни просить, ни давать пощады. Образъ смерти является всюду: раздраженный солдатъ уже не слышитъ голоса состраданія и въ ярости своей убиваетъ все, что̀ ни встрѣчается.

Около полудня Ласси, первымъ взошедшій на крѣпостной валъ, первымъ же съ праваго фланга достигаетъ и середины города. Здѣсь онъ наткнулся на 1,000 Татаръ, вооруженныхъ длинными пиками и засѣвшихъ за стѣнами армянскаго монастыря. Максудъ-Гирей, князь Чингисхановой крови, сынъ великаго Керимъ-хана, защищался здѣсь достойнымъ своего отца и рода образомъ и тогда только, когда егеря Ласси выломали ворота и перебили бо̀льшую часть оборонявшихся, сдался съ 300 чел. оставшихся въ живыхъ.

Но казаки четвертой и пятой колоннъ и въ городѣ также потерпѣли болѣе всѣхъ другихъ. При дальнѣйшемъ наступленіи они попали на большую площадь, гдѣ внезапно были со всѣхъ сторонъ окружены превосходнымъ числомъ Турокъ и погибли бы, еслибъ и здѣсь не подоспѣлъ къ нимъ на помощь баталіонъ Бугскихъ егерей и не спасъ ихъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, казаки были въ невыгодномъ положеніи, не по недостатку храбрости — они сражались также храбро, какъ и другіе—но по причинѣ ихъ вооруженія.

Еще одну послѣднюю попытку—исторгнуть городъ изъ рукъ Русскихъ, дѣлаетъ Капланъ-Гирей, братъ татарскаго хана, побѣдитель Австрійцевъ при Журжѣ, исполненный мужества и рѣшимости. Явивъ уже много опытовъ своей неустрашимости при защитѣ какъ крѣпости, такъ и города, и поспѣшая всюду, гдѣ угрожала наибольшая опасность, онъ собралъ наконецъ еще нѣсколько тысячъ Татаръ и Турокъ, пѣшихъ и конныхъ, и повелъ ихъ на встрѣчу наступавшимъ Русскимъ. Прежде всѣхъ встрѣтилъ онъ отрядъ морскихъ казаковъ, собственноручно изрубилъ многихъ изъ нихъ и отнялъ у нихъ двѣ пушки. Ободренный этимъ успѣхомъ, онъ стремится далѣе, подъ звуки дикой янычарской музыки, вторющей его душевному настроенію. Но два баталіона Николаевскихъ гренадеровъ и одинъ баталіонъ Лифляндскихъ егерей спѣшатъ на помощь казакамъ и тутъ завязывается отчаянный бой. Капланъ-Гирей, не щадя себя, всюду показываетъ примѣръ; кругомъ его пять его сыновей, глядя на него, сражаются какъ онъ; всѣ пятеро падаютъ мертвыми передъ его

глазами; и самъ онъ ищетъ смерти, которая избавила бы его отъ ненавистной жизни, на требованія сдачи отвѣчаетъ сабельными ударами, убиваетъ тѣхъ, которые покушаются взять его въ плѣнъ, и тогда только, когда многихъ переранилъ или изрубилъ, наконецъ самъ, пронзенный многими ударами штыковъ, падаетъ на трупы своихъ сыновей; болѣе 4,000 чел. окружающихъ его умираютъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ этотъ день ничто не могло противустоять Русскимъ.

Отчаянно защищались Турки и раздраженный этимъ солдатъ наконецъ не щадилъ уже никого: дана была полная воля самымъ ужаснымъ страстямъ; повсюду были убійство и грабежъ; горами лежали груды труповъ, частію раздѣтыхъ до нага, между ними и женщины, и дѣти; «*бейте маленькихъ басурмановъ, чтобъ изъ нихъ не выросли намъ враги*»!—кричали солдаты другъ другу.

Послѣ первыхъ порывовъ ярости пробудилось любостяжаніе; начался грабежъ: тогда можно было видѣть солдатъ, облеченныхъ въ богатыя турецкія одежды, другіе изъ нихъ сгибались подъ ношею драгоцѣннаго оружія, еще другіе вламывались въ купеческія лавки и по трупамъ ихъ владѣльцевъ пролагали себѣ путь въ добычѣ. Турки же до послѣдняго издыханія защищали свое имущество, другіе изъ нихъ спасались въ погребахъ или иныхъ потаенныхъ мѣстахъ; дома стояли полуразрушенными, владѣльцы ихъ лежали въ крови; повсюду слышались вопли о помощи, крики отчаянія, хрипѣніе умиравшихъ; повсюду являлось страшное зрѣлище взятаго штурмомъ города.

Даже офицеры не могли удержать разъяренныхъ солдатъ. Герцогъ Ришельё разсказывалъ, что онъ въ серединѣ города наткнулся на груду труповъ, изъ которой двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка въ ужасѣ бросилась къ нему подъ его защиту : два егеря преслѣдовали ее штыками и лишь съ трудомъ спасъ онъ ее отъ бѣшеныхъ солдатъ, которые даже въ его рукахъ хотѣли заколоть ее.

Послѣ шестичасоваго боя, въ два часа пополудни всѣ колонны проникли до центра города. Тогда уже Суворовъ приказалъ 8-ми эскадронамъ карабинеровъ и гусаровъ, вмѣстѣ съ двумя конными казачьими полками, проѣхать по всѣмъ улицамъ, для совершеннаго очищенія ихъ. Но и тутъ еще отдѣльныя толпы Турокъ защищались съ неописанною яростію.

Все было взято, за исключеніемъ двухъ хановъ и каменнаго казематированнаго бастіона: славу ихъ покоренія стяжалъ безстрашный Рибасъ. Замѣтивъ, что въ одномъ изъ хановъ собралось нѣсколько тысячъ Турокъ, съ намѣреніемъ дѣлать оттуда нападенія

на разсѣянныя толпы Русскихъ, онъ хладнокровно приблизился къ нему, принялъ гордый видъ и приказалъ Туркамъ немедленно положить оружіе, если не хотятъ, чтобъ ихъ всѣхъ изрубили. Они повиновались безпрекословно.

И другой ханъ покорилъ онъ же и взялъ, столько же человѣколюбивымъ, сколько и мужественнымъ образомъ, защитниковъ его, въ числѣ еще нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ плѣнъ.

Но до самаго конца удерживался въ каменномъ бастіонѣ мухафисъ (губернаторъ) города, старецъ, трехбунчужный паша. Рибасъ приближается съ тремя баталіонами и 1,000 казаковъ, и предлагаетъ ему капитуляцію. Онъ спрашиваетъ, покоренъ-ли остальной городъ?—и получивъ утвердительный отвѣтъ, поручаетъ нѣсколькимъ изъ своихъ офицеровъ вступить въ переговоры съ Рибасомъ, а самъ продолжаетъ сидѣть на своемъ коврѣ, надъ развалинами крѣпости, и курить трубку съ тѣмъ же спокойствіемъ и хладнокровіемъ, какъ будто все, вокругъ происходящее, для него чуждо. Затѣмъ онъ сдаетъ и себя, и бастіонъ.

Въ четыре часа пополудни побѣда была рѣшена и Измаилъ совершенно покоренъ, но только послѣ кровопролитнѣйшаго изъ штурмовъ, упоминаемыхъ въ новѣйшей исторіи,—штурма, при которомъ 31,000 человѣкъ атаковали, одолѣли и истребили 40,000 въ сильной крѣпости.

Ужасно было сопротивленіе Турокъ: они видѣли передъ собою ожидавшую ихъ участь и, обрекшись смерти, не хотѣли умереть неотомщенными. Сражались мущины, женщины, старики—всѣ, кто только могъ держать въ рукахъ оружіе, и не только въ домахъ защищали и жизнь, и имущество свои, но сами нападали на Русскихъ въ улицахъ, и между этими нападавшими встрѣчалось даже много женщинъ.

Но безстрашіе и храбрость Русскихъ превзошли все, что только можно было ожидать отъ храбраго войска. Офицеры и солдаты соперничали между собою: первые—впереди всѣхъ лѣзли по лѣстницамъ на приступъ, дрались съ геройскимъ самоотверженіемъ и всюду служили блистательнымъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ; болѣе половины ихъ поплатились тяжелыми ранами или жизнію. Солдаты дрались, какъ разъяренные львы: тутъ уже ничто не могло удержать ихъ. Руки ихъ казались неутомимыми, а настойчивость ихъ столь же великою, сколько ихъ мужество. Въ теченіи десяти часовъ сражались они непрерывно, не обращая вниманія на всѣ окружавшія ихъ опасности; въ тысячи видахъ парила смерть

надъ ихъ головами, безъ малѣйшей заботы ихъ о томъ ; казалось они въ своемъ раздраженіи устремили все свое вниманіе единственно на своихъ враговъ и успокоились не ранѣе, какъ истребивъ ихъ.

И вотъ эта неодолимая крѣпость лежала у ногъ ихъ; гордое воинство, которое еще недавно съ высокомѣрнымъ сожалѣніемъ взирало на нихъ, лежало истекая кровію, укрощенное ихъ могучими руками; въ прахъ низвержены были тѣ, которые дерзнули презирать ихъ.

Кто былъ на Очаковскомъ штурмѣ, называлъ его дѣтскою игрушкою въ сравненіи съ штурмомъ Измаила, гдѣ нужно было одолѣвать, одну за другою, величайшія трудности: рвы, подобные пропастямъ и отчасти полные водою, высокіе, крутые, скользкіе валы и—еще болѣе всего этого—отчаянное сопротивленіе гарнизона, которому не оставалось другаго исхода, кромѣ смерти.

Съ изумленіемъ и содроганіемъ глядѣли потомъ побѣдители на тѣ опасныя мѣста, куда они взобрались въ ночной темнотѣ—мѣста, на которыя, по ихъ позднѣйшему свидѣтельству, они не отважились бы взбираться даже днемъ. Такое дѣйствіе имѣютъ страсти и опасности: онѣ возносятъ человѣка выше самаго себя, заставляютъ его забывать все и дѣлаютъ возможнымъ то, что̀ кажется невозможнымъ.

Ужасающее зрѣлище представлялъ покоренный городъ: дома̀ стояли опустошенные и безлюдные, съ выбитыми дверями и окнами, и вмѣсто всѣхъ обитателей ихъ видны были только трупы; на всѣхъ улицахъ, на всѣхъ площадяхъ—только трупы: разныхъ возрастовъ и половъ, лежали они одинъ на другомъ, нерѣдко высокими грудами, не столь мрачные и грозные, какъ въ Очаковѣ, но истерзанные и обезображенные страшными ранами.

Послѣ совершеннаго покоренія крѣпости, Суворовъ приказалъ вездѣ поставить караулы: одинъ баталіонъ храбрыхъ Фанагорійцевъ занялъ большую гауптвахту въ центрѣ города; другіе караулы были поставлены на валахъ, у воротъ, при пороховыхъ складахъ, на всѣхъ болѣе значительныхъ площадяхъ, и патрули должны были всю ночь ходить по улицамъ, для сохраненія порядка. Генералъ Кутузовъ былъ назначенъ комендантомъ, согласно обѣщанію, данному ему Суворовымъ во время штурма. Когда онъ спросилъ у послѣдняго *«почему онъ объявилъ ему о его назначеніи въ минуту сомнительнаго успѣха?»* — то Суворовъ съ особеннымъ выраженіемъ отвѣтилъ ему: *«Суворовъ знаетъ Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворо-*

ва. Еслибы Измаилъ не былъ взятъ, мы оба умерли бы подъ его валами. Кутузовъ—прибавилъ онъ съ усмѣшкой—*находился на львомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою».*

Послѣ продолжавшагося цѣлый день безпрерывнаго шума и грома, мало по малу все пріутихло: бой прекратился и возбужденныя страсти улеглись. Впрочемъ отдѣльные выстрѣлы продолжались всю ночь, такъ какъ многіе Турки, которые спрятались въ домахъ, погребахъ, амбарахъ и чердакахъ, теперь стали мало по малу показываться или же были открываемы въ ихъ убѣжищахъ: еще многіе изъ нихъ нашли смерть, но бо̀льшая часть сдалась въ плѣнъ.

Такъ какъ городъ былъ взятъ штурмомъ, то солдатамъ, согласно данному имъ обѣщанію, дозволили грабить въ продолженіи трехъ дней;—это опять породило кровавыя сцены, такъ какъ нѣкоторые изъ Турокъ охотнѣе уступали жизнь, нежели имущество.

Немедленно послалъ Суворовъ къ князю Потемкину въ Бендеры, гдѣ послѣдній могъ слышать громъ орудій подъ Измаиломъ, гонца съ слѣдующимъ краткимъ извѣстіемъ: «*Знамена русскія развѣваются на стѣнахъ Измаила!*» Въ слѣдующій день онъ послалъ втораго гонца съ немного болѣе длиннымъ донесеніемъ: «*Не было крѣпости сильнѣе, не было обороны отчаяннѣе Измаила, который послѣ самаго кровопролитнаго штурма палъ передъ престоломъ нашей Монархини.*» Этимъ все было сказано. Государыню извѣстилъ онъ столь же коротко: «*гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества!*» Гдѣ говорятъ дѣла, не нужно многихъ словъ!

Затѣмъ приступили къ изготовленію подробныхъ донесеній, списковъ убитыхъ и раненыхъ, взятыхъ пушекъ и знаменъ, и наконецъ—къ перечисленію жертвъ боя этого дня. Уронъ Русскихъ былъ немаловаженъ, какъ того, при упорствѣ обороны, иначе нельзя было и ожидать; въ особенности много было убито офицеровъ—въ каждой колоннѣ по крайней мѣрѣ треть общаго числа, а въ нѣкоторыхъ и половина; они большею частію до того были изрублены, что почти невозможно было ихъ узнать—доказательство, ка̀къ они дрались! По первоначальнымъ свѣдѣніямъ показано было убитыхъ: 65 офицеровъ и 1,830 нижнихъ чиновъ, раненыхъ: 233 офицера и 2,500 нижнихъ чиновъ, но эти цифры слишкомъ низки. По позднѣйшимъ, вѣрнымъ свѣдѣніямъ, убитыхъ было болѣе 4,000, а раненыхъ около 6,000; изъ 650 наличныхъ офицеровъ выбыло изъ строя болѣе 400;—это показаніе, кажется, вѣрнѣе.

Турокъ погибло бо́лѣе 26,000; въ плѣнъ взято 9,000 (изъ ко-

торыхъ многіе еще умерли отъ ранъ) и нѣсколько тысячъ женщинъ, дѣтей, Евреевъ, Армянъ и Молдаванъ (8). Въ числѣ плѣнныхъ находились: мухафисъ—трехбунчужный паша, молодой Максудъ-Гирей и другіе предводители;—убиты: 5 пашей, 6 татарскихъ султановъ, одинъ ага янычаровъ и много низшихъ начальниковъ. Изъ всего гарнизона спасся только *одинъ* человѣкъ. Будучи легко раненъ, онъ упалъ въ воду, ухватился за плывшее бревно и при помощи его достигъ противуположнаго берега; отсюда онъ видѣлъ паденіе крѣпости и принесъ первое извѣстіе о томъ великому визирю, остававшемуся въ Рущукѣ. Признанъ-ли онъ былъ безчестнымъ, подобно Θермопильскому бѣглецу? или, въ припадкѣ отчаянія, былъ убитъ, какъ пажъ Карла Смѣлаго послѣ битвы при Муртенѣ? Мы не знаемъ того, одно только положительно извѣстно, что великій визирь долженъ былъ поплатиться своею головою за паденіе Измаила, которому не воспрепятствовалъ.

Чтобъ отвратить развитіе болѣзней, озаботились скорѣйшею уборкою труповъ: зарываніе въ землю, по причинѣ множества ихъ, было бы средствомъ слишкомъ медленнымъ, и потому ихъ побросали въ Дунай. Плѣнные были посмѣнно употреблены на эту работу, и только черезъ шесть дней можно было почитать улицы совершенно очищенными. Убитые Русскіе были преданы погребенію со всею

---

(8) Изъ одного письма Суворова къ принцу Кобургскому, равно какъ и изъ другихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, видно, что, хотя Сераскиръ получалъ провіанта на 42,000 человѣкъ, но гарнизонъ состоялъ только изъ 35,000 (Авторъ). Въ этомъ же письмѣ къ принцу Кобургскому Суворовъ означаетъ взятыхъ въ плѣнъ, добычу и уронъ слѣдующимъ образомъ: «Мы взяли въ плѣнъ: трехъ-бунчужнаго Пашу Мустафи, 1 Султана, сына Сераскирова, Капиджи-Башу, множество Бимъ-Башей и другихъ чиновниковъ, всего 9,000 вооруженныхъ людей, изъ коихъ въ тотъ же день 2,000 умерло отъ ранъ.—Около 3,000 женщинъ и дѣтей Турецкихъ въ рукахъ побѣдителей.—Тутъ было 1,400 Армянъ, всего 4,285 Христіанъ, и 135 Евреевъ.—Во время штурма погибло до 26,000 Турокъ и Татаръ, въ числѣ которыхъ Сераскиръ самъ, 4 Паши и 6 Султановъ.—Намъ досталось 245 пушекъ и мортиръ, всѣ почти литыя, 364 знамени, 7 бунчуговъ, 2 санджака, огромное количество пороху и другихъ боевыхъ запасовъ, магазины, полные продовольствія и фуража.—Добыча, взятая нашими солдатами, можетъ быть оцѣнена свыше милліона рублей. Турецкая флотилія, находившаяся подъ батареями Измаила, почти совершенно истреблена; изъ нее мало осталось судовъ, которыя, послѣ починки, могли бы служить на Дунаѣ.—Мы потеряли на штурмѣ: 1 бригадира, 17 штабъ-офицеровъ, 46 оберъ-офицеровъ и 1,826 нижнихъ чиновъ. Ранены: 3 генералъ-маіора: графъ Безбородко, Мекнобъ и Львовъ, около 200 штабъ и оберъ-офицеровъ и 2,445 нижнихъ чиновъ». См. Жизнь Суворова и пр., изд. С. Н. Глинкою. (Редак.).

церковною торжественностію, изъ нихъ бригадиръ Рибопьеръ (9)—въ монастырѣ Св. Іоанна. Здѣсь упокоился онъ возлѣ героя, который нѣкогда былъ грозою Турокъ, именно—*Вейсмана.*

На слѣдующій день — благодарственное молебствіе, при громѣ взятыхъ орудій. Всѣ генералы и офицеры присутствовали при этомъ, всѣ—герои, не исключая и священника, совершавшаго Богослуженіе; — то былъ вышеупомянутый полковой священникъ Полоцкаго полка, геройское мужество котораго указало путь къ побѣдѣ (10). Тутъ видны были только дружескія объятія, поздравленія, радостныя слезы; казалось, каждому была вновь дарована жизнь;—при этомъ многіе, которыхъ еще наканунѣ считали убитыми, явились и присутствіемъ своимъ успокоили боязливыя сомнѣнія.

Послѣ Богослуженія Суворовъ поспѣшилъ къ главному караулу—къ своимъ фанагорійскимъ гренадерамъ. Похвалою изъ глубины души привѣтствовалъ онъ этихъ храбрецовъ, вполнѣ достойныхъ ея; за то и искупили они ее цѣною жизни болѣе 400 своихъ товарищей.—Такую же благодарность объявилъ онъ и прочимъ войскамъ—никто не отставалъ отъ другихъ, всѣ одинаково соперничали въ храбрости и геройствомъ своимъ свили прекраснѣйшій лавровый вѣнецъ для его военачальническаго чела.

Трофеями этого дня были, кромѣ 245 пушекъ и значительнаго количества военныхъ запасовъ, 2 санджака (намѣстническія знамена) и 345 обыкновенныхъ знаменъ, почти всѣ обагренныя кровью ихъ защитниковъ (11); большое, великолѣпное знамя татарскаго хана; 7 бунчуговъ; 250 древокъ отъ знаменъ, которыхъ богатыя ткани были сорваны солдатами; наконецъ 10,000 лошадей. Продовольственныхъ запасовъ найдено было еще на цѣлый мѣсяцъ. Солдаты пріобрѣли непомѣрную добычу, потому что сюда постепенно сво-

---

(9) Онъ оставилъ по себѣ вдову съ малолѣтнимъ сыномъ, которымъ государыня пожаловала аренду. Когда мальчика привезли ко двору, для принесенія благодарности государынѣ, онъ обѣщалъ служить такъ храбро, чтобъ ему навѣрное должны были дать георгіевскій крестъ. Государыня усмѣхнулась и похвалила его доброе намѣреніе. Онъ сдержалъ слово, въ настоящее время имѣетъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и былъ русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ и Берлинѣ. (Авторъ).—Онъ умеръ недавно въ званіи Графа и въ одномъ изъ первыхъ чиновъ Высочайшаго Двора. (Редак.).

(10) По ходатайству Потемкина, онъ получилъ въ награду за свой достославный подвигъ крестъ, украшенный брилліантами, на георгіевской лентѣ.

(11) Они и теперь находятся въ соборной церкви С. Петербургской крѣпости, съ слѣдами крови на нихъ, а на нѣкоторыхъ даже отпечатлѣлись окровавленныя руки.

зились изъ покоренныхъ крѣпостей богатые запасы товаровъ и здѣсь хранились въ безопасности;—всѣ они разомъ достались въ руки Русскимъ. Стоимость всей добычи цѣнилась въ два милліона рублей, слѣдовательно по теперешнему курсу (*) въ четверо болѣе.

Суворовъ, съ своимъ обычнымъ безкорыстіемъ, пренебрегъ всякимъ участіемъ въ ней; онъ удержалъ за собой только то, что̀ пребываетъ на вѣки— славу. Когда его уговаривали, онъ отвѣчалъ: «*На что мнѣ это? я и безъ того буду превыше заслугъ награжденъ моею всемилостивѣйшею государынею.*»—Ему привели отличнаго, богато-убраннаго коня и просили принять покрайней мѣрѣ хоть его. «*Нѣтъ*,—возразилъ онъ,—*не нужно мнѣ его; донской конь привезъ меня сюда, донской конь и увезетъ отсюда.*»—«*Но теперь*,—льстиво замѣтилъ одинъ изъ генераловъ,—*тяжело ему будетъ везти новые лавры.*»—«*Донской конь всегда выносилъ меня и мое счастіе*,»—отвѣчалъ онъ подобно Цезарю.

Недѣлю спустя послѣ взятія крѣпости онъ воротился опять въ Галацъ, сопровождаемый своими Фанагорійскими гренадерами и другими войсками, принадлежавшими къ его корпусу. Кутузовъ, съ 8 баталіонами и 4 казачьими полками, остался въ крѣпости; остальныя войска пошли въ Бендеры и заняли тѣже зимнія квартиры, что̀ и въ предъидущемъ году.

Таковъ былъ исходъ предпріятія, которое можетъ быть поставлено на ряду съ самыми отважнѣйшими подвигами всякаго рода. Здѣсь очевидно обнаружилось, что̀ въ состояніи совершить твердая воля и мужество, исполненное рѣшимости, и вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ много значитъ на войнѣ умѣніе пользоваться надлежащимъ мгновеніемъ. Будь это предпріятіе отложено только на двадцать четыре часа—и оно становилось невыполнимымъ, потому что въ тотъ же день вечеромъ наступилъ густѣйшій туманъ, который не только всѣ предметы почти совершенно скрылъ отъ глазъ, но и самую почву разтворилъ до того, что при штурмѣ невозможно было бы ни видѣть валовъ, ни взобраться на нихъ. И такое состояніе погоды продолжалось почти всю зиму.

Примѣръ Суворова и счастливый успѣхъ его необычайнаго подвига побудили позже нѣкоторыхъ генераловъ (которые подражали ему, но поэтому еще не были Суворовыми) безъ должныхъ приготовленій, слѣпо вести войска свои на штурмъ и смерть. Что̀ удалось такому полководцу, какъ Суворовъ, и такимъ, какъ его, вы-

---

(*) Это писано въ 20-хъ годахъ, а издано въ 1833-мъ.

соко одушевленнымъ войскамъ, конечно неудастся тамъ, гдѣ нравственныя побужденія не тѣ. Поэтому штурмъ Измаила, содѣлавшійся необходимымъ только по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, не долженъ служить поводомъ къ пренебреженію, хотя болѣе медленнымъ, но за то болѣе вѣрнымъ и менѣе кровопролитнымъ ходомъ правильной осады (11).

Впрочемъ штурмъ этотъ, не говоря уже о другихъ, произведенныхъ имъ дѣйствіяхъ, имѣлъ двоякаго рода послѣдствія: самое неограниченное довѣріе солдатъ къ побѣдителю и паническій страхъ враговъ при одномъ его имени. Но кто страшится, тотъ уже въ половину побѣжденъ, а кто предпосылаетъ предъ собою страхъ, тотъ уже обладаетъ половиною побѣды. На войнѣ, какъ и въ мирное время, все рѣшаетъ не столько физическая, сколько нравственная сила, и ее-то и нужно всячески возвышать. Солдатъ, сознающій себя непобѣдимымъ, подлинно непобѣдимъ: страхъ и ужасъ предшествуютъ ему и предуготовляютъ ему побѣду. Но для того, чтобъ онъ сознавалъ себя непобѣдимымъ, онъ долженъ прежде совершить чрезвычайные, болѣе нежели обыкновенные подвиги. Только тѣ подвиги, которые возбуждаютъ удивленіе, изумленіе, поражаютъ, ослѣпляютъ, оглушаютъ воображеніе, только *они* имѣютъ волшебное дѣйствіе на побѣдителей и побѣжденныхъ, и влекутъ за собою такія послѣдствія, которыя переживаютъ роды родовъ;—только *они* даруютъ воинамъ ту увѣренность, что никто и ничто не можетъ противустоять имъ, и *такимъ* именно подвигомъ былъ штурмъ Измаила.

---

(11) Все зависитъ отъ обстоятельствъ и ихъ-то нужно взвѣшивать; иногда выгоднѣе правильная осада, а иногда штурмъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Для военныхъ читателей мы приводимъ здѣсь главныя распоряженія изъ диспозиціи къ штурму Измаила (*); она была составлена за нѣсколько дней передъ нимъ и потому въ послѣдствіи въ нѣкоторыхъ пунктахъ измѣнена.

Порядокъ штурма.

За два часа передъ разсвѣтомъ, по данному сигналу ракетою, войска, расположенныя на лодкахъ и гребныхъ судахъ, числомъ 8,000, подвинутся въ одно время къ противному берегу съ обоихъ фланговъ, то есть съ лѣваго фланга крѣпости Запорожскія лодки, дубы и паромы, поднявъ на себя 1,500 казаковъ, 3,500 регулярнаго войска. Предметъ сей высадки занимаетъ берегъ, каваліеръ и куртину новаго укрѣпленія. Съ праваго фланга на паромахъ, шлюбкахъ, баркасахъ, частырмяхъ и на маленькихъ лансонахъ 3,000 регулярнаго войска, которые, вышедъ, занимаютъ берегъ старой крѣпости (1). Въ тоже самое время 4 колонны регулярнаго и одна иррегулярнаго войска идутъ къ штурму на крѣпость.

Атака трехъ колоннъ праваго фланга подъ командою господина

(*) У Смитта диспозиція приведена не вся, а съ пропусками менѣе важныхъ предметовъ. Но здѣсь признано за лучшее привести ее всю сполна, какъ она напечатана въ Жизни Суворова и пр., издан. С. Н. Глинкою. Примѣчанія Смитта въ выноскахъ сохранены въ своихъ мѣстахъ.

(1) Въ распредѣленіи этихъ войскъ позже послѣдовало нѣкоторое измѣненіе: туда назначили болѣе казаковъ и менѣе регулярныхъ войскъ. Два баталіона Херсонскихъ гренадеровъ были переведены съ флотиліи къ сухопутнымъ войскамъ, для подкрѣпленія ихъ.

генералъ-поручика и кавалера Павла Сергѣевича Потемкина. Первая колонна, подъ командою г-на генералъ-маіора и кавалера Львова, надъ стрѣлками и передовымъ егерскимъ баталіономъ полковникъ князь Димитрій Лобановъ-Ростовской. Впереди находиться будутъ 150 Апшеронскихъ стрѣлковъ съ ихъ начальниками, имѣя 75 фашинъ семи футовыхъ (2) на случай надобности, для переходу чрезъ Валиброска (*) ручья. За ними 50 человѣкъ рабочихъ, изъ коихъ 30 съ топорами для срубленія палисадовъ, 10 съ лопатками, 7 съ кирками, а 3 съ ломами; за коими 1-й баталіонъ Бѣлорусской егерской, 1-й, 3-й, 4-й Фанагорійскіе гренадерскаго полку, за ними резервъ въ каре Фанагорійскій 2-й баталіонъ. Сія колонна слѣдуетъ дойдя берегомъ Дуная, чрезъ устье Броска, выломавши палисадникъ между каменною батареею и берега, поспѣваетъ въ тылъ на оную батарею и на куртину къ первому бастіону.

2-я колонна, подъ командою г-на генералъ-маіора и кавалера Лассія, составленная изъ 4-хъ баталіоновъ Екатеринославскаго егерскаго корпуса; за ними резервъ въ каре одинъ Бѣлорусской егерскій баталіонъ. Впереди оной колонны: 128 стрѣлковъ съ ихъ начальниками, за ними 50 человѣкъ рабочихъ, изъ коихъ 30 съ топорами, 10 съ кирками и 10 съ лопатками; по флангамъ у рабочихъ нести восемь трех-саженныхъ лѣстницъ, потомъ 300 семи-футовыхъ фашинъ для наполненія ими рва по длинѣ въ двѣ фашины, дабы по нихъ спуститься въ восемь рядовъ. Сія колонна, перешедъ прямо Валиброска, идетъ на куртину къ воротамъ крѣпости; приставя лѣстницы, всходитъ на валъ, принимая влѣво до Хотинскихъ воротъ, поражая противниковъ штыками, за коей послѣдуетъ и первая колонна.

3-я колонна, подъ командою г-на генералъ-маіора и кавалера Мекноба, составленная изъ 3-хъ баталіоновъ Лифляндскаго егерскаго корпуса; за ними резервъ въ каре два баталіона Троицкіе мушкетерскіе. Передъ колонною идутъ тоже число стрѣлковъ съ ихъ начальниками и рабочіе съ инструментомъ, по флангамъ которыхъ нести восемь четырех-саженныхъ лѣстницъ, 500 семи-футовыхъ фашинъ для наполненія рва по длинѣ въ двѣ фашины, дабы по нихъ спуститься въ 8 рядовъ. Сія колонна, спустясь въ ровъ, приставя лѣстницы, по коимъ поспѣшаетъ взойти на куртину къ Хотинскимъ

---

(2) Число ихъ было позже увеличено до 250.

(*) По Молдавски Вале-Броска, т. е. Броская долина или лощина, къ западу отъ старой крѣпости, передъ Броскими воротами.

воротамъ, а взойдя на валъ, занимаетъ влѣво до туровъ, отдѣляющихъ по лощинѣ старую отъ новой крѣпости.

Атака двухъ колоннъ лѣваго фланга, подъ командою г-на генералъ-поручика и кавалера Александра Николаевича Самойлова.—4-я колонна, подъ командою г-на генералъ-маіора и кавалера графа Безбородки, иррегулярныхъ войскъ командиръ г. бригадиръ и кавалеръ Платовъ. Четвертая колонна, составленная изъ иррегулярнаго войска Донскихъ козаковъ и арнаутовъ до 5,000; за сими резервъ въ каре мушкетерской Полоцкой 2-й баталіонъ. Передъ колонною идутъ 50 человѣкъ съ топорами, кирками и лопатками по лощинѣ между старой и новой крѣпости, и срубивши палисадникъ, разчистятъ входъ въ крѣпость; а взошедши, принимаютъ на право по турамъ каваліера въ помочь высадки съ флотиліи, а тысяча заднихъ на лѣво по бастіонамъ и куртинамъ новой крѣпости.

5-я колонна, подъ командою г-на генералъ-маіора и кавалера Кутузова, составленная изъ трехъ баталіоновъ Бугскаго егерскаго корпуса; за ними резервъ въ каре Полоцкой мушкетерской первой баталіонъ. Передъ колонною идутъ тоже число стрѣлковъ и работниковъ съ инструментомъ съ ихъ начальниками; по флангамъ оныхъ несутъ восемь четырех-саженныхъ лѣстницъ, потомъ 600 семи-футовыхъ фашинъ для наполненія ими рва, клавши по длинѣ въ двѣ фашины, дабы по нихъ спуститься въ восемь рядовъ; приставя лѣстницы, всходятъ на куртину къ Килійскимъ воротамъ, и взойдя, принимаютъ первые два баталіона на право, а послѣдніе на лѣво по валу новой крѣпости.

Наблюдать время приближенія командъ къ назначеннымъ имъ пунктамъ, то есть, лучше за полтора часа передъ разсвѣтомъ находиться близь рва крѣпости. Между тѣмъ вся флотилія, имѣя на судахъ 2,000 войска, растянется вдоль рѣки, и въ 20 саженяхъ отъ противнаго берега становится на якорь. Въ такой позиціи стоя, очищаетъ берегъ картечью, будучи въ готовности для резерву штурмующимъ.

Всему войску наистрожайше запрещается, взошедъ на валъ, никому внутрь города отнюдь не бросаться, но быть въ порядкѣ, стоя на крѣпости, до повелѣнія отъ начальства.

Противъ крѣпостныхъ воротъ Хотинскихъ, Бендерскихъ и Броскихъ далѣе отъ крѣпости картечнаго выстрѣла имѣть три резерва, въ каждомъ по два эскадрона карабинеръ и гусаръ, подъ командою г-на бригадира и кавалера Вестфалена; за ними между интервалами 3 полка подъ командою г-на бригадира и кавалера Орлова;

а противъ Килійскихъ воротъ имѣть также въ резервѣ одинъ Донской казачій полкъ.

Во время штурма оставить при лагерѣ со всѣхъ резервныхъ баталіоновъ съ каждаго по 100 человѣкъ. Всѣмъ резервамъ, находящимся за колоннами, не прежде входить въ крѣпость, какъ когда уже отворены будутъ передними стрѣлками и рабочими крѣпостныя ворота; и вошедъ въ крѣпость, построить фронтъ на эспланадѣ, то есть между вала и строенія, передъ своею колонною. Стрѣлкамъ надлежитъ искать подъ бастіонами, нѣтъ-ли казематъ или пороховыхъ погребовъ; нашедши, учредить караулъ, дабы недопустить противникамъ зажечь.

По овладѣніи всего крѣпостнаго вала и окончаніи дѣла, занимать площади и пристойныя мѣста отъ каждой колонны на первой разъ по одному баталіону, и кому ближе пороховый магазинъ, при красной мечети находящійся, занять большимъ карауломъ. На бастіонахъ же и батареяхъ, какъ и при воротахъ, учредить пристойные караулы, коимъ еслибъ случилось, что легкая пѣхота войдетъ въ городъ прежде овладѣнія всего вала, крайне беречься, чтобы нигдѣ не зажечь, не сдѣлать пожару, дабы оттого не претерпѣть крайняго вреда взорваніемъ какихъ скрытыхъ магазиновъ съ порохомъ и съ снарядами.

Христіанъ и обезоруженныхъ отнюдь не лишать жизни, разумѣя то же о всѣхъ женщинахъ и дѣтяхъ.

Такова была первоначальная диспозиція, однако впослѣдствіи она во многомъ была измѣнена, какъ то можно усмотрѣть изъ нижеслѣдующаго прибавленія. Окончательный порядокъ штурма былъ тотъ, который изложенъ нами въ текстѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

На флотиліи подъ командою г-на генералъ-маіора и кавалера де-Рибаса, имѣетъ быть регулярнаго войска, за исключеніемъ нерегулярныхъ, а именно: егерскихъ корпусовъ: одинъ баталіонъ Лифляндскаго, одинъ баталіонъ Бугскаго, два баталіона Бѣлорусскаго. Гренадерскіе: два баталіона Херсонскіе, два баталіона приморскіе Николаевскіе, одинъ баталіонъ Алексопольской мушкетерскій, два баталіона летучіе; изъ нихъ находящіеся нынѣ въ лагерѣ оставленными, туда быть должны за сутки предъ штурмомъ.

Сверхъ того г. генералъ-маіоръ Арсеньевъ, гвардіи Преображенскаго полку секундъ-маіоръ и кавалеръ Марковъ, бригадиръ и кавалеръ Чепега, полковникъ и кавалеръ Головатый съ прочими чинами долженствуютъ быть подъ начальствомъ г-на генералъ-маіора и кавалера де-Рибаса.

О резервахъ. Надъ баталіонами, которые на батареяхъ у прикрытія, и двухъ, кои въ резервѣ, равно какъ и конныхъ резервовъ быть начальниками господамъ полковникамъ въ первой день князю Лобанову, во второй Золотухину, въ третій день Гудовичу.

Поелику во всѣхъ колоннахъ назначены резервы по два баталіона, въ сравненіе того первой и второй колоннамъ слѣдуетъ быть по три баталіона; въ резервахъ же у первой два баталіона Фанагорійскіе, у второй третій баталіонъ Екатеринославскаго и четвертый баталіонъ Бѣлорусскаго егерскихъ корпусовъ. Конныхъ резервовъ Ризано три, въ каждой по два эскадрона, и того шесть эскадроновъ; но какъ еще остается пять эскадроновъ, то онымъ тремъ состоять изъ 10 эскадроновъ, а одинъ при вагенбургѣ.

Г. бригадиръ и кавалеръ Орловъ имѣетъ вновь учрежденную колонну къ приступу, и потому оставшими козаками командуетъ полковникъ Сычевъ.

Командиръ всѣхъ резервовъ г. бригадиръ и кавалеръ Вестфаленъ исполняетъ по диспозиціи. Обозъ построить въ вагенбургѣ за четыре версты, въ закрытомъ мѣстѣ.

Гласиса нѣтъ, тако отъ наружной черты рва (которую паче главнымъ начальникамъ съ присутствіемъ духа рекогносировать) лягутъ всѣ колонны тихо въ трехъ стахъ саженяхъ, учредя на то карманные часы равнообразно, дабы единовременно на крѣпость напасть по данному сигналу, который послѣдуетъ въ *пять* часовъ. Хотя всю ту ночь употребить на внушеніе мужества и твердыхъ мѣръ къ успѣхамъ; но на сказанную линію не иначе приступить и тихо, какъ до опредѣленнаго времени, примѣрно прежде четверти часа, соразмѣряя излишнее положеніе равнообразно въ разстояніи частей войскъ, и чтобы людей не удручить медленіями къ пріобрѣтенію славы; согласно размѣру сему въ дѣйствіяхъ эскадръ по ихъ вооруженію. Какъ въ оной сказано о канонадѣ изъ флотиліи на каменную батарею и другіе пункты, оную открыть въ полдень, продолжать до вечера.

Для обезпеченія фланговъ обѣихъ атакъ батарей, подвинуть восемь лансоновъ у правой атаки, Запорожскія лодки у лѣвой атаки въ надлежащую дистанцію.

Два баталіона Херсонскіе опредѣляются въ резервъ за пятою колонною г-на генералъ-маіора и кавалера Голенищева-Кутузова.

Полоцкой баталіонъ присоединить къ 4-й колоннѣ въ резервъ, гдѣ и будетъ два баталіона въ резервѣ.

За всемъ тѣмъ сколько положено къ атакѣ и штурму казаковъ, остается оныхъ до 6,000 безъ дѣйствія, и дабы облегчить третію и четвертую колонны штурма, полагается средняя колонна къ Бендерскимъ воротамъ между 3 и 4 колоннъ.

Козаковъ Донскихъ, бригады г-на бригадира и кавалера Орлова, 2,000. Командиръ сей колонны г. бригадиръ Орловъ. Впереди колонны идетъ подполковникъ и кавалеръ Иванъ Грековъ съ его отборными козаками 150 человѣкъ. Въ резервъ позади колонны подполковникъ Соболевскій съ арнаутами. Въ колоннѣ по флангамъ нести пяти съ половиною саженныхъ шесть лѣстницъ; за тѣми шесть сотъ семи-футовыхъ фашинъ, за ними 50 человѣкъ съ топорами и лопатками на половину, и затѣмъ колонна 1,500 человѣкъ. Въ резервѣ имѣютъ 500 козаковъ, наполня фашинами ровъ, по длинѣ въ двѣ фашины, опускаются по оной, приставя лѣстницы къ крѣпости вала, по коимъ всходятъ на куртину, имѣя съ пра-

вой руки вблизи Бендерскія ворота, а взошедъ на валъ, принимаютъ на лѣво въ помочь четвертой колоннѣ.

Въ 5-ю колонну волонтеровъ подполковника и кавалера Никорипы до 100 человѣкъ. Полкъ казачій съ части г-на бригадира и кавалера Платова.

Арнаутъ, изъ Галаца пришедшихъ, опредѣлить къ 3 колоннѣ г-ну генералъ-маіору и кавалеру Мекнобу съ секундъ-маіоромъ Фалкенгагеномъ.

У колоннаго командира воля не отнимается употреблять свой резервъ, по лѣстницамъ или въ ворота, какъ по надобности, и отсылать къ другой колоннѣ.

Для примѣчанія военныхъ дѣйствій по особливому искуству опредѣляется г. камеръ-геръ графъ Чернышевъ; для журнала и абриса должны при немъ находиться по выбору его, именно: оберъ-квартирмейстеръ баронъ Каленбергъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 5, ординарцъ-офицеровъ 3, ундер-офицеровъ изъ конныхъ 6, козачій старшина одинъ, козаковъ въ конвой и для посылокъ 24.

Кіевскаго карабинернаго полку г. полковникъ Гудовичь опредѣляется во вторую колонну подъ командою г-на генералъ-маіора и кавалера Лассія.

Въ третію колонну подъ команду г-на генералъ-маіора и кавалера Мекноба опредѣляется г. полковникъ принцъ Филипсталь.

Г. бригадиръ Рибопіеръ имѣетъ быть при пятой колоннѣ подъ командою г-на генералъ-маіора и кавалера Кутузова.

Артиллеріи г. генералъ-маіоръ Ртищевъ по его званію главной надъ всѣми батареями и дѣйствіемъ артиллеріи при атакѣ.

При первой колоннѣ г-на генералъ-маіора и кавалера Львова имѣть 250 фашинъ семи-футовыхъ.

Всѣмъ казакамъ, опредѣленнымъ къ штурму, имѣть короткіе дротики для способнѣйшаго дѣйствія оными.

Когда велѣно будетъ произвести *есмотацію* командующему корпусами отъ шести мѣстъ: первая начиная отъ г-на генералъ-поручика и кавалера Потемкина, вторая отъ корпуса г. генералъ-поручика и кавалера Самойлова, третья въ той же части отъ г-на генералъ-маіора и кавалера Кутузова, четвертая отъ батареи на островѣ, шестая отъ гребной флотиліи.

Ракетами пріучать бусурманъ, пуская оныя въ каждую ночь во всѣхъ частяхъ предъ разсвѣтомъ.

Въ диспозиціи сказано, чтобы предъ послѣдующимъ утромъ сдѣлать смѣну; лучше смѣну дѣлать на вечеръ предъ штурмомъ, и

въ послѣдній вечеръ на батарею въ право головный баталіонъ правой колонны, второй колонны первой баталіонъ, дабы уже колонна, выступя изъ лагеря, къ онымъ примкнула.

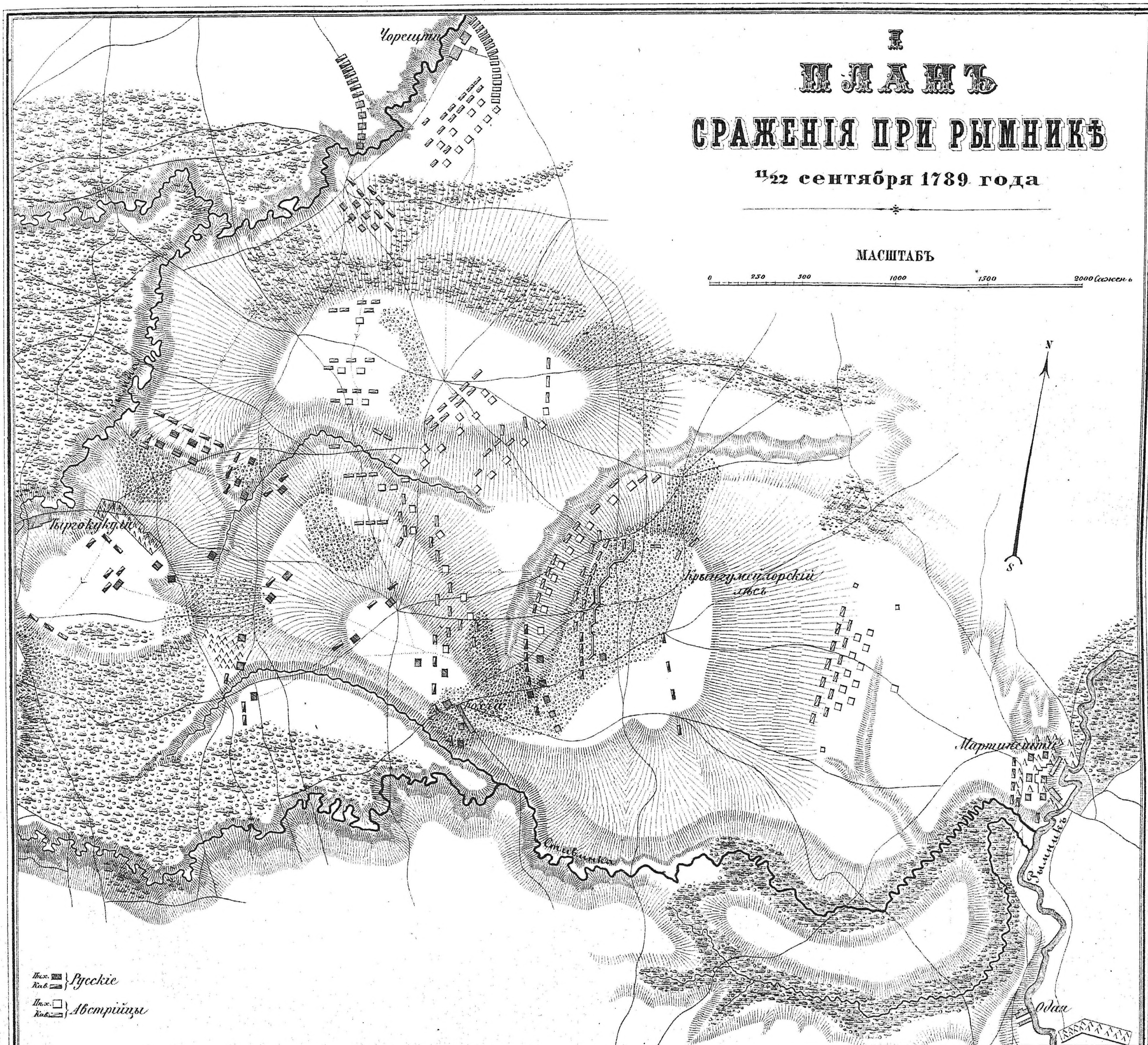
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

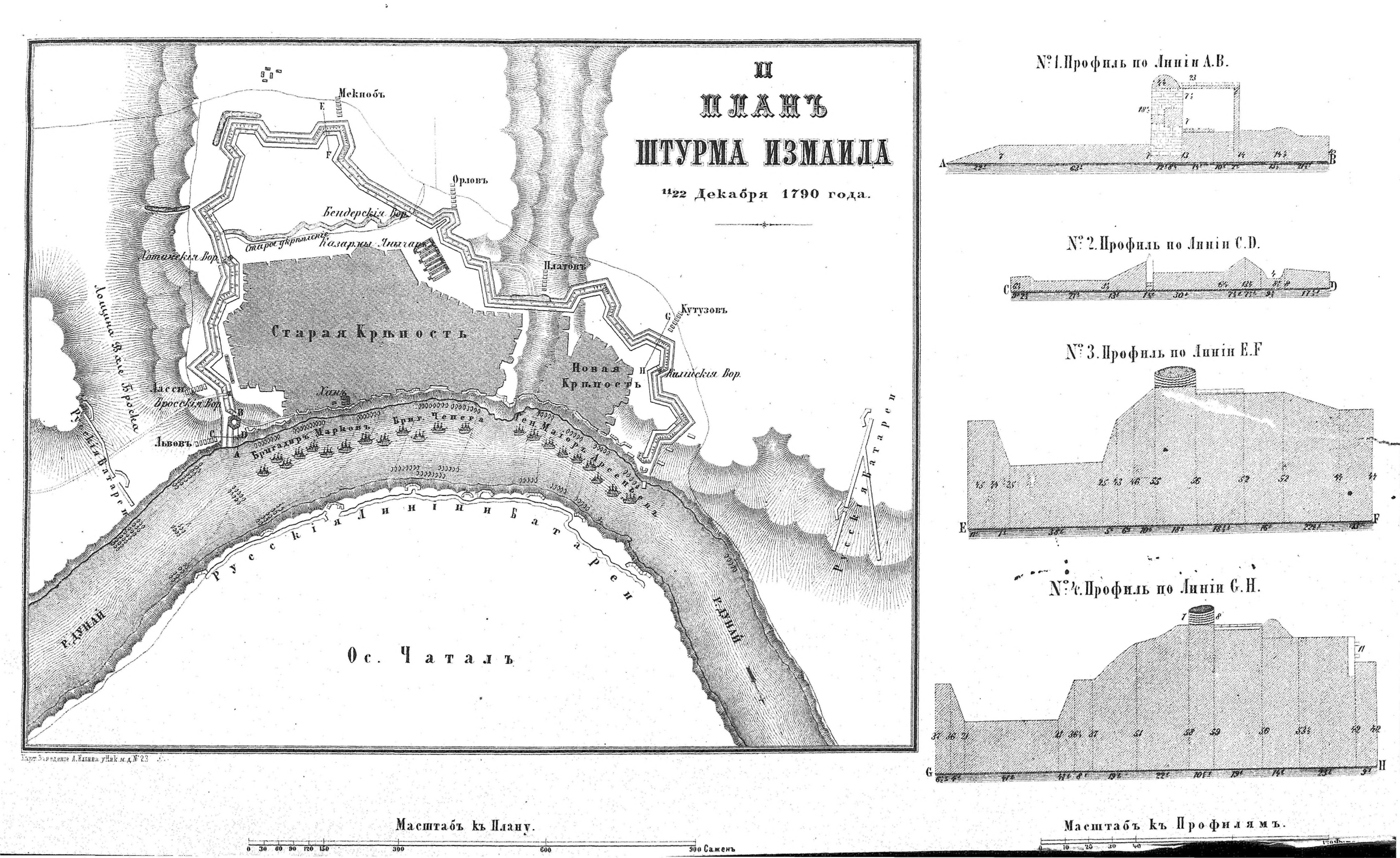
ОПЕЧАТКИ.

—

стр.	строка.	Напечатано:	*Должно быть:*
1	7 и 8 снизу,	генералъ-лейтенанта.	генералъ-поручика.
2	1 —	поября	ноября
4	2 —	пзъ	изъ
5	2 сверху,	отцамъ,	отцамъ
—	5 снизу,	занимала	занимала
6	11 и 12 сверху,	преодоленія	*преодолѣнія*
7	1 снизу,	человѣкъ	человѣкъ.
12	14 и 15 —	предводительствованіе	предводительствованіе,
13	11 —	сратегическомъ	стратегическомъ
14	3 —	воспользовался	воспользовался,
18	3 —	престолъ,	престолъ,
21	13 сверху,	а съ нее–то	*а съ нея–то*
—	3 снизу,	автора	автора—
—	1 —	переводѣ	переводѣ.
22	5 и 6 —	выраженосо всѣмъ	выражено совсѣмъ
23	7 —	жить, не къ	жить не къ
32	3 —	многочисленные рѣки	многочисленныя рѣки
35	13 сверху,	онѣ были	*они были*
36	11 снизу,	противъ нее	противъ нея
40	17 —	честі о;	честію;
—	15 —	твердость съ	твердость, съ
45	19 —	па всѣхъ	на всѣхъ
48	7 —	русскихъ,	Русскихъ,
54	20 —	Русскихъ Но	Русскихъ. Но
—	12 —	русскихъ	Русскихъ
66	5 —	писалъ	писалъ
75	2 сверху,	Престлъ	Престолъ
—	4 —	каждоедеспотическое	каждое деспотическое
—	6 —	но осли	но если
80	4 снизу,	самым ъ	самымъ
84	8 и 9 сверху,	на значенъ	назначенъ
91	6 снизу,	п Монаршей	и Монаршей
92	1 —	ядеръ Это	ядеръ. Это
95	1 —	Турокъ,	Турокъ;
107	10 и 11 сверху,	двнженія	движенія

116	4	сверху,	нязначеніе	назначеніе—
119	7	снизу,	Яицкъ, былъ	Яицкъ былъ
121	18	сверху,	рѣшился, планъ	рѣшился,—планъ
125	9	сверху,	отъ него,	отъ него,—
134	14	—	изъ за ширмъ,—	изъ-за ширмъ,—
135	13	снизу,	орпгиналь-	оригиналь-
—	10	—	незамѣченными—	незамѣченными,—
145	18	—	бичь	бпчъ
154	6	сверху,	нерадѣть	не радѣть
157	10 и 11	—	Прутскато	Прутскаго
163	2	снизу,	(Mém oires	(Memoires
165	12	сверху,	но́ все	но все
168	2	—	рону!»—	корону!»—
173	6	снизу,	тѣже	тѣ же
176	15	—	солда́тали,	солдатами,
184	8	снизу,	(21 версту)	(28 верстъ)
187	8	—	а тиллерійсту,	артиллеристу,
194	11	—	бывало бы,	бывало,
210	4	—	друіими;	другими;
229	7	сверху,	23 сент. (3 окт.)	22 сент. (3 окт.)
231	17	—	произносимыъ	произносимымъ
247	16	снизу,	словомъ, «иду,»	словомъ—«иду,»
248	11	—	рѣчку были	рѣчку, были
252	13	сверху,	которые	которыя
—	17	снизу,	а обойдя,	и обойдя,
258	11	—	отступить, отъ	отступить отъ
261	8	сверху,	(8 августа,)	(8 августа),
270	3	—	по легкому скату	по легкому подъему
285	16	сверху,	обрамъ	образомъ
304	13	снизу,	пруской	прусской
308	8	сверху,	настойчивосси	настойчивости
311	2	—	армiи	армія
313	2	—	*илн*	*или*
314	18 и 19	—	соединить- съ	соединиться съ
333	5	снизу,	должепъ	долженъ
347	1	—	колько	сколько
357	13	—	близь рва	близъ рва


I
ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ РЫМНИКѢ
11/22 сентября 1789 года
МАСШТАБЪ
0 250 500 1000 1500 2000 Саженъ
N
S
Чорещти
Тыргокукули
Крынгумейлорскій лѣсъ
Мартинешти
Рымникъ
Одая
Пѣх.
Кав.
Русскіе
Пѣх.
Кав.
Австрійцы



II
ПЛАНЪ
ШТУРМА ИЗМАИЛА
11/22 Декабря 1790 года.
Мекнобъ
Орловъ
Бендерскія Вор.
Старое укрѣпленіе
Казармы Янычаръ
Хотинскія Вор.
Платонъ
Кутузовъ
Старая Крѣпость
Новая Крѣпость
Килійскія Вор.
Лосьина Вале Броска
Ласси
Бросскія Вор.
Львовъ
Хинъ
Бригадиръ Марковъ
Бриг. Чепега
Ген. Маіоръ Арсеньевъ
Русскія Батареи
Русскія Линіи и Батареи
Р. Дунай
Ос. Чаталъ
Карт. Заведеніе А. Ильина у Ник. м. д. № 23
№ 1. Профиль по Линіи А.В.
№ 2. Профиль по Линіи С.D.
№ 3. Профиль по Линіи Е.F
№ 4. Профиль по Линіи G.H.
Масштабъ къ Плану.
0 30 60 90 120 150 300 600 900 Саженъ
Масштабъ къ Профилямъ.
0 10 20 30 40